

Библиотека Русскихъ Писателей,
подъ общей редакціей профессора
===== Е. В. Личкова. =====

Н. А. ДОБРОЛЮБОВЪ.

II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧ. ГРАФИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА, БР. ЛУКШЕВИЦЪ.

5-Я РОЖДЕСТВЕНСКАЯ УЛ., № 44.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

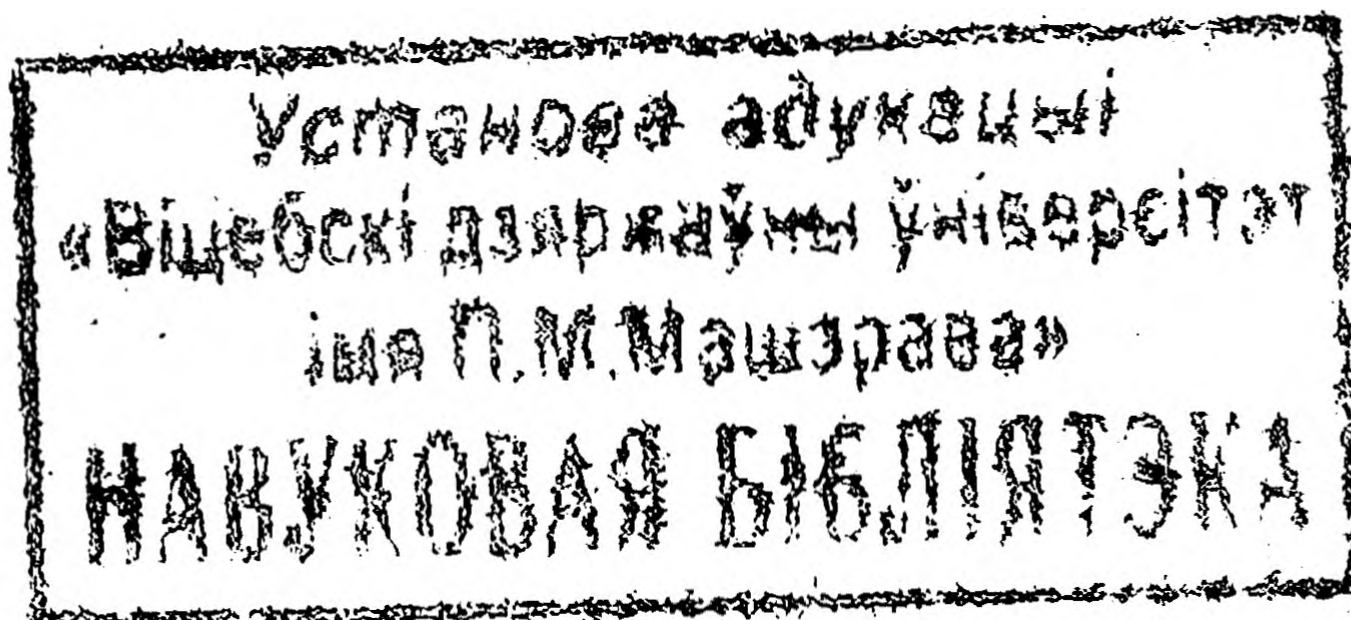
ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
Е. В. АНИЧКОВА.

Текстъ обработанъ по 1-ому изданію, по журналамъ
и рукописямъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

П. О. Каптеревъ. Общій характеръ педагогическихъ статей Н. А. Д—ва.

ПЕДАГОГИКА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Русское Книжное Товарищество „Дѣятель“.

499099c

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
П. Ѳ. Каптеревъ. Общій характеръ педагогическихъ статей Н. А. Д—ва. (Вступительный очеркъ)	1—18
Первые опыты:	
Очеркъ направленія іезуитскаго ордена	1
Критическое Обозрѣніе Педагогической литературы XIX столѣтія	39
О педагогическихъ журналахъ	44
Отчеты Главнаго Педагогическаго Института:	
Письмо къ директору Пензенской гимназіи	50
Описаніе Главнаго Педагогическаго Института въ нынѣшнемъ его состояніи	53
Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго Института.	60
Партизанъ И. И. Давыдовъ во время Крымской войны	74
По поводу педагогической дѣятельности Пирогова:	
О значеніи авторитета въ воспитаніи	84
Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова	115
Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ Собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ 17-го декабря 1858 г.	130
Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ Собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ 17 декабря 1859 г.	141
Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами	150
Отъ дождя да въ воду	185
Разныя педагогическія статьи:	
О приученіи дѣтей.	227
Учитель долженъ служить идеаломъ для учениковъ.	230
Мысли объ учрежденіи открытыхъ женскихъ школъ	233
Ученики съ медленнымъ пониманіемъ	252
Учительскіе экзамены въ Вюртембергѣ.	280

Обзоры дѣтской литературы:

Обзоръ дѣтскихъ журналовъ	286
Французскія книги	304

Отзывы на книги:

1858. Руководство къ изученію словесности Архангельскаго	319
Природа и люди. Книга первая. Вып. I	324
Первый шагъ Вороновой	326
Михайло Васильевичъ Ломоносовъ Новаковскаго	328
Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи вообще Лебедева	330
Ариеметика для дѣвиць Михельсона	332
Забавы для дѣтей перваго возраста	334
Праздничные досуги Петерсона	338
Приключенія маленькаго барабанщика	339
Школа. Вып. I.	343
Природа и люди. Книга вторая. Вып. II	357
Краткій указатель Горыгорѣцкихъ земледѣльческихъ учебныхъ заведеній	369
О необходимости построить науку о слогѣ на грам- матическихъ основаніяхъ Баева	370
Русская грамматика для полковыхъ унтеръ-офицер- скихъ школь и Упрощенная ариеметика	371
1859. Первое чтеніе и первые уроки для маленькихъ дѣтей Ишимовой	372
Маменькины уроки Ишимовой	374
Путешествіе съ дѣтьми по воёмъ странамъ свѣта. Восемь дней ваканціи. Разказы дѣтямъ. Избранныя волшебныя сказки.	375
О физическомъ воспитаніи дѣтей Массе	379
Совершенный человекъ. Сочиненіе К. Костанжогло	384
Исторія рыцарства. Сочиненіе Руа	387
Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній совре- менныхъ русскихъ писателей.	392
Записки Амишки.	394
Сорокъ повѣстей для дѣтей.	394
Картинки изъ естественной исторіи. Вып. I. Сочиненіе А. Мар—ва.	395
Золотой цвѣтокъ	396
Бесѣды съ дѣтьми. Ч. I. Пчельниковой	397
Practischer Leitfaden zum Erlernen der russischen Sprache, bearb. von J. Pihlemann	399
Басни и баснописцы русскіе	404
Учебникъ русскаго языка для уѣздныхъ училищъ, сост. Ив. Соснецкимъ	408

Краткая Священная Исторія ветхаго завѣта	411
Древня	412
Бесѣды съ дѣтьми. Ч. II, III, IV	418
Краткое изложеніе русской исторіи. Составилъ Н. Тимаевъ.	420
Учебная книга русской исторіи. Соч. Сергѣя Со- ловьева. В. I и II	424
Учебная книга русской исторіи. Сочиненіе Сергѣя Соловьева. В. I. Краткое изложеніе русской исто- ріи. Составилъ Н. Тимаевъ	428
Александръ Васильевичъ Суворовъ. Сочиненіе В. Но- ваковскаго. Чтеніе для юношества. Алексѣй Ва- сильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія . . .	434
Основные законы воспитанія. Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы Н. А. Миллеръ-Красовскій	437
Природа и люди. Книга вторая. Вып. I	453
Этимологическій курсъ русскаго языка. Опытъ грам- матики русскаго языка.	456
Краткое изложеніе элементарныхъ наукъ въ раз- сказахъ для простолюдиновъ. Сост. В. Лапинымъ	466
Искусство пріобрѣтать и сохранять до глубокой старости превосходную память. Соч. Эвальда Гартенбаха	473
Объ училищахъ для дѣвицъ въ уѣздныхъ городахъ	474
Стихотворенія для дѣтей отъ младшаго до стар- шаго возраста. Соч. Б. Ѳедорова.	475
Курсъ всеобщей исторіи для воспитанницъ благород- ныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій, составл. В. Шульгинымъ. Руководство все- общей исторіи. Сост. И. Шульгинымъ.	481
Курсъ всеобщей исторіи, доктора Георга Вебера.	
Курсъ всеобщей исторіи, сост. В. Шульгинымъ	492
Уроки естественной исторіи, сост. Ходецкимъ.	
Естественная исторія для женскихъ учебныхъ за- веденій А. Горизонтова	494
Варианты.	504
Примѣчанія.	505

Объясненіе знаковъ.

[] Обозначаетъ мѣста, не пропущенныя цензурой въ *Современникѣ* и варианты.

| | Обозначаетъ редакторскія вставки.

АЛФ. = Архивъ Литературнаго Фонда.

АЛФПБ. = Часть АЛФ., находящаяся въ Публичной Библиотекѣ.

Сп. Ч. = Списокъ, составленный Н. Чернышевскимъ.

Сп. Чум. = Списокъ, сост. редакторомъ *Журнала для воспитанія*, А. А. Чумиковымъ.

Сп. П. = Дополнительный списокъ О. П. Паульсона.

Сп. Ш. = Списокъ студенч. работъ сост. М. И. Шемановскимъ.

Общій характеръ педагогическихъ статей Н. А. Добролюбова.

Исторія русской литературы свидѣтельствуесть о такомъ явленіи, что выдающіеся критики были вмѣстѣ и педагогическими писателями: Бѣлинскій, Добролюбовъ, Чернышевскій, Писаревъ, Шелгуновъ, Михайловскій въ своихъ произведеніяхъ нерѣдко затрогивали педагогическіе вопросы. Одинъ критикъ больше погружался въ педагогику, другой—меньше, но ни одинъ ея не обошелъ. Причина понятна: педагогика глубоко врѣзывается въ общественные интересы и трудно критику-публицисту, каковое наименованіе принадлежитъ всѣмъ перечисленнымъ критикамъ, молчать о такихъ современныхъ явленіяхъ, которыя волнуютъ общество. Педагогика вообще не изъ спокойныхъ дисциплинъ, а по временамъ подлежащія ея вѣдѣнію проблемы пріобрѣтаютъ особенно острый характеръ, бываютъ жгучими.

Такъ какъ для критиковъ педагогія была не прямымъ и постояннымъ, а лишь косвеннымъ и болѣе или менѣе случайнымъ предметомъ занятій, такъ сказать, сбоку припекой, то у нихъ нѣтъ стройнаго систематическаго изложенія педагогическихъ ученій, а встрѣчаются, хотя и обширныя подчасъ, разсужденія по случаю, въ рецензіи на книгу, по поводу какого либо явленія, отчета и т. п. Предоставляется любителямъ системъ и историкамъ педагогіи извлекать изъ ихъ разрозненныхъ, случайныхъ статей связное педагогическое построеніе. Нѣсколько иной характеръ носятъ педагогическія статьи Добролюбова. Для оцѣнки и надлежащаго пониманія ихъ внутренняго характера, нужно сопоставить педагогическіе взгляды Добролюбова съ педагогическими идеями его предшественника В. Г. Бѣлинскаго.

Педагогика.

Бѣлинскій намѣчалъ и проповѣдывалъ широкое педагогическое міровоззрѣніе идеалистическаго характера. Воспитаніе имѣетъ большое вліяніе на судьбу человѣка, для большинства оно „все—и жизнь и смерть, спасеніе и гибель“. Оно имѣетъ въ виду образованіе не ремесленника, не поэта, не чиновника, а человѣка. „Главная задача человѣка во всякой сферѣ дѣятельности,—быть человѣкомъ“. Поэтому цѣлью воспитанія онъ ставилъ человѣчность, а орудіемъ и посредникомъ воспитанія признавалъ любовь. Подъ человѣчностью же онъ понималъ живое соединеніе въ одномъ лицѣ тѣхъ общихъ элементовъ духа, которые равно необходимы для всякаго человѣка, какой бы онъ ни былъ націи, какого бы ни былъ званія, состоянія, въ какомъ бы возрастѣ жизни и при какихъ бы обстоятельствахъ ни находился, безъ которыхъ онъ не человѣкъ. Доступность всякому человѣческому чувству, всякой человѣческой мысли, смотря по глубинѣ природы и степени образованія каждаго—вотъ человѣчность. Существенное средство для развитія человѣчности — устраненіе препятствій и помощь самостоятельности ума и воли дитяти. Обязанность разумнаго воспитанія—разгадать самобытную сущность ребенка, его подлинную творящую волю, всячески способствовать ея полному разумно-дѣятельному проявленію. Воспитаніе не перерождаетъ человѣческую природу, а только помогаетъ природѣ. „Воспитаніе можетъ сдѣлать человѣка худшимъ, исказить его натуру; лучшимъ оно его не дѣлаетъ, а только помогаетъ дѣлаться“. Поэтому воспитаніе должно быть проникнуто уваженіемъ къ человѣческой личности въ ребенкѣ, давать просторъ развитію индивидуальности.

Хотя Бѣлинскій требовалъ отъ воспитанія развитія всѣхъ природныхъ даровъ воспитываемаго, чтобы онъ сталъ человѣкомъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова; хотя онъ видѣлъ полноту и совершенство человѣческой природы въ органическомъ единствѣ ума и чувства при правильномъ и полномъ развитіи той и другой способности человѣческой души; но допускалъ возможность, согласно съ характеромъ того или другого возраста, поставленія на первый планъ той или другой стороны его природы. Поэтому онъ полагалъ, что центръ тяжести всего семейнаго воспитанія лежитъ въ

Вступительный очеркъ.

правильномъ развитіи чувства вообще и нравственнаго въ частности. Какъ въ дѣлѣ познанія чувство предшествуетъ разсудку, и кто не почувствовалъ истины, тотъ не пойметъ ея, такъ и въ воспитаніи ребенка сначала нужно развивать его чувства, а потомъ уже разсудокъ. Пока питомецъ—дитя, слѣдуетъ предоставить ему вполне наслаждаться первоначальнымъ раемъ непосредственной полноты бытія, чистой младенческой радостью, источникъ которой есть простодушное единство съ природой и дѣйствительностью.

Само дитя отличается непосредственностью своей природы, а все непосредственное яснѣе понимаетъ и понимается чувствомъ, инстинктомъ, нежели умомъ. Нарушать это простодушное, непосредственное созерцаніе и настроеніе дитяти слишкомъ рано нѣтъ основаній, такъ какъ оно именно сообщаетъ дѣтству гармонію и поэзію жизни. Раннее же развитіе разсудка губитъ въ сердцѣ дѣтей пышный цвѣтъ чувства и выращиваетъ пырей и бѣлену резонерства. Ребенокъ не можетъ мыслить отвлеченно и логически; дѣтскій умъ, питаемый отвлеченностями, вмѣсто живыхъ явленій природы и жизни увидитъ только однѣ мертвыя формы, лишеныя духа и разума. Вообще нужно очень осторожно относиться къ развитію въ дѣтяхъ разсудка, не увлекаться этой стороной дѣла, изъ опасенія сдѣлать изъ дѣтей „маленькихъ старичковъ“. Если мы примемъ еще во вниманіе, что Бѣлинскій высоко ставилъ развитіе эстетическаго чувства въ дѣтяхъ и еще выше — чувства безконечнаго, служащаго основаніемъ высокаго идеалистическаго настроенія дѣтскаго и юношескаго возрастовъ каждаго почти человѣка, то мы должны будемъ признать его педагогику гуманно-идеалистической, съ преобладаніемъ элементовъ чувства надъ разсудочностью, особенно въ первый воспитательный періодъ, до школы ¹⁾.

Добролюбовъ былъ человѣкъ совсѣмъ другого склада, чѣмъ Бѣлинскій: онъ былъ вообще реалистъ и аналитикъ, съ

¹⁾ Педагогическихъ вопросовъ Бѣлинскій касается въ цѣлой массѣ статей, по подсчету нѣкоторыхъ, болѣе чѣмъ въ 100 статьяхъ. Наиболее полно и ярко свои педагогическіе взгляды Бѣлинскій высказалъ въ статьяхъ о сказкахъ Гофмана и Вл. Одоевскаго (Дѣдушки Ириней) и „Двѣ дѣтскія книжки“ (1840 г.).

большою склонностью не къ паедосу и идеализму, а къ ироніи и вышучиванью, защитникъ ранняго развитія въ дѣтяхъ разсудочности, бравшій изъ педагогіи темы весьма реальныя и практичныя.

Интеллектуалистическій характеръ педагогическихъ воззрѣній Добролюбова выраженъ имъ совершенно опредѣленно въ нѣсколькихъ статьяхъ. По его мнѣнію, всѣ дурныя и хорошія чувства и страсти наши находятся въ полной зависимости отъ степени развитія и отъ здоровья или нездоровья нашего мозга. Развитие симпатическихъ чувствованій вмѣстѣ съ образованностью и преобладаніе эгоистическихъ при невѣжествѣ — извѣстно всякому. Старанія многихъ воспитателей дѣйствовать на сердце дитяти, не внушая ему „здравыхъ понятій“, совершенно напрасны. Всякое чувство, прежде своего отраженія въ сердце, должно явиться въ мозгу, какъ мысль, какъ сознаніе впечатлѣнія, и уже оттуда подѣйствовать на организмъ и проявиться въ біеніи сердца. Слѣдовательно, на чувство надобно дѣйствовать посредствомъ мысли. Только та доброта и благородство чувствованій совершенно надежны и могутъ быть истинно полезны, которыя основаны на твердомъ убѣжденіи, на хорошо выработанной мысли. Иначе нѣтъ никакого ручательства за нравственность человѣка съ добрымъ сердцемъ, а тѣмъ менѣе за полезность его для другихъ; вспомнимъ, что услужливый медвѣдь опаснѣе врага. При воспитаніи развитіе чувства является само собою, если только умственные воспріятія правильны, послѣдовательны и ясны. Что касается воли, то она также есть результатъ дѣятельности ума. Справедливо замѣчено, что „всякій преступникъ есть прежде всего худой счетчикъ“. Всѣ дѣйствія воли обусловливаются и даже неизбежно производятся тѣмъ запасомъ знаній, какой скопился въ нашемъ мозгу, и той степенью раздражительности, какую имѣютъ наши нервы ¹⁾. „Не лучше ли съ самыхъ первыхъ лѣтъ пріучать ребенка къ разумному разсужденію, чтобы онъ какъ можно скорѣе пріобрѣлъ умѣнье и силы не слѣдовать

¹⁾ Органическое развитіе человѣка въ связи съ его умственною и нравственною дѣятельностью. (Разборъ книги Шнелля). *Совр.* 1858, V; статья эта, какъ не только педагогическая, отнесена въ серію Публицистика, см. т. VII наст. изд. *Ред.*

Вступительный очеркъ.

нашимъ приказаніямъ, когда мы приказываемъ дурно?"¹⁾ Вооружаясь противъ ученія нѣсколькихъ современныхъ ему педагоговъ о необходимости требовать отъ дѣтей безусловнаго, слѣпого повиновенія, Добролюбовъ настаиваетъ на томъ, что не нужно дрессировать ребенка, какъ собаку, заставляя его выдѣлывать тѣ или другія штуки, по тому или другому знаку воспитателя. „Мы хотимъ, чтобы въ воспитаніи господствовала разумность, и чтобы разумность эта вѣдома была не только учителю, но представлялась ясною и самому ребенку. Мы утверждаемъ, что всѣ мѣры воспитателя должны быть предлагаемы въ такомъ видѣ, чтобы могли быть вполнѣ и ясно оправданы въ собственномъ сознаніи ребенка“²⁾. Воспитаніе должно стремиться сдѣлать человѣка нравственнымъ не по привычкѣ, а по сознанію и убѣжденію. Конечно, дѣти еще неразвиты настолько, чтобы ясно понимать свои обязанности, но въ томъ-то и состоитъ обязанность педагога, чтобы развить въ нихъ это пониманіе, для этого дѣти воспитываются. Прямой долгъ педагога—добиться, чтобы дѣти его понимали. Педагогъ для ребенка, а не ребенокъ для педагога: педагогу нужно приспособляться къ дѣтской природѣ, къ пониманію дѣтей, какъ врачъ приноравливается къ больному, какъ портной къ тому, для кого онъ шьетъ платье. Воспитатели должны обнаруживать болѣе уваженія къ человѣческой природѣ и стараться о развитіи, а не о подавленіи внутренняго человѣка въ своихъ воспитанникахъ.

А считать дѣтей неразумными существами нельзя. Разумности въ дѣтяхъ гораздо больше, чѣмъ предполагаютъ. Они очень умны и проницательны, хотя обыкновенно и не умѣютъ опредѣленно и отчетливо сообразить и высказать свои понятія. Они умѣютъ составлять понятія, понимаютъ связь между причинами и слѣдствіями, обнаруживаютъ большую логичность въ овладѣніи рѣчью: трехъ-четырехъ-лѣтнее дитя не слышало и половины тѣхъ словъ, которыя употребляетъ; оно само составляетъ и производитъ ихъ по образцу слышанныхъ, и производитъ почти всегда правильно. То же самое нужно замѣтить о формахъ: ребенокъ, не имѣющій понятія о грам-

1) О значеніи авторитета. Стр. 89 наст. тома.

2) Тамъ же, стр. 104.

матикъ, скажетъ вамъ совершенно правильно всѣ падежи, времена, наклоненія и пр. незнакомаго ему слова, ничуть не хуже, какъ вы сами сдѣлаете это, изучая, уже въ совершенномъ возрастѣ, какой-нибудь иностранный языкъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, по крайней мѣрѣ, способность къ наведенію и аналогіи, умѣнье классифицировать весьма рано развиваются въ дѣтяхъ. Если же позднѣе, при школьномъ обученіи, дѣти обнаруживаютъ непонятливость и тупость, то виноваты въ этомъ большею частью бываютъ сами взрослые, плохіе методы обученія, неумѣнье, а часто и нежеланье приспособиться къ особенностямъ дѣтскаго ума.

Вообще жалобы на неразумность дѣтей—чистѣйшая клевета неискусныхъ педагоговъ. Нужно вѣдь помнить, что не воспитаніе даетъ намъ разумность, такъ же какъ, напр., не логика выучиваетъ мыслить, не грамматика — говорить, не пѣніе — быть поэтомъ, и т. п. Педагогика, какъ и всѣ теоретическія науки, имѣющія предметомъ внутренній міръ чело-вѣка, можетъ ставить своей задачей только возбужденіе и проясненіе въ сознаніи того, что уже давно живетъ непосредственною жизнью, безсознательно и безотчетно. Пусть какой-либо педагогъ попытается воспитаніемъ сдѣлать обезьяну разумнымъ существомъ, и, въ случаѣ успѣха, весь міръ съ благоговѣніемъ преклонится предъ такой системой и по ней будетъ воспитывать своихъ дѣтей. Но этого сдѣлать нельзя, а потому нужно смиренно признать права разумности въ самой природѣ ребенка и не пренебрегать ею, а благоразумно пользоваться тѣми выгодами, какія она представляетъ.

Въ нравственномъ отношеніи, если дѣти не представляютъ идеала совершенства, то, по крайней мѣрѣ, они несравненно нравственнѣе взрослыхъ. Они не лгутъ (пока ихъ не доведутъ до этого страхомъ), они стыдятся всего дурного, они хранятъ въ себѣ святыя чувства любви къ людямъ, свободной отъ всякихъ житейскихъ предразсудковъ. Они сближаются съ сверстникомъ, не спрашивая, богатъ ли и знатенъ ли онъ; у нихъ замѣчена даже особенная склонность — сближаться съ обиженными судьбой, слугами и т. п. И чувства ихъ всегда выражаются на дѣлѣ, а не остаются только на языкѣ, какъ у взрослыхъ.

Вступительный очеркъ.

Поэтому свою статью „О значеніи авторитета“ Добролюбовъ счелъ возможнымъ закончить такимъ выводомъ о сущности воспитанія: „мы думаемъ — главное, что долженъ имѣть въ виду воспитатель, это — уваженіе къ человѣческой природѣ въ дитяти, предоставленіе ему свободнаго, нормальнаго развитія, стараніе внушить ему прежде всего и болѣе всего правильныя понятія о вещахъ, живыя и твердыя убѣжденія, заставить его дѣйствовать сознательно, по уваженію къ добру и правдѣ, а не изъ страха и не изъ корыстныхъ видовъ похвалы и награды“.

Указанный общій характеръ педагогическихъ взглядовъ Добролюбова опредѣляетъ и выясняетъ всю его педагогическую писательскую дѣятельность. Очевидно, что едва ли какое-либо ученіе могло вызывать большее нерасположеніе Добролюбова и болѣе противорѣчить его собственнымъ взглядамъ, какъ ученіе о слѣпомъ, безусловномъ повиновеніи, составляющемъ, якобы, основу и сущность воспитанія. Обсужденію и опроверженію этого ученія онъ посвятилъ двѣ большія статьи: „О значеніи авторитета“ и критику на сочиненіе Миллеръ-Красовскаго „Основные законы воспитанія“ (1859 г.). Въ первой статьѣ онъ подробно рассматриваетъ вредъ безусловнаго повиновенія для умственнаго развитія дѣтей, нравственнаго и воли. Пасторъ Зедергольмъ, который защищалъ это ученіе на страницахъ *Морского Сборника* (1856 г. № 14), приводилъ, между прочимъ, такое любопытное доказательство справедливости защищаемаго имъ ученія: „усиліе, которое дѣлаетъ дитя, чтобы преодолѣть собственную волю и подчинить ее чужой, развиваетъ его нравственно. Этимъ однимъ возбуждается въ душѣ его первое проявленіе нравственности, первая нравственная борьба, и только съ нея начинается собственно человѣческая жизнь. А отъ безпрестаннаго упражненія въ этой борьбѣ силы его воли укрѣпляются такъ, что онъ послѣ, когда его воспитаніе окончено, будетъ въ состояніи повиноваться самому себѣ и исполнять то, что разумъ и совѣсть требуютъ отъ него“. Добролюбовъ справедливо замѣчаетъ, что въ подобныхъ случаяхъ борьбы нѣтъ, а есть уступка безъ бою, что и ведетъ не къ укрѣпленію воли, а къ нравственному расслабленію. Нельзя же для развитія умственныхъ спо-

собностей постоянно говорить воспитаннику: не рассуждай и подчинениемъ чужому уму безъ рассужденийъ подготовляйся къ самостоятельному мышлению.

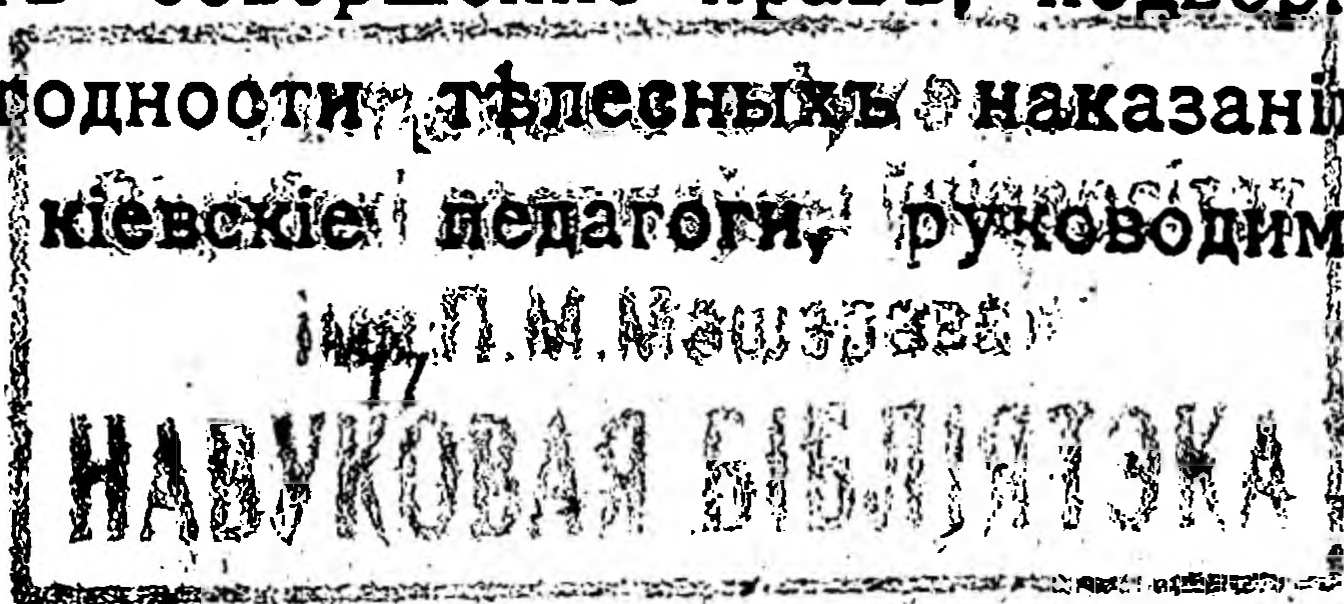
Теорія безусловнаго повиновенія, т. е. требованіе педагога отъ дитяти исполненія только того, чего я хочу, и только такъ, какъ я хочу, и только потому, что я хочу, особенно ярко и пространно была изложена Миллеръ-Красовскимъ въ вышеназванномъ сочиненіи, составляющемъ, по словамъ Добролюбова, такой позоръ нашему высшему образованію, болѣе котораго трудно сдѣлать. Главныя педагогическія положенія автора были таковы: „воспитаніе и образованіе, по формѣ и содержанію, ни что другое, какъ одно повиновеніе“. „Повинуясь, дѣти учатся любить“, — (но не наоборотъ). „Не рассуждай, а исполняй!“ — Миллеръ-Красовскій поясняетъ, что выясненіе дитяти причинъ приказанія есть въ сущности освобожденіе его отъ всякаго повиновенія, потому что убѣжденное дитя уже не слушается болѣе родителей, а причинъ и резонновъ, и, такимъ образомъ, только привыкаетъ резонировать; убѣжденное дитя повинуется не высшей волѣ, а „собственной самоугодной силѣ сознанія“, оно лишается необходимаго благоговѣйнаго чувства къ воспитателю, оно всю жизнь будетъ страдать. Конечно, нужно воспитывать дитя естественно, но только въ той мѣрѣ, какъ оно согласно съ законами св. церкви и отечества. Дисциплина налагается на насъ свыше, а потому вѣрующій человекъ уже не рассуждаетъ, почему онъ долженъ поступать такъ, а не иначе. А если онъ сумѣетъ заглянуть въ человѣческое сердце, то онъ найдетъ тамъ такъ много вреднаго и лишняго, что эта врожденная порча можетъ быть искоренима лишь одною строгою дисциплиною. Понятно, что Добролюбовъ обрушился на несчастнаго автора всѣми силами своей саркастической критики.

Такое же нерасположеніе должно было вызвать въ Добролюбовѣ и допущеніе тѣлесныхъ наказаній. Человекъ, видѣвшій сущность воспитанія въ привитіи дѣтямъ разумности, сознательности дѣйствій, требовавшій уваженія къ дѣтской личности и ея свободному развитію, заботившійся о созданіи дѣтьми убѣжденій, — какъ такой человекъ могъ отнестись къ допущенію тѣлесныхъ наказаній? Вѣдь они ничего не доказываютъ,

Вступительный очеркъ.

ни въ чемъ не убѣждаютъ, а только ко всему принуждаютъ, путая и разумъ, и совѣсть дѣтей, прививая имъ рабскія чувства. Если писатель человѣкъ искренній и располагаетъ печатнымъ органомъ для выраженія своихъ взглядовъ, то онъ долженъ отнестись къ проповѣди тѣлеснаго наказанія съ рѣшительнымъ и полнымъ отрицаніемъ. Такъ и поступалъ Добролюбовъ каждый разъ, какъ только встрѣчалъ въ печати защиту или простое допущеніе тѣлесныхъ наказаній,—съ такимъ противорѣчіемъ своимъ взглядамъ онъ ужиться не могъ. Въ 1857 году въ статьѣ „О значеніи авторитета“ онъ вообще высказался противъ всякихъ наказаній и наградъ; въ 1859 году, разбирая сочиненіе Миллеръ-Красовскаго, онъ рѣшительно заявилъ себя врагомъ тѣлесныхъ наказаній, жестоко осмѣявъ автора за его мѣры физическаго воздѣйствія въ воспитаніи; въ 1859 и въ 1860 годахъ, рассматривая рѣчи и отчеты, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ Наукъ инспекторомъ Киттары, онъ посмѣивался надъ Киттары, что тотъ прибѣгаетъ къ розгамъ то „въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда“ (въ 1859 г.), „то въ минуты отчаянія, минуты тяжелыя“ (въ 1860 г.); наконецъ, въ томъ же 1860 году и въ 1861 году онъ обрушивается въ двухъ статьяхъ („Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“ и „Отъ дождя да въ воду“) на Н. И. Пирогова за разрѣшеніе прибѣгать иногда къ розгамъ въ учебныхъ заведеніяхъ кіевскаго округа. Послѣднія двѣ статьи Добролюбова надѣлали много шума, но, когда онъ прежде писалъ на ту же тему противъ Миллеръ-Красовскаго и Киттары, шума не было. Очевидно, въ послѣднемъ случаѣ шумъ вышелъ собственно не изъ-за темы, не изъ-за отрицанія Добролюбовымъ тѣлесныхъ наказаній, а изъ-за личности, подвергшейся порицанію. Миллеръ-Красовскій никому не былъ извѣстенъ, Киттары былъ извѣстенъ только въ Москвѣ, а Пироговъ былъ уже всероссійской извѣстностью, когда на него напалъ Добролюбовъ.

Съ принципіальной стороны, въ теоретическомъ отношеніи Добролюбовъ былъ совершенно правъ, подвергая мнѣніе о педагогической пригодности тѣлесныхъ наказаній суровой критикѣ. Какъ скоро кіевскіе педагоги, руководимые Пиро-

говымъ, уцѣпились за розги, какъ за якорь спасенія, допустили ихъ дѣйствіе, хотя бы въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ, Добролюбовъ долженъ былъ напасть на нихъ и Пирогова по двумъ причинамъ: 1) допущеніе тѣлесныхъ наказаній рѣзко противорѣчило его взглядамъ, а такъ какъ онъ былъ лишь педагогическій писатель, а не педагогъ-практикъ, то разныя житейскія соображенія и потребность въ компромиссахъ ему были чужды, онъ рассуждалъ исключительно съ точки зрѣнія принципиальной; 2) раньше онъ нападалъ на защитниковъ тѣлесныхъ наказаній, какъ же ему было промолчать о кievскихъ педагогахъ и Пироговѣ? Это значило бы, что на войну съ мелкой сошкой онъ былъ храбръ, а какъ скоро противникъ — крупная величина, онъ почтительно молчитъ. Но не таковъ былъ Добролюбовъ, и прежнія статьи вынуждали его на походъ противъ кievскихъ педагоговъ и Пирогова.

Въ частности же, въ отношеніи лично къ Пирогову, Добролюбовъ писалъ нѣсколько неправильно, преувеличивъ сначала его вину. Оказалось, что Пироговъ, съ изданіемъ правилъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ по кievскому округу, значительно ограничивавшихъ ихъ примѣненіе, не отказался отъ прежде заявленнаго имъ рѣшительнаго отрицанія ихъ педагогической цѣлесообразности при правильномъ воспитаніи. Если же, не смотря на такой взглядъ и вопреки ему, допустилъ ихъ на практикѣ, ограничивъ лишь значительно ихъ примѣненіе, то на это онъ былъ вынужденъ не какими либо теоретическими доводами, а чисто практическими соображеніями: 1) тѣлесное наказаніе полагалось гимназическимъ уставомъ, Высочайше утвержденнымъ, котораго попечитель округа измѣнить не могъ; 2) большинство коллегіи, обсуждавшей примѣненіе разныхъ педагогическихъ мѣръ въ округѣ, оказалось за розгу; 3) сколько могъ, Пироговъ сократилъ примѣненіе тѣлесныхъ наказаній на практикѣ. Всѣ эти доводы призналъ правильными во второй статьѣ („Отъ дождя да въ воду“) и самъ Добролюбовъ, заявивъ, что „противъ практической дѣятельности г. Пирогова, противъ его личности, мы рѣшительно ничего не имѣемъ“. Слѣдовательно, вопросъ снова переходилъ на принципиальную почву и состоялъ въ томъ, не могъ ли Пироговъ какъ нибудь рѣзче и опредѣленнѣе протестовать противъ при-

Вступительный очеркъ.

мѣненія тѣлесныхъ наказаній въ школахъ, чѣмъ какъ онъ сдѣлалъ, и не слѣдовало ли ему тщательнѣе и осторожнѣе редактировать свои правила о наказаніяхъ въ гимназіяхъ.

Вообще же нужно сказать, что Добролюбовъ много обязанъ Пирогову въ своей педагогической писательской дѣятельности. Его главнѣйшія педагогическія статьи („О значеніи авторитета“, „Рѣчи и отчеты Московской Практической Академіи“, „Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова“, „Все-россійскія иллюзіи“ и „Отъ дождя да въ воду“) неразрывно связаны съ именемъ и трудами Пирогова. Изъ педагогическихъ статей Добролюбова самая богатая содержаніемъ, положительными мыслями и взглядами, а не полемикой, первая — „О значеніи авторитета“. А о ней самъ Добролюбовъ говоритъ, что она представляетъ нѣсколько соображеній, на которыя наводитъ прекрасная статья Пирогова „Вопросы жизни“, что она есть болѣе частное развитіе „тѣхъ мыслей, которыя заключаются въ общихъ афористическихъ положеніяхъ г. Пирогова.“¹⁾ И дѣйствительно, главнѣйшія мысли этой добролюбовской статьи, выше изложенныя, суть только частное развитіе пироговскихъ идей о необходимости для правильнаго воспитанія выработки убѣжденій, развитія самосознанія, что наука составляетъ основу всего образованія и воспитанія, въ томъ числѣ и нравственнаго, что личность одинаково неприкосновенна и въ ребенкѣ, и въ взросломъ и т. п.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ крупныхъ статей, педагогическое наслѣдство, оставленное намъ Добролюбовымъ, заключается въ довольно большомъ количествѣ небольшихъ очерковъ и статей по разнымъ вопросамъ, помѣщавшихся имъ преимущественно въ *Журналъ для Воспитанія* Чумикова, и массѣ рецензій на школьные учебники, руководства, книги для чтенія, дѣтскіе журналы и вообще на сочиненія, соприкасающіяся съ педагогическою областью. Изъ произведеній перваго рода привлекаютъ къ себѣ вниманіе довольно значительныя по объему и содержанію очерки „Объ учрежденіи женскихъ школъ“ и „Ученики съ медленнымъ пониманіемъ“. О женскихъ школахъ Добролюбовъ написалъ по поводу открывшей-

¹⁾ См. начало этой статьи, стр. 85.

ся въ Петербургѣ частной школы г-жи Труба, названной „Атенеумъ“. Школа была учреждена по образцу французскихъ Атенеумовъ, которые Добролюбовъ расхваливаетъ. Тамъ особенно заботились объ умственномъ и нравственномъ развитіи ученицъ, заботились гораздо больше о пробужденіи ихъ самодѣятельности, чѣмъ о сообщеніи имъ полезныхъ знаній. Это важно потому, что у дѣвочекъ воспріимчивость живѣе, а степень внутренняго противодѣйствія внѣшнимъ вліяніямъ слабѣе, чѣмъ у мальчиковъ, слѣдовательно, онѣ легче могутъ терять самостоятельность сужденій и подчиняться чужимъ вліяніямъ и взглядамъ безотчетно и безсознательно. У дѣвочекъ преобладаютъ чувство надъ разсудкомъ и воображеніе надъ чистою памятью, а потому чрезвычайно важно заохотить дѣвицъ къ ученью, возбудить въ нихъ расположеніе и даже любовь къ предмету занятій. Въ Атенеяхъ никакихъ школьныхъ приманокъ и страховъ не полагалось: ни кокарды, ни красныя и черныя доски, ни похвальные листы, ни списки по достоинству, ни баллы не существовали. Такихъ женскихъ школъ желалъ побольше Россіи Добролюбовъ.

Въ очеркѣ „Ученики съ медленнымъ пониманіемъ“ содержится обстоятельное указаніе признаковъ, которые характеризуютъ медленнаго ученика по сравненію съ другими, и изложеніе тѣхъ особенностей въ приемахъ воспитанія и обученія, которыя должны быть присущи классу медленно развивающихся учениковъ въ отличіе отъ нормальнаго. Вся статья настолько содержательна, что съ пользою можетъ быть прочитана и современнымъ педагогомъ.

Въ разсматриваемомъ рядѣ очерковъ есть составленные по нѣмецкимъ книгамъ и содержащія изложеніе мыслей иностранныхъ авторовъ, которыя не вполне гармонируютъ съ педагогическимъ міровоззрѣніемъ Добролюбова. Таковы сужденія въ очеркѣ „О пріученіи дѣтей“ относительно требованія отъ дѣтей „строгаго, слѣпago повиновенія“, — хотя это сужденіе и высказано нѣмецкимъ авторомъ съ оговоркой, „чтобы не сдѣлать повиновенія дѣтей безсмысленнымъ“ — и вкорененія въ дѣтей учителемъ, „чего онъ хочетъ и требуетъ отъ дѣтей“, путемъ постояннаго повторенія того же, пока повторяемое не войдетъ въ природу дѣтей.

Вступительный очеркъ.

Отдѣлъ рецензій весьма обширенъ, въ немъ содержится свыше 60 отзывовъ о дѣтскихъ журналахъ, дѣтскихъ книгахъ, русскихъ и иностранныхъ, учебникахъ, руководствахъ, книгахъ для чтенія въ школахъ до „Краткой Священной Исторіи ветхаго завѣта“ (Кіевъ 1858 г.), „Ариѣметики для дѣвиць“ (СПБ. 1858 г.) и „Записокъ Амишки“ (СПБ. 1858 г.) включительно. Рецензіи эти по объему весьма различны, есть свыше печатнаго листа, есть въ полстраницы. Изъ рецензій для характеристики педагогическихъ взглядовъ Добролюбова имѣютъ значеніе упомянутыя выше двѣ: разборъ книги Миллеръ-Красовскаго „Основные законы воспитанія (СПБ. 1859 г.) и книги Шнеля „Органическое воспитаніе въ примѣненіи къ самообразованію и къ развитію здоровья питомцевъ“ (СПБ. 1857). Прочія же рецензіи имѣютъ лишь историческое значеніе для изучающихъ нашу дѣтскую и учебно-школьную литературу въ первое десятилѣтіе второй половины прошлаго столѣтія.

Есть у Добролюбова одна педагогическая статья, стоящая особнякомъ, отличающаяся отъ другихъ своимъ тономъ и построеніемъ. Это статья особенная, впервые печатаемая въ настоящемъ изданіи. Она стоитъ первой и называется „Очеркъ направленія іезуитскаго ордена, особенно въ приложеніи къ воспитанію и обученію юношества“. Эта статья есть доказательство справедливости добролюбовской педагогики отъ противнаго, есть добролюбовская педагогика на выворотъ. Сущность ея заключается въ томъ, что въ ней Добролюбовъ доказываетъ справедливость іезуитской педагогики, ея основныхъ положеній и взглядовъ.

Одинъ изъ самыхъ главныхъ догматовъ іезуитскаго ордена и іезуитской педагогики есть признаніе высшей пользы и душе-спасительности безусловнаго мертваго повиновенія: *perinde ac cadaver* (какъ трупъ). Все происходитъ по волѣ Божіей, разсуждали іезуиты; если Богу угодно, чтобы я что-нибудь сдѣлалъ, то Онъ возвыситъ меня на такую степень, на которой я буду вправѣ дѣлать, что самъ сочту нужнымъ; если же я не занимаю такой степени, значитъ Господь считаетъ меня недостойнымъ ея, и я долженъ повиноваться тѣмъ, которыхъ Онъ надо мной возвысилъ,—я долженъ считать справедливымъ и добрымъ все, что они мнѣ прикажутъ. Заповѣдь о

безусловномъ послушаніи Добролюбовъ называетъ „однимъ изъ главнѣйшихъ и благотворнѣйшихъ правилъ іезуитскаго ордена“. Соблазняться тѣмъ, что эти избранники Божіи бываютъ дурные люди, нечего: Богъ знаетъ, кого избираетъ для служенія себѣ и никогда не „предаетъ помазанника своего въ неискусенъ умъ творить неподобная“; а если и предастъ, на то Его святая воля; значитъ, Онъ хочетъ наказать или испытать насъ, и мы должны снести это съ терпѣніемъ и вѣрою въ Его премудрый промыслъ. Въ такомъ возрѣніи нельзя не видѣть глубоко справедливаго раздѣленія сана отъ лица. Мы сами такъ поступаемъ, сами держимся тѣхъ же убѣжденій: „недостатки священниковъ извѣстны всѣмъ, но предъ священствомъ всѣ благоговѣютъ; всѣ знаютъ, что царь—тоже человѣкъ, слѣдовательно, не изъять отъ общихъ человѣческихъ слабостей; но Онъ Божій помазанникъ, — и кто позволить себѣ отозваться о немъ безъ чувства благоговѣнія, кто, даже въ глубинѣ души своей, допустить мысль о томъ, чтобы то или другое Высочайшее распоряженіе могло быть несправедливо?“

Упрекали іезуитовъ за развитіе шпіонства, доносовъ, наушничества и т. п., но забывали, что іезуиты исходили въ данномъ случаѣ изъ идеи объ общемъ благѣ: всякій обязанъ дѣлать явнымъ, доносить, кому нужно, все, что только можетъ быть противно общему благу. Что же въ этомъ преступнаго? Неужели менѣе предательства будетъ, если изъ какихъ-либо личныхъ отношеній и расчетовъ, человѣкъ станетъ скрывать то, что считаетъ противнымъ своимъ убѣжденіямъ или общему благу? Въ такомъ случаѣ онъ тоже предатель — или самого себя или общества: „развѣ мы не имѣемъ въ своемъ государствѣ благотворнаго учрежденія, имѣющаго цѣлью сохранять тишину и порядокъ въ цѣлой странѣ неусыпнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями частныхъ лицъ и непубличнымъ доведеніемъ до свѣдѣнія правительства всего, что происходитъ въ умахъ народа? Еще болѣе: развѣ каждый вѣрно-подданный, при самомъ началѣ своей службы, не произноситъ священнаго обѣта: „служить помазаннику Божію, не щадя себя, до послѣдней капли крови, и доносить немедленно обо всемъ, что найдетъ съ пользами государя и государства несогласнымъ?“

Вступительный очеркъ.

Также легко и просто можетъ быть оправдана и другая мѣра, постоянно употреблявшаяся въ іезуитскихъ школахъ — возбужденіе соревнованія между учениками. Всюду кричали, что этимъ іезуиты сѣютъ ненависть между товарищами, раздоры, возбуждаютъ неестественную лихорадочную дѣятельность и т. п. Все это могло бы быть справедливо въ другомъ мѣстѣ, но не въ іезуитскихъ школахъ, въ нихъ ничего подобнаго не было. Іезуитамъ нужно было, чтобы ученіе шло успѣшно; это дѣло общее. Для достиженія общей цѣли есть прекрасное средство — соревнованіе. Они имъ и пользуются, не обращая никакого вниманія на то, что личность ученика можетъ при этомъ потерпѣть временное разстройство. Это дѣло частное, мелкое, это все пройдетъ, отдѣльная личность такъ ничтожна, что нечего и думать много о ея временномъ положеніи.

Разсматривая же общій духъ установленій іезуитовъ и ихъ дѣятельности, Добролюбовъ полагаетъ, что нельзя не признать, что они всегда были вѣрны „своимъ святымъ принципамъ“. Пусть говорятъ раціоналисты противъ іезуитскихъ принциповъ и ихъ дѣятельности, — имъ это простительно потому, что дальше земной жизни они ничего не видятъ: „но мы смотримъ иначе на дѣло. Правда, заключимъ мы, мысль имѣетъ мало простора въ іезуитскомъ воспитаніи, умъ развивается односторонне; но намъ и не нужно особеннаго разгула мыслей и особенно премудраго ума; „мы умъ Христовъ имамы“. Правда, іезуитизмъ подавляетъ личность, стѣсняетъ, умерщвляетъ; ученіе іезуитовъ останавливаетъ свободное развитіе, это есть смерть человѣчества. Но — „не оживемъ, аще не умремъ“, скажемъ мы словами апостола и охотно подвергнемся этой смерти душевной, которая должна послужить для насъ залогомъ духовной, небесной, вѣчной жизни. Къ достиженію этой-то жизни направлены всѣ стремленія, всѣ учрежденія іезуитовъ, и ихъ направленіе совершенно вѣрно и послѣдовательно.“

Опровергать какое-либо ученіе можно двоякимъ путемъ: или прямо приводить противъ него положительные доводы или же приводить доводы за это ученіе, но такіе, которые наивнымъ, якобы, образомъ вскрываютъ его недостатки и неблагоприятныя слѣдствія. Такъ именно, т. е. въ смыслѣ второго спо-

соба, и поступилъ Добролюбовъ въ статью объ іезуитахъ и ихъ педагогикѣ. Почему?

Добролюбовъ учился въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ и, будучи его воспитанникомъ, сотрудничалъ въ временныхъ изданіяхъ. На память о своей alma mater онъ оставилъ намъ разборъ нѣсколькихъ отчетовъ Главнаго Педагогическаго Института, изъ котораго мы можемъ ознакомиться съ организаціей заведенія, его порядками, отчасти съ постановкой въ немъ учебнаго дѣла и его исторіей. Еще во время своего студенчества въ Институтѣ, Добролюбовъ написалъ и статью объ іезуитахъ. Можетъ быть, онъ считалъ неудобнымъ въ то время почему либо прямо выступить противъ началъ іезуитской педагогики; можетъ быть, его соблазняло, — онъ любилъ всякія пародіи и иронію — то, что онъ нашелъ такую форму изложенія своихъ идей, которая, представляя совершенно ясно мысли, стремленія и направленіе автора, въ то же время являла его ревнителемъ не только что древняго благочестія, но іезуитской добродѣтели и набожности. Какъ бы то ни было, но явилось весьма любопытное произведеніе, очень благочестивое и благонамѣренное по буквѣ, но весьма ѣдкое и зло-насмѣшливое по духу и содержанію. Высмѣиваніе, столь явно чувствуемое въ этой благочестивой защитѣ іезуитской педагогики, характерно для позднѣйшей литературной дѣятельности Добролюбова.

Разсматриваемая статья интересна еще вотъ въ какомъ отношеніи: она изъ самыхъ раннихъ (если не первая) педагогическихъ статей Добролюбова, еще студенческая. А между тѣмъ въ ней мы встрѣчаемъ основы всей педагогической системы Добролюбова, только не въ прямомъ видѣ, а въ обратномъ, находимъ въ ней, какъ выше замѣчено, его педагогику наизуворотъ, отъ противнаго. Въ этой статьѣ Добролюбовъ уже опредѣленно высказывается противъ теоріи безусловнаго повиновенія, которую позднѣе онъ громилъ нѣсколько разъ; противъ насилія надъ личностью, указывая, какъ іезуиты употребляютъ неимоверные труды и заботы для привлеченія въ свой орденъ и удержанія въ немъ, но при этомъ — „ни малѣйшаго насилія, дѣйствующаго внѣшнимъ образомъ. Они все располагаютъ такъ, чтобы благодать Божія невидимо и вну-

Вступительный очеркъ.

тренно коснулась сердца челоуѣка и привела его на путь правды“; здѣсь онъ высказывается противъ подчиненія науки религіозному вѣроученію и вообще противъ мертваго воспитанія и обученія. Такимъ образомъ, прогрессивныя педагогическія взгляды Добролюбова начали формироваться еще на студенческой скамьѣ; они больше принадлежатъ ему, чѣмъ можно думать; его интересъ къ педагогикѣ есть, можетъ быть, интересъ болѣе серьезный, давній и глубокій, чѣмъ у другихъ критиковъ-публицистовъ. Не даромъ Добролюбовъ былъ воспитанникомъ Главнаго Педагогическаго Института и, какъ показываютъ его статьи, былъ знакомъ съ текущей педагогической литературой, русской и иностранной, былъ нѣсколько начитанъ въ ней. Можно утверждать, что его главная педагогическая статья—„О значеніи авторитета“—органически связана со статьей объ іезуитахъ и ихъ педагогикѣ, что первая статья имѣетъ свой корень во второй, была подготовлена ею.

Въ заключеніе мы можемъ высказать слѣдующій главный выводъ: первая основная мысль педагогики Добролюбова—что въ дѣтяхъ нужно уважать челоуѣческое достоинство и предоставлять имъ возможность свободнаго развитія, воспитаніемъ лишь помогая этому свободному развитію — есть та же, что основная мысль и педагогики Бѣлинскаго, а потомъ педагогики Писарева и Л. Н. Толстого. Эта мысль—главный догматъ того времени, той эпохи: раскрѣпощалась личность взрослыхъ, освобождалась отъ слѣпого, гнетущаго, механизировавшаго родительскаго и педагогическаго авторитета и дѣтская личность. Эта мысль рано возникла въ сознаніи Добролюбова—еще на студенческой скамьѣ. Когда Добролюбовъ писалъ свои педагогическія статьи, въ Россіи начиналась заря новой жизни. Другая его главная идея — о необходимости возможно ранѣе развивать разумъ дитяти и всѣмъ поступкамъ его сообщать сознательность, разумную убѣжденность — навѣяна была отчасти Пироговымъ, педагогика котораго въ сущности была также интеллектуалистическая, выдвигавшая самосознаніе, разумъ и науку на первый планъ, а отчасти эта мысль есть результатъ личнаго склада натуры самого Добролюбова — аналитика, ирониста, жившаго гораздо больше умомъ, чѣмъ чув-

ствомъ. Бѣлинскому, согласно съ его натурой, естественно было выдвинуть въ воспитаніи на первое мѣсто чувство, а Добролюбову, согласно съ его натурой, естественно было защищать первенство разума. Наконецъ, апологія дѣтства, написанная Добролюбовымъ въ статьѣ „О значеніи авторитета“, прямо роднитъ его съ Л. Н. Толстымъ (какъ педагогомъ), дѣлаетъ его предшественникомъ Толстого во взглядѣ на природу дѣтства и вытекающихъ изъ такого взгляда весьма важныхъ педагогическихъ слѣдствій.

Къ этому главному выводу, педагогическому въ тѣсномъ смыслѣ, нужно прибавить другой, болѣе широкій, относительно воспитательнаго вліянія всей дѣятельности Добролюбова на русское общество и особенно на русскую молодежь. Добролюбовъ хотѣлъ, чтобы молодежь прониклась твердымъ убѣжденіемъ въ необходимости воспитать изъ себя настоящихъ людей, не только увлекающихся красивыми словами и высокими идеями, но и непременно людей дѣла. Горе русское въ томъ, что мы много говоримъ, а мало дѣлаемъ, а между тѣмъ за періодомъ сознанія извѣстныхъ идей и стремленій долженъ слѣдовать періодъ ихъ осуществленія, за размышленіями и разговорами должно слѣдовать дѣло. Спрашивается теперь: „что же дѣлало наше общество въ послѣднія 20—30 лѣтъ? Покамѣстъ ничего“. („Когда же придетъ настоящій день“). „Общественная потребность дѣла, живого дѣла, начало презрѣнія къ мертвымъ принципамъ и пассивнымъ добродѣтелямъ выразились во всемъ строѣ новой повѣсти“ (разумѣется тургеневское „Наканунъ“). „А гдѣ у насъ люди, способные къ дѣлу? Гдѣ люди цѣльные, съ дѣтства охваченные одной идеей, сжившіеся съ ней такъ, что имъ нужно — или доставить торжество этой идеѣ, или умереть? Нѣтъ такихъ людей“ (тамъ же).

Къ сознанію такихъ-то людей „дѣла“ и взывалъ Добролюбовъ, въ эту сторону онъ и старался направлять русскую молодежь. Его критико-публицистическая дѣятельность имѣла въ виду не эстетическіе интересы, — „эстетическая критика, насмѣшливо замѣтилъ Добролюбовъ, сдѣлалась теперь принадлежностью чувствительныхъ барышень“, — а общественно-гражданскіе. Онъ разсматривалъ художественныя произведенія,

Вступительный очеркъ.

какъ отраженіе жизни, ея стремленій, сильныхъ и слабыхъ сторонъ ея и въ своей критикѣ пытался выяснить, что нужно русскому обществу, чего ему недостаетъ, куда ему идти. Девизомъ его общественно-гражданской критики было: будь хорошимъ общественникомъ, человѣкомъ разумнаго убѣжденія и энергичнымъ дѣятелемъ. Поэтому всякіе пошленькіе идеалы возбуждали въ немъ особенное негодованіе и ненависть, авторовъ ихъ и сѣятелей онъ считалъ долгомъ пригвоздить къ позорному столбу, не допуская ихъ погрузиться въ Лету тихомолкомъ.

Въ 1859 году нѣкто Ефимъ Дымманъ издалъ любопытную книгу для назиданія русскаго юношества подъ заглавіемъ „Наука жизни, или какъ молодому человѣку жить на свѣтѣ“. Свою „Науку“ авторъ основывалъ на трехъ главнѣйшихъ откровеніяхъ — угожденіи, умѣренности и трудѣ. Онъ внушалъ молодежи, что не только невозможно, но по самой строгой справедливости, нельзя не уважать того, у кого много средствъ къ жизни, потому что если онъ самъ приобрѣлъ „этихъ свидѣтелей ума“, то, нѣтъ сомнѣнія, онъ человѣкъ умный, а умныхъ людей нужно уважать. Если же средства къ жизни онъ получилъ по наслѣдству, то изъ уваженія къ его умному дѣду и прадеду, равно какъ и къ самымъ средствамъ, находящимся въ его распоряженіи, нельзя не уважать его. Угожденіе есть божественный даръ, небесный отводъ всѣхъ неудачъ и препятствій. Угождать нужно всѣмъ и каждому, съ кѣмъ имѣешь дѣло и съ кѣмъ, можетъ быть, болѣе не встрѣтишься, своему слугѣ, мужику — въ томъ святомъ убѣжденіи, что въ каждомъ человѣкѣ, каковъ бы онъ ни былъ, лучше припасти для себя доброе расположеніе, чѣмъ ненависть. Врагамъ своимъ нужно угождать вдвое, чтобы превратить ихъ въ друзей. Каждому юношѣ мудрый авторъ совѣтуетъ непременно завести книгу, въ которую вписывать по алфавиту имена и отчества всѣхъ начальниковъ, товарищей и знакомыхъ, чтобы, перечитывая ихъ отъ времени до времени, можно было cadaго называть по имени и отчеству, что будетъ очень учтиво и внимательно и чрезвычайно пріятно тѣмъ, кого будутъ такъ величать.

Объ общественномъ значеніи этой книги Добролюбовъ замѣтилъ: „этой цѣли (коренному измѣненію ложныхъ обще-

Педагогика.

ственныхъ отношеній) могутъ способствовать и творенія, подобныя книгѣ г. Ефима Дыммана: серьезно и добродушно, въ систематическомъ порядкѣ, съ убѣжденіемъ и даже паѳосомъ, излагаютъ они кодексъ отвратительной морали, при которой одной только и возможенъ житейскій успѣхъ въ современномъ обществѣ“. Такіе объявлялись во время Добролюбова руководители и воспитатели русской молодежи, съ такими врагами ему приходилось бороться. Признавая за ними извѣстный житейскій успѣхъ, Добролюбовъ все же стоялъ на томъ, что „теперь въ нашемъ обществѣ есть уже мѣсто великимъ идеямъ и сочувствіямъ, и что недалеко время, когда этимъ идеямъ можно будетъ проявиться на дѣлѣ“. („Когда же придетъ настоящій день?“)

П. Каптеревъ.

Статьи 1857–60
и
отзывы 1858–59 гг.

Первые опыты.

Очеркъ направленія іезуитскаго ордена, особенно въ приложеніи къ воспитанію и обученію юношества.

Іезуитская недобросовѣстность повсюду вошла въ пословицу; имя іезуита сдѣлалось почти синонимомъ названія мошенника. Противъ нихъ гремѣли всенародныя проклятія, устраивались тайныя интриги, издавались папскія буллы, предпринимались полицейскія мѣры, распространялись памфлеты, сочинялись сотни дискурсовъ, писемъ, мемуаровъ, съ бездною ученыхъ цитатъ и соображеній, съ глубиною истиннаго благочестія и съ негодованіемъ оскорбленной нравственности. На нихъ возставали и монахи, и свѣтскіе, — и православные, и протестанты, и католики, и короли, и республиканцы. Разобрали по ниточкѣ всю хитросплетенную сѣть ихъ ученія, вывели ихъ на свѣжую воду и въ романахъ, имѣвшихъ десятки изданій и переведенныхъ едва ли не на всѣ европейскіе языки, и въ драмахъ, возбуждавшихъ неистовство публики, и въ публичныхъ лекціяхъ, — за которыя брались самые отличные люди ученой Европы, одни изъ передовыхъ двигателей мысли и науки, — какъ, напр., Мишле... И все это понапрасну! Іезуиты до сихъ поръ здравствуютъ, пропагандируютъ какъ нельзя лучше, забираютъ въ свои руки будущее поколѣніе нѣкоторыхъ странъ западной Европы, и — вѣчно измѣняющіеся, но вѣчно тѣже, — являются безпрестанно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ никто и не расположенъ подозрѣвать

ихъ присутствія. Что же бы это значило? Неужели народы Европы такъ глупы, что послѣ всѣхъ указаній, послѣ всѣхъ обличеній, обращенныхъ на іезуитовъ даровитѣйшими людьми всѣхъ временъ новой европейской исторіи, — все еще не могутъ понять этого мрачнаго, вреднаго, безнравственнаго ордена?.. Неужели цѣлыя массы, жаждущія благочестія и просвѣщенія, такъ мало о немъ размышляютъ, что готовы поддаться первому обольстительному слову іезуита, не обращая вниманія на всѣ ужасы, какіе рассказываются объ этомъ ордена? Въ такомъ случаѣ Европа нынѣшняго времени стояла бы ниже, нежели наши дворянчики прошедшаго вѣка, ввѣрившіе образованіе своихъ дѣтей французскимъ кучерамъ и солдатамъ, — не въ состояніи будучи противиться обаянію французскаго діалекта... Нѣтъ, вѣрно — есть у іезуитовъ что-нибудь такое, что неотразимо влечетъ къ нимъ; вѣрно, есть у нихъ средства болѣе сильныя, чѣмъ обманъ и потворство; вѣрно, ихъ убѣжденія сильнѣе, чѣмъ всѣ памфлеты и разглагольствованія, ученія и романтическія, направленные противъ нихъ; словомъ, несмотря на все дурное, что старались приписать имъ, — вѣрно у нихъ много есть и хорошаго, и даже, вѣроятно, такъ много, что всѣ охотно прощаютъ за него все, что кажется дурнымъ у іезуитовъ и охотно забываютъ о существованіи этого дурнаго.

Написавши эти строки, я самъ въ первую минуту испугался ихъ смысла... Какъ! Искать хорошаго у іезуитовъ? Оправдывать лицемѣріе, безнравственность, подлость, словомъ — іезуитство? Брать на себя защиту людей, торжественно изобличенныхъ Паскалемъ, разбитыхъ въ пухъ и прахъ Эдгаромъ Кине и Мишле, выгнанныхъ отсюда, оставленныхъ и обвиненныхъ самимъ папою? Правда, это — страшная дерзость; но она находитъ себѣ нѣкоторое оправданіе въ фактахъ, которыхъ существованіе необходимо должно навести насъ на соображенія болѣе

спокойныя и примирительныя. Если уже признано, что практически нельзя идти противъ исторіи, нельзя остановить естественнаго хода событій, то зачѣмъ же возставать и въ теоріи противъ историческихъ фактовъ? Къ чему бесплодные крики, безтолковая брань, ретроградивная реакція тому, что уже совершилось и принесло свои плоды? Изученіе предмета, наблюденіе явленія, объясненіе факта — вотъ задачи, которыми ограничиваютъ себя науки точныя, и пора всѣмъ наукамъ, по ихъ примѣру, постараться наконецъ о точности въ своихъ положеніяхъ. Тогда будетъ у насъ и болѣе спокойствія въ разборѣ историческихъ явленій. Ботаникъ одинаково безстрастно изучаетъ и яблонь, и крапиву, и какой-нибудь ядовитый грибъ; зоологъ съ равнымъ участіемъ рассматриваетъ организмъ человѣка, змѣи и лягушки, — хотя, разумѣется, — ни тотъ, ни другой — не ѣдятъ ядовитыхъ грибовъ, не играютъ съ змѣями и не предпочитаютъ крапивы яблокамъ. Подобное спокойствіе въ точкѣ зрѣнія ведетъ къ безпристрастному наблюденію и изученію предмета — съ участіемъ, съ любовью. Если развитіе существа ненормально, скажемъ, что оно ненормально, уродливо; отличимъ хорошо развившуюся обезьяну отъ урода-человѣка: отъ этого обезьяна вообще не займетъ высшей ступени въ ряду существъ, и человѣкъ не унижится. Каждый останется при своемъ, такъ какъ каждый имѣетъ свое неотъемлемое право на существованіе; но все-таки нельзя не сказать, что бываютъ дурные люди и превосходныя обезьяны. Скажемъ и мы свое спокойное, мирное слово о людяхъ, столько разъ обруганныхъ и все-таки держащихся своихъ началъ, дѣйствующихъ все по одному и тому же направленію, стремящихся къ одной и той же цѣли, — неизмѣнно, непоколебимо, неутомимо. Постараемся безъ гнѣва и отвращенія разсмотрѣть этотъ нравственный организмъ, съ цѣлію опредѣлить, какъ онъ развился изъ своихъ началъ, уродливо или нѣтъ.

Вопросъ этотъ можетъ разрѣшаться двумя путями,— исторіей ордена и анализомъ его внутренняго устройства. Вопросъ историческій очень обширенъ и сложенъ, и потому я миную его, тѣмъ болѣе, что онъ довольно общеизвѣстенъ. На русскомъ языкѣ я знаю объ этомъ нѣсколько статей. Таковы:

1. Исторія Іезуитовъ, въ *Вѣстникѣ Европы*, 1814 г., № 13 — 14. Статья, составляющая извлечение изъ Робертсоновой исторіи Карла V.

2. Исторія іезуитовъ, *Московскій Телеграфъ*, 1830 г., № 13 — 14, статья Гизара.

3. Исторія іезуитовъ, въ *Отеч. Зап.* 1844 г., № 1 — 2, статья Н. Ратынскаго, скомпилированная изъ нѣсколькихъ иностранныхъ книжекъ.

4. Исторія паденія іезуитовъ въ XVIII в., книжка составленная В. Модестовымъ въ 1855 г., и имѣющая значеніе по нѣкоторымъ приложеніямъ, напечатаннымъ при ней.

Всѣ эти статьи написаны въ духѣ нерасположенія къ іезуитамъ, въ духѣ нетерпимости и негодованія. Онѣ мало могутъ раскрыть внутреннее существо іезуитскаго ордена, потому что смотрятъ почти всюду только на внѣшность фактовъ, не заботясь объ ихъ внутреннемъ смыслѣ. Лучше ихъ — обширное сочиненіе Кретино-Жоли: *Histoire religieuse politique et littéraire de la compagnie de Jésus, composée sur les documents inédits et authentiques*, p. S. Crétineau-Joly, Paris, 1844 — 1846, 6 томовъ, составляющихъ болѣе 3000 страницъ довольно сжатой печати. Это сочиненіе явилось въ то время, когда раздавались самые ожесточенные клики противъ іезуитовъ, когда Парижъ сбѣгался на лекціи Мишле и Кине, газеты проповѣдывали крестовый походъ противъ іезуитовъ, и набожные католики восхищались чудовищными мерзостями „Вѣчнаго Жида“. Направленіе книги Кретино-Жоли, написанной въ защиту іезуитовъ, естественно должно было принять нѣсколько полемическій характеръ; но нельзя не

удивляться той умѣренности, кротости и спокойствію, съ которыми благочестивый аббатъ ратуетъ за свое дѣло. Онъ самъ не іезуитъ, но онъ имъ сочувствуетъ, и сочувствіе его высказывается прямо и правдиво. Книга его скоро достигла второго изданія, и въ предисловіи къ нему авторъ говоритъ, что много было шуму и брани въ журналахъ французскихъ по поводу направленія его книги, но никто ни разу не могъ упрекнуть автора въ искаженіи хоть одного факта іезуитской исторіи. Это, безспорно, самое полное и самое спокойное изложеніе исторіи іезуитскаго ордена, и я старался во многомъ держаться его относительно историческихъ данныхъ. — Изъ другихъ сочиненій наибольшимъ безпристрастіемъ отличается книга Вольфа: *Allgemeine Geschichte der Jesuiten*, 4 t., 1803 г. Другія же сочиненія (какъ напр. Лоргіе: *Resumé de l'histoire des jésuites*, Paris, 1826, Симона: *Les jésuites anciens et nouveaux*, Paris, 1832, Эллендорфа: *Neueste und vollständigste Geschichte der Jesuiten*, Lpz. 1845) написаны въ сильно-полемическомъ духѣ, не говоря уже о памфлетическихъ мемуарахъ, тоже имѣвшихъ притязаніе на историческое значеніе. Одни ихъ заглавія могутъ показать степень ожесточенія писавшихъ, особенно въ соединеніи съ нѣкоторыми эпиграфами. Напр.

1. *Les jésuites marchands, usuriers et usurpateurs*, p. G. de N..., Paris, 1824.

2. Cénin — *Les jésuites et l'université*, Paris, 1844, съ эпиграфомъ:

O vos, qui cum Jesu itis,
Non ite cum jesuitis!

3. *Le Jerace à Mont-Rouge, dial. sat.* 1827, съ эпиграфомъ:

Prenez trente grains d'impudence,
Quatre livres d'ambition,
Quarante onces d'impatience,
Six hélas de corruption,

La bassesse d'un hypocrite,
L'astuce de jeune beauté,
Mettez les vertus de côté,
Et vous fabriquez un jésuite.

Отъ такихъ площадныхъ приемовъ нельзя, конечно, ожидать ничего хорошаго; тѣмъ менѣе можно искать въ подобныхъ произведеніяхъ безпристрастнаго изслѣдованія и хладнокровнаго сужденія о предметѣ. Поэтому я и не читалъ ихъ, — тѣмъ болѣе, что здѣсь и достать ихъ очень затруднительно: они всѣ почти запрещены въ Россіи.

Чтобы провести свой взглядъ по всей исторіи іезуитскаго ордена, я представлю теперь самый краткій историческій очеркъ развитія іезуитизма. Но собственно этотъ вопросъ для меня посторонній. Я намѣренъ обратить главное свое вниманіе на внутреннее устройство іезуитскаго ордена, и въ особенности на ходъ у нихъ воспитательной и учебной части. —

Игнатій Лойола (р. 1491 г.), основатель іезуитскаго ордена, подвергается различнымъ сужденіямъ историковъ, иногда очень легкомысленнымъ. Напримѣръ Робертсонъ (t. III, p. 187) говоритъ, что „онъ былъ увлеченъ фанатизмомъ или властолюбіемъ и славолюбіемъ“. Это — удивительное соединеніе противоположныхъ понятій о человѣкѣ... Или чистосердечный, пламенный фанатикъ, или властолюбивый, эгоистическій лицемеръ — чтонибудь одно... Но Лойола никогда не былъ лицемеромъ, да и едва ли возможно хроническое лицемеріе въ продолженіе 20 (если считать отъ раны Игнатія при Пампелунѣ въ 1521 году до утвержденія ордена въ 1540 г.) или даже 35 л. (если до смерти Игнатія, въ 1556 г.), — особенно для такой живой, пламенной природы, какова была у Лойолы, по признанію самихъ его обвинителей. — Онъ былъ раненъ, былъ боленъ, лежалъ одиноко въ старинномъ испанскомъ замкѣ; ему дали читать отъ скуки католическія мона-

стырскія легенды... Тутъ описывались страданія мучениковъ, дивные подвиги святыхъ, терпѣніе и труженичество Божьихъ воиновъ, отрекшихся отъ міра... Игнатій самъ былъ ратникомъ, самъ страдалъ отъ ранъ и вспоминалъ битвы и подвиги свои и своихъ товарищей. Бредъ больного воображенія перемѣшалъ для него дѣйствительность съ вымысломъ, воспоминанія былого съ вновь навѣянными впечатлѣніями, и перерожденію не мудро было совершиться въ этой пылкой, стремительной натурѣ. У него не было никакого образованія, никакіе высшіе помыслы не были развиты; но тѣмъ не менѣе природный умъ его былъ крѣпокъ и свѣтелъ... Онъ сначала инстинктивно почувствовалъ, а потомъ и сознательно убѣдился, что если есть высшая цѣль жизни, — за предѣлами гроба, то лучше идти къ этой цѣли прямо, нежели извилинами и закоулками, часто совсѣмъ совращающими съ прямой дороги... Онъ убѣдился, что ежели есть Богъ, которому должны мы служить, то лучше служить ему прямо и непосредственно, оставивши всѣ другія дѣла, нежели изъ за другихъ дѣлъ посвящать Богу только досуги свои... Какъ стремительная и дѣятельная натура, Лойола тотчасъ привелъ въ исполненіе стремленіе сердца. Онъ сдѣлался аскетомъ, посвятилъ всего себя на духовное служеніе Богу. Взволнованное воображеніе представляетъ ему чудныя видѣнія, и ему грезится, что уже дьяволъ бѣжитъ отъ него, и небожители сходятъ къ нему, благословляя его на новый путь... Тотчасъ по выздоровленіи, онъ отправляется въ монастырь, одѣвается въ грубое платье, отпускаетъ своихъ людей, ходитъ въ госпиталяхъ за больными, у которыхъ заразительныя болѣзни: это-ли лицемѣріе, это-ли расчетъ хитраго честолюбца?.. Не виденъ-ли здѣсь, напротивъ, грубый энтузіастъ, круто измѣняющій свою жизнь и жертвующій всѣмъ для своего глубокаго вѣрованія?.. Онъ путешествуетъ потомъ въ святую землю, надѣясь пропо-

вѣдывать Евангеліе восточнымъ народамъ; но здѣсь убѣждается въ своей неспособности, необразованности, и возвращается въ Испанію, чтобы учиться... 32-хъ лѣтъ садится онъ на школьную скамью, въ Барселонской школѣ, а потомъ въ Саламанкскомъ университетѣ, — и уже здѣсь высказываетъ свои убѣжденія съ такой силою, съ такой вдохновенной смѣлостью, что увлекаетъ цѣлыя толпы на площадяхъ Саламанки и наконецъ попадаетъ въ тюрьму за это. И здѣсь онъ продолжаетъ свое дѣло — проповѣдуетъ и поетъ духовныя пѣсни. Узники находятъ средство — бѣжать изъ тюрьмы, Игнатій не хочетъ имъ пользоваться и остается; его выпускаютъ за это на волю, и онъ отправляется доучиваться въ Парижъ... Ему нечѣмъ жить здѣсь: онъ проситъ милостыню и все-таки ходитъ слушать лекціи. Долго и прилежно онъ ихъ слушаетъ, и наконецъ въ 1532 получаетъ степень бакалавра, а въ 1534 г. степень магистра богословія. Во все это время онъ проповѣдуетъ словомъ и дѣломъ, — и пріобрѣтаетъ себѣ нѣсколько друзей и приверженцевъ, сдѣлавшихся въ послѣдствіи подпорами и главами іезуитскаго ордена, — именно Франсуа Ксавье, Петра Фабера, Якова Лайнеза, Альфонса Сальмерона, Николая Бабадилью, Симона Родригеза, и др. Въ это время вспыхиваетъ реформаціонное движеніе, и Игнатій съ своими товарищами находятъ опредѣленную цѣль для своей дѣятельности: спасеніе душъ отъ ереси. Они рѣшаются основать орденъ, отличный отъ всѣхъ другихъ монашескихъ орденовъ и направленный главнымъ образомъ къ поддержанію папскаго престола противъ всѣхъ покушеній еретиковъ. Разсматривая первые шаги этихъ замѣчательныхъ избранниковъ, нельзя не видѣть, что у нихъ и въ это время уже сложились нѣкоторыя убѣжденія, подъ вліяніемъ ихъ благочестивой христіанской настроенности, и вмѣстѣ подъ вліяніемъ житейскаго опыта. Они видѣли повсюду чрезвычайное развращеніе, видѣли роскошную

жизнь и легкое поведеніе тогдашняго духовенства и монашества, видѣли догматическіе и нравственные споры, въ которыхъ имъ представлялось (какъ и намъ, конечно) пагубное уклоненіе кичливаго ума отъ истины откровенія; при этомъ самъ Игнатій могъ вспоминать и свои заблужденія, отъ которыхъ избавился, какъ думалъ онъ (можетъ быть, и справедливо), единственно силою благодати небесной. Всѣ эти обстоятельства совершенно естественно привели Лойолу и его товарищей къ глубокому, живому сознанію тѣхъ откровенныхъ истинъ, которыя высказаны такъ ясно устами великаго учителя языковъ: „вѣмы, яко законъ духовенъ есть, азъ плотянь есмь, проданъ подъ грѣхъ. Еже бо содѣваю, не разумѣю: не еже бо хочу, сіе творю, но еже ненавижу, то содѣлываю“ (Рим. VII, 14—15); „не довольни есмы ниже помyslити что отъ себе, яко отъ себе, но довольство наше отъ Бога“; самое спасеніе совершается по непосредственному дѣйствию Божію: „како убо призовуть, въ него же не вѣроваша? како же увѣрують, его же не услышаша? како же услышатъ безъ проповѣдующаго? како же проповѣдятъ, аще не послани будутъ?“ (Рим. X, 14)). Проникнутые этими высокими святыми мыслями, основатели іезуитскаго ордена рѣшились вполнѣ примѣнить ихъ къ своей дѣятельности, и отсюда произошло одно изъ главнѣйшихъ правилъ ихъ ордена — безусловное послушаніе. Еще въ монашеской ихъ клятвѣ было положено — идти всюду, куда пошлетъ ихъ папа. Это было — ясно сознаннымъ и выраженнымъ, въ приложеніи къ практической дѣятельности, убѣжденіе въ тѣхъ началахъ, которыя выражены Апостоломъ: чтобы человѣкъ могъ спастись, нужно, чтобы самъ Богъ привлекъ его къ Себѣ; Богъ на землѣ осуществляется въ церкви; единственно-истинная церковь (такъ должны вѣрить католики) есть католическая; глава и представитель ея есть папа; слѣдовательно ему должно повиноваться, какъ самому Христу, который вѣчно

съ нимъ пребываетъ, какъ съ своимъ помазанникомъ. Изъ всего этого ясно, что и для проповѣди Евангельской необходимо содѣйствіе и велѣніе папы: „како бо проповѣдятъ, аще не послани будутъ?..“ Всѣ эти логическія убѣжденія ясно выразились уже черезъ 6 лѣтъ послѣ утвержденія ордена папою, — въ рѣчи Лайнеза на Тридентскомъ соборѣ, въ 1546 г., и еще болѣе при второмъ его созваніи, въ 1556 г. (См. Paolo Sarpi, Hist. de conc. de Trente, t. II, p. 139, squ). Лайнезъ доказывалъ здѣсь между прочимъ, что никогда епископъ не въ правѣ послушаться папы, и не только одинъ, но и сговорившись съ другимъ и даже третьимъ епископомъ; не въ правѣ послушаться эти трое и въ такомъ случаѣ, если къ нимъ пристанутъ еще трое и даже шестеро, словомъ всѣ епископы, цѣлый соборъ ихъ — ничто противъ папы: въ папѣ олицетворяется законъ Христовъ, а законъ этотъ святъ и неизмѣненъ, хотя бы и никто не хотѣлъ исполнять его... Нѣтъ дѣла до лица папы: онъ самъ по себѣ можетъ быть человѣкомъ дурнымъ; но не нужно забывать, что съ нимъ всегда пребываетъ духъ Божій, ниспосылаемый на священныхъ помазанниковъ отъ Господа, и не допускающій ихъ ошибаться въ дѣлахъ, касающихся блага церкви. Богъ знаетъ, кого избираетъ для служенія Себѣ и управленія дѣтьми Своими; никогда онъ не „предаетъ помазанника Своего въ неискусенъ умъ творити неподобная“; а если и предастъ, то, значитъ, Онъ хочетъ испытать или наказать насъ, и мы должны снести это съ терпѣніемъ и вѣрою въ Его Премудрый Промыслъ.

Епископы, въ которыхъ уже сильны были зачатки реформаціоннаго движенія, были поражены этой рѣчью, какъ чудовищнымъ соплетеніемъ софизмовъ. Но мы можемъ принять ее съ совершенно другимъ чувствомъ; мы не можемъ не видѣть въ ней крѣпкой вѣры, полной преданности Промыслу, и глубоко-справедливаго раздѣленія сана отъ лица. Мы сами такъ поступаемъ, сами держимся

тѣхъ же убѣжденій: недостатки священниковъ извѣстны всѣмъ, но предъ священствомъ всѣ благоговѣютъ; всѣ знаютъ, что царь — тоже человекъ, слѣдовательно не изъять отъ общихъ человѣческихъ слабостей; — но онъ Божій помазанникъ, — и кто позволить себѣ отозваться о немъ безъ чувства благоговѣнія, — кто, даже въ глубинѣ души своей, допустить мысль о томъ, чтобы то или другое Высочайшее распоряженіе могло быть несправедливо?

Такъ развилось одно изъ главнѣйшихъ и благотворнѣйшихъ правилъ іезуитскаго ордена, — безусловное, мертвое повиновеніе: *perinde ac cadaver*. Они рассуждали: все происходитъ по волѣ Божіей; если Ему угодно, чтобы я что-нибудь сдѣлалъ, то Онъ возвыситъ меня на такую степень, на которой я буду вправѣ дѣлать, что самъ сочту нужнымъ; если же я не занимаю такой степени, значитъ Господь считаетъ меня недостойнымъ ея, и я долженъ повиноваться тѣмъ, которыхъ Онъ надо мной возвысилъ, — я долженъ считать справедливымъ и добрымъ все, что они мнѣ прикажутъ: *obedientia, tum in executione, tum in voluntate, tum in intellectu, sit in nobis semper ex omni parte perfecta... Omnia justa esse nobis persuadenda* (Constit. p. 123 — 1583)... Въ самомъ началѣ общества стремленіе это выразилось въ разсужденіяхъ касательно свободной воли въ человекѣ: при первомъ своемъ появленіи на Тридентскомъ соборѣ (1546 г.) Лайнезъ сильно поколебалъ доказательства прелатовъ о свободной волѣ, за что и подвергся подозрѣнію въ пелагианизмъ...

Другое изъ основныхъ вѣрованій, принятыхъ въ это время іезуитами, состояло въ твердомъ и живомъ стремленіи любви христіанской, соединенной съ полнымъ самоотверженіемъ и направленной единственно ко спасенію души. Эта любовь соединялась у нихъ съ полнымъ презрѣніемъ къ благамъ жизни здѣшней и съ глубокимъ состраданіемъ къ самымъ

даже порочнымъ людямъ. И то, и другое прекрасно выводилось ими изъ основныхъ принциповъ христіанства, которыми ново-учрежденное братство было глубоко и сильно проникнуто. Если здѣшняя жизнь есть только приготовленіе къ будущей, если это не болѣе, какъ странствованіе къ небесной пристани, — то нѣтъ нужды заботиться объ удобствахъ и удовольствіяхъ житейскихъ. Поэтому тотъ, кто, изъ любви къ ближнему, старается устроить матеріальныя удобства его жизни, не понимаетъ еще истинной любви христіанской. Онъ можетъ этимъ сдѣлать ближнему скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, отвлекая его сердце отъ вѣчныхъ благъ загробной жизни. Слѣдовательно, помогать ближнимъ въ тѣлесныхъ нуждахъ нужно только въ самыхъ необходимыхъ случаяхъ, когда страдаетъ ихъ здоровье, или жизнь находится въ опасности, и такимъ образомъ они лишаются возможности достойно приготовляться къ будущей жизни. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ — дѣло первой необходимости — духовная помощь человѣку, просвѣщеніе его ума и сердца свѣтомъ истиннаго откровенія. Заботиться же о своихъ матеріальныхъ нуждахъ — даже противно истинной вѣрѣ и надеждѣ на помощь Божію: Богъ, одѣвающій цвѣты полевые и питающій птицъ небесныхъ, подастъ, конечно, и человѣку все необходимое, если это будетъ угодно святой Его волѣ...

Такія убѣжденія твердо и послѣдовательно проведены были во всемъ поведеніи іезуитовъ. Они не имѣли ничего и сами питались милостыней; они собирали вокругъ себя народъ и старались поучать его истинамъ вѣры; они постоянно посвящали свои труды на служеніе больнымъ братьямъ въ госпиталяхъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи выразилась весьма ярко и другая сторона ихъ понятія о христіанской любви: снисхожденіе къ слабостямъ человѣческимъ, за которое впоследствии такъ много потерпѣли они различныхъ нареканій. Они неуклонно

слѣдовали всегда высокому правилу Апостола: „молимъ же вы, братіе, вразумляйте безчинныя, утѣшайте малодушныя, заступайте немощныя, долготерпите ко всѣмъ“ (Сол. V, 14). Предъ Всевышнимъ Судіею всѣ равно — грѣшны; мы всѣ дѣлатели въ духовномъ вертоградѣ небеснаго хозяина, и никто изъ рано пришедшихъ не имѣетъ права укорять поздно пришедшаго. Дружно и мирно должны мы работать, помогая другъ другу и снимая колючія тернія съ узкой дороги спасенія, по которой идутъ братья наши. Если кто заблудился, то не кликами негодованія нужно преслѣдовать его, не прогонять снова къ той точкѣ, откуда онъ отправился, чтобы снова начиналъ свой тяжелый путь; нѣтъ, нужно указать ему тѣ извилины, тѣ едва примѣтныя тропинки, по которымъ долженъ онъ повернуть съ пути заблужденія своего, чтобы достигнуть желанной цѣли. Изъ этихъ основаній развились знаменитые *cas de conscience*, изъ которыхъ хотѣли сдѣлать такой позоръ для іезуитскаго общества, и которые считали дѣломъ простого плутовства со стороны іезуитскихъ монаховъ. Но ихъ лучшимъ оправданіемъ служитъ самый характеръ ихъ дѣятельности, постоянно чуждый суровости и преслѣдованій, постоянно полный мира и любви. Особенно это доказываютъ всѣ сказанія касательно ихъ ухаживанья за больными. Изъ многихъ фактовъ можно указать на подвиги образующагося еще общества, въ 1537 г. Они прибыли въ это время въ Венецію, гдѣ свирѣпствовали тогда особенно венерическія болѣзни. Больные возбуждали всеобщее отвращеніе и оставляемы были безъ всякаго ухода и пособія. Іезуиты, понимавшіе не хуже другихъ высокую цѣну цѣломудрія, ревностно, однако, принялись ходить за этими больными, спали вмѣстѣ съ ними, обмывали ихъ язвы той водою, которая была имъ самимъ принесена для питья, и потомъ, томимые жаждою, допивали остатки; Ксавье даже высасывалъ ядъ изъ язвъ

больныхъ, когда, по предписанію доктора, это было нужно для спасенія больного... И неужели кто-нибудь осудить за это благотворительныхъ друзей человечества? Неужели можно за это обвинить ихъ въ недостаткѣ презрѣнія къ пороку, въ потворствѣ разврату? Нѣтъ, это не было потворство, это просто было живое подражаніе примѣру нашего подвигоположника — Христа, который Самъ снисходилъ къ мытарямъ, грѣшникамъ и блудницамъ, и отвергалъ съ строгимъ обличеніемъ только тщеславныхъ, высокоумныхъ фарисеевъ и книжниковъ.

Люди съ такими стремленіями, съ такой энергіей, съ такимъ самоотверженіемъ, не могли пропасть безъ всякаго успѣха. Они непременно должны были достигнуть своей цѣли — и достигли. Во всѣ концы міра прошли они съ проповѣдью Евангелія, и вездѣ имѣли успѣхъ. Уже въ 1542 г. Ксавье былъ въ Гоа и обращалъ индѣйцевъ, переходя изъ португальскихъ колоній въ собственныя поселенія туземцевъ и обходя одинъ за другимъ острова Цейлонъ, Нагапатанъ, Меліопуръ, Малакку, Моренскіе острова, и пр. Затѣмъ онъ отправляется въ Японію и Китай; узнавши, что сюда открытъ доступъ только посламъ, возвращается въ Гоа и убѣждаетъ португальскаго вице-короля назначить посольство въ Китай; когда же и посольство встрѣчаетъ препятствія, Ксавье подкупаетъ одного китайскаго купца, чтобы тотъ доставилъ его въ Кантонъ ночью подъ страшною тайной. Къ несчастью здѣсь Ксавье заболѣлъ горячкой и вскорѣ умеръ, ничего не успѣвши сдѣлать... Но путь уже былъ указанъ, и вскорѣ затѣмъ іезуиты умѣли утвердиться и въ Индіи, и въ Китаѣ. Тамъ дѣйствовали Криминаль и Робертъ Нобили, здѣсь Матео Риччи. Въ Японіи христіанство тоже водворено было іезуитами, но съ 1620 года императоръ воздвигъ гоненіе на христіанъ, и къ половинѣ XVII в. въ Японіи христіанство было уничто-

жено. Но въ Китаѣ, несмотря на всѣ гоненія отъ язычниковъ, несмотря на противодѣйствіе доминиканцевъ и францисканцевъ, іезуиты утвердились, приобрѣли многихъ прозелитовъ, завели училища, и, по послѣднимъ извѣстіямъ, у нихъ обучалось въ 1853 г. до 1300 китайскихъ мальчиковъ (см. въ *Revue des deux Mondes*, 1856 г. Fevr., статью Шарля Ляволле: *Les jésuites en Chine autrefois et aujourd'hui*, стр. 528).

Замѣчательнѣе всего былъ успѣхъ іезуитской проповѣди въ Парагваѣ. Парагвай отданъ былъ совершенно на руки іезуитамъ Филиппомъ III, который самъ былъ воспитанникомъ іезуита Маріанны. Парагвай до тѣхъ поръ ужасно страдалъ отъ жестокостей испанскихъ губернаторовъ и постоянно возмущался; разстройство и безпорядки были страшные. Іезуиты — кротостью, лаской, исправительными наказаніями — весьма скоро и безъ особенныхъ затрудненій умѣли приучить народъ къ порядку и повиновенію... Они основали здѣсь свою республику, и внушили жителямъ такое уваженіе къ ордену, что они на колѣняхъ выслушивали повелѣнія святыхъ отцовъ и считали за счастье цѣловать край ихъ одежды.

Не менѣе замѣчательны подвиги іезуитовъ противъ реформаціонной ереси. Въ Испаніи, Португаліи и Италіи орденъ постоянно былъ на сторожѣ, и имѣя вліяніе на ходъ высшихъ государственныхъ дѣлъ, уничтожалъ самые зародыши ереси... Во Франціи онъ долго выдерживалъ жестокою, упорную борьбу: при Генрихѣ III они были двигателями и главами святой лиги, къ которой пристала тогда почти половина Франціи. При Генрихѣ IV они были высланы изъ королевства, и черезъ 8 лѣтъ (1603 г.) снова призваны. При Людовикѣ XIV приобрѣли они новую силу, но при Людовикѣ XV (1764 г.) опять изгнаны, а въ 1773 г. издана папская булла объ уничтоженіи ордена. За это чернь въ Швейцаріи повѣсила его портретъ.

Въ 1814 г. орденъ былъ возстановленъ, и они снова распространились во Франціи и особенно въ Бельгіи. Въ началѣ столѣтія появились было они въ Пруссіи и Россіи, но отсюда были высланы почти въ то самое время, когда орденъ былъ возстановленъ Піемъ VIII (изъ Россіи высланы они указомъ 19 декабря 1815 г.). Повсюду они должны были выдерживать сильные споры за право обученія юношества.

Почти не касаясь подробностей внѣшней исторіи ордена, я старался показать тѣ воззрѣнія, на которыхъ утверждали іезуиты всѣ свои дѣйствія. Эти самыя воззрѣнія выразились какъ въ самомъ устройствѣ ордена, такъ преимущественно въ воспитаніи, къ очерку котораго я и перехожу теперь. Не буду излагать внѣшнихъ частныхъ, а обращу все свое вниманіе на характеръ и направленіе, какіе господствовали въ іезуитскомъ воспитаніи и обученіи. Мы увидимъ, что и здѣсь послѣдовательно проведены тѣже самыя воззрѣнія, которыя легли краеугольнымъ камнемъ благочестиваго существованія іезуитовъ.

Самое стремленіе іезуитовъ — повсюду заводить школы — много свидѣтельствуеть въ ихъ пользу. Средніе вѣка и католическіе монахи не любили школъ; папы запрещали народу читать библію; католическая церковь не одобряла переводовъ священныхъ книгъ на языкъ народа. Іезуиты — напротивъ — куда ни появлялись, всюду прежде всего принимались за воспитаніе дѣтей. Повсюду заводили они школы, обучали дѣтей бесплатно, употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы привлечь къ себѣ большее количество воспитанниковъ. Это средство — дѣйствовать на людей, вмѣстѣ съ неутомимой ихъ проповѣдью, служитъ яснѣйшимъ выраженіемъ той основной идеи, что любовь къ ближнему должна состоять въ духовной помощи имъ, а не въ матеріальномъ пособіи. Устройство и направленіе этихъ школъ, равно какъ

и самаго ордена вообще, служило выраженіемъ той же основной идеи. Извѣстно, что всѣ іезуиты раздѣлялись на 4 класса: 1) послушниковъ или новиціатовъ, 2) учениковъ, 3) коадьюторовъ и 4) професовъ. Послушники подвергались обыкновенно искусству въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, по истеченіи которыхъ или поступали въ разрядъ одобренныхъ учениковъ, или отсылались назадъ, если іезуитское начальство не находило въ нихъ наклонностей и достаточныхъ силъ для исполненія всего, предписываемаго въ орденѣ. Все это совершенно разумно и естественно, и какъ нельзя лучше рисуетъ характеръ іезуитской дѣятельности, состоявшій всегда въ томъ, чтобы дѣйствовать на волю, но никогда не тащить человѣка противъ его воли. Они употребляютъ всѣ усилія, чтобы привлечь къ себѣ новаго прозелита, дѣйствуя для этого проповѣдью, убѣжденіемъ, примѣромъ, воспитаніемъ... Наконецъ они достигаютъ предположенной цѣли: воля человѣка склоняется на ихъ сторону, онъ изъявляетъ желаніе сдѣлаться іезуитомъ. Но благоразумнымъ братіямъ этого не довольно; они не бросаются тотчасъ на этого человѣка, какъ охотникъ на добычу, пойманную имъ въ силлокъ. Нѣтъ, они еще назначаютъ ему испытаніе на нѣсколько лѣтъ: испытай трудности новаго званія и покажи самъ свои способности. Тогда только, когда выкажется твердость и непоколебимое убѣжденіе человѣка, можно принять его въ число одобренныхъ учениковъ. И даже послѣ этого, будучи ученикомъ и коадьюторомъ, — онъ можетъ быть исключенъ изъ ордена или самъ просить увольненія. Изъ этого очевидно, какое высокое значеніе придавалось іезуитами внутреннимъ отношеніямъ, и какъ мало обращали они вниманія на внѣшность. Всѣ силы убѣжденія употребляются, предпринимаются неимоверныя труды и заботы, вся атмосфера, окружающая человѣка, располагается къ тому, чтобы привлечь его на путь спасенія; но при всемъ этомъ — ни ма-

лѣйшаго насилія, дѣйствующаго внѣшнимъ образомъ. Они все располагаютъ такъ, чтобы благодать Божія невидимо и внутренно коснулась сердца человѣка и привела его на путь правый. Такъ точно и по выдержаніи искусства — онъ связывается болѣе внутреннимъ обязательствомъ своей совѣсти, нежели наружною формальностью обѣтовъ. Какое высокое убѣжденіе въ нравственномъ началѣ, какая вѣра въ свои духовныя силы, какое высокое понятіе о служеніи Богу, которое должно быть сердечно и духовно!.. Нѣтъ сомнѣнія, что это самое убѣжденіе заставляло іезуитовъ при проповѣди Евангелія въ Китаѣ и Индіи подчиняться китайскимъ церемоніямъ, надѣвать платье браминское, строить церкви на манеръ индѣйскихъ пагодъ, дозволять женщинамъ носить неприличныя украшенія, и т. п., за что доминиканцы возставали на іезуитовъ, какъ на злодѣевъ, еретиковъ и искажителей христіанства. А они просто дѣлали это по презрѣнію къ внѣшности, будучи увѣрены, что духъ христіанства нисколько не измѣняется отъ этихъ мѣстныхъ различій, такъ точно, какъ образъ Божій въ человѣкѣ не зависитъ отъ того, черенъ или бѣлъ цвѣтъ его кожи, носить ли онъ бороду или нѣтъ.

Третій классъ — коадьюторы, — раздѣлялись на духовныхъ и свѣтскихъ; первые были учителями въ школахъ, священниками и духовниками, вторые исправляли при коллегіяхъ и домахъ професскихъ самыя низшія обязанности.

Профессы были „трехъ обѣтовъ“ и „четырехъ обѣтовъ“. И тѣ, и другіе обязывались дать публично обѣтъ бѣдности, цѣломудрія и слѣпого повиновенія; послѣдніе присоединяли къ этому еще обѣтъ проповѣданія евангелія всюду, куда пошлетъ папа. Къ послѣднему классу допускались немногіе, уже извѣстные своими способностями и усердіемъ, испытанные въ теченіе многихъ лѣтъ. Во всемъ этомъ видна великая осмотрительность ордена въ выборѣ своихъ

членовъ и постоянная ихъ идея — о повиновеніи. Нужно замѣтить, что, по окончаніи искуса, никто не могъ знать, куда онъ будетъ назначенъ генераломъ ордена. Смотри по своимъ соображеніямъ, генераль могъ его назначить и свѣтскимъ коадьюторомъ и профессоромъ трехъ обѣтовъ... Возраженій не могло быть ни откуда. Это идеаль благоустроеннаго общества, основаннаго на послушаніи. Всѣ должности въ орденѣ были распредѣлены сообразно нуждамъ общества. Начальникъ его былъ генераль; провинціями завѣдывали провинціалы, а коллегіями, новиціатскими и профессорскими домами и отдѣльными миссіями — префекты. Кромѣ исполненія частныхъ своихъ обязанностей, они должны были еще доносить — префекты провинціаламъ, а провинціалы — генералу, обо всемъ, что касается ордена, и вообще, что происходитъ замѣчательнаго въ той мѣстности, гдѣ они находятся. Донесенія эти опять касались болѣе внутренняго значенія фактовъ, нежели внѣшнихъ подробностей, такъ, что, по сознанію самихъ враговъ ордена, іезуитскій генераль часто лучше зналъ расположеніе умовъ въ странѣ, чѣмъ самъ государь ея. Ихъ стараются обвинять за это, и наблюдательность ихъ называютъ шпіонствомъ; но столь рѣзкій отзывъ не можетъ быть оправданъ, если обвинители вздумаютъ серьезно и пристально всмотрѣться въ характеръ іезуитской дѣятельности по этой части. Тутъ нѣтъ ни шпіонства, ни клеветы, ни наушничества, а просто замѣтки умнаго посланника, описывающаго своему начальнику, что онъ видитъ и узнаетъ въ странѣ, въ которую посланъ.

Префекты были также и ректорами школъ, которыя заводимы были іезуитами вездѣ, гдѣ только они появлялись. Внѣшнее устройство этихъ школъ не представляло рѣзкихъ особенностей въ сравненіи съ большею частью католическихъ учебныхъ заведеній въ средніе вѣка. Съ теченіемъ времени оно

измѣнялось и принимало различныя формы, сообразно съ потребностями вѣка и мѣстными условіями. Подробности о внѣшнемъ устройствѣ первоначальныхъ школъ іезуитскихъ изложены у Раумера въ *Geschichte der Pädagogik*. Я не стану дѣлать выписокъ изъ Раумера, отчасти имѣя въ виду недавно сдѣланный переводъ его статьи о іезуитахъ, — а отчасти и потому, что отъ внѣшней формы нисколько не измѣнялось у іезуитовъ внутреннее направленіе воспитанія и обученія. Ихъ элементарныя школы, *interiores* и *superiores classes* ихъ заведеній, лицеи, университеты отличаются однимъ и тѣмъ же существеннымъ характеромъ. Характеръ этотъ заключается въ стремленіи къ духовнымъ цѣлямъ и въ полномъ презрѣніи всѣхъ мірскихъ отношеній. Каждое постановленіе іезуитскихъ школъ, каждая черта ихъ воспитанія и обученія ясно говорятъ о глубокомъ убѣжденіи этихъ отцовъ, что царство „ихъ не отъ міра сего“, что ихъ цѣль — выше, ихъ стремленія — чище... Въ воспитаніи главнымъ образомъ обращается вниманіе на развитіе нравственности, на приученіе къ самоотверженной братской любви, къ слѣпому повиновенію; въ обученіи всѣ познанія направляются къ цѣли религіозной, „во славу Господа Спасителя и ко спасенію души“. Одинъ изъ умнѣйшихъ іезуитовъ Сакхинъ составилъ — *Paraenesis ad magistros scholarum inferiorum societatis Jesu*, которое много разъ было перепечатано, и въ которомъ онъ весьма подробно говоритъ о важности учительской должности. Онъ смотритъ на обученіе какъ на дѣло богоугодное, и предписываетъ учителю, между прочимъ, слѣдующее: пусть смотритъ онъ на школу, какъ на таинственный царскій цвѣтникъ, насажденный, воздѣланный и украшенный съ особеннымъ тщаніемъ, во славу Господа; пусть смотритъ на нее, какъ на нѣжное стадо освященныхъ агнцевъ, воспитываемыхъ для святаго жертвоприношенія; пусть смотритъ на нее, какъ на святѣйшій разсадникъ Все-

вышняго царя, гдѣ отроки должны быть такъ воспитываемы, чтобы явиться предъ царемъ своимъ въ велелѣпїи и послужить ему... На себя пусть смотритъ, какъ на живописца или скульптора, назначеннаго для того, чтобы сдѣлать изображенія Господа Христа, — изображенія живыя, пребывающія вѣчно, чтобы ихъ можно было поставить во храмѣ небесномъ (Papaen. pars I, cap. V). Далѣе онъ совѣтуетъ помнить правило св. Игнатія (Лойолы), что и учителя, какъ во время уроковъ, такъ и внѣ ихъ, должны всячески стараться о томъ, чтобы подвигнуть души своихъ питомцевъ къ повиновенію и любви Божіей и къ исполненію тѣхъ добродѣтелей, которыми можно угодить Богу; къ этому должны быть направляемы всѣ занятія (pars II, cap. I). Весьма подробно раскрыта у Сакхина важность нравственности и средства — утвердить ее въ душахъ питомцевъ. Онъ говоритъ, что воспитатели должны заботиться, чтобы — „въ ученикахъ истреблялась всякая гордость и самонадѣянность, всякая дерзость, — но чтобы все дышало учтивостью, скромностью, умѣренностью... Все, что близко къ пороку и противно святѣйшимъ заповѣдямъ Христовымъ, должно быть почитаемо неприличнымъ и безнравственнымъ. Мщеніе, ложь, обманъ, осмѣиваніе другихъ, божба, произнесеніе неприличныхъ словъ, описаніе жизни отсутствующихъ, насмѣшливое передразниванье — должны считаться грубостями, собственными варварамъ и рабамъ... Напротивъ высоко должна быть цѣнима откровенная правдивость, состраданіе къ несчастнымъ, отверженіе ругателей, свободное обличеніе тутъ же, на мѣстѣ, тѣхъ, которые явно согрѣшаютъ; рѣчь — нѣжная съ равными, почтительная къ старшимъ, ласковая ко всѣмъ...“

Пусть дѣти приучаются стыдиться себя не менѣе, чѣмъ другихъ, и не слагаютъ съ себя украшеній добродѣтели и нравственности, какъ только снимутъ

свою мантию (pallium). Но пусть они и втайнѣ хранятъ то, что высказываютъ явно, и пусть не иначе ведутъ себя въ уединенной комнатѣ, какъ и во храмѣ и на площади. Пусть всегда благоговѣнно помнятъ они, что на нихъ устремлены очи ангеловъ небесныхъ и особенно ангела хранителя, и Самого Бога. (ib., сар. XIV). Кто въ этихъ наставленіяхъ узнаетъ іезуита, вѣчно притворствующаго, не имѣющаго въ душѣ ни капли нравственности, хитраго, льстиваго, обманчиваго, какъ рисуютъ его ярые памфлетисты?.. Далѣе Сакхинъ говоритъ о томъ, какъ воспитатель долженъ направлять дѣтей къ благочестію. Первое средство, и самое главное, — молитва о нихъ къ Богу, — а затѣмъ уже — собственный примѣръ и наставленія. Наконецъ самое устройство школы и расположеніе занятій должно вести къ той же цѣли. Я переведу главу, гдѣ говорится объ этомъ (сар. XIX).

„1. Во первыхъ учитель долженъ требовать строгаго соблюденія школьной дисциплины, исполненія правилъ и учебныхъ задачъ. Пусть онъ знаетъ, что стараясь объ успѣхѣ учебныхъ занятій, онъ тѣмъ самымъ способствуетъ развитію благочестія: эти двѣ вещи удивительно связаны между собою, — такъ, что кто отлично успѣваетъ въ ученіи, тотъ великолѣпно успѣваетъ и въ нравственности.

„2. Нужно постоянно занимать ихъ задачами, такъ, чтобы они не имѣли досуга ни въ школѣ, ни дома. Ничего не можетъ быть пагубнѣе для отрока, какъ праздность и покой; они и вообще вредны, а тѣмъ болѣе для отроковъ... Напротивъ, врагъ не найдетъ себѣ доступа къ отроку, который всегда занятъ. Но при этомъ необходимо, чтобы учитель, съ благоразумною любовью, придумалъ средство — усладить для учениковъ эти неусыпные труды. Поэтому хорошо будетъ, если онъ постарается возжечь въ нихъ огонь соревнованія: тогда они сами не захотятъ быть праздными. Книги будутъ имъ

милы, занятія легки: они стремятся къ побѣдѣ, они должны избѣжать стыда пораженія. Такимъ образомъ постоянно нужно занимать учениковъ, но кротко и любезно, не грубо и сердито, — такъ, чтобы они и могли, и сами хотѣли исполнять приказанное...

„3. Жизнь, нравъ, дружескія отношенія каждого должны быть извѣстны учителю, онъ долженъ пользоваться этимъ, чтобы избирать на пользу каждого лучшее и болѣе сообразное съ характеромъ каждого.

„4. Весьма важно, чтобы ученикъ ни разу не отлучался изъ гимназіи; это вещь весьма опасная. Они могутъ попасть на дурныхъ товарищей, увлечься обольстительными приманками зла, и, разъ увлеченные, могутъ совсѣмъ погибнуть; вкусивши сладость праздности и свободнаго разгула, они могутъ почувствовать ненависть къ школѣ и къ уединенію.

„5. Онъ долженъ знать, кого съ кѣмъ посадить въ классъ, чтобы паршивая овца (*morbosus agnus*) не испортила близкихъ къ ней своимъ прикосновеніемъ... Если кто скроетъ свои руки въ классъ, то нужно выговаривать ему за невѣжливость, и требовать, чтобы онъ всегда руки держалъ предъ собою, поверхъ скамьи; иначе — даже нужно наказывать...

„6. Сколько позволяетъ монашеское состояніе и повиновеніе, учитель долженъ заботиться о здоровьи и о другихъ человѣческихъ нуждахъ учениковъ: долженъ облегчать слабыхъ, посѣщать больныхъ, покровительствовать потерпѣвшимъ неудачу; какъ нѣжный отецъ или мать долженъ онъ обо всѣхъ заботиться, особенно же о чужестранныхъ и о бѣдныхъ ученикахъ. Пусть будетъ все идти такъ, чтобы ученики, чувствуя заботы, прилагаемыя о нихъ, сами, всею своею волею, предавались ученію тѣхъ, кто о нихъ такъ заботится“...

Эти прекрасныя наставленія учителю (который есть вмѣстѣ и воспитатель, какъ живущій постоянно

съ учениками) показываютъ довольно ясно характеръ всего воспитанія. Во всемъ видна та христіанская любовь, помышляющая единственно о душевномъ спасеніи, о которой говорилъ я выше. Третье правило, которое, по увѣреніямъ враговъ іезуитовъ, вело всегда къ шпіонству, наушничеству, и т. п., можетъ, въ самомъ дѣлѣ, представиться нѣсколько страннымъ. Но оно совсѣмъ не удивляетъ насъ, когда мы всматриваемся въ весь характеръ воспитанія въ іезуитскихъ школахъ. Привожу, для яснѣйшаго представленія дѣла, еще отрывокъ изъ главы той же книги Сакхина объ обращеніи товарищей - учителей другъ съ другомъ. Они должны помнить, что всѣ составляютъ одну семью и работаютъ для одного общаго дѣла, во славу Создателя. „Каждый изъ нихъ долженъ смотрѣть другъ на друга — не только какъ на сослужителей, союзниковъ, братьевъ, но еще болѣе — какъ на Божіи храмы, какъ на жертвы, какъ на живыя изображенія Бога, какъ на его служителей и намѣстниковъ (vicarios)“... Такимъ образомъ, всѣ земные расчеты здѣсь бросаются въ сторону; остается одно живое, непоколебимое убѣжденіе въ высокости общаго назначенія, въ святости цѣли, соединяющей всѣхъ членовъ общества. Для достиженія этой цѣли нужно жертвовать всѣмъ, — и мелочнымъ самолюбіемъ, какъ своимъ собственнымъ, такъ и ближнихъ своихъ, и ложнымъ стыдомъ, и внѣшней деликатностью, и свѣтскими дружескими отношеніями, и матеріальными выгодами. Всякій обязанъ поэтому дѣлать явнымъ, доносить, кому нужно, все, что только можетъ быть противно общему благу. Это сознаніе, столь сильное у всякаго благомыслящаго человѣка, было и должно было быть развито особенно сильно у іезуитовъ, какъ у людей, у которыхъ личность рѣшительно уничтожалась въ общемъ. Многіе обвиняли іезуитовъ за принятую ими мѣру пересказыванья старшимъ всего, что говорится между товарищами. Называли это разными позорными именами,

но никогда не хотѣли глубже вникнуть въ сущность дѣла. Имя ничего не значитъ. Назовемъ это, пожалуй, хоть и шпіонствомъ. Что же въ немъ преступнаго, что предательскаго? Неужели менѣе предательства будетъ, если, изъ какихъ-нибудь личныхъ отношеній и расчетовъ, человекъ станетъ скрывать то, что считаетъ противнымъ своимъ убѣжденіямъ, или общему благу? Въ этомъ случаѣ онъ тоже предатель — или самого себя, или общества. Духъ школьничества, заставляющій стоять за товарищей, даже когда они не правы, много участвовалъ въ томъ ожесточеніи, съ которымъ обличалось такъ называемое шпіонство іезуитскихъ училищъ. Но мы можемъ смотрѣть на эти вещи спокойнѣе. Развѣ мы не имѣемъ въ своемъ государствѣ благотворнаго учрежденія, имѣющаго цѣлью сохранять тишину и порядокъ въ цѣлой странѣ, неусыпнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями частныхъ лицъ и непубличнымъ доведеніемъ до свѣдѣнія правительства — всего, что происходитъ въ умахъ народа? Еще болѣе: развѣ каждый вѣрнопопданный, при самомъ началѣ своей службы, не произноситъ священнаго обѣта: „служить помазаннику Божію, не щадя себя, до послѣдней капли крови, — и доносить немедленно обо всемъ, что найдетъ съ пользами государя и государства не согласнымъ?“. И неужели можно извинить неисполненіе этой священной обязанности въ комъ бы то ни было, съ сознаниемъ и убѣжденіемъ произнесшимъ свой обѣтъ? А іезуиты произносили свои обѣты послѣ долгаго искуса, слѣдовательно съ сознаниемъ и убѣжденіемъ, и ихъ дѣло, ихъ служеніе было еще выше нашего: они обрекали себя на службу царю Небесному! А онъ самъ заповѣдалъ — отвергнуться, ради Его, отъ всякихъ житейскихъ расчетовъ и всѣмъ пожертвовать для служенія Ему: „аще кто любитъ отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ...“ Слѣдовательно, здѣсь выбора быть не можетъ: или сокрытіе проступка брата и отверженіе

отъ Христа, отъ своихъ убѣжденій; или объявленіе о проступкѣ и пожертвованіе любовью братскою любви къ Богу. А жертва эта должна быть, потому что конецъ всѣхъ нашихъ дѣйствій и стремленій есть Богъ. Обличеніе же братьевъ прямо заповѣдуются писаніемъ: если твой братъ согрѣшитъ, обличи его при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ; если же не послушаетъ, повѣждь церкви... Это самое и исполняли іезуиты; къ этому и приучали они дѣтей съ малыхъ лѣтъ... Говорятъ, что это противно любви христіанской; но при этомъ опять не берутъ въ расчетъ общности іезуитскихъ понятій. Для нихъ блага земной жизни ничего не значили; всѣ стремленія и желанія, вся дѣятельность ихъ направлялась къ тому, чтобы сподобиться благъ жизни вѣчной. Съ этой точки зрѣнія они опять совершенно правы и послѣдовательны. Доносъ на товарища могъ еще имѣть дурное вліяніе на нѣкоторыя матеріальныя его удобства: онъ могъ подвергнуться выговору, наказанію, и т. п. Но за то для блага душевнаго тутъ ничего нельзя указать, кромѣ пользы. За тѣмъ, кто подвергался разнымъ слабостямъ, строже слѣдили, старались исправлять его недостатки, навести его на путь истинный и такимъ образомъ спасали его отъ душевной гибели. Не нужно при этомъ упускать изъ виду и управленія іезуитскаго, совершенно отеческаго, чуждаго всякой формальности, чуждаго уголовныхъ казней. Здѣсь даже и для матеріальнаго благосостоянія не было большаго ущерба отъ доноса. Такимъ образомъ и съ этой стороны мы находимъ, что іезуиты были правы, т. е. они дѣйствовали гораздо послѣдовательнѣе своимъ принципамъ, нежели тѣ господа, которые ихъ обвиняли.

Постоянное послушаніе и отреченіе отъ собственной воли также весьма много способствовало развитію этой откровенности подчиненныхъ съ начальниками. По принципамъ и правиламъ іезуитскимъ, не только ученики, но даже и профессы не могли

сами собою осуждать и обличать своихъ товарищей. Онъ долженъ былъ предъ всѣми молчать и смиряться. Вотъ одна глава изъ книги другого уважаемаго іезуита — Reverendi Patris Claudii Judde societatis Jesu documenta pro magistris eiusdem societatis (Viennae, 1847). Онъ говоритъ, что молодой профессоръ, живя въ коллегіи, долженъ со всѣми быть въ мирѣ (гл. III). „Будь со всѣми вѣжливъ и обходителенъ. Человѣчность (humanitas) весьма тѣсно связана съ любовью (charitate). Предъ всѣми вставай, обнажай голову, чтобы показать знаки твоего уваженія. Вездѣ старайся занять послѣднее мѣсто. Избѣгай поспѣшности въ рѣчи, въ сужденіяхъ, въ противорѣчій: ты юноша и мало испыталъ; ты ничего не знаешь, а что и знаешь, то несовершенно знаешь. Поучись же прежде, чѣмъ учить другихъ. Юношѣ весьма прилична почтительность; будь скорѣе боязливъ, нежели смѣль въ разговорѣ, и особенно избѣгай безстыдства. Ты не ангелъ и живешь не съ ангелами: приноровляйся къ характерамъ другихъ, а не ихъ старайся приноровить къ твоему характеру. Не пытайся никого преобразовывать: это тебѣ не удастся; постарайся преобразовать самого себя: это удастся вѣрнѣе. Отъ чужихъ дѣлъ удаляйся, хотя бы тебѣ и казалось, что другіе въ твои дѣла вмѣшиваются; не любопытствуй знать о томъ, что дѣлается, или что должно быть сдѣлано, живи дома безъ шума, какъ будто бы тебя и не было. Старайся не внушать другимъ подозрѣній о себѣ, и въ себѣ не питай недовѣрчивости. Никому — по дружбѣ или въ секретныхъ разговорахъ — не сообщай о паденіи и ошибкахъ другихъ; и самъ не довѣрайся, въ такихъ случаяхъ, — словамъ другихъ или собственнымъ предположеніямъ: ты сто разъ можешь обмануться, и нарушить тѣмъ миръ со всѣми и миръ твоей совѣсти... Никогда не описывай жизни твоихъ товарищей, или, что еще хуже, старшихъ тебя: это преступленіе достойное гнѣва

Божія и человѣческаго... Если все это трудно тебѣ кажется исполнить, вспомни великую заповѣдь любви христіанской: всѣ люди — братья, всѣ носятъ въ себѣ Христа, всѣ нѣкоторымъ образомъ составляютъ одно со Христомъ, который считаетъ сдѣланнымъ для Него то, что ты сдѣлаешь для братьевъ своихъ“.

Я не знаю, что еще нужно прибавлять къ этой выпискѣ? Не ясно ли здѣсь рисуется вся нравственность іезуитовъ, съ этой мягкостью и спокойствіемъ, съ этимъ отсутствіемъ всего рѣзкаго и возмущеннаго?.. Таковъ именно и долженъ быть истинный христіанинъ. Намъ укажутъ можетъ быть, на примѣры Апостоловъ, мучениковъ, и пр. съ грознымъ и тяжелымъ словомъ возстававшихъ противъ порока. Но не нужно забывать того, что они говорили не сами по себѣ: они были небесные посланники, одушевляемые Духомъ Божиимъ. Господь давалъ имъ уста и премудрость; языкъ ихъ былъ трость книжника скорописца, по выраженію пророка. Такъ и у іезуитовъ дѣйствовали люди, поставленные для наставленій и обличеній, находившіе власть и побужденіе въ самой своей должности; но простые братья не могли имѣть своихъ мнѣній, ничего не смѣли говорить отъ себя, и должны были только обращаться за совѣтами и приказаніями къ своимъ начальникамъ. Какъ въ своихъ дѣлахъ всѣ зависѣли отъ начальства, такъ точно, и еще болѣе, и чужіе поступки должно было повергать на усмотрѣніе начальства. И верховный судъ ихъ принадлежалъ только верховному начальнику ордена — генералу, получившему власть свою отъ самого папы — намѣстника Божія. Только онъ могъ утверждать іезуитовъ въ тѣхъ или другихъ званіяхъ, или исключать ихъ изъ числа членовъ общества. Другіе же, подчиненные, начальники были всѣ, въ большей или меньшей степени, простыми его докладчиками и исполнителями его воли. Поэтому даже профессоръ, на примѣръ, не имѣлъ права и возможности самъ собою исправить

ученика. Нѣтъ, если онъ замѣчалъ за нимъ что-нибудь, то онъ старался вызвать его на откровенную бесѣду, выпытывалъ его тайное настроеніе и затѣмъ доносилъ обо всемъ ректору школы, испрашивая его разрѣшенія и повелѣнія, какъ поступать съ ученикомъ. И неужели молодой человѣкъ, воспитанный въ іезуитской школѣ, могъ быть въ претензіи на своего наставника за подобный поступокъ? Неужели онъ имѣлъ право обвинять въ предательствѣ того, кто былъ его благодѣтелемъ и заботился о его вѣчномъ благѣ, слѣдуя постоянному, неизмѣнному принципу іезуитскаго ордена?

Столь же легко и просто можетъ быть оправдана другая мѣра, употреблявшаяся постоянно въ іезуитскихъ школахъ — возбужденіе соревнованія между учениками. Объ этомъ тоже кричали, какъ о средствѣ, развращающемъ дѣтскую натуру, поселяющую между товарищами ненависть, раздоры, возбуждающемъ лихорадочную, неестественную дѣятельность, и т. п. Все это могло бы быть и справедливо въ другомъ мѣстѣ, но не въ іезуитскихъ школахъ. Здѣсь-то именно ничего подобнаго и не было. Нужно прежде всего замѣтить, что причина возбужденія соревнованія — у самихъ начальниковъ была — любовь христіанская, желаніе облегчить и усладить для воспитанниковъ труды ученія. Выше я привелъ выписку изъ Сакхина, касающуюся этого предмета. Тоже самое говоритъ Ювенцій. Далѣе — непріятности, которымъ могли подвергаться при этомъ отдѣльныя личности, при неудачѣ, — не могли остановить іезуитовъ, для которыхъ, по самому принципу, уничтоженіе личности въ общемъ представлялось однимъ изъ идеаловъ, къ которому должно стремиться. Имъ нужно было, чтобы ученье шло успѣшно: это дѣло общее. Для достиженія общей цѣли есть прекрасное средство — соревнованіе: они имъ и пользуются, не обращая никакого вниманія на то, что личность ученика можетъ при этомъ потерпѣть временное раз-

стройство. Это все пройдет, это такъ ничтожно, что нечего и думать объ этомъ. Даже больше: это нужно и полезно для ордена. Постоянно подвергаясь разнымъ переменамъ, удачамъ и неудачамъ, неизбежнымъ особенно при знаменитомъ calculus иезуитовъ, ученикъ мало по малу приучался не дорожить собою, ставить себя ни во что, подавлять свое самолюбіе, отречься отъ своей личности; а это первый шагъ къ той высокой добродѣтели, которою прославился и возвысился иезуитскій орденъ, — къ самоотверженному послушанію. Такъ какъ и всѣ другія средства иезуитскаго воспитанія были приурочены къ той же цѣли и прекрасно всѣ соображены между собою, то calculus не производитъ вреда даже и для развитія любви христіанской въ ученикахъ. Все приучало ученика къ мысли, что онъ самъ по себѣ — ничто, что его лучшее достоинство — повиновеніе тѣмъ, которыхъ Богъ надъ нимъ поставилъ, и съ этой твердой вѣрой въ промыслъ трудно было увлечься внушеніями раздраженнаго самолюбія. Оттого-то мы и видимъ въ иезуитахъ постоянную терпимость, ласковость и кротость въ обращеніи со всѣми, и примѣрное единодушіе въ стремленіи къ общей цѣли. Въ лѣтописяхъ монашескихъ орденовъ много есть указаній на междоусобныя брани ихъ, много есть фактовъ, свидѣтельствующихъ о ненависти францисканца къ францисканцу, доминиканца къ доминиканцу. Но относительно иезуитскаго ордена совсѣмъ нельзя замѣтить этихъ враждебныхъ отношеній, столь свойственныхъ всѣмъ людямъ *par jalousie de métier*. Враги иезуитовъ никогда не могли указать на внутренніе раздоры ордена, и это, кажется, служить яснымъ доказательствомъ, что средства иезуитскаго воспитанія совсѣмъ не были такъ опасны для любви христіанской, какъ воображаютъ ихъ противники.

Совершенно противоположное обвиненіе заключается въ томъ, что иезуиты приучали своихъ воспи-

танниковъ къ слишкомъ мягкимъ, двоедушнымъ отношеніямъ. Ничего рѣзкаго, ничего прямого, — все искусственное, ровное, спокойное, уступчивое, — какъ видно особенно изъ приведенной мною выписки изъ Юдде. Но тамъ же находится и отвѣтъ на это обвиненіе: ты не ангелъ и живешь не съ ангелами; легче тебѣ свой характеръ соображать съ характеромъ другихъ, нежели другихъ заставлять соображаться съ твоимъ характеромъ. Для личности это опять было, можетъ быть, неприятно и неудачно, но для общаго дѣла — прекрасно. Такъ поступать заповѣдалъ намъ даже апостоль: „всѣмъ вся быхъ, да всяческая пріобрязу“, говоритъ онъ. И іезуиты никогда не забывали этого святаго примѣра. Паскаль особенно сильно нападалъ на эту сторону іезуитской морали, и находя, что одинъ изъ іезуитовъ позволялъ сдѣлать отговорку, съ признаніемъ ея недостаточности, а другой — дать на словахъ обѣщаніе, безъ намѣренія его исполнить, провозгласилъ по всей Европѣ, что іезуитская мораль основана на обманѣ. Но онъ взялъ только частности, безъ отношенія къ общему. У іезуитовъ главное вниманіе обращено на внутреннее: внѣшность совершенно презирается, — не цинически, не съ ожесточеніемъ, а еще гораздо сильнѣе — съ уступками. Имъ все равно: требуютъ, чтобы при встрѣчѣ кланялись — они кланяются, приняли въ обычай — цѣловаться, и они цѣлуются. Имъ это все равно. Нужно ходить въ свѣтской одеждѣ, они въ ней ходятъ; надо надѣть монашеское платье — надѣваютъ; одѣться браминомъ — одѣваются. Они такъ сильны душой, такъ увѣрены въ себѣ, что не опасаются съ этими внѣшними переменами измѣнить и внутренній характеръ своего ученія... Они боятся только того, чтобы человекъ въ самой душѣ своей не увлекся дурнымъ направленіемъ и не попалъ на путь неправый. А пока въ сердцѣ его живо сознаніе своего долга, пока онъ не рѣшается внутренно измѣнить своимъ убѣжденіямъ,

до тѣхъ поръ слова ничего не значать, и на словахъ, вообще во внѣшности — можно дѣлать какія угодно уступки житейскимъ требованіямъ. На этомъ основаніи оправдывается наружное притворство и словесный обманъ, безъ дѣйствительнаго, сердечнаго согласія на дурной поступокъ. Такая уклончивость совершенно согласна съ общимъ характеромъ іезуитскаго ордена, и если съ пуритански-строгой точки зрѣнія можно осудить ее, то, по крайней мѣрѣ, нельзя изъ нея дѣлать такого преступленія, какое вывелъ Паскаль. Нужно согласиться, что и въ этомъ, какъ во всемъ, іезуиты послѣдовательны. Презрѣніе къ внѣшности, къ земному, стремленіе въ небесную отчизну высказывается у нихъ въ каждомъ поступкѣ, въ каждомъ словѣ. Все, даже душу свою, презирали они, помня заповѣдь Спасителя: „иже душу свою отщетитъ Мене ради и Евангелія, той спасетъ ю“.

Въ отношеніи къ учебной части большая часть враговъ іезуитовъ отдастъ имъ полную справедливость, что они учили отлично. Это зависѣло частію отъ тѣхъ воспитательныхъ средствъ, какія употреблялись въ школахъ, какъ-то соревнованія, ближайшаго наблюденія за наклонностями и характеромъ cadaго, уничтоженія всякихъ постороннихъ развлеченій, и т. п. Съ другой стороны много содѣйствовалъ успѣху и самый способъ преподаванія. И во-первыхъ нельзя не замѣтить въ іезуитскихъ школахъ строжайшаго единства цѣли во всѣхъ разнообразныхъ отрасляхъ обученія. Цѣль ихъ была жизнь вѣчная, и они, подобно Рабану Мавру, рѣшили, что всѣ науки должны быть *ancillae theologiae*. Сакхинъ говоритъ въ своемъ *Paraenesis* (р. I, cap. XIII): *humana literatura revera ancilla est, haec autem christiana est domina; et a nobis illa gratia huius assimitur. Cui vero dubium quanto impensius dominae, quae ancillae debeatur obsequium...* Зачѣмъ же тогда и учиться свѣтскимъ наукамъ? Сакхинъ объясняетъ это такъ: между нами совершается договоръ, Люди

хотятъ учиться свѣтскимъ наукамъ; а мы ихъ хотимъ учить Божественному знанію. Для того, чтобы они Божественное ученіе приняли, мы соглашаемся давать имъ и свѣтское ученіе (Сакх., стр. 61 — 2). Такимъ образомъ главная цѣль — спасеніе души нигдѣ не терялась изъ виду. Все было расположено и устроено такъ, чтобы приводить къ религіознымъ размышленіямъ и развивать въ ученикахъ благочестіе. Каждая наука имѣла свое опредѣленное мѣсто и значеніе, и ученику легко было усвоить себѣ то, что представлялось ему, какъ необходимое для достиженія послѣдней цѣли его бытія... Другое, весьма важное обстоятельство, облегчавшее труды учениковъ, состояло въ точности и неизмѣнности объема учебныхъ предметовъ и еще болѣе — самага духа и содержанія. Никто не смѣлъ вводить новыхъ вопросовъ въ учебный курсъ, никто не смѣлъ останавливаться на извѣстномъ предметѣ долѣе опредѣленнаго времени. Изъ этого происходило то, что во всемъ господствовалъ строгій порядокъ и соразмѣрность.

Сдѣлавши эти общія замѣчанія, приведу нѣсколько частныхъ, стараясь быть, по возможности краткимъ.

Иезуиты издавали нѣсколько разъ разныя инструкции, для учителей, ректоровъ, самихъ учениковъ, и пр. Двѣ изъ нихъ были у меня подъ руками. Одна *Josephi Juvencii ratio discendi et docendi*, другая — *Ratio atque institutio studiorum societatis Jesu, Paris, 1850*. Патеръ Ювенцій говоритъ сначала о томъ, какъ изучать извѣстные предметы, и особенно словесныя науки. Греческій языкъ необходимо изучать, говоритъ онъ, для сравненія священныхъ кодексовъ и загражденія устъ врагамъ вѣры; латинскій — для пониманія Богослуженія и учителей Церкви (Cap. I, art. 1). Затѣмъ онъ перечисляетъ лучшихъ авторовъ, латинскихъ и греческихъ — которыхъ слѣдуетъ читать въ классѣ. Перечень этотъ

очень полонъ и дѣйствительно заключаетъ въ себѣ всѣхъ важнѣйшихъ писателей и всѣ лучшія произведенія классической древности. Отечественный языкъ также — *non est negligenda tamen...* (стр. 34), для того, чтобы въ рѣчи умѣть искусно выражать свои мысли. Для того же особенное вниманіе обращается далѣе на слогъ, — дѣло совершенно необходимое для проповѣдника. Къ той же цѣли ведетъ реторика, діалектика, декламація. Поэзія также входитъ въ курсъ обученія; но цѣль ея опредѣляется полезнымъ нравоученіемъ. Все различіе ея отъ реторики состоитъ въ томъ, что та убѣждаетъ доказательствами, а эта *propositis exemplis et actionibus, aut honestis, quas sequamur, aut pravis, quas fugiamus* (стр. 77). Подобныя же цѣли предполагаются и при изученіи исторіи и филологіи. Для исторіи предлагается, какъ совершенно достаточное руководство, Бароній, — у котораго гражданскія событія излагаются только какъ необходимыя дополненія и поясненія къ церковнымъ. Послѣ изложенія курса наукъ начинается у Ювенція изложеніе правилъ преподаванія. И здѣсь, на первомъ планѣ, находимъ правила *de imbuedis pietate discipulis*. Объ этомъ нѣсколько главъ говорятъ спеціально, и затѣмъ — каждое объясненіе каждаго отдѣла каждой науки непременно направляется къ этой же цѣли. Вообще, говоритъ патеръ Ювенцій, ученики — *monendi sunt imprimis, ut studia referant ad divinam voluntatem et gloriam, Deoque placere et probari velint* (стр. 132). Писателей толковать нужно такъ, что даже свѣтскіе и языческіе писатели *omnes fiant quodammodo Christi praesones*, т. е. все пусть обращается къ похвалѣ добродѣтели и къ порицанію порока (стр. 133). Все это совершенно согласно съ общими постановленіями ордена и поддерживается постояннымъ исполненіемъ. Въ *Ratio studiorum*, 1850 г., есть уже отдѣльныя главы о преподаваніи Священнаго Писанія, еврейскаго языка, каноническаго права, философіи

во всѣхъ ея отрасляхъ, математики. Все это строго соображено съ истинною вѣрою и убѣжденіями ордена. Напримѣръ, о философіи вообще замѣчается (стр. 53): „Такъ какъ философія располагаетъ умъ къ богословію и другимъ наукамъ... то, ища всѣмъ сердцемъ славы и чести Божіей, учитель долженъ преподавать ее такъ, чтобы готовить ею своихъ слушателей къ другимъ знаніямъ, особенно же къ богословію, чтобы вооружать ихъ умъ противъ заблужденій нововводителей, и особенно возбуждать къ познанію своего Создателя“... Поэтому-то заповѣдуется — „о философахъ, худо относящихся къ христіанской религіи, говорить съ большою осторожностью, и если что-нибудь находится у нихъ хорошее, то показывать ученикамъ, что это ими заимствовано отъ кого-нибудь“ (стр. 54). Это опять разсужденія совершенно здравыя и основательныя. Для насъ должна быть одна истина — та, которая содержится въ Христовомъ ученіи; все остальное можетъ быть истинно только въ той мѣрѣ, въ какой согласно съ христіанствомъ. Какъ скоро этого согласія нѣтъ, а есть даже противорѣчіе, мы уже не должны увлекаться видимой убѣдительностью и логической послѣдовательностью философа. Напротивъ — чѣмъ онъ логичнѣе, тѣмъ опаснѣе: у него ложное начало, и оно никогда не приведетъ къ истинѣ, а между тѣмъ наружная логичность можетъ увлечь неопытный умъ...

Математику, физику и вообще естественныя науки предписывается излагать такимъ образомъ, чтобы во всемъ показать ученикамъ премудрость Творца, чтобы „невидимая Его отъ созданія міра, твореньями помышляемая, видима“ были (стр. 60). Опять — истинно-высокая и единственно-важная цѣль изученія — какъ естественныхъ, такъ и вообще свѣтскихъ наукъ. Все должно быть направлено къ жизни вѣчной, все должно напоминать намъ, что мы здѣсь странники, стремящіеся къ нашему небесно-

му отечеству. Изученіе всѣхъ наукъ имѣетъ смыслъ только въ той мѣрѣ, въ какой способствуетъ спасенію души...

Столь же разумно и полезно было другое правило, принятое въ іезуитскихъ школахъ: *nemo novus introducat quaestiones*. Это правило прямо и непосредственно вытекало опять изъ того-же общаго стремленія іезуитовъ къ благамъ вѣчной жизни и ихъ презрѣнія ко всему житейскому. Они рассуждали такимъ образомъ. Или въ свѣтскихъ наукахъ заключается что нибудь, существенно-необходимое для спасенія души и недостающее въ откровенномъ ученіи; въ такомъ случаѣ — Христіанство нужно обвинить въ недостаточности и неполнотѣ; или — христіанское ученіе совершенно полно и достаточно для спасенія; слѣдовательно всѣ остальные знанія при откровенномъ ученіи совершенно излишни... На основаніи этого рассужденія іезуиты и не заботились о полнотѣ свѣтскаго образованія, когда видѣли его бесполезность для спасенія души. Совершенно оставить этихъ наукъ нельзя было потому, что онѣ уже вошли въ общее употребленіе, а іезуиты всегда отличались строго-консервативнымъ характеромъ. Но — въ силу того же консерваторства, они не сочли нужнымъ преслѣдовать по всѣмъ извилинамъ всѣ новыя заблужденія мысли человѣческой, и ограничились тѣмъ, что уже издавна было принято. И къ чему, въ самомъ дѣлѣ, было имъ заниматься всѣмъ, что открываетъ и придумываетъ мысль человѣческая, когда у нихъ были уже святыя результаты, вѣчная истина, принесенная на землю любовью Божественною? Это значило бы, по ихъ выраженію, зажигать факель при свѣтѣ солнца, или — идя по берегу чистаго ручья — пить воду изъ грязной лужи, попадающей на дорогѣ.

Такая твердость и послѣдовательность въ принятыхъ началахъ, такая энергія въ осуществленіи ихъ на дѣлѣ, — заслуживаютъ, кажется, скорѣе по-

хвалы и сочувствія, нежели осужденія и отвращенія. Теперь представляется самъ собою вопросъ: за что же всѣ такъ ненавидятъ іезуитовъ, за что ихъ преслѣдуютъ, за что къ нимъ питаютъ одинаковое нерасположеніе люди самыхъ различныхъ партій? Вопросъ этотъ получаетъ у іезуитовъ самое простое и самое правдоподобное рѣшеніе: царство наше не отъ міра сего, говорятъ они, и міръ не хочетъ принять насъ, потому, что не признаетъ насъ своими. Дѣйствительно, короли гнали іезуитовъ за то, что замѣчали въ нихъ стремленіе водворить повсюду духовную власть на началахъ ееоократическаго правленія, безъ сомнѣнія самага вождедѣннаго для всѣхъ странъ и для всѣхъ временъ. Республиканцы и раціоналисты возставали на іезуитовъ потому, что видѣли въ нихъ самыхъ твердыхъ и могущественныхъ противниковъ своимъ замысламъ. Они были послѣдовательны, потому что, порицая іезуитовъ, порицали самую начала, на которыхъ тѣ основываются. Такъ, гг. Мишле и Кине, въ своихъ бранныхъ лекціяхъ, 1843 г., прямо говорятъ: *Que est-ce que les jésuites? — C'est la contre-révolution, c'est la mort de la liberté* (стр. 22). Исходя изъ этого начала, они бичуютъ іезуитовъ и доводятъ ихъ до результатовъ, въ самомъ дѣлѣ ужасныхъ для того, кто ничего не видитъ за предѣлами здѣшней жизни. Это — машинизмъ, говорятъ они, это подавленіе всѣхъ силъ духа, уничтоженіе естественнаго развитія, стѣсненіе и уничтоженіе свободы, противоестественное воспитаніе, жертвованіе призрачнымъ цѣлямъ существеннѣйшими потребностями жизни. У іезуитовъ нѣтъ любви къ наукѣ, говорятъ они, нѣтъ стремленія къ развитію мышленія, а напротивъ есть постоянное желаніе — подавить, умертвить самостоятельность личности, задержать ходъ развитія, во всемъ водворить неподвижность и застой.

Іезуиты ничего не говорили противъ справедливости этихъ обвиненій; они только объясняли свои

понятія въ возраженіяхъ господамъ рационалистамъ. „Вы хотите свободы, говорили они, — но по нашему — свобода состоитъ въ подчиненіи волѣ Божіей; хотите истины, но истина наша въ согласіи съ разумомъ Божественнымъ; хотите жизни, — но мы думаемъ, что здѣшняя жизнь есть только приготовленіе къ вѣчности и сама по себѣ ничего не значить. Вы указываете, что у насъ не было двигателей мысли, изобрѣтателей и т. п., да на что намъ они? Наша цѣль совсѣмъ иная. Мы хотимъ развить умъ для пониманія небесныхъ истинъ, а не для земныхъ открытій. Было бы дурно, если бы мы ошиблись въ своихъ расчетахъ и сдѣлали не то, что хотѣли... И къ чему служить ваше умственное развитіе? Развѣ Бэконъ, одинъ изъ начальниковъ новѣйшей философіи, не былъ безнравственнымъ человекомъ, и развѣ онъ не мучится теперь, не смотря на свой умъ, въ гееннѣ огненной, тогда какъ какой-нибудь простой, неискусный монахъ ликуетъ съ ангелами небесными?..“

Заключая этимъ свой неполный, короткій очеркъ, я считаю нужнымъ замѣтить, что не обращалъ здѣсь вниманія на фактическія обвиненія противъ іезуитовъ потому, что они не имѣютъ коллективнаго характера. Такой-то іезуитъ подкупилъ убійцу Генриха IV, такой-то написалъ книгу въ оправданіе царубійства, и т. п. Это все ничего не доказываетъ. Бываютъ вездѣ уклоненія и исключенія; но они не должны класть позорнаго пятна на цѣлую корпорацію. Разсматривая же общій духъ установленій іезуитовъ и ихъ дѣятельности, нельзя не согласиться, что они всегда были вѣрны своимъ святымъ принципамъ. Пусть говорятъ рационалисты противъ іезуитскихъ принциповъ и ихъ дѣятельности: имъ это простиительно потому, что они ничего не видятъ за предѣлами земной жизни. Но мы смотримъ на дѣло иначе. Правда, заключимъ мы, мысль имѣетъ мало простора въ іезуитскомъ воспитаніи, умъ разви-

вается односторонне; но намъ и не нужно особеннаго разгула мыслей и особенно-премудраго ума; „мы умъ Христовъ имамы“. Правда—іезуитизмъ подавляетъ личность, стѣсняетъ, умерщвляетъ; ученіе іезуитовъ останавливаетъ свободное развитіе, это есть смерть человѣчества. Но — „не оживемъ, аще не умремъ“, скажемъ мы словами Апостола и охотно подвергнемся этой смерти душевной, которая должна послужить для насъ залогомъ духовной, небесной, вѣчной жизни. Къ достиженію этой-то жизни направлены всѣ стремленія, всѣ учрежденія іезуитовъ, и ихъ направленіе совершенно вѣрно и послѣдовательно. Если я не успѣлъ убѣдительно и неопровержимо доказать это, то, конечно, вина принадлежитъ неискустству моего изложенія, а не самому дѣлу, которое еще найдетъ себѣ когда-нибудь достойнаго адвоката.

Критическое Обзорѣніе Педагогической литературы XIX столѣтія.

|Отрывокъ|.

Если несомнѣнно, что воспитаніе и образованіе тогда только можетъ быть успѣшно, когда оно дѣлаетъ ихъ склонными и способными къ дальнѣйшему самовоспитанію, то несомнѣнно, что ту же цѣль нужно преимущественно имѣть въ виду при образованіи будущихъ педагоговъ. Если воспитанникъ Педагогическаго Института, вышедши — перестаетъ учиться и считаетъ достаточными тѣ знанія, которыя онъ получилъ въ заведеніи, — то онъ педагогъ, во многихъ отношеніяхъ несовершенный. Наука въ настоящее время быстро идетъ впередъ; подобный наставникъ неизбѣжно отстаетъ отъ ея хода и на ту же отсталость неизбѣжно осуждаетъ и своихъ учениковъ. Преподаваніе подобнаго, не любящаго своей науки, наставника холодно, вяло, лишено энергіи и воодушевленія, которое такъ возбу-

дительно дѣйствуетъ на учениковъ. Разумная сила проявляется тогда отъ прикосновенія другой разумной жизни; а жизнь состоитъ въ измѣненіяхъ послѣдовательно совершающихся въ разумномъ организмѣ. Поэтому и нужно позаботиться о томъ, чтобы возбудить въ воспитанникѣ стремленіе къ дальнѣйшему самообразованію и дать средство къ нему, познакомивши съ источниками и пособіями, — и съ тѣми научными приѣмами, при помощи которыхъ можно съ успѣхомъ самостоятельно разрабатывать науку. Почитая ученіе о воспитаніи человѣка важнѣйшимъ и необходимымъ знаніемъ, — мы должны познакомиться подробно съ педагогическою литературою.

Отъ Песталоцци до нашего времени.

Философское ученіе.

Подъ именемъ философскаго ученія о воспитаніи разумѣемъ то, которое, исходя изъ философскихъ началъ, возводитъ все свое ученіе къ одному или нѣсколькимъ основоположеніямъ. Наше время, столь богатое философскими тенденціями, богато и философскими сочиненіями о воспитаніи. Это — самыя важныя и необходимыя для педагога сочиненія. Разумѣется, — подобныя сочиненія должны были явиться преимущественно въ Германіи. Ихъ разсмотрѣніе можетъ быть по философскимъ школамъ, которыя въ настоящемъ столѣтіи преемственно смѣняли другъ друга (Кантъ, — кенигсбергская школа. Критика ума и внѣшнихъ чувствъ. Фихте, отвергшій внѣшній міръ, и считавшій его произведеніемъ нашего духа. Шеллингъ — считавшій все развитіемъ одной абсолютной субстанціи, — пантеизмъ; Гегель, поведшій это дѣло еще далѣе. Гербардъ — эклектикъ).

Разногласіе педагогическихъ взглядовъ въ XVIII ст. ясно показало всѣмъ отсутствіе философскихъ взгля-

довъ на этотъ предметъ (Франке — все приводилъ къ религіозности, Руссо — отвергалъ религію, Базедовъ — искалъ счастья (эвдемонизмъ) и полезности (утилитарность). Филологи говорили, что нужно изучать древніе языки, — другіе — естественную исторію, Локкъ — подсмѣивался надъ изученіемъ древнихъ языковъ). Кантъ своимъ глубоко-критическимъ умомъ открылъ и ясно показалъ потребность научнаго и философскаго познанія о воспитаніи. Съ его времени педагогика вступила въ такую же тѣсную связь съ философіею, какъ было въ Греціи временъ Платона и Аристотеля. Собственно о педагогикѣ Кантъ спеціального сочиненія не издалъ. Есть, правда, сочиненіе *Von der Pädagogik*, изд. Ring'a, но это есть только подробный конспектъ лекцій, читанныхъ Кантомъ, изданный однимъ изъ его учениковъ. Его мысли о воспитаніи можно найти въ Антропологіи, гдѣ онъ говоритъ о развитіи чело-вѣка. Не мало также изреченій находимъ въ его *Kritik der praktischen Vernunft*. Онъ 1) рѣшительно отвергаетъ эвдемоническія и утилитарныя начала школы филантроповъ (Базедовъ отвергаетъ перво-родный грѣхъ и называетъ мизантропами противниковъ своихъ, отвергаетъ всѣ строгія мѣры воспитанія) и замѣняетъ ихъ началомъ нравственнымъ, хотя и не христіанскимъ, не откровеннымъ. (Онъ говоритъ абсолютная нравственная свобода — вотъ нравственность). 2) Признаніе безразличія чело-вѣческой воли въ отношеніи къ добру и злу. — Отсюда характерная черта ученія Канта — психологическій натурализмъ, хотя и облагороженный ученіемъ Канта о нравственности. Заслуга кантіанской школы состоитъ 1) въ глубокомъ изслѣдованіи духовныхъ силъ чело-вѣка и въ опредѣленіи законовъ ихъ разви-тія; 2) въ сообщеніи ученію о воспитаніи внѣшняго систематическаго вида. Не говоримъ уже объ отрицательной заслугѣ, изгнаніи безнравственныхъ началъ конца XVIII столѣтія.

Его послѣдователи: I. Chr. Грейлингъ, р. 1755 г. Его соч. 1) Ueber den Endzweck der Erziehung — über den ersten Grundsatz der Erziehung; 2) Philosophische Briefe.

II. Гейзингеръ: 1) Beitrag zur Berichtigung einiger Begriffe der Erziehung.

2) Lehrbuch der Erziehung.

III. Каетанъ.

1) Ueber den Zweck der Erziehung.

2) Lehrgebäude.

Его сочиненія отличаются необыкновенно обширными и прекрасными психологическими изслѣдованіями.

Самый замѣчательный и обильный по вліянію былъ А. Г. Нимейеръ. Его твореніе о воспитаніи имѣло 9 изданій. Познакомимся съ нимъ поближе.

Онъ родился въ Галле, 1754 г., и здѣсь же провель почти всю свою жизнь, постоянно подвизаясь на педагогическомъ поприщѣ. По окончаніи курса въ Королевскомъ Педагогіи (основ. Франке высшая гимназія), — онъ вступилъ въ Галльскій университетъ, гдѣ посвятилъ себя изученію богословія. Въ 1780 году назначенъ былъ профессоромъ богословія и инспекторомъ богосл. семинаріи; въ 1784 г. ординарнымъ профессоромъ и инспекторомъ Педагогіи; 1785—товарищъ директора Педагогіи и директоръ Галльского сиротскаго дома; 1787—директоръ Педагогической Семинаріи (которая была при самомъ учрежденіи Франке), — потомъ, будучи награждаемъ разными званіями и повышеніями, въ 1808 г. назначенъ былъ Rector perpetuus и канцлеромъ Галльского Университета. Въ 1813 г. отвезенъ былъ плѣнникомъ во Францію, за патріотическія стремленія Галльского Университета, въ 1814 г. былъ освобожденъ, сложилъ званіе канцлера, и остался до смерти только ректоромъ.

Въ 1796 г. Нимейеръ издалъ Grundsätze der Erziehung und des Unterrichts, въ трехъ томахъ. По-

слѣднее изданіе его (9-е) сдѣлано въ 1835 г. сыномъ его и преемникомъ въ управленіи Галльской Педагогической Семинаріею. Значеніе книгъ Нимейера чрезвычайно важно. Можетъ быть, и можно указать на другія творенія въ Германской Литературѣ, отличающіяся большою научною послѣдовательностью (Бенеке), но нѣтъ творенія, которое бы было такъ близко къ педагогической практикѣ, исчерпывало бы всѣ случаи педагогической дѣятельности. Этимъ объясняется успѣхъ ея. Все твореніе въ трехъ томахъ, содержаніе которыхъ не все однако принадлежитъ Нимейеру-отцу. Въ послѣднемъ изданіи третьяго тома помѣщена обширная статья: *Ueberblick der allgemeinen Geschichte der Erziehung und des Unterrichts der alten und neuen Welt.*

Первый томъ занимается ученіемъ о воспитаніи. Сначала изложеніе началъ, положенныхъ въ основаніе Кантомъ. Во второй части перваго тома, проходя всѣ силы человѣческаго существа, Нимейеръ разсматриваетъ всѣ случаи, могущіе встрѣтиться при воспитаніи разныхъ душевныхъ силъ. Такъ, говоря о памяти, — онъ говоритъ не только объ естественномъ положеніи, но обращается и къ болѣзненнымъ отношеніямъ, когда слабость памяти доходитъ почти до отсутствія ея. Третья часть перваго тома заключаетъ изслѣдованіе объ умственныхъ и нравственныхъ искаженіяхъ, которымъ можетъ подвергаться мальчикъ, — здѣсь и мѣры къ возстановленію нормальнаго положенія нравственнаго характера. Второй томъ говоритъ о преподаваніи, вовсе не входя въ разсужденія о томъ, въ какомъ видѣ и какіе предметы должны входить въ составъ учебнаго курса, что и есть недостатокъ. Но касательно способовъ преподаванія — представляетъ множество прекрасныхъ совѣтовъ и относительно пріемовъ, и относительно руководствъ и пособій для учителя.

|О педагогическихъ журналахъ|.

|Отрывокъ|.

— Мы нѣсколько разъ уже обращали вниманіе нашихъ читателей на статьи о воспитаніи, помѣщавшіяся въ *Морскомъ Сборникѣ*. Теперь мы съ удовольствіемъ можемъ указать на два новыя явленія въ нашей литературѣ, посвященныя исключительно педагогическимъ вопросамъ: *Журналъ для воспитанія* и *Русскій Педагогическій Вѣстникъ*. Вопросы о воспитаніи имѣютъ такую существенную вѣрность и такъ близки сердцу cadaго образованнаго и благомыслящаго челоука, что мы предоставляемъ себѣ поговорить со временемъ особо объ этихъ новыхъ журналахъ. Теперь же ограничимся только общими замѣчаніями.

Журнала для воспитанія, изд. С. А. Чумиковымъ, — вышло до сихъ поръ уже три книжки. Онѣ еще не даютъ права дѣлать какихъ нибудь окончательныхъ выводовъ о достоинствѣ и характерѣ журнала; но и по нимъ уже можно судить, что это предпріятіе серьезное и добросовѣстное, а не спекуляція, являющаяся подъ ученымъ покровомъ, — на легковѣріе нашей публики, еще такъ мало знакомой съ педагогическими вопросами. Редакція не дѣлала особенно громкихъ обѣщаній и даже не назвала въ объявленіи своихъ сотрудниковъ; но въ вышедшихъ книжкахъ выполняетъ, болѣе или менѣе удовлетворительно, все, что обѣщала. Въ нихъ видѣли мы общія теоретическія разсужденія о воспитаніи, и частныя замѣтки, касающіяся практическихъ занятій съ учениками, и обзорнія педагогическихъ сочиненій, и біографіи извѣстныхъ педагоговъ, и извѣстія объ учебныхъ заведеніяхъ, отечественныхъ и иностранныхъ. Къ сожалѣнію, не всѣ статьи написаны одинаково дѣльно, и не всѣ легко читаются. Между прочимъ неприятно было намъ найдти тяжелое изложеніе въ статьяхъ г. Рѣдкина подъ общимъ

заглавіемъ: Что такое воспитаніе (во всѣхъ трехъ №№ журнала). Онѣ такъ много заключаютъ въ себѣ мыслей—истинно полезныхъ и благородныхъ, что жаль было бы, если бы форма ихъ оттолкнула отъ себя читателей. Для пользы самого дѣла нужно желать, чтобы г. Рѣдкинъ избѣгалъ въ своихъ статьяхъ отвлеченной витіеватости, равно какъ и того выпрениаго тона, въ которомъ онъ обращаетъ къ родителямъ и воспитателямъ свои обличенія. Мы замѣчаемъ это, будучи вполне увѣрены, что г. Рѣдкинъ, доказавшій изданіемъ своей *Дѣтской Библіотеки*,—какъ хорошо онъ умѣетъ примѣняться къ потребностямъ дѣтей, умѣлъ бы, если бы захотѣлъ, примѣниться и къ потребностямъ обыкновенныхъ читателей. Въ 1 и 2 №№ помѣщены составленныя также г. Рѣдкинымъ обзорнія иностранной педагогической литературы. Первое изъ нихъ, гдѣ говорится вообще обо всѣхъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ по части педагогики, слишкомъ кратко и не даетъ почти никакого понятія объ особенностяхъ разбираемыхъ книгъ. За то вторая статья о Дистервегѣ—написана весьма дѣльно, обстоятельно и безпристрастно... Она заставляетъ желать, чтобы за нею явились столь же подробныя статьи и о другихъ важнѣйшихъ дѣятеляхъ на педагогическомъ поприщѣ. Изъ другихъ статей замѣчательны разборы статей о воспитаніи Бема и г. Давыдова,—составленныя Ѳ. Бемеромъ. Напрасно только критикъ подробно разбираетъ статью г. Давыдова, которая, какъ объясняетъ г. Бемеръ, хотя и явилась по поводу разсужденія Бема, въ 1856 г., но составляетъ не что иное, какъ буквальное повтореніе мыслей, высказанныхъ г. Давыдовымъ уже много лѣтъ тому назадъ: одна ея половина была напечатана въ приложеніи къ трудамъ студентовъ Педагогическаго Института, въ 1851 г., а другая въ *Библ. для Чит.* еще въ 1834 г. Опровергать и разбирать человѣка, который, по поводу новыхъ мнѣ-

ній и вопросовъ, буквально повторяетъ то, что было имъ высказано за 20 слишкомъ лѣтъ,—по нашему мнѣнію,—совершенно излишне. Серьезные разборы подобныхъ перепечатокъ могутъ быть оправданы развѣ тогда, когда они обращаются на авторовъ, которые, повторяя зады, все-таки продолжаютъ пользоваться непоколебимымъ ученымъ авторитетомъ...

Интересны также въ *Журналъ для воспитанія*,— Мысли объ устройствѣ женскихъ училищъ, статья издателя, еще не конченная (№ 3); Письма къ русскимъ женщинамъ, А. Х-вой, также представляющія только начало цѣлаго ряда статей (№ 1, 3); біографія Витторино Фельтрскаго (№ 1); о пользѣ педагогической литературы, г. У—го (№ 1), о дѣтскомъ чтеніи (№ 2), объявленія содержателей пансіоновъ, очень живой очеркъ—Диккенса. Въ извѣстіяхъ объ учебныхъ заведеніяхъ находимъ, между прочимъ, обзоръ учебныхъ заведеній въ Соединенныхъ Штатахъ... Съ третьяго нумера редація начала рядъ мелкихъ замѣтокъ подъ общимъ заглавіемъ: Педагогическій сборникъ. Здѣсь собраны изъ разныхъ педагогическихъ иностранныхъ изданій маленькія статейки, представляющія простое указаніе на какія-нибудь педагогическія явленія, или вопросы,—напр. объ улучшеніи учителей въ зависимости отъ улучшенія ихъ матеріальнаго положенія, о вліяніи умственнаго образованія на нравственное воспитаніе и т. п. Вообще—*Журналъ для воспитанія* представляетъ довольно интереса и разнообразія. Нельзя не пожелать только, чтобы въ немъ не было статей, подобныхъ „Совѣтамъ врача“ (№ 2), поверхностно и вяло толкующихъ о предметахъ, которые никому даже не могутъ быть не извѣстны... Еще значительный недостатокъ *Ж. д. в.* состоитъ въ томъ, что въ немъ нѣтъ критики вновь выходящихъ сочиненій, назначенныхъ для обученія и воспитанія, Назначивши свой журналъ быть „руко-

водствомъ для учителей и воспитателей“ редакція непременно должна позаботиться о томъ, чтобы удовлетворить ихъ потребностямъ и съ этой стороны.

Вслѣдъ за *Журналомъ для воспитанія* объявлено было и объ изданіи *Русскаго Педагогическаго Вѣстника* — Н. Вышнеградскимъ, профессоромъ педагогики въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ. Пышная программа новаго журнала и званіе издателя заставляли бы ожидать отъ него очень многого, но къ сожалѣнію, почтенный профессоръ не совсѣмъ ясно выразилъ идею и ходъ изданія въ своей программѣ, не разрѣшивъ нашихъ недоумѣній и первой книжкой, недавно вышедшей. О направленіи журнала издатель выразился глухо, сказавши только, что „редакція питаетъ извѣстныя педагогическія убѣжденія“. О характерѣ журнала сказано, что онъ будетъ практической и что въ немъ не будетъ статей теоретическихъ, имѣющихъ только отдаленное отношеніе къ педагогической практикѣ, а между тѣмъ вышедшая книжка вся почти наполнена именно такими теоретическими разсужденіями. Мы хотимъ однако же надѣяться, что послѣдующія книжки совершенно поправятъ впечатлѣніе, производимое программой и первой книжкой журнала, которая тоже кажется скорѣе prospectus изданія, нежели настоящее начало его. Въ ней гораздо болѣе обѣщаній и предположеній, нежели дѣла. Только прекрасная статья г. Чистовича о педагогической гимнастикѣ искупаетъ до нѣкоторой степени бѣдность перваго номера журнала, — хотя и она болѣе излагаетъ общія гигиеническія понятія, нежели даетъ практическіе совѣты относительно приемовъ въ приученіи дѣтей къ гимнастикѣ. Въ статьѣ самого издателя, которою открывается журналъ, — о самовоспитаніи (статья первая), — послѣ совершенно справедливыхъ, хотя довольно многословныхъ разсужденій о необходимости старшему поколѣнію улучшить себя,

чтобы успешно воспитывать младшее, — мы неожиданно находимъ дидактическое изложеніе элементарныхъ понятій о томъ, существуетъ ли природное различіе между людьми въ умственныхъ способностяхъ... Зачѣмъ сюда попало это изложеніе, объясняется развѣ замѣчаніемъ издателя, что вопросъ этотъ весьма важенъ для русскаго общества. Въ статьѣ г. Гурьева — о вліяніи воспитанія на силу воли (статья первая) тоже ничего почти мы не нашли о волѣ; а говорится тамъ о необходимости приучить дѣтей къ точному и правильному воспріятію впечатлѣній.

Но обѣщаній *Русскій Педагогическій Вѣстникъ* даетъ весьма много. Въ первой книжкѣ довольно много страницъ занято обѣщаніями и предположеніями о томъ, что онъ долженъ и будетъ дѣлать. Онъ обѣщаетъ печатать извлеченія изъ сочиненій Лафатера и Галля съ подробнымъ обсужденіемъ ихъ положеній (стр. 17), извлеченіе изъ регулятивовъ г. Стиля и изъ критики на нихъ Дистервега; особый рядъ статей, въ которыхъ постепенно будетъ развиваться весь курсъ теоріи воспитанія, описаніе учебныхъ заведеній Франке, сводъ всѣхъ законодательныхъ постановленій въ Германіи относительно воспитанія. Но всего замѣчательнѣе и всего болѣе заслуживаетъ благодарности слѣдующее обѣщаніе издателя: „въ нашемъ журналѣ будутъ помѣщены въ переводѣ на русскій языкъ всѣ классическія творенія о воспитаніи“. (*Р. П. В.* № 1, стр. 66). Однако же рядомъ съ этимъ обѣщаніемъ намъ кажется нѣсколько непонятною оговорка, которую онъ дѣлаетъ въ заключеніе своихъ замѣчаній о нѣкоторыхъ изъ классическихъ иностранныхъ сочиненій по части педагогики. „Простите, говоритъ онъ, что сужденія наши о важнѣйшихъ педагогическихъ твореніяхъ нѣсколько кратки. Причина того — небольшой объемъ нашего журнала, рѣшительно не позволяющій вводить въ него обширныя критическія статьи о каждой

книгъ педагогическаго содержанія“ (стр. 105). Неужели же критическая статья займетъ мѣста больше, нежели переводъ цѣлаго сочиненія?

Все это — бѣглыя замѣчанія, касающіяся болѣе внѣшности изданій, нежели внутренняго его характера. Объ этомъ предоставляемъ себѣ поговорить уже впоследствии, потому что изъ первой книжки нельзя еще ничего видѣть.

Еще одно замѣчаніе: языкъ въ большей части статей *Русскаго Педагогическаго Вѣстника*, и особенно въ статьяхъ самого издателя, — весьма сильно напоминаетъ языкъ нашихъ витій первой половины XVIII вѣка, церковно-славянскій, съ латинско-германской конструкціей.

Во всякомъ случаѣ — появленіе двухъ журналовъ педагогическаго содержанія представляетъ для насъ явленіе, чрезвычайно отрадное. Оно доказываетъ, что публика наша обратила наконецъ на вопросы о воспитаніи то вниманіе, котораго они заслуживаютъ.

Отчеты Главнаго Педагогическаго Института.

Письмо къ директору Пензенской гимназіи.

|Письмо это написано Добролюбовымъ по соглашенію съ товарищами. Въ 1856 году студентъ Казанскаго Университета Эссенъ написалъ директору Института И. И. Давыдову о томъ, съ какимъ негодованіемъ отнеслось Пензенское общество къ его дѣятельности въ качествѣ директора. Поводомъ послужила рѣчь какого-то педагога, сказанная на актѣ Пензенской гимназіи. Давыдовъ не нашелъ ничего лучше, какъ собрать студентовъ и заставить ихъ отвѣтить за него на нападки Эссена. Сами студенты должны были выразить ему свое уваженіе и сказать публично, насколько они довольны тѣмъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, въ которомъ нашли приютъ. Заявленіе студентовъ было, однако, явно не искренно и сдѣлано подъ давленіемъ начальства. Оттого сильнѣе чувствовавшіе свое достоинство студенты рѣшили протестовать, написавъ всю правду директору Пензенской гимназіи, къ которому обратился Давыдовъ. Письмо ихъ, однако, не только не было отправлено, но даже окончено. Оказалось, что на просьбу Давыдова снести съ III Отдѣл. и сообщить фамилію автора письма (Эссенъ подъ письмомъ не подписался), директоръ отвѣтилъ полнымъ сочувствіемъ. При такихъ обстоятельствахъ студентамъ отъ себя обращаться къ нему, очевидно, не было смысла. Дѣло кончилось, такимъ образомъ, лишь тѣмъ, что Эссенъ былъ сосланъ въ солдаты на Кавказъ.|

Милостивый государь!

Вы, безъ сомнѣнія, получили уже отъ директора Педагогическаго Института письмо, присланное къ нему изъ Пензы, съ его отвѣтомъ. Въ его отвѣтѣ находится оправданіе отъ всѣхъ обвиненій, взводимыхъ въ этомъ письмѣ на студентовъ Института. Но студенты стыдятся, что защита ихъ интѣ-

ресовъ досталась на долю человѣку столь недостойному и рѣшаются сами сказать слово за себя. Директоръ нашъ прочиталъ намъ — какъ обвиненіе, такъ и свое оправданіе, и мы спѣшимъ объявить, что совсѣмъ не раздѣляемъ его точки зрѣнія. Доказывать совершенства Института тѣмъ, что въ немъ есть ученые профессоры, и что изъ него въ 28 лѣтъ вышелъ десятокъ порядочныхъ людей, можетъ, конечно, только тотъ, кто не имѣетъ сказать ничего существеннаго въ его защиту. Свидѣтельствоваться „Описаніемъ“ Института — значитъ отдавать себя на посмѣяніе всѣхъ благомыслящихъ людей, въ чемъ Вы можете удостовѣриться изъ рецензій этого описанія, напечатанныхъ въ VIII № *Современника*, нынѣшняго года, и въ XI № *Отеч. Записокъ*, 1855. Но студенты Института тѣмъ не менѣе имѣютъ оправданія, гораздо болѣе существенныя и важныя, нежели всѣ жалкія, безстыдно-ложныя, лишенныя внутренняго содержанія фразы Давыдова.

Прежде всего скажемъ, что мы, студенты новаго времени, люди молодого поколѣнія, сами болѣе всѣхъ видимъ тѣ гадости, тѣ злоупотребленія, которыми отличается Институтъ въ послѣднее время. И мы не только не оскорбляемся негодованіемъ пензенскаго общества; но еще радуемся, находя въ немъ сильнаго союзника въ нашихъ собственныхъ усиліяхъ къ уничтоженію зла. Мы всегда говорили предъ обществомъ и даже предъ высшимъ начальствомъ, что нынѣшній институтскій порядокъ не можетъ привести ни къ чему доброму; и въ жалобахъ своихъ мы представляли въ возможности то же самое, что пензенское письмо описываетъ уже случившимся въ дѣйствительности. Изъ этого письма Министерство можетъ увидѣть, что были правы мы, а не наши ближайшіе начальники, на которыхъ однихъ лежитъ отвѣтственность за все тяжкое, неискупимое зло, которое потерпѣла Россія отъ Института...

Намъ грустно самимъ раскрывать мрачную картину институтской жизни. Но правдивое описаніе ея, безъ сомнѣнія, можетъ оправдать студентовъ гораздо болѣе, нежели официальное „Описаніе“, присланное Вамъ Давыдовымъ.

Для объясненія нѣкоторыхъ нелѣпыхъ положеній, представленныхъ въ немъ, нужно Вамъ сказать объ исторіи нынѣшняго Устава Института. Первоначально этотъ Уставъ былъ написанъ для прежняго Института, съ приготовительнымъ и малолѣтнимъ отдѣленіемъ. Тамъ вездѣ строго различаются студенты отъ воспитанниковъ, т. е. малолѣтнихъ. Но въ 1847 г., когда Давыдовъ поступилъ въ Институтъ, онъ вздумалъ уничтожить всѣ предварительные курсы, и, отбросивъ все, что въ прежнемъ Уставѣ касалось собственно студентовъ, отнесъ въ измѣненномъ Уставѣ къ студентамъ то, что было написано для маленькихъ дѣтей. Цѣль его при этомъ была ясна: онъ хотѣлъ держать студентовъ какъ мальчиковъ, стараясь всего болѣе сдѣлать изъ нихъ безсловесныя, покорныя, немыслящія существа, которыя бы не мѣшали ему беспощадно воровать и дѣлать всевозможныя нелѣпости. Добившись утвержденія измѣненнаго такимъ образомъ Устава, Давыдовъ 10 лѣтъ ревностно трудился надъ тѣмъ, чтобы заставить студентовъ исполнять его, и до нѣкоторой степени онъ достигъ своей цѣли. Онъ окружилъ себя людьми ничтожными, глупыми и подлыми, и, съ своимъ достойнымъ товарищемъ экономомъ, довелъ казнокрадство до удивительнаго совершенства. Содержаніе студентовъ стало такъ скверно, администрація такъ нелѣпodesпотична, что скоро никто не хотѣлъ поступать въ Институтъ. На 30 вакансій являлось 25 чело-вѣкъ: выбора не было. Въ Институтъ принимали людей, не выдержавшихъ пріемнаго экзамена въ университетѣ или въ духовной академіи, — людей не знавшихъ ни одного новаго языка, людей, получав-

шихъ на приѣмномъ экзаменѣ единицы въ ариѣметикѣ... И на такихъ-то студентовъ наваливали вдругъ 14 предметовъ, по 7^{1/2} часовъ заставляли ихъ сидѣть въ классахъ, слушать лекціи на иностранныхъ языкахъ, записывать и составлять самимъ всѣ лекціи и еще кромѣ того готовить безпрестанныя репетиціи. Все подленькое, учащееся для полученія мѣста, принимающее науку...

Описаніе Главнаго Педагогическаго Института въ нынѣшнемъ его состояніи. Спб. 1856.

Актъ девятаго выпуска студентовъ главнаго педагогическаго института 21 іюня 1856 г. Спб. 1856.

Объ эти книжки изданы почти въ одно время и служатъ необходимымъ дополненіемъ одна другой. Описаніе представляетъ намъ состояніе Института во всѣхъ частяхъ его жизни и управленія; Актъ заключаетъ въ себѣ отчетъ объ учебной дѣятельности Института за истекшій академическій годъ и рѣчь профессора Лоренца, на латинскомъ языкѣ, о томъ, съ какой цѣлю Императоръ Николай учредилъ Педагогическій Институтъ.

Педагогическій Институтъ, безспорно, есть одно изъ важнѣйшихъ учебныхъ заведеній нашихъ, по тому вліянію, какое могутъ имѣть его воспитанники, всѣ дѣлающіеся учителями въ гимназіяхъ, на развитіе просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ. Знанія, убѣжденія, направленіе, принятое ими, не остаются только ихъ достояніемъ, а передаются ими новому поколѣнію, идущему по слѣдамъ ихъ. Поэтому все, что касается Института, должно возбуждать живѣйшее любопытство во всѣхъ, кому дорого отечественное просвѣщеніе, и мы съ особеннымъ удовольствіемъ обращаемъ вниманіе читателей на изданныя нынѣ

брошюры, изъ которыхъ можно получить довольно полное понятіе объ устройствѣ и назначеніи Института.

Начнемъ съ рѣчи. Профессоръ Лоренцъ избралъ предметомъ ея чрезвычайно важный вопросъ, и въ началѣ рѣчи прекрасно, хотя и кратко, обрисовываетъ дѣятельность Карла Великаго для распространенія образованности, затѣмъ, сравнивая съ нимъ въ Бозѣ почивающаго Государя Императора Николая I-го, говоритъ о цѣли учрежденія Института и необходимѣйшихъ предметахъ общаго образованія. Хотя рѣчь профессора Лоренца, по обычаю сочиненій подобнаго рода, написана очень краснорѣчивымъ слогомъ, но тѣмъ не менѣе въ ней встрѣчается нѣсколько мыслей, въ которыхъ мы узнаемъ проницательный умъ историка, столь уважаемаго нами за его курсъ всеобщей исторіи. Говоря о цѣли учрежденія Института, г. Лоренцъ прекрасно выражаетъ ее въ слѣдующихъ краткихъ чертахъ: „Государь Императоръ хотѣлъ, чтобы общественное и частное воспитаніе утверждалось на прочныхъ основаніяхъ и слѣдовало тому направленію, которое не приводитъ только къ гуманности грубые нравы и дѣлаетъ изъ пустыхъ и бесполезныхъ людей благородныхъ и полезныхъ членовъ общества, но которое особенно укореняетъ въ душѣ страхъ Божій, любовь къ отечеству и повиновеніе начальству“ (Стр. 9).

Къ достиженію этихъ высокихъ цѣлей направлено все устройство Института, свѣдѣнія о которомъ сообщаются въ „Описаніи“ его. Строжайшій надзоръ и повѣрка всѣхъ дѣйствій студентовъ, предупрежденіе всякаго случая, гдѣ бы студенты могли дѣйствовать сами по себѣ, подведеніе всѣхъ возможныхъ случайностей подъ неизмѣнныя правила Устава, доведены здѣсь до изумительнаго совершенства. Студенты ни въ чемъ не предоставлены самимъ себѣ; попечительное начальство слѣдитъ за ними на каждомъ шагу и опредѣляетъ ихъ дѣйствія до малѣй-

шихъ подробностей. На лекціяхъ профессора не ограничиваются чтеніемъ лекцій, но постоянно обращаются къ учащимся съ вопросами и, по надлежащемъ съ ихъ стороны усвоеніи пройденныхъ предметовъ, заставляютъ самихъ студентовъ о нихъ объясняться. („Опис.“ стр. 12). Учебными книгами студенты снабжаются „по требованію преподавателей и распоряженію инспектора“ (стр. 20), а изъ неучебныхъ могутъ брать изъ библіотеки только „книги, одобряемыя профессоромъ, съ разрѣшенія директора или инспектора, и не болѣе, какъ по одному сочиненію для cadaго изъ изучаемыхъ ими предметовъ“ *) (стр. 21). Независимо отъ наблюденія профессоровъ и прочихъ преподавателей за поведеніемъ студентовъ, въ классахъ общій надзоръ за благоустройствомъ и тишиною учащихся имѣетъ еще инспекторъ (стр. 22). — Весь день студентовъ распределенъ очень подробно. Вотъ что говоритъ „Описаніе“ (стр. 23 — 4):

„Въ 7 часовъ утра студенты должны быть чисто, опрятно и по формѣ одѣты и собираться въ классныхъ комнатахъ для приготовленія уроковъ. Въ 8 часовъ они всѣ въ порядкѣ идутъ въ столовую на молитву и занимаютъ тамъ каждый опредѣленное мѣсто. Послѣ утреннихъ молитвъ, читаются апостоль и евангеліе, по положенію православной церкви, на церковно-славянскомъ языкѣ. По окончаніи евангелія, студенты завтракаютъ. Въ 9 часовъ начинаются классы и продолжаются до 3 часовъ. Въ классахъ студенты занимаютъ опредѣленные мѣста, назначаемыя имъ по успѣхамъ и поведенію. Въ 3¹/₄ часа студенты обѣдаютъ за общимъ

*) Впрочемъ, на стр. 16 сказано, что, для нѣкоторыхъ спеціальныхъ ученыхъ изслѣдованій по части филологіи и исторіи, студенты, по указанію профессоровъ, получали доступъ въ Императорскую Публичную Библіотеку и въ Румянцевскій Музеумъ. Здѣсь, конечно, нужно разумѣть доступъ со стороны самого начальства Института, которое безъ особеннаго указанія профессоровъ не дозволяетъ студентамъ бывать въ Библіотекѣ и Музеѣ, но никакъ не со стороны начальства этихъ послѣднихъ учреждений, которыя открываютъ доступъ къ своимъ сокровищамъ всѣмъ и каждому, безъ всякихъ особенныхъ ходатайствъ и указаній.

столомъ, соблюдая благопристойность. Во время стола они могутъ говорить о предметахъ лекцій своихъ, безъ нарушенія общей тишины, со всею скромностію, отличающею людей образованныхъ. Отъ 4^{1/2} до 6 въ I и II курсахъ лекціи. Студенты старшихъ курсовъ употребляютъ это время на самостоятельныя занятія и отдохновеніе; въ младшихъ—студентамъ дается для отдохновенія одинъ часъ по окончаніи послѣ-обѣденной лекціи. Посѣщеніе студентовъ посторонними лицами дозволяется въ свободное отъ занятій время, съ крайнею осмотрительностію, не иначе, какъ въ пріемной залѣ и, притомъ, всякій разъ съ разрѣшенія директора. Въ 7 часовъ всѣ собираются въ классныхъ комнатахъ, для повторенія и приготовленія уроковъ. Въ 8^{1/2} часовъ ужинъ и потомъ вечерняя молитва. Послѣ вечерней молитвы и кратковременнаго отдохновенія, студенты занимаются приготовленіемъ своихъ уроковъ до 10^{1/2} часовъ и потомъ отправляются въ спальни, въ сопровожденіи своихъ надзирателей...“

Такимъ образомъ, мы видимъ, что не только учебныя занятія студентовъ, или, какъ говоритъ „Описаніе“, составленное г. Смирновымъ, приготовленіе ими уроковъ, но даже предметы ихъ разговора, мѣста въ классахъ и за столомъ, свиданія съ знакомыми, отдохновеніе и самостоятельныя занятія, — все опредѣляется Уставомъ до мельчайшихъ подробностей. Чтобы не было упущеній во всемъ этомъ, „при студентахъ неотлучно находятся комнатные надзиратели, наблюдающіе неусыпно за всѣми ихъ дѣйствіями. Имъ помогаютъ въ этомъ старшіе, избираемые изъ отличныхъ студентовъ“ („Опис.“ стр. 23). Кромѣ того, старшій надзиратель наблюдаетъ надъ всѣми ихъ поступками и старается вселять въ нихъ чувства чести и добродѣтели, наблюдая, чтобы они возвращались во-время съ прогулокъ и изъ отпусковъ и не оставались праздными въ назначенные для повторенія уроковъ и приготовленія къ классамъ часы (стр. 25—6). „Директоръ также имѣетъ неусыпное попеченіе объ успехахъ и поведеніи студентовъ и употребляетъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ поощренію прилежанія и благонравія“ (стр. 7).

„Для поощренія же употребляются слѣдующія средства: 1) предоставленіе первыхъ мѣстъ въ классахъ, за столомъ и въ комнатахъ; 2) избраніе отличныхъ студентовъ въ старшіе (для надзора за товарищами); 3) похвальный отзывъ о студентѣ въ присутствіи директора“ (стр. 25).

Чтобы показать, до какой степени простирается предусмотрительность институтскаго начальства, выпишемъ еще нѣсколько статей изъ „Описанія“. Студенты обязываются „въ дортуарахъ не отворять форточекъ и трубъ, а въ репетиціонныхъ и классныхъ залахъ не трогать лампъ и наблюдать осторожность въ отношеніи къ мебели и паркетнымъ поламъ“ (стр. 41). „Дежурные надзиратели обязаны наблюдать, чтобы студенты, идучи въ церковь, въ столовую, классы, или выходя со двора, были застегнуты на всѣ пуговицы“ (стр. 43). При встрѣчѣ съ высшими извѣстными лицами требуется соблюденіе должной учтивости, какъ это исполняется въ отношеніи къ начальникамъ и наставникамъ.

Изъ всего этого читатели могутъ видѣть, какъ ревностно стремится Педагогическій Институтъ къ своей цѣли. Вся исторія его служитъ тому подтвержденіемъ. Въ приложеніи къ „Описанію“ напечатанъ алфавитный списокъ выпущенныхъ въ учебную службу изъ Института въ продолженіе 28 лѣтъ его существованія. Число ихъ простирается до 575, и между ними мы находимъ 10 именъ, получившихъ нѣкоторую извѣстность въ литературѣ или наукѣ (въ томъ числѣ г. Касторскій, двое гг. Лавровскихъ и г. Лешковъ). Но по службѣ студенты идутъ весьма счастливо: по указаніямъ г. Смирнова, уже болѣе 30 изъ нихъ занимаютъ мѣста директоровъ и инспекторовъ гимназій или штатныхъ смотрителей училищъ. Это можетъ служить самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что идеи строгой подчиненности и тщательнаго исполненія приказаній начальства особенно сильно вкореняются въ душахъ

студентовъ и не оставляются ими и по выходѣ изъ заведенія, во все время ихъ службы.

Лежащій передъ нами Актъ, съ напутственнымъ словомъ директора Института, И. И. Давыдова, и благодарственною рѣчью одного изъ окончившихъ курсъ студентовъ, Александра Чистякова, подтверждаетъ ту же истину. Почтенный директоръ Института торжественно свидѣтельствуется здѣсь свою радость о томъ, что окончившіе курсы студенты „готовы знаніями своими и вѣрною службою Государю принести честь мѣсту своего воспитанія“, и только опасается, чтобы они, лишаясь руководства наставниковъ и воспитателей, не ослѣпились пріобрѣтенною ими мудростію. Для избѣжанія этого, онъ рекомендуетъ имъ, какъ лучшее средство, „сознаніе своей слабости и испрашиваніе помощи Всемогущаго“, скрѣпляя свой совѣтъ назидательнымъ изреченіемъ одного учителя Церкви: „не надо знать, чтобы вѣровать, а должно вѣровать, дабы знать“.

Студентъ Чистяковъ отвѣчалъ на это рѣчью, исполненною мыслей и чувствованій чисто отроческихъ и ученическихъ, какихъ, конечно, и слѣдовало ожидать отъ системы институтскаго воспитанія, къ которой студенты не могутъ не чувствовать самой горячей признательности.

Этого уже было бы довольно, чтобы судить о высокомъ совершенствѣ, котораго достигъ Главный Педагогическій Институтъ; въ помѣщенномъ „Актѣ“ его мы находимъ объ этомъ свидѣтельства еще болѣе ясныя. Въ прошедшемъ году „Отчетъ“ г. Смирнова заключался тѣмъ, что Институтъ сдѣлалъ ощути- тельные успѣхи въ стремленіи къ предназначенной ему цѣли; нынѣ же онъ достигъ полнаго совершенства, по единогласному свидѣтельству воспитателей и воспитанниковъ. Благодарственная рѣчь студента Чистякова называетъ Институтъ „средоточіемъ умственной жизни“ и говоритъ, что здѣсь „всѣ потребности души были предупреждены

и удовлетворены“: едва ли хоть одно изъ нашихъ заведеній можетъ похвалиться подобнымъ совершенствомъ!

Отрадно слышать такое безпристрастное признаніе собственныхъ заслугъ, и еще отраднѣе видѣть, что оно вполне подтверждается каждою строкою правдиваго и откровеннаго „Отчета“. Послѣ всего этого справедливо можно надѣяться, что вышедшіе изъ Института сѣятели соберутъ обильную жатву на поприщѣ службы и гражданскаго благочинія.

Но, занявшись внутреннимъ устройствомъ Института и увлеченные горячимъ участіемъ къ его совершенствамъ, мы было позабыли сообщить факты о внѣшнемъ его состояніи. Спѣшимъ исправить свою вину, представляя цифры изъ „Отчета“.

Число студентовъ въ Институтѣ нельзя опредѣлить съ точностью, потому что на стр. 5-й напечатано: „нынѣ состоятъ въ Институтѣ 107 студентовъ; изъ нихъ 27 окончившихъ полный курсъ и 81 продолжающихъ ученіе“ — явная ошибка, для разрѣшенія которой мы сочли студентовъ по приложенному тутъ же списку (стр. 19 — 22); но тамъ оказалось продолжающихъ курсъ только 78. Такимъ образомъ, число студентовъ Института колеблется между 105, 107 и 108.

Въ теченіе года выбыло изъ Института 12 студентовъ. Причины этого безвременнаго выbytія не указаны.

Нынѣ кончившіе курсъ студенты пробыли въ Институтѣ пять лѣтъ (вслѣдствіе раздѣленія двухъ-годичныхъ курсовъ на годичные, въ прошломъ году), и послѣ этого 17 изъ нихъ выпущены старшими учителями гимназій, а 10 — младшими. Двое получили золотыя медали, 7 человекъ — серебряныя.

Большая часть изъ окончившихъ курсъ — въ „Отчетѣ“ названо 19 студентовъ — представили диссертациі для полученія степени. Изъ продолжа-

ющихъ курсъ, пять студентовъ тоже представили сочиненія, поименованныя въ „Отчетъ“.

Результатъ этихъ цифръ, конечно, не блестящъ, даже по сравненію съ прежними годами того же Педагогическаго Института; но еще разъ повторимъ, что все это съ избыткомъ замѣняется нравственными совершенствами, которыя такъ хорошо развиваются въ студентахъ вышеуказанными поощреніями и кондуитными списками, имѣющими, по словамъ г. Смирнова, „рѣшительное вліяніе на опредѣленіе достоинства студентовъ“.

Во всякомъ случаѣ, обозрѣвъ общій характеръ устройства Института, мы имѣемъ полное право сказать, что онъ во всемъ остается вѣренъ мыслямъ, выраженнымъ въ этихъ словахъ его непосредственнаго начальника и руководителя: „мудрость земная не даетъ того, что озаряетъ путь жизни, часто омрачаемый страстями и заблужденіями. Не надобно знать, чтобъ вѣровать, а должно вѣровать, чтобъ знать“.

Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго Института. 1828 — 1850 г.
Спб. 1859 г.

Невозможно безъ чувства глубочайшаго омерзѣнія смотрѣть на людей, ругающихся надъ потерявшимъ силу человѣкомъ, предъ которымъ они падали до ногъ въ то время, когда онъ былъ силенъ, и которому своимъ раболѣпствомъ даже помогали въ достиженіи его цѣлей. Нужды нѣтъ, что онъ былъ, можетъ быть, величайшій злодѣй и негодяй; нужды нѣтъ, что онъ по своимъ нравственнымъ качествамъ заслуживаетъ, можетъ быть, самаго страшнаго поруганія. Все-таки отвратительно смотрѣть на осла, который лягаетъ безсильнаго льва, приговаривая: „пускай ослиное копыто знаетъ“. Тотъ, кто и прежде,

въ дни силы этого льва, выходилъ на борьбу съ нимъ и не преклонялся предъ нимъ, — тотъ еще имѣетъ право, хотя уже и бесплодное, — позорить его и во дни его одряхлѣнія: онъ, по крайней мѣрѣ, можетъ сказать, что руководствуется началомъ чистой справедливости и всегда равно возстаетъ противъ своего врага, не обращая вниманія на его положеніе. Но чѣмъ можетъ оправдать себя тотъ, кто подличалъ и пресмыкался предъ неправою силою, пока могъ отъ нея ожидать себѣ чего-нибудь, а потомъ, когда она сломлена и уничтожена, вдругъ выпрямляется и начинаетъ обличать то зло, которое этою силою было произведено!.. Такіе люди, позднимъ своимъ возстаніемъ, только увеличиваютъ то презрѣніе, которое и безъ того возбуждается въ душѣ всякаго порядочнаго человѣка раболѣпствомъ ихъ предъ сильною неправдою. Подобное раболѣпство можетъ еще находить нѣкоторое извиненіе себѣ въ слабой степени умственнаго развитія раболѣпствующихъ: они могутъ не понимать всей нелѣпости и зловредности дѣйствій сильнаго лица, которому подчиняются; они могутъ добродушно вѣрять ему, благоговѣть предъ его системою и оставаться вѣрными ей постоянно, даже послѣ его паденія. О такихъ людяхъ можно душевно сострадать, можно ихъ не уважать, какъ людей крайне ограниченныхъ; но не за что питать къ нимъ озлобленіе и отвращеніе. Совершенно противное расположеніе возбуждаютъ люди, доказывающіе, послѣ паденія сильнаго негодяя (котораго они были орудіемъ), что они никогда не сочувствовали его дѣйствіямъ, что ихъ образъ мыслей совершенно противоположенъ тому, что они принуждены были дѣлать прежде. Подобнымъ объявленіемъ эти люди обнаруживаютъ только то, что они до сихъ поръ были подлы по расчетамъ, раболѣпны изъ видовъ, содѣйствовали дурнымъ затѣямъ сильнаго бездѣльника совершенно сознательно, очень хорошо понимая всю ихъ мерзость... Такіе люди

гнусны и презрѣнны до послѣдней степени; нѣтъ въ русскомъ языкѣ столь крѣпкаго слова, которое могло бы вполне выразить всю силу презрѣнія, которое долженъ питать къ нимъ всякій порядочный человѣкъ.

Всѣ эти мысли пришли намъ въ голову по поводу многихъ легкомысленныхъ толковъ, сопровождавшихъ закрытіе Главнаго Педагогическаго Института. Люди, которые прежде не говорили о немъ ни одного слова, или даже всячески восхваляли его, принялись теперь бранить его, на чемъ свѣтъ стоитъ. Начали толковать о его коренной несоотвѣтственности съ требованіями здоровой педагогики, о ложности системы, господствовавшей въ немъ въ послѣднее время, о недостаткахъ его административнаго и хозяйственнаго устройства, и т. п. Положимъ, что эти толки даже и справедливы, положимъ, что недостатковъ было дѣйствительно много... Но зачѣмъ же молчали о нихъ во все время существованія Института,—зачѣмъ только въ послѣднее время заговорили о нихъ и въ обществѣ, и въ администраціи, и въ литературѣ? Сколько намъ помнится, до закрытія Института только одинъ насмѣшливый голосъ раздался противъ мелочности и формальности, слишкомъ уже укоренившихся въ немъ. Голосъ этотъ раздался, ровно три года назадъ, въ *Современникѣ*, и на него въ свое время обратили вниманіе многіе изъ интересующихся дѣломъ, но потомъ, разумѣется, и о немъ забыли, а новыхъ голосовъ не было слышно... И вдругъ теперь поднялись съ возгласами противъ Педагогическаго Института даже тѣ, которые еще очень недавно ницъ падали предъ его совершенствами... *Современникѣ* не послѣдуетъ ихъ примѣру: онъ теперь не будетъ ни смѣяться, ни ругаться надъ умершимъ, а только представитъ спокойное и безпристрастное изложеніе исторіи Института, по отчету, составленному и недавно обнародованному ученымъ секретаремъ, старшимъ над-

зирателемъ и адъюнктомъ Института, А. Смирновымъ.

Главный Педагогическій Институтъ основанъ въ 1828 г. Первымъ директоромъ его былъ, до 1847 г., Э. И. Миддендорфъ, вторымъ — до 1859 г. (до самаго рѣшенія о закрытіи) академикъ И. Давыдовъ. При Э. И. Миддендорфѣ особая забота была обращена на приготовленіе наставниковъ особенно практическимъ методомъ, и потому при основныхъ, спеціально-педагогическихъ отдѣленіяхъ Института были тогда учреждены три прибавочныхъ отдѣленія, собственно для практики молодыхъ педагоговъ. Все ученіе продолжалось девять лѣтъ, въ трехъ курсахъ, каждый по три года: 1) малолѣтнее отдѣленіе, изъ дѣтей 12 — 14 лѣтъ, 2) предварительный курсъ, соотвѣтствующій общему университетскому, и 3) окончательный, собственно педагогическій курсъ, студенты котораго занимались практическимъ преподаваніемъ въ малолѣтнемъ отдѣленіи и въ учрежденномъ при Институтѣ съ 1838 года „Второмъ разрядѣ института“, назначенномъ собственно для приготовленія приходскихъ и уѣздныхъ учителей. Такимъ образомъ, прямая цѣль Института, — приготовленіе учителей — постоянно имѣлась въ виду, хотя и ученое образованіе воспитанниковъ не оставлялось безъ вниманія. Изъ пяти выпусковъ, бывшихъ при Э. И. Миддендорфѣ, до 400 воспитанниковъ поступили на педагогическую службу, въ томъ числѣ въ высшія учебныя заведенія поступили — 35. При выbytіи Э. И. Миддендорфа изъ Института, въ немъ было до 170 воспитанниковъ; а въ кассѣ Института до 60 тысячъ рублей экономической суммы.

Съ поступленіемъ въ Институтъ новаго директора, начался новый періодъ его существованія. Самъ „Отчетъ“ признается нынѣ, что періодъ этотъ гораздо слабѣе предыдущаго, вслѣдствіе переменъ, произведенныхъ въ немъ новымъ директоромъ. Къ сожалѣ-

нію, обозрѣніе г. Смирнова сдѣлано слишкомъ на-скоро, и потому въ немъ нѣтъ надлежащей подробности и отчетливости. Даже больше: почти весь отчетъ о второмъ періодѣ Института взятъ почти буквально, съ небольшими (по мѣстамъ, впрочемъ, довольно характеристическими) измѣненіями, — изъ Историческаго Обозрѣнія перваго двадцатипятилѣтія Института, читаннаго тѣмъ же г. Смирновымъ, на актѣ юбилея Института, въ 1853 году. Мы рѣшаемся представить здѣсь сличеніе нѣкоторыхъ мѣстъ, подчеркивая только тѣ мѣста, въ которыхъ сдѣланы измѣненія.

Актъ 1853 г., стр. 26.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института до увольненія перваго директора онаго дѣйствительнаго ст. сов. Ѳ. И. Миддендорфа, который, по преклонности лѣтъ и разстройству здоровья, Всемилостивѣйше уволенъ отъ должности, 23 октября 1846 г., при чемъ онъ пожалованъ чиномъ тайнаго совѣтника. Во все время управленія Инститutomъ онъ былъ душою всей его дѣятельности; всѣ приращенія къ оному произошли не безъ его желанія и участія и возбуждали въ немъ самое живѣйшее сочувствіе. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ пріобрѣтенными теоретическими познаніями въ наукахъ и развитіемъ своихъ способностей, одолжены преимущественно ему своимъ

Обозрѣніе 1859 г.,
стр. 8.

Таково было направленіе и устройство Главнаго Педагогическаго Института при первомъ директорѣ его Ѳ. И. Миддендорфѣ. Воспитанники его времени, обязанные своимъ наставникамъ развитіемъ своихъ способностей и пріобрѣтенными познаніями въ наукахъ, одолжены преимущественно ему своимъ практическимъ умѣньемъ передавать ученикамъ въ классахъ познанія, приноравливаясь къ ихъ возрасту и понятіямъ, и развивать умственные способности дѣтей. При выбытіи его изъ Института, въ стѣнахъ сего заведенія воспитывалось до 170 студентовъ и воспитанниковъ; а въ кассѣ Института было до 59,314 руб. 96 коп. экономической суммы. Одобрительные отзывы бывшаго тогда министромъ народнаго просвѣщенія, С. С. Уваро-

практическимъ умѣньемъ преподавать ученикамъ въ классахъ познанія въ мѣру возраста и постиженіемъ способовъ развивать умственные способности дѣтей. Польза его дѣятельности оправдывается полезною и похвальною службою его питомцевъ.

ва, объ основательности и хорошемъ направленіи преподаванія въ Институтѣ, неоднократно сдѣланные во всеподданнѣйшихъ отчетахъ (1841 — 1846 годовъ), свидѣтельствуя, что устройство Института въ то время соотвѣтствовало цѣли учрежденія.

Къ первому періоду Института относятся пять выпусковъ, причисляя сюда выпускъ 1847 года. Въ теченіе этого времени поступило на педагогическую службу до 400 питомцевъ Института изъ разныхъ отдѣленій; изъ этого числа, по окончаніи курса въ факультетахъ, довершили высшее образованіе за границею и поступили въ высшія учебныя заведенія 21, по особенномъ приготовленіи въ самомъ Институтѣ, поступили въ высшія учебныя заведенія 14, прочіе опредѣлены въ старшіе и младшіе учителя гимназій, въ уѣздные и весьма малое число въ приходскіе учителя и комнатные надзиратели.

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднемъ отчетѣ представлено болѣе фактовъ, свидѣтельствующихъ о процвѣтаніи Института предъ поступленіемъ въ него новаго директора, хотя въ Обозрѣніи 1853 г. тѣ же самыя фразы, и даже съ добавленіями еще болѣе громкими. Въ отчетѣ о второмъ періодѣ заимствованій еще больше, измѣненія еще незначительнѣе.

Актъ 1853 г., стр. 27.

Со вступленіемъ въ управленіе Главнаго Института нынѣшняго Директора Д. С. С. Ивана Ивановича Давыдова, начался въ исторіи Института новый періодъ. До него Институтъ, 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, несоразмѣрно истощалъ средства содержанія онаго и бѣднѣлъ въ хозяйственномъ отношеніи; 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, упускалъ изъ виду современное быстрое движеніе наукъ, благодаря ихъ развѣтвленію, и, въ нѣкоторомъ смыслѣ, слабѣлъ въ сравненіи съ университетами, преобразованными уставомъ 1835 года, такъ что питомцы Института, по окончаніи ученія, затруднялись съ такою увѣренностью и честію стремиться къ приобрѣтенію высшихъ учебныхъ степеней, по Положенію 1837 г., какъ студенты университетовъ, къ курсамъ которыхъ это положеніе было примѣнено. Прежде въ этомъ случаѣ помогала студентамъ Института посылка ихъ въ заграничные университеты для усовершенствованія въ наукахъ; но, съ теченіемъ времени, эта посылка сдѣлалась чрезвычайно затруднительною и, наконецъ, совершенно отмѣ-

Обозрѣніе 1859 г.,
стр. 9.

По вступленіи въ управленіе Главнымъ Педагогическимъ Институтомъ И. И. Давыдова, измѣнилось устройство Института и направленіе его дѣятельности. Новый директоръ нашелъ, что Институтъ, 1) увеличиваясь въ числѣ курсовъ и воспитанниковъ, долженъ былъ слишкомъ ограничить себя въ статьяхъ содержанія студентовъ и воспитанниковъ; 2) обращая все вниманіе на практику молодыхъ педагоговъ, еще не вполне приготовленныхъ къ своему дѣлу, слишкомъ развлекалъ студентовъ и не позволялъ имъ съ надлежащею самодѣятельностью заниматься изученіемъ литературы избранныхъ наукъ и письменными упражненіями; 3) что въ Институтѣ распределеніе предметовъ по факультетамъ не соответствовало университетскому и было неудобно приложимо къ положенію объ испытаніяхъ на ученныя степени.

нена. Студенты Института могли бы усиленнымъ трудомъ, при помощи своихъ знаменитыхъ профессоровъ, восполнить и этотъ недостатокъ; но, употребляя много времени на приготовленіе къ преподаванію наукъ въ двухъ прибавочныхъ отдѣленіяхъ Института и на самое преподаваніе, они не имѣли времени на самостоятельное обработываніе факультетскихъ предметовъ, на ознакомленіе съ литературою наукъ и на письменныя упражненія, а посему должны были ограничиться честію хорошихъ учителей гимназій; высшая же, почетнѣйшая честь—быть достойнымъ профессоромъ—оставалась недосягаемою.

И здѣсь вы встрѣчаете почти однѣ и тѣ же фразы: только въ отчетѣ 1853 г., писанномъ еще при директорствѣ г. И. Давыдова, изложено все дѣло нѣсколько пространнѣе и краснорѣчивѣе. Посмотримъ далѣе:

Актъ 1853 г., стр. 28.

И. И. Давыдовъ, посвятившій всю жизнь педагогическому званію и указавшій уже не одной тысячѣ молодыхъ людей путь въ самое высшее святилище наукъ, будучи притомъ самъ уже заслуженнымъ профессоромъ и ординарнымъ академикомъ, при самомъ всту-

Обозрѣніе 1859 г.,
стр. 10.

Желая возвысить уровень педагогическаго образованія питомцевъ Института распространеніемъ круга ихъ субъективнаго образованія, онъ исходатайствовалъ, чрезъ Г. Министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, Высочайшее соизволеніе, 26 іюля 1848 г., на пре-

пленіи въ свою настоящую должность, увидѣлъ недостатки въ устройствѣ Гл. Пед. Инст. и, быстро сообразивъ средства къ приведенію его въ соотвѣтственное Уставу значеніе, немедленно приступилъ къ исполненію оныхъ. По его представленію, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, Графъ Сергій Сем. Уваровъ, исходатайствовалъ, 26 іюля 1847 г., Высочайшее соизволеніе на преобразование Г. П. Института на слѣдующихъ основаніяхъ:

Такъ какъ, съ одной стороны, при нынѣшнемъ отличномъ состояніи гимназій, уѣздныя училища уже достаточно снабжаются учителями изъ учениковъ гимназій и тѣми изъ воспитанниковъ предварительнаго курса, которые не имѣютъ отличныхъ способностей, чтобы сдѣлаться достойными профессорами или учителями гимназій,—съ другой стороны, является много изъ окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, желающихъ поступить въ Институтъ, для спеціальнаго педагогическаго образованія, то Второй Разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежащимъ къ оному классомъ полупансіонеровъ, исполнившіе временное свое назначеніе, стали болѣе ненужными.

Далѣе—цѣлыхъ двѣ страницы взяты прямо изъ отчета 1853 г., такъ что ихъ и сравнивать нечего.

образованіе Института въ такомъ видѣ:

Полагая, что уѣздныя училища достаточно могутъ снабжаться учителями изъ учениковъ гимназій, и что лучшіе воспитанники гимназій съ охотою будутъ поступать въ Институтъ для высшаго педагогическаго образованія, онъ нашелъ второй разрядъ и малолѣтнее отдѣленіе Института, съ принадлежавшимъ къ послѣднему классомъ полупансіонеровъ, излишними.

Затѣмъ слѣдуетъ опять маленькая разница, которую мы отмѣтимъ.

Актъ 1853 г., стр. 32.

Въ скоромъ времени, по соображенію общаго устройства учебныхъ заведеній, представилась возможность произвести новое преобразование въ курсахъ Института. Такъ какъ среднія учебныя заведенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, нынѣ достаточно приготавливаютъ лучшихъ своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ для сей цѣли при Институтѣ существовавшей, оказывался излишнимъ, и пр.

Обозрѣніе 1859 г.,
стр. 11.

Въ скоромъ времени, желая привлечь въ Институтъ лучшихъ воспитанниковъ гимназій, начальство нашло нужнымъ привести устройство Института еще къ большему специализированію. Такъ какъ среднія учебныя заведенія министерства народнаго просвѣщенія, при однообразіи и опредѣлительности своихъ программъ и руководствъ, могли достаточно приготавливать своихъ воспитанниковъ къ слушанію высшихъ наукъ, то предварительный курсъ, для сей цѣли существовавшей при Институтѣ, оказывался излишнимъ, и пр.

Далѣе, буквально сходно въ обоихъ отчетахъ, рассказывается объ уничтоженіи предварительнаго курса и объ ограниченіи времени ученя въ Институтѣ четырьмя годами вмѣсто шести. Затѣмъ дѣлаются выводы:

Актъ 1853 г., стр. 32.

Курсы приняли надлежащій специальный видъ, и Главный Педагогическій Институтъ могъ теперь надежнѣе приступить къ довершенію высшаго педагогическаго образованія юношей, посвящающихъ себя званію наставниковъ, съ надлежа-

Обозрѣніе 1859 г.,
стр. 11.

Эта мѣра, сокративъ время педагогическаго приготовленія, не вполне достигла ожидаемаго успѣха: воспитанниковъ гимназій съ этого времени поступало въ Институтъ не больше прежняго; можетъ быть, причиною тому былъ продолжи-

щимъ приготовленіемъ и полнымъ сознаніемъ своихъ силъ и своего важнаго назначенія.

тельный срокъ обязательной службы за институтское образованіе, а еще болѣе, кажется, правила закрытаго заведенія, каковъ былъ въ строгомъ смыслѣ, по уставу своему, Институтъ.

Затѣмъ въ Обзорѣніи г. А. Смирновъ рассказываетъ перемѣны въ Институтѣ, происшедшія уже послѣ 1853 г. Всѣ эти перемѣны вели къ большому специализированію занятій студентовъ и къ возвышенію уровня ихъ образованія, съ цѣлію приготовить изъ нихъ не только отличныхъ учителей гимназій, но и достойныхъ профессоровъ университета. Къ сожалѣнію, мѣры эти не были вполне удачны, такъ что изъ студентовъ послѣднихъ выпусковъ, образованныхъ по новой системѣ, только двое поступили въ высшія учебныя заведенія (изъ прежнихъ выпусковъ — 35). Самое количество воспитанниковъ въ Институтѣ постоянно уменьшалось и, вмѣсто полного по штату числа 154, дошло до 94. Причинами этого Обзорѣніе полагаетъ, между прочимъ, то, что „быстро возраставшая въ послѣднее время дороговизна на жизненные припасы, улучшение нѣкоторыхъ хозяйственныхъ статей и отнесеніе значительныхъ издержекъ на экономическую сумму Института, истощая средства заведенія, не позволяли по-прежнему увеличивать число питомцевъ Института“ (стр. 17).

Въ 1853 г. отчетъ г. А. Смирнова оканчивался слѣдующими знаменательными строками, выражавшими тѣ надежды, какія питало начальство заведенія, въ бытность директоромъ его г. И. Давыдова:

„Преобразованія Главнаго Педагогическаго Института, совершившіяся съ 1847 года, принесли уже утѣшительные плоды: Институтъ, въ хозяйственномъ отношеніи, достигъ блестящаго состоянія; объемъ курсовъ его и

направленіе преподаванія дали ему возможность образовать молодых педагоговъ, изъ которыхъ нѣкоторые, прямо по выпускѣ изъ заведенія, съ честію заняли въ университетахъ и Главномъ Педагог. Институтѣ профессорскія кафедры; не утративъ своего практическаго спеціального направленія, Институтъ съ честію опять (?!) сталъ на почетное мѣсто въ ряду высшихъ учрежденій по части народнаго просвѣщенія“ (стр. 36).

Но къ сожалѣнію, какъ видно изъ нынѣшняго Обозрѣнія, надежды эти не оправдались. Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ несостоятельность всѣхъ мѣръ, какія были принимаемы новымъ директоромъ Института. Видя, что всѣ доселѣ сдѣланныя преобразованія такъ неудачны, г. И. Давыдовъ самъ рѣшился отказаться отъ нихъ и опять обратиться къ тому устройству, какое было при Миддендорфѣ. Желая провести эту мысль, онъ въ декабрѣ 1857 г. подалъ г. министру народнаго просвѣщенія записку о новомъ преобразованіи Института. Вотъ что, между прочимъ, приводится изъ записки въ Обозрѣніи г. А. Смирнова:

„Несмотря на пользу, доставляемую Институтомъ въ нынѣшнемъ его состояніи, до котораго доведенъ онъ путемъ опыта и указаніемъ потребностей, представляется возможность придать ему характеръ, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и тѣмъ содѣйствовать новому его совершенствованію.

„Главное затрудненіе въ учебномъ образованіи будущихъ наставниковъ юношества нынѣ встрѣчаетъ Институтъ въ недостаточномъ приготовленіи для этой цѣли поступающихъ въ Институтъ питомцевъ изъ гимназій и семинарій. Для ученаго образованія необходимо основательное изученіе древнихъ языковъ и новыхъ иностранныхъ, вмѣстѣ съ словесностію и исторіею, или всего круга знаній, называемыхъ *studia humaniora*; это — тщательно воздѣланная почва, которой можно повѣрять всѣ добрыя сѣмена; безъ этого приготовительнаго общаго ученія нельзя ожидать вѣрныхъ успѣховъ отъ высшихъ спеціальныхъ курсовъ; нимало не помогутъ педагогическія занятія тѣмъ, которые слабо приготовлены въ начальномъ ученіи.

„Для восполненія недостатка приготовительнаго изученія древнихъ и новыхъ иностранныхъ языковъ, нужныхъ для ученаго образованія, необходимо четырехъ-годичное ученіе институтское обратить въ шестилѣтнее и раздѣлить его на три двухъ-годичные курса: 1-й курсъ — общій (humaniora), 2-й спеціальный или факультетскій и 3-й — практическій. Въ первомъ курсѣ студенты должны преимущественно заниматься изученіемъ языковъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ, русской словесности, элементарной математики и историческихъ наукъ. Тутъ всѣ учащіеся, поступающіе изъ разныхъ заведеній, могутъ сравняться въ знаніяхъ по всѣмъ преподаваемымъ предметамъ. Во второмъ курсѣ студентовъ предполагалось распредѣлять по факультетамъ историко-филологическому и физико-математическому. Въ третьемъ они должны были заниматься факультетскими предметами практически и упражняться въ педагогикѣ въ общемъ курсѣ, подъ руководствомъ преподавателей. При этомъ раздѣленіи курса ученія, выпуски изъ Института предполагалось производить черезъ каждые два года“.

„Такимъ образомъ, говоритъ г. Смирновъ (стр. 19), Институтъ нашелъ необходимымъ возвратиться къ устройству 1828 и 1848 годовъ и положить въ основаніе педагогическаго образованія то, чѣмъ такъ особенно дорожилъ и прежній директоръ, Э. И. Миддендорфъ, — основательное изученіе древнихъ и новыхъ языковъ. Въ этомъ новое направленіе Института сходилось со старымъ. Но такой педагогической практики, если она оказалась необходимою, при новомъ предполагавшемся образованіи Института, питомцы онаго не могли имѣть, какъ имѣли при старомъ устройствѣ 1832 — 1847 годовъ.“

Но при развитіи новыхъ педагогическихъ понятій и требованій и при измѣненіи взгляда на дѣятельность Института во второмъ періодѣ, ошибочность котораго созналъ самъ ея виновникъ, предложеніе г. И. Давыдова не было принято. „Главное правленіе училищъ (говоритъ г. Смирновъ) въ засѣданіи 21 октября 1858 г., по разсмотрѣннн дѣла о преобразованіи Главнаго Педагогическаго Института, нашло, что недостатки сего заведенія заключаются въ двухъ главныхъ основаніяхъ его настоящей организаци: 1) въ условіяхъ приѣма студентовъ, при

которыхъ можетъ нерѣдко случиться, что въ Институтѣ поступятъ молодые люди, кои не окажутъ въ послѣдствіи ни склонности, ни достаточныхъ способностей къ званію, къ которому готовятся; и 2) въ самомъ курсѣ, лишенномъ практическаго, въ необходимыхъ размѣрахъ, примѣненія преподаваемыхъ студентамъ теорій. Для устраненія этихъ недостатковъ главное правленіе училищъ, обсудивъ основные только вопросы, такъ какъ всѣ дальнѣйшія затѣмъ подробности предполагаемыхъ преобразованій должны зависѣть отъ ближайшихъ соображеній министерства, полагало сообразнымъ съ цѣлю, упразднивъ Главный Педагогическій Институтъ, устроить взамѣнъ онаго особыя педагогическіе курсы, въ которые будутъ принимаемы молодые люди, окончившіе уже курсъ въ университетѣ и избирающіе, слѣдовательно, подлежащее имъ педагогическое поприще сознательно; съ другой стороны, начальство педагогическихъ курсовъ можетъ имѣть достаточное ручательство въ знаніяхъ и природныхъ ихъ способностяхъ. Педагогическіе курсы, соединяя факультетское образованіе съ спеціальнымъ и практическимъ, будутъ продолжаться по два года; они должны быть заведеніями открытыми.“

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія директоръ Института, г. И. Давыдовъ, назначенъ въ Правительствующій Сенатъ въ Москву; въ Институтѣ остались начальствующими, подъ главнымъ наблюденіемъ г. попечителя Спб. учебн. округа, И. Д. Делянова: г. Тихомандрицкій, самъ бывшій воспитанникомъ Института перваго выпуска и служившій въ немъ инспекторомъ съ 1848 г., и г. А. Смирновъ, тоже давнишній воспитанникъ Института, служившій въ немъ старшимъ надзирателемъ съ 1840 г. Такимъ образомъ они, можно сказать, видѣли начало Института, участвовали въ его дѣятельности, во второмъ ея періодѣ, и теперь видѣли закрытіе этого заведенія...

Партизанъ И. И. Давыдовъ во время Крымской войны.

Киверъ звѣрски на бекрень,
Ментикъ съ вихрями играетъ.
Д. В. Давыдовъ.

..... въ Петербургѣ институтъ,
Пе-да-го-ги-ческій, такъ, кажется,
зовутъ?
„Горе отъ ума.“

Пріятно возвращаться въ спокойное и мирное время къ свѣжимъ воспоминаніямъ войны со всѣми лишеніями, самопожертвованіями, патріотическими порывами и комисаріатскими грабежами.

На сей разъ мы хотимъ вспомнить о рядѣ военныхъ подвиговъ нашего бывшаго наставника въ низшей части высшей алгебры, извѣстнаго самымъ многостороннимъ образомъ, И. И. Давыдова, — но еще мало знакомаго публикѣ въ военномъ качествѣ партизана и защитника отечества.

Съ той легкостью, съ которой почтенный профессоръ отъ философіи перешель во второй томъ франкеровой математики и потомъ изъ Невтонова бинома въ курсъ элоквенціи, сдѣлался Иванъ Ивановичъ изъ мирнаго „учителей учителя“ военнымъ агитаторомъ. Подражая во всемъ Фихте, котораго Wissenschaftslehre онъ до того усвоилъ, что издалъ ее по-русски безъ имени автора, Давыдовъ схватилъ мечъ и сказалъ: „Теперь не до науки... отечество въ опасности... идемъ маршировать!“

Мы бы этого ничего не знали, истинный героизмъ бѣжить свѣта; но читая отчетъ министра народнаго просвѣщенія за 1854 г., мы прочли слѣдующую фразу: „Студенты Главнаго Педагогическаго Института изъявили единодушное желаніе служить государю на военномъ поприщѣ, оставаясь при томъ вѣрными обязанности своего званія“.

Долго думали мы, что это значитъ, и наконецъ рѣшили, что педагоги наши должны читать лекціи зуавамъ и англійскимъ матросамъ для того, чтобы

усыпить ихъ, и тѣмъ дать время нашимъ войскамъ приблизиться. Но потомъ случилось намъ спрашивать одного прѣзжаго изъ Петербурга: „Какъ педагоги наши были вѣрны обязанности своего званія и съ тѣмъ вмѣстѣ служили на военномъ поприщѣ?“ Оказывается, все это усердіемъ и патріотизмомъ Ивана Ивановича.

Сначала Иванъ Ивановичъ предложилъ студентамъ щипать корпію, потомъ потребовалъ отъ всѣхъ служащихъ въ Институтѣ десятую часть жалованья въ пожертвованіе на защиту Севастополя, все это ему не удалось. Остановленный въ первомъ порывѣ патріотизма, Давыдовъ не унылъ, а придумалъ новую штуку. Онъ сообщилъ у себя на дому тремъ или четыремъ приближеннымъ къ нему студентамъ, что министръ ожидаетъ отъ института изъявленія его патріотическихъ чувствъ, и что такъ какъ студенты ничего жертвовать не могутъ по бѣдности, то они сами должны проситься въ военную службу. Требованіе директора было передано студентамъ и на другой день человекъ двадцать отправились къ нему; нѣкоторые, чтобы оказать послушаніе директору, другіе изъ любопытства, третьи съ тѣмъ, чтобы посмѣяться надъ всей этой комедіей. Комедія, дѣйствительно, разыгралась. Давыдовъ показалъ видъ крайняго изумленія, сказалъ, что исполнить желаніе студентовъ едва ли возможно, но что онъ доложитъ министру о столь похвальномъ рвеніи. Зная Николая, Давыдовъ могъ предполагать, что онъ, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ всѣхъ студентовъ въ солдаты отдастъ и тогда самъ Давыдовъ потерялъ бы хлѣбное мѣстечко. Соображая это, Давыдовъ доложилъ министру, что студенты единодушно желаютъ, не прерывая своихъ учебныхъ занятій, учиться маршировать, артиллерійской и ружейной стрѣльбѣ, чтобы быть готовыми защищать отечество въ случаѣ нужды. Когда студенты узнали объ этой штуцѣ, негодованіе было всеобщее, многіе хотѣли явно протестовать

противъ единодушнаго директорскаго патріотизма, находя, что учиться шагистикѣ въ Институтѣ вовсе не сладко. Ждали съ ужасомъ, чѣмъ кончится дѣло. Къ счастью, на Николая Павловича нашель тогда какъ-то добрый стихъ, онъ не захотѣлъ воспользоваться усердіемъ студентовъ и только поблагодарилъ Институтъ за искусную продѣлку директора.

Долгое время, продолжалъ нашъ знакомый, Давыдовъ распространялъ вокругъ себя какой-то священный страхъ. Въ конференціи профессоровъ онъ распоряжался совершенно произвольно; судьбою студентовъ игралъ безъ всякой отвѣтственности, хозяйственную и учебную часть одинаково прибралъ къ своимъ рукамъ. Со времени его поступленія, Институтъ пересталъ выписывать замѣчательныя книги, — потому что большая часть библіотечной суммы употреблялась на натираніе паркетныхъ половъ въ Институтѣ, на подкраску стѣнъ и проч., а на остальное покупались чтенія о „Словесности“ Ив. Давыдова, по первоначальной цѣнѣ, сотнями экземпляровъ, да его же „Общесравнительная Грамматика“, изданная имъ на счетъ академіи, но въ свою пользу, такъ что Академія должна была покупать у него изданную ею книгу. Столь, экипировка студентовъ, учебныя пособія были въ самомъ жалкомъ видѣ при Давыдовѣ, учебная и нравственная часть была имъ доведена до невѣроятныхъ нелѣпостей и гадостей. Мѣра терпѣнія студентовъ наконецъ истощилась, и они вздумали возстать противъ злоупотребленій Давыдова. Въ то самое время, какъ медицинскіе студенты собрались въ армію фельдшерами, въ ордонансъ-гаузѣ посѣтили ихъ нѣкоторые студенты института и при приставникахъ горячо разсуждали о средствахъ раскрыть злоупотребленія. Рѣшили наконецъ дѣйствовать путемъ законнымъ. Въ нѣсколько дней общими силами составили подробное и откровенное описаніе положенія Института и отослали къ князю Вяземскому въ видѣ письма. Письмо

было не подписано, но въ немъ были факты именныя, съ указаніями на живыя лица. Содержаніе состояло вотъ въ чемъ: Институтъ извѣстенъ съ хорошей стороны, но есть два важныя обстоятельства, противорѣчащія этому хорошему мнѣнію. Первое то, что студенты постоянно стараются отъ него избавиться,—и насчитано въ письмѣ 28 человекъ (изъ числа 108, составляющихъ всѣ курсы), вышедшихъ, пытавшихся выйти изъ Института или умершихъ въ немъ отъ чахотки въ теченіе двухъ лѣтъ. Другое обстоятельство то, что начальство всѣхъ округовъ недовольно учителями, вышедшими изъ Института. Что же это значить, что въ заведеніи ученіе такъ трудно, а результаты такъ плохи? Это значить, что директоръ притѣсняетъ студентовъ, препятствуетъ ихъ развитію (на все это приводятся факты), а потому въ Институтъ идетъ теперь только тотъ, кому некуда дѣваться. Набираютъ всякую дрянъ, неприготовленную къ университетскому курсу и потомъ начинаютъ морить ее на занятіяхъ, превращая институтскіе курсы въ гимназическіе или еще меньше. Толку никакого не выходитъ. Все это подтверждено было многими десятками фактовъ.

Черезъ нѣсколько дней Вяземскій явился въ Институтъ къ обѣду, попробовалъ супъ, съѣлъ кусокъ пирога, сходилъ на кухню, помычалъ и уѣхалъ. Давыдовъ насторожилъ уши. На другой день опять пріѣзжаетъ Вяземскій на лекцію и садится возлѣ кафедры, не подавъ руки встрѣтившему его Давыдову. Студенты были въ восторгѣ. Послѣ лекціи Вяземскій опять отправился въ столовую и спросилъ одного изъ студентовъ: хорошъ ли супъ? Тотъ, разумѣется, отвѣчалъ, что хорошъ. Вяземскій уѣхалъ, ничего не сказавши. Видя, что толку отъ посѣщеній князя немного, студенты послали ему еще письмо, въ которомъ объяснили, что не мѣшало бы ему приступить къ ревизіи посерьезнѣе, что впослѣдствіи его надуютъ.

Черезъ нѣсколько дней Вяземскій опять явился въ Институтъ и пошелъ смотрѣть студенческой цейхгаузъ. Опять, разумѣется, та же исторія, что и прежде: пришли, понюхали и ушли... Все это совершалось въ Мартъ 1855 года. Студенты ждали, что будетъ, но ничего хорошаго не было. Только Вяземскій говорилъ нѣкоторымъ студентамъ, явившимся къ нему по частнымъ дѣламъ, что онъ слѣдитъ за Институтомъ, и что преобразованія въ немъ будутъ. Ждали студенты до конца учебнаго курса, но ничего не дождались. Давыдовъ попрежнему властвовалъ, кормилъ студентовъ попрежнему — дурно, и на экзаменахъ попрежнему ставилъ и переправлялъ профессорскія отмѣтки по своему усмотрѣнiю. Это студентовъ взорвало до нельзя и вызвало на шутку не совсѣмъ хорошую. Посланы были безъимянные письма къ разнымъ лицамъ и между прочимъ въ редакцію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, съ увѣдомленiемъ, что въ ночь съ 23 на 24 Юня (день ангела Ивана Давыдова) директоръ Института, председательствующій во второмъ отдѣленiи Академіи наукъ, членъ консультаціи и проч., тайный совѣтникъ Давыдовъ былъ высѣченъ студентами. Исторія эта разошлась по городу. Норовъ позвалъ къ себѣ Давыдова. Что между ними было, неизвѣстно, но результатомъ было то, что Давыдовъ обѣщалъ представить министру удостовѣреніе, что его не сѣкли.

Пріѣхавши въ Институтъ, Давыдовъ призвалъ къ себѣ 4 студентовъ, на которыхъ особенно могъ полагаться, показалъ имъ письмо и рассказалъ съ рыданіями о томъ, до чего можетъ простираться неблагодарность и злоба человѣческая. „Министръ, говорилъ онъ въ заключеніе, чрезвычайно гнѣвается на студентовъ Института за то, что въ средѣ ихъ нашелся мерзавецъ, написавшій это. Я старался всячески отклонить его гнѣвъ отъ Института и увѣрить, что это ударъ чьей-нибудь посторонней руки, но онъ не вѣритъ уже моему ходатайству и сказалъ,

что онъ тогда только повѣритъ, когда сами студенты то же засвидѣтельствуютъ. Вамъ остается теперь одно средство умиловать министра: написать къ нему самое смиренное и откровенное письмо, въ которомъ изложить, что одинъ слухъ о подобной клеветѣ производитъ въ васъ омерзѣніе, и что вы, напротивъ, проникнуты живѣйшими чувствами любви и благодарности къ своему начальству.“

Четверо студентовъ, удостоенныхъ директорской довѣренности, поклонились и написали смиренное письмо о томъ, что они никого не увѣдомляли о сѣченіи Давыдова и считаютъ сей поступокъ гнуснымъ и омерзительнымъ. Но Давыдову и этого было мало: въ дополненіе къ письму студентовъ, онъ представилъ уже отъ себя Норову, что въ доказательство своей любви и уваженія студенты просятъ позволенія отлитографировать портретъ Давыдова. Получивъ на это разрѣшеніе отъ министра, вполнѣ успокоеннаго объясненіями директора, Давыдовъ изготовилъ свой портретъ на свой собственный счетъ. Но издержки надо было покрыть, и онъ придумалъ для этого новую продѣлку. Это было какъ разъ во время каникулъ, когда кончившіе курсъ студенты опредѣлялись на должности и получали изъ правленія Института прогоны и третное жалованье на первоначальное заведеніе. Эконому, выдающему эти деньги, приказано было навязывать студентамъ портретъ директора и вычитать за него по два цѣлковыхъ. Человѣкъ пять-шесть попались на эту штуку, но большинство возопило противъ такого притѣсненія, и экономъ долженъ былъ отступить. Вслѣдъ за тѣмъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (III № 1856 г.) напечатано было объявленіе: „Московскій купецъ Иванъ Давыдовъ-сѣченый принимаетъ съ большою пользою и на выгодныхъ условіяхъ казенные подряды. Спросить въ С.-Петербургѣ, возлѣ перваго кадетскаго корпуса, въ квартирѣ Ѳедора Ильина“. Ѳедоръ Ильинъ — это экономъ Института, занимаю-

щійся вмѣстѣ съ Давыдовымъ темной экономіей и потому въ Институтѣ пользуется большою властью.

Въ Августѣ стали говорить о ревизіи, и студентовъ стали кормить лучше. Около того же времени Давыдовъ созвалъ въ конференцъ-залу студентовъ и держалъ къ нимъ рѣчь такого рода: „Съ нѣкотораго времени нарушено доброе согласіе между начальствомъ и студентами. Между вами нашлись двѣ-три паршивыя овцы, которыя хотять заразить все стадо буйствомъ, непокорствомъ и проч., недовольны и учебной, и нравственной, и хозяйственной частью. Учебная часть до меня собственно не относится, но если что отъ меня зависитъ, то всякій можетъ мнѣ прямо сказать, и я употреблю всѣ мѣры. Профессора у васъ самые почтенные, ученые, извѣстные въ Европѣ; къмъ изъ нихъ вы можете быть недовольны?“ И за тѣмъ началась выкричка по именамъ, начиная, разумѣется, съ самыхъ смиренныхъ людей. Оказалось, что на профессоровъ жалобъ нѣтъ, и Давыдовъ заключилъ: „итакъ, учебную часть мы покончили. Теперь нравственная. Мнѣ многіе говорятъ, что я поступаю съ вами слишкомъ кротко, отечески, но я все-таки, если изъ васъ кого-нибудь оскорбилъ своимъ обращеніемъ, то прошу прощенія. Затѣмъ, кто же васъ оскорблять можетъ? Неужели инспекторъ, неужели надзиратели?“ За тѣмъ слѣдовали панегирики инспектору и старшему надзирателю и опять вопросы, по образцу прежнихъ. Само собой разумѣется, что неловко человѣку говорить: ты меня обидѣлъ, когда онъ самъ напередъ извиняется, да кромѣ того, и опасались обвинить Давыдова лично въ конференціи, въ присутствіи разнаго начальства *). Недовольныхъ и тутъ не оказалось. „Теперь хозяйственная часть. Я самъ знаю, что столъ у васъ

*) По несчастію этотъ, неприличный страхъ и эта смиренная скромность стоятъ продѣлокъ Давыдова.

спартанскій, но что же дѣлать? Столько намъ изъ казны денегъ отпускается. Вы говорите, что нѣсколько времени предъ тѣмъ столъ былъ лучше (это было, когда начали ждать ревизіи), да это я нарочно сдѣлалъ, чтобъ вы могли сравнить и видѣть, что мы хотѣли бы дѣлать лучше, но средствъ у насъ нѣтъ"... Тутъ опять пошли именныя допросы въ такой формѣ: „Кто же изъ васъ особенно пышно воспитанъ, что не можетъ переносить здѣшняго стола, — вы, что ли? Или вы такой утонченный гастрономъ? Или вашъ желудокъ такъ нѣженъ?..“ Всѣ отвѣчали: нѣтъ, не я. И Давыдовъ рѣшилъ: „Итакъ, я съ радостію вижу, что между нами только было недоразумѣніе. Вы всѣ довольны, а смущаютъ наше спокойствіе нѣсколько мерзавцевъ, зашедшихъ въ ваше общество, которые при первомъ удобномъ случаѣ и будутъ извергнуты“...

Мѣсяцевъ черезъ пять наконецъ назначили ревизію. Давыдовъ давно къ ней приготовился, и, говорятъ, самъ уже хлопоталъ о ней, доказывая чистоту своей совѣсти. Ревизорами назначены были два чиновника; они нашли все въ исправности и замѣтили только, что неудовлетворительность матеріальнаго содержанія зависитъ отъ недостаточности средствъ (на Институтъ, содержащій до 100 студентовъ съ 40 начальствующими и учащими, отпускается болѣе 75,000 р. сер.), и потому во время самой ревизіи прибавлено было на улучшеніе стола до 1,000 р. с., изъ которыхъ половина (не больше) пошла въ дѣло.

Вмѣсто преобразованій, недавно задуманъ былъ проэктъ уничтоженія Института, какъ учрежденія вовсе ненужнаго при существованіи университетовъ и до самой сердцевины изъѣденнаго разными Давыдовыми. Проэктъ этотъ былъ представленъ попечителемъ С.-Петербургскаго Округа въ ученый комитетъ и потомъ въ главное правленіе училищъ. Давыдовъ засѣдалъ тамъ же и между прочими возра-

женіями представилъ такого рода вопросъ: „Что же выпустить студентовъ изъ закрытаго заведенія, изъ-подъ контроля — для того, чтобы они пускались во всѣ тяжкія, какъ университетскіе студенты подъ вашимъ начальствомъ?“ Этотъ вопросъ былъ обращенъ къ попечителю, который, конечно, могъ бы отвѣтить, что поведеніемъ студентовъ института хвалиться нельзя, потому что хороши они или дурны, все это дѣло закрытое... Послѣ того Давыдовъ собралъ въ самомъ Институтѣ конференцію изъ профессоровъ и предложилъ имъ подписать составленную имъ докладную записку министру. А въ запискѣ говорилось, что нѣкоторые злонамѣренные люди не видятъ пользы Института, но что это именно злонамѣренность и что всѣ профессора считаютъ существованіе Главнаго Педагогическаго Института подъ управленіемъ Давыдова не только полезнымъ, но и необходимымъ. Большая часть профессоровъ Института читаетъ лекціи и въ Университетѣ, а потому они не согласились оскорбить своего попечителя и даже возстали противъ неприличія такой записки. Видя, что сила не беретъ, Давыдовъ согласился и на прощанье благодарилъ профессоровъ за то, что они его научили уму-разуму, и прибавилъ, что справедлива пословица: „Умъ хорошъ, а два лучше“. Впрочемъ, записку свою онъ все-таки подалъ министру.

Прибавлять къ этому простому разсказу о труженической жизни истинно-русскаго ученаго и патриота намъ нечего. Но онъ напомнилъ намъ забавный анекдотъ иныхъ временъ. Въ Московскомъ Университетѣ было лицо не безъ дарованій, но чрезвычайно комическое, Ѡ. Л. Морошкинъ. Онъ глубоко восхищался дипломатическими талантами Ивана Ивановича. Тогда былъ въ ходу анекдотъ, что Давыдовъ при рожденіи сына назвалъ его Сергѣемъ и написалъ Филарету, что онъ его назвалъ такъ въ честь Сергія - чудотворца, князю Сергію Михайло-

вичу Голицыну, что это въ его честь; потомъ всѣмъ великимъ Сергіямъ — Сергію Григорьевичу Строганову, Сергію Семеновичу Уварову—то же самое.

Морошкинъ, подъ вліяніемъ этого разсказа, съ глубочайшимъ вниманіемъ слушалъ какой-то мастерскій *assaut d'armes* Давыдова — противъ, кажется, Шевырева, и сказалъ въ заключеніе: „А вы, Иванъ Ивановичъ, примѣрно несчастливо служите, съ вашими способностями вамъ давно бы слѣдовало быть государственнымъ канцлеромъ“.

Вѣроятно, Іаковъ Ростовцевъ найдетъ средство употребить эту прекрасную способность.

III. По поводу педагогической дѣятельности Пирогова.

О значеніи авторитета въ воспитаніи.

Мысли по поводу „Вопросовъ жизни“ г. Пирогова.

Умственное движеніе, возбужденное въ нашемъ обществѣ событіями послѣднихъ годовъ, обратилось недавно и къ вопросамъ о воспитаніи. Теперь у насъ основано уже два педагогическихъ журнала и, кромѣ того, статьи о воспитаніи появляются отъ времени до времени и въ другихъ изданіяхъ. Но первый обратилъ вниманіе на это важное дѣло *Морской Сборникъ*, помѣстившій въ началѣ прошлаго года статью о воспитаніи г. Бема, — за которою послѣдовали и другія статьи, болѣе или менѣе новыя и справедливыя. Многія изъ этихъ статей находили сочувствіе въ читателяхъ, но ни одна изъ нихъ не имѣла такого полного и блестящаго успѣха, какъ „Вопросы жизни“ г. Пирогова. Они поразили всѣхъ — и свѣтлостью взгляда, и благороднымъ направленіемъ мыслей автора, и пламенной, живой діалектикой, и художественнымъ представленіемъ затронутаго вопроса. Всѣ, читавшіе статью г. Пирогова, были отъ нея въ восторгѣ, всѣ о ней говорили, рассуждали, дѣлали свои соображенія и выводы. Въ этомъ случаѣ общество предупредило даже литературную критику, которая только подтвердила общія похвалы, не пускаясь въ подробный анализъ статьи и не дѣлая никакихъ своихъ заключеній. Это явленіе весьма много говоритъ въ пользу рус-

ской публики, и оно тѣмъ болѣе замѣчательно, что статья Пирогова вовсе не отличается какими-нибудь сладкими разглагольствіями или пышными возгласами для усыпленія нерадивыхъ отцовъ и воспитателей, вовсе не старается поддѣлаться подъ существующій порядокъ вещей, а, напротивъ, бросаетъ прямо въ лицо всему обществу горькую правду; не обинуясь говоритъ о томъ, что у насъ есть дурного, смѣло и горячо, во имя высочайшихъ, вѣчныхъ истинъ, преслѣдуетъ мелкіе интересы вѣка, узкія понятія, своекорыстныя стремленія, господствующія въ современномъ обществѣ. Сочувствіе публики къ такой статьѣ имѣетъ глубокой святой смыслъ. Значитъ, при всемъ своемъ несовершенствѣ, при всѣхъ увлеченіяхъ на практикѣ, общество наше хочетъ и умѣетъ, по крайней мѣрѣ, понимать, что хорошо и справедливо, къ чему должно стремиться. Оно уже имѣетъ столько внутренней силы, что не пугается сознанія своихъ недостатковъ, а сознаніе прошедшаго и настоящаго зла есть лучшее ручательство за возможность добра въ будущемъ. Съ глубокой радостью и искреннимъ сочувствіемъ привѣтствуя этотъ благородный порывъ русскихъ людей, мы рѣшаемся высказать по поводу статьи г. Пирогова нѣсколько соображеній, на которыя наводитъ она всякаго мыслящаго читателя. Дѣлаемъ это тѣмъ съ большею смѣлостью, что до сихъ поръ нигдѣ еще не встрѣчали болѣе честнаго развитія тѣхъ мыслей, которыя заключаются въ общихъ афористическихъ положеніяхъ г. Пирогова.

Сущность мыслей, изложенныхъ въ „Вопросахъ жизни“, состоитъ въ слѣдующемъ: главныя и высшія основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ господствующимъ направленіемъ общества. Изъ этого выходитъ, что, оканчивая курсъ воспитанія и вступая въ общество, мы находимъ себя въ необходимости, или отречься отъ всего, чему насъ учили, чтобы поддѣлаться къ обществу, или слѣдовать своимъ правиламъ и убѣжденіямъ,

становясь такимъ образомъ противниками общественнаго направленія. Но жертвовать святыми, высшими убѣжденіями для житейскихъ расчетовъ — слишкомъ безнравственно и отвратительно; а идти противъ общества — гдѣ же взять силъ на это? къ такой борьбѣ съ ложнымъ направленіемъ общества воспитаніе совсѣмъ не готовитъ насъ. Оно даже совсѣмъ не заботится о томъ, чтобы вкоренить въ насъ высшія, человѣческія убѣжденія; оно хлопочетъ о томъ, чтобы сдѣлать насъ учеными, юристами, врачами, солдатами, и т. п. Между тѣмъ, вступая въ жизнь, человѣкъ хочетъ имѣть какое-нибудь убѣжденіе, хочетъ опредѣлить, что онъ такое, какая его цѣль и назначеніе. Всматриваясь въ себя, онъ находитъ уже готовое рѣшеніе этихъ вопросовъ, данное воспитаніемъ, а присматриваясь къ обществу, видитъ въ немъ стремленія, совершенно противоположныя этимъ рѣшеніямъ. Онъ хочетъ бороться со зломъ и ложью, — но здѣсь-то и оказывается вся несостоятельность его прежняго воспитанія: онъ не приготовленъ къ борьбѣ, онъ долженъ сначала перевоспитать себя [чтобы выйти на арену бойца]... А между тѣмъ, годы летятъ, жизнь не ждетъ, нужно дѣйствовать... и человѣкъ дѣйствуетъ, какъ попало, часто падая подъ бременемъ тяжелыхъ вопросовъ, увлекаясь стремительнымъ теченіемъ толпы то въ ту, то въ другую сторону, — потому что самъ собою онъ не умѣетъ дѣйствовать, въ немъ не воспитанъ внутренній человѣкъ, въ немъ нѣтъ убѣжденій. А убѣжденія даются не легко: „только тотъ можетъ имѣть ихъ, кто пріученъ съ раннихъ лѣтъ проникательно смотрѣть въ себя, кто пріученъ съ первыхъ лѣтъ жизни любить искренно правду, стоять за нее горою и быть непринужденно откровеннымъ — какъ съ наставниками, такъ и съ сверстниками“.

На этомъ останавливается Пироговъ. Онъ указываетъ зло въ воспитаніи и доказываетъ свои по-

ложенія съ безпощадной, неотразимой логической силой. Онъ даетъ понимать и угадывать причину зла: преобладаніе внѣшности въ самомъ воспитаніи, пренебреженіе внутренняго человѣка. Но какимъ образомъ именно убивается въ дѣтяхъ внутренній человѣкъ, отчего внѣшнее развивается въ нихъ болѣе, отъ какихъ частныхъ вліяній они выходятъ на жизненное поприще неприготовленными, безсильными, — этого г. Пироговъ не разбираетъ подробно, а опять предоставляетъ только угадывать. Мы рѣшаемся высказать здѣсь нѣсколько мыслей объ этомъ, родившихся въ насъ по прочтеніи „Вопросовъ жизни“.

[Трактуюя съ своихъ педагогическихъ высотъ вопросы о воспитаніи, мы до сихъ поръ очень сильно напоминали басню, въ которой поставили волковъ въ начальники надъ овцами. Здѣсь всѣ обстоятельства были прекрасно соображены, всѣ голоса собраны, только одного не доставало: не спросили самихъ овецъ. Такъ точно,] большая часть нашихъ педагогическихъ разсужденій, отлично разбирая вопросы высшей философіи, представляя вѣрныя и полезныя правила съ точки зрѣнія религіозной, государственной, нравственной, обще-психологической и т. п., упускаетъ изъ виду одно весьма важное обстоятельство — дѣйствительную жизнь и природу дѣтей, и вообще воспитываемыхъ... Оттого дитя нерѣдко жертвуется педагогическимъ разсчетомъ. Вознесшись на своего нравственнаго конька, воспитатель считаетъ воспитанника своей собственностью, вещью, съ которой онъ можетъ дѣлать, что ему угодно. „Дитя не должно имѣть своей собственной воли, говорятъ премудрые педагоги; — оно должно слѣпо подчиняться требованіямъ родителей, учителей, вообще старшихъ. Приказаніе воспитателя должно быть для него высшимъ закономъ и исполняться безъ малѣйшихъ разсужденій. Безусловное повиновеніе — главное и единственно необходимое условіе

воспитанія. Воспитаніе своей послѣдней цѣлью и имѣетъ именно то, чтобы на мѣсто неразумной воли ребенка, поставить разумную волю воспитателя“.

Не правда-ли, что все это кажется очень логическимъ и справедливымъ? Но, припоминая характеристику этого разумнаго воспитанія, сдѣланную въ „Вопросахъ жизни“, и сами еще не слишкомъ отдаленные отъ впечатлѣній собственнаго воспитанія и ученія, мы не можемъ безъ недовѣрчивой улыбки слушать логическія разсужденія. Всѣ онѣ, очевидно, обнаруживаютъ только одно: страшную педагогическую гордость почтенныхъ педагоговъ, соединенную съ презрѣніемъ къ достоинству человѣческой природы вообще. Говоря, что въ лицѣ воспитателя осуществляется для ребенка нравственный законъ и разумное убѣжденіе, они, очевидно, ставятъ воспитателя на недостижимую высоту, непогрѣшительнымъ образцомъ нравственности и разумности. Не трудно, конечно, согласиться, что если бѣ возможенъ былъ такой идеальный воспитатель, то безусловное, слѣпое слѣдованіе его авторитету не принесло бы особеннаго вреда ребенку (если не считать важнымъ вредомъ замедленіе самостоятельнаго развитія личностей). Но, во-первыхъ, идеальный наставникъ не сталъ бы и требовать безусловнаго повиновенія: онъ постарался бы какъ можно скорѣе развить въ своемъ воспитанникѣ разумныя стремленія и убѣжденія. А, во-вторыхъ, искать непогрѣшимыхъ, идеальныхъ наставниковъ и воспитателей въ наше время было бы еще слишкомъ смѣлая и совершенно напрасная отвага. Для этого требуется слишкомъ много условій. Прежде всего, нравственные правила воспитателя должны быть безусловно вѣрны и строго проведены по всѣмъ, самымъ частнымъ и мелочнымъ случайностямъ жизни. Темныхъ вопросовъ, сомнительныхъ случаевъ для него никогда и никакихъ не должно быть: иначе — что же онъ станетъ дѣлать, если въ подобномъ случаѣ придется приказывать

ребенку, который всякое предписание исполняетъ безусловно, слѣдовательно, вызвать на разсужденіе и соображеніе никакъ не можетъ? Кромѣ того, въ воспитателѣ предполагается еще при этомъ совершенное безстрастіе: онъ не можетъ увлечься ни гнѣвомъ, ни любовью, не можетъ чувствовать лѣни и утомленія, для него не можетъ существовать хорошее и дурное расположеніе духа, онъ долженъ быть не обыкновеннымъ человѣкомъ, а особеннаго рода снарядомъ, въ которомъ долженъ, безъ всякихъ уклоненій, осуществляться нравственный законъ. Но, сколько намъ извѣстно, подобные снаряды еще не изобрѣтены, а если иные и объявляютъ, будто они открыли секретъ такого изобрѣтенія, то въ этомъ опять выражается только ихъ презрѣніе къ человѣческой природѣ и желаніе, во что бы то ни стало, не походить на людей. Если же въ воспитателѣ допустить возможность увлеченія, то какъ можно поручиться за безусловную непогрѣшимость его дѣйствій въ отношеніи къ ребенку? И не лучше-ли съ самыхъ первыхъ лѣтъ приучать ребенка къ разумному разсужденію [чтобы онъ какъ можно скорѣе приобрѣлъ умѣнье и силы не слѣдовать нашимъ приказаніямъ, когда мы приказываемъ дурно]?

Въ умственномъ отношеніи отъ идеальнаго наставника тоже требуется ясность, твердость и непогрѣшимость убѣжденій, чрезвычайно высокое, всестороннее развитіе, обширныя и разнообразныя познанія, приведенныя въ полную гармонію съ общими принципами. Самая натура его должна стоять гораздо выше натуры ребенка во всѣхъ отношеніяхъ. Иначе, что выйдетъ, если учитель будетъ, на примѣръ, восхищаться Державинымъ и заставитъ ученика учить оду „Богъ“; а тому нравится уже Пушкинъ, а ода „Богъ“ — представляетъ совершенно непонятный наборъ словъ? Что, если цѣлый годъ морять надъ музыкальными гаммами ребенка, у котораго пальцы давно уже бѣгаютъ по клавишамъ, и который только

и порывается играть и играть... Что, если дитя восхищается картиной, статуей, пьесой, любит цветы, насѣкомыми, съ любопытствомъ всматривается въ какой-нибудь физическій или химическій приборъ, обращается къ своему воспитателю съ вопросомъ, а тотъ не въ состояніи ничего объяснить?.. [Тутъ уже плохое безусловное повиновение!] А много ли найдется наставниковъ и воспитателей, которые бы умѣли объяснить всѣ дѣтскіе вопросы? Многимъ, конечно, не разъ случалось видать, какъ иногда семи или восьми-лѣтнее бойкое дитя забьетъ въ пухъ и поставитъ втупикъ инога почтеннаго старичка. А между тѣмъ, этотъ почтенный старичекъ имѣетъ своего воспитанника, который обязанъ безусловно его слушаться?.. Этотъ ужъ, конечно, никого втупикъ не поставитъ.

Такимъ образомъ, идеальный воспитатель, не желающій, чтобы ребенокъ разсуждалъ и убѣждался, [а требующій только, чтобы онъ слушался,] долженъ быть готовъ на все, долженъ знать все, долженъ еще предварительно разрѣшить всѣ вопросы, какіе могутъ родиться у воспитанника, обсудить всѣ мнѣнія, соображенія и заключенія, какія могутъ когда-нибудь составиться въ душѣ ребенка. Только съ этой предупредительностью онъ можетъ еще какъ-нибудь вести воспитаніе, не насилуя дѣтской природы. А затѣмъ онъ долженъ имѣть силы вести воспитанника вѣрнымъ и самымъ лучшимъ путемъ на всякомъ поприщѣ. Откроетъ-ли онъ въ ребенкѣ склонность къ музыкѣ, къ живописи, страсть къ ботаникѣ, легкость математическаго соображенія, поэтическое чувство, способность къ изученію языковъ, и пр., и пр., онъ долженъ быть вполне способенъ развить все это въ своемъ питомцѣ. Если же онъ не можетъ за это взяться, значитъ, онъ самъ еще не столько приготовленъ, не столько развитъ, чтобы руководить другихъ. [А если такъ, то онъ и не имѣетъ права требовать, чтобы его слушались безусловно.]

Но даже если мы допустимъ, что воспитатель всегда можетъ стать выше личности воспитанника (что и бываетъ, хотя, конечно, далеко, далеко не всегда),—то во всякомъ случаѣ онъ не можетъ стать выше цѣлаго поколѣнія. Ребенокъ готовится жить въ новой сферѣ, обстановка его жизни будетъ уже не та, что была за 20—30 лѣтъ, когда получилъ образованіе его воспитатель. И обыкновенно воспитатель не только не предвидитъ, а даже просто не понимаетъ потребностей новаго времени и считаетъ ихъ нелѣпостью. Онъ старается удержать своего питомца въ тѣхъ понятіяхъ, въ тѣхъ правилахъ, которыхъ самъ держится: стараніе совершенно естественное и понятное, но тѣмъ не менѣе вредное въ высшей степени, какъ скоро оно доходитъ до стѣсненія собственной воли и ума ребенка. Изъ этого происходитъ то, что естественный смыслъ воспитанника раскрывается медленно, восприимчивость къ явленіямъ и потребностямъ той жизни, того общества, среди которыхъ придется ему дѣйствовать,—совсѣмъ иногда заглушается старыми предразсудками и мнѣніями, на вѣру принятыми въ дѣтствѣ отъ воспитателей. Такое воспитаніе, безъ сомнѣнія, есть врагъ всякаго усовершенствованія и успѣха и ведетъ къ мертвой неподвижности и застою... вліяніе его отражается уже не на однихъ отдѣльныхъ личностяхъ, а на цѣломъ обществѣ.

Если предразсудки и заблужденія стараго поколѣнія насильно, съ малыхъ лѣтъ, вкореняются во впечатлительной душѣ ребенка, то просвѣщеніе и совершенствованіе цѣлаго народа надолго замедляется этимъ несчастнымъ обстоятельствомъ. Горькій опытъ жизни убѣждаетъ, правда, цѣлое поколѣніе въ невѣрности того, о чемъ толковали ему въ дѣтствѣ, и человекъ теряетъ часть своего дѣтскаго энтузіазма къ давнимъ внушеніямъ, не оправданнымъ жизнью: но все еще по привычкѣ онъ держится этихъ вну-

шеній и передаетъ ихъ дѣтямъ, только съ меньшею восторженностью, чѣмъ ему самому передавали ихъ. Новое поколѣніе утрачиваетъ еще частичку благоговѣнія къ внушеннымъ мнѣніямъ; но зато родовая привычка усиливается, и чѣмъ дальше, тѣмъ безсознательнѣе и, потому самому, тѣмъ крѣпче держится народъ за преданія отцовъ. Нужно, чтобы жизнь сдѣлала невозможнымъ приложенія этихъ, давно ставшихъ мертвыми, преданій; нужно, чтобы явился мощный геній мысли, чтобы заставить общество почувствовать нужду и возможность измененія въ принятыхъ неразумныхъ началахъ. И послѣ этого открытія,—какъ медленно, какъ слабо принимается новая мысль, какъ долго не проникаетъ она въ глубину души людей и не распространяется въ массахъ! Прошли столѣтія послѣ того, какъ указано движеніе земли, а до сихъ поръ простолюдинъ нашъ, слыша безпрестанно, что солнышко взошло и закатилось, смотритъ на него какъ на огромный фонарь, подвигающійся по небесному своду отъ востока до запада. Девять вѣковъ уже Россія оглашается божественнымъ ученіемъ христіанства; но въ народѣ до сихъ поръ живы повѣрья о домовыхъ, водяныхъ и лѣшихъ. Даже тѣ, которые въ послѣдствіи теоретически освобождаются отъ дѣтскихъ вѣрованій, на практикѣ долго еще имъ подчиняются. Много есть образованныхъ людей, имѣющихъ хорошее понятіе о явленіяхъ электричества и все-таки прячущихся отъ ужаса въ темную комнату во время грома; точно такъ же, какъ есть множество другихъ, достигшихъ до умѣнья разсуждать объ истинномъ достоинствѣ человѣка и все-таки въ своемъ знакомомъ цѣнящихъ болѣе всего изящество французскаго выговора и модный жилетъ. Отчего происходитъ это, какъ не отъ вліянія неразумныхъ впечатлѣній дѣтства, перешедшихъ къ ребенку, по несчастію, отъ тѣхъ, кого онъ любитъ или уважаетъ?.. „Вліяніе старшихъ поколѣній на младшія неизбѣжно, скажете

вы, — и его нельзя уничтожить, тѣмъ болѣе, что, при дурныхъ сторонахъ, оно имѣетъ и много хорошихъ: всѣ сокровища знаній, собранныхъ въ прошедшихъ вѣкахъ, передаются ребенку именно подъ этимъ вліяніемъ, и безъ него нельзя поставить человека на ту точку, съ которой онъ долженъ начать въ жизни собственное продолженіе всего, что до него было сдѣлано человечествомъ“. Возраженіе совершенно справедливое, и мы поступили бы безумно, если бы стали требовать уничтоженія того, что естественно, само по себѣ, является, существуетъ и уничтожиться не можетъ. Но мы не видимъ также причины и ратовать за то, что неизбежно само по себѣ. Младшее поколѣніе необходимо должно быть подъ вліяніемъ старшаго, и отъ этого проистекаетъ неизмѣримая польза для развитія и совершенствованія человека и человечества. Никто не станетъ спорить противъ такой очевидной истины. Мы говоримъ только о томъ, — зачѣмъ же ставить прошедшее идеаломъ для будущаго, зачѣмъ требовать отъ новыхъ поколѣній безусловнаго, слѣпого подчиненія мнѣніямъ предшествовавшихъ? Для чего уничтожать самостоятельное развитіе дитяти, насиловать его природу, убивая въ немъ вѣру въ себя и заставляя дѣлать только то, чего я хочу, и только такъ, какъ я хочу, и только потому, что я хочу?.. А объявляя такое безусловное повиновеніе, вы именно уничтожаете разумное, правильное, свободное развитіе дитяти. Какъ это вредно дѣйствуетъ на все нравственное существо ребенка, ясно можно видѣть изъ безчисленныхъ опытовъ, равно какъ и изъ теоретическихъ соображеній. Представимъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Прежде всего опредѣлимъ яснѣе, что нужно разумѣть подъ [безусловнымъ повиновеніемъ]. Безусловный — значитъ независящій ни отъ какихъ условій и обстоятельствъ, неизмѣнно остающійся при всѣхъ возможныхъ случайностяхъ, не

происходящій вслѣдствіе какихъ-нибудь внѣшнихъ или внутреннихъ причинъ, но существующій само-бытно и самъ въ себѣ заключающій свое оправданіе. Таково именно бываетъ повиновеніе, котораго требуютъ у насъ отъ дѣтей, и котораго необходимость еще недавно доказывалъ весьма сильно въ *Морскомъ Сборникѣ* (1856 г., № 14) г. пасторъ Зедергольмъ. Изъ этого слѣдуетъ, что ребенокъ долженъ слушаться безъ разсужденій, слѣпо вѣровать своему воспитателю, признавать его приказанія единственно непогрѣшимыми, а все остальное несправедливымъ, и, наконецъ, дѣлать все не потому, что это хорошо и справедливо, а потому, что это приказано и, слѣдовательно, должно быть хорошо и справедливо.

Посмотримъ же, какое психологическое дѣйствіе можетъ произвести подобное отреченіе отъ своей воли въ дитяти.

Предположимъ сначала идеальныхъ воспитателей и наставниковъ. Ихъ внушенія всегда справедливы, всегда послѣдовательны, всегда соразмѣрны со степенью духовнаго развитія ребенка; они сами любимы и уважаемы дѣтьми. Предположимъ, что подобные воспитатели требуютъ отъ дѣтей повиновенія безусловнаго, а не разумнаго. Что изъ этого выходитъ?

Отдается приказаніе; ребенокъ исполняетъ его безпрекословно; за это его хвалятъ и награждаютъ. Но въ самомъ поступкѣ нѣтъ ничего достойнаго награды, — ребенокъ потому и исполнилъ приказъ тотчасъ, что приказанное дѣло казалось ему совершенно естественнымъ, что это согласно было съ его собственнымъ желаніемъ; за что же его хвалятъ? Очевидно, за послушаніе.

Дается другое приказаніе; воспитаннику оно не нравится, онъ находитъ его несправедливымъ, неумѣстнымъ и представляетъ свои возраженія. Ему говорятъ, чтобы слушался, а не разсуждалъ, и гнѣ-

ваются. Онъ поневолю повинуется. Но мысль, что его возраженія были справедливы, остается у него во всей силѣ; за что же, значить, бранили его? — Ясно, за что — за непослушаніе.

Подобные случаи повторяются часто, и въ душѣ ребенка мало-по-малу погасаетъ чувство правды, уваженіе къ разумному убѣжденію, и мѣсто его занимаетъ слѣпое послѣдованіе авторитету.

Вы скажете, что впоследствии, сдѣлавшись поумнѣе, воспитанникъ самъ пойметъ, какъ разумны были приказанія воспитателя. Это, конечно, и бываетъ очень часто, и это прекрасно, но только для воспитателя, который такимъ образомъ пріобрѣтаетъ себѣ болѣе уваженія, — но никакъ не для воспитанника, на котораго всѣ подобныя открытія имѣютъ совершенно противное вліяніе. Увидѣвши, черезъ годъ, черезъ мѣсяць, недѣлю, день, часъ наконецъ, но во всякомъ случаѣ поздно (потому что дѣло уже сдѣлано и сдѣлано не по убѣжденію, а по приказу), — увидѣвши, что его противорѣчіе было глупо и неосновательно, ребенокъ теряетъ довѣріе къ собственному разуму, лишается отваги и энергіи въ своихъ собственныхъ разсужденіяхъ, боится составить какое-нибудь собственное мнѣніе и не смѣетъ слѣдовать собственному убѣжденію даже тогда, когда оно представляется ему яснымъ, какъ солнце... А можетъ быть, думаетъ онъ, что-нибудь тутъ не такъ... Вотъ, можетъ быть, пройдетъ нѣсколько времени, и окажется, что я неправъ... Отсюда нерѣшительность, медленность, вялость, выжиданіе въ дѣйствіяхъ, — черты, сохраняющіяся на всю жизнь и нерѣдко поражающія насъ въ людяхъ, одаренныхъ замѣчательной силой соображенія въ теоріи [но не имѣющихъ отваги осуществить свои мысли на практикѣ].

А что еще, если ребенокъ былъ правъ въ абсолютномъ смыслѣ, если его противорѣчіе было истинно, съ точки зрѣнія высшихъ принциповъ, а несообразно

было только съ житейскими обстоятельствами? Житейскія обстоятельства оправдываютъ воспитателя; ребенокъ понимаетъ это; такъ какъ онъ еще не утвердился въ принципъ сознательнымъ убѣжденіемъ, то мало-по-малу высшая правда, какъ несогласная съ жизнью, поступаетъ въ разрядъ отвлеченныхъ, негодныхъ мнѣній, пустыхъ бредней...

Вотъ примѣры. Мальчикъ сказалъ въ семействѣ про своего товарища, что онъ воръ. Отецъ сталъ бранить сына и приказалъ ему не говорить этого никогда. Мальчику сначала досадно, онъ находитъ несправедливымъ это запрещеніе; но черезъ недѣлю, на одномъ вечерѣ, другой его товарищъ упрекнулъ маленькаго вора въ воровствѣ. Поднялась кутерьма: два семейства поссорились, откровеннаго болтуна наказали... Отецъ говоритъ мальчику: вотъ видишь, что можетъ выйти изъ этого!..

Мальчикъ входитъ въ близкія отношенія съ старымъ слугой; гордый гувернеръ бранитъ его и запрещаетъ говорить со старикомъ. Но мальчикъ не слушаетъ и въ одно время такъ зашаливается въ лакейской, что старикъ-слуга безъ церемоніи беретъ его за руку и выпроваживаетъ отъ себя съ приличными поученіями. Мальчику неприятно; гувернеръ, увидя это, приходитъ въ ужасъ и, поддразнивая самолюбіе мальчика, говоритъ: а все оттого, что не слушался! погоди, онъ тебя еще бить будетъ, если станешь попрежнему быть съ нимъ за-панибрата!.. И мальчикъ раскаивается въ своей дружбѣ со старикомъ, какъ будто въ преступленіи.

Гувернантка приказываетъ дѣвочкѣ вести себя благопристойно, — стань выпрямить, идти плавно, голову держать прямо, говорить только, когда спрашиваютъ, и т. п. Съ такими правилами пріѣзжаетъ она въ гости. Тамъ много дѣтей, и все такія рѣзвыя, веселыя; онѣ бѣгаютъ, шумятъ, болтаютъ, хохочутъ. Ей тоже хотѣлось бы пристать къ нимъ, но гувернантка говоритъ, что это неблаговоспитанно, и она

скучаетъ, съ завистью смотря на веселящихся подругъ, особенно на одну, которая шалить больше всѣхъ, и которой, кажется, всѣхъ веселѣе... Но вдругъ эта рѣзвая дѣвочка упала и сломала себѣ ногу... Торжествующая гувернантка говоритъ своей скромной воспитанницѣ: вотъ что значить вести себя неприлично!..

И тому подобное. Разсудите безпристрастно, насколько безусловное повиновеніе служить здѣсь къ развитію нравственнаго чувства? Не убиваетъ-ли, напротивъ, такое воспитаніе и тѣхъ добрыхъ, святыхъ началъ, которыя природны ребенку? Не естественно-ли, что при этомъ онъ приметъ исключеніе за правило, извращенный порядокъ за естественный? И кто въ этомъ будетъ виновать? Неужели самъ онъ?

А между тѣмъ, какое пышное развитіе могъ-бы получить умъ, какая энергія убѣжденій родилась бы въ человѣкѣ и слилась со всѣмъ существомъ его, если бы его съ первыхъ лѣтъ приучали думать о томъ, что дѣлаетъ, если бы каждое дѣло совершалось ребенкомъ съ сознаниемъ его необходимости и справедливости, если-бы онъ привыкъ самъ отдавать себѣ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ и исполнять то, что другими велѣно, не изъ уваженія къ приказавшей личности, а изъ убѣжденія въ правдѣ самаго дѣла!.. [Правда, тогда многимъ воспитателямъ пришлось бы отступить отъ своего дѣла, потому что ихъ воспитанники доказали бы имъ, что они не умѣютъ приказывать!].

Убивая въ ребенкѣ смѣлость и самостоятельность ума, безусловное повиновеніе вредно дѣйствуетъ и на чувство. Сознаніе своей личности и нѣкоторыхъ правъ человѣческихъ начинается въ дѣтяхъ весьма рано (если только оно начинается, а не прямо рождается съ ними). Это сознаніе необходимо требуетъ удовлетворенія, состоящаго въ возможности слѣдовать своимъ стремленіямъ, а не служить безсознательнымъ орудіемъ для какихъ-то

чужихъ, невѣдомыхъ цѣлей. Какъ скоро стремленія ребенка удовлетворяются, т. е. дается ему просторъ думать и дѣйствовать самостоятельно (хотя до нѣкоторой степени), ребенокъ бываетъ веселъ, радуженъ, полонъ чувствъ самыхъ симпатичныхъ, выказываетъ кротость, отсутствіе всякой раздражительности, самое милое и разумное послушаніе въ томъ, справедливость чего онъ признаетъ. Напротивъ, когда дѣятельность ребенка стѣсняется, стремленія его подавляются, не находя ни желаемого удовлетворенія, ни даже разумнаго объясненія, когда, вмѣсто сознательной личной жизни, дитя, какъ трупъ, какъ автоматъ, должно быть только послушнымъ орудіемъ чужой воли, — тогда естественно, что мрачное и тяжелое расположеніе овладѣваетъ душою ребенка: онъ становится угрюмъ, вяль, безжизненъ, выказываетъ непріязнь къ другимъ и дѣлается жертвою самыхъ низкихъ чувствъ и расположеній. Въ отношеніи къ самому воспитателю, до тѣхъ поръ, пока не усвоитъ себѣ безусловнаго достоинства машины, воспитанникъ бываетъ очень раздражителенъ и недовѣрчивъ. Да и впоследствии, успѣвши даже до нѣкоторой степени обезличить себя, онъ все-таки остается въ непріятныхъ отношеніяхъ къ воспитателю, требующему только безусловнаго исполненія приказаній[, справедливо, хотя и смутнымъ инстинктомъ постигая въ немъ притѣснителя и врага своей личности, отъ которой, при всѣхъ усиліяхъ, человекъ никогда не можетъ совершенно отрѣшиться].

Нужно-ли говорить о томъ губительномъ вліяніи, какое производитъ привычка къ безусловному повиновенію на развитіе воли? Кажется, совершенно излишне, и мы бы охотно прошли молчаніемъ этотъ пунктъ, если бы не имѣли предъ глазами странныхъ положеній г. Зедергольма (*Морской Сборникъ* № 14, стр. 38 — 39), утверждающаго, что „усиліе, которое дѣлаетъ дитя, чтобы преодолѣть собственную волю

и подчинить ее чужой, развиваетъ его нравственную силу (!). Этимъ однимъ возбуждается въ душѣ его первое проявленіе нравственности, первая нравственная борьба, и только съ нея начинается собственно человѣческая жизнь. А отъ безпрестаннаго упражненія въ этой борьбѣ, силы его воли укрѣпляются такъ, что онъ послѣ, когда его воспитаніе окончено, въ состояніи повиноваться самому себѣ и исполнять то, что разумъ и совѣсть требуютъ отъ него“. Все это разсужденіе очень напоминаетъ намъ одного благоразумнаго родителя, который, желая развить въ сынѣ тѣлесную ловкость, клалъ его спиною поперекъ на узкую доску, поднятую аршина на полтора отъ земли, и заставлялъ такимъ образомъ балансировать. Ребенокъ болталъ руками и ногами, стараясь найти себѣ точку опоры, не находилъ ея, изнемогалъ и со страшнымъ крикомъ скатывался съ доски. Развился онъ при такихъ умныхъ мѣрахъ очень уродливо, да еще вдобавокъ никогда не могъ въ послѣдствіи даже пройти моста безъ внутренняго содроганія. Вообще эта система—клинь клиномъ выбивать — давно у насъ извѣстна, и давно мы видимъ ея страшные результаты. Дитя боится темноты, — его запираютъ въ темную комнату; дитя питаетъ отвращеніе къ какому-нибудь кушанью, — его цѣлую недѣлю кормятъ нарочно этимъ кушаньемъ; дитя любитъ сидѣть за книжкой, — его посылаютъ гулять; онъ хочетъ бѣгать, — ему велятъ сидѣть на мѣстѣ, — и это дѣлается весьма часто не изъ сознанія необходимости или пользы того, что приказываютъ, а изъ чистыхъ и безкорыстныхъ педагогическихъ видовъ, — чтобы приучить ребенка къ послушанію... Впрочемъ, наши практическіе воспитатели нѣсколько послѣдовательнѣе г. Зедергольма; они просто говорятъ: „нужно привыкать къ покорности; если теперь его характеръ не переломить, то уже послѣ поздно будетъ“. Такимъ образомъ они откровенно признаются, что

имѣютъ въ виду подарить обществу будущихъ Молчалиныхъ. Но г. Зедергольмъ увѣряетъ, что послушаніемъ укрѣпляется сила воли! Да помилуйте, вѣдь это все равно, какъ если бы я, уничтожая всякій порывъ разсудка въ моемъ воспитанникѣ, каждый разъ говоря ему: не разсуждайте (какъ и дѣлается обыкновенно у воспитателей, требующихъ безусловнаго повиновенія), вздумалъ бы вывести такого рода заключеніе: „этимъ развиваются его умственныя способности, потому что тутъ онъ долженъ соображать внутренно и взвѣшивать справедливость своихъ возраженій“. Не правда ли, что это столь же логическое предположеніе, какъ и г. Зедергольма? И какъ легко такимъ образомъ воспитывать дѣтей!

Напрасно г. Зедергольмъ указываетъ на борьбу. Здѣсь собственно нѣтъ борьбы, а есть только уступка безъ бою, которая, при частомъ повтореніи, производитъ не крѣпость воли, а нравственное разслабленіе. Да если и бываетъ въ самомъ дѣлѣ борьба, то самая неразумная: съ одной стороны, внутренняя сила, природное влеченіе, которое ребенку представляется правильнымъ, а съ другой — внѣшнее, непонятное давленіе чужого произвола, или того, что ребенокъ считаетъ произволомъ... [При безусловномъ повиновеніи] побѣда обыкновенно остается на сторонѣ внѣшней силы, и это обстоятельство неизбежно должно убить внутреннюю энергію [и отбить охоту отъ противодѣйствія внѣшнимъ вліяніямъ]. При томъ не нужно упускать изъ виду еще одного обстоятельства: многія изъ приказаній, отдаваемыхъ ребенку бываютъ такого рода, что онъ не имѣетъ еще о нихъ опредѣленнаго мнѣнія, и ему лично все равно — исполнить ихъ или не исполнить. Не понимая, зачѣмъ и почему, онъ дѣлаетъ то, что велѣно, только потому, что это велѣно. Тутъ уже [борьбы] никакой нѣтъ, а господствуетъ полная безсознательность, обращающаяся потомъ въ привычку.

Воспитанный такимъ образомъ человѣкъ во всю свою жизнь остается подъ различными вліянiями, которыя опредѣляются не разумной необходимостью, не обдуманномъ выборомъ, а просто случаемъ. Въ чьи руки человѣкъ прежде всего попадетъ, тому будетъ слѣдовать.

Каково вліаніе безусловныхъ приказаній на совѣсть (на что указываетъ также г. Зедергольмъ),— можно понять изъ всего, что было до сихъ поръ сказано. Привыкая дѣлать все безъ разсужденій, безъ убѣжденія въ истинѣ и добрѣ, а только по приказу, человѣкъ становится безразличнымъ къ добру и злу и безъ зазрѣнія совѣсти совершаетъ поступки, противныя нравственному чувству, оправдываясь тѣмъ, что „такъ приказано“.

Это все слѣдствiя, необходимо вытекающія изъ самой методы абсолютнаго повиновенія. Но вспомните еще, сколько съ ней сопряжено другихъ неудобствъ, являющихся при исполненіи. Приказанія воспитателя могутъ быть несправедливы, непослѣдовательны и, такимъ образомъ, будутъ искажать природную логику ребенка. Если наставниковъ и воспитателей нѣсколько, они могутъ противорѣчить другъ другу въ своихъ приказаніяхъ, и дитя, обязанное всѣхъ ихъ равно слушаться, попадаетъ въ темный лабиринтъ, изъ котораго выйдетъ не иначе, какъ только совершенно потерявши сознаніе нравственнаго долга (если не успѣетъ дойти само до своихъ правилъ и, слѣдовательно, до презрѣнія наставниковъ). Всѣ недостатки воспитателя, нравственные и умственные, легко могутъ перейти и къ воспитаннику, приученному соображать свои дѣйствiя не съ нравственнымъ закономъ, не съ убѣжденіемъ разума, а только съ волею воспитателя.

Такимъ образомъ, отсутствіе самостоятельности въ сужденіяхъ и взглядахъ, вѣчное недовольство въ глубинѣ души, вялость и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, недостатокъ силы воли, чтобы противиться

постороннимъ вліяніямъ, вообще обезличеніе, а вслѣдствіе этого легкомысліе и подлость, недостатокъ твердаго и яснаго сознанія своего долга и невозможность внести въ жизнь что-либо новое, болѣе совершенное, отличное отъ прежде установленныхъ порядковъ, — вотъ дары, которыми [безусловное повиновеніе при воспитаніи] надѣляетъ человѣка, отпуская его на жизненную борьбу!.. И съ такими-то качествами человѣкъ долженъ ратовать за свои убѣжденія противъ цѣлаго общества, и онъ, привыкшій жить чужимъ умомъ, дѣйствовать по чужой волѣ, онъ долженъ вдругъ поставить себя мѣркою для цѣлаго общества, долженъ сказать: вы ошибаетесь, я правъ; вы дѣлаете дурно, а вотъ какъ нужно дѣлать хорошо!.. Да гдѣ же онъ возьметъ столько силы? Во имя чего будетъ онъ бороться? Неужели во имя авторитета своихъ наставниковъ, которые до сихъ поръ управляли его жизнью и понятіями? Да кто же, наконецъ, далъ ему право на это? [Собственно говоря, его отношенія и теперь нисколько не измѣнились: до сихъ поръ были подчиненныя отношенія въ воспитаніи и обученіи, теперь настали точно такія же отношенія въ службѣ и общежитіи. Какая же голова можетъ переварить такое умозаключеніе: вотъ черта — пятнадцать, двадцать лѣтъ, — до которой ведутъ тебя, заставляя безпрекословно и безусловно слушаться другихъ; это дѣлается для того, собственно, чтобы перешедши черезъ эту черту, ты умѣлъ бороться съ другими. — Гораздо естественнѣе] заключить, что и въ послѣдующей жизни человѣкъ долженъ вести себя именно такъ, какъ до сихъ поръ заставляли его.

Всѣ эти соображенія имѣютъ въ виду, разумѣется, совершенный успѣхъ системы [безусловнаго повиновенія.] Но есть натуры, съ которыми подобная система никакъ не можетъ удалась. Это натуры гордыя, сильныя, энергическія. Получая нормальное, свободное развитіе, онѣ высоко поднимаются надъ

толпою и изумляютъ міръ богатствомъ и громадностью своихъ духовныхъ силъ. Эти люди совершаютъ великія дѣла, становятся благодѣтелями челоуѣчества. Но, задержанные въ своемъ самобытномъ развитіи, сжатые пошлою рутиною, узкими понятіями какого-нибудь, весьма ограниченнаго, наставника, не имѣя простора для размаха своихъ крыльевъ, а принужденные брести тѣсною тропинкой, которая воспитателю кажется совершенно удобной и приличной, эти люди или впадаютъ въ апатичное бездѣйствіе, становясь лишними на бѣломъ свѣтѣ, или дѣлаются ярыми, слѣпыми противниками именно тѣхъ началъ, по которымъ ихъ воспитывали. Тогда они становятся несчастны сами и страшны для общества, которое принуждено гнать ихъ отъ себя. Самый яркій примѣръ подобнаго оборота дѣла представляетъ Вольтеръ, воспитанный въ благочестивыхъ, основанныхъ на строгомъ, мертвомъ повиновеніи, правилахъ іезуитскихъ школъ. Одинъ разъ дошедши до убѣжденія въ неправости своего учителя, подобный ученикъ уже не останавливается... Да и что могло бы остановить его? и хорошее и дурное, и ложное и справедливое у него перемѣшано въ приказаніяхъ безусловныхъ и представляется ему подъ призмой стѣсненія его личности. Нравственное чувство въ немъ не развито, умъ не приученъ къ спокойному, медленному обсуживанію своихъ дѣйствій; все, что онъ знаетъ и чему вѣритъ, вбито ему въ голову насильно, безъ всякаго участія его собственной воли и чувства. Поэтому весь внутренній міръ, какъ развитый имъ не отъ себя, а навязанный извнѣ, представляется ему чѣмъ-то чуждымъ, внѣшнимъ, и весь, разомъ, безъ большого труда, опрокидывается, особенно, если при этомъ вмѣшается еще какое-нибудь вліяніе, совершенно противоположное вліянію воспитателей. Въ ожесточеніи противъ угнетавшихъ его, онъ развиваетъ въ себѣ духъ противорѣчія и становится противникомъ

уже не злоупотребленій только, а самыхъ началъ, принятыхъ въ обществѣ. Разумѣется, его ждетъ скорая гибель, или жизнь, полная скорбнаго недовольства самимъ собою и людьми, пропадающая въ безплодныхъ исканіяхъ, съ неумѣньемъ остановиться на чемъ-нибудь. И сколько благородныхъ, даровитыхъ натуръ сгибло такимъ образомъ жертвою учительской указки, иногда съ жалобнымъ шумомъ, а чаще, просто, въ безмолвномъ озлобленіи противъ міра, безъ шума, безъ слѣда.

Но чего вы хотите? — спросятъ насъ: — неужели же можно предоставить ребенку полную волю, ни въ чемъ не останавливая его, во всемъ уступая его капризамъ?...

Совсѣмъ нѣтъ. Мы говоримъ только, что не нужно дрессировать ребенка, какъ собаку, заставляя его выдѣлывать тѣ или другія штуки, по тому или другому знаку воспитателя. Мы хотимъ, чтобы въ воспитаніи господствовала разумность, и чтобы разумность эта вѣдома была не только учителю, но представлялась ясною и самому ребенку. Мы утверждаемъ, что всѣ мѣры воспитателя должны быть предлагаемы въ такомъ видѣ, чтобы могли быть вполнѣ и ясно оправданы въ собственномъ сознаніи ребенка. Мы требуемъ, чтобы воспитатели выказывали болѣе уваженія къ человѣческой природѣ и старались о развитіи, а не о подавленіи внутренняго чело-вѣка въ своихъ воспитанникахъ, и чтобы воспита-ніе стремилось сдѣлать чело-вѣка нравственнымъ — не по привычкѣ, а по сознанію и убѣжденію.

„Но это смѣшная и нелѣпая претензія, — скажутъ глубокомысленные педагоги, презрительно улыбаясь въ отвѣтъ на наши доводы. — Развѣ можно отъ маленькаго дитяти требовать правильнаго обсужденія высокихъ нравственныхъ вопросовъ, развѣ можно убѣждать его, когда онъ не развитъ настолько, чтобы понимать убѣжденія? Безумно было бы, посылая мальчика гулять, читать ему цѣлый курсъ физиологіи, чтобы доказать, почему и какъ полезна

прогулка, точно такъ, какъ было бы нелѣпо, задавая таблицу умноженія, перебирать всѣ математическія дѣйствія, въ которыхъ она необходима, и отсюда уже вывести пользу ея изученія... [Главная задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы добиться, во что бы то ни было, непрекословнаго исполненія воспитанникомъ приказаній высшихъ, и если нельзя достигнуть этого посредствомъ убѣжденія, то надо добиться посредствомъ страха.“]

Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ одинъ недостатокъ — принятіе [нынѣшняго] *statu quo* за нормальное положеніе вещей. Я съ вами согласенъ, что дѣти неразвиты еще до яснаго пониманія своихъ обязанностей, но въ томъ-то и состоитъ ваша обязанность, чтобы развить въ нихъ это пониманіе. Для этого они и воспитываются. А вы, вмѣсто того, чтобы внушать имъ сознательныя убѣжденія, подавляете и тѣ, которыя въ нихъ сами собою возникаютъ, и стараетесь только сдѣлать ихъ безсознательными, послушными орудіями вашей воли. Увѣрившись, что дѣти не понимаютъ васъ, вы преспокойно сложили руки, воображая, что вамъ и дѣлать нечего больше, какъ сидѣть у моря и ждать погоды: авось, дескать, какъ-нибудь раскроются способности, когда подрастетъ ребенокъ, — тогда и потолковать съ нимъ можно будетъ, а теперь пусть дѣлаетъ себѣ, что приказано. — Въ такомъ случаѣ, на что же вы и поставлены, о, глубоко мудрые педагоги? Зачѣмъ же тогда и воспитаніе?.. Вѣдь вашъ прямой долгъ — добиться, чтобы васъ понимали!.. Вы для ребенка, а не онъ для васъ; вы должны приноравливаться къ его природѣ, къ его духовному пониманію, какъ врачъ приноравливается къ больному, какъ портной къ тому, на кого онъ шьетъ платье. „Ребенокъ еще не развить“, — да какъ же онъ и разовьется, когда вы нисколько объ этомъ не стараетесь, а еще, напротивъ, задерживаете его самобытное развитіе? По вашей логикѣ, значить, нельзя выучиться незнако-

тому языку сколько-нибудь разумнымъ образомъ,— потому что, начиная учиться, вы его не понимаете,— а надобно вести дѣло, заставляя ученика повторять и заучивать незнакомые звуки, безъ знанія ихъ смысла; послѣ, дескать, когда много словъ въ памяти будетъ, такъ и смыслъ ихъ какъ-нибудь, мало-по-малу, узнается!.. Во всѣхъ этихъ возраженіяхъ едва-ли что-нибудь выказывается такъ ярко, какъ желаніе спрятать свою лѣнь и разные корыстные виды подъ покровомъ священнѣйшихъ основъ всякаго добра. Но, унижая разумное убѣжденіе, заставляя воспитанника дѣйствовать безсознательно, можно несравненно скорѣе подкопать ихъ, нежели всяческимъ предоставленіемъ самой широкой свободы развитію ребенка... Всѣ эти близорукія сужденія о неразвитости дѣтской природы чрезвычайно напоминаютъ тѣхъ господъ, которые возстаютъ противъ Гоголя и его послѣдователей за то, что эти писатели просто пересыпаютъ изъ пустого въ порожнее, что они никого не научаютъ, и что людей, на которыхъ они нападаютъ, можно пронять только дубиною, а никакъ не убѣжденіемъ... Какъ будто бы дубина можетъ кого-нибудь и чему-нибудь научить! Какъ будто бы, побивши человѣка, вы черезъ то дѣлаете его нравственно лучшимъ или можете внушить ему какое-нибудь убѣжденіе, кромѣ развѣ убѣжденія, что вы такъ или иначе сильнѣе его!.. Для дрессировки, правда, *argumentum baculinum* очень достаточенъ; такимъ образомъ лошадей выѣзжаютъ, медвѣдей плясать выучиваютъ и изъ людей дѣлаютъ ловкихъ спеціальныхъ фокусниковъ. Но при всей ловкости въ своемъ мастерствѣ, — ни лошади, ни медвѣди, ни многіе изъ людей, воспитанные такимъ образомъ, ничуть не дѣлаются оттого умнѣе!..

„А какъ же,—говорятъ еще ученые педагоги, — предохранить дитя отъ вредныхъ вліяній, окружающихъ его? Неужели позволить ему доходить до сознанія ихъ вредности собственнымъ опытомъ? такимъ

образомъ, ни одинъ ребенокъ не остался бы цѣлъ. Испытавши, на примѣръ, что такое ядъ, или что значить свалиться въ окошко изъ четвертаго этажа, дитя навѣрное не останется очень благодарнымъ тому педагогу, который, по особенному уваженію человѣческой природы, принялся бы въ критическую минуту за убѣжденія, а не рѣшился бы просто отнять ядъ или оттащить ребенка отъ окошка“... Оставляя въ сторонѣ всю шутовскую, нелѣпую сторону этого возраженія, по которому, на примѣръ, подчиненный не можетъ спасти утопающаго начальника (потому что онъ отъ него не можетъ требовать безусловнаго повиновенія, а безъ этого спасеніе невозможно), замѣтимъ одно. Дѣти потому-то часто и падаютъ изъ оконъ и берутъ мышьякъ вмѣсто сахара, — что система безусловнаго повиновенія заставляетъ ихъ только слушаться и слушаться, не давая имъ настоящаго понятія о вещахъ, не пробуждая въ нихъ никакихъ разумныхъ убѣжденій.

Да и хотъ бы справедливы были жалобы на неразумность дѣтей! А то и онѣ оказываются чистѣйшею клеветою, придуманною для своихъ видовъ досужимъ воображеніемъ неискусныхъ педагоговъ. Прежде всего можно замѣтить, что не воспитаніе даетъ намъ разумность, такъ же, какъ напр., не логика выучиваетъ мыслить, не грамматика — говорить, не піитика — быть поэтомъ, и т. п. Воспитаніе, точно такъ, какъ всѣ теоретическія науки, имѣющія предметомъ внутренній міръ человѣка, имѣетъ своею задачею только возбужденіе и проясненіе въ сознаніи того, что уже давно живетъ жизнью непосредственною, безсознательно и безотчетно. Придайте разумность обезьянѣ, съ вашей системой [безусловнаго повиновенія,] и тогда цѣлый міръ съ благоговѣніемъ преклонится предъ этой системой и будетъ по ней воспитывать дѣтей своихъ. Но вы этого не можете сдѣлать, и потому должны смиренно признать права разумности въ самой природѣ ре-

бенка и не пренебрегать ею, а благоразумно пользоваться тѣми выгодами, какія она вамъ представляетъ.

А разумности въ дѣтяхъ гораздо больше, нежели предполагаютъ. Они очень умны и проницательны, хотя обыкновенно и не умѣютъ опредѣлительно и отчетливо сообразить и высказать свои понятія. Логика ребенка весьма ясно выражается въ самое первое время его жизни, и лучшимъ доказательствомъ тому служить языкъ. Можно положительно сказать, что трехъ или четырехъ-лѣтнее дитя не слышало и половины тѣхъ словъ, которыя употребляетъ; оно само составляетъ и производитъ ихъ по образцу слышанныхъ, и производитъ почти всегда правильно. То же самое нужно замѣтить о формахъ: ребенокъ, не имѣющій понятія о грамматикѣ, скажетъ вамъ совершенно правильно всѣ падежи, времена, наклоненія и пр. незнакомаго ему слова, ничуть не хуже, какъ вы сами сдѣлаете это, изучая, уже въ совершенномъ возрастѣ, какой-нибудь иностранный языкъ. Изъ этого, слѣдуетъ, что, по крайней мѣрѣ, способность къ наведенію и аналогіи, умѣнье классифицировать весьма рано развивается въ ребенкѣ.

То же самое нужно сказать и о пониманіи связи между причинами и слѣдствіями. Ожогши одинъ разъ палецъ на свѣчкѣ, ребенокъ въ другой разъ уже не схватитъ свѣчи рукою; видя, что зимою бываетъ снѣгъ, а лѣтомъ — нѣтъ, ребенокъ при таяніи снѣга, весною, догадывается, что лѣто приближается, и пр., и пр. Всякое дитя ласкается къ тому, кто его ласкаетъ, и удаляется отъ того, въ комъ встрѣчаетъ грубое обращеніе, и т. п.

Мало этого: дѣти очень рано умѣютъ составлять понятія. Узнавши, что такое домъ, книга, столъ и пр., ребенокъ безошибочно узнаетъ всѣ другіе дома, книги, столы, хотя бы вновь увидѣнные имъ и не походили на тѣ, которые онъ видѣлъ прежде. Это значитъ, что у него въ головѣ уже составилось

понятіе, а для составленія понятія, какъ извѣстно, нужно умѣть сдѣлать и сужденіе, и умозаключеніе...

Съ чего же пришло въ голову многоученымъ педагогамъ, что дитя не способно понимать разумное убѣжденіе, а можетъ быть управляемо только страхомъ и т. п.? Я никакъ не могу сообразить, отчего же бы это ложное убѣжденіе скорѣе принялось въ душѣ ребенка, нежели правильное. Утѣшить дитя разумно, если оно плачетъ, — нельзя; а сказать: „не плачь, а то тебя бука съѣстъ“, или: „перестань, а не то — выскучу“, — можно. Желалъ бы я знать, какое отношеніе между дѣтскимъ плачемъ и букой или розгой, и какая логика предполагается въ ребенкѣ при подобныхъ увѣщаніяхъ?

„Но, говорятъ, ребенокъ еще не можетъ рассуждать правильно о частныхъ случаяхъ, потому что онъ не имѣетъ данныхъ: онъ еще такъ мало видѣлъ и знаетъ“. Это въ высшей степени справедливо, и обязанность воспитателя въ томъ именно и состоитъ, чтобы сообщить дитяти, сколько возможно скорѣе, возможно наибольшее количество всякаго рода данныхъ, фактовъ, заботясь при этомъ особенно о полнотѣ и правильности воспріятія ихъ ребенкомъ. Поводы къ подобному сообщенію фактовъ можетъ представлять самое противорѣчіе ребенка, на которое не отвѣчать можетъ наставникъ только по лѣности или по трусости своей, а никакъ не по разумному убѣжденію. Вы заставляете вашего воспитанника сдѣлать что-нибудь; онъ говоритъ, что сдѣлать этого нельзя; — а вы ему покажете, какъ это сдѣлать. Онъ самъ что-нибудь хочетъ совершить, а вы говорите, что это невозможно, и спрашиваете его, какъ онъ хотѣлъ бы исполнить свое намѣреніе. Онъ рассказываетъ свои мечтательные планы; вы послѣдовательно и подробно доказываете неисполнимость его предпріятія. И въ этомъ одномъ сколько представляется вамъ прекрасныхъ поводовъ

передать ребенку множество вѣрныхъ, живыхъ свѣдѣній о законахъ природы, о явленіяхъ духовной жизни человѣка, объ устройствѣ общества! И повѣрьте, что ребенокъ сумѣетъ понять ваши объясненія и принять ихъ къ свѣдѣнію.

Вообще можно сказать, что въ непонятливости дѣтей большею частію виноваты сами взрослые. У насъ обыкновенно жизненные случайности потрясаютъ нѣсколько твердость чистой логики; *de jure* и *de facto* неразрѣшимо переплетаются, и мы, по привычкѣ къ уклоненіямъ, часто допускаемъ такія примѣненія основныхъ принциповъ, или такіе общіе выводы изъ частныхъ фактовъ, которыхъ чистое мышленіе никакъ принять не можетъ. Чистая дѣвственная логика дѣтской головы этого не допускаетъ, и потому всѣ нелогичности, допускаемыя нами незамѣтно для насъ самихъ, изъ деликатнаго почтенія къ *statu quo*, упорно не понимаются дѣтьми. Если вы наполнили умъ дитяти вѣрными данными, то вамъ трудно уже будетъ вбить ему въ голову ложное заключеніе, выведенное изъ этихъ данныхъ; если вы заставили его сначала принять ложное основаніе, то вы долго не добьетесь, чтобы онъ правильно смотрѣлъ на слѣдствія, выводимыя вами, и логически несоотвѣтствующія принятому началу. Твердое настаиванье на этихъ нелогичностяхъ, безъ подробнаго и откровеннаго разъясненія обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ, непременно ведетъ къ искаженію природнаго здраваго смысла въ ребенкѣ, и, къ сожалѣнію, такое искаженіе происходитъ у насъ слишкомъ часто.

Столь же много вредитъ понятливости дѣтей и неестественный порядокъ, принятый у насъ вообще въ обученіи. Познанія могутъ быть пріобрѣтаемы только аналитическимъ путемъ; сама наука развивалась такимъ образомъ; а между тѣмъ, даже въ самомъ первоначальномъ обученіи начинаютъ у насъ съ синтеза! Порядокъ совершенно извращенный, отъ котораго происходитъ въ занятіяхъ неясность,

запутанность, безжизненность. Каждая наука начинается, напр., введеніемъ, въ которомъ говорится о сущности, важности, пользѣ, раздѣленіи науки, и т. п. Спрашиваю васъ, какъ же вы хотите, чтобы мальчикъ понялъ все это прежде, чѣмъ онъ изучитъ самую науку? — Исторія раздѣляется на древнюю, среднюю и новую; каждая часть дѣлится на слѣдующіе періоды, и пр. На чемъ держится это дѣленіе, къ чему оно примкнетъ въ головѣ мальчика, который объ исторіи понятія не имѣетъ? Географія есть наука, показывающая, и т. д.; она состоитъ изъ трехъ частей: математической, физической и политической. Первая говоритъ о томъ-то, вторая о томъ-то, и пр... Можно ли ожидать, чтобы, начиная съ этого географію, ребенокъ могъ разумно усвоить себѣ что-нибудь?

А между тѣмъ, посмотрите, сколько любознательности, сколько жаднаго стремленія къ изслѣдованію истины выказываютъ дѣти. Инстинктъ истины говоритъ въ нихъ чрезвычайно сильно, можетъ быть, даже сильнѣе, нежели во взрослыхъ людяхъ. Они не интересуются призраками, которые создали себѣ люди и которымъ придаютъ чрезвычайную важность. Они не занимаются геральдикой, не пускаются въ филологическія тонкости, не стремятся къ чинамъ и почестямъ (разумѣется, если имъ не натолковали объ этомъ чуть не со дня рожденія). За то, какъ охотно они обращаются къ природѣ, съ какою радостію изучаютъ все дѣйствительное, а не призрачное, какъ ихъ занимаетъ всякое живое явленіе. Они не любятъ отвлеченностей, и въ этомъ ихъ спасеніе отъ насильственно вторгающихся въ ихъ душу умствованій, которыхъ доказать и объяснить часто не можетъ даже тотъ, кто хлопочетъ о вкорененіи ихъ въ средѣ воспитанниковъ. Да, счастливы дѣти, что природа не вдругъ теряетъ надъ ними свои права, не тотчасъ оставляетъ ихъ на жертву извращенныхъ, пристрастныхъ, одностороннихъ людскихъ теорій!..

„Но, скажутъ, въ дѣтяхъ сильно влеченіе ко злу; необходимо дѣятельно противиться злымъ отъ природы наклонностямъ ребенка“. Не разбирая подробно этого мнѣнія, позволимъ себѣ отвѣтить на него словами г. Пирогова, которому, конечно, вполне можно повѣрить, когда дѣло идетъ о свойствахъ человѣческой природы. Вотъ его слова: „Добро и зло довольно уравновѣшены въ насъ. Поэтому нѣтъ никакой причины думать, чтобы наши врожденные склонности, даже и мало развитыя воспитаніемъ, влекли насъ болѣе къ худому, нежели къ хорошему. А законы хорошо устроеннаго общества, вселяя въ насъ довѣренность къ правосудію и зоркости правителей, могли бы устранить и послѣднее влеченіе ко злу“.

Но если даже и справедливо, что въ природѣ нашей есть природное влеченіе ко злу, то развѣ вы можете взяться за его уничтоженіе? Вы ли, безпрестанно противорѣчащіе сами себѣ, опровергающіе своими поступками свои же правила, осуждающіе теоретическими принципами свои же поступки, на каждомъ шагу падающіе, жертвующіе велѣніями высшей природы своекорыстнымъ требованіемъ грубаго эгоизма, — вы ли бросаете камень въ невиннаго ребенка и съ фарисейской надменностью возстаете противъ того немногаго, что въ немъ замѣчаете? Нѣтъ, перевоспитайте прежде самихъ себя, и тогда уже принимайтесь за поправленіе природы человѣка во ввѣренныхъ вамъ дѣтяхъ.

Если въ дѣтяхъ нельзя видѣть идеала нравственнаго совершенства, то, по крайней мѣрѣ, нельзя не согласиться, что они несравненно нравственнѣе взрослыхъ. Они не лгутъ (пока ихъ не доведутъ до этого страхомъ), они стыдятся всего дурного, они хранятъ въ себѣ святыя чувства любви къ людямъ, свободной отъ всякихъ житейскихъ предразсудковъ. Они сближаются съ сверстникомъ, не спрашивая, богатъ-ли онъ, равенъ-ли имъ по происхожденію; у нихъ замѣчена даже особенная наклонность—сбли-

жаться съ обиженными судьбою, со слугами и т. п. И чувства ихъ всегда выражаются на дѣлѣ, а не остаются только на языкѣ, какъ у взрослыхъ; ребенокъ никогда не съѣстъ даннаго ему яблока безъ своего брата или сестры, которыхъ онъ любитъ; отъ всегда принесетъ изъ гостей гостинцы своей любимой нянюшкѣ; онъ заплачетъ, видя слезы матери, изъ жалости къ ней. Вообще, мнѣніе, будто бы въ дѣтяхъ преобладающее чувство — животный эгоизмъ, рѣшительно лишено основанія. Если въ нихъ не замѣтно сильнаго развитія любви къ отечеству и человѣчеству, это, конечно, потому, что кругъ ихъ понятій еще не расширился до того, чтобы вмѣщать въ себѣ цѣлое человѣчество. Они этого не знаютъ, а чего не знаешь, того и не любишь.

Нѣтъ, не напрасно дѣти поставлены въ примѣръ намъ даже Тѣмъ, предъ Кѣмъ съ благоговѣніемъ преклоняются народы, чье ученіе столько вѣковъ оглашаетъ вселенную. Да, мы должны учиться, смотря на дѣтей, должны сами переродиться, сдѣлаться какъ дѣти, чтобы достигнуть вѣдѣнія истиннаго добра и правды. Если уже мы хотимъ обратить вниманіе на воспитаніе, то надо начать съ того, чтобы перестать презирать природу дѣтей и считать ихъ неспособными къ воспріятію убѣжденій разума. Напротивъ, надо пользоваться тѣми внутренними сокровищами, которыя представляетъ намъ натура дитяти. Многія изъ этихъ природныхъ богатствъ намъ еще совершенно неизвѣстны, многое, по слову Евангелія, утаено отъ премудрыхъ и разумныхъ и открыто младенцамъ!..

Эта апологія правъ дѣтской природы противъ педагогическаго произвола, останавливающаго естественное развитіе, имѣла цѣлью указать на одинъ изъ важнѣйшихъ недостатковъ нашего воспитанія. Мы не пускались въ подробности, а выставляли на видъ только общія положенія, въ надеждѣ, что умные

воспитатели, если согласятся съ нашимъ мнѣніемъ, то и сами увидятъ, что и какъ нужно имъ дѣлать и чего не дѣлать. Искусства обращаться съ дѣтьми нельзя передать дидактически; можно только указать основанія, на которыхъ оно можетъ утвердаться, и цѣль, къ которой должно стремиться. И мы думаемъ, — главное, что долженъ имѣть въ виду воспитатель, — это — уваженіе къ человѣческой природѣ въ дитяти, предоставленіе ему свободнаго, нормальнаго развитія, стараніе внушить ему прежде всего и болѣе всего правильныя понятія о вещахъ, живыя и твердыя убѣжденія, заставить его дѣйствовать сознательно, по уваженію къ добру и правдѣ, а не изъ страха и не изъ корыстныхъ видовъ похвалы и награды...

Исполнить это трудно, но не невозможно. Начало подобнаго обращенія къ естественному смыслу дѣтей было уже положено, слишкомъ за полвѣка назадъ, — благороднымъ и безкорыстнымъ филантропомъ воспитателемъ — Песталоцци. По поводу его школы сдѣлано г-жею Сталь многозначительное замѣчаніе, что „непониманіе дѣтей происходитъ всегда болѣе отъ темноты изложенія, нежели отъ трудности самыхъ наукъ“ (De l'Allemagne). Тысячи опытовъ подтвердили это замѣчаніе съ тѣхъ поръ, какъ оно было высказано, и мы съ горестью должны сознаться, что оно и до сихъ поръ не потеряло своей справедливости. И не только умственное, но, — что еще болѣе грустно, — даже нравственное воспитаніе дѣтей страдаетъ у насъ тою же голословностью, внѣшностью, мертвенностью. Освободиться отъ этого жалкаго состоянія, обратить вниманіе не на мертвую букву, а на живой духъ, не на исполненіе внѣшней формы, а на развитіе внутренняго человѣка, — вотъ задача, которой выполненіе предстоитъ современному русскому воспитанію.

Собрание литературныхъ статей Н. И. Пирогова. Съ портретомъ автора. Изданіе редакторовъ *Одесск. Вѣстника*, А. Богдановскаго и А. Георгіевскаго. Одесса. 1858.

Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 17 дек. 1858 г. Москва. 1858 г.

Объ эти книжки, въ одно время попавшія къ намъ въ руки, навели насъ на размышленія очень грустныя. Въ нашей общественной жизни бываютъ явленія, которыя могутъ иногда увлечь на минуту добродушнаго человѣка и внушить ему отрадное чувство. Къ числу такихъ явленій принадлежитъ „Отчетъ Московской Практической Академіи“, составленный инспекторомъ ея, извѣстнымъ профессоромъ М. Я. Киттары. Но рядомъ съ этими явленіями у насъ такъ много неразрѣшенныхъ вопросовъ и неудовлетворенныхъ потребностей, такъ давно уже тревожатъ насъ разнородныя ожиданія чего-то новаго и лучшаго, что мы мгновенно падаемъ, какъ бы съ облаковъ, при первомъ звукѣ строгаго голоса, провозглашающаго высшія требованія разума и справедливости. Внезапно очнувшись, мы видимъ, что то, чѣмъ мы сейчасъ восхищались, представляетъ не болѣе, какъ намекъ на то, что нужно дѣйствительно, мы убѣждаемся, что относительное улучшеніе сочли за положеніе нормально-хорошее, и намъ становится грустно и горько. Мы видимъ предъ собою робкія начинанія, слабыя попытки, больше словъ, чѣмъ дѣла, и даже въ словахъ какую-то нерѣшительность, дуализмъ, желаніе отдѣлаться или прикрыться фразами. И все это вызывается самимъ обществомъ, вынуждается силой обстоятельствъ, — даже отъ лучшихъ, отъ передовыхъ людей! Смѣшно становится на самого себя за свои прежнія радужныя надежды, и невольно удивляешься въ это время тѣмъ людямъ, которые умѣютъ силою строгой мысли возвыситься надъ обольщеніями мелочной жизни. Къ числу такихъ

людей, безспорно, принадлежит Н. И. Пироговъ, и напечатанныя нынѣ „Литературныя статьи“ его служатъ новымъ тому доказательствомъ, — особенно, когда разсматриваемъ ихъ рядомъ съ „Отчетомъ о воспитаніи въ Московской Практической Академіи“.

Въ „Собраніи литературныхъ статей“ Н. И. Пирогова помѣщены: знаменитая статья его „Вопросы Жизни“, рѣчь его на новосельи Ришельевского Лицея и три статьи изъ *Одесскаго Вѣстника*: — „Одесская талмудъ-тора“, „Быть и казаться“ и „Нужно-ли сѣчь дѣтей, и сѣчь въ присутствіи другихъ дѣтей?“ Всѣ эти статьи — педагогическаго содержанія, и всѣ онѣ предъявляютъ требованія столь простыя и разумныя, и въ то же время столь высокія, что предъ ними рѣшительно совѣстно дѣлается похвастаться чѣмъ-нибудь совершеннымъ у насъ доселѣ въ отношеніи къ воспитанію. Сдѣлаемъ маленькую пробу хоть на „Отчетѣ“ профессора Киттары.

Отчетъ его — одинъ изъ тѣхъ, которые могутъ пріятно поразить человѣка, привыкшаго въ официальныхъ вѣдомостяхъ видѣть только педантство и формалистику. Г. Киттары начинаетъ свою рѣчь тѣмъ, что „считаетъ нужнымъ представить на благосклонный судъ своихъ слушателей не только отчетъ за прошлый годъ, но и тѣ убѣжденія, которыя служатъ основой его дѣйствій“. И дѣйствительно, онъ говоритъ о своихъ идеяхъ и направленіи, какое даетъ онъ воспитанію, о цѣляхъ, которыя имѣетъ въ виду. Все это оживляетъ его отчетъ и даетъ ему характеръ болѣе литературный, нежели официальный. Прежде всего разсуждаетъ онъ о цѣли Московской Практической Академіи наукъ и говоритъ, что цѣль ея „приготовить отечеству честныхъ, образованныхъ, дѣятельныхъ слугъ въ области промышленности, приготовить будущихъ купцовъ русскихъ, возвратитъ родителямъ, довѣрившимъ воспитаніе дѣтей заведенію, добрыхъ помощниковъ, достойныхъ преемниковъ

ихъ имени“. Здѣсь г. Киттары прибавляетъ, что цѣль — „великая и вовсе нелегкая въ исполненіи, особенно въ настоящую пору“. Тѣмъ интереснѣе знать, какъ же г. Киттары достигаетъ этой великой и не легкой цѣли. Онъ объясняетъ, что утверждается въ своихъ дѣйствіяхъ на религіозно-нравственномъ основаніи.

„Нравственное воспитаніе (говоритъ онъ) составляетъ первую и главную заботу заведенія; въ этомъ случаѣ цѣль воспитанія—развить сознательно два свята чувства человеческого сердца: любовь къ Богу, любовь къ ближнимъ. Религіозно-нравственное направленіе безуклонно проводится по всѣмъ классамъ, по всѣмъ возрастамъ учащихся; въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ преподается имъ законъ Божій, обязанности христіанскія, излагаются догматы вѣры. Строго соблюдаются не только всѣ посты, но даже и дни постные въ недѣлѣ. Въ храмѣ нашемъ постоянно слушается всенощная и обѣдня въ дни праздничные, сопровождаемая пѣніемъ двухъ хоровъ, составившихся по усердію къ церкви изъ самихъ же воспитанниковъ. Основываясь на годичномъ знакомствѣ моемъ съ Академіей, я смѣло могу засвидѣтельствовать, что, благодаря усердію ревностнаго настоятеля нашей церкви и преподавателя закона Божія, а равно благодаря добрымъ обычаямъ и мѣрамъ, недавно введеннымъ въ заведеніи, наши воспитанники обѣщаютъ быть добрыми христіанами, набожными и религіозными не понаружи только“.

Не менѣе обращается вниманія, по словамъ г. Киттары, и на развитіе второго, столь же святаго чувства — любви къ ближнему, которое, какъ источникъ честности, „нужно всякому, а купцу въ особенности“. Для достиженія этихъ цѣлей, въ Практической Академіи находятся надзиратели, которые не только смотрятъ за тишиной и порядкомъ, но и руководятъ дѣтей, изучая ихъ нравы и склонности. При воспитанникахъ младшихъ классовъ надзиратели находятся безотлучно; начиная съ 3-го класса, присмотръ за нравственностью дѣлается легче; въ 5 и 6-мъ классѣ на нравы дѣйствуютъ преимущественно преподаватели, направляющіе умъ и сердце воспитанниковъ къ добру и пользѣ. Взысканія распределены по возрастамъ; въ низшихъ

классахъ употребляются: выставка, лишеніе рекреаций, отпуска, отмѣтка на отпускномъ билетѣ, и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ — тѣлесное наказаніе. „Въ среднихъ и высшихъ классахъ, — говоритъ г. Киттары, — случаи мѣръ взысканія столь рѣдки, что, уважая амбицію этихъ классовъ, я не позволю себѣ о нихъ распространяться, тѣмъ болѣе, что всѣ они основаны именно на этой амбиціи“.

Вообще, г. Киттары даетъ видѣть, что заведеніе, ввѣренное его смотрѣнію, находится въ блестящемъ положеніи. „Взыскать за проступокъ не трудно, — говоритъ онъ, — труднѣе предотвратить его; въ этомъ отношеніи въ заведеніи нашемъ дѣлается все, что позволяетъ возможность и средства“ (стр. 10). При концѣ курса поправки нравственности воспитанниковъ уже поздны; „къ счастію нужда въ нихъ у насъ не часта“ (стр. 7). „У насъ есть черная книга для ежедневнаго записыванія проступковъ воспитанниковъ и взысканій на нихъ; понятно, что такая система, сколь ни скучна и хлопотлива она въ исполненіи, вполнѣ достигаетъ цѣли и опредѣляетъ разумную послѣдовательность самыхъ мѣръ въ исправленіи нравственности“ (стр. 7). „Въ заведеніи нашемъ имѣетъ мѣсто и забота о разнообразіи жизни воспитанниковъ. Средства, которыми я пользуюсь — развитіе изящнаго вкуса, а съ нимъ музыкальные вечера и домашніе концерты, дѣтскій домашній спектакль, московскіе театры, экскурсіи... Все это дополняетъ жизнь, придаетъ ей колоритъ, не убиваетъ энергіи, а, наоборотъ возбуждаетъ, потому что (!) съ правомъ на эти удовольствія тѣсно связаны добрая нравственность и успѣхи. Недавній домашній концертъ въ нашей Академіи доказалъ, что и у насъ можетъ развиться тонкое чувство и вкусъ. Къ большому развитію этихъ достоинствъ теперь прилагаются у насъ всѣ силы“ (стр. 12). Въ отношеніи къ специальному

обученію, не совсѣмъ достаточны были доселѣ средства заведенія; но, — говоритъ почтенный профессоръ М. Я. Киттары, — „благодаря теплому сочувствію и одобренію высказанныхъ выше убѣжденій господина попечителя Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, его сіятельства графа Арсенія Андреевича Закревскаго, гг. членовъ совѣта и общества любителей коммерческихъ знаній, — многому уже положено начало“ (стр. 29).

Послѣ всего этого, г. Киттары имѣлъ, конечно, полное право воскликнуть, въ заключеніе своего отчета: „вотъ наша скромная жизнь, къ которой мы привыкли и которую измѣнять нѣтъ надобности“. Онъ смѣло могъ, конечно, отдаться на судъ своихъ слушателей, — между которыми были, безъ сомнѣнія, и упомянутые имъ члены совѣта и пр., и сказать: „вотъ, мм. гг., самый бѣглый очеркъ всѣхъ сторонъ жизни нашего заведенія. Какъ много въ немъ отраднаго или подающаго надежды въ будущемъ, предоставляю вашему безпристрастному обсужденію“ (стр. 31).

Итакъ, все содержаніе отчета г. Киттары можно назвать очень отраднымъ. Но пріятное чувство, внушаемое имъ, мгновенно смѣняется грустью и недовольствомъ, когда припомнишь тѣ строгія требованія правды и добра, какія высказываются въ статьяхъ г. Пирогова. Читая Пирогова, мы чувствуемъ, что его разсужденія въ высшей степени просты и естественны, и въ то же время мы невольно смущаемся, сознавая, что не можемъ, — со всѣми нашими такъ называемыми успѣхами, — выдержать самой легкой его критики. Въ самомъ тонѣ его мы находимъ какую-то особенную силу и самобытность, недостижимую для большей части другихъ, даже очень почтенныхъ людей. Духомъ правды, благородства и глубокаго убѣжденія вѣтъ на насъ все, написанное имъ, и, читая его, мы убѣждаемся, что истинно-надежнымъ и всегда полезнымъ дѣятелемъ

у насъ можетъ быть только тотъ, кто не склоняется робко предъ тѣмъ, что мы называемъ разными житейскими конвенансами, кто прямо и твердо идетъ по своей дорогѣ, не позволяя себѣ никакихъ виляній, ни одного двусмысленнаго движенія. Слыша энергическій голосъ, подобный тому, какой раздается въ „Вопросахъ жизни“, невольно начинаешь чувствовать, какъ пошло и какъ гадко многое, на что въ другое время смотришь равнодушно и снисходительно. Мы часто говоримъ: „что за бѣда, что такой-то покривилъ душою, погрѣшилъ противъ своихъ убѣжденій; онъ вѣдь сдѣлалъ необходимую уступку обществу; это не мѣшаетъ ему оставаться человѣкомъ честнымъ и почтеннымъ“. Конечно, такъ: нельзя презирать человѣка за то только, что онъ, не имѣя съ семьей куска хлѣба, принялъ мѣсто — хоть бы по откупамъ... точно такъ, какъ нельзя винить человѣка, который подъ пыткой наклепалъ на себя небывалыя преступленія. Но незачѣмъ такихъ людей возводить въ герои, и даже вообще трудно положиться на нихъ, если они служатъ по откупамъ и врутъ на себя небывальщину — рѣшительно безъ всякой необходимости. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ, способный говорить не то, что думаетъ, рѣшающійся самодовольно выставить предъ другими то, чего самъ не уважаетъ, набирающій пышныя фразы для представленія вещи съ казоваго конца, умѣющій ловко примѣниться къ обстоятельствамъ, ловко польстить чужому самолюбію и даже невѣжеству, — и все это дѣлающій безъ особенной надобности, такъ только, для конвенансовъ, — подобный человѣкъ едва ли можетъ быть вполне надежнымъ общественнымъ дѣятелемъ! Едва-ли можно отъ него ожидать непоколебимой твердости и неуклоннаго благородства во всей его дѣятельности. Онъ можетъ быть честнымъ и почтеннымъ человѣкомъ, можетъ имѣть много ума и прекрасныхъ стремленій. Но двусмысленность и противорѣчіе его дѣйствій или словъ

все-таки обличаютъ въ немъ, по малой мѣрѣ, легкомысленность и чрезвычайную слабость внутренняго суда надъ собою. Человѣкъ, строго наблюдающій надъ собою, не вступаетъ въ лицемерныя отношенія, не говоритъ вовсе о томъ, о чемъ, вслѣдствіе какихъ-нибудь неблагопріятныхъ обстоятельствъ, нельзя высказать своихъ мыслей, а если ужъ начинаеть рѣчь, то говоритъ прямо честное слово. Къ сожалѣнію, немного такихъ неуклонно честныхъ и твердыхъ людей въ нашемъ обществѣ, которое, по замѣчанію г. Пирогова, съ самыхъ первыхъ лѣтъ развиваетъ въ насъ нравственную двойственность, разладъ между „быть и казаться“. Большая часть изъ насъ, сбиваясь съ толку какой-то странной и произвольной теологіей, считаетъ лишнимъ строгій судъ надъ дѣлами человѣка, если только они направлены къ хорошей цѣли. Всѣ мы бранимъ іезуитскую школу, но всѣ мы, по словамъ г. Пирогова, „употребляя названіе этой школы, какъ эпитетъ коварства и лжи, подчасъ позволяемъ себѣ пользоваться упругостью ея догмъ“. И тутъ, разумѣется, нечего винить отдѣльныхъ людей; надо винить общество и неблагопріятныя обстоятельства развитія. Общественныя отношенія служатъ даже оправданіемъ многихъ не вполне безукоризненныхъ нашихъ дѣйствій, какъ замѣчаетъ и г. Пироговъ. „Свѣта мы, конечно, не исправимъ,—говоритъ онъ:—онъ останется, несмотря на всѣ возгласы моралистовъ, такимъ, какимъ онъ былъ и есть. Такъ почему же въ практической жизни, извѣстной своею непослѣдовательностью, не воспользоваться человѣческими слабостями къ достиженію общей благой цѣли, если эти слабости невинны и не предосудительны“. Но, во всякомъ случаѣ, едва-ли заслуживаетъ похвалы та легкость, съ которою иные рѣшаются не только просто пользоваться слабостями ближняго для общей благой цѣли, но даже и льстить имъ и притомъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ этой лестью ничего, или

почти ничего, не достигается. Къ несчастію, многіе изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей не хотятъ понять той простой истины, что не великую пользу для человѣчества можетъ доставить то дѣло, которое надо защищать обманомъ, лицемѣріемъ и потворствомъ рутинѣ и предразсудкамъ.

Рѣдкое исключеніе изъ числа этихъ многихъ составляетъ г. Пироговъ. Его идеи и стремленія, рѣзко опредѣленные, всегда рѣзко и прямо высказываются, и предъ ними нерѣдко блѣднѣетъ все то, что кажется хорошимъ у другихъ. Мы хотѣли это показать на отчетѣ г. Киттары, но увлеклись отступленіемъ, которое, впрочемъ, какъ увидитъ внимательный читатель, не совершенно напрасно. Обратимся же къ нашему сравненію.

Въ началѣ отчета г. Киттары мы читаемъ, что цѣль Практической Академіи: „приготовить будущихъ купцовъ русскихъ, честныхъ слугъ отечеству“. Какъ это напоминаетъ извѣстный эпиграфъ къ „Вопросамъ жизни“: „намъ необходимы негодіанты, солдаты, моряки, врачи, юристы, а не люди...“ Повидимому, приготовленіе честныхъ купцовъ, вѣрныхъ слугъ отечеству, есть задача превосходная, и мы должны были бы остаться очень довольны мыслью, выраженной у г. Киттары. Но довольство наше пропадаетъ, когда мы вспоминаемъ основныя мысли г. Пирогова объ общемъ образованіи. Намъ уже кажутся очень слабыми и односторонними понятія, провозглашающія науку средствомъ къ приготовленію — не самостоятельныхъ, для себя нормально развитыхъ людей, а слугъ какой-то другой, посторонней силы. Мы непріятно поражаемся тѣмъ, что мальчику говорятъ: учись для того, чтобы быть достойнымъ преемникомъ имени твоего отца и слугою государства на поприщѣ промышленности: такова цѣль твоего ученья и всей твоей жизни“. Рядомъ съ этимъ внушеніемъ мы вставимъ слова г. Пирогова: „нужно учиться безъ всякой зад-

ней мысли, изъ одного глубокаго убѣжденія, что образованіе необходимо, какъ пища. Отецъ, готовый всѣмъ жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, пусть будетъ твердо увѣренъ, что все прочее въ жизни должно придти само собою: а если и не придетъ, то онъ все-таки ничего не потеряетъ въ сущности; сынъ съ раннихъ лѣтъ пусть видитъ въ образованіи нравственную необходимость и цѣнитъ его, какъ самую жизнь“. Вотъ высшая точка зрѣнія на образованіе,—и какъ неловко спуститься съ ея высоты до мысли о приготвленіи слугъ и купцовъ!..

Но въ отчетѣ г. Киттары есть отрадные мысли, которыя должны сгладить это первое впечатлѣніе. Онъ говоритъ, на примѣръ, тоже въ началѣ отчета, что въ Практической Академіи ищутъ общаго образованія, что „потребность образованія въ быту купеческомъ, къ полной чести этого сословія, достаточно понята“. Прекрасно и утѣшительно!.. Но что, если это фраза, которая на дѣлѣ оказывается чѣмъ-то очень неопредѣленнымъ, ни да, ни нѣтъ? На такое печальное подозрѣніе наводятъ насъ слѣдующія слова г. Пирогова, грустную правду которыхъ сознаетъ всякій, кто сколько-нибудь присматривался къ нашему обществу. „Мы говоримъ, что любимъ просвѣщеніе. Да это не мудрено: намъ нельзя сказать иначе, во-первыхъ, потому, что мы привыкли къ этой фразѣ, а во-вторыхъ—мы стыдимся показаться на улицѣ въ старомодномъ платьѣ“...

Правда, въ подтвержденіе своей отрадной мысли, г. Киттары указываетъ на увеличеніе воспитанниковъ въ Практической Академіи, въ которую принимаются дѣти самаго ранняго возраста, 8, 9, 10 лѣтъ, и изъ которой выпускаются, послѣ восьми-лѣтняго курса, уже зрѣлыми юношами. Въ десять лѣтъ число воспитанниковъ Академіи возросло „отъ скромной цифры 40 до 200“. Фактъ утѣшитель-

ный самъ по себѣ; но и о немъ невеселыя мысли являются въ головѣ, когда перечтешь слѣдующія строки изъ „Вопросовъ Жизни“:

„На чемъ основано приложеніе реального воспитанія къ самому дѣтскому возрасту?“

Одно изъ двухъ: или въ реальной школѣ, назначенной для различныхъ возрастовъ (съ самаго перваго дѣтства до юности), воспитаніе для первыхъ возрастовъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго, общепринятаго; или же воспитаніе этой школы съ самаго его начала и до конца есть совершенно отличное, направленное исключительно къ достиженію одной извѣстной практической цѣли.

Въ первомъ случаѣ, нѣтъ никакой надобности родителямъ отдавать дѣтей до юношескаго возраста въ реальныя школы, даже и тогда, если бы они, во что бы то ни стало, самоуправно и самовольно назначили своего ребенка еще съ пеленокъ для той или другой касты общества.

Во второмъ случаѣ, можно смѣло утверждать, что реальная школа, имѣя преимущественною цѣлью практическое образованіе, не можетъ въ то же самое время сосредоточить свою дѣятельность на приготовленіи нравственной стороны ребенка къ той борьбѣ, которая предстоить ему впоследствии при вступленіи въ свѣтъ.

Да и приготовленіе это должно начаться въ томъ именно возрастѣ, когда въ реальныхъ школахъ все вниманіе воспитателей обращается преимущественно на достиженіе главной, ближайшей цѣли, заботясь, чтобы не пропустить времени и не опоздать съ практическимъ образованіемъ. Курсы и сроки ученія опредѣлены. Будущая карьера рѣзко обозначена. Самъ воспитанникъ, подстрекаемый примѣромъ сверстниковъ, только въ томъ и полагаетъ всю свою заботу, какъ бы скорѣе выступить на практическое поприще, гдѣ воображеніе ему представляетъ служебныя награды, корысть и другіе идеалы окружающаго его общества...

Значить-ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

Нѣтъ, я возстаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

Для чего родители самоуправно распоряжаются участію своихъ дѣтей, назначая ихъ едва выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ по разнымъ соображеніямъ и расчетамъ, предстоить имъ болѣе выгодная карьера?

Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общее человѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложеній?“

Неужели это справедливо и въ отношеніи къ тому заведенію, которое такъ прекрасно управляется попеченіями г. Киттары? — подумали мы, и, къ сожалѣнію, въ самомъ же „Отчетъ“ нашли нѣкоторыя подтвержденія мыслей г. Пирогова. Въ Практической Академіи, куда поступаютъ дѣти съ самаго ранняго возраста, многіе изъ предметовъ общаго образованія проходятся очень сжато и легко; исторія всеобщая и русская (вмѣстѣ), равно какъ и естественная исторія, начинается только съ четвертаго класса, по два урока въ недѣлю, да и то въ шестомъ классѣ естественная исторія обращается уже „въ изученіе предметовъ природы, имѣющихъ техническое и торговое приложеніе“. Физика преподается только въ 5 и 6 классѣ, математика обращена отчасти въ коммерческую ариметику и бухгалтерію; 7-й и 8-й классъ посвящены исключительно техническимъ и торговымъ спеціальностямъ. Такимъ образомъ, для предметовъ общаго образованія остается немного времени, и самъ г. Киттары сознается, что „эти обстоятельства заставляютъ другія науки излагать въ меньшемъ объемѣ, сравнительно съ гимназіями, выбравъ изъ нихъ только главнѣйшее и существенно-необходимое“. Но къ этому признанію г. Киттары дѣлаетъ еще слѣдующее прибавленіе, смыслъ котораго, признаемся, мы не совсѣмъ хорошо поняли. „Этимъ я, впрочемъ, не хочу сказать, — замѣчаетъ онъ, — чтобы въ программахъ гимназическихъ наукъ было много несущественнаго, неглавнаго или ненужнаго (намъ показалось, что онъ сожалѣетъ о невозможности вести въ Академіи курсы столько же пространные, какъ въ гимназіяхъ, а выходитъ совершенно наоборотъ: г. Киттары опасается, чтобъ его слова не приняты были за обиду гимназіямъ); программы эти, безспорно, строго обдуманы, провѣрены длиннымъ опытомъ, направлены къ своей цѣли; я хочу сказать только, что къ этой цѣли у насъ присоединяется другая — приго-

товить учащихся къ специальному коммерческому курсу“ (стр. 22). Изъ этихъ словъ выводится довольно вѣроятное заключеніе, что г. Киттары считаетъ курсъ Коммерческой Академіи выше гимназическаго, какъ удовлетворяющій двумъ цѣлямъ вмѣсто одной. Неужели это такъ?.. Неужели онъ не знаетъ превосходства общаго образованія и цѣнить въ немъ только латинскій языкъ, о которомъ одномъ отзывается съ любовью, говоря, что онъ, къ сожалѣнію, не имѣетъ мѣста въ Коммерческой Академіи!..

Въ отношеніи къ самымъ средствамъ воспитанія, г. Киттары, какъ ни старается изобразить ихъ въ свѣтѣ наиболѣе благопріятномъ, но самъ въ одномъ мѣстѣ сознается, что многія изъ этихъ средствъ „вытекаютъ не изъ личнаго его убѣжденія, а обусловлены временной необходимостью“ (стр. 12). Такое признаніе опять приводитъ насъ къ словамъ г. Пирогова, который по поводу одесской талмудторы говоритъ: „чтобы сдѣлать училище хорошимъ, нужно дѣйствовать не врозь, не порознь, а общими силами. Чтобы дѣйствовать общими силами, нужно имѣть и общія убѣжденія. А гдѣ ихъ взять? Словъ—сколько угодно; а убѣжденій—это иное дѣло“...

Къ чему приводитъ недостатокъ въ обществѣ твердыхъ убѣжденій, — можно видѣть изъ одного частнаго случая, упоминаемаго въ „Отчетѣ“, г. Киттары. Говоря о взысканіяхъ съ воспитанниковъ, онъ касается, между прочимъ, и тѣлеснаго наказанія и объявляетъ себя врагомъ розогъ. „Я прибѣгаю къ нимъ очень рѣдко, — говоритъ онъ, — въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда...“ Далѣе онъ замѣчаетъ между прочимъ, что, „внушая дѣтямъ любовь къ ближнему, воспитатели и сами не должны забывать этого чувства въ отношеніи къ дѣтямъ“ (стр. 8—9). Такимъ образомъ, у г. Киттары педагогика перемѣшивается съ филантропіей, и потому на него даже находятъ минуты сомнѣнія въ непо-

грѣшимости его взгляда — относительно розогъ!.. Посмотрите же, какъ разсуждаетъ объ этомъ г. Пироговъ, руководясь не филантропической боязнью обидѣть дитя или выказать къ нему недостатокъ состраданія, а спокойными педагогическими разсужденіями, чрезвычайно простыми и сильными. Вотъ нѣсколько строкъ изъ его статейки: „Нужно-ли сѣчь дѣтей?“...

„Въ чемъ состоитъ основная мысль тѣлеснаго наказанія вообще? 1) выместить причиненную обиду; 2) пристыдить; 3) утѣшить. Вотъ три чувства, на которыхъ человѣчество съ незапамятныхъ временъ основываетъ всѣ свои физическія исправительныя мѣры. Оставивъ месть въ сторонѣ, какъ чувство, несвойственное ни христіанству, ни здоровой нравственности, руководившее только первобытныхъ законодателей младенчествуящаго общества, остановимся на двухъ современныхъ:—стыдѣ и страхѣ.—Но тотъ, кто хочетъ тѣлеснымъ наказаніемъ пристыдить виновнаго, не значить-ли, — хочетъ стыдомъ дѣйствовать на человѣка, потерявшаго стыдъ? Если бы онъ его еще не потерялъ, то для него достаточно была бы одна угроза быть тѣлесно наказаннымъ. Да и самое средство, направленное къ цѣли, не таково-ли, что оно уничтожаетъ самую цѣль? Остается, значить, одинъ только страхъ. Но какой?—не тотъ нравственный страхъ заслуженнаго наказанія, который возбуждается внутреннимъ чувствомъ совѣсти за нарушеніе предписываемыхъ ею правилъ, — а страхъ боли и истязаній. Неужели нужно у ребенка поставить совѣсть въ зависимость отъ розги? И ежели можно этого достигнуть, если можно достигнуть того, чтобы физическая боль или одно воспоминаніе о боли пробуждало совѣсть, то желательно-ли, утѣшительно-ли это? Положимъ, вы достигли вашей цѣли, вамъ удалось возбудить самый лучшій физическій страхъ въ ребенкѣ:—чѣмъ вы будете его поддерживать? Вамъ еще понадобится его усиливать: ребенокъ ко всему скоро привыкаетъ. Гдѣ положить границу усиліямъ? А если онъ хоть на минуту освободится изъ-подъ дамоклева меча; если онъ хоть на минуту убѣдится, что его проступки могутъ остаться незамѣченными, — какъ вы думаете, воспользуется-ли онъ или нѣтъ своею мнимою свободою? Вотъ уже и двойственность, вотъ уже и опять—„быть и казаться“. Покуда розга въ виду—все хорошо и въ приличномъ видѣ; когда исчезла изъ виду—кутежъ и разливъ. И это нравственность!“

Да, къ сожалѣнію, въ большинствѣ нашего общества такова нравственность, — не только въ по-

ступкахъ, но даже въ словахъ и понятіяхъ... Много у насъ есть такихъ убѣжденій и требованій, которыя мы рѣшаемся высказать только въ тѣ минуты, когда мы освобождаемся изъ-подъ дамоклсова меча, упоминаемаго г. Пироговымъ... Но все скрыто, замаскировано, искажено, ни въ чемъ нѣтъ прямоты, стройности и цѣльности, когда мы видимъ или даже просто предполагаемъ надъ головой своей этотъ мечъ. А находятся еще добрые люди, которые не только считаютъ это неважнымъ, но даже потворствуютъ такимъ слабостямъ!..

Въ образецъ того, какъ идетъ преподаваніе наукъ въ Практической Академіи, г. Киттары указываетъ на изложеніе преподаванія географіи, представленное въ рѣчи г. учителя Телѣгина. Въ этой рѣчи, между нѣсколькими дѣльными мыслями, мы нашли, въ объясненіяхъ исторіи географическими данными, телеологию, доходящую до фатализма. Какъ долженъ преподавать географію учитель, въ рѣчи о географіи задающій такіе вопросы? (стр. 37).

„Почему всеблагій Промыслъ велъ народъ Израильскій путемъ, который представлялъ наиболѣе трудности — чрезъ Чермное море, чрезъ Синайскую пустыню, и куда же? — въ страну занятую горцами, въ средоточіе воинственныхъ народовъ, которые окружали со всѣхъ сторонъ эту мѣстность, и, казалось, тотчасъ по вступленіи Израиля въ нее, овладѣютъ имъ; а между тѣмъ онъ прожилъ на ней до времени явленія Спасителя. Какимъ же образомъ эта горсть народа, окруженная отовсюду завоевателями, могла удержаться независимой столь долгое время? На это отвѣчаетъ самой природой устроенная мѣстность“.

Итакъ, мѣстность объясняетъ, почему Промыслъ велъ народъ черезъ море!.. Странно; тутъ что-нибудь да не такъ, и ученики едва-ли хорошо сдѣлаютъ, если усвоятъ логику г. Телѣгина.

Вообще „Рѣчи и Отчетъ Практической Московской Академіи“, прочитанные нами подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ мыслей г. Пирогова, не вполне удовлетворили насъ. Мы не ставимъ г. Пирогова на

пъедесталь непогрѣшимости, мы не съ тѣмъ на него указываемъ, чтобы его авторитетомъ унижить кого-нибудь... Вовсе нѣтъ; у г. Пирогова могутъ быть, конечно, и увлеченія, и погрѣшности, какъ у всякаго другого... Но мы видимъ въ немъ ту смѣлость и безпристрастіе взгляда, ту искренность въ признаніи недостатковъ, ту независимость въ отношеніи къ обществу, которыя у другихъ находимъ въ гораздо слабѣйшей степени... Разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и потому мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непослѣдовательность взгляда, пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла... Что касается до г. Киттары, то мы знаемъ, что его чистая и благородная репутація вполне заслужена, мы знаемъ, что онъ не разъ оставался на стражѣ правды и чести, даже въ такихъ случаяхъ, когда другіе, добрые и почтенные люди, оказывались слабыми или безпечными... Но именно въ силу того уваженія, которое питаемъ мы къ г. Киттары, мы желали бы отъ него болѣе рѣзкаго и прямого выраженія его собственныхъ взглядовъ, менѣе уступокъ рутинѣ и менѣе неопредѣленныхъ фразъ, имѣющихъ иногда характеръ довольно двусмысленный. Нужно признаться, что фразъ у него много; безъ нихъ не обошлась даже и та часть статьи, въ которой говорится о религіозномъ воспитаніи дѣтей...

А посмотрите, какое сужденіе обо всѣхъ этихъ фразахъ дѣлаетъ г. Пироговъ. Онъ говоритъ, обращаясь къ ученикамъ, кончившимъ курсъ въ одной изъ нашихъ прекрасныхъ школъ:

„Васъ водили въ храмъ Божій. Вамъ объясняли Откровеніе. Привилегированные инспекторы, субъ-инспекторы, экзаменованные гувернеры, гувернантки, а иногда даже и сами родители смотрѣли за вашимъ поведеніемъ. Науки излагались вамъ въ такомъ духѣ и въ такомъ объемѣ, которые необходимы для образованія просвѣщенныхъ гражданъ. Безнравственныя книги, остановленныя цензурою, никогда не доходили до васъ. Отцы, опекуны, высокіе покровители и благодѣтельное правительство открыли для васъ ваше поприще.

Послѣ такой обработки, кажется вамъ ничего болѣе не остается дѣлать, какъ только то, что пекущимся объ васъ хотѣлось, чтобы вы дѣлали.

Это значитъ, чтобы вы, какъ струна, издавали извѣстный звукъ. А звучать для общей гармоніи, согласитесь, есть высокое призваніе.

Чего, казалось бы, еще не доставало для вашего счастія и для блага цѣлаго общества?

Выходитъ другое.

Выступивъ на поприще жизни, вы видите совсѣмъ не то, чему васъ учили, и вамъ невольно приходитъ на мысль, что вы мистифицированы.“

Поручится-ли г. Киттары, что его воспитанники, когда выступятъ на поприще жизни и начнутъ размышлять самостоятельно, не найдутъ ни малѣйшей мистификаціи въ своемъ воспитаніи подъ руководствомъ почтеннаго профессора?

Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ 17-го декабря 1858 г. Москва. 1858 г.

Въ книжкѣ, заглавіе которой мы выписали, напечатаны: 1) рѣчь преподавателя географіи, А. П. Телѣгина, о значеніи географіи и преподаваніи ея въ Московской Практической Академіи; 2) о воспитаніи въ Московской Практической Академіи, рѣчь и отчетъ инспектора заведенія, профессора Модеста Киттары; 3) отчетъ за 1858 г., перечисленіе лицъ, принадлежащихъ къ академіи, членовъ совѣта, преподавателей и, наконецъ, воспитанниковъ, получившихъ награды.

Въ общепедагогическомъ отношеніи всего болѣе интересенъ отчетъ профессора Киттары, и мы рассмотримъ его нѣсколько подробнѣе. Къ этому побуждаетъ насъ, во-первыхъ, то, что „отчетъ“ представляетъ нѣсколько матеріаловъ для разрѣшенія важнаго вопроса объ отношеніи спеціального образованія къ общему, до сихъ поръ еще возбуждающаго

у насъ разнорѣчивые толки; во-вторыхъ, то, что имя профессора Киттары пользуется у насъ репутаціею, не позволяющею пропускать безъ вниманія мнѣнія почтеннаго профессора.

Общее впечатлѣніе рѣчи г. Киттары состоитъ въ томъ, что въ Практической Академіи все прекрасно. Безпрестанно попадаются у г. Киттары фразы: „у насъ дѣлается все, что можно“, „цѣль нравственнаго воспитанія у насъ достигается вполнѣ“, „нужда въ поправкахъ у насъ не часта“, и пр. Въ заключеніе отчета г. Киттары говоритъ даже вообще: „вотъ наша скромная жизнь, къ которой мы привыкли и которую измѣнять нѣтъ надобности“. Относительно нѣкоторыхъ частныхъ только признаетъ г. Киттары не вполнѣ достаточнымъ положеніе Академіи; но и тутъ прибавляетъ, что многому уже положено начало, „благодаря теплomu сочувствію и одобренію высказанныхъ выше (г-мъ Киттары) убѣжденій—господина попечителя академіи, его сіятельства графа Арсенія Андреевича Закревскаго, гг. членовъ совѣта и общества любителей коммерческихъ знаній“ (стр. 29).

Мы не имѣемъ причины не вѣрить г-ну Киттары во всѣхъ его похвалахъ Академіи и тѣмъ мѣрамъ, какія онъ принимаетъ для ея процвѣтанія, но мы не знаемъ, какъ примирить съ этимъ слѣдующія признанія почтеннаго профессора, на 12 стр. отчета. Говоря о средствахъ воспитанія, употребляемыхъ имъ въ Академіи, онъ замѣчаетъ, что „многія изъ нихъ вытекаютъ не изъ личнаго его убѣжденія, но обусловлены временной необходимостью“. Затѣмъ онъ дѣлаетъ такое признаніе: „можетъ быть, и самый взглядъ мой на основныя идеи воспитанія не совсѣмъ выработанъ, и дѣйствительно я долженъ сознаться, что, пользуясь всѣмъ, что находится въ моемъ распоряженіи, въ дѣлѣ воспитанія я самъ еще учащійся“. Можетъ быть, это признаніе сдѣлано только для красоты слога;

въ такомъ случаѣ мы замѣтимъ только, что для красоты слога не слѣдуетъ жертвовать истиною фактовъ. Но если слова г. Киттары сказаны искренно, то нельзя не подивиться, какъ смиренное сознание своего недостойнства примиряется у г. Киттары съ диѳирамбическимъ, наивно-самодовольнымъ тономъ, которымъ проникнута вся его рѣчь.

Диѳирамбически - самодовольный тонъ вообще непріятно поражаетъ насъ тамъ, гдѣ мы ожидаемъ отчета человѣка о его дѣйствіяхъ. Тѣмъ менѣе пріятности доставляетъ намъ такой тонъ въ изложеніи официальныхъ данныхъ. Приведемъ примѣръ. Никому не показалось бы страннымъ, если бы г. Киттары, описывая внутреннюю жизнь заведенія, скромно упомянулъ, что въ немъ соблюдаются постные дни и что воспитанники поютъ на клиросѣ. Но г. Киттары, говоря объ этомъ, впадаетъ въ тонъ, очень далекій отъ скромнаго изложенія факта; онъ какъ будто хвалится тѣмъ, чѣмъ, собственно говоря, не должно хвалиться. Вотъ его слова (стр. 4—5):

„Религіозно-нравственное направленіе безуклонно проводится по всѣмъ классамъ, по всѣмъ возрастамъ учащихъ; въ теченіе всѣхъ восьми лѣтъ преподается имъ Законъ Божій, обязанности христіанскія, излагаются догматы вѣры. Строго соблюдаются не только всѣ посты, но даже и дни постные въ недѣлѣ. Въ храмѣ нашемъ постоянно слушается всенощная и обѣдня въ дни праздничные, сопровождаемая пѣніемъ двухъ хоровъ, составившихся по усердію къ церкви изъ самихъ же воспитанниковъ. Основываясь на годичномъ знакомствѣ моемъ съ Академіей, я смѣло могу засвидѣтельствовать, что, благодаря усердію ревностнаго настоятеля нашей церкви и преподавателя Закона Божія, а равно благодаря добрымъ обычаямъ и мѣрамъ, издавна введеннымъ въ заведеніи, наши воспитанники обѣщаютъ быть добрыми христіанами, набожными и религіозными не понаружи только“.

Опытъ многихъ годовъ и многихъ сотенъ отчетовъ уже доказалъ, что всѣ подобныя обѣщанія и смѣлыя засвидѣтельствованія употребляются только въ качествѣ официальныхъ реторическихъ троповъ. Зачѣмъ г. Киттары увлекся въ этомъ случаѣ рутинной? Кромѣ ея, нечѣмъ объяснить странно-восторженный тонъ его рѣчи.

Увлеченію рутинной приписываемъ мы и то обстоятельство, что почтенный профессоръ очень мало обращаетъ вниманія на значеніе общаго образованія въ кругѣ спеціальныхъ знаній. Онъ съ удовольствіемъ выставляетъ тотъ фактъ, что въ послѣднее время значительно увеличилось количество дѣтей, съ малыхъ лѣтъ отдаваемыхъ родителями въ Практическую Академію. Удовольствіе это очень понятно въ г. Киттары, какъ инспекторъ Академіи; но оно могло бы быть и не столь безусловнымъ, какъ это выразилось въ отчетѣ. Г. Киттары могъ допустить въ своей рѣчи хоть какую-нибудь оговорку въ пользу общаго образованія и открытыхъ учебныхъ заведеній, и это нисколько не повредило бы достоинству его, какъ инспектора Академіи. Дѣло въ томъ, что Практическая Московская Академія, привсѣхъ своихъ несомнѣнныхъ достоинствахъ, все-таки есть заведеніе спеціальное и закрытое, и потому неизбежно имѣетъ общіе всѣмъ такимъ заведеніямъ недостатки. Съ раннихъ лѣтъ дитя отчуждается отъ семьи и запирается на восемь лѣтъ въ четырехъ стѣнахъ; съ раннихъ лѣтъ оно связывается въ своемъ самостоятельномъ развитіи подчиненіемъ однообразной формѣ и условной дисциплинѣ, принятой въ училищѣ; съ раннихъ лѣтъ оно обрекается на одну спеціальность, къ которой, можетъ быть, не имѣетъ ни малѣйшей склонности и способности. Обо всѣхъ этихъ неудобствахъ много уже было писано у насъ, и потому мы не станемъ о нихъ распространяться; замѣтимъ только, что они неразрывно связаны съ самой сущностью спеціальныхъ закрытыхъ учебныхъ

заведеній, и потому не могутъ быть устранены никакими частными отмѣнами и улучшеніями. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ Практической Академіи, находящейся подъ руководствомъ г. Киттары, недостатки эти не могли быть уничтожены. Для нихъ могли быть какія-нибудь болѣе или менѣе дѣйствительныя противоядія; но о нихъ-то именно г. Киттары и говоритъ всего менѣе. Напротивъ, все содержаніе отчета указываетъ на то, что они существуютъ въ заведеніи въ значительной степени.

Не говоримъ уже объ отчужденіи отъ семьи: оно обусловливается самымъ понятіемъ о закрытомъ заведеніи; упомянемъ только о томъ, что въ числѣ наказаній, употребляемыхъ въ академіи, г. Киттары называетъ, между прочимъ, лишеніе отпуска къ роднымъ и знакомымъ, бывающаго еженедѣльно. Мы не знаемъ, какъ думаютъ объ этомъ другіе, и очень бы желали, чтобъ болѣе разъяснился этотъ вопросъ, очень важный въ жизни закрытыхъ учебныхъ заведеній. Наказанія въ школѣ должны имѣть въ виду исправленіе воспитанника, а лишеніе отпуска, по нашему мнѣнію, вовсе не исправительное средство и при малѣйшей неразборчивости въ его употребленіи дѣлается крайне вреднымъ. Если воспитанникъ привязанъ къ своимъ роднымъ, любитъ ихъ, то лишать его свиданія съ ними—значитъ жестоко играть душою ребенка, привязанностями его, самыми святыми его чувствами. Если же онъ не чувствуетъ особенной любви къ своей семьѣ, тогда наказаніе это не достигаетъ цѣли, т. е. не возбуждаетъ въ ребенкѣ серьезнаго раскаянія въ проступкѣ, за который онъ наказанъ, и—что еще гораздо важнѣе—отчуждаетъ его еще болѣе отъ дома. Правда, оставаясь безъ отпуска, онъ лишенъ свободы, лишенъ возможности пользоваться удовольствіями, которыя могъ бы найти внѣ заведенія. Но и это дѣйствуетъ на ребенка слишкомъ слабо. Всякій, кто воспитывался самъ въ казенномъ заведеніи,

можетъ припомнить, какія веселыя, шумныя, бѣшенныя шалости придумывались и совершались обыкновенно мальчиками, оставленными на праздникъ въ заведеніи безъ отпуска. Тутъ-то преимущественно и портятся дѣти; даже самый скромный мальчикъ, разъ оставленный за что-нибудь въ обществѣ шулуновъ, уже привычныхъ къ такому наказанію, всегда увлекается и принимается вмѣстѣ съ ними за шалости, часто не совсѣмъ невинныя. И этимъ-то вознаграждается то доброе внушеніе, взысканіе, наставленіе, которое воспитанникъ могъ бы найти въ своемъ семействѣ, если бы начальство заведенія, отпуская воспитанника домой, просто потрудилось сообщить его поступки на разсмотрѣніе родныхъ его! Отчего не имѣть довѣрія къ ихъ благоразумію, отчего не предположить, что они сами сумѣютъ взыскать съ мальчика за проступокъ, а между тѣмъ онъ все-таки не будетъ лишенъ освѣжающаго и примиряющаго вліянія семейной жизни. Намъ кажется, что можно лишать дѣтей отпуска только въ двухъ случаяхъ: 1) когда сами родные этого требуютъ; 2) когда семья, въ которую воспитанникъ отпускается, постоянно оказываетъ на него положительно вредное вліяніе.

Но есть дѣти изъ воспитывающихся въ закрытомъ заведеніи, которымъ и ходить вовсе некуда. О нихъ высказываетъ г. Киттары опасеніе, чтобы они не подверглись ипохондріи. Опасеніе, конечно, довольно отдаленное; но г. Киттары считаетъ своимъ долгомъ принять мѣры и противъ него. Для этого въ заведеніи выписывается 77 (дѣйствительно 77) періодическихъ изданій на разныхъ языкахъ, даются воспитанникамъ книжки, картинки и проч., даются музыкальные вечера, домашніе концерты, дѣтскій домашній спектакль, посѣщаются театры, предпринимаются экскурсіи. Все это очень хорошо, исключая домашнихъ театровъ, относительно которыхъ г. Киттары расходится во мнѣніи съ г. Пирого-

вымъ. *) Кромѣ того, мы замѣтимъ здѣсь: отчего г. Киттары, въ числѣ прочихъ развлеченій, не упомянулъ о посѣщеніи воспитанниками Академіи музеевъ, мастерскихъ, фабрикъ и т. п. Или этихъ посѣщеній не дѣлается? А они были бы очень полезны для будущихъ фабрикантовъ и торговцевъ,—едва ли даже не полезнѣе, чѣмъ чтеніе семидесяти семи журналовъ и газетъ.

Относительно обученія мы прежде всего замѣтимъ, какъ однообразная форма проявляется даже въ самомъ распредѣленіи классовъ. Здравая педагогика требуетъ, чтобы не только содержаніе обученія, но и самые сроки занятій строго соображены были съ возрастомъ учащихся; они могутъ увеличиваться постепенно, соотвѣтственно прибавленію силъ у воспитанниковъ, между тѣмъ въ Практической Академіи мы видимъ одинаковые уроки — часъ съ четвертью — для всѣхъ классовъ. Самое число уроковъ (по пяти въ день, 30 въ недѣлю) одинаково для всѣхъ классовъ, а въ первомъ какъ-то выходитъ даже 33, т. е. въ иные дни по шести уроковъ. И большая часть ихъ (т. е. 20 уроковъ въ недѣлю) употребляются на французскій и нѣмецкій языки, изученіе которыхъ начинается вдругъ и въ одно время съ первыми упражненіями въ русскомъ языкѣ, на который удѣлено только 4 класса. Между тѣмъ на первой степени обученія, для дѣтей отъ 8-ми до 10-ти лѣтъ, русскій языкъ вмѣстѣ съ нагляднымъ обученіемъ долженъ бы былъ составлять самый главный предметъ. Всестороннимъ разсмотрѣніемъ различныхъ предметовъ природы и искусства, описаніемъ ихъ свойствъ и употребленія, чтеніемъ интересныхъ рассказовъ и живою бесѣдою о читанномъ, упражненіемъ въ связной рѣчи (устной и письменной) на родномъ языкѣ,—вотъ чѣмъ нужно

*) См. статью „Быть и казаться“ въ *Ж. для Восп.*, т. III, стр. 254.

занимать большую часть времени дѣтей въ этомъ возрастѣ; а въ Практической Академіи они двѣ трети своего времени тратятъ на „чтеніе, письмо и практическія упражненія во французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ“. Во второмъ классѣ къ нему прибавляется еще и англійскій. Этотъ уже преподается по учебной теоретической методѣ, потому что, по словамъ г. Киттары, Академія „не имѣла еще до сихъ поръ возможности ввести практическое изученіе труднаго англійскаго языка, подобно языкамъ французскому и нѣмецкому“ (стр. 23).

Отчего же такая невозможность? Неужели практическаго преподавателя по всей Москвѣ не отыскалось? Въ такомъ случаѣ можно бы его откуда-нибудь выписать, употребивши на это хоть, напр., часть той суммы, которая идетъ на выписку семидесятисеми періодическихъ изданій. При хорошемъ преподавателѣ англійскій языкъ можетъ быть показанъ бы даже не столь труднымъ, какъ онъ теперь кажется почтенному профессору, Богъ знаетъ почему считающему его труднѣе нѣмецкаго и французскаго.

Вообще мы не могли понять, почему г. Киттары полагаютъ, что практическій преподаватель нѣмецкаго, французскаго или англійскаго языка долженъ быть непременно хорошимъ лингвистомъ (стр. 15). Главное дѣло здѣсь кажется не въ лингвистическихъ познаніяхъ преподавателя, а въ хорошей методѣ.

Поэтому едва ли совершенно помогаетъ дѣлу средство, придуманное г-мъ Киттары — соединеніе должности преподавателя иностранныхъ языковъ съ должностью гувернера. Извѣстно, какихъ необыкновенныхъ трудовъ, какого самоотреченія требуетъ вполнѣ добросовѣстное исполненіе должности гувернера въ закрытомъ учебномъ заведеніи; извѣстно и то, какъ дурно вознаграждаются эти труды въ матерьяльномъ отношеніи. Жалованье гувернеровъ

въ большей части закрытыхъ заведеній такъ мало, что должность эту почти всегда занимаютъ люди или находящіеся въ крайней нуждѣ, или вовсе ни на что неспособные. Заставить хорошаго преподавателя, чтобы онъ взялъ на себя и обязанности гувернера, можно только хорошимъ вознагражденіемъ, а не жалованьемъ въ 300—400 р., какое получаютъ, по словамъ г. Киттары, надзиратели въ Практической Академіи. Надзиратель, да еще и преподаватель вмѣстѣ, долженъ быть неотлучно въ заведеніи, долженъ только имъ ограничить свою дѣятельность. Какой же хорошей преподаватель французъ или нѣмецъ—согласится на это за 300 рублей, въ Москвѣ, гдѣ онъ безъ особеннаго труда можетъ достать вдвое болѣе частными уроками? Такимъ образомъ, соединеніе въ одномъ лицѣ двухъ должностей за очень скромную плату можетъ, пожалуй, вредить вполнѣ успѣшному управленію и той и другой.

Относительно распредѣленія учебныхъ предметовъ, мы съ удивленіемъ замѣтили, что естественная исторія начинается въ академіи только съ четвертаго класса, въ которомъ преподается уже 12 учебныхъ предметовъ. Но чѣмъ же тогда наполняются первые три года—въ заведеніи, имѣющемъ спеціально-технической и коммерческой характеръ? О какихъ предметахъ толкуютъ учителя въ классахъ русскаго языка, чѣмъ занимаются учителя языковъ иностранныхъ? Неужели все только словами, словами и словами? Неужели объясненіями предметовъ, относящихся къ области возвышенныхъ чувствъ, отвлеченныхъ идей, добродѣтели и порока?

Съ третьяго класса въ Практической Академіи преподается географія. Какимъ образомъ она проходитъ дѣтьми, не имѣющими никакого понятія о предметахъ естественной исторіи? На это отвѣтъ дается намъ въ рѣчи о преподаваніи географіи г. Телѣгина. Онъ сообщаетъ, что въ третьемъ классѣ

проходится только „топическій обзоръ земного шара“, т. е. изучаются только пространственныя отношенія различныхъ мѣстностей. Мы не знаемъ, до какой степени успѣшно идетъ преподаваніе г. Телѣгина; но намъ кажется, что оно весьма легко можетъ впасть въ схоластику, самую сухую и скучную. Съ самаго начала изученія географіи эта наука представляется дѣтямъ уже не какъ живое и стройное изложеніе того, что есть замѣчательнаго и интереснаго въ разныхъ мѣстностяхъ Божьяго міра, а просто какъ мертвая система пространственныхъ отношеній, что-то вродѣ хронологическихъ таблицъ. Мы находимъ, что г. Телѣгинъ несправедливъ даже въ своемъ общемъ понятіи о географіи, которую онъ опредѣляетъ такъ: „географія есть наука о законахъ устройства земной поверхности“ (стр. 18). Неужели только законы, и притомъ касающіеся только поверхности земной, составляютъ предметъ географіи? А гдѣ же тогда описательная географія и гдѣ связь географіи съ исторіей, провозглашаемая самимъ г. Телѣгинымъ? Опредѣленіемъ г. Телѣгина исключаются изъ преподаванія географіи астрономическія вліянія на землю, физическій климатъ страны и, главное, отнимается у географіи ея этнографическій характеръ.

Впрочемъ, говоря вообще, рѣчь г. Телѣгина показываетъ, что онъ въ преподаваніи географіи все-таки сдѣлалъ шагъ впередъ отъ рутинныхъ преподавателей, доселѣ слѣпо вѣрующихъ въ учебники Арсеньева и Ободовскаго. За это онъ достоинъ искренней благодарности всякаго, кто дорожитъ успѣхами ученья въ нашемъ отечествѣ.

То же самое должны мы сказать и о самомъ г-нѣ Киттары. Мы сдѣлали нѣсколько замѣчаній на его отчетъ и осудили нѣкоторыя мѣста его; но это мы дѣлали всего болѣе потому, что насъ поразилъ самодовольный тонъ отчета, какъ-будто успокоившагося на стяжанныхъ лаврахъ. Мы очень по-

нимаемъ, что не отъ вины г. Киттары происходятъ многіе недостатки, неизбежныя въ закрытомъ учебномъ заведеніи; точно такъ же мы хорошо видимъ, что его собственныя убѣжденія очень благородны и просвѣщенны, и что его дѣйствія всѣ направлены къ истинному благу. Но тѣмъ болѣе изумила насъ та легкость, съ какою г. Киттары рѣшается выставлять въ безукоризненномъ свѣтѣ то, что слѣдовало бы оговорить только, какъ неизбежное зло. Конечно, если бы все дѣло ограничивалось только тономъ рѣчи, то еще хлопотать было бы не изъ чего: не бѣда, что человѣкъ говоритъ нѣсколькими тонами выше или ниже. Но вотъ въ чемъ бѣда: въ этомъ тонѣ обнаруживается внутреннее состояніе души. Въ отчетѣ г. Киттары есть вещи, показывающія, что онъ дѣлаетъ уступки рутинѣ иногда и потому, что еще не вполне твердъ въ своихъ педагогическихъ началахъ. Напр., онъ говоритъ, что всегда возставалъ противъ розогъ, и весьма основательно доказываетъ вредъ и безнравственность тѣлеснаго наказанія для дѣтей. Но въ то же время онъ сознается, что иногда, въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда, онъ прибѣгалъ и къ наказанію розгами!.. Если ужъ въ такомъ дѣлѣ у него являются сомнѣнія, заставляющія дѣйствовать вопреки его постояннымъ возрѣніямъ, то въ другихъ случаяхъ, мы полагаемъ, уступки рутинѣ совершаются еще чаще и легче. Объ этомъ нельзя не пожалѣть.

Заключая этимъ нашу рецензію, мы просимъ г. Киттары принять наши замѣтки — такъ, какъ онъ самъ выразился — „за доказательство сочувствія къ вопросу, въ наше время ставшему на первомъ планѣ народнаго развитія—образованія всѣхъ слоевъ общества, въ томъ числѣ и коммерческаго сословія“. Можетъ быть, мы, незнакомые съ мѣстными условіями, въ нѣкоторыхъ осужденіяхъ были слишкомъ строги, и въ такомъ случаѣ съ радостью готовы взять на-

задъ свое мнѣніе, коль скоро увидимъ новыя данныя, при которыхъ дѣло можетъ представиться въ другомъ видѣ. Во всякомъ случаѣ мы бы желали одного: чтобы въ отчетѣ Московской Практической Академіи (какъ и во всѣхъ отчетахъ) было какъ можно менѣе общихъ мѣстъ и фразъ, и какъ можно болѣе прямыхъ, точныхъ, неприкрашенныхъ фактовъ.

Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 17 декабря 1859 г. Москва. 1859 г.

Какъ хорошъ нынѣшній отчетъ инспектора Московской Коммерческой Академіи, г. Киттары!.. Такъ хорошъ, что, кажется, сама Академія не сравнится съ нимъ въ своихъ достоинствахъ!

Въ прошломъ году мы разбирали рѣчь г. Киттары параллельно съ разсужденіями г. Пирогова и дѣлали сравненія, не выгодныя для почтеннѣйшаго инспектора Практической Академіи. Это, какъ нужно полагать, огорчило его, и онъ, оканчивая нынѣшнюю рѣчь, говоритъ, обращаясь какъ будто бы къ публикѣ, но явно кивая на нашу рецензію *).

„Я буду искренно благодаренъ за всякое указаніе, за всякую замѣтку, за всякій добрый совѣтъ, какъ лучше знаки вашего ко мнѣ вниманія и довѣрія, но попрошу объ одномъ; не сравните меня съ кѣмъ-нибудь изъ знаменитыхъ педагоговъ-публицистовъ, врачей общества; сравненіе будетъ парадоксально! Нравственные принципы, ими высказываемые, могутъ быть совершенно справедливы, разумны, законны, но, несмотря на то, въ практикѣ не всегда и не вездѣ удобоприложимы. Это, надѣюсь, понимаетъ каждый“ (стр. 68).

Ну, какъ не понимать! Самъ же г. Пироговъ далъ намъ понять это болѣе, нежели кто-нибудь

*) Впрочемъ, оговоримся: съ мѣсяцъ спустя послѣ нашего разбора, такая же точно параллель между г. Киттары и Пироговымъ появилась еще въ *Спб. Вѣдомостяхъ*, — такъ что слова г. Киттары могутъ быть и къ нимъ отнесены.

другой... И ужъ мы теперь не станемъ превозносить его предъ г. Киттары; напротивъ, теперь мы на г. Киттары готовы смотрѣть какъ на образецъ для г. Пирогова. И сейчасъ представимъ резоны, — почему.

Г. Киттары скромный и податливъ; въ хорошихъ рукахъ и при хорошей обстановкѣ онъ былъ бы отличнѣйшимъ дѣятелемъ, въ чемъ хотите. Гдѣ нужна долгая борьба, жертвы, самостоятельная и независимая энергія, — тамъ, конечно, на дѣятельность его нельзя возлагать особенныхъ надеждъ, но вѣдь на кого же въ этомъ отношеніи можно надѣяться?.. Г. Киттары хорошъ по крайней мѣрѣ тѣмъ, что никого ужъ не обманываетъ на счетъ характера своихъ дѣйствій. Весь тонъ его нынѣшняго, напр., „Отчета“ говоритъ вамъ: „да, я сознаю, что то и то дурно; но я не въ силахъ этого передѣлать, — по крайней мѣрѣ теперь, — и потому считаю нужнымъ покориться и даже хвалить то, что считаю лишь временнымъ и вовсе бесполезнымъ въ сущности“. А другіе какимъ высокимъ тономъ говорятъ о себѣ! Подумаешь, что и въ самомъ дѣлѣ они шагу не уступятъ, и ужъ — или передѣлаютъ все на свой ладъ, или костью лягутъ... А посмотришь потомъ — точно такъ же не сладятъ съ обстоятельствами и надѣлаютъ уступокъ, иногда вовсе не ничтожныхъ и не забавныхъ... Да хоть бы тутъ смирились, — такъ нѣтъ! Все продолжаютъ свысока, докторальнымъ тономъ и, принимаясь съчь мальчика, точно такъ же считаютъ долгомъ выхвалить свое отвращеніе отъ розги, какъ и въ прежнее время, когда не дошли до практическихъ примѣненій. Вотъ, напр., какъ хорошо г. Пироговъ рассуждаетъ о гнусности и негодности розогъ и какъ величественно, съ совершеннымъ сознаниемъ своей философской непогрѣшимости, признаетъ онъ ихъ необходимость въ гимназіяхъ, вслѣдствіе трудности придумать, вмѣсто нихъ, что-нибудь другое! Такъ и съ другими бываетъ. Послушаешь, — такъ ихъ на-

клонности слаще кievскаго варенья, а заглянешь въ самое дѣло, такъ того и гляди — порютъ кого-нибудь!

Г. Киттары не таковъ. Въ прошломъ году, на-примѣръ, слѣдуя общей рутинѣ, онъ написалъ красивую рѣчь, съ реторическими возгласами о томъ, какъ въ Академіи воспитанники на клиросѣ поютъ, постные дни соблюдаютъ, — вотъ, говоритъ, какова у насъ нравственность! — о томъ, какъ онъ готовитъ отечеству слугъ, достойныхъ преемниковъ капитала и имени предковъ, — вотъ говоритъ, какая высокая цѣль у насъ! — о томъ, какъ онъ съчетъ дѣтей только въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда на розги, — вотъ, дескать, какъ мы гуманны! — о томъ, какъ много хорошаго начинается, и какъ прекрасно все продолжается въ Академіи, благодаря сочувствію и одобренію такихъ-то особъ, — вотъ, дескать, какъ мы смиренны! и пр. Ему замѣтили, что можно бы обойтись и безъ этихъ возгласовъ, — онъ нынѣ и обошелся, да еще и то все оговаривается: „вы, говоритъ, не подумайте, что я фразу говорю, — о томъ, что, на-примѣръ, у насъ нравственность въ Академіи процвѣтаетъ. Я бы охотно сказалъ, если бы дурно было; но ей-Богу же не могу: что же мнѣ дѣлать, если всѣ такъ хорошо ведутъ себя!.. Не могу же я врать!“ Серьезно такъ: вотъ его слова въ одномъ мѣстѣ „Отчета“ (стр. 37).

„Примѣры серьезныхъ недостатковъ въ Академіи многочисленны. Изъ 254 человекъ учащихся не болѣе пяти, возраста отъ 9 до 14 лѣтъ, вызываютъ особенную заботу объ ихъ исправленіи, а это менѣе 2 процентовъ. Процентъ очень небольшой, можетъ быть, дѣйствительно блестящій; но я не могу говорить неправду и всякому желающему провѣрить слова мои могу представить нашу штрафную книгу, черную книгу, какъ называютъ ее воспитанники“.

Такая восхитительная совѣстливость выражается на многихъ страницахъ нынѣшняго „Отчета“ г. Киттары. Но, не довольствуясь частными оговорками

вродѣ приведенной нами, онъ, при концѣ своей рѣчи, сдѣлалъ слѣдующее объясненіе, которое хотя и не совсѣмъ складно, но тѣмъ не менѣе, плѣнительно въ своей натуральной неуклюжести (стр. 68).

„Закончу же мою рѣчь совершенно стороннею мыслью: чему больше вѣры—слову-ли похвалы, или слову осужденія? Думаю, что вы не затруднитесь въ отвѣтъ, отдадите скорѣе вашу вѣру послѣднему; таково уже общее наше современное направленіе, конечно, вытекшее изъ опыта жизни. Я не держусь буквально этого направленія и прошу васъ, мм. гг., не прилагать его ко всему мною сказанному, какъ въ нынѣшней рѣчи, такъ и въ прошлой. Оградивъ (?) мою дѣятельность, какъ инспектора Академіи, стѣнами этого заведенія и соприкасаясь чрезъ него съ извѣстнымъ слоемъ общества, я предпочитаю говорить болѣе о хорошемъ, благотворномъ для самой Академіи, предпочитаю умалчивать о недостаткахъ, которые вообще сродны человѣчеству. Не считаю этого ни уступкой обществу, ни лестью; умалчиваю же просто потому, что слово осужденія не принесло бы пользы, а ввѣренному мнѣ дѣлу могло бы принести еще вредъ“.

Мы не говоримъ, чтобъ очень легко было выразумѣть теченіе и связь мыслей г. Киттары въ этой тирадѣ. Но все-таки нельзя не согласиться, — въ ней есть что-то плѣнительное, невольно располагающее васъ въ пользу изобрѣтателя этихъ мыслей и заставляющее предполагать въ немъ прекраснѣйшаго, мягкосердечнѣйшаго человѣка.

Какъ, на примѣръ, онъ современнымъ прогрессомъ восхищается! „1859-й годъ, — говоритъ, — не похожъ на своихъ предшественниковъ; жизнь русская сдѣлала въ немъ шагъ крупнѣе прежнихъ; посмотрите кругомъ, какая энергія, какая свобода мысли и слова — вездѣ и во всемъ; мы много выросли“ (стр. 30). И тотчасъ же, съ тѣмъ же невозмутимымъ простодушіемъ, онъ говоритъ, что, при столкновеніяхъ съ многими родителями и посторонними лицами, „„Недоросль“ фонъ-Визина живо рисовался въ его памяти; каждый разъ глубоко чувствовалось, что сатира этого писателя недостаточно еще была остра и жгуча, что нельзя

не пожелать новаго фонъ-Визина и для нашего времени“ (стр. 31). Вотъ тебѣ и энергія и свобода мысли — вездѣ и во всемъ!.. Ну, не прелестное ли это добродушіе?..

Тѣмъ же самымъ характеромъ отличается, напр., замѣчаніе почтеннѣйшаго профессора о галунахъ. Съ прошлаго года онъ ввелъ, видите, въ Академіи, какъ наказаніе, — лишеніе галуновъ. Съ нѣкоторой робостью говоритъ онъ объ этомъ своемъ изобрѣтеніи; но въ то же время никакъ не можетъ скрыть внутренняго довольства этой мѣрой, „приносящей самые положительные результаты“ (стр. 38). А, впрочемъ, онъ „принадлежитъ къ числу тѣхъ, которые понимаютъ, какъ излишняя мундирность, не только въ Академіи, но и во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ“. Такъ зачѣмъ же онъ самъ способствуетъ тому, чтобы усиливалось въ Академіи значеніе мундирности?.. Да это ужъ такъ: вѣдь все равно — есть ужъ она, эта мундирность, такъ отчего же не обратить вниманія и на ея развитіе? При томъ же, въ свое оправданіе г. Киттары приводитъ еще слѣдующее обстоятельство: „нужно, говоритъ, прибавить, что мѣра эта употребляется у насъ въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и считается взысканіемъ самымъ сильнымъ“... Конечно, это не только измѣняетъ видъ дѣла, но, кромѣ того, служитъ еще разительнымъ свидѣтельствомъ того, до какой высоты развитія дошелъ духъ воспитанниковъ Академіи, ввѣренной попеченіямъ почтеннѣйшаго г. Киттары.

Но особенно хорошо рисуетъ г. Киттары любезное признаніе его о томъ, какъ онъ въ прошломъ году измѣнилъ мотивъ сѣченія дѣтей, и сѣкъ ихъ — уже не по причинѣ сомнѣнія, а вслѣдствіе отчаянія. По его словамъ, это были „минуты тяжелыя, можетъ быть, непонятныя стороннему наблюдателю“. Легко можетъ быть; но зато тѣмъ, кого сѣкъ г. Киттары въ эти минуты, онѣ были, вѣроят-

но, очень понятны... по крайней мѣрѣ — чувствительны...

Теперь, однако же, г. Киттары подаетъ надежду, что больше сѣчь уже не будетъ. Мы, разумѣется, не предаемся преждевременной радости: мало ли что говорятъ и обѣщаютъ современные публицисты и педагоги!.. Очень можетъ случиться, что г. Киттары найдетъ новыя, — столько же, какъ и прежде, уважительныя, — причины сѣчь воспитанниковъ. Въ третьемъ годѣ они платились за то, что воспитатель ихъ сомнѣвался, въ прошломъ — за то, что онъ отчаявался, въ нынѣшнемъ — ихъ спина можетъ пострадать отъ того, что на воспитателя найдутъ, на примѣръ, минуты меланхолиі... Мы узнаемъ это не раньше, какъ черезъ годъ, изъ слѣдующаго отчета, а теперь можемъ заявить предъ читателями только признанія и обѣщанія г. Киттары. Для большей важности приводимъ и подлинныя его слова (стр. 39):

„Заговоривъ о мѣрахъ исправленія, съ грустью долженъ сознаться, что, несмотря на все отвращеніе мое къ розгамъ, увы, у меня не достало ни умѣнья, ни терпѣнья избѣжать ихъ; и если въ прошломъ году на меня не находили, какъ я выразился въ первой рѣчи моей, минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости моего взгляда, то приходили зато минуты отчаянія, минуты тяжелыя, которыя, можетъ быть, непонятны стороннему наблюдателю. Слава Богу, что ихъ было немного—всего 4 (четыре минуты?) и относились онѣ только къ тремъ личностямъ, на закоренѣломъ упрямствѣ которыхъ оказывались недѣйствительными всѣ другія мѣры. Но принесли ли пользу розги, можетъ быть, спросятъ меня, исправили ли онѣ, снимали ли сразу порокъ? По совѣсти долженъ сказать—нѣтъ.

„Порокъ возобновлялся сначала робко, а потомъ сильнѣе, и если я не теряю надежды въ борьбѣ съ нимъ, то, конечно, не въ расчетѣ на новое повтореніе розогъ, нѣтъ: я пользуюсь интерваломъ затишья той или другой наклонности и въ сознаніи моей минутной слабости ищу новыхъ силъ, новыхъ мѣръ. Время, т.-е. увеличивающійся возрастъ воспитанника, въ этомъ случаѣ главная помощь усилю. Замѣчу еще, что наказанныя розгами личности были однѣ изъ тѣхъ, о которыхъ говорилось и въ прошломъ от-

четъ, а что надежды мои сбыточны—лучшимъ доказательствомъ служить, что въ нынѣшнемъ году нѣкоторые уже встали на путь радикальнаго исправленія и не доводили меня до отчаянія“.

Читая такія объясненія, несмотря на ихъ нестройное, неуклюжее краснорѣчіе, вы чувствуете, что тутъ есть что-то милое... Передъ вами чело-вѣкъ, который хлопочетъ, суетится, дѣлаетъ тамъ уступку, здѣсь промахъ, говоритъ, что взглядъ его не выработался, понятія смутны, — и они дѣйстви-тельно смутны, — но все это такъ просто и добро-совѣстно, а въ результатъ выходитъ доброе дѣло и всеобщее удовольствіе!.. Почтеннѣйшій воспитатель доволенъ, совѣтъ Академіи къ нему благосклоненъ, родители благодарны, сослуживцы сочувствуютъ, воспитанники ужасно его любятъ, — по крайней мѣрѣ такъ самъ онъ думаетъ... Да и отчего же не думать? Его наивная хлопотливость съ непре-станными прибавками, „что, можетъ быть, онъ не понимаетъ того дѣла, за которое взялся“, можетъ, конечно, казаться забавною, но она не лишена своей прелести и привлекательности: такъ и тянетъ по-знакомиться съ почтеннѣйшимъ педагогомъ, соб-ственно за его милый „Отчетъ“...

Въ „Отчетъ“ своемъ г. Киттары много разъ обращается съ просьбою, чтобы мыслители и педа-гоги русскіе сдѣлали свои замѣчанія на его дѣйствія. Будемъ ждать отъ нихъ полезныхъ замѣчаній,—ихъ обсужденію представляются важные вопросы: сѣченіе дѣтей въ минуты отчаянія, лишеніе галуновъ за тяжкія преступленія, пожалованіе нашивками за успѣхи въ наукахъ, система надзора старшихъ вос-питанниковъ за младшими, вводимая г-номъ Киттары, „но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не столь раз-вившаяся, какъ бы ему желалось“ (стр. 40), и пр. Кромѣ того, имъ предстоитъ разсмотрѣть подробныя программы Академіи и опредѣлить ихъ значеніе и достоинство. Въ прошломъ году, разбирая „Отчетъ“

г. Киттары, мы замѣтили, что онъ возвышаетъ курсъ Практической Академіи предъ гимназическимъ. Нынѣ онъ отрекается отъ подобной мысли и говоритъ, что хотѣлъ указать только разницу гимназій съ Академіей. Чтобы эта разница яснѣй была, къ нынѣшнему „Отчету“ онъ приложилъ цѣлую книгу программъ Практической Академіи, съ слѣдующимъ предостереженіемъ (стр. 53):

„Въ прошломъ „Отчетъ“ моемъ, я позволилъ себѣ сравнить эти классы съ гимназіями и указалъ на ту разницу, какую находилъ въ этомъ сравненіи. Сознаюсь, что слова мои могли быть неясны, потому что не были полны; съ этой цѣлью, къ настоящему „Отчету“ приложены программы наукъ, принятыя въ заведеніи; онѣ укажутъ каждому, насколько, ради спеціальной цѣли, мы грѣшимъ противу общаго образованія. Искренно порадуясь, если будутъ высказаны эти указанія, и отъ имени педагогической конференціи Академіи смѣло заявляю, зная составъ ея, что ни одно изъ нихъ не останется безъ обсужденія и принятія, если это окажется возможнымъ и полезнымъ“.

На программы, разумѣется, ничего нельзя сказать, не зная, какъ онѣ исполняются: особенныхъ нелѣпостей въ нихъ не такъ много, чтобы сейчасъ же ихъ и вытянуть при бѣгломъ взглядѣ. Разумѣется, не очень отрадно, что до сихъ поръ въ Академіи употребляется Хрестоматія Пенинскаго, не очень весело въ программѣ исторіи русской литературы читать такіе, напр., параграфы: „Лермонтовъ: подражаніе Жуковскому и Пушкину, достоинства подражаній; переводы изъ Байрона, Гете и Гейне, вліяніе Барбѣ (въ „Опечаткахъ“ поправлено Барбѣе. Отчеты Практической Академіи отличаются тѣмъ, что въ нихъ почти на каждой строкѣ опечатка, и къ орѳографіи полнѣйшее презрѣніе!..). Отличительный характеръ поэзіи Лермонтова“ (стр. 95). Можно, конечно, накинуться на это и сказать, что учитель не понимаетъ, вѣроятно, своего дѣла; а между тѣмъ это очень можетъ оказаться несправедливымъ. Можетъ быть, онъ отлично знаетъ свой предметъ и умѣетъ излагать его, а такъ

только въ программѣ нелѣпо выразился... То же самое нужно сказать и о другихъ программахъ. Напримеръ, для исторіи представлена собственно коротенькая программа для IV класса; а въ послѣдующихъ все то же самое, только подробнѣе. Какъ же тутъ разберешь удобство и достоинство преподаванія? Можно разсуждать только о достоинствѣ самой системы, принятой въ Академіи — чтобы сначала читать ученикамъ общій обзоръ, а потомъ уже вводить подробности. Но и это опять дѣло условное. Извѣстно, что дѣти, чѣмъ моложе, тѣмъ болѣе наклонны къ подробнымъ рассказамъ и отвращаются отъ общихъ обзоровъ. Слѣдовательно, если преподаватель дѣйствительно только обзоръ даетъ, такъ это очень дурно. Но если онъ рассказываетъ имъ во всей подробности важнѣйшія событія и вовсе пропускаетъ мелкія и неважныя, — въ этомъ смыслѣ преподаваніе не будетъ бесполезно... Какъ именно это дѣлается въ Академіи, намъ неизвѣстно, и потому рѣшительное сужденіе произнести трудно. А, впрочемъ, нѣмцы очень много написали объ эпизодическомъ преподаваніи въ первое время ученья, и поэтому легко можетъ быть, что кто-нибудь изъ нашихъ знаменитыхъ педагоговъ или ученыхъ напишетъ блестящую статью по этой части...

Что касается до насъ, то мы въ подробныя сужденія входить не будемъ, а сдѣлаемъ лишь нѣсколько общихъ замѣтокъ. Насъ удивляетъ то, что въ Практической Академіи географія начинается только съ 3-го класса, а естественная исторія — съ 4-го, первые же два класса заняты большею частію только языками. Въ „Отчетѣ“ и помину нѣтъ о наглядномъ обученіи; есть только въ программѣ русскаго языка указаніе на вещественный разборъ, то-есть на объясненіе самаго значенія вещей, при грамматическомъ разборѣ словъ. Но вѣдь этого очень недостаточно: общее понятіе о тѣлахъ природы, о разныхъ естественныхъ явленіяхъ на зем-

номъ шарфъ, о разныхъ предметахъ житейскихъ нуждъ, и т. п.—весьма много помогло бы развитію и воображенію учениковъ и точности ихъ понятій, и даже расширенію ихъ круга зрѣнія. Во всякомъ случаѣ опредѣленіе нѣсколькихъ часовъ для подобныхъ занятій было бы гораздо полезнѣе, нежели совокупное и одновременное изученіе двухъ и трехъ языковъ. По „Отчету“ видно, что въ Академію поступаютъ мальчики лѣтъ 8; и вдругъ ихъ начинаютъ занимать—въ первомъ классѣ 7 уроковъ французскихъ и 10 нѣмецкихъ; во второмъ—6 французскихъ, 7 нѣмецкихъ и 3 англійскихъ. И при этомъ г. Киттары еще жалуется, что изученіе языковъ, несмотря на всѣ его старанія, идетъ плохо! (стр. 57). Еще бы оно шло хорошо при такихъ стараніяхъ! Извѣстное дѣло, что языки новые изучаются только тогда, когда объ этомъ начальственныхъ стараній бываетъ какъ можно меньше. Мудрость-то вѣдь не Богъ знаетъ какая. А между тѣмъ, какъ съ самаго-то начала засадятъ мальчика за вокабулы двухъ языковъ, да насядутъ на него съ тремя уроками въ день изъ этихъ милыхъ предметовъ,—ну, онъ и отупѣетъ, да кромѣ того—такое отвращеніе къ языкамъ почувствуетъ, что никакія нашивки не помогутъ...

Впрочемъ, о нашивкахъ мы не смѣемъ судить: г. Киттары говоритъ, что онѣ очень поддерживаютъ энергію къ изученію французскаго и нѣмецкаго языковъ. Какъ видно, почтеннѣйшій профессоръ вѣруетъ въ симпатическія средства. Не мудрено, Впрочемъ: онъ самъ-то такой симпатическій!..

Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами.

Tu quoque, Brute!...

Въ русской жизни возникаютъ иногда отрадные явленія, способныя привести въ умиленіе даже человека не совсѣмъ простодушнаго,—являются герои

мысли и слова, выступающіе прямо и безбоязненно на смертельную борьбу съ застарѣлыми предразсудками и общественной неправдой. Посмотришь на нихъ, оглянешься вокругъ себя—и невольно склонишь голову предъ ихъ доблестью. Около нихъ со всѣхъ сторонъ тѣснятся враги, ихъ окружаетъ безчисленное войско рутинистовъ, невѣждъ, негодяевъ, пошляковъ всякаго рода, и, несмотря на то,—благородные герои смѣло поднимаютъ новое, враждебное злу знамя и самоотверженно подвергаютъ себя всѣмъ опасностямъ неравнаго боя. Невольно сами враги изумляются богатырской доблести, и въ нѣкоторой части непріятельскаго лагеря даже проявляется движеніе въ пользу отважныхъ героевъ и желаніе стать подъ ихъ знамя. Еще немного—и вотъ, кажется, совершится одна изъ тѣхъ чудесныхъ побѣдъ, о которыхъ рассказываетъ намъ въ богатырскихъ сказкахъ...

Но времена богатырскихъ сказокъ давно прошли, и мы всегда жестоко ошибаемся, когда вздумаемъ примѣнять ихъ міросозерцаніе къ настоящему времени. Воображеніе наше, еще въ раннемъ дѣтствѣ разстроенное фантастическими бреднями нянюшекъ, нерѣдко обливааетъ для насъ какимъ-то волшебнымъ свѣтомъ простыя явленія дѣйствительной жизни; но зато, какъ приходится намъ краснѣть и стыдиться, когда эти явленія вдругъ предстанутъ намъ въ своемъ настоящемъ свѣтѣ!

Насъ лично нельзя упрекнуть въ особенной наклонности къ увлеченіямъ розовыми надеждами. Мы не разъ отзывались холодно и даже насмѣшливо о такихъ явленіяхъ, отъ которыхъ другіе ожидали чуть не установленія всеобщаго благоденствія. Но и мы не остались совершенно чистыми отъ ребяческихъ увлеченій. Со стыдомъ и прискорбіемъ пришлось намъ недавно вспомнить объ одномъ изъ нихъ, и мы спѣшимъ очистить себя публичнымъ покаяніемъ и откровеннымъ изложеніемъ дѣла.

Начнемъ съ нѣсколькихъ общихъ объясненій.

Извѣстно, что въ послѣднее время обнаружилось въ Россіи много хорошихъ литераторовъ во всѣхъ сферахъ общественной дѣятельности — въ полицейской, въ медицинской, въ комиссаріатской, въ судебной, въ откупной, и пр., и пр. Современные Фамусовы, полагающіе, что

Написано—и съ плечъ долой,—

возложили на этихъ литераторовъ твердыя надежды относительно всѣхъ предстоящихъ усовершенствованій русскаго быта. Мы съ самаго начала смотрѣли довольно недовѣрчиво на эти надежды, и, дѣйствительно, когда доходило въ чемъ-нибудь до дѣла, то спеціальныя литераторы оказывались по большей части или совсѣмъ неподходящими къ своимъ теоретическимъ убѣжденіямъ, или, по крайней мѣрѣ, весьма податливыми на уступки. Уступокъ этихъ мы могли бы здѣсь указать много, но не считаемъ этотъ предметъ такимъ малоизвѣстнымъ, чтобъ о немъ стоило распространяться. Притомъ же, практическая уступчивость рьяныхъ теоретиковъ не представляетъ сама по себѣ ничего необычайнаго: она, напротивъ, совершенно въ порядкѣ вещей. Человѣкъ выступаетъ на битву и вдругъ видитъ, что противъ него тысяча враговъ: естественно, что онъ долженъ—или бѣжать совсѣмъ или сдѣлать нѣсколько такихъ уступокъ, послѣ которыхъ хотя часть противниковъ перешла бы на его сторону. Зато у него остается надежда побить самыхъ закоsnѣлыхъ враговъ. Начальникъ, преслѣдующій взятки, но чувствующій себя безсильнымъ для ихъ искорененія, наконецъ допускаетъ благодарность и ограничивается тѣмъ, что запрещаетъ лишь вымогательство. На такого начальника нельзя очень сильно нападать; можно только спорить, дѣйствительно-ли примѣнима и практична предположенная имъ грань между благодарностью вынужденною и невынужденною. Да можно еще сожалѣть о той средѣ, которая принуждаетъ

начальника, желающаго добра, къ подобнымъ уступкамъ... А, впрочемъ, и на эту среду напускаться особенно тоже не стоитъ: ея развитіе зависитъ отъ многихъ внѣшнихъ условій, которыхъ она не могла до сихъ поръ ни отвратить, ни измѣнить. Стало быть, съ которой стороны ни возьми дѣло,—волноваться не стоитъ, а слѣдуетъ только, подобно старому подъячому, при назначеніи новаго, неумѣлаго начальника, сказать совершенно спокойно: „приняться-то нашъ герой хочетъ какъ будто и притко, да концовъ-то не сведеть; упрыгается на первыхъ же порахъ, угомонится, и пойдетъ все опять по старому“...

Такъ большею частью мы и говорили, когда новые Фамусовы показывали намъ какую-нибудь статью и восклицали: „смотрите, что написано! смотрите, какъ написано! Теперь эта часть у насъ отлично пойдетъ: о ней уже такъ много написано“... и т. п. Но разъ и мы уподобились Фамусову: это было въ началѣ нынѣшняго года, когда въ литературѣ нашей уже замиралъ, сопровождаемый *Свисткомъ*, одинъ изъ горячихъ вопросовъ нашей литературы, — вопросъ о розгахъ, о томъ, бить или не бить.

Вопросъ этотъ, какъ извѣстно, еще въ 1857 г. обсуждался въ *Земледѣльческой Газетѣ*, г. Орловымъ-Давыдовымъ и рѣшался положительно: бить! *Современникъ* имѣлъ тогда наивность удивиться такому явленію въ литературѣ, ставящей себѣ въ главную заслугу свои гуманныя стремленія. Но другимъ статья г. Орлова-Давыдова показалась нисколько не странною, и вскорѣ послѣ нея начали появляться статьи, трактовавшія о томъ,

Какъ человѣка разложить,
По строгимъ правиламъ науки...

Извѣстно, что въ защитѣ розогъ отличались, между прочимъ, гг. Петрово-Соловово и Рощаковскій, но что вся отвѣтственность пала на князя Черкас-

скаго, предложившаго 18 ударовъ... Противъ него написаны были весьма краснорѣчивыя замѣтки и письма, которыя до того убѣдили его, что онъ печатно отрекся отъ своихъ положеній. А г. Аксаковъ, кромѣ того, объявилъ, что требованіе восемнадцати розогъ княземъ Черкасскимъ было ни что иное, какъ уступка съ его стороны, изъ снисхожденія къ господствующимъ понятіямъ большинства [дворянъ]. Конечно, по ходу дѣла уступка эта оказалась ненужною и слишкомъ уже издалека предусмотрѣнною; но, тѣмъ не менѣе, послѣ сказанія объ уступкѣ, поведеніе князя Черкасскаго въ этомъ вопросѣ оказалось такимъ же, — ни хуже, ни лучше, — какъ и поведеніе почти всѣхъ нашихъ публицистовъ и передовыхъ людей нашей словесности — почти во всѣхъ другихъ вопросахъ.

Вскорѣ послѣ образца такой уступки въ дѣлѣ о тѣлесномъ наказаніи крестьянъ, мы увидѣли подобную же уступчивость одного изъ передовыхъ людей нашихъ — въ вопросѣ о сѣченіи дѣтей. Въ февралѣ прошлаго года, разбирая Отчетъ Московской Коммерческой Академіи г. Киттары, мы замѣтили, что онъ, не одобряя собственно розогъ, сѣкъ, однако же, воспитанниковъ Академіи, „въ минуты сомнѣнія въ непогрѣшимости своего взгляда“. Насъ очень поразило тогда это странное обстоятельство, что нѣкоторые изъ воспитанниковъ должны были платиться своею кожею за то, что подвергались инспектору съ проступками въ тѣ минуты, когда онъ „сомнѣвался въ непогрѣшимости своего взгляда“. Насъ очень опечалило тогда не только самое открытіе, что дѣтей сѣкутъ еще въ заведеніи, ввѣренномъ начальству такого человѣка, какъ г. Киттары, но и то, что этотъ человѣкъ такъ легко и наивно отзывается объ этомъ предметѣ... Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній прочитали мы брошюрку г. Пирогова, въ которой, между прочимъ, была статейка: „нужно ли сѣчь дѣтей?“ — и прониклись восторженнымъ

удивленіемъ къ твердости и ясности возрѣній знаменитаго хирурга и педагога. Мы поспѣшили выразить свой восторгъ, сопоставивши сомнѣнія г. Киттары съ твердою и простою рѣчью г. Пирогова, убѣжденнаго и убѣждавшаго тогда, что розга всегда и для всякаго — вредна, позорна и безнравственна. Указывая на г. Пирогова, какъ на образецъ непреклонной послѣдовательности своимъ убѣжденіямъ, какъ на одну изъ личностей, на которыхъ дѣйствительно могутъ покоиться надежды общества, — мы говорили:

„Мы, конечно, не ставимъ г. Пирогова на пьедесталь непогрѣшимости; мы не съ тѣмъ указываемъ на него, чтобы его авторитетомъ унижить кого-нибудь. Вовсе нѣтъ; у г. Пирогова могутъ быть, конечно, и увлеченія, и погрѣшности, какъ у всякаго другого... Но мы видимъ въ немъ ту смѣлость и безпристрастіе взгляда, ту искренность въ признаніи недостатковъ, ту независимость въ отношеніи къ обществу, которыя у другихъ находимъ въ гораздо слабѣйшей степени“... (Совр. 1859, № 2. Библ. 282.—|Стр. 129 наст. изд.).

Къ этому отзыву мы прибавили еще слѣдующее замѣчаніе: „разумѣется, здѣсь многое зависитъ отъ разницы положенія и обстоятельствъ, и мы никогда не рѣшимся никого обвинять за кажущуюся непоследовательность взгляда, пока болѣе яркіе факты не рѣшатъ дѣла“. Слѣдовало бы прибавить: „и никогда не осмѣлимся никого превозносить за кажущуюся твердость и послѣдовательность взгляда, пока это не выкажется рѣшительно въ практической дѣятельности“. Но мы тогда, въ своемъ восторгѣ, не сообразили этого. Намъ казалось, что прекрасныя педагогическія убѣжденія г. Пирогова будутъ проводиться имъ и на практикѣ такъ же неуклонно, какъ проводятся въ его статейкахъ. Мы надѣялись, что, по своему положенію находясь въ обстоятельствахъ сравнительно очень благопріятныхъ, онъ будетъ въ состояніи весьма близко подойти къ осуществленію своихъ идей о воспитаніи. Но всего болѣе мы были увѣрены въ томъ, что въ

заведеніяхъ, ввѣренныхъ попечительству г. Пирогова, не будутъ сѣчь дѣтей...

За свое легковѣріе мы недавно были наказаны горькимъ разочарованіемъ.

Въ XI № *Журнала для воспитанія* за 1859 г. напечатаны: „Правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ гимназій Кіевскаго учебнаго округа“, изданныя г. Пироговымъ 22 іюля 1859 г. Правила эти составлены для того, чтобы устранить разнообразіе во взглядѣ начальниковъ на проступки гимназистовъ и на значеніе самыхъ наказаній. Цѣль эта выражена г. Пироговымъ въ слѣдующихъ строкахъ:

„Нехорошо, если въ томъ же учебномъ округѣ (въ которомъ иногда ученики переходятъ изъ одного заведенія въ другое), за тотъ же самый проступокъ одинъ директоръ будетъ сѣчь или исключать ученика, а другіе прощать его или слабо наказывать. При такихъ противорѣчіяхъ и упущеніяхъ нельзя развить чувство законности въ учащихъ. Воспитанники, видя такую разнообразность взглядовъ и дѣйствій воспитателей, непременно придутъ къ тому заключенію, что дѣйствіями ихъ управляетъ не законъ, а случай, капризъ, произволь и пристрастіе. Довѣріе къ законности дѣйствій въ такомъ случаѣ нарушается, а вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ и всякое чувство правды и законности“.

Чтобы предотвратить такое печальное явленіе, г. Пироговъ считаетъ необходимымъ не только составленіе общихъ правилъ для всѣхъ гимназій, но и ознакомленіе съ этими правилами самихъ учениковъ, съ самага вступленія ихъ въ гимназію, для того, „чтобы учащіеся были убѣждены, что никакой ихъ проступокъ не останется скрытымъ и необсужденнымъ, и что каждое наказаніе происходитъ, какъ бы само собою, изъ сущности и характера проступка“.

Читая это вступленіе къ „Правиламъ“, мы еще продолжали чувствовать прежнее удивленіе къ непреклонности и твердости г. Пирогова въ проведеніи своихъ общихъ принциповъ. Мы видѣли въ фразахъ, подчеркнутыхъ нами выше, полнѣйшее

отрицаніе розги, которая никакъ ужъ не можетъ служить къ развитію въ дѣтяхъ чувства законности и никакъ не принадлежитъ къ числу рациональныхъ наказаній, вытекающихъ изъ сущности самаго проступка. Читая далѣе, мы еще болѣе утвердились въ своей увѣренности, увидѣвши, что „Правила о наказаніяхъ“ составлены были подъ предсѣдательствомъ г. Пирогова цѣлымъ комитетомъ, членами котораго были: помощникъ попечителя Кіевскаго округа, директора гимназій, инспекторъ казенныхъ училищъ, нѣкоторые профессора (исторіи—В. Шульгинъ, педагогики—Гогоцкій) и нѣкоторые учителя. Такой составъ комитета не могъ внушать никакихъ опасеній, и мы читали далѣе „Правила“, въ полной увѣренности найти въ нихъ только рациональныя, естественныя, гуманныя мѣры, пользу которыхъ всегда проповѣдывалъ г. Пироговъ. Тѣмъ тяжелѣе было наше разочарованіе.

Насъ очень непріятно поразила уже таблица о числѣ высѣченныхъ въ 1858 г. гимназистовъ въ Кіевскомъ округѣ. По свѣдѣніямъ, вытребованнымъ г. Пироговымъ изъ разныхъ дирекцій, оказалось слѣдующее:

Въ 1858 г. наказано было розгами:

1)	Въ Кіевской 2-й гимназіи	изъ	625—	43
2)	„ Житомирской	„	600—	290
3)	„ Немировской	„	600—	67
4)	„ Подольской	„	400—	37
5)	„ Полтавской	„	399—	39
6)	„ Ровенской	„	300—	6
7)	„ Нѣжинской	„	260—	20
8)	„ Новгородсѣверской	„	250—	8
9)	„ Черниговской	„	240—	18
10)	„ Бѣлоцерковской	„	220—	38
11)	„ Кіевской 1-й	„	215—	3

Одна эта таблица способна уже убѣдить внимательнаго педагога въ томъ, какъ напрасно и нера-

зумно употребляется розга въ нашемъ воспитаніи. Одно сравненіе этихъ данныхъ можетъ оправдать самое рѣшительное изгнаніе розги изъ гимназій. Мы видимъ, напр., что въ Житомирской гимназіи сѣкутъ въ семь разъ чаще, чѣмъ въ Кіевской 2-й, и въ 35 разъ чаще, чѣмъ въ Кіевской 1-й. Въ Кіевской первой было только три случая, когда понадобились розги, въ Житомирской же ихъ было 290, т.-е. половина изъ всего числа гимназистовъ была пересѣчена. А если мы припомнимъ § 205 Училищнаго Устава 1828 г., по которому розги дозволяется употреблять только въ трехъ низшихъ классахъ, то окажется, что каждый мальчикъ былъ (по среднему расчету) непременно разъ высѣченъ въ теченіе года, а если кто избѣжалъ этого удовольствія, то, значить, вмѣсто него, надо считать за другимъ двойное или тройное и т. д. розочное наставленіе... Да еще изъ выраженія, употребленнаго въ „Правилахъ“, не видно, считается ли въ этой таблицѣ каждый разъ, или только каждый человѣкъ. Не сказано: „было столько-то случаевъ сѣченья, а говорится только: „столько-то учениковъ высѣчено“... т.-е. можетъ быть, если одинъ и тотъ же ученикъ 50 разъ въ году высѣченъ, такъ все это считается за единицу... Но даже если и такъ, то все-таки—какой ужасъ и мракъ должна представлять собою Житомирская гимназія! Въ году менѣе двухсотъ учебныхъ дней, а тутъ 290 человѣкъ подвергаются поркѣ; значить, каждый божій день въ Житомирской гимназіи порютъ, да еще и не по одному человѣку!.. И все это дѣлается въ 1858 году, который—кромѣ того, что вообще принадлежитъ настоящему времени, когда и пр.—замѣчательнъ въ этомъ случаѣ еще и тѣмъ, что въ теченіе второй его половины (съ августа) Кіевскій учебный округъ находился подъ попечительствомъ г. Пирогова! И замѣтьте еще, что цифра 290 стоитъ въ отчетѣ, доставленномъ попе-

чителю самою дирекціею. Между тѣмъ, кто же не знаетъ, что гдѣ наказанія такъ обыкновенны и часты, тамъ почти нѣтъ возможности свести имъ вѣрный счетъ за цѣлый годъ. Другое дѣло — 1-я Кіевская гимназія, Ровенская и Новгородсѣверская: тамъ въ цѣлый годъ случилось высѣчь — въ одной трехъ, въ другой — 6, въ третьей — 8 человекъ. Тутъ сосчитать не трудно, и мы не имѣемъ причинъ прямо сомнѣваться въ вѣрности показаній. Но 290 въ годъ — тутъ весьма не трудно сбиться въ счетъ! Да и едва ли кому-нибудь изъ начальства Житомирской гимназіи казалось особенно важнымъ вести точный счетъ экзекуціямъ, которыя оно раздавало такъ щедро и которымъ, какъ видно, вовсе не придавало какого-нибудь чрезвычайнаго значенія.

Но г. Пироговъ довърчиво останавливается на цифрѣ, показанной дирекціею, и дѣлаетъ слѣдующія соображенія: „разность въ численности тѣлесныхъ наказаній нельзя объяснить различною численностію учениковъ и различною степенью ихъ нравственнаго развитія; мы видимъ, что въ гимназіяхъ, одинаково многолюдныхъ и при сходныхъ условіяхъ, число тѣлесныхъ наказаній было далеко не одно и то же; потому этотъ фактъ не можетъ быть иначе объясненъ, какъ неопредѣлительностью взглядовъ гг. директоровъ и наставниковъ на проступки и наказанія учениковъ. Неужели нравственное развитіе учениковъ 2-й Кіевской, напри- мѣръ, и Житомирской гимназіи такъ различно, чтобы имъ однимъ можно было объяснить, почему въ одной изъ нихъ, почти при одинаковомъ числѣ учащихся (625 — 600), высѣчены были въ прошломъ году только (только!!) 43, а въ другой почти 300 учениковъ!“

Какъ видите, г. Пироговъ чрезвычайно легко и снисходительно смотритъ на вопіющіе ужасы, представленные ему въ свѣдѣніяхъ о числѣ высѣченныхъ мальчиковъ. Его не возмущаетъ [злодѣяніе], регу-

лярно совершающееся надъ несчастными мальчиками въ одномъ изъ подвѣдомственныхъ ему заведеній; онъ имѣетъ духъ сказать даже: „только“ въ приложеніи къ той гимназій, въ которой сѣкутъ нѣсколько меньше. Всего болѣе озабочиваетъ его то обстоятельство, что взгляды разныхъ директоровъ не приведены къ единству... Признаемся, не такого тона, не такихъ чиновническихъ разсужденій ожидали мы отъ автора „Вопросовъ жизни“!

Но окончательно пристыжены мы были въ своемъ прежнемъ восторгѣ отъ г. Пирогова, когда дошли до того мѣста „Правиль“, гдѣ почтенный педагогъ доходитъ до изложенія теоретическихъ и практическихъ соображеній своихъ относительно тѣлеснаго наказанія. Тутъ происходитъ въ „Правилахъ“ такое неловкое и неуклюжее балансированіе на розгахъ, что невольно сердце замираетъ со страха за шаткое положеніе балансирующихъ. Сначала говорится, что розга,—„гнусна, вредна“, что ее нужно вовсе изгнать; потомъ, что изгнать нельзя; потомъ, что это трудно; наконецъ — что ее слѣдуетъ употреблять, только рѣдко... Все это такъ плохо вяжется съ прежними убѣжденіями автора „Вопросовъ жизни“, такъ несообразно само по себѣ, такъ противорѣчитъ основной цѣли составленія „Правиль“, что мы, для полнаго вразумленія, нѣсколько разъ прочитали этотъ странный пунктъ и, наконецъ, убѣдившись въ печальной истинѣ и вспомнивъ прежнюю защиту дѣтей отъ розогъ г. Пироговымъ, могли только вскрикнуть внутренно: *tu quoque, Brute!*

Но постараемся прослѣдить съ нѣкоторой обстоятельностью эту странную игру фантазій и остроумія г. Пирогова. Постараемся сдѣлать свои замѣчанія возможно спокойными и умѣренными. Предметъ самъ по себѣ, правда, таковъ, что о немъ спокойно говорить почти невозможно: тутъ нужно — или оплакивать паденіе чловѣка и принципа, или добродушнѣйшимъ образомъ смѣяться надъ иллюзіями и

разочарованіями челоуѣчества. Мы болѣе были бы склонны къ послѣднему; но насъ отчасти останавливаетъ слѣдующее заключеніе, которымъ оканчивается первая часть „Правиль“ г. Пирогова.

„Я долженъ объявить дирекціямъ, что и таблицу, и мнѣнія, обсужденныя комитетомъ о проступкахъ и наказаніяхъ, нисколько не рассматриваю я, какъ совершенно уже законченныя и не подлежащія улучшеніямъ и измѣненіямъ, на которыя можетъ указать время и опытъ. Потому я прошу всѣхъ и cadaго изъ воспитателей сообщить мнѣ, чрезъ педагогическій совѣтъ, или въ видѣ отдѣльныхъ мнѣній, сдѣланныя ими замѣчанія, замѣченные недостатки, и указать на придуманныя каждымъ исправленія.“

Такимъ образомъ, г. Пироговъ самъ проситъ, чтобы на его „Правила“ дѣлали замѣчанія всѣ воспитатели. Мнѣнія и указанія ихъ онъ желаетъ принять къ свѣдѣнію. Но, кромѣ того, г. Пироговъ самъ печатаетъ свои „Правила“ въ журналѣ и, слѣдовательно, подвергаетъ ихъ обсужденію не однихъ уже воспитателей, а всей публики. Это черта такого просвѣщеннаго и благороднаго воззрѣнія на свое дѣло, что уже ею одной значительно умѣряется раздраженіе, которое способны возбудить во многихъ сами „Правила“. Г. Пироговъ не ошибся, рѣшившись обнародовать все, что ни предпринимаетъ онъ въ администраціи Кіевскаго учебнаго округа. Теперь многія изъ его распоряженій могутъ быть критикованы, могутъ обнаружиться ошибки, указываться уклоненія отъ его собственныхъ воззрѣній, и т. п. Но никогда нападенія на него не могутъ достигъ той степени ожесточенія и судорожной ярости, до какой они дошли бы непременно, если бы все дѣло велось втихомолку, и литература должна была бы выискивать посторонніе предлоги, чтобы добратъся до г. Пирогова. Теперь, по крайней мѣрѣ, дѣло чистое, и никто не можетъ быть обманутымъ. Публика видитъ, что напечатано г. Пироговымъ, видитъ и то, что печатается противъ него. Слѣдовательно, какъ бы ни жестоки были нападки, все-таки г. Пи-

роговъ въ общемъ мнѣніи получаетъ лишь то, чего онъ дѣйствительно заслуживаетъ.

Приведемъ же въ подлинникъ фатальную страницу „Правиль“, трактующую о розгахъ, чтобы читатели, не имѣющіе подъ руками *Журнала для воспитанія*, сами могли провѣрить наши замѣчанія. Вотъ сентенціи „Правиль“:

„Опытомъ дознано, что уменьшеніе числа преступленій въ обществѣ и улучшеніе нравственности зависитъ не столько отъ строгости наказаній, сколько отъ распространенія убѣжденія, что ни одно преступленіе не останется не открытымъ и безнаказаннымъ. Это же убѣжденіе должно стараться распространить и между учащимися и доказывать имъ его на дѣлѣ. Имѣя это въ виду, предлагаемыя здѣсь правила о проступкахъ и наказаніяхъ и опредѣляютъ только для немногихъ, исключительныхъ случаевъ, строгія тѣлесныя наказанія. Извѣстно, что какъ бы наказаніе ни было жестоко и унижительно, къ нему можно привыкнуть. Человѣкъ приучится хладнокровно смотрѣть и на смертную казнь. Такъ и розга, часто употребляемая, теряетъ свое нравственно-исправительное дѣйствіе. Поэтому, гораздо надежнѣе и несравненно сообразнѣе съ правилами благоразумной педагогики принять въ основаніе не строгость, а соотвѣтственность наказанія съ характеромъ проступка. Идеаль справедливаго наказанія есть тотъ, чтобы оно проистекало, такъ сказать, само собою изъ сущности самаго проступка. Розгу изъ нашего русскаго воспитанія нужно было бы изгнать совершенно. Если для доказательства ея необходимости и пользы приводятъ въ примѣръ воспитаніе въ Англіи, то на это нужно замѣтить, что розга въ рукахъ англійскаго педагога имѣетъ совершенно другое значеніе. Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что они не произвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится. Унижая нравственное чувство, замѣняя въ виновномъ свободу сознанія робкимъ страхомъ, съ его обыкновенными спутниками: ложью, хитростію и притворствомъ, розга окончательно разрываетъ нравственную связь между воспитателемъ и воспитанникомъ; она и тамъ ненадежна, гдѣ еще существуютъ патріархальныя отношенія. И если грубое тѣлесное наказаніе и отъ рукъ родного отца дѣлается иногда невыносимымъ, то въ воспитаніи, основанномъ на административномъ началѣ, оно дѣлается унижительнымъ. Но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розги изъ употребленія. Пока сѣченныя дома дѣти будутъ посту-

пать въ наши воспитательныя учрежденія, трудно еще придумать что-нибудь другое для наказанія (по крайней мѣрѣ въ началѣ) въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства. Намъ покуда ничего не остается болѣе, какъ принять за правило: употреблять это средство съ крайнею осторожностью и только тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія. Но это сотрясеніе тогда только и можетъ достигнуть своей цѣли, когда оно будетъ употреблено рѣдко, но безотлагательно, слѣдуя непосредственно за проступкомъ, очевидность котораго не подлежитъ никакому сомнѣнію“ (*Журн. для восп.* 1859 г. № XI, стр. 115).

Сообразите этотъ пунктъ съ общей цѣлью „Правиль“, прослѣдите отдѣльныя положенія этой самой тирады, и вамъ представится изумительная путаница понятій, безтолковѣйшій разладъ противорѣчащихъ мыслей. Какъ будто вы читаете нелѣпѣйшую хрїю начинающаго обучаться реторикѣ семинариста, гдѣ всѣ основанія подобраны для подтвержденія вывода, совсѣмъ противнаго тому, какой дѣйствительно сдѣланъ имъ въ заключеніи, сообразно заданной темѣ. Возьмите, на примѣръ, хоть слѣдующія положенія изъ „Правиль“.

Первая посылка. „При господствѣ административнаго начала въ нашихъ учебныхъ учрежденіяхъ, первымъ шагомъ къ улучшенію нравственной стороны воспитанія можетъ служить только развитіе чувства законности и справедливости между учащимися“ (*Журн. для восп.*, стр. 115).

Вторая посылка. „Гдѣ чувство законности глубоко проникло всѣ слои общества, тамъ и самыя нелѣпыя мѣры не вредны, потому что онѣ не произвольны. А тамъ, гдѣ нужно сначала еще распространить это чувство, розга не годится“ (стр. 115).

Можно, конечно, спорить противъ второй посылки, можно спросить: отчего же развитіе законности даетъ привилегію на розгу? И что это за странное правило: пока въ человѣкѣ нѣтъ чувства законности, такъ его пороть не слѣдуетъ; а какъ только это прекрасное чувство появилось — пори его: не

вредно, дескать... Но оставимъ это въ сторонѣ, станемъ безпрекословно на точку зрѣнія г. Пирогова и повторимъ его слова:

„Чувство законности, такъ еще мало замѣтное въ нашемъ обществѣ, нигдѣ между тѣмъ столько не нужно, какъ у насъ въ Россіи“ (стр. 110). Поэтому при воспитаніи общественномъ надо какъ можно болѣе стараться о развитіи чувства законности. Для развитія этого чувства „розга не годится“.

Ясно, стало быть, — возрадуемся: въ Кіевскомъ округѣ дѣтей не будутъ пороть, потому что розга совершенно противорѣчитъ достиженію тѣхъ благихъ цѣлей, какія имѣлъ г. Пироговъ при составленіи своихъ „Правилъ“... Не такъ-ли?

Выходитъ, не такъ!.. Весьма краснорѣчиво доказавши гнусность и возмутительность розочной науки, г. Пироговъ вдругъ поражаетъ насъ крутымъ оборотомъ: „но нельзя еще у насъ вдругъ вывести розгу изъ употребленія“.

Отчего же нельзя? спрашиваете вы въ изумленіи. — Оттого нельзя, что трудно придумать что-нибудь другое для наказанія въ гимназіи дѣтей, уже прежде „сѣченыхъ дома“...

Но скажите, пожалуйста, неужели это удовлетворительный отвѣтъ? И, во-первыхъ, — развѣ трудно и нельзя одно и то же? Трудно придумать что-нибудь другое; но, значить, все-таки можно? Ну и потрудитесь. На то вѣдь и существуютъ всѣ эти педагогическіе совѣты, инспекторы, директора, попечители и т. д... Не за исправностью же пуговиць смотрѣть они поставлены; не могутъ же они ограничить свою дѣятельность только механическимъ примѣненіемъ къ новому поколѣнію старой рутины... Не въ томъ же только и состоитъ ихъ задача, чтобы составлять полицейскія росписанія: за что лишать ученика пирога, за что супа, а за что и цѣлаго обѣда; за какой проступокъ держать его

подъ арестомъ одинъ день, за какой — три. Всѣ эти подвиги на пользу воспитанія слишкомъ жалки, чтобы изъ-за нихъ уволить себя отъ другихъ заботъ — на примѣръ, о томъ, чтобы пріискать новые способы наказаній въ училищахъ, болѣе рациональные и менѣе позорные [(особенно для наказывающаго)], чѣмъ розги...

Далѣе—что это значитъ: „нельзя вдругъ изгнать розгу“? Какая же тутъ можетъ быть постепенность? Уменьшить число ударовъ, что-ли? Такъ, вѣдь, тутъ дѣло не въ числѣ ударовъ, а въ самомъ способѣ наказанія. Или вы хотите соблюсти постепенность тѣмъ, чтобы не опредѣлять розогъ даже и за нѣкоторые такіе случаи, за которые прежде пороли нещадно? Но въ опредѣленіи частныхъ случаевъ вы должны руководиться уже частными педагогическими соображеніями, которыя во всякомъ случаѣ должны согласоваться съ принятыми въ вашемъ кодексѣ принципами. Если вы допустили розгу въ своемъ принципѣ воспитанія, то вы тѣмъ самымъ признали уже законность ея, какъ полезной педагогической мѣры. Значитъ, вы и должны будете удерживать ее постоянно, пока мѣсть не измѣнится вашъ взглядъ на сущность самыхъ проступковъ, признанныхъ по вашему достойными розогъ... Такимъ образомъ ваше вдругъ не имѣетъ никакого практическаго смысла, потому что ни одна человѣческая голова не въ состояніи вывести разумной постепенности, которой вы, повидимому, добиваетесь въ отмѣненіи розогъ... Кажется, это ясно...

Намъ могутъ замѣтить, что г. Пироговъ, — или Кіевскій комитетъ, что одно и то же, — вовсе не признаетъ пользы розогъ, а только видитъ невозможность отъ нихъ избавиться.—Но мы съ этимъ никакъ не можемъ согласиться. Помилуйте, какая же можетъ быть невозможность — не сѣчь?... Если бы сѣченіе мальчиковъ было такою же настоятельной, естественной потребностью и необхо-

димымъ условіемъ жизни, какъ напр., пища и питье, тогда бы можно говорить о невозможности. Не ѣсть, не пить—дѣйствительно нельзя; но не сѣчь—это очень можно, кажется! А для попечителя округа очень легко даже и другихъ остановить отъ сѣченія. Стоитъ только положить правиломъ, что сѣчь въ гимназіяхъ ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ, — и не будутъ сѣчь... И безъ всякаго сомнѣнія г. Пироговъ такъ бы и сдѣлалъ, если бы онъ признавалъ розги рѣшительно ни къ чему негодными. Если же онъ допустилъ еще ихъ оставаться въ гимназіяхъ, то, конечно, потому, что призналъ ихъ пользу, хотя до нѣкоторой степени. Иначе сказать — онъ призналъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ розга составляетъ самое лучшее наказаніе, какое только возможно въ настоящее время.

И выходитъ, стало быть, что розги торжествуютъ въ кievской педагогикѣ потому, что оказалось въ нихъ какое-то удобство, а вовсе не потому, чтобы невозможно было ихъ отмѣнить!

Да тутъ, впрочемъ, даже и выводить-то нечего: г. Пироговъ самъ сознается, что розгу и можно бы замѣнить, но что только трудно придумать что-нибудь вмѣсто нея!...

Въ чемъ же, однако, состоитъ это удобство розги, по мнѣнію Кіевскаго педагогическаго комитета? Онъ не объясняетъ своихъ воззрѣній, но дѣло ясно само по себѣ. Тѣмъ-то именно и хороша розга, что избавляетъ почтенныхъ педагоговъ отъ придумыванья новыхъ, болѣе гуманныхъ и толковыхъ педагогическихъ пріемовъ. „Нельзя же вдругъ“, говорятъ „Правила“, и въ этомъ восклицаніи является передъ вами вся прелесть, все барское блаженство обломовщины... Вы помните, какъ Обломовъ говорить: „да какъ же это вдругъ?“, когда ему является надобность переимѣнить квартиру. Онъ, въ своей барской наивности и лѣни, воображаетъ, что квартиру мѣнять можно исподволь, понемножку, — сна-

чала переднюю сдѣлать въ другомъ домѣ, потомъ кухню перенести на новую квартиру, такъ чтобы обѣдъ оттуда на старую носить, и т. д. Подобно этому и наши педагоги воображаютъ, что розги отмѣнить можно какъ-то исподволь, не вдругъ... Можетъ быть, на слѣдующій годъ въ Житомирской гимназіи высѣкутъ уже не 290, а только 289 чело-вѣкъ, потомъ 288, и т. д. Посмотришь — черезъ три столѣтія дойдетъ до того, что и вовсе перестанутъ сѣчь. Значить, дѣло-то само собою обдѣлается! А то—шутка-ли? —сиди да думай, чѣмъ и какъ замѣнить розгу! А это такъ трудно!...

Скажутъ, что мы преувеличиваемъ, — что самъ г. Пироговъ, съ своимъ комитетомъ, вовсе не хочетъ розогъ, что онъ ихъ оставляетъ только какъ временное, необходимое зло, что вдругъ имѣетъ значеніе — „сейчасъ же, въ сію минуту“, — т.-е. до тѣхъ поръ, пока еще не придуманы другія мѣры въ замѣну розогъ... Да, мы сами желали бы такъ думать: но, къ сожалѣнію, все это не ладится съ „Правилами“, — исключая, разумѣется, того, что кіевскій комитетъ дѣйствительно самъ не хочетъ розогъ... Дѣло, видите-ли, въ томъ, что г. Пироговъ отрекается отъ всякой инициативы въ этомъ дѣлѣ, не только теперь, но и въ будущемъ, на неопредѣленные времена. Онъ говоритъ что розгу нельзя изгнать изъ учебныхъ заведеній до тѣхъ поръ, „пока сѣченныя дома дѣти будутъ поступать въ наши воспитательныя учрежденія“. Значить, учрежденія эти не подадутъ благого примѣра, а будутъ попрежнему пороть дѣтей — болѣе или менѣе—до тѣхъ поръ, пока поронье это не будетъ истреблено во всѣхъ концахъ и закоулкахъ Россіи!.. Какая утѣшительная перспектива! И какъ она хорошо отвѣчаетъ тѣмъ надеждамъ, какія мы имѣемъ на близкое будущее, въ отношеніи къ развитію народнаго образованія! Теперь, какъ извѣстно, гимназическимъ ученьемъ пользуются почти исключи-

тельно дѣти дворянъ, чиновниковъ и купцовъ. Съ развитіемъ промышленности и освобожденіемъ крестьянъ, можно ожидать, что въ гимназіи будетъ поступать значительное число дѣтей мѣщанъ, торговцевъ, ремесленниковъ всякаго рода и земледѣльцевъ. Ежели теперь, изъ привилегированныхъ классовъ общества поступаютъ въ гимназію дѣти, уже сѣченныя дома, то, конечно, нельзя ожидать, чтобы въ низшихъ классахъ розга очень скоро вывелась въ семейномъ воспитаніи. Слѣдовательно, сѣченныя дома дѣти будутъ еще долго поступать въ наши заведенія, и на этомъ основаніи наша родная педагогика останется вѣрною розгѣ!... [А можетъ, для ускоренія возможности изгнать розгу, запретятъ поступать въ гимназіи дѣтямъ ремесленниковъ и вообще низшихъ классовъ?]

Что жъ? судя по основательности и дальновидности, какія обнаружены кіевскимъ комитетомъ, можно думать, что еще и эта мѣра когда-нибудь будетъ пущена въ ходъ,—если не въ видахъ изгнанія розги, то по какимъ-нибудь другимъ соображеніямъ...]

А на какомъ основаніи, — спросимъ еще, — кіевскіе педагоги рѣшили, что съ дѣтьми, уже разъ сѣченными, иначе нельзя обойтись, какъ посредствомъ розги?.. Этого они опять не объясняютъ въ своихъ „Правилахъ“. А такъ ужъ, видно, — коли прежде пороли, такъ и потомъ надо пороть... Способъ возрѣнія, какъ видите, тотъ же самый, по которому говорили, бывало, иные мыслители: „нельзя мужика на волю отпустить, пока онъ коснѣетъ въ своей грубости и не имѣетъ чувства законности и сознанія собственнаго достоинства“. Милые мыслители не хотѣли и слышать о томъ, что мужикъ до тѣхъ поръ и не пріобрѣтетъ всѣхъ этихъ прелестныхъ вещей, пока не будетъ на волѣ. Такъ точно и кіевскіе педагоги ни подъ какимъ видомъ не хотятъ, какъ видно, допустить, что натура „сѣченныхъ

дома дѣтей“ тогда только и смягчится и сдѣлается чувствительною къ наказаніямъ болѣе человѣчнымъ, когда хоть въ школѣ-то не станутъ ихъ драть, а будутъ обращаться съ ними по-человѣчески. А то, разумѣется, — дома дерутъ, въ гимназіи дерутъ, вездѣ розочная круговая порука, — поневолѣ тутъ огрубѣешь!..

И вѣдь хоть бы что-нибудь устраивалось и обезпечивалось этимъ умилительнымъ допущеніемъ розогъ въ педагогику кіевскихъ воспитателей! А то рѣшительно ничего, кромѣ разрушенія прямой цѣли „Правиль“ (розга мѣшаетъ „развитію чувства законности“, для котораго составлены „Правила“)... Вѣроятно, тѣ практики, которые изъ 600 гимназистовъ сѣкутъ въ годъ 290, остались очень довольны уступкою, сдѣланною въ пользу ихъ постоянныхъ возрѣній, и, признаемся, — только желаніемъ сдѣлать имъ угодное и можемъ мы объяснить торжество розогъ, допущенное г. Пироговымъ въ сонмѣ педагоговъ Кіевскаго учебнаго округа. Только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно до нѣкоторой степени оправдать ту страшную легкомысленность и противорѣчія, какія встрѣчаются въ каждой строчкѣ „Правиль“ тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи. Заглянемъ въ табличку проступковъ и наказаній, которая, по словамъ г. Пирогова, должна быть развѣшена на стѣнахъ во всѣхъ классахъ гимназій Кіевскаго округа, и къ которой провинившагося ученика должно подводить и молча указывать ему то мѣсто, гдѣ поименованъ его проступокъ съ соотвѣтствующимъ ему наказаніемъ. Въ этой табличкѣ мы найдемъ рѣшительное уничтоженіе всѣхъ общихъ фразъ, сказанныхъ г. Пироговымъ въ пользу розогъ въ гимназіяхъ.

Г. Пироговъ утверждаетъ, что поневолѣ приходится дѣтей, уже сѣченыхъ дома, сѣчь и въ гимназіи — „по крайней мѣрѣ въ началѣ“. Изъ

этихъ словъ можно заключить, что розги принимаются въ гимназіи собственно для того, чтобы не слишкомъ рѣзокъ былъ переходъ отъ жесткаго домашняго воспитанія къ гуманному обращенію въ гимназіи. Сначала мальчика стануть посѣкать понемножку, а потомъ постепенно будутъ отставать отъ этого пріятнаго упражненія... Если бы такъ, — то въ такомъ образѣ дѣйствій была бы еще нѣкоторая послѣдовательность. Но посмотрите въ таблицу, и вы увидите совсѣмъ не то; каждый мальчикъ можетъ быть наказанъ розгами только одинъ разъ и, затѣмъ, послѣ вновь сдѣланнаго проступка увольняется изъ заведенія. Значитъ, какой же смыслъ имѣетъ оговорка г. Пирогова, что сѣчь нужно — по крайней мѣрѣ въ началѣ? Какія же тутъ „по крайней мѣрѣ“, когда положено; высѣчь разъ мальчика, а потомъ въ слѣдующій разъ — уже выгнать изъ заведенія? „Въ началѣ“ — хорошо начало!

Недурно также и общее опредѣленіе случаевъ, когда розга необходима. Она, видите, необходима „въ случаяхъ, не терпящихъ отлагательства, и должна слѣдовать непосредственно за проступкомъ, тамъ, гдѣ позорная вина требуетъ быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія“.

Да проститъ насъ почтеннѣйшій кандидатъ филологическихъ наукъ, Н. А. Миллеръ-Красовскій, котораго мы такъ рѣзко упрекали въ прошломъ году за изобрѣтенное имъ моментное дѣйствіе! Намъ не шутя совѣстно передъ нимъ... Мы почли его тенденціи чудовищно-рѣдкимъ явленіемъ въ средѣ нашихъ педагоговъ; мы имѣли наивность выразить мнѣніе, что уже самая степень кандидата университета должна была бы оградить его отъ подобныхъ нелѣпостей. Каемся: мы тогда имѣли слишкомъ розовый, слишкомъ лестный взглядъ на нашихъ педагоговъ вообще. Теперь мы видимъ, что г. Миллеръ-Красовскій былъ только однимъ изъ

представителей этого почтеннаго и премудраго словія,—не болѣе. Онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ даже послѣдовательнѣе многихъ изъ своихъ собратій. Такъ, напр., проводя свою идею о „моментномъ сотрясеніи“, онъ находитъ, что розга беретъ все-таки, сравнительно, довольно много времени, и потому гораздо лучше вмѣсто нея употребляютъ пощечину. Это, по крайней мѣрѣ, логично. Въ „Правилахъ“ Кіевскаго округа и того нѣтъ. Тамъ положено, что розги (долженствующія собственно слѣдовать непосредственно за проступкомъ, для произведенія быстраго, сильнаго и мгновеннаго сотрясенія) назначаются не иначе, какъ „по опредѣленію педагогическаго совѣта, по большинству трехъ четвертей голосовъ по закрытой баллотировкѣ“. Скажите же, скоро ли вся эта исторія можетъ быть произведена въ гимназіи? И возможно-ли, по поводу каждаго изъ подобныхъ проступковъ, немедленно собирать педагогическій совѣтъ? Да притомъ же, многіе изъ проступковъ, подлежащихъ розгамъ, могутъ, по самому существу своему, нуждаться въ предварительномъ разслѣдованіи, во время котораго, по кодексу г. Пирогова, для виновнаго назначается арестъ. Гдѣ же тутъ непосредственное слѣдованіе? Нѣтъ, ужъ право лучше пощечина г. Миллеръ-Красовскаго!

А не угодно-ли полюбоваться, какіе проступки наказываются розгами? Мы ихъ сейчасъ перечислимъ; замѣтимъ только напередъ, что всѣ наказанія имѣютъ три степени, опредѣляемыя разными обстоятельствами проступка. Розгами наказуется: воровство, къ которому причисляется и кража собакъ *),—во второй степени. Затѣмъ розги опредѣлены, — въ третьей степени, — за оскорбленіе постороннихъ и принадлежащихъ къ заведенію лицъ внѣ ихъ службы (т. е. начальниковъ, надзира-

*) Такъ замѣчено въ „Правилахъ“!

телей, чиновниковъ и прислуги) — словомъ, письмомъ и дѣломъ,—за оскорбленіе товарищей словомъ, письмомъ и дѣломъ; во второй степени „за оскорбленіе начальствующихъ лицъ во время исправленія ими служебныхъ обязанностей,—словомъ, письмомъ и дѣломъ“. Наконецъ, розгами же наказываются — что бы вы думали?... этого, кажется, и самому г. Миллеръ-Красовскому никогда въ голову не пришло! — розгами наказываются — дико повторить! — „оскорбленіе товарищей за вѣру (фанатизмъ)“!!! Мы долго не хотѣли вѣрить глазамъ своимъ; но, наконецъ, не могли не убѣдиться. Въ графѣ проступковъ, подъ № 27, стоитъ въ таблицѣ: „оскорбленіе товарищей за вѣру“; въ скобкахъ поставлено: „фанатизмъ“. Въ графѣ наказаній стоитъ противъ этого отмѣтка „наказывается, какъ оскорбленіе постороннихъ лицъ, — см. № 14“. Смотримъ № 14; тамъ стоитъ: „оскорбленіе постороннихъ лицъ“, и пр., — наказывается: въ первой степени — выговоромъ, во второй — выговоръ съ угрозой розогъ, въ третьей — розгами!.. Итакъ, дѣйствительно, „Правила“ предписываютъ сѣчь за религіозный фанатизмъ!

Оставимъ пока въ сторонѣ [все инквизиціонное безобразіе] послѣдняго случая и спросимъ объ одномъ: какія изъ указанныхъ преступленій могутъ быть подведены подъ тѣ основанія, которыми утверждаетъ г. Пироговъ необходимость розги? Отчего именно за воровствомъ, къ которому причисляется и кража собакъ, за оскорбленіемъ разнаго начальства и за фанатизмомъ должно слѣдовать безотлагательное, мгновенное сотрясеніе посредствомъ розги? И припомните еще, что розга назначается только въ трехъ низшихъ классахъ, да и тамъ уже дѣлается изъятіе для 16-тилѣтнихъ, если таковыя случатся. Значитъ, въ большинствѣ случаевъ, будутъ пороть мальчиковъ, которыхъ проступки еще не заключаютъ въ себѣ ничего серьезнаго. Мальчикъ

разъ стащилъ у товарища карандашъ,—ему выговоръ отъ совѣта; въ другой разъ онъ завелъ къ себѣ чужую собаку—его выпорютъ. Поссорился мальчикъ съ гувернеромъ, который самъ его на это вызвалъ, — подъ арестъ мальчика; опять поссорился уже безъ вызова съ той стороны, — его сѣкутъ. А за розгами—не надо забывать—слѣдуетъ непременно удаленіе изъ гимназіи послѣ вновь сдѣланнаго проступка! И это, при просвѣщенныхъ „Правилахъ“, можетъ произойти вслѣдствіе брюзгливости или неуживчивости какого-нибудь гувернера, учителя или чиновника гимназіи. „Правила“ явно узаконяютъ эту брюзгливость и всѣ капризы начальства, когда въ графѣ обстоятельствъ, опредѣляющихъ три степени вины и наказанія, ставятъ противъ оскорбленія начальства, — вызовъ со стороны начальника! Это, конечно, признается за *circonstance atténuante* и уменьшаетъ наказаніе. Какое великодушіе! Мальчика не сѣкутъ за то, къ чему его сами же принудили! [А намъ кажется, что уже если непременно хочется сѣчь кого-нибудь, то во всѣхъ подобныхъ случаяхъ гораздо было бы основательнѣе—высѣчь этого начальника, который такъ ловко умѣетъ вести себя съ воспитанниками. Ему-то именно и было бы полезно мгновенное сотрясеніе, чтобы заставить его образумиться. Да притомъ, видя такое безпристрастіе со стороны „Правилъ“, гимназисты дѣйствительно подвинулись бы къ уваженію закона. А то вѣдь] стоитъ только повторить слова того же г. Пирогова въ тѣхъ же самыхъ „Правилахъ“, чтобы видѣть, какъ эта казнь за обиду, вызванную начальникомъ, разрушаетъ все зданіе законности, которое г. Пироговъ желалъ построить на своемъ кодексѣ проступковъ и наказаній. „Произволь и капризъ воспитателя, — говоритъ г. Пироговъ, — вызываетъ, по закону противорѣчія, такой же произволь и капризъ и въ воспитанникѣ“. Стало быть, сколько вы воспитанниковъ ни сажайте

подъ арестъ, сколько ни сѣките, сколько ни исключайте, — но пока у васъ остаются воспитатели капризные и вызывающіе на грубость, — до тѣхъ поръ въ остальныхъ воспитанникахъ (хотя бы ихъ, послѣ вашего разгрома, осталась только десятая доля) неминуемо будетъ проявляться и дерзость, и оскорбленіе начальства, и произволъ.

И—странное дѣло!—„Правила“ начертаны для того, чтобы развить въ воспитанникахъ чувство законности и справедливости опредѣленіемъ точныхъ, положительныхъ и одинаковыхъ правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ; а между тѣмъ произволу начальства вездѣ оставленъ самый широкій просторъ, и именно за проявленіе личности воспитанника, за его нежеланіе подчиняться произволу, каждое гимназическое начальство можетъ, при первомъ удобномъ случаѣ, выдрать его, а потомъ выгнать безъ дальнихъ словъ. Обязанности начальниковъ всякаго рода и учителей въ отношеніи къ гимназистамъ не опредѣлены; напротивъ, самъ кодексъ говоритъ, что начальникъ можетъ быть безразсуденъ и грубъ — можетъ самъ вызвать на обиду. Представьте же теперь положеніе мальчика, воспитывающагося въ одной изъ гимназій Кіевскаго округа. У него въ классѣ на стѣнѣ виситъ таблица проступковъ и наказаній; возлѣ этой таблицы стоитъ или сидитъ взбалмошный учитель (или такихъ уже не бываетъ никогда?), который назойливо напрашивается на грубость, подвергая ученика всевозможнымъ оскорбленіямъ. Но учитель въ это время все-таки исправляетъ свою служебную обязанность: за грубость ему — строгій арестъ, розги, исключеніе... Мальчикъ это знаетъ; что ему дѣлать? Скрѣпится и вынести все безропотно. А какія мысли, какія чувства прорѣжутъ въ это время его молодую голову и сердце? Вѣроятно, въ немъ будетъ развиваться въ эти минуты благоговѣніе къ кодексу г. Пирогова, чувство законности и справедливости.

Опредѣляя значеніе своего кодекса, г. Пироговъ боится, чтобы ученики не воображали, что теперь судьба ихъ зависитъ отъ мертвой буквы, и для того говоритъ: „напротивъ, опытъ долженъ скоро убѣдить ихъ, что самое главное дѣло — точное изслѣдованіе и правосудное приложеніе правилъ, содержащихся въ кодексѣ, къ каждому данному случаю — все-таки предоставлено воспитателямъ“. Замѣтимъ, что воспитателямъ предоставлено кодексомъ не только правосудное, но и совершенно не правосудное приложеніе правилъ: они ничѣмъ не связаны въ своихъ дѣйствіяхъ, личность ихъ строжайшимъ образомъ ограждена отъ всякаго протеста гимназистовъ. Но, положимъ, что воспитатели всѣ идеально хороши; мы все-таки не понимаемъ, какимъ образомъ при этомъ условіи кодексъ г. Пирогова можетъ достигать своей цѣли — развитія чувства законности. Вѣдь самъ же г. Пироговъ сознается, что истинно-справедливое наказаніе есть только то, „которое естественно, само собою, проистекаетъ изъ сущности проступка“... А изъ какого же проступка естественно проистекаетъ розга? И какимъ образомъ случилось, что большинство наказаній тѣлесныхъ опредѣляется за оскорбленіе начальства? Не въ правѣ-ли воспитанники уже въ самомъ этомъ опредѣленіи видѣть — не законность, а самый неосновательный, самый возмутительный произволъ? Кажется, у начальства и безъ розогъ довольно много средствъ оградить свою личность отъ воспитанниковъ. Да и, наконецъ, кто же мѣшаетъ начальству всякой гимназіи поставить воспитанника въ такое положеніе: „ты къ намъ поступилъ, такъ насъ уважай и слушайся; если же не хочешь исполнять эти условія, то убирайся вонъ“. Мы знаемъ, что многіе хорошіе учителя употребляютъ эту мѣру въ классахъ. Если ученикъ шалить и шумить, они говорятъ ему: „если не хотите слушать, то не угодно-ли вамъ выйти изъ класса!“ И послѣ этого ученикъ обыкновенно при-

смирѣть... Скажутъ, что выгнать изъ гимназіи — вовсе не то, что выслать изъ класса; увольненіе во многихъ случаяхъ можетъ доканать мальчика, если онъ не имѣетъ возможности поступить въ другое заведеніе. Но вѣдь, во-первыхъ, мы предполагаемъ начальство идеально хорошее, неуваженіе къ которому вполнѣ заслуживаетъ подобнаго распоряженія; во-вторыхъ, и по кодексу г. Пирогова за розгами слѣдуетъ непременно удаленіе ученика изъ гимназіи, — да еще не просто увольненіе, а исключеніе, которое всегда соединено съ отмѣткою неодобрительнаго поведенія и съ повѣщеніемъ по всѣмъ гимназіямъ округа. Это значитъ, — если примѣнить къ учителю, — по нашему учитель просто высылаетъ ученика изъ класса, а по кодексу — прибѣтъ сначала, потомъ выгонитъ, да еще въ педагогическомъ совѣтѣ пожалуется. Разумѣется, такимъ образомъ дѣйствій учитель доказываетъ только свой мстительный характеръ и отсутствіе всякаго уваженія къ самому себѣ.

А какова соразмѣрность наказаній въ „Правилахъ“!.. Воровство, какъ мы видѣли, наказывается въ первой степени — выговоромъ отъ совѣта съ угрозою розогъ, во второй — розгами, въ третьей — исключеніемъ. Лихоимство же — черной доской, черной книгою и, наконецъ, увольненіемъ по прошенію!.. А между тѣмъ, что же такое лихоимство, какъ не самый гнусный видъ воровства? И не должно-ли его наказывать строже ужъ и потому, что въ жизни всякаго гимназиста, когда онъ будетъ служить, представится гораздо болѣе поводовъ къ лихоимству, нежели къ простому воровству; слѣдовательно, при самомъ воспитаніи, въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, нужно какъ можно тщательнѣе слѣдить за проявленіемъ этого порока и уничтожать самые первые его зародыши. Какими же соображеніями руководился г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ, когда воровство такъ грозно каралъ

сравнительно съ лихоимствомъ? Точно также, оскорбленіе начальства требуетъ розогъ и исключенія, а „уничтоженіе письменныхъ распоряженій начальства“ — только карцера и увольненія, которыя могутъ быть назначены, на примѣръ, и за куреніе табаку, наказываемое по „Правиламъ“, „какъ нарушеніе благочинія и формы въ школѣ“. Вотъ какого свойства законность, вводимая „Правилами“!

Такихъ несообразностей много въ „Правилахъ“, но мы уже не станемъ разбирать ихъ въ подробности, потому что всѣ „Правила“ — въ своей общности — составляютъ одну изумительнѣйшую несообразность съ здравымъ смысломъ. Предоставляемъ разборъ ихъ записнымъ педагогамъ. Мы же остановимся только на томъ, что прямо относится къ розгамъ, которыми мы занялись спеціально въ этой замѣткѣ... Въ отношеніи къ этому предмету есть еще весьма любопытныя вещи въ „Правилахъ“.

Какъ вамъ понравится, на примѣръ, то, что г. Пироговъ заставляетъ самихъ же гимназистовъ низшихъ классовъ сѣчь своихъ товарищей, — то-есть, не руками сѣчь, а опредѣлять имъ наказаніе розгами. Странно, какъ это учрежденіе пресловутаго Ehrengericht могло совмѣститься съ розочными понятіями; но это совмѣщеніе — несомнѣнный фактъ. Подъ № 15, за оскорбленіе товарищей опредѣлено, кромѣ прошенія извиненія у обиженнаго съ удовлетвореніемъ его — въ первой степени для всѣхъ классовъ выговоръ отъ совѣта, во второй — выговоръ отъ совѣта съ угрозою розогъ, для низшихъ классовъ, и съ угрозою исключенія, для высшихъ, въ третьей — розги для низшихъ, а для высшихъ исключеніе. Внизу этого нумера приписано: „опредѣленіе степени вины и наказанія предоставляется товарищамъ“. Такимъ образомъ, бѣдные мальчики принуждены выбирать одну изъ трехъ казней для своего товарища, и если они очень раздражены, то,

опредѣляя третью степень, должны сами обречь товарища на порку!..

Какой миръ и согласіе должны послѣ этого господствовать въ классѣ!.. [И вотъ какъ прививаются нашимъ дѣтямъ гуманныя чувства!..]

Не забудемъ еще, что къ числу этихъ оскорбленій товарищей отнесенъ потомъ и фанатизмъ. Вспомнимъ и то, что такое постановленіе сдѣлано въ Кіевскомъ округѣ, гдѣ католиковъ въ гимназіяхъ едва-ли не больше, чѣмъ православныхъ. По крайней мѣрѣ въ Кіевскомъ университетѣ въ прошломъ году было православныхъ только 376, а католиковъ 525, а извѣстно, что большая часть поступающихъ въ университетъ выходитъ изъ гимназій (въ нынѣшнемъ году въ Кіевскомъ университетѣ—864). Слѣдовательно, религіозные споры и столкновенія могутъ быть весьма часты; ихъ нужно бы устранять, примирять. А тутъ г. Пироговъ велитъ ученикамъ разсудить самимъ, высѣчь-ли товарища ихъ за религіозный фанатизмъ, или только выговоръ ему дать. Само собою разумѣется, что при этомъ классъ раздѣлится на два враждебные лагеря; католики будутъ говорить свое, русскіе — свое, и которыхъ больше, тѣ и побѣдятъ. Два-три случая такихъ—и раздраженіе товарищей другъ противъ друга дойдетъ до неимовѣрной степени... Очень хорошо!

Но довольно. Намъ самимъ стало какъ-то [скверно], когда мы погрузились въ [этотъ грязный и темный омутъ, названный] „Правилами о проступкахъ и наказаніяхъ“. Боимся, чтобы того же самага не сдѣлалось съ читателемъ... Во всякомъ случаѣ читатель видитъ, что кодексъ г. Пирогова вполнѣ противорѣчитъ той цѣли, какая объявлена самимъ его составителемъ. Втиснувъ всѣ дѣтскіе проступки въ 27 нумеровъ и въ три степени, оговоривъ для каждаго по 2—4 смягчающихъ и усиливающихъ обстоятельствъ, г. Пироговъ надѣется устранить этимъ произволь и разнообразіе взглядовъ на поступки въ

разныхъ гимназическихъ начальствахъ. Какая наивность, достойная скорѣе какого-нибудь московскаго публициста, нежели автора „Вопросовъ жизни“! Какъ-будто разница наказаній въ школахъ зависитъ, главнымъ образомъ, отъ разницы взгляда начальства на тотъ родъ проступковъ, къ которому данный случай относится!.. Вовсе нѣтъ. Всѣ начальники могутъ быть согласны въ теоретическомъ возрѣніи на преступность, на примѣръ, дерзости. Но одинъ можетъ видѣть дерзость въ нарушеніи ученикомъ основныхъ правилъ школы, другой — въ противорѣчивомъ отвѣтѣ, третій — въ томъ, что мальчикъ смотритъ ему прямо въ глаза... То же самое и во всѣхъ другихъ случаяхъ. И повѣрьте, что и при нашемъ кодексѣ вовсе не устраняется возможность того, что въ гимназіяхъ будутъ сѣчь отъ 40 до 300 человѣкъ изъ 600!.. Повѣрьте, что не одни наказанія зависятъ отъ наказывающихъ, а не отъ наказываемыхъ, но и значительная доля самыхъ проступковъ. Не оттого только въ одной гимназіи больше дерутъ, а въ другой меньше, что въ одной смотрятъ на проступки иначе, чѣмъ въ другой... Нѣтъ, въ нихъ и ведутъ воспитанниковъ различно: къ чему въ одной гимназіи не подають ни малѣйшаго повода, о чемъ въ ней и понятія не имѣютъ, съ тѣмъ ученики другой гимназіи сталкиваются каждый день, и часто поневолѣ должны измѣнять свое поведеніе. Съ человѣкомъ спокойнымъ, разсудительнымъ и благожелательнымъ трудно завести ссору и пойти на грубость и оскорбленіе. Но человѣкъ грубый, взбалмошный, безтолковый хоть кого выведетъ изъ терпѣнія и вызоветъ на дерзость и даже на оскорбленіе болѣе существенное... Это одинъ видъ школьныхъ проступковъ; но въ жизни училища много и другихъ видовъ, которые точно такъ же обусловливаются общей организаціей школы и той обстановкой, въ какой находятся воспитанники... Вотъ на это-то и слѣдовало бы обратить вниманіе

г. Пирогову. Какъ попечитель округа, онъ имѣлъ къ этому полную возможность.

Но оставимъ г. Пирогова съ его „Правилами“ и скажемъ теперь нѣсколько словъ о себѣ и о той общественной морали, какая выводится изъ кievскихъ розогъ. Для этого обратимся къ началу нашей статьи и повторимъ: „время сказочныхъ богатырей давно прошло! Не нужно намъ ни сказокъ, ни богатырей! Стыдно тому, кто еще до сихъ поръ возлагаетъ свои надежды на какихъ-то современныхъ Добрынь и Еруслановъ!“

Да, стыдно человѣку современнаго общества быть столько малодушнымъ и наивнымъ, стыдно — это мы сами первые сознаемъ и заявляемъ публично. Не то горько намъ, что мы, превознося въ прошломъ году г. Пирогова, показали себя легковѣрными и увлекающимися, не то горько, что между нашими похвалами знаменитому педагогу оказалось нѣсколько незаслуженныхъ преувеличеній. Нѣтъ, насъ смущаетъ совершенно другое. Хвалить статьи г. Пирогова, восхищаться силою его логики, его послѣдовательностью и твердостью — мы имѣли полное право, и въ этомъ отношеніи намъ не въ чемъ раскаиваться. Но мы обнаружили крайнее тупоуміе и совершенное непониманіе жизни русской, когда осмѣлились выразить что-то въ родѣ надеждъ на практическую дѣятельность восхваляемаго писателя. Мы сами впали тогда въ примѣненіе къ нашему времени старинныхъ сказокъ о богатырѣ, побившемъ цѣлое войско... Сами не понимаемъ, какъ мы не сообразили тогда, что вѣдь это только въ сказкахъ и бываетъ... и намъ до сихъ поръ совѣстно за этотъ удивительный столбнякъ, нашедшій на насъ въ то время...

Но еще это все бы ничего: не тяжело публично сознаться въ своей ошибкѣ, которую самъ же первый и замѣтилъ, хотя и поздно. Главное горе вотъ въ чемъ: наши прошлогодніе восторги сдѣлали насъ участниками въ созиданіи того пьедестала

мудрости, на которомъ возвышается теперь г. Пироговъ. Мы поставили его въ примѣръ практическимъ педагогамъ, мы указали одному изъ нихъ, сомнѣвающемуся въ отвратительности розогъ, на непреклонныя, незыблемыя убѣжденія г. Пирогова, рѣшительно отвергшаго тѣлесное наказаніе, какъ педагогическую мѣру, и заклеившаго розги рядомъ энергическихъ, неопровержимыхъ силлогизмовъ... Теперь этотъ сомнѣвающійся педагогъ съ торжествомъ скажетъ намъ: „вы опирались на авторитетъ Пирогова; смотрите же, къ чему пришелъ онъ, какъ только коснулся практики... Невозможно уничтожить розгу въ гимназіяхъ!“... И сотни, тысячи подобныхъ сомнѣвающихся педагоговъ покончатъ съ своимъ сомнѣніемъ и рѣшатъ дѣло въ пользу розогъ, узнавъ о томъ, что самъ Пироговъ призналъ ихъ нужными и полезными... А сотни и тысячи другихъ, давно увѣренныхъ въ благотворности всякихъ экзекуцій, поднимутъ голову и, подъ защитою имени Пирогова, яростно накинутся на тѣхъ [мальчишекъ], которые кричатъ противъ розогъ, — до тѣхъ поръ, какъ говорятъ, пока еще чувствуютъ боль отъ розогъ, ими самими полученныхъ... И сами эти [мальчишки], при всей своей увѣренности, все-таки будутъ не мало сконфужены, когда увидятъ, что противъ нихъ выставленъ любимый авторитетъ ихъ, что ихъ поражаютъ ихъ же собственнымъ оружіемъ... Можетъ быть, многіе [мальчишки] и не найдутся, что сказать, и можетъ быть — нѣкоторые потеряютъ бодрость и согласятся съ почтенными старцами розгораздателями.

Вотъ что надѣлали восхваленія и надежды, повсюду раздававшіяся въ честь г. Пирогова со времени появленія „Вопросовъ жизни“, и мы, мы въ этомъ сдѣлались участниками!.. Какъ хотите, а это очень горько!..

Потребность очистить себя отъ этого тяжелаго грѣха составляетъ для насъ нравственную необхо-

димостъ. Вотъ почему мы поспѣшили обратить вниманіе нашихъ читателей на новыя тенденціи г. Пирогова, проявившіяся уже въ практической сферѣ. Вотъ почему считаемъ необходимымъ, для предупрежденія дальнѣйшихъ недоразумѣній подобнаго рода, высказать здѣсь еще нѣсколько мыслей о томъ, какъ здравомыслящему человѣку слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, смотрѣть на такъ называемыхъ общественныхъ дѣятелей и насколько примыкать къ нимъ свою собственную дѣятельность.

Человѣкъ, сдѣлавшій или даже сказавшій что-нибудь хорошее,—есть, безъ всякаго сомнѣнія, человѣкъ, сдѣлавшій или сказавшій что-нибудь хорошее. Бранить его за это нельзя; напротивъ, нужно сказать, что его поступокъ хорошъ, или что слова его хороши. Но сказать это нужно не на вѣтеръ, не легкомысленно, а съ полнымъ сознаніемъ той общей идеи, въ силу которой вы утверждаете, что такое-то слово или дѣло хорошо. Не продавайте своей задушевной мысли, своего внутренняго убѣжденія—ни за какія всенародныя благодѣянія, ни за какіе всемірныя подвиги, совершенные человѣкомъ. Если человѣкъ, спасши отъ смерти тысячи голодныхъ бѣдняковъ, станетъ васъ увѣрять, что слѣдуетъ пользоваться плодами чужихъ трудовъ для собственнаго обогащенія,—не вѣрьте ему, не считайте этихъ понятій правильными потому только, что вы слышите ихъ отъ такого человѣка. Не будьте дѣтьми и дикарями, и внутренней, прекрасной истины не превращайте въ безобразный кумиръ. Разсудите: вы уважали этого человѣка за то, что видѣли въ немъ любовь къ бѣднякамъ, желаніе дать имъ средства къ жизни; только въ силу этого пріобрѣлъ онъ свой авторитетъ предъ вами, внушилъ вамъ уваженіе къ себѣ. Не забывайте же этого. Какъ скоро вы видите въ немъ черты противоположныя, какъ скоро оказывается, что онъ возстаетъ противъ трудящихся бѣдняковъ, что онъ хочетъ отнять у нихъ средства

къ жизни, добываемыя ими, — вы уже не смотрите на него, какъ на авторитетъ и т. п., а судите его, какъ и всякаго обыкновеннаго человѣка. Можетъ еще оставаться тутъ вопросъ личный: что же значить это противорѣчіе — перемѣну ли, слабость ли характера, или даже прежнюю неискренность? И если окажется, что все прежнее было неискренно, то нужно карать человѣка этого, какъ лицемеръ и негодяя; если же просто окажется онъ слабымъ или перемѣнчивымъ, то можно пожалѣть о немъ... Но все это будетъ дѣломъ чисто личнымъ, и никакъ не должно быть примѣшиваемо къ суду объ общественномъ дѣлѣ, котораго онъ является защитникомъ или противникомъ... Тамъ нужно судить только о дѣлѣ, несмотря на то, къмъ оно защищается и къмъ оспаривается. Всѣ личныя уваженія здѣсь въ сторону! Если можно, то слѣдуетъ воздержаться и отъ всякаго увлеченія блестящею формою, въ которую иной умѣетъ облечь темное дѣло. Но ужъ на это, разумѣется, у кого умѣнья хватаетъ... Очень многіе могутъ придти въ восторгъ отъ плохой музыкальной пьесы, искусно сыгранной отличнымъ музыкантомъ, и за это нельзя строго винить такихъ любителей музыки. Но если придется судить о самой пьесѣ, то, конечно, лучше отдѣлать личность исполнителя отъ сущности пьесы, потому что какъ бы исполнитель ни былъ хорошъ, но пьеса сама по себѣ не сдѣлается отъ этого лучше, чѣмъ какою она сотворена своимъ авторомъ...

Что же касается до опредѣленія собственной дѣятельности сообразно съ дѣятельностью извѣстнаго общественнаго авторитета, — тутъ, кажется, нужно еще болѣе осторожности и строгости, нежели при простомъ обсужденіи дѣла. Разумѣется, нѣтъ людей совершенныхъ и непогрѣшимыхъ, и потому, если мы сами не чувствуемъ себя въ силахъ проложить новую дорогу и вести по ней другихъ, то намъ, чтобы не стоять бесполезно на мѣстѣ, нужно

идти за кѣмъ-нибудь, и для этого выбрать себѣ руководителя. Но, отправляясь за нимъ, мы все-таки должны заботиться всего болѣе о томъ, чтобы самимъ имѣть понятія о цѣли пути и о самой дорогѣ. Кромѣ того, мы не должны думать, что въ этой дорогѣ руководитель нашъ будетъ насъ кормить, поить, одѣвать, и пр... Поэтому необходимо все-таки самимъ работать для себя, ни на мигъ не опускать руки и зорко смотрѣть впередъ и по сторонамъ. Говоря ближе къ разсматриваемому нами предмету,—нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать сообща, пока идетъ сообща, и продолжать въ одиночку, если другіе свернутъ въ сторону, хотя бы эти другіе были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками. Очень простительно и даже, можетъ быть, не бесполезно было всему свѣжему и порядочному въ средѣ русскихъ педагоговъ примкнуть къ г. Пирогову и дѣйствовать подъ его знаменемъ. Но все-таки само дѣло должно быть впереди. Какъ скоро является предложеніе съчь дѣтей за фанатизмъ, да еще по суду товарищей, тутъ уже все равно, кто бы ни сдѣлалъ это предложеніе — г. Миллеръ-Красовскій, [г. Орловъ-Давыдовъ,] или г. Пироговъ. Смущаться тутъ не слѣдуетъ, и тотъ, кто изъ уважаемаго человѣка не дѣлаетъ себѣ идола, никогда не смутится этимъ...

Но (последнее замѣчаніе) намъ могутъ сказать, что иногда слѣдуетъ прощать почтеннымъ личностямъ отдѣльные ихъ недостатки и даже не мѣшать ихъ ошибкамъ, изъ уваженія къ тому добру, которое они дѣлали и дѣлаютъ... Иногда это возможно, правда, но чрезвычайно рѣдко, и то въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, и то, если ошибки и недостатки болѣе касаются личности, нежели общаго дѣла. Во всякомъ случаѣ, прежде чѣмъ рѣшиться на такую поблажку, нужно строго и строго разсудить: до такой-

ли степени значительны мы сами въ ряду общественныхъ явленій, чтобы отъ нашего болѣе или менѣе лицемѣрнаго и потачливаго обращенія съ такимъ-то лицомъ могъ измѣниться ходъ событій... Тутъ можно бы распространиться вообще о значеніи личностей въ исторіи; но это было бы ужъ слишкомъ длинно и, можетъ быть, неумѣстно. Удовольствуемся повтореніемъ того, что времена сказочныхъ богатырей прошли, что общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, иванушкину прошенью,—и что отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться и самыя лучшія личности. Стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы приобрѣтемъ двѣ выгоды; не будемъ лжецами предъ самимъ собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идей г. Миллера-Красовскаго, даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдывать ихъ самъ г. Пироговъ.

Отъ дождя да въ воду.

Впредь утро похвалю, какъ вечеръ
ужъ наступить“.

И. ДМИТРІЕВЪ.

По случаю прощанья Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ, 4-го апрѣля нынѣшняго года, русская журналистика сочла нужнымъ вспомнить и меня съ моей статейкою: „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“, напечатанною въ первой книжкѣ *Современника* прошлаго года. Очищая прощальную дорогу знаменитому хирургу и педагогу, нашли, что минута триумфальнаго удаленія его будетъ очень удобна для того, чтобы бросить нѣсколько комковъ грязи въ темнаго журналиста, осмѣлившагося

когда-то жестоко отозваться объ одномъ изъ распоряженій г. Пирогова ¹⁾).

Долгое время не бывши въ Петербургъ, я только на дняхъ могъ прочитатъ нѣкоторыя изъ статей, написанныхъ противъ меня по поводу кievскихъ „Правиль о проступкахъ и наказаніяхъ“. Не ради этихъ статей, слишкомъ легкихъ и бездоказательныхъ, и не ради самого г. Пирогова, навѣрное лучше другихъ понявшаго сущность моихъ возраженій,—но ради самого дѣла, которое теперь, по удаленіи г. Пирогова, остается въ большей опасности, чѣмъ какъ было при немъ,—я рѣшаюсь снова поднять старый вопросъ, пользуясь для своихъ объясненій полемическими статейками противъ меня.

Я не знаю, долженъ ли оправдываться противъ обвиненій, будто я написалъ свою статейку съ намѣреніемъ унижить и оскорбить г. Пирогова. Можетъ быть, и надо бы: вѣдь рѣдко кто захочетъ провѣрить обвиненія и для этого перечитать статейку, напечатанную полтора года тому назадъ,—въ этомъ

1) Впрочемъ, какъ бы опасаясь не попасть въ такую маленькую цѣль, нѣкоторые господа придумали—къ подписи моей статьи—бовъ прибавить еще три слога и такимъ образомъ обращались уже не къ имени, которымъ подписана статья, а къ г. Добролюбову. Такъ, на примѣръ, сдѣлалъ г. Драгомановъ, въ 54 № *Русской Рѣчи*. Г. Драгомановъ (какъ видно изъ брошюрки „Прощаніе Кіевскаго учебнаго округа съ Н. И. Пироговымъ“) — студентъ одного изъ первыхъ курсовъ университета, а потому для будущей его дѣятельности въ литературѣ (къ которой онъ, повидимому, имѣетъ склонность) не мѣшаетъ ему узнать кое-что о литературныхъ приличіяхъ. Видите что. Мы всѣ желаемъ, конечно, самой рѣшительной и полной гласности во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, и жаловаться на нее, въ этихъ случаяхъ, я считаю недостойнымъ человѣка, хоть сколько-нибудь уважающаго себя. Но въ отношеніяхъ частныхъ, семейныхъ и личныхъ—усердіе къ гласности должно, по моему, быть сдерживаемо нѣкоторымъ чувствомъ деликатности. Если приверженцы г. Пирогова нашли въ моихъ словахъ уголовное преступленіе, пусть начинаютъ судебный искъ—я не спрячусь за свою полуподпись, я явлюсь къ суду и не буду противиться обнародованію процесса съ моимъ полнымъ име-

положеніе мое передъ обвинителями очень невыгодно. Притомъ же *Современникъ* вообще извѣстенъ тѣмъ, что находитъ ехидное наслажденіе въ попираніи всякихъ заслугъ, въ опозореніи всего священнаго и возвышеннаго, въ „облаяніи“ всякой благородной личности! Объ этомъ такъ часто и такъ усердно кричали, что робкихъ людей, можетъ быть, и увѣрили... Поэтому неудивительно, что иные читатели весьма серьезно примутъ, на примѣръ, такія выходки: *Отечественныя Записки* говорятъ, что г. Пироговъ „былъ предметомъ оскорбительной статьи въ *Современникъ*“, и затѣмъ даютъ мнѣ совѣтъ: „не торопитесь, не обращая вниманія на среду, въ которой они (люди подобные г. Пирогову) дѣйствуютъ, бросать въ нихъ камнемъ и грязью“ (*Отечественныя Записки* IV, стр. 62). Въ VI № тѣ же *Отечественныя Записки* „съ искреннею благодарностью“ помѣщаютъ письмо какого-то Е. Суд., который выражается такъ: самымъ неделикатнымъ образомъ, во имя либерализма и гу-

немъ. Если, по мнѣнію господъ, вооружающихся противъ меня, поступокъ мой не подходитъ подъ тѣ, которые караются закономъ, но тѣмъ не менѣе остается возмутительнымъ и невыносимымъ для нихъ, — пусть требуютъ отъ меня какихъ-угодно личныхъ удовлетвореній: я опять не откажусь объявить мое имя и адресъ. Но покаместъ дѣло остается въ предѣлахъ литературнаго спора, я не могу признать за моими возражателями права называть меня произвольными именами. Кромѣ того, что эта бреттѣрская привычка не хороша уже сама по себѣ, какъ свидѣтельство полицейскаго неуваженія къ инкогнито, — я нахожу въ ней слѣдующія два неудобства для моей личности. Во-первыхъ, разъ допустивши произвольную подстановку фамилій писателя, нельзя уже будетъ остановить порывовъ журнальнаго остроумія... Вотъ, на примѣръ, г. Драгомановъ, припомнивъ, кажется, одну изъ комедій фонъ-Визина (Бригадиръ: Добролюбовъ, любовникъ Софьи) называетъ меня Добролюбовымъ, а какой-то другой господинъ, въ *Сынѣ Отечества*, кажется, или, можетъ быть, въ *Иллюстраціи*, вдохновляясь, очевидно, другой комедіею фонъ-Визина (Недоросль: Скотинины всѣ родомъ крѣпколобы) — увѣрялъ, что моя фамилія — Крѣпколовъ. Третій послѣ этого скажетъ что я — Деризу-

манности, г. — бовъ отнесся къ г. Пирогову“ (стр. 136). „Не больно ли, когда какой-нибудь журнальный крикунъ, во имя либерализма и гуманности, вздумаетъ посягать на такую личность, какъ Пироговъ?“ (стр. 142). Г. Драгомановъ также читаетъ мнѣ свысока назиданіе: „Не мѣшало бы имѣть побольше дѣйствительнаго уваженія къ личности и долго подумать, прежде нежели окрестить челоуѣка обиднымъ прозвищемъ плантатора. А то мы всѣ какъ-то много фразерствуемъ о гуманности, а между тѣмъ слишкомъ торопимся негуманно обращаться съ лицами, особенно во имя гуманной идеи. Это наконецъ начинаетъ надоѣдать. Пора отъ этого отдѣлаться“ (*Русская Рѣчь*, № 54, стр. 29).

Ну, словомъ, я — обидчикъ, крикунъ, клеветникъ; мое призваніе состоитъ въ томъ, чтобы посягать на благородныя личности и бросать въ нихъ грязью и камнями... Что жъ мнѣ съ этимъ дѣлать? Защищаться? Противно очень, да по всей вѣроятности и бесполезно; вѣдь кого интересуетъ задѣтый вопросъ, тотъ можетъ и справиться съ

бовъ, четвертый — Подлолюбовъ, и т. д. Все это будетъ, конечно, нимало не остроумно, но то-то и дурно... Второе обстоятельство вотъ какое: пока вы говорите о — бовѣ, вы говорите о его статьѣ и о томъ, что можно заключить изъ статьи, — и только. Тутъ я васъ не боюсь: вы можете меня не понять, исказить, оклеветать—вамъ же хуже. Публика имѣетъ предъ глазами мою статью, мы судимся открыто и гласно, наши шансы равны. Но когда вы вмѣсто моей подписи, называете полную фамилію (вѣрно или невѣрно—все равно), публика видитъ, что у васъ были какія-то частныя свѣдѣнія объ авторѣ, кромѣ того, что извѣстно всѣмъ изъ печати. И если вы, говоря о статьѣ — бова, увѣряете, что г. Добролюбовъ—умный челоуѣкъ, но поборникъ либеральнаго деспотизма, и затѣмъ даете видѣть, что онъ легкомысленъ и неблагонамѣренъ, то вѣдь читатель-то въ правѣ подумать, что вы все это говорите—или по личному знакомству съ г. Добролюбовымъ, или по достовѣрнымъ частнымъ свѣдѣніямъ. И вслѣдствіе того читатель можетъ рѣшить: „конечно, изъ статьи

моей прошлогодней статьёй, а кто не интересуется, такъ для того что же и хлопотать? меня же лично эти обвиненія нисколько не беспокоятъ: крики о страсти журнала, въ которомъ я пишу, къ поруганію всего высокаго сдѣлались уже такимъ неизбѣжнымъ общимъ мѣстомъ всякой полемики противъ насъ, что я бы очень удивился, если бы журнальная братія не воспользовалась такимъ великолѣпнымъ случаемъ, какъ моя статья о „Всероссійскихъ иллюзіяхъ“.

Да, впрочемъ, что же и за дѣло публикѣ до моихъ тайныхъ намѣреній? Я могъ бы доказать, положимъ, — что писалъ статью свою съ наилучшими расположеніями; но если она вышла несправедливо-оскорбительна, все-таки мнѣ пришлось бы сознаться въ дурномъ поступкѣ и просить прощенія. Отсутствіе злонамѣренности могло бы служить только облегчающимъ обстоятельствомъ. Но я беру самый фактъ и утверждаю, что статья моя не заключаетъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для чест-

—бова не видно того, что выводитъ объ авторѣ г. Драгомановъ, но, какъ видно, онъ имѣетъ и другія данныя для характеристики г. Добролюбова,—надо ему повѣрить“... И вамъ не совѣстно было бы, г. Драгомановъ, подобнымъ путемъ пріобрѣсть довѣріе читателя, когда вы и сами-то, вѣроятно, имѣете обо мнѣ развѣ лишь самыя смутныя свѣдѣнія, перешедшія черезъ Богъ знаетъ сколько рукъ!.. Кстати, для предостереженія публики отъ подобныхъ вамъ господъ, я замѣчу здѣсь (преодолевая неохоту говорить о себѣ), что кромѣ трехъ или четырехъ литераторовъ, съ которыми одними я по моимъ занятіямъ веду постоянныя сношенія, хотъ мнѣ и приходилось встрѣчаться со множествомъ другихъ, но разговоры наши обыкновенно ограничивались взаимными вѣжливостями, и въ разсужденія обо мнѣ и моихъ литературныхъ занятіяхъ я никогда ни съ кѣмъ изъ нихъ не пускался. Изъ печатныхъ же отзывовъ обо мнѣ (въ послѣднее время довольно частыхъ) я вижу, что эти господа не имѣютъ понятія не только о моемъ характерѣ, но даже объ образѣ мыслей. Поэтому мнѣ очень странно, что такъ безцеремонно поступили со мною г. Драгомановъ, о существованіи котораго узналъ я изъ его статейки, и *Русская Рѣчь*, ни одного изъ редакторовъ которой я и въ глаза не видывалъ.

наго и правдиваго дѣателя, какимъ представляется намъ г. Пироговъ, — и, несмотря на всѣ противные крики, несмотря на послѣдующія объясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, несмотря на охлажденія первыхъ впечатлѣній, — я ничего не могу взять назадъ изъ этой статьи.

Часто случалось мнѣ слышать упреки, что я обращаюсь къ почтеннымъ лицамъ въ небрежномъ и насмѣшливомъ тонѣ; тонъ статейки о г. Пироговѣ не можетъ подвергнуться даже этому упреку. Въ серьезности и горячности тона именно и высказалось то глубокое уваженіе, которое питалъ я къ г. Пирогову, и то огорченіе, которое почувствовалъ я при видѣ жалкаго факта, допущеннаго и освященнаго его авторитетомъ. Незадолго до того, восхищаясь непреклонной логикой автора „Вопросовъ жизни“ и свѣтлымъ его взглядомъ, я вмѣстѣ съ другими предавался, противъ моего обычая, безразсудной иллюзіи, что вотъ этотъ-то человекъ можетъ неуклонно провести свои взгляды на практикѣ и одолѣть сопротивленіе среды. Это я высказалъ тогда и печатно, въ назиданіе профессора Киттары, который, при всей своей гуманной репутаціи, показался мнѣ на практикѣ весьма несостоятельнымъ. Но горькій опытъ разрушилъ восторженныя иллюзіи: и г. Пироговъ оказался слабымъ передъ средою, и онъ уступилъ, уступилъ не въ мелочи, а въ принципѣ, уступилъ въ томъ, противъ чего рѣшительно и ясно заявлялъ свое мнѣніе прежде. Я увидѣлъ, что, вмѣстѣ со множествомъ другихъ, я преувеличивалъ свои надежды, увидѣлъ, что напрасно считалъ возможнымъ для одного человека побѣду надъ мрачною средою, окружающею всѣхъ насъ, и счелъ нужнымъ высказать это для заявленія своего мнѣнія предъ тѣми, которые, можетъ быть, мною же введены были въ ошибку, подобную моей. Поэтому смыслъ всей статьи вышелъ таковъ: вотъ мы бѣгаемъ за разными авторитетами,

воображая получить отъ нихъ все, чего желаемъ: увлеченіе, достойное наивнаго дѣтства! Суровый опытъ говоритъ намъ постоянно, что подъ давленіемъ нашей среды не могутъ устоять самыя благородныя личности; посмотрите — вотъ одна изъ лучшихъ, Н. И. Пироговъ; — а между тѣмъ, съ своимъ комитетомъ онъ принужденъ постановлять закономъ то, что прежде самъ же объявлялъ несправедливымъ и дикимъ. Горько будетъ, если и въ этомъ несчастномъ уклоненіи послѣдуютъ за нимъ тѣ, которые шли за нимъ по прямой дорогѣ... И заключеніе статьи состояло въ предостереженіи, которое я позволю себѣ выписать здѣсь.

„Нѣтъ надобности полагать свое спасеніе въ дѣятельности какого-нибудь извѣстнаго лица и слѣпо вѣрить ему, а надо дѣлать дѣло сообща, пока идетъ сообща и продолжать въ одиночку, если другіе свернуть въ сторону, хотя бы эти другіе были превознесены всѣми похвалами и украшены всѣми вѣнками... Времена сказочныхъ богатырей давно прошли, общественная жизнь слагается не по щучьему велѣнью, иванушкину прошенью, — отъ вліянія окружающей среды не могутъ освободиться даже самыя лучшія личности; стало быть, нечего возлагать надежды на чужую дѣятельность, а надобно хлопотать о томъ, чтобы самому понимать дѣло и умѣть вести его, по мѣрѣ силъ и возможности. Тогда мы приобрѣтаемъ двѣ выгоды: не будемъ лжецами предъ самими собою и не будемъ испытывать мучительныхъ сомнѣній отъ идей г. Миллеръ-Красовскаго, даже въ томъ случаѣ, если намъ станетъ проповѣдывать ихъ самъ г. Пироговъ.“

Чѣмъ же могъ бы тутъ оскорбиться г. Пироговъ? Неужели тѣмъ, что изъ него не дѣлаютъ и не совѣтуютъ дѣлать кумира? Неужели тѣмъ, что убѣждаютъ принимать сознательно и съ критикою его мнѣнія? Неужели тѣмъ, что вызываютъ свѣжія

силы — не откликнутся ли онъ изъ той самой среды, мертвящему вліянію которой долженъ былъ уступить самъ г. Пироговъ, дѣйствительно пріобрѣтшій себѣ на Руси репутацію характера твердаго и непреклоннаго.

„Нѣтъ, — говорятъ намъ наши противники, — не то было оскорбительно въ статьѣ, а вотъ что; въ ней нападали на Пирогова, какъ будто на измѣнившаго своимъ убѣжденіямъ, а между тѣмъ онъ имъ вовсе не измѣнялъ, а только уступилъ — во-первыхъ, большинству комитета, а во-вторыхъ — статьямъ училищнаго устава, которыхъ онъ не въ правѣ былъ отмѣнить“. По мнѣнію г. Праздношатающагося, въ *Отечественныхъ Запискахъ* г. Пироговъ этимъ обстоятельствомъ совершенно оправдывается, а по увѣренію гг. Е. Суд. и М. Драгоманова, даже особенно возвышается. Г. Драгомановъ пространно рассуждаетъ, что „это подчиненіе коллегіи не отрицательно только хорошій фактъ, не порокъ только, но добродѣтель. Пироговъ не только подчинился рѣшенію коллегіи, которую создалъ, — онъ не хотѣлъ иначе дѣйствовать, какъ посредствомъ коллегіи*). На коллегіальномъ принципѣ основана была вся его дѣятельность, въ этомъ главная его заслуга“... и пр... Тоже говоритъ и г. Е. Суд.—„Пироговъ уступилъ большинству. За такія уступки его еще болѣе стали уважать люди, разумно слѣдившіе за ходомъ его общественной дѣятельности. Мы видѣли въ Пироговѣ начальника, который уважаетъ общее мнѣніе, никому не навязываетъ своего“, и пр., и пр.

Изъ этого, разумѣется, и выходитъ, что я — поборникъ либеральнаго деспотизма, что, по моему, Пироговъ долженъ былъ произвольно отвергнуть мнѣніе комитета и заставить всѣхъ насильно быть гуманными. Характеризуя мое направленіе, гг. Е.

*) Курсивъ у автора.

Суд. и М. Драгомановъ доходятъ до удивительнаго и трогательнаго единогласія. Одинъ гласитъ:

„Пора намъ понять, что мало пользы приносятъ и возмутительны Калиновичи, которые, считая себя „высшими организмами относительно всей этой массы“, ломаютъ ее съ озорниковскимъ *roug leur bien*, что недалеко ушли эти господа цивилизаторы отъ ремесленниковъ, которые бьютъ учениковъ, говоря: „тебя же, дурака, добру учатъ“ (*Русск. Рѣчь*, стр. 30).

Такъ же точно и г. Е. Суд. провозглашаетъ, что, по-моему, Пироговъ долженъ былъ „оказаться либеральнымъ черезчуръ, или, пожалуй, щедринскимъ озорникомъ, высшимъ организмомъ относительно всей этой массы, благодаря неусыпному попечительству котораго мужикъ понимаетъ, что и онъ — ничего, и сходъ его—ничего... и только просвѣщенный взглядъ администратора можетъ освѣтить этотъ хаосъ“ и пр. (*От. Зап.*, стр. 140). Все это почтенный г. Е. Суд., для большей убѣдительности, пропечаталъ даже курсивомъ.

„Мы много фразерствуемъ о гуманности, а сами торопимся слишкомъ негуманно обращаться съ лицами, особенно во имя гуманной идеи; пора отъ этого отдѣлаться“, — восклицаетъ г. Драгомановъ. Да, г. Драгомановъ,—пора: вотъ хоть бы вамъ, или г. Суд., прежде чѣмъ бросать въ меня стрѣлы своего краснорѣчія, что бы хоть перелистовать мою статейку!... Вы бы тогда и увидали, что краснорѣчіе ваше тратится понапрасну, мало того—что оно даже отзывается недобросовѣстностью. Кто васъ прочтетъ, тотъ, вѣдь, подумаетъ, что я въ самомъ дѣлѣ обрушился на одного г. Пирогова, что о комитетѣ и коллегіальномъ принципѣ я, можетъ быть, и не зналъ, и не думалъ совсѣмъ... А между тѣмъ, въ статейкѣ моей нападенія вовсе не обращены исключительно на одного г. Пирогова: иной разъ говорится: „г. Пироговъ“, а въ другой — „кіевскій

комитетъ“, „кіевскіе педагоги“, или просто „правила“, или же — „г. Пироговъ съ своимъ комитетомъ“. Мало того, — вѣдь весь смыслъ статейки состоялъ въ томъ, что „вотъ какъ подчиняется у насъ вліянію неблагопріятной среды дѣятельность даже самыхъ лучшихъ людей“. Выходитъ, что ярые защитники благородной личности г. Пирогова совершенно напрасно поторопились обозвать меня озорникомъ, Калиновичемъ (и дался же имъ этотъ Калиновичъ — точно бессмертный типъ какой!) и пр. Выходитъ, что я напалъ не на личность, а на комитетъ, и на Пирогова, какъ на его предсѣдателя, слѣдовательно, какъ на одного изъ вліятельнѣйшихъ членовъ, да еще притомъ заявившаго себя незадолго передъ тѣмъ цѣлой Россіи отвращеніемъ отъ тѣхъ мѣръ, какія въ комитетѣ были допущены. Впопыхахъ негодованія, мои жаркіе противники просмотрѣли это обстоятельство и не могли придумать для моей статьи лучшаго мотива, какъ „теорію либеральнаго деспотизма“. Вотъ попали-то!..

А впрочемъ, я даю поводъ подозрѣвать, что я увертываюсь: вѣдь статья моя точно отзывается очень жестко о г. Пироговѣ, какъ будто о человѣкѣ, имѣвшемъ возможность поступить иначе, чѣмъ онъ поступилъ. А поступить иначе онъ могъ, только послѣдовавъ „теоріи либеральнаго деспотизма“, или, что все равно, „принципамъ г. Добролюбова“, выведеннаго на свѣтъ божій г. Драгомановымъ. Ясно, стало быть, что я осердился на благородную личность именно за то, что она не оказалась такимъ „озорникомъ“, какъ я...

На это я могъ бы возразить, что не всѣ такъ узко понимаютъ меня; *Отеч. Записки*, напримѣръ, сообразили, что, по моимъ требованіямъ, г. Пироговъ долженъ былъ бы выйти въ отставку, видя невозможность провести на практикѣ свои убѣжденія. Поэтому онѣ возражаютъ: „что будетъ съ нами, если честные дѣятели, изъ-за того, что имъ

невозможно вдругъ, всецѣло осуществить своихъ благородныхъ стремленій, покинуть дѣло и удалятся съ поприща дѣйствительной дѣятельности, на которомъ, къ сожалѣнію, они и безъ того долго не остаются?“... Вотъ то-то и есть, что не остаются, — замѣчу я кстати: не оттого-ли и не остаются, что ужъ слишкомъ податливы? Вѣдь если бы всѣ умные и честные дѣятели приняли за правило — вступать въ общественную дѣятельность не иначе, какъ съ условіемъ развивать свою программу, такъ ихъ программа скорѣе пошла бы въ ходъ, потому что, какъ хотите, а безъ честныхъ и умныхъ дѣятелей никакъ не обойдешься, ни въ какой отрасли общественной жизни. Самое ихъ удаленіе было бы, во-первыхъ, живымъ протестомъ, во-вторыхъ, свидѣтельствомъ ихъ независимой силы и, въ-третьихъ, горькимъ урокомъ для тѣхъ, которые до сихъ поръ привыкли пользоваться ихъ услугами, въ то же время налагая различныя „уступки“ на ихъ убѣжденія...

Впрочемъ, рѣчь шла и не объ этомъ. Радикальная теорія могла бы, конечно, доказать, что для г. Пирогова и для Россіи, или, по крайней мѣрѣ, для Кіевскаго учебнаго округа, было бы вовсе не бесполезно, если бы г. Пироговъ рѣшился скорѣе отказать отъ своей должности, нежели допускать водвореніе нелѣпости, противъ которой самъ же вооружался... Но я, признаюсь, даже и этого не имѣлъ въ виду: куда намъ до такихъ воззрѣній!... Мотивъ моихъ нападеній, насколько они касались г. Пирогова, былъ гораздо проще и ближе къ обыкновенному житейскому пониманію. Онъ состоялъ вотъ въ чемъ.

Г. Пироговъ не просто уступилъ рѣшенію комитета, не просто склонился предъ необходимостью... Онъ не сталъ просто въ пассивное положеніе чловѣка, которому связали руки; нѣтъ, онъ и со связанными руками бросился впередъ, чтобы заслонить

собою тѣхъ, которые его связали... Ну, естественно, что сильнѣйшіе удары и пришлись по нему... Кто писалъ предисловіе и текстъ объясненій къ „таблицѣ наказаній“? Н. И. Пироговъ.—Отъ чьего лица пишетъ онъ? коллективно или нѣтъ? — Нѣтъ, онъ говоритъ: „я предполагаю“, „я нахожу“... Значитъ, основаніе „Правиль“ — его. Мало того, въ заключеніе предисловія онъ говоритъ: „я предлагаю дирекціямъ... слѣдующія положенія комитета, вполнѣ раздѣляемая и мною“ (*Ж. для восп.*, 1859, № XI, стр. 112). И противъ этихъ словъ нигдѣ нѣтъ никакого протеста, никакой оговорки. Скажите, добрые люди, — такой образъ дѣйствій тоже необходимо требовался, чтобы не впасть въ „либеральный деспотизмъ“, не сдѣлаться „озорникомъ“, и пр.? Кажется, никто, ни въ какихъ комитетахъ, никогда не обязывался мгновенно дѣлаться рыцаремъ противныхъ убѣжденій, какъ скоро они утверждены большинствомъ. Г. Пироговъ могъ уступить рѣшенію комитета, но могъ тутъ же, ясно и рѣшительно, заявить пункты своего несогласія съ нимъ. Тогда бы вышло совсѣмъ другое: отсталость кievскаго комитета и училищнаго устава не покрывалась бы гуманнѣйшимъ авторитетомъ г. Пирогова, и не было бы намъ съ г. Е. Суд. никакой причины горячиться... Но г. Пироговъ этого не сдѣлалъ... Да что же я говорю — не сдѣлалъ?.. Онъ, напротивъ, постарался мотивировать ненавистный параграфъ о розгахъ... Чѣмъ же? Тѣмъ ли, что комитетъ желаетъ ихъ удержать, и что попечитель не имѣетъ права измѣнить училищнаго устава? Нѣтъ, а тѣмъ, что 1) нельзя вдругъ вывести розгу изъ употребленія, 2) трудно придумать что-нибудь вмѣсто нея, 3) въ школу поступаютъ дѣти, уже сѣченныя дома, 4) въ нѣкоторыхъ случаяхъ проступки требуютъ сильнаго мгновеннаго сотрясенія.

Такимъ образомъ г. Пироговъ дѣлается предъ судомъ публики (имѣющей полное право не знать

интимностей комитета) не человекомъ „съ болью въ сердцѣ вырвавшемъ у самого себя уступку“, а просто-на-просто сообщникомъ кievскихъ педагоговъ (мудрость которыхъ мы увидимъ еще впереди, — по подлиннымъ свидѣтельствамъ самихъ кievлянъ). И, послѣ этого, я виноватъ, что не отдѣлилъ тайныхъ убѣжденій г. Пирогова отъ того, что онъ редижировалъ для комитета? Да какое же мнѣ-то было дѣло до тѣхъ его убѣжденій, которыхъ онъ самъ знать не хотѣлъ? Вы можете кричать на меня, сколько вамъ угодно, а я, по совѣсти говоря, не раскаиваюсь теперь даже въ тѣхъ ироническихъ фразахъ, въ которыхъ говорилось, что, вѣроятно, среди кievскаго комитета г. Пироговъ нашель какое-то удобство въ розгѣ и быстро убѣдился въ ея полезности.

Но если ужъ пошло на то, чтобы пристыдить васъ, господа противники „принциповъ г. Добролюбова“, — я вамъ скажу, что я въ своей статейкѣ сдѣлалъ болѣе, чѣмъ отъ меня требовалось: я проникъ въ то, во что могъ бы и не заглядывать. Видите ли, въ одномъ мѣстѣ моей статьи стр. 169 н. и. я говорилъ: „только совершеннымъ несогласіемъ истинныхъ убѣжденій г. Пирогова съ принятою мѣрою можно, до нѣкоторой степени, оправдать тѣ противорѣчія, какія встрѣчаются въ каждой строчкѣ „Правиль“, тамъ, гдѣ говорится о тѣлесномъ наказаніи“. Въ числѣ этихъ противорѣчій было указано мною слѣдующее: причиною допущенія розги выставлена, между прочимъ, потребность сильнаго мгновеннаго сотрясенія, и потому оно должно слѣдовать непосредственно, безотлагательно за проступкомъ; а между тѣмъ розга назначается не иначе, какъ по опредѣленію педагогическаго совѣта, послѣ разслѣдованія и обсужденія дѣла... Въ „Отчетѣ о слѣдствіяхъ введенія Правиль“ (рекомендуемомъ мнѣ г. Драгомановымъ, который даже сожалѣетъ, что я не читалъ его, когда писалъ свою статью), г. Пироговъ самъ сознается въ слѣ-

дующемъ: „Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что намъ указали нѣкоторые на противорѣчіе въ „Правилахъ“, относящееся до тѣлеснаго наказанія. Мы приняли, что это наказаніе тогда только можетъ достигнуть цѣли, когда оно будетъ употребляться безотлагательно, и вслѣдъ за проступкомъ, а между тѣмъ опредѣленіе его предоставили педагогическому совѣту. Это дѣйствительно противорѣчіе, но такое, которое говоритъ само за себя. Мнѣ оно показалось необходимымъ. Когда большинство въ комитетѣ сочло невозможнымъ уничтожить совсѣмъ тѣлесное наказаніе, то это противорѣчіе выразило мой личный протестъ, который долженъ былъ напомнить педагогическимъ совѣтамъ, какого я мнѣнія о розгѣ. Вотъ и все“ (*Воспитаніе*, 1861 г., № IV, стр. 216).

Прочли ли это мѣсто мои возражатели? Если прочли, то какъ же они не замѣтили, какъ оно для меня благопріятно! Вѣдь нельзя не согласиться, что протестъ г. Пирогова былъ уже слишкомъ тонокъ, такъ что, кромѣ меня, дѣйствительно, едва ли кто и замѣтилъ его. А я замѣтилъ и указалъ печатно—позвольте ужъ похвалиться этимъ!.. Или, напротивъ, и тутъ я виноватъ въ чемъ-нибудь?

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, что бы ни говорили о неприличіи моего обращенія съ г. Пироговымъ, — дѣло разъясняется въ мою пользу, или, лучше сказать, въ пользу самаго дѣла: издавая свои „Правила“, г. Пироговъ не только не протестовалъ противъ нѣкоторыхъ пунктовъ ихъ, но даже сказалъ, что вполне раздѣляетъ мнѣнія комитета, даже принялся ихъ оправдывать; это многихъ могло ввести въ заблужденіе (и вводило) и заставить думать, что г. Пироговъ дѣйствительно оправдываетъ розгу, какъ полезную мѣру наказанія. Теперь г. Пироговъ уже положительно объявляетъ, что онъ питаетъ къ розгѣ прежнее отвращеніе и никогда не переставалъ питать его, но что ему дѣлать было

нечего противъ комитета. Съ этой стороны, значить, можно быть спокойнымъ: педагоги розочныхъ принциповъ не имѣютъ за себя, по крайней мѣрѣ, авторитета г. Пирогова.

Вотъ я и покончилъ съ моими строгими судьями. Но дѣло мое только что начинается. Вообразите,—вѣдь розгу все-таки отстаиваютъ!..

„Какъ же это, однако,—воскликаетъ читатель:— послѣ всего, что сказали сами поборники г. Пирогова, послѣ его собственныхъ признаній, —кто же еще можетъ осмѣлиться отстаивать розгу? Вѣдь они ужъ всѣ объяснились, что и рады бы, да нельзя, или, какъ говоритъ г. Сухаревъ (это тоже нашъ антагонистъ) въ *Русской Рѣчи*: „хотѣли бы, да Фатей не велить!“... Ну, послѣ этого ужъ и молчи“...

Читатель оказывается недогадливымъ: онъ забываетъ среду. Среда требуетъ, читатель: какъ же ея не послушаться?

Вы опять удивляетесь: „какъ, законодатель долженъ постановлять нелѣпые законы, если среда нелѣпа, долженъ освящать закономъ всякія гадости, если къ нимъ среда привыкла!.. Да вѣдь онъ на то и законодатель, чтобы...“

Позвольте, читатель,—вы слишкомъ торопитесь. Я сейчасъ объясню вамъ, въ чемъ дѣло.

Въ моей статейкѣ было замѣчено, что остановить сѣченіе въ школахъ вовсе не такая ужъ невозможность, какъ многимъ кажется; „попечитель могъ положить, чтобъ не сѣкли,—и не стали бы сѣчь“. Эта послѣдняя фраза, дѣйствительно, слишкомъ отважная и вызванная именно преувеличеннымъ довѣріемъ къ моральной силѣ и вліянію г. Пирогова,— послужила, кажется, однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ возстанію на меня. Разумѣется, если бы мнѣ просто сказали: „гдѣ же, дескать, попечителю усмотрѣть за всѣми въ одиннадцати гимназіяхъ округа“, — такъ мнѣ бы и возражать нечего было.

Но нѣтъ, г. Драгомановъ, подхватившій мою фразу, не съ этой стороны напалъ на нее, а забралъ гораздо выше: „воспрещать съчь, это, видите-ли, значить приказывать учителямъ насильно быть либералами“, т.-е. опять-таки „дѣйствовать по принципамъ г. Добролюбова“. А ужъ это—чего хуже!..

Мы съ вами, простосердечный читатель, думали до сихъ поръ, что есть разница между положительными и отрицательными фактами. Оказывается, что никакой. Вы не допускаете вора стянуть вашъ кошелекъ, — вы, значить, насильно заставляете его быть честнымъ человѣкомъ; вамъ запрещаютъ драться, —хотятъ изъ васъ насильно сдѣлать либерала... Если вы встрѣтите на улицѣ г. Козлянинова, тузящаго женщину или ребенка, — вы, можетъ быть, почувствуете порывъ отнять у него беззащитную жертву? Удержите же вашъ порывъ, если не хотите заслужить обвиненія „въ послѣдованіи принципамъ г. Добролюбова“. Вы разсудите, что вѣдь у насъ среда такая: дерутся, да и только... Ну, положимъ, вы и прекратите безобразіе на улицахъ: что же изъ того? Вѣдь дома—мужья женъ бьютъ, отцы—дочерей, разные франты — своихъ любовницъ; а ужъ если дома дерутся, то какъ же на улицѣ-то воспретить? Оно хорошо бы, слова нѣтъ,—очень бы хорошо, да еще никакъ нельзя: хотъ и воспретишь на бумагѣ, а на дѣлѣ все будетъ продолжаться... Обратитесь къ городovýmъ и спросите: есть -ли возможность предупредить драки на улицахъ и оскорбленіе женщинъ? — „Никакой возможности, — отвѣтятъ вамъ городовые, по большинству голосовъ:—ибо, дескать, у насъ ужъ грубость нравовъ такая“... Что дѣлать въ этомъ случаѣ?.. Ясно что: разсмотрѣть различные случаи публичныхъ ссоръ и оскорбленій, подвести ихъ подъ рубрики и, по совѣщаніи съ городовыми, постановить правила, въ какихъ случаяхъ г. Козляниновъ имѣетъ право тузить публично женщинъ и дѣтей, въ какихъ нѣтъ.

Вы думаете, мы это на смѣхъ выдумали, вовсе нѣтъ. Я думаю, что если бы спросить объ этомъ мнѣніе, напр., г. Драгоманова, такъ онъ разсудилъ бы именно такимъ образомъ. Посмотрите, напр., какъ онъ доказываетъ необходимость узаконенія розги.

„Намъ могутъ привести еще одно возраженіе: какъ ни толкуй, а дѣтей все-таки сѣкутъ. — Это, конечно, очень прискорбно. Но (внимайте-же!), во-первыхъ, сѣкутъ гораздо меньше (радость-то какая!). Во-вторыхъ, количество высѣченныхъ въ гимназіяхъ (27 гимназистовъ!), — капля въ морѣ сравнительно съ высѣченными дома (ну да, — количество побитыхъ г. Козляниновымъ съ компанією, — что же значить въ сравненіи съ числомъ тѣхъ, кому дома задаютъ потасовку!); родители, все-таки, не перестаютъ сѣчь своихъ дѣтей. Что дѣлать, если общество такъ неразвито (конечно, другого нечего и дѣлать, какъ утвердить его закономъ въ его неразвитости!). Вотъ два примѣра (г. Левъ Камбекъ могъ бы насчитать и больше). Въ Полтавской губерніи, говорилъ намъ человѣкъ, близко знакомый съ дѣломъ, многіе родители взяли своихъ дѣтей изъ одного уѣзднаго училища, слышавъ, что тамъ ужъ не сѣкутъ; въ К—ѣ процвѣтаетъ частный пансіонъ, въ которомъ воспитываются мальчики довольно богатыхъ родителей и въ которомъ ученикамъ дѣлается систематическая порка (ясно, что именно этотъ пансіонъ и долженъ служить образцомъ для кіевскихъ педагоговъ!). Въ-третьихъ—наказаніе розгами такъ ограничено „Правилами“, назначается за такія проступки, что оно достается только тому, кого дома любезные родители разъ по 5 въ годъ сѣкутъ (это въ-третьихъ рѣшительно совпадаетъ съ первымъ и вторымъ, но г. Драгомановъ въ жару защиты забываетъ требованія логики; не будемъ слишкомъ требовательны къ юношѣ). Наконецъ, скажемъ мы съ Пироговымъ,

самые драконовскіе законы не будутъ страшны, если будутъ законно примѣняться“ (т.-е. неудобство розги г. Драгомановъ видитъ только въ излишней строгости этого наказанія, а не въ моральномъ его безобразіи; вѣдь такъ надо понимать его, если только онъ изучалъ древнюю исторію и помнитъ, въ чемъ упрекали драконовскіе законы). (*Русск. Рѣчь*, стр. 30).

Я бы не привелъ отзыва г. Драгоманова, если бы не нашелъ подобной же мысли въ самомъ „Отчетъ о слѣдствіяхъ введенія правилъ о проступкахъ и наказаніяхъ“, писанномъ г. Пироговымъ. Онъ тоже оправдываетъ свой образъ дѣйствій тѣмъ обстоятельствомъ, что „нравы общества не приготовлены еще къ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія“. Предложивъ сначала эту отмѣну, но „не нашедъ сочувствія въ большинствѣ членовъ“, г. Пироговъ „вскорѣ убѣдился, что бесполезно было бы уничтожить на одной бумагѣ подъ видомъ гуманности и современности, средство, которое и многіе воспитатели, и большая часть родителей признаютъ еще необходимымъ“. Далѣе „Отчетъ“ приводитъ, что еще въ прошломъ столѣтіи тѣлесныя наказанія въ училищахъ отмѣнялись, но это не удержалось именно потому, что „убѣжденіе въ необходимости тѣлеснаго наказанія было еще слишкомъ сильно и у родителей, и у воспитателей“. Въ „Уставъ“ 1828 г. опять введены тѣлесныя наказанія, и какъ нельзя болѣе пришились по вкусу общества: „отцы и теперь еще обращаются въ училища и гимназіи съ просьбами сѣчь дѣтей, и сами сѣкутъ дома; ученики 6-го и 7-го классовъ, не нынче, такъ завтра студенты, тайкомъ, безъ вѣдома гимназическаго начальства, за поступки противъ чести, сѣкутъ своихъ товарищей. Вотъ факты, обличающіе нравы общества“ (*Восп.*, II, 60).

Въ статейкѣ „Всероссійскія иллюзіи“ я уже опровергалъ круговую поруку домашняго сѣченья съ гимназическимъ. Здѣсь повторяю только, что именно

потому и важно отмѣненіе тѣлеснаго наказанія въ школахъ, что оно сильно употребляется въ домашнемъ воспитаніи. Если бы общество все чувствовало отвращеніе къ этому роду наказаній, тогда не было бы особенной важности въ существованіи его гдѣ-нибудь на бумагѣ. Это говоритъ самъ г. Пироговъ: „если,—говоритъ,—дѣйствительно общественное мнѣніе вопіеть и громко требуетъ отмѣны тѣлеснаго наказанія,—чего же лучше и о чемъ же тогда спорить? Мы будемъ рады уже вѣрно не менѣе другихъ, и что за дѣло тогда, будутъ-ли наши правила угрожать виновному розгой или нѣтъ, все равно: противъ общественнаго мнѣнія не устоятъ никакія правила, и розга, оставаясь на бумагѣ, исчезнетъ на дѣлѣ, а это-то и есть именно то, о чемъ мы всѣ хлопочемъ“. Эти соображенія были бы совершенно логичны и неопровержимы въ устахъ человѣка, отличающагося умѣньемъ искусно поддерживать старую рутину и даже дѣлать въ ней кое-какія починки. Но не такія слова хотѣли бы мы слышать отъ Н. И. Пирогова, человѣка, на котораго съ такой увѣренностью обращались общія надежды, какъ на человѣка, умѣющаго пролагать новые пути и проводить новыя начала въ общественной дѣятельности. Онъ могъ бы и не ожидать, пока общественное мнѣніе не будетъ уже терпѣть розги; онъ могъ дать толчокъ общественному мнѣнію, могъ и долженъ былъ всѣми силами стремиться къ тому, чтобы преобразовать его совершенно съ своими началами. Въ этомъ смыслѣ принятіе на себя тѣхъ пунктовъ „Правиль“, съ которыми онъ былъ самъ не согласенъ, составляетъ, на мой взглядъ, важную ошибку, которая и теперь едва искупается сдѣланными объясненіями.

Г. Пироговъ замѣчаетъ въ „Отчетѣ“, что борются противъ предрасудковъ и ложныхъ взглядовъ онъ предпочитаетъ въ жизни, а не на бумагѣ. „Мы боремся, говоритъ онъ, да и не съ одними

предубѣжденіями общества, а и самой школы, еще не далеко опередившей общество. Мы боремся, твердо зная, что нравы и ложные взгляды нельзя переменить предписаніями и письменными правилами. Потому мы возстаемъ противъ розги и выводимъ ее изъ нашихъ школъ не на письмѣ, а на дѣлѣ. Она должна исчезнуть не по приказанію начальства, а по общему единогласному убѣжденію воспитателей, когда они найдутъ въ себѣ довольно воли и искусства замѣнить ее болѣе нравственнымъ суррогатомъ“. Все это прекрасно, и общее мнѣніе уже успѣло воздать должное благородной и плодотворной практической дѣятельности г. Пирогова. Но какъ же предписанія-то? Развѣ ужъ онъ ихъ ни во что не ставитъ? А они иногда бываютъ важны. Вотъ, на примѣръ, хотъ бы въ этомъ же вопросѣ: по положеніямъ 1794 г. отмѣнено было въ училищахъ тѣлесное наказаніе; въ „Уставѣ“ 1828 г. восстановлено. Въ 1859 году г. Пироговъ снова находитъ это наказаніе излишнимъ, но отмѣнить его не можетъ, — и самое первое, высшее и непреклонное препятствіе находится въ статьяхъ „Устава“. Онъ спрашиваетъ комитетъ: „не лучше ли отмѣнить розгу“? — но самъ тотчасъ же замѣчаетъ: „собственно я и не имѣлъ права объ этомъ спрашивать, потому что существующій Уставъ училищъ признаетъ еще ея необходимость“ (*Восп.*, II, стр. 59). [Видите ли все-таки, какъ существующія на бумагѣ правила связываютъ дальнѣйшій прогрессъ: вѣдь нельзя не сознаться, что не будь въ „Уставѣ“ положеній о тѣлесномъ наказаніи, г. Пироговъ могъ бы дѣйствовать по этому вопросу нѣсколько свободнѣе, да и комитету не было бы легальной опоры для отрицательнаго отвѣта.]

Никто не споритъ, что при дурныхъ нравахъ искажаются самые лучшіе законы. Но все же нельзя узаконить дурныхъ нравовъ. Теперь, на примѣръ, никакими предписаніями нельзя въ конецъ искоре-

нить по всей Россіи взяточничество; съ этимъ мы согласны. Но неужели поэтому нужно дать ему законную силу? Неужели возвратиться къ старинному порядку кормленія, на томъ основаніи, что сущность этого порядка до сихъ поръ не исчезла изъ нравовъ? И если бы гдѣ-нибудь въ уголкѣ Россіи уцѣлѣло еще установленіе кормленія, то неужели новое законодательство должно было поддерживать его, покамѣстъ сами кормящіеся отъ него не откажутся? Вѣдь, слѣдуя такой системѣ, пришлось бы, пожалуй, и произволъ оставить въ покоѣ, на томъ основаніи, что, по свидѣтельству самого же г. Пирогова, онъ слишкомъ сильно распространенъ былъ въ гимназіяхъ еще въ очень недавнее время. А, между тѣмъ, г. Пироговъ смѣло пошелъ противъ произвола, созвалъ комитетъ, постановилъ правила, несмотря даже на возгласы нѣкоторыхъ педагоговъ, что правила вовсе не нужны. Вотъ за это, разумѣется, честь и слава г. Пирогову...

Все это я говорю, возражая только противъ мнѣнія г. Пирогова, будто законодательство должно выжидать, пока жизнь предупредитъ законъ, то-есть, иначе говоря, — когда нарушенія прежняго закона сдѣлаются такъ сильны и повсемѣстны, что ужъ стараго закона нельзя будетъ удерживать. Мнѣ кажется, что если, на примѣръ, кто-нибудь, при составленіи проекта новаго училищнаго устава, будетъ руководствоваться этимъ мнѣніемъ, то поступитъ очень неосмотрительно. Конечно, при неразвитости общества часто не достигаютъ цѣли самые лучшіе законы; но съ другой стороны надо замѣтить, что чѣмъ человекъ неразвитѣе, тѣмъ болѣе расположенъ (разумѣется, тамъ, гдѣ не мѣшаетъ личная выгода) въ своихъ дѣйствіяхъ соображаться съ тѣмъ, что ему положено свыше. Поэтому, узаконьте розгу — это розочникамъ на много лѣтъ придастъ бодрости; отмѣните ее — и на дѣйствіяхъ ихъ все-таки хоть сколько-нибудь отразится сознаніе, что устано-

вленная надъ ними сила закона—не въ ихъ пользу.

„Но въ практической дѣятельности, возражаютъ намъ, г. Пироговъ достигъ самыхъ лучшихъ результатовъ, какихъ только возможно было желать. Вотъ доказательство, что всѣ теоретическія умствованія противъ его системы—совершенно несостоятельны“.

Объ этомъ мы сейчасъ поговоримъ.

Противъ практической дѣятельности г. Пирогова, противъ его личности мы рѣшительно ничего не имѣемъ. Во-первыхъ, мы знаемъ, что онъ былъ связанъ въ своей дѣятельности существующимъ уставомъ и не имѣлъ никакой практической возможности явиться реформаторомъ. Во-вторыхъ, мы знаемъ теперь, что онъ употреблялъ усилія сдѣлать то, чего мы желаемъ, но встрѣтилъ препятствія въ большинствѣ. Въ третьихъ, мы видимъ, что, несмотря на всѣ препятствія, вліяніе его благородной личности было въ самомъ дѣлѣ сильнѣе, нежели, можетъ быть, самыя рѣшительныя и строгія запрещенія при другомъ начальникѣ.

Но, признавши все это и присоединивъ свой отдаленный голосъ къ благороднымъ голосамъ, раздавшимся вокругъ г. Пирогова при его проходахъ, я все-таки не могу отстать отъ своихъ нападеній на систему и на нѣкоторыя положенія, допущенныя въ „Правилахъ“. Сначала скажу о частностяхъ; объ опасности, грозящей самому дѣлу отъ принятой системы, поговорю въ заключеніе.

Въ „Правилахъ“ не одно допущеніе розги мною признано несправедливымъ, но и то, за что она допущена. Ею наказываются: воровство и дерзость или вообще—оскорбленіе. Судя по „Правиламъ“, я заключалъ, что тѣлесное наказаніе положено также и за фанатизмъ, такъ какъ противъ него въ таблицѣ стоитъ то же наказаніе, какъ и за оскорбленіе постороннихъ лицъ, то-есть, розги, въ третьей степени, — для низшихъ классовъ, и

исключеніе — для высшихъ. Это было бы уже слишкомъ нелѣпо, и теперь г. Пироговъ объясняетъ въ „Отчетѣ“, что тутъ былъ „недостатокъ редакціи“, а на самомъ дѣлѣ за фанатизмъ никогда не предполагалось сѣчь, такъ какъ въ низшихъ классахъ не считаются возможными серьезныя его проявленія *).

*) Это, впрочемъ, тоже кажется мнѣ не вполне основательнымъ. Г. Пироговъ съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ отзывается о моей замѣткѣ по этому поводу. „Нѣкоторые рецензенты, говоритъ онъ, безъ дальнѣйшаго размышленія хотѣли заставить насъ думать, что мы наказываемъ также розгою и оскорбленія товарищей за вѣру, хотя въ нашихъ правилахъ нарочно прибавлено къ этому проступку слово „фанатизмъ“, въ скобкахъ. Мнѣ кажется, что ни одинъ воспитатель не вздумаетъ искать фанатизма въ глупыхъ выходкахъ учениковъ низшихъ классовъ, т.-е. дѣтей 10—12 лѣтъ, противъ товарищей не одной съ ними вѣры, а тѣлесное наказаніе дозволяется только въ этихъ классахъ. Такъ можно исказить все, желая видѣть одно худое и не понимая смысла, или притворяясь, что не понимаемъ“ (*Восп.*, III, стр. 118). Въ самомъ дѣлѣ—я былъ злонамѣренъ и глупъ... Ни одинъ воспитатель, благодаря Бога, таковъ не будетъ... А впрочемъ—посмотримте, что же это такое... Вотъ № IV того же *Воспитанія*; тутъ напечатано окончаніе „Отчета“ г. Пирогова; на стр. 213, г. Пироговъ, самъ же г. Пироговъ пишетъ: „Недосмотръ въ редакціи сдѣлалъ то, что наказанія, опредѣленные правилами за оскорбленіе за вѣру, не только были перетолкованы воспитателями, но вмѣнены намъ даже въ преступленіе нѣкоторыми журналами“. Значитъ, не я одинъ подумалъ, что „Правила“ велятъ сѣчь за фанатизмъ? И между воспитателями нашлись такіе? Какъ же послѣ этого г. Пирогову могло казаться, что „ни одинъ воспитатель“ и пр. (см. выше)?.. Правда, впрочемъ, что воспитатели, предполагавшіе фанатизмъ въ дѣтяхъ 10—12 лѣтъ, должны были быть ужъ очень плохи... Вѣдь въ гимназіяхъ Кіевскаго округа, въ первыхъ трехъ классахъ бывають только дѣти отъ 10 до 12 лѣтъ... Однако—какъ же это... мы помнимъ въ „Правилахъ“ общую оговорку, что розга назначается только до 16 лѣтъ, а ученики старше 16 лѣтъ, хотя бы и въ низшихъ классахъ наказываются уже не розгою, а увольненіемъ. Значитъ, въ низшихъ классахъ могутъ быть ученики и старше 16 лѣтъ? Въ нихъ вѣдь ужъ и фанатизмъ можетъ быть? Да, но это, вѣрно, сказано только на всякій случай, въ дѣйстви-

Но почему же за воровство — тѣлесное наказаніе? Какое соотвѣтствіе между тѣмъ и другимъ? Вотъ что спрашивалъ я еще въ прошломъ году, и чего никто до сихъ поръ не объяснилъ хорошенько. Почему также и дерзость или оскорбленіе заслуживаютъ розгу по преимуществу? Да и какъ опредѣлить степени оскорбленія, какъ подвести подъ одинъ уровень взглядъ наставниковъ на дерзость? Если ужъ въ самомъ комитетѣ большинство отличалось такою мудростью, что, напр., за лихоимство постановило наказаніе меньше, чѣмъ за простое воров-

тельности же вовсе не бываетъ... Да, впрочемъ, вотъ, въ томъ же III № *Воспитанія*, гдѣ такъ презрительно сказано о моемъ—либо тупоуміи, либо неблагонамѣренности,—тутъ же, на стр. 113, указаны самимъ г. Пироговымъ лѣта нѣкоторыхъ наказанныхъ. Вотъ, на примѣръ, одинъ ученикъ Подольской гимназіи 19 лѣтъ... Что же это?.. Онъ долженъ былъ находиться въ 3 классѣ 15 лѣтъ? Нѣтъ, онъ, вѣроятно, перешелъ изъ 3 въ 4—12, а потомъ въ каждомъ классѣ сидѣлъ по два года... Вотъ другой—ученикъ 5 класса, 18 лѣтъ... Это же какъ? Если онъ въ 4 и 5 сидѣлъ по два года, а все-таки въ 3-мъ-то былъ уже 14 лѣтъ... Ну, ужъ это я не знаю, какъ... А вотъ еще—ученикъ Немировской гимназіи 1 класса 13 лѣтъ... Значитъ, сколькихъ же лѣтъ будетъ въ 3 классѣ,—12 или 15? Нѣтъ, едва ли не напрасно г. Пироговъ такъ свысока отзывается о непониманіи рецензентовъ... Просто признаться въ просмотрѣ—было бы, вѣроятно, благоразумнѣе, а то вѣдь я и не утерпѣлъ, чтобы не вывести новыхъ недосмотровъ—на этотъ разъ уже прямо самого г. Пирогова. Оскорблять я никого не хочу, но не могу выносить, когда сваливаютъ что-нибудь съ больной головы на здоровую.

Кстати здѣсь замѣчу еще о стихотвореніи, въ которомъ осмѣивалось сѣченье за фанатизмъ. Признаюсь, я принимаю на себя полнѣйшую за него отвѣтственность, потому что предметъ стоилъ такого осмѣянія, и въ этомъ случаѣ малодушно было бы удерживаться даже уваженіемъ къ такой личности, какъ г. Пироговъ. А кто знаетъ, можетъ быть, эти стихи, вмѣстѣ съ моими нападками, и послужили еще къ разъясненію дѣла для тѣхъ воспитателей, которые перетолковали положеніе „Правиль“. Г. Драгомановъ толкуетъ, будто стихи заключаютъ тотъ смыслъ, что „присужденіе розогъ совѣтомъ установлено Пироговымъ для большей торжественности церемоніи, а не для ограниченія произвола“. Ну, такъ вѣдь вольно ему такъ толковать...

ство (о чемъ я тоже замѣтилъ въ прошломъ году *), то какихъ подчасъ премудрыхъ соображеній можно ожидать отъ иныхъ педагогическихъ совѣтовъ! И сколько тутъ можетъ быть произвола, объ уничтоженіи котораго такъ хлопочетъ г. Пироговъ.

На первый разъ, подъ управленіемъ Пирогова, при „Правилахъ“ дѣйствительно умѣрились наказанія. Это видно изъ одной таблицы высѣченныхъ за 1858 (до кодекса) и за 1859—60 г. (послѣ кодекса). Вотъ эта таблица:

	Въ 1858	Въ 1859—60
Въ Кіевской 1-й гимназіи изъ	215— 3;	изъ 201— 1.
„ Кіевской 2-й „ „	625— 44;	„ 650— 2.
„ Бѣлоцерковской „ „	220— 38;	„ 266— 0.
„ Волынской „ „	600—290;	„ 635— 5.
„ Ровенской „ „	300— 6;	„ 354— 5.
„ Подольской „ „	400— 37;	„ 470— 7.
„ Немировской „ „	600— 67;	„ 568— 5.
„ Чернигвской „ „	240— 18;	„ 276— 0.
„ Новгородсѣверской „ „	250— 8;	„ 288— 0.
„ Нѣжинской „ „	260— 2;	„ 264— 2.
„ Полтавской „ „	399— 39;	„ 338— 0.
Во всѣхъ „ „	4109—561;	„ 4310—27.

Одно сличеніе цифръ въ этой таблицѣ показываетъ, какъ несправедливы увѣренія, будто розгу нельзя вывести изъ воспитанія, будто общественное мнѣніе этому противится. Гимназіи не опустѣли. Пироговымъ остались всѣ довольны, несмотря на то, что его дѣйствіями произведена была такая рѣзкая переменна, какъ, наприм., въ Волынской гимназіи, гдѣ число высѣченныхъ вдругъ вмѣсто 290 — стало 5. Замѣчательно еще, что вовсе пе-

*) Вообще моимъ обвинителямъ не мѣшаетъ замѣтить, что замѣчанія моей статьи не были серьезно опровергнуты никѣмъ, а подтвержденій, напротивъ, получили довольно много. Крича противъ моей непрактичности и легкомыслія, они забываютъ это.

рестали сѣчь тѣ гимназіи, въ которыхъ до того наиболѣе сѣкли. Пропорція высѣченныхъ всѣхъ выше была (послѣ Волинской) въ Бѣлоцерковской и Полтавской гимназіяхъ, — а теперь тамъ не было ни одного случая. Мы не знаемъ, чему это приписать, — переменѣ ли личностей начальственныхъ, „Правиламъ“ -ли, — но вѣрно одно — нравы населенія въ этихъ мѣстностяхъ и натура гимназистовъ не получили же мгновеннаго волшебнаго превращенія. А между тѣмъ вѣдь начальство этихъ гимназій въ прежнее, еще столь недавнее, время имѣло, конечно, свои резоны для оправданія необходимости тѣлеснаго наказанія тамъ, гдѣ оно было употреблено... Вѣрьте же послѣ этого ихъ отзыва и основывайте на нихъ ваши законы!

Насъ спрашиваютъ: „да что же вы придумаете вмѣсто розги?“ И видя, что мы ничего не придумаемъ, торжествуютъ... Но въ сущности это довольно забавно: мы — профаны, а вы, — призванные во святилище, педагоги; вы берете на себя руководить дѣтей нашихъ, — и руководите ихъ, между прочимъ, розгой. Мы говоримъ: „это намъ не нравится, этакъ-то и безъ васъ можно бы воспитывать; а вы придумайте что-нибудь другое, если ужъ взялись“. А вы намъ отвѣчаете: „да что жъ придумать-то? Скажите намъ, мы тогда и придумаемъ...“ И затѣмъ вы глумитесь надъ нами, что мы ничего не умѣемъ придумать, а туда же — смѣемъ быть недовольны... Почтенные педагоги! войдите же, наконецъ, въ ваше собственное положеніе и разсудите: кто къ кому долженъ обращаться съ требованіями въ вопросахъ о воспитаніи — вы къ намъ, или мы къ вамъ?

Впрочемъ вѣдь, если нужна не радикальная перемѣна всей системы воспитанія, а только улучшеніца въ старой системѣ, такъ тутъ и мѣры нужно придумывать не особенно замысловатыя. А на примѣръ, (если бы въ вашихъ рукахъ была власть отмѣнить розги, — разумѣется) — отчего бы прямо

не замѣнить розги увольненіемъ? Жестоко, скажете? — Нѣтъ, не такъ жестоко, какъ кажется. Вѣдь вы только разъ допускаете розги, а потомъ увольняете; сѣчете за воровство во-первыхъ. За воровство мальчика сѣчь вы сами присуждаете только тогда, когда оно имѣетъ не характеръ шалости, а обнаруживаетъ испорченность воли. Въ такихъ мальчикахъ, имѣющихъ серьезную склонность къ чужому съ дѣтства, прокъ бываетъ рѣдко; держаться за нихъ нечего... Жаль, что въ „Отчетѣ“ г. Пирогова не сказано, всѣ ли высѣченные за воровство исправились, и вообще какія послѣдствія имѣло сѣченіе на характеръ и поведеніе высѣченныхъ. Это было бы очень любопытно. Но даже если и замѣчены были исправленія, то здравый смыслъ не позволялъ отнести ихъ къ тѣлесной боли отъ розги, развѣ къ стыду... но стыда навѣрное было больше во время открытія и разслѣдованія поступка, нежели во время экзекуціи. Притомъ же позволительно думать, что во многихъ случаяхъ наказаны были мальчики, не имѣвшіе положительной испорченности въ этомъ смыслѣ, а таскавшіе чужое просто по глупости... Этихъ можно бы унять и безъ розги.

Относительно дерзости тоже надо сказать: или это вспышка дитяти, и тогда не безчеловѣчно ли пороть за нее, какъ бы становиться самому ребенкомъ и вымещать свою обиду? Или же дерзость, или всякое другое оскорбленіе, имѣетъ серьезный видъ, происходя либо отъ испорченнаго нрава ученика, либо отъ его антагонизма съ начальникомъ. Въ этихъ случаяхъ увольненіе — самое лучшее, потому что, если послѣ розги ученикъ и сдѣлается тише въ отношеніи нѣ любимому наставнику, такъ вѣдь тайная-то ненависть загорится еще сильнѣе. Скрытность и лицемѣріе — самые прямые результаты употребленія розги въ подобномъ случаѣ.

Но, говорятъ, сами родители часто просятъ, чтобы ихъ дѣтей сѣкли... Ну, вотъ для этихъ случаевъ и сохраните вашу розгу, если ужъ вамъ такъ жалко съ нею разстаться. Можете даже положить, что если еще остается хоть какая-нибудь надежда на возможность исправленія мальчика, если онъ обнаружилъ полное раскаяніе при полученіи увольненія, и родители его упрашиваютъ лучше высѣчь, но оставить въ гимназіи, — то можно, уступая ихъ просьбѣ, дѣлать опытъ. Вотъ вамъ и требованія среды будутъ удовлетворены.

„Да такъ навѣрное придется больше сѣчь, чѣмъ теперь при „Правилахъ““ — доносятся до меня восклицанія гг. Е. Суд., Драгоманова, Сухарева и малоли еще кого... Но я не смущаюсь. Очень можетъ быть, говорю я; но только навѣрное количество случаевъ сѣченья будетъ быстро уменьшаться, потому что отцы возымѣютъ же наконецъ амбицію, и потомъ всѣ эти случаи сѣченья будутъ походить на случаи самопроизвольнаго отравленія или голодной смерти преступниковъ. У насъ вѣдь не казнятъ ни ядомъ, ни голодной смертью, — а иной возьметъ да и отравится или уморитъ себя голодомъ въ тюрьмѣ. Ну, что же съ этимъ дѣлать? Такъ уже ему, стало быть, понравилось...

Что же касается до системы, принятой при Н. И. Пироговѣ—дѣйствовать лично, на дѣлѣ, а въ законъ допустить то, чего среда требуетъ, — за эту систему я очень боюсь. Пока г. Пироговъ былъ въ Кіевѣ, все шло отлично,—слова нѣтъ. И произвола было меньше, и сѣкли меньше, и учились лучше, и пр., и пр. Но что тутъ дѣйствовало, — „Правила“ или личность? Вѣдь изъ самыхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову на прощанье, даже изъ выходокъ противъ насъ, видно, что тутъ личность покрывала все. Дерзнули не согласиться съ „Правилами“ Пирогова — и никто даже не вздумалъ вникнуть въ пункты несогласія, а всѣ увидѣли

только то, что о Пироговѣ говорится какъ-то не то, чтобъ совсѣмъ неуважительно, а такъ, — не совсѣмъ въ обычномъ тонѣ. Въ разныхъ рѣчахъ безпрестанно говорится: „вы ограничили произволъ“, „вы эманципировали дѣтей отъ безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія“, „вы укрѣпляли приверженцевъ добра, увлекали ихъ теплотою чувствъ и закрѣпляли ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ“, „вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую дѣятельность“, и пр., и пр.. Честь и слава Н. И. Пирогову, и горько, что онъ не остался дольше на своемъ мѣстѣ. Мы вполнѣ сочувствуемъ его и общему желанію, чтобъ его вліяніе продолжалось какъ можно дольше въ Кіевскомъ учебномъ округѣ, и во всей Россіи, если можно. Но вѣдь вотъ его нѣтъ... и мы что имѣемъ предъ собою? Все-таки (ограничиваясь лишь нашимъ вопросомъ) „Правила“ весьма неудовлетворительныя, допускающія розгу и дающія широкій просторъ произволу воспитателей въ ихъ примѣненіи...

Произволъ высказывается уже и при г. Пироговѣ, какъ видно изъ „Отчета“: изъ 27 случаевъ тѣлеснаго наказанія, про двухъ еще неизвѣстно, наказаны-ли они по опредѣленію педагогическаго совѣта; въ одномъ случаѣ наказаніе было опредѣлено несообразно „Правиламъ“, а въ 4-хъ другихъ—директоръ поступилъ произвольно (*Восп.*, III, стр. 111). Г. Пироговъ умѣлъ остановить эти безпорядки, и директоръ, поступившій произвольно, перешелъ уже въ 1860 г. (по замѣчанію „Отчета“) въ другой округъ. Но всѣ-ли сумѣютъ и захотятъ останавливать?

При Пироговѣ, разумѣется, гимназія старалась отличить себя малымъ количествомъ или отсутствіемъ экзекуцій. Но чѣмъ, кромѣ подобнаго гуманнаго вліянія начальства, обезпечено такое стремленіе на будущее время? Вѣдь только благодарною памятью

о Пироговѣ. А „Правила“—то даютъ полную волю — пороть за дерзость, даже вызванную самимъ начальникомъ или наставникомъ. Кажется, въ этомъ случаѣ логичнѣе было бы постановить, положимъ, замѣчаніе... да нѣтъ, впрочемъ, и замѣчанія не нужно для ученика... но за то для учителя или гувернера непременно строжайшій публичный выговоръ, а затѣмъ—при новомъ разѣ—прямо увольненіе. А вѣдь въ „Правилахъ“ за оскорбленіе начальника на должности положено, въ самой низшей степени вины, т.-е. при всѣхъ облегчающихъ обстоятельствахъ, даже при вызовѣ со стороны самого начальника,—строгій арестъ съ угрозой розогъ, а во второй степени розги, а тамъ исключеніе. Какую дисциплину можно завести въ гимназіи на основаніи одного этого правила, которое при Пироговѣ, конечно, не смѣли примѣнять къ дѣлу!...

„Но педагоги, бывшіе подъ вліяніемъ г. Пирогова, будутъ всегда вѣрны его началамъ. Вѣдь онъ самъ говорилъ имъ на прощанье: мои убѣжденія въ сущности—ваши убѣжденія; моя заслуга только въ томъ, что я угадалъ ваши взгляды“, и пр..

Конечно, такъ: г. Пироговъ говорилъ это. А все бы вѣрнѣе, кабы „Правила“—то получше существовали... Вѣдь когда г. Пироговъ говоритъ не дружескія фразы, а самое дѣло, такъ и онъ тоже оказывается не слишкомъ высокаго мнѣнія о нашихъ педагогахъ вообще, а слѣдовательно и о кievскихъ. Говоря о журнальныхъ разборахъ „Правиль“, онъ именно упрекаетъ ихъ за слишкомъ высокія требованія. Слова его вовсе не утѣшительны.

„Въ правѣ-ли мы требовать, говоритъ г. Пироговъ,—отъ нашихъ педагоговъ высокаго призванія, опыта жизни, самоотверженія, христіанской любви и труднаго искусства индивидуализировать? Откуда могутъ вдругъ взяться у насъ такія личности? Кто вель, кто приготавлилъ ихъ этимъ путемъ? Гдѣ и у кого могли они заимствовать образецъ высокихъ качествъ? У прежнихъ-ли ихъ наставниковъ, въ жизни-ли общества, въ окружающей-ли ихъ средѣ, въ семьѣ-ли своей, въ

воспитательныхъ-ли заведеніяхъ?... Требовательные идеологи, во-все позабыли, что нашихъ учителей никто до сихъ поръ не училъ трудному дѣлу педагогіи, нашихъ инспекторовъ и директоровъ никто не выбиралъ по ихъ педагогическимъ заслугамъ, которыхъ и доказать даже было имъ невозможно.... Можно-ли забыть, что наши надзиратели, инспекторы и директора покуда все-таки остаются тѣми же чиновниками-воспитателями, какъ и прежде,—одни изъ нихъ завалены письменными дѣлами дирекціи, а другіе, исполняя неисполнимыя обязанности нравственнаго надзора за 500 — 600 учениками, поневолѣ ограничиваются одною официальностью?... Не ясно-ли для всякаго, кто любитъ смотрѣть правдѣ въ глаза, что мы вводили наши правила, убѣжденные опытомъ въ вопіющихъ недостаткахъ общественнаго воспитанія и воспитателей?“ (*Восп.*, II, 57—58).

Далѣе находимъ, что и на розгу г. Пироговъ согласился главнымъ образомъ въ уваженіе не-искусства педагоговъ нашихъ: „тѣлесное наказаніе можно еще назначить безъ большаго вреда и безъ большаго искусства (!), соображаясь съ однимъ свойствомъ проступка; самый простой воспитатель можетъ безъ труда различить въ проступкѣ ребенка проявленіе дикой, животной чувствительности, и прибѣгнуть къ тѣлесному наказанію, если не умѣетъ владѣть инымъ, лучшимъ средствомъ“. Чтобы употребить съ успѣхомъ другія, нравственныя мѣры,—продолжаетъ „Отчетъ“,—нужно воспитателю гораздо болѣе развитія и искусства: а можно-ли этого требовать отъ нашихъ педагоговъ?... Потому, конечно, и неудивительно замѣчаніе г. Пирогова: „съ одной стороны, по журнальнымъ статьямъ, можно подумать, что всѣ передовые люди общества требуютъ, во что бы то ни стало, отмѣнить розгу въ училищахъ; но съ другой стороны, судя по отзывамъ многихъ дирекцій и педагогическихъ совѣтовъ, и слѣдовательно также общества, да еще самага право-гласнаго въ дѣлѣ воспитанія, нужно заключить совсѣмъ противное“ (стр. 62). Вообще г. Пироговъ сознается, что „какъ ни желательна гегемонія школы надъ жизнью, и какъ ни пошла еще наша жизнь, но она пересиливаетъ“ (стр. 64).

Послѣ этихъ признаній я замѣчаю въ прошлогодней моей статьѣ ошибку, которой замѣчать никому не приходило въ голову. Правда, отъ г. Е. Суд. я уже заслужилъ что-то въ родѣ упрека за то, что „обрушился на среду, морально ослабляющую самыя лучшія личности“; но мнѣ именно слѣдовало въ десять разъ усилить ту часть статьи, гдѣ говорилось о гибельномъ вліяніи среды. Изъ признаній г. Пирогова вы видите, какъ она уже сама по себѣ, своей пошлостью, ограничиваетъ дѣятельность передовыхъ людей. Но не надо забывать, что она не всегда остается пассивною, она тоже принимаетъ порою участіе въ этой дѣятельности, и тогда происходятъ явленія до того странныя, до того нелѣпыя, что здравый смыслъ рѣшительно теряется въ ихъ путаницѣ. За примѣрами ходить недалеко — возьмемъ хоть нашу полемику съ поклонниками г. Пирогова и представимъ изъ нея главныя черты.

Человѣкъ въ теоріи отвергаетъ розгу и формализмъ, у него множество послѣдователей и поклонниковъ; онъ хочетъ провести свою теорію въ практикѣ, но по несчастію долженъ отказаться отъ этого намѣренія и уступить противнымъ вліяніямъ; вслѣдъ за этой уступкой раздаются рѣзкія возраженія и упреки за такой образъ дѣйствій, высказанные подъ вліяніемъ той же теоретической мысли, которой держится и самъ упрекаемый. Какъ вы полагаете, каково должно быть въ этомъ случаѣ впечатлѣніе людей, сознательно принимающихъ ту же теорію? Какъ эти возраженія должны быть приняты въ кругу людей,

Служащихъ дѣлу, а не лицамъ?

Перенесемтесь въ старое время, когда еще у насъ формально существовало крѣпостное право. Смѣлый эманципаторъ искренно и горячо говоритъ объ освобожденіи и увлекаетъ за собою толпу послѣдователей. Вдругъ ему достается наслѣдство; онъ, разумѣется, немедленно хочетъ отпустить кре-

стьянъ на волю, но встрѣчаетъ сильныя препятствія, и покамѣстъ уступаетъ. Вдругъ въ толпѣ ему сочувствовавшихъ раздается обличительный голосъ, изображающій крѣпостное право такъ, какъ оно стоитъ, провозглашающій святость свободныхъ принциповъ и укоряющій эманципатора за уступку. Какъ вы думаете, что почувствуютъ при этомъ голосѣ искренніе, сознательные приверженцы эманципации? Осердятся на смѣльчака, сочтутъ слова его посягательствомъ, обидой? Нѣтъ, какъ бы они ни любили своего друга-эманципатора, но если они любятъ и понимаютъ также и самое дѣло, то не могутъ они не сообразить, что вѣдь въ этомъ голосѣ для нихъ помощь; новое средство обороны, что онъ увеличиваетъ ихъ силу, что съ нимъ они смѣлѣе могутъ идти противъ обскурантовъ, мѣшающихъ дѣлу эманципации. Что за дѣло, если даже нѣсколько рѣзкихъ выходокъ и задѣнетъ ихъ друга и учителя,—но вѣдь за то самое дѣло выигрываетъ, за то обскуранты знаютъ, что вотъ какіе голоса поднимаются даже за одну невольную и временную уступку ихъ требованіямъ. И разумные приверженцы эманципатора, равно какъ и самъ онъ, радуются возраженіямъ, довольны упреками, желаютъ, чтобы какъ можно больше раздавалось подобныхъ голосовъ: вѣдь они выходятъ изъ тѣхъ же началъ, высказываютъ тѣ же идеи, которымъ служатъ и сами эти эманципаторы,—только высказываются рѣзче и прямѣе, раздаются громче и внятнѣе, не будучи заглушаемы противнымъ скрипомъ обоза практическихъ мелочей.

Чего бы естественнѣе, кажется, такое отношеніе либеральныхъ практическихъ педагоговъ къ полемикѣ о розгахъ? Но дѣло вышло совершенно не такъ.

О самомъ г. Пироговѣ я не говорю: онъ вездѣ трактуетъ журналистовъ свысока, и потому, конечно, и мою статью не удостоилъ счесть ни обидой, ни

поддержкой для себя. Можетъ быть онъ, и ошибается въ своихъ понятіяхъ о журналистикѣ, но это другой вопросъ. Собственно же въ этой полемикѣ г. Пироговъ остается въ сторонѣ. Передъ нами одни его послѣдователи.

Они, какъ оказывается, поняли все дѣло совершенно лично. Какія могли быть, на примѣръ, хоть у г. — бова личности съ г. Пироговымъ, способень ли такой-то человѣкъ изъ-за личностей искажать дѣло, можетъ ли согласиться такой-то журналъ сдѣлаться органомъ чьихъ-нибудь антипатій, наконецъ, такой-ли характеръ, такую-ли цѣль имѣетъ статья, — объ этомъ разсудить никому какъ будто не пришло въ голову. Возраженій на мои замѣчанія, серьезнаго разбора статьи никто не напечаталъ, а напечатали только какія-то беззубыя выходки противъ моей негуманности (!) въ обращеніи съ г. Пироговымъ... Мнѣ и всей русской публикѣ сообщали за новость, что „онъ можетъ ошибаться и ошибается, какъ всякій человѣкъ, но ошибки не отнимаютъ у него высокаго ума, благородно-либеральныхъ стремленій и сильнаго характера для возможныхъ у насъ разумныхъ реформъ“... А я-то, видите ли, отнималъ у него всѣ прописанныя качества!

Таковы оказались господа, тоже оскорбившіеся за Пирогова и напечатавшіе свои возраженія на мою статью...

А то были и другіе господа, тоже оскорбившіеся и писавшіе что-то такое, но нигдѣ не напечатавшіе своихъ писаній. Объ этомъ сообщаютъ намъ гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ. Нѣсколько статей и писемъ, по ихъ словамъ, послано было изъ Кіева въ столичные журналы для опроверженія „Всероссійскихъ иллюзій“, но ни одна изъ нихъ не была напечатана. Читателей *Современника*, вѣроятно, удивитъ это еще больше, чѣмъ самага Е. Суд., восклицающаго изъ глубины души: „чудныя дѣла дѣлаются на Руси! Одинъ журналъ вноситъ нелѣпости на человѣка

слишкомъ (?) почтеннаго, а остальные журналы, какъ бы по взаимному уговору, не хотятъ принимать никакихъ опроверженій“ (*Отечественныя Записки*, VI, стр. 138). Въ самомъ дѣлѣ чудно, — я этому удивляюсь едва ли не больше всѣхъ. Извѣстно положеніе *Современника* въ нашей журналистикѣ, извѣстно, съ какимъ рвеніемъ всѣ журналы стремятся предохранить публику отъ его нелѣпыхъ тенденцій, въ особенности же отъ его посягательствъ на всевозможные авторитеты. Не довольствуясь собственнымъ трудолюбіемъ по этой части, разныя редакціи обогащаютъ русскую литературу этюдами гг. Цвѣтовъ, Н. Ч. Воскобойниковыхъ, подыскиваютъ даже волюминозные трактаты въ скромныхъ стѣнахъ Кіевской духовной академіи... Ужъ отъ кіевскихъ-ли педагоговъ не приняли бы статьи! „Положимъ, онѣ были дурно изложены,—скажемъ словами г. Драгоманова,—почему же гг. редакторы не обратили вниманія хоть на факты, которые были представлены въ нихъ вѣрно, и не отвѣчали г. Добролюбову (то-есть—бову) отъ себя?—Благородный общественный дѣятель былъ оскорбленъ, и въ защиту его было сказано только нѣсколько словъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и то мимоходомъ, въ письмѣ изъ Полтавы. Что заключить изъ такого факта? Для насъ возможно только одно заключеніе: вѣроятно, статьи были ужъ такъ плохи, что редакціи поняли, что выступать съ ними противъ *Современника* значило бы только срамить себя. Да вѣрно и факты-то въ нихъ были въ томъ родѣ, что Н. И. Пироговъ—благородный человѣкъ, что въ „Уставѣ“ удержана розга, и что при Пироговѣ въ гимназіяхъ сѣкутъ меньше. А впрочемъ, нѣтъ, вѣрно и того не было... Вѣдь вотъ теперь напечатаны же статьи гг. Драгоманова и Е. Суд., а въ нихъ вѣдь тоже никакихъ другихъ фактовъ нѣтъ, да еще и логики не достаетъ... Должно быть, другія-то возраженія были ужъ еще хуже, хоть это и трудно себѣ представить.

А то нашлись еще такі господа—тоже хороши!—которые возблаговѣли предъ статейкою (тоже не понявъ ее) и внезапно почувствовали... потерю уваженія къ г. Пирогову!.. Такое открытіе дѣлаетъ г. Е. Суд., и г. Драгомановъ подтверждаетъ его. Въ замѣткѣ г. Е. Суд. объясняется: „Бойкая статейка г.—бова производила свое желанное (?) вліяніе даже на кіевлянъ, на тѣхъ людей, которые могли бы, кажется, лучше присмотрѣться къ характеру общественной дѣятельности своего попечителя“...

Какое же это было желанное (вѣроятно, мною) вліяніе? А вотъ какое: „статейка, по виду весьма гуманная и либеральная, соблазнительно дѣйствовала на неопытную публику (бѣдняжка публика, точно бѣдная Лиза!), подрывая у многихъ уваженіе къ тому, котораго она уже привыкла уважать“. Неопытность соблазненной публики дошла до того, что она „заподозрила въ отсутствіи грамотности (вѣроятно, надо читать гуманности) и истиннаго либерализма не г.—бова (какъ слѣдовало бы, разумѣется), а г. Пирогова, и малодушно отвернулись отъ него даже тѣ, которые уважали его, соотвѣтственно своей степени умственнаго и нравственнаго развитія“... А въ статейкѣ-то, между тѣмъ, даже среди самыхъ горячихъ тирадъ, при выраженіяхъ, которыя могли бы показаться наиболѣе неприятными для самолюбія, — все-таки безпрестанно проглядываетъ мотивъ всей этой горячности, состоящій въ томъ, что авторъ чрезвычайно высоко цѣнитъ Пирогова, и что именно такого-то человѣка тяжело ему и видѣть слабѣющимъ и падающимъ подъ гнетомъ среды, въ которую онъ поставленъ. Да, слабѣющимъ и падающимъ—я не боюсь повторить это: въ отсутствіи яснаго протеста противныхъ его кореннымъ убѣжденіямъ пунктовъ комитетскихъ „Правилъ“ видно уже послабленіе, а въ согласіи мотивировать, оправдывать ихъ и провозгласить, что вполнѣ ихъ „раздѣляетъ“,—было его

паденіе въ этомъ случаѣ. Вотъ объ этомъ-то я и писалъ: „тутъ найдите, господа, говорилъ я:—тутъ самъ Пироговъ упалъ“... И вѣдь я писалъ не для идіотовъ, а для людей разсуждающихъ, которые могли бы понять, что въ статьѣ дѣло идетъ о дѣлѣ, о фактѣ, въ которомъ Пироговъ принялъ участіе, а вовсе не объ общей и окончательной оцѣнкѣ всѣхъ его общественныхъ заслугъ, талантовъ, характера, и пр.. Я указалъ на его ошибку, положимъ, даже преувеличивъ ея значеніе; я надѣялся, что это выяснитъ дѣло и поможетъ торжеству новыхъ, разумныхъ началъ надъ рутиною; но, признаюсь,—никакъ не рассчитывалъ я на такой эффектъ, какой указывается г-мъ Е. Суд. И отчего это? Вѣдь не оттого же въ самомъ дѣлѣ, что статейка была уже до невозможности соблазнительна, irrésistible, такъ сказать, а просто по причинѣ самихъ же господъ соблазненныхъ. Я ихъ никого не знаю, но г. Е. Суд., кievлянинъ, рисуетъ ихъ характеристику вотъ какими лестными красками: „большинство сослуживцевъ его (Пирогова), не сознавая самихъ принциповъ, подчиняется вліянію личности, стремится къ общественной пользѣ только потому, что исполняетъ желанія попечителя, челоуѣка прославленнаго, знаменитаго, всѣми уважаемаго“... И какъ только оказался, видите ли, челоуѣкъ, который не преклоняется безусловно предъ „челоуѣкомъ прославленнымъ“ и пр., — эти господа сейчасъ же и перемѣнили свои расположенія и перестали „стремиться къ общественной пользѣ“... И все это—замѣтьте—отъ „раздражительныхъ выходокъ“ журнальнаго крикуна, озорника, который и желалъ бы быть Калиновичемъ, да соотвѣтственнаго чина не имѣетъ, и потому принужденъ озорство все ограничивать литературою... Что же теперь будетъ,—спрашиваю я безпристрастныхъ читателей, не исключая и кievлянъ, очень склонныхъ къ искреннимъ признаніямъ, — что же будетъ, если на нихъ насядетъ, уже не въ литера-

туръ, а въ дѣйствительной жизни, какой-нибудь Калиновичъ, если ихъ соблазнять станетъ уже не журнальный, а какой-нибудь другой крикунъ? Въ какой мѣрѣ и надолго ли удержится тогда благотворное вліяніе благородной личности г. Пирогова? Что станется съ самими педагогическими совѣтами, если ихъ будутъ составлять такія личности, которыя, „не сознавая принциповъ, подчиняются личности“ и стремятся къ общественной пользѣ только потому, что этого желаетъ начальство... И вѣдь такихъ большинство... Можетъ быть, г. Е. Суд. судить слишкомъ строго, скажете вы; но вѣдь его слова согласны въ сущности съ тѣмъ, что написано въ „Отчетѣ“ самого г. Пирогова. А то вотъ еще отзывъ г. Драгоманова, „недавняго гимназиста“, какъ о немъ было сказано въ одной изъ прощальныхъ рѣчей: „старое поколѣніе (воспитателей),—говоритъ онъ,—дѣйствуетъ по отсталымъ принципамъ, а молодое пока умѣетъ только говорить о новыхъ. Это, конечно, очень прискорбно, но тѣмъ не менѣе, это фактъ, фактъ... фактъ... (Видите, какъ сильно!)... Если все предоставить нравственному вліянію, то необходимо положиться исключительно на педагогическій смыслъ и любовь къ дѣлу воспитателей. Ну, а положитесь-ка на смыслъ и любовь къ начальству нашихъ воспитателей... Мы не можемъ удержаться отъ улыбки“... Въ началѣ письма г. Драгомановъ въ силлогизмъ (котораго первая посылка, вслѣдствіе опечатки, потеряла, впрочемъ, всякій смыслъ) доказываетъ, что если бы г. Пироговъ хотѣлъ заставить учителей дѣйствовать сообразно его началамъ, то „долженъ былъ бы выгнать почти всѣхъ учителей“... Таковы они были... Изъ этого г. Драгомановъ, со свойственной ему послѣдовательностью, выводитъ: „что случилось бы съ преобразованіями Пирогова, если бы онъ основывалъ ихъ на личномъ, а не на коллегіальномъ началѣ?“... И разумѣетъ, конечно, что тогда преобразованіямъ пришлось бы плохо.

Но какую же прочность и достоинство имѣетъ это коллегіальное начало между воспитателями, не имѣющими ни педагогическаго смысла, ни любви къ дѣлу, или дѣйствующими по отсталымъ началамъ, или только умѣющими говорить о новыхъ, не сознающими здравыхъ принциповъ и только изъ угожденія начальству дѣлающими что-нибудь порядочное? Чѣмъ сдѣлаются пресловутыя „Правила“ и „Таблицы“ при отсутствіи личнаго вліянія г. Пирогова, при сохраненіи административнаго начала въ воспитаніи, при неопредѣленности нѣкоторыхъ пунктовъ, при просторѣ, предоставленномъ воспитателямъ въ опредѣленіи проступковъ, при узаконеніи въ „Правилахъ“ „безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія“? Смотри на „Правила“ просто какъ на кодексъ, совершенно независимо отъ личности г. Пирогова, наблюдавшаго за ихъ исполненіемъ,—на нихъ нельзя возлагать большихъ надеждъ: г. Пироговъ сознается, что они „несовершенны“, я уже говорилъ и доказывалъ, что мнѣ онѣ кажутся очень и очень несовершенными. Г. Пироговъ однако доказываетъ фактами, что они принесли пользу; но изъ фактовъ этихъ не видно одного: дѣйствовали ли тутъ „Правила“, или болѣе, — а можетъ быть, только—и „желаніе угодить попечителю, человѣку прославленному“, и пр... Подождемъ, что будетъ безъ г. Пирогова, дождемся слѣдующихъ двухъ-трехъ отчетовъ,—тогда и окажется, до какой степени полезны сами „Правила“, безъ личнаго участія г. Пирогова въ примѣненіи ихъ...

Вотъ опасность, о которой я намекнулъ выше, что она грозитъ дѣлу, отъ системы, принятой г. Пироговымъ, т. е., отъ системы уступокъ большинству, которое, по словамъ его же поклонниковъ, ничего лучше не желало, какъ сдѣлать угодное начальнику... Положеніе должно было представляться тѣмъ болѣе комическимъ, что г. Пироговъ не могъ же предоставить большинству, или вообще коллегіямъ, всѣхъ

правъ и всѣхъ условій, необходимыхъ для успѣшности ихъ дѣйствій: административное начало, учебная формалистика, прежніе уставы и законоположенія — все это оставалось и связывало свободную дѣятельность коллегій, если бы онѣ даже и оказывались склонны къ какимъ-нибудь свободнымъ нововведеніямъ... Я опять не осуждаю здѣсь г. Пирогова (считаю не лишнею эту оговорку); я вѣрю, что въ его положеніи онѣ не могъ сдѣлать ничего лучше того, что сдѣлалъ... Но я опять не вѣрю и громадности тѣхъ послѣдствій отъ „Правилъ“ и коллегіальнаго начала, которыя высчитаны въ дюжинѣ торжественныхъ рѣчей, сказанныхъ г. Пирогову. Если къ отмѣнѣ розги нельзя было вдругъ привести педагоговъ и общество, то можно ли въ два съ половиною года (время попечительства г. Пирогова) привести ихъ къ отмѣнѣ произвола и къ строгому уваженію законности.

„Вотъ мы и правы были, — кричатъ гг. Е. Суд. и М. Драгомановъ: — вотъ г. — бовъ и самъ договорился до теоріи либеральнаго деспотизма, утверждая, что система уступокъ коллегіямъ со стороны г. Пирогова была нехороша и даже грозитъ какою-то опасностью дѣлу“...

Нѣтъ, господа, вы все-таки не правы. Я уже сказалъ, что меня занимаютъ не личныя достоинства г. Пирогова, а самое дѣло. Г. Пироговъ дѣйствовалъ отлично, насколько могъ, но дѣло оттого мало подвинулось... Что оно мало подвинулось, это ужъ не отъ г. Пирогова зависѣло, а отъ того положенія, въ которое онѣ былъ поставленъ. Можетъ быть, если бѣ онѣ дѣйствовалъ иначе, было бы хуже, можетъ быть — вышло бы въ концѣ концовъ то же самое; но во всякомъ случаѣ погодите кричать о великихъ прогрессахъ, о неизмѣримо-благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ, о внезапномъ перерожденіи и пр... Этого, господа, не бываетъ... На торжественныхъ проводахъ можно говорить что угодно,

особенно если это пріятно г. Пирогову: отчего же не воздать честь человѣку? Но честь честью, а дѣло дѣломъ. А дѣло могло бы пойти успѣшно только тогда, когда бы—Пироговъ ли или кто другой—направиль всѣ свои усилія на рѣшительное и коренное измѣненіе того положенія, которое оказалось препятствіемъ для г. Пирогова на пути болѣе широкихъ реформъ. И въ этомъ-то состоитъ наше требованіе отъ передовыхъ общественныхъ дѣятелей: въ сравненіи съ нимъ всѣ остальные требованія, — весьма почтенныя сами по себѣ, — кажутся намъ слабы и мелки... Но мы сами ошиблись, думая нѣкогда, что такое требованіе выполнимо хоть до нѣкоторой степени для единичной личности; теперь, на примѣръ же г. Пирогова мы убѣдились, что оно рѣшительно невыполнимо даже для самыхъ лучшихъ личностей, если онѣ дѣйствуютъ только сами собой... Нужно, чтобъ общество, чтобъ сама среда обратила вниманіе на свое положеніе и почувствовала необходимость измѣнить его. Среда же — это всѣ мы: и г. Пироговъ, и г. Е. Суд., и я, и г. Драгомановъ — всѣ принадлежатъ къ этой средѣ [и всѣ обязаны хлопотать, насколько есть силъ и умѣнья, о существенномъ измѣненіи нашего положенія, чтобы развязаны были намъ руки на проведеніе нашихъ задушевныхъ убѣжденій]. Вотъ смыслъ и цѣль — какъ предыдущей, такъ и настоящей моей статьи по поводу кіевскихъ „Правиль“.

Поймутъ ли меня г. Драгомановъ и компанія? Не очень надѣюсь, но желалъ бы, чтобъ поняли: въ людяхъ молодыхъ и свѣжихъ все же больше силы, даже для того, чтобъ, не стыдясь прежнихъ увлеченій, перейти къ новымъ требованіямъ.

Но зачѣмъ же я самъ составилъ такое жалкое изображеніе этой среды, къ которой еще разъ обращаюсь? Вѣдь, если прежде сказали, что я написалъ статью для оскорбленія г. Пирогова, такъ теперь рѣшатъ, пожалуй, что я писалъ для оскорбленія

всѣхъ кіевскихъ педагоговъ, всего учебнаго округа... Пожалуй, что и рѣшатъ. Но вѣдь это не мое изобрѣтеніе, — я сгруппировалъ лишь нѣкоторыя черты, сообщенныя самими кіевлянами... А зачѣмъ я группировалъ ихъ?.. Да положимъ хоть затѣмъ, чтобъ имѣть удовольствіе видѣть потомъ ошибочность своихъ мрачныхъ предположеній... Можетъ быть, на зло этой статейкѣ, кіевляне дѣйствительно проникнутся истинными началами г. Пирогова, будутъ смѣло, во имя ихъ, идти противъ всякаго крикуна, разумно и гуманно разбирать проступки гимназистовъ и совсѣмъ выведутъ изъ употребленія розгу. Когда наступитъ этотъ безмятежный вечеръ въ кіевской педагогикѣ (что мы узнаемъ изъ будущихъ отчетовъ), тогда я съ радостью похвалю утро, принесенное въ Кіевъ г. Пироговымъ.

Разныя педагогическія статьи.

О приученіи дѣтей.

Дѣти весьма легко забываютъ совѣты и предписанія о томъ, какъ имъ вести себя; поэтому, если мы хотимъ заставить дѣтей дѣлать что-нибудь, то надобно стараться, чтобы они постоянно это дѣлали до тѣхъ поръ, пока наконецъ не привыкнутъ. Истину этого положенія каждый воспитатель можетъ ежедневно повѣрять на опытѣ, — постоянно убѣждаясь въ его важности и въ необходимости слѣдовать ему при практическомъ воспитаніи. Кто близко обращается съ дѣтьми и внимательно наблюдаетъ за ихъ жизнью и потребностями, особенно за ходомъ ихъ развитія и образованія, тотъ хорошо знаетъ, что отъ маленькихъ дѣтей нельзя требовать, чтобы они дѣлали добро и избѣгали зла единственно по собственному глубокому сознанію и размышленію. Дитя еще не достигаетъ такой степени духовнаго развитія. Развѣ не требовать отъ дѣтей, чтобы они дѣлали добро и избѣгали зла, — пока они не достигнутъ той степени духовнаго развитія, на которой уже пробуждается самосознаніе?

Но такъ какъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ жизни дитя уже неизбежно окружено бываетъ самыми разнообразными вліяніями и искушеніями всякаго рода, то этотъ педагогическій опытъ можетъ быть довольно опасенъ. Дѣтская натура весьма склонна къ раздражанію, и, будучи оставлена самой себѣ, она въ короткое время можетъ приобрѣсти такое умственное и нравственное направленіе, что впоследствии самая

сильныя внушенія разума, самыя лучшія наставленія и требованія чести и долга не въ силахъ уже будутъ изгнать укоренившіеся дурныя навыки. Нѣтъ, разумное воспитаніе требуетъ, чтобы уже въ самомъ раннемъ возрастѣ, еще прежде, чѣмъ дѣти станутъ хорошо сознавать себя, — внушалось имъ стремленіе ко всему доброму, истинному, прекрасному и благородному; они какъ бы инстинктивно должны въ это время привыкать къ нравственной жизни. Когда въ людяхъ, привыкшихъ такимъ образомъ дѣлать хорошее, и раскроется вполнѣ самосознаніе, и они будутъ исполнять свой долгъ, какъ образованные люди, по собственному убѣжденію, по любви, по свободному расположенію, — все же и въ этомъ случаѣ раннія привычки будутъ служить основаніемъ, на которомъ зиждется жизненное зданіе нравственности и благородства. Необходимость и благодѣтельность привычки доказывается еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что дѣти, даже будучи въ состояніи понимать и рассуждать, часто однако, по легкомыслію и вѣтренности, не дѣлаютъ того, что слѣдуетъ, пока ихъ не заставятъ или не принудятъ внѣшнимъ образомъ; лучшее средство для этого и есть постепенное приученіе. Раннее приученіе тотчасъ производитъ привычку; а какую власть имѣетъ надъ человѣкомъ привычка, это можно видѣть даже изъ старой поговорки: привычка—вторая натура. Поэтому-то учитель и воспитатель, желающіе, чтобы ихъ труды принесли какой-нибудь плодъ, непременно должны прибѣгать къ средствамъ приученія, особенно если подъ вѣдѣніемъ ихъ находится много учениковъ, и нѣтъ возможности съ каждымъ изъ нихъ рассуждать о каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но чтобы изъ этой, въ сущности полезной, мѣры не сдѣлать дурного употребленія, нужно соблюдать слѣдующія правила:

- 1) Учитель долженъ пользоваться силою привычки при обученіи дѣтей, онъ долженъ настаивать съ особенной твердостью на томъ, чего онъ хочетъ

и требуетъ отъ дѣтей, что желаетъ вкоренить въ душахъ ихъ; онъ долженъ заставлятъ дѣтей такъ часто, такъ постоянно повторять то же самое, чтобы это сдѣлалось наконецъ ихъ привычкою, вошло въ ихъ природу.

2) Дѣти должны точно и опредѣленно знать волю учителя, или начальника, т. е. что имъ должно дѣлать и исполнять; поэтому воля начальника должна ясно и открыто выражаться во всѣхъ приказаніяхъ по классу и во всемъ порядкѣ ученія.

3) Начальникъ долженъ остерегаться, чтобы въ его приказаніяхъ не было исключеній или частыхъ перемѣнъ; иначе это можетъ подать дѣтямъ поводъ къ капризамъ, и желая приучить ихъ ко всему, непостоянный воспитатель кончитъ тѣмъ, что ни къ чему не приучитъ.

4) Начальникъ долженъ постоянно стараться показывать дѣтямъ, что онъ все замѣчаетъ, на все смотритъ и всегда знаетъ, такъ ли исполнено его приказаніе, какъ онъ хотѣлъ.

5) Онъ долженъ постоянно поощрять и возбуждать дѣтей, чтобы они охотно и съ готовностью исполняли во всей строгости училищныя правила. Для этого при всѣхъ своихъ приказаніяхъ онъ долженъ обращаться съ дѣтьми ласково и дружески, не теряя однако серьезнаго и строгаго вида, и во всемъ показывая дѣтямъ, что ничто не въ состояніи измѣнить его волю или ослабить его рѣшимость.

6) Отъ дѣтей, на которыхъ не дѣйствуютъ убѣжденія, и которыя упрямо держатся своихъ дурныхъ привычекъ и своевольно противятся приказаніямъ, — нужно требовать строгаго, слѣпого повиновенія. Но дѣтей, выказывающихъ разсудительность и добрую волю, нужно возбуждать къ повиновенію свободному, основанному на разумномъ убѣжденіи, которое имъ нетрудно внушить.

7) Даже если начальникъ видитъ, что для дѣтей трудно и обременительно исполнять его приказанія, —

и въ такомъ случаѣ, если ихъ исполненіе необходимо, — онъ не долженъ отступать передъ трудностью дѣла, но твердо настаивать на своемъ требованіи: только мало-по-малу, постепеннымъ продолженіемъ и повтореніемъ извѣстнаго дѣла, можно преодолѣть его трудность, устрашающую на первый разъ.

8) Начальникъ долженъ быть одинаковъ ко всѣмъ дѣтямъ, безъ различія; отъ всѣхъ одинаково нужно требовать исполненія того, что предписано. Поэтому начальникъ не долженъ казаться строгимъ въ отношеніи къ однимъ, а къ другимъ слабымъ, снисходительнымъ. Всѣ равномѣрно должны быть направляемы и приучаемы къ добру.

9) Начальникъ обязанъ смотрѣть, чтобы тѣ ученики, которые давно уже находятся въ школѣ, подавали примѣръ добраго поведенія тѣмъ, которые вновь поступили, а младшіе приучались ко всему хорошему, слѣдуя примѣру старшихъ.

10) Въ приученіи всякаго рода особенно важно заботиться о томъ, чтобы не сдѣлать повиновенія дѣтей безсмысленнымъ. Если дитя не можетъ еще ясно понимать, почему и для чего оно дѣлаетъ то или другое, то по крайней мѣрѣ оно должно знать, что оно дѣлаетъ; иначе изъ людей выйдутъ машины.

Если учителя и воспитатели будутъ держаться этихъ правилъ при внушеніи дѣтямъ разныхъ добрыхъ привычекъ, то, конечно, о нихъ нельзя будетъ сказать, что они дурно воспользовались этимъ прекраснымъ средствомъ нравственнаго воспитанія.

(Изъ Die Zucht in der Volksschule, v. R. Hermanus).

Учитель долженъ служить идеаломъ для учениковъ.

Юность вообще склонна къ восторженной идеализаціи. Поэтому дѣти любятъ собирать въ одно всѣ понятія о совершенствѣ, какія имъ удалось получить въ недолгой своей жизни, и переносятъ ихъ

на какую-нибудь опредѣленную личность, въ которой видятъ осуществленіе своихъ идеаловъ. Всего чаще идеаломъ ихъ становится учитель, и въ немъ-то стараются они видѣть соединеніе всѣхъ добродѣтелей. Если всѣ окружающіе дитя — лгутъ и обманываютъ, а учитель этого не дѣлаетъ; если даже отецъ ребенка бываетъ не всегда въ трезвомъ состояніи, а въ учителѣ нѣтъ этой слабости; если въ самомъ семействѣ господствуетъ раздоръ, а учитель постоянно кротокъ и радушенъ, — то ребенокъ уже думаетъ о своемъ учителѣ, какъ о чемъ-то высшемъ, и едва можетъ представить, чтобы онъ имѣлъ такія же потребности, какъ другіе, чтобы онъ пилъ и ѣлъ такъ же, какъ другіе люди. Да, учитель представляетъ для ученика высшій образецъ человѣческаго совершенства, возбуждающій благоговѣйное удивленіе. „Вотъ до этого мѣста дотронулся нашъ учитель пальцами“, говорила мнѣ одна маленькая дѣвочка, почтительно показывая въ своей книгѣ мѣсто, обведенное ею вокругъ карандашомъ.

Положеніе учителя весьма выгодно въ томъ отношеніи, что онъ не находится безпрестанно предъ глазами учениковъ, какъ напримѣръ, бываютъ ихъ родители. Но въ этомъ же заключается и важное неудобство для него: за нимъ каждый разъ наблюдаютъ строже и внимательнѣе. Объ этомъ не мѣшало бы учителямъ подумать посерьезнѣе, и вспоминать каждое утро, предъ отправленіемъ въ классъ. Они должны всегда помнить, что въ лицѣ ихъ осуществляются для дѣтей всевозможныя совершенства; не должны забывать и того, что это идеальное юношеское вѣрованіе облегчаетъ дѣйствія учителя и дѣлаетъ его примѣръ благотворнымъ. Свѣтъ еще успѣетъ вырвать изъ дѣтской души много этихъ прекрасныхъ вѣрованій; что же, если и сами учителя будутъ безразсудно и легкомысленно этому способствовать, подрывая основаніе, на которомъ преимущественно утверждается все дѣло воспитанія?

Чѣмъ болѣе учитель будетъ помнить, что ученики смотрятъ на него какъ на существо высшее, — тѣмъ сильнѣе будетъ его вліяніе на дѣтей, тѣмъ болѣе будетъ доставлять отрады каждая его похвала, тѣмъ глубже врѣжется въ сердце ученика каждый упрекъ его, а слѣдовательно и все дѣло воспитанія будетъ несравненно благотворнѣе. Но горе учителю, который неосторожнымъ своимъ поведеніемъ, проявленіемъ своихъ страстей предъ учениками, разрушилъ то обаяніе, которымъ былъ окруженъ въ ихъ глазахъ. Они уже смотрятъ на него, какъ на обыкновеннаго человѣка, предписанія его считаютъ прихотью, наказанія — средствомъ отмщенія; о немъ говорятъ въ кругу семейства, покачивая головой въ знакъ сомнѣнія насчетъ его нравственныхъ достоинствъ. Нѣкто сказалъ: „самое несчастное отношеніе между учителемъ и учениками — то, когда въ нихъ закрадывается сомнѣніе относительно познаній учителя“. Мы къ этому прибавимъ, что еще несчастнѣе положеніе учителя тогда, когда это сомнѣніе дѣтей касается его нравственныхъ достоинствъ. Какъ только нравственное довѣріе потеряно и поколебалось хоть нѣсколько, тотчасъ же и слово учителя теряетъ свою силу, — его похвала и порицаніе не имѣютъ значенія, и то, что прежде охотно и радостно дѣлалось — единственно изъ любви и уваженія къ нему, достигается уже не иначе, какъ школьной тираніей, наказаніями и принужденіями.

Да, много нужно для этого, чтобы быть учителемъ въ полномъ, благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова, и мы охотно признаемся, что всѣ мы далеки отъ этого идеала. Наше дѣло — дѣло рукъ человѣческихъ, и къ сожалѣнію послѣдствія часто весьма несовершенно соотвѣтствуютъ нашимъ искреннимъ стремленіямъ. Но если мы дерзаемъ сами за себя надѣяться на милость Всевышняго Судіи, то никогда не должны забывать, что къ намъ особенно

относятся слова: „горе тому, кто соблазнить одинаго изъ малыхъ сихъ!“ Хороши и слова, но примѣръ еще лучше, и хотя наша дѣятельность никогда не можетъ быть свободна отъ недостатковъ, но по крайней мѣрѣ мы можемъ и должны стараться, чтобы въ ней хотя сколько-нибудь отразился Божественный образъ, который мы носимъ въ душѣ своей.

(Изъ Die Pädagogik der Volksschule).

Мысли объ учрежденіи открытыхъ женскихъ школь.

(По поводу открытаго недавно въ Петербургѣ Курса ученія для дѣвицъ, воспитывающихся въ своихъ семействахъ, подъ управленіемъ г-жи Труба).

Въ числѣ разныхъ похвальныхъ обычаевъ нынѣшняго вѣка особенную похвалу заслуживаетъ обычай прекрасно воспитывать дѣтей и обучать ихъ разнымъ наукамъ и искусствамъ. Обойтись безъ ученья теперь рѣшительно нѣтъ никакой возможности, и хотя многіе папеньки втайнѣ и сожальютъ о временахъ Простаковыхъ, но всѣ уже понимаютъ грустную и тѣмъ не менѣе настоятельную необходимость тратиться на воспитаніе своихъ сынковъ. „Теперь ужъ не старые годы, слыхали мы разсужденія такихъ родителей, безъ ученья ничего не добьешься, никакой карьеры не сдѣлаешь, особенно коли капитала большого нѣтъ. А тамъ выйдешь изъ университета или еще лучше изъ лицея, изъ Училища Правовѣдѣнія,—такъ и чины раньше получаютъ будешь, и должность лучше займешь, и повышеніе скорѣе заслужишь, и у начальства не то значеніе имѣешь, и все...“ Нельзя не порадоваться на благоразуміе чадолюбивыхъ родителей, и нельзя не одобрить ихъ благороднаго порыва при первой возможности отдать сына въ какое-нибудь, доступное для нихъ, казенное учебное заведеніе, гдѣ и наукамъ

обучаютъ всяческимъ, и воспитываютъ прекрасно, и права даютъ значительныя, снимая такимъ образомъ съ родительскаго сердца всю тяжесть заботъ не только о воспитаніи, но и о будущности сына.

Практическія слѣдствія нѣжныхъ заботъ о воспитаніи мальчиковъ очевидны для всякаго. Но тутъ же, рядомъ, поражаетъ насъ явленіе крайне странное, крайне несовмѣстное съ нравами и понятіями нашего общества: папеньки и маменьки хлопчуть также и о воспитаніи дочерей своихъ. Этого явленія мы ужъ рѣшительно не умѣемъ объяснить. Ну, къ чему дѣвочкамъ образованіе, скажите на милость. Къ чему? какую практическую пользу могутъ онѣ извлечь изъ наукъ, которымъ ихъ обучаютъ? На государственной службѣ онѣ вѣдь не состоятъ, а если и состоятъ, такъ чиновъ не получаютъ, званіе и положеніе въ обществѣ онѣ имѣютъ не сами собой, а отцомъ или мужемъ. Карьера же ихъ извѣстно, чѣмъ составляется, — хорошенькимъ личикомъ, французскимъ разговоромъ, танцами, а всего больше приданымъ. Къ чему же ихъ мучать этими науками-то несносными? Какая цѣль, какая надобность? Неужели вы полагаете, что найдется въ нынѣшнемъ свѣтѣ такой чудакъ женихъ, который станетъ экзаменовывать свою невѣсту, подъ какимъ градусомъ широты лежитъ какая-нибудь Новая Зеландія, или въ какомъ году какой-нибудь Артаксерксъ царствовалъ, или какъ отличить, по грамматикѣ Греча, совершенный видъ отъ опредѣленнаго и однократнаго, и т. п.? Да вѣдь это такія бесполезныя премудрости, что никому во всю жизнь не пришло бы въ голову и спросить о нихъ, если бы ученья-то вашего не было. Къ чему же дѣвочкѣ губить свои лучшіе годы, изнывая надъ зубреніемъ склоненій, спряженій, градусовъ, годовъ, французскихъ департаментовъ, русскихъ удѣльныхъ князей? Зачѣмъ имъ эти знанія, когда въ жизни нужны только французскій языкъ, танцы и музыка?

Нѣжныя маменьки, горькимъ опытомъ извѣдавшія всю мучительность и бесполезность наукъ для женскаго пола, находятъ возможнымъ отвѣчать только въ свое оправданіе: „Что же дѣлать? такъ принято. Безъ этого ужъ нынче нельзя“. Но просвѣщенные папеньки, смотрящіе на жизнь отчасти съ послѣобъденно-философской точки зрѣнія, находятъ отвѣтъ болѣе удовлетворительный. „Нѣтъ, это вы напрасно противъ наукъ возстаете, говорятъ они. Онѣ даже нѣкоторымъ образомъ необходимы для счастья жизни. Образование, видите ли, разливается повсюду быстрымъ потокомъ. Во всякомъ обществѣ теперь вы услышите разсужденія о предметахъ серьезныхъ, о научныхъ вопросахъ. Всякому пріятно, разумѣется, найти и въ женѣ своей сочувствіе къ интересамъ науки, то-есть знаете, чтобъ она не сидѣла, по крайней мѣрѣ, разинувъ ротъ, когда при ней о наукахъ разсуждаютъ. Ну, вотъ возьмите, говорятъ хотъ на примѣръ объ остъ-индскихъ происшествіяхъ; ну, и хорошо, если моя дочь знаетъ, гдѣ находится Остъ-Индія, что такое Индъ, что Гангъ, и все это. Или теперь вотъ землетрясенія въ Италіи: если дѣвушка географіи обучена, она ужъ и понимаетъ сейчасъ, гдѣ это Италія лежитъ, и какъ тамъ Везувій курится, и вообще огнедышущая гора тамъ, Помпея; знаете, представленіе имѣетъ нѣкоторое. И въ исторіи точно то же - съ. Сравните вы хотъ, положимъ, Луи Наполеона съ Первымъ Наполеономъ; а у ней сейчасъ ужъ идея есть, что это Наполеонъ тотъ самый, который въ 1812 г. на Россію ходилъ, и знаете, вся война, такъ сказать, предъ взоромъ проходитъ, и прошедшую нашу славу напоминаетъ. А вѣдь это, знаете, и пріятно для человѣка, истинно просвѣщеннаго и любящаго свое отечество. Нынѣ ужъ и отъ женщины требуютъ не однѣхъ этихъ блесковъ, шумихи-то этой, а образованія прочнаго, солиднаго, потому что оно, дѣйствительно, доставляетъ лучшее счастье въ жизни“.

Соображенія почтеннаго папеньки вполнѣ основательны, если разсматривать ихъ въ отвлеченіи. Но въ практическихъ приложеніяхъ они не выдерживаютъ самой легкой критики и оказываются утопическими мечтаніями. Рискаю потревожить сладкую послѣобѣденную дремоту чадолюбивыхъ родителей, мы рѣшаемся утверждать, что ихъ высокое мнѣніе о пользѣ наукъ для счастья семейной и общественной жизни женщинъ есть праздное порожденіе ихъ фантазіи и не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія въ дѣйствительности. Мы утверждаемъ, что наше современное воспитаніе и обученіе дѣвицъ, во всѣхъ его видахъ, нимало не имѣетъ въ виду ихъ будущей жизни въ семействѣ и обществѣ. Для убѣжденія въ этомъ довольно бросить самый бѣглый взглядъ на различные роды женскаго воспитанія, наиболѣе у насъ принятые.

Прежде всего обратите вниманіе на воспитаніе общественное, которое у насъ очень распространено. Дѣвочекъ, воспитывающихся въ казенныхъ заведеніяхъ, считается у насъ болѣе 8.000, тогда какъ мальчиковъ, учащихъ во всѣхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ (кромѣ духовныхъ, кантонистовъ и крестьянскихъ школъ) насчитывается до 130.000. Въ этомъ послѣднемъ счетѣ мы должны видѣть полное число учащихъ мальчиковъ въ Россіи (опять кромѣ духовныхъ, кантонистовъ и крестьянъ), потому что почти каждый учащійся мальчикъ у насъ непременно побываетъ въ школѣ, чтобы получить какія-нибудь права. Число же дѣвицъ въ казенныхъ школахъ еще не даетъ понятія о дѣйствительномъ числѣ учащихъ женскаго пола: онѣ воспитываются и дома и въ частныхъ пансіонахъ. Пансіоновъ считается въ Россіи до 600, и большая часть ихъ занимается воспитаніемъ дѣвицъ. Если положить число воспитанницъ, живущихъ въ пансіонахъ, до 5.000, и если принять, что у насъ количество учащихъ дѣвочекъ равно количеству учащихъ мальчиковъ, то выйдетъ, что изъ

десяти дѣвочекъ одна воспитывается у насъ внѣ семейства. Но несомнѣнно, что дѣвочекъ учится у насъ меньше, чѣмъ мальчиковъ, и весьма вѣроятно, что и въ такъ называемыхъ образованныхъ классахъ отношеніе между ними близко къ тому, какое существуетъ въ школахъ казенныхъ крестьянъ, гдѣ на 90.000 мальчиковъ приходится 20.000 дѣвочекъ. Если такъ, то выйдетъ, что одна изъ пяти дѣвочекъ, получающихъ у насъ образованіе, воспитывается внѣ семейнаго круга, въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Воспитаніе въ этихъ заведеніяхъ можетъ быть превосходное, но никакъ не можетъ быть семейное. За воспитанницами въ заведеніи смотрятъ все-таки чужіе, наемные глаза, которые никакъ не могутъ замѣнить родительскаго надзора. Самая образцовая, идеальная начальница заведенія не можетъ стать съ воспитанницами въ такія нѣжныя, сердечно-откровенныя, простыя отношенія, въ какихъ находится мать къ дѣтямъ. Самое лучшее учебное заведеніе имѣетъ въ виду не развитіе отдѣльныхъ личностей, а порядокъ и благоустройство общее. Дѣвочки въ пансіонахъ облакаются въ униформу, получаютъ хорошую выправку, приучаются къ строгой дисциплинѣ и неизбежно отучаются отъ семейной жизни. Здѣсь каждый шагъ ихъ подчиненъ особенной формальности, необходимой въ заведеніи для порядка, но во все не существующей въ семейной жизни. Здѣсь все чужое для дѣвочки, она здѣсь не у себя, она постоянно какъ будто на выставкѣ. Слѣдствіемъ этого бываетъ, съ одной стороны, ослабленіе внутренней энергіи, самостоятельности и естественной простоты отношеній, а съ другой—развитіе мелкихъ, себялюбивыхъ чувствъ на мѣсто симпатическихъ расположеній, развивающихся въ семейномъ воспитаніи. Такіе-то залого для будущаго семейнаго счастья получаетъ въ воспитаніи пятая часть нашихъ образованныхъ дѣвицъ.

Точно также и къ общественной жизни онѣ приготавливаются здѣсь, кажется, нѣсколько одностороннимъ образомъ. Имъ, конечно, сообщается весьма многое, необходимое для того, чтобы блистать въ свѣтѣ, но едва ли слишкомъ много дается для того, чтобы жизнь пережить, какъ слѣдуетъ; шесть, восемь, девять лѣтъ живутъ дѣвочки въ стѣнахъ заведенія, не имѣя никакого понятія о томъ, что дѣлается за этими стѣнами. Онѣ вовсе людей не видятъ и на безлюдьи обожаютъ какого-нибудь краснощекаго шутника-учителя, ставящаго всегда хорошіе баллы. О жизни имѣютъ онѣ понятіе по своимъ учебникамъ, да по Юрію Милославскому, котораго даютъ имъ читать для возбужденія патріотическихъ чувствованій. Немудрено, что про институтокъ рассказываютъ столько анекдотовъ, въ родѣ отвѣта, что Бостонъ есть главный городъ провинціи Массачусетсъ. Въ основаніи этихъ рассказовъ лежитъ истина весьма характеристическая. Дѣвочки въ заведеніи нерѣдко до того отвыкаютъ отъ своего родного, семейнаго и общественнаго быта, что вовсе забываютъ о томъ положеніи, какое ожидаетъ ихъ дома, послѣ выпуска. Онѣ возвращаются домой съ такими привычками и претензіями, которыя въ ихъ кругѣ рѣшительно неумѣстны, неисполнимы и составляютъ несчастіе какъ ихъ самихъ, такъ и всѣхъ къ нимъ близкихъ.

Всѣ эти истины давно всѣмъ извѣстны, и мы только напоминаемъ ихъ просвѣщеннымъ папенькамъ, которые строятъ такія милыя утопіи, въ убѣжденіи, что, отдавая своихъ дочерей въ пансіоны и другія заведенія, они приготавливаютъ имъ счастье жизни. Размысливши спокойно и безпристрастно, они сами должны убѣдиться, что выбрасываніе дѣтей, особенно дѣвочекъ, изъ семьи, отсылка ихъ отъ себя на нѣсколько лѣтъ, съ глазъ долой, можетъ быть оправдана развѣ только крайнею необходимостью, нравственною или вещественною. Во мно-

гихъ семействахъ и существуетъ доселѣ такая необходимость; противъ нея мы не говоримъ. Но и это обстоятельство не уменьшаетъ въ нашихъ глазахъ недостатковъ воспитанія внѣ семьи, въ закрытыхъ заведеніяхъ, которому у насъ подвергается, вѣроятно, пятая часть дѣвочекъ, знакомыхъ съ ученіемъ.

„А зато для остальныхъ, воспитывающихся дома, какъ благодѣтельны должны быть науки! Нравственная сторона тутъ развивается просто и естественно, умственные способности получаютъ здоровую и вкусную пищу; вотъ тутъ-то результатомъ должно быть истинное счастье!“

Опять утопія, почтенные родители, и утопія очень опасная. Вы воображаете, что тѣ науки, которымъ обучаются ваши дочери, составляютъ для ихъ ума здоровую и вкусную пищу; попытаемся разочаровать васъ. Прежде всего замѣтимъ, что не для всѣхъ одинаково годится одна и та же пища, что, впрочемъ, почтеннымъ родителямъ и безъ насъ хорошо извѣстно. Затѣмъ прибавимъ, что не мѣшаетъ родителямъ подумать и о той методѣ, посредствомъ которой умственная пища препровождается въ головы ихъ дочерей. Эти два обстоятельства очень важны, и пренебрегать ими было бы неблагоразумно. Посмотрите же, чѣмъ питаются умы учащихся дѣвицъ, уже безъ различія того, гдѣ онѣ воспитываются, дома ли, въ пансіонахъ ли, или въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ: общій курсъ ученія вездѣ почти одинаковъ. Возьмите руководства, по которымъ учатся дѣвицы. Вы найдете исторію съ хронологическими и генеалогическими подробностями о миеологическихъ временахъ; географію, непременно начинающуюся краткими свѣдѣніями изъ космографіи; ариѳметику съ опредѣленіями, что есть ариѳметика, что есть число, единица и т. п.; грамматику съ многочисленными таблицами склоненій и спряженій и еще многочисленнѣйшими исключеніями и проч.. Переварить хоть одинъ такой учебникъ грам-

матики или исторіи и для взрослыхъ мужчинъ довольно затруднительно, каково же должно быть маленькимъ дѣвочкамъ? А вы говорите, что имъ дается здоровая пища!

Но и съ этимъ куда бы ни шло еще; порядочный учитель можетъ многое измѣнить, сократить или добавить въ учебникъ, можетъ оживить и облегчить изученіе предмета, при помощи хорошей методы преподаванія. Только вотъ бѣда: именно хорошей-то методы и нѣтъ у насъ до сихъ поръ. А что нѣтъ ея, въ этомъ опять родители виноваты болѣе всѣхъ. Собственно говоря, хорошая метода для учителя не труднѣе другой. Но чтобы она была хороша, нужно прежде всего знать, къ чему должно быть направлено ученье, какая цѣль его? Вы говорите, что „имѣете въ виду дать вашей дочери возможность и умѣнье быть истинно счастливою, и для этого обогащаете ея умъ познаніями“. Но вѣдь это неправда; вѣдь это просто фраза, гдѣ-то вычитанная и непонятая вами. Что счастье жизни (или по крайней мѣрѣ твердость въ несчастіи) много зависитъ отъ образованности человѣка, отъ степени его внутренняго развитія, въ этомъ мы согласны. Но развѣ образованность дается какимъ-нибудь учебникомъ географіи, развѣ развитіе совершается посредствомъ изученія спряженій? Нѣтъ, этого вы сами не думаете. Зачѣмъ же вы взыскиваете съ вашей дочери, если она сегодня не знала названій всѣхъ французскихъ департаментовъ, а вчера не умѣла перечислить германскихъ герцогствъ и перемѣшала ихъ съ королевствами? Отчего вы сердитесь, если дочь ваша не помнитъ года, въ который Дидона основала Карѣагенъ, и между тѣмъ не сердитесь, а только подсмѣиваетесь, если она не вдругъ сообразитъ, сколько лѣтъ продолжалась семилѣтняя война? Это все не отъ чего другого, какъ отъ того, что вы вовсе не объ образованности, не о развитіи хлопочете, а о выставкѣ, объ экза-

менѣ; о призѣ, чтобы не отстать отъ другихъ, не ударить себя лицомъ въ грязь. Учителя хорошо понимаютъ, что вамъ нужно, и ведутъ себя согласно съ вашими желаніями. Они стараются, чтобы дѣвочка знала и помнила, сколько можно больше, и на нѣкоторое время имъ удается подчинить живую дѣтскую натуру ученицы машинальному ходу уроковъ. Вмѣсто того, чтобы примѣняться къ характеру дѣвочки, соображаться съ особенностями женской природы и пользоваться ими для лучшаго развитія ученицы, всѣ духовныя способности ея напругаютъ насильственно и убиваютъ несвойственною имъ работой. Извѣстно, что у дѣтей вообще, и у дѣвочекъ въ особенности, чувство господствуетъ надъ разсудкомъ, и воображеніе постоянно мѣшается въ дѣло памяти. Поэтому учитель долженъ прежде всего позаботиться о правильномъ развитіи воображенія своихъ ученицъ и о здоровомъ направленіи ихъ чувства: иначе эти способности постоянно будутъ мѣшать правильности отправленій разсудка и памяти. У насъ на это не обращается ни малѣйшаго вниманія: конкретности въ обученіи почти не существуетъ, на самой низшей степени преподаванія является отвлеченность и соединенныя съ нею сухость, мертвенность и формализмъ. Самыя живыя и интересныя науки такъ преподаются, что въ нихъ не представляется ничего, что бы говорило сердцу или увлекало воображеніе; за милость считается, если учитель расскажетъ какой-нибудь анекдотъ изъ исторіи или опишетъ, что такое оазисъ въ пустынѣ. Одни только слова, цифры, голыя опредѣленія приходится заучивать бѣднымъ ученицамъ; память ихъ изнуряется безпощадно, чтобы удержать слова, которыхъ смысла онѣ не могутъ осилить своимъ, слабымъ еще, соображеніемъ. Да и некогда останавливаться надъ предметами, чтобы думать о нихъ: уроки безпрестанно смѣняются одинъ другимъ, и если увлечешься однимъ, то другого не успѣешь

приготовить. Нечего сидѣть да думать: учись! Когда выучишься, такъ еще успѣешь надуматься и надивиться, зачѣмъ это только училась всему этому!... А теперь разсудокъ можно и въ сторону. И вотъ учебный курсъ благополучно пройденъ, экзамень сданъ, выставка кончилась, призъ полученъ, папенька и маменька сіяютъ отъ удовольствія и объявляютъ дочери, что теперь она уже невѣста, что они, все уже для ея образованія сдѣлали, теперь ей остается только воспользоваться сдѣланными пріобрѣтеніями, чтобы достигнуть прочнаго счастья въ жизни.

Молодая дѣвушка или женщина, кончившая курсъ наукъ, начинаетъ иногда и въ самомъ дѣлѣ думать, какъ ей воспользоваться своими знаніями. Но думать вообще для нея трудно; она скорѣе припомнитъ хронологію и генеалогію всѣхъ возможныхъ Карловъ, Генриховъ и Альфонсовъ, нежели составить вѣрное опредѣленіе самой простой вещи, постоянно находящейся у нея передъ глазами. А тутъ еще предметъ такой трудный: какъ воспользоваться знаніями?... Ну, какъ ими воспользуешься? Учила она на примѣръ, что всѣ государства древняго міра пали отъ роскоши и развращенія нравовъ; что же изъ этого можно вывести? Богъ знаетъ, что еще тутъ разумѣется подъ развращеніемъ нравовъ, а роскошь, ну, какъ же ее къ жизни-то примѣнить? Неужели въ ситцевомъ платьѣ ходить, пользуясь уроками исторіи? И неужели въ самомъ дѣлѣ государство падетъ, если она себѣ лишній браслетъ купить или лишній балъ въ зиму сдѣлаетъ? Нѣтъ, изъ уроковъ исторіи ничего нельзя извлечь. Много есть тамъ поучительнаго, да все къ намъ какъ-то вовсе нейдетъ. Были тамъ и Соломоны и Ликурги, и Гракхи и Цезари, были и сатрапы персидскіе, и римскіе патриціи, и феодалы бароны, и городскія общины, да что же изъ всего этого? Къ намъ-то развѣ имѣетъ это какое-нибудь, хоть малѣйшее от-

ношеніе? Дѣвушка, недолго поломавши голову надъ исторіей, броситъ ее, какъ знаніе совершенно бесполезное, и немедленно позабудетъ и то немногое, что знала по учебнику. Но вотъ грамматика, кажется, должна быть ближе къ жизни: она учитъ правильно говорить и писать. Но увы! оказывается, что грамматика пройдена сама по себѣ, безъ отношенія къ живой рѣчи, что она только давала поводъ къ самымъ забавнымъ ошибкамъ: въ разговорѣ дѣвочка никогда не могла сказать иначе, какъ „друзья“, „повинуюсь“, а въ грамматикѣ она склоняла и спрягала „други, друговъ“, „повиноваюсь, повиноваешься“, или ломала голову надъ тѣмъ, какъ будетъ множественное число въ словахъ серебро, желѣзо и пр. Въ жизни все это оказывается совершенно ненужнымъ. А иное и нужно бы, да ужъ зато слишкомъ трудно. Нужно напри- мѣръ знать, гдѣ ять пишется, но какъ же тутъ грамматическимъ правиломъ воспользоваться? Нужно напри- мѣръ въ запискѣ написать слово свѣтъ; и дѣвица забыла, пишется-ли здѣсь ять или нѣтъ; чтобы узнать это, ей надо повторить мысленно всю таблицу словъ съ буквой ѣ, заученную ею въ грам- матикѣ, начиная со словъ: блѣдный, бѣглый, бѣлый, и т. д. Возможно-ли такъ возиться надъ каж- дымъ словомъ? Поневоля дѣвушка пишетъ кое-какъ безграмотную записку, и мало-по-малу забываетъ наконецъ всѣ эти несносныя склоненія, спряженія, и т. п. Приложеніе ученія къ жизни опять потеряно. Такъ точно и со всѣми науками. Всякому, конечно, случалось видать дамъ, которыя, не умѣя сосчи- тать сдачи, данной имъ въ магазинѣ, припомина- ютъ при этомъ: „а какъ прежде хорошо знала ариѳметику! у меня всегда лучшіе баллы были“, или такихъ, которыя, узнавши, что въ Англію нельзя проѣхать сухимъ путемъ, восклицаютъ: „да, вѣдь и въ самомъ дѣлѣ — это островъ; вотъ вѣдь учи- лась географіи, и очень хорошо, а теперь все поза-

была“. И немудрено: память, слишком форсированная во время учения, безъ всякой поддержки со стороны разсудка и чувства, скоро устаетъ, ослабѣваетъ, дѣлается неясною и невѣрною. Конецъ концовъ, оказывается, что въ головѣ остались два-три заученныя правила безъ всякаго отношенія къ жизни, да пять-шесть именъ безъ всякаго опредѣленнаго о нихъ представленія; оказывается, что даже о Везувіи и Наполеонѣ дѣвочка знаетъ не потому, что прошла исторію и географію, а потому, что въ послѣдствіи слыхала о нихъ въ разговорахъ.

Все это, кажется, такъ старо, такъ извѣстно, что никто и не потребуеъ доказательствъ, болѣе пространныхъ и положительныхъ. О существованіи факта знаютъ всѣ, только всѣ стараются забыть о немъ, чтобы не разстраивать себя напрасно горемъ, которому нельзя пособить. Но обманывать себя нечего, родители благоразумные, надобно откровенно и громко признаться, что изъ всего учения, которымъ вы столько лѣтъ мучите своихъ дочерей, никогда не выходитъ никакого толку, а если что-нибудь и выходитъ, то развѣ благодаря какимъ-нибудь постороннимъ обстоятельствамъ. Нужно сознаться, что въ большинствѣ такъ называемыхъ образованныхъ дѣвицъ учебный курсъ производитъ только умственную усталость, притупленіе естественной воспріимчивости и свѣжести чувствъ, непріязнь къ наукѣ вообще, уже опрофанированной въ ихъ глазахъ, жалкую апатію ко всѣмъ просвѣщеннымъ идеямъ. Зачѣмъ же вы мучите своихъ дочерей этими науками, спрашиваемъ еще разъ, зачѣмъ губите ихъ молодыя силы? Имъ вѣдь не экзаменъ держать, не чинъ получать нужно; отчего же вы не хотите оставить ихъ въ покоѣ и преслѣдуете учениемъ, бесполезность котораго сами не можете не сознавать?

„Такъ что же, по-вашему вовсе учиться не нужно? готовы возразить просвѣщенные родители.

Вы возстаєте противъ наукъ, вы раздѣляете диколюбивыя идеи Руссо? По-вашему, надобно дочерямъ нашимъ оставаться дѣтьми природы, чуждыми всѣмъ благамъ новѣйшей цивилизаціи? Иначе нельзя понимать ваши слова: вы возстаєте противъ нашего ученья; но вѣдь другого нѣтъ, — слѣдовательно по-вашему мы вовсе не должны учить своихъ дочерей.“

Другого ученья, кромѣ того, какое вездѣ принято и на какое мы нападаемъ, дѣйствительно пока еще нѣтъ у насъ. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что иного ученья, кромѣ нашего, вовсе нѣтъ и не можетъ быть, то-есть, что если не вызубрить грамматическаго учебника, то и научиться правильно писать по-русски невозможно. Напротивъ есть средства учиться и выучиться безъ нашихъ пансіоновъ и учебниковъ, и этими средствами, дѣйствительно, можно достигнуть правильнаго развитія всѣхъ способностей дѣвицъ, необходимаго для счастья ихъ послѣдующей жизни. Средства эти очень просты, а между тѣмъ они совершенно лишены тѣхъ неудобствъ, которыя неизбежны при нынѣшнемъ обыкновенномъ ученьи, и противъ которыхъ мы возстаемъ, вовсе не имѣя намѣренія порицать самыя науки. Хотите узнать эти средства, давно уже, впрочемъ, переставшія быть новостью на свѣтѣ?

Первое, что нужно для успѣховъ воспитанія и ученья, это — чтобъ дѣвочки не отчуждались отъ семьи. А между тѣмъ дома всѣхъ учить всему невозможно: въ большей части семействъ на это средствъ не достанетъ. Какъ же быть? Очень просто: воспитывайте своихъ дочерей дома, а учиться пусть онѣ ходятъ въ школу, точно такъ, какъ въ гимназіяхъходящіе мальчики. Отъ этого произойдутъ неисчислимыя выгоды; вы сами можете постоянно слѣдить за успѣхами своихъ дочерей, можете каждый день спрашивать ихъ объ урокахъ, прояснять въ ихъ сознаніи то, что ими не совсѣмъ

хорошо было понято, дополнять то, что ими опущено, показывать имъ множество практическихъ приложений того, что ими узнано въ классѣ. А дѣвочки, между тѣмъ, не будутъ отдаляться отъ жизни, отъ семейства, будутъ видѣть около себя все тѣ же родныя заботы, тѣ же житейскіе интересы и съ малыхъ лѣтъ будутъ знать, къ чему имъ готовиться въ жизни. Въ классѣ будутъ онѣ знакомиться съ міромъ науки и природы и вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ узнавать общество своихъ подругъ, дома будутъ онѣ повѣрять свои наблюденія, откровенно сообщая ихъ родителямъ и получая отъ нихъ новыя указанія и объясненія. Ученье такимъ образомъ пойдетъ рядомъ съ жизнью и будетъ не препятствовать, а содѣйствовать развитію здраваго смысла и пракческаго такта, въ которыхъ такъ часто нуждается у насъ женщина.

При этомъ мы предполагаемъ, конечно, что и учить въ женской школѣ будутъ хорошо, и семья будетъ помогать школѣ. Но само собой разумѣется, если вы находите, что ваше семейство можетъ только вредно дѣйствовать на развитіе вашей дочери, если она увидитъ дома только дурныя примѣры, небреженіе, невѣжество, если вы сознаете, что ничего полезнаго сообщить и растолковать ей не можете, что вы скорѣе станете сбивать ее съ толку, нежели руководить, если вы сознаете все это, тогда, конечно, вы дѣлаете очень благоразумно, удаляя свою дочь отъ себя. Только едва ли вы во всемъ этомъ сознаетесь, потому что подобное сознаніе не принесетъ вамъ чести.

Что же касается до самаго преподаванія, то, разумѣется, при обыкновенной, нынѣ принятой организаци и методѣ, польза его очень и очень сомнительна. Не стоило бы и хлопотать изъ-за того, чтобы дѣвочки заучивали всѣ уѣздные города Россійской имперіи непременно дома, а не въ пансіонѣ: тутъ ужъ мѣстоположеніе не много значитъ.

Но есть средства и для измѣненія всей методы преподаванія въ женскихъ школахъ и средства эти давно уже съ успѣхомъ употребляются во Франціи въ учебныхъ заведеніяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Атенеевъ“. Названіе Атенеевъ еще въ древности усвоено было учрежденіямъ, гдѣ читались публичные курсы наукъ. Въ прошломъ столѣтіи (1786 г.) во Франціи имя Атенея было взято для одного высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ тоже читались публичные курсы. Затѣмъ въ послѣднее время число Атенеевъ увеличилось, и особенно извѣстны между ними заведенія, основанныя извѣстнымъ педагогомъ Леви Алваресомъ и по его методѣ. Метода эта, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, очень проста. Начало ея то, что нужно заботиться объ умственномъ и нравственномъ развитіи ученицъ еще больше, нежели о сообщеніи имъ полезныхъ свѣдѣній. Для этого учреждены особые курсы по каждому предмету, и во всемъ преподаваніи постоянное вниманіе обращается на то, чтобы въ училищахъ было какъ можно менѣе пассивности, и чтобы всѣ способности какъ можно больше и чаще приходили въ движеніе. Для дѣвочекъ это обстоятельство еще важнѣе, чѣмъ для мальчиковъ, потому что вообще ихъ воспріимчивость живѣе, а степень внутренняго противодѣйствія внѣшнимъ вліяніямъ слабѣе, чѣмъ у мальчиковъ, слѣдовательно онѣ легче могутъ терять самостоятельность сужденій и подчиняться чужимъ взглядамъ, безотчетно и бессознательно. Особенно важно здѣсь преобладаніе чувства надъ разсудкомъ и воображенія надъ чистою памятью. Эти особенности женской природы вызываютъ нѣкоторыя особенныя заботы и со стороны учителя. Что бы онъ ни преподавалъ, онъ прежде всего долженъ стараться заохотить ученицъ къ своему предмету, показать его въ такомъ видѣ, чтобы въ нихъ возбудилось къ нему сочувствіе или, по крайней мѣрѣ, любопытство. Какъ бы ни хорошо

убѣдилась ученица въ пользу предмета, она все-таки не будетъ имъ заниматься съ любовью и охотой, пока не почувствуетъ сердечнаго влеченія къ занятіямъ. А извѣстно, что когда занимаются съ охотой, то дѣло идетъ несравненно легче и успѣшнѣе, чѣмъ при занятіяхъ по необходимости, изъ-подъ палки. Далѣе, возбудивши интересъ къ предмету, учитель старается показать его съ разныхъ сторонъ, въ различной обстановкѣ, въ разнообразныхъ соединеніяхъ, съ цѣлью возбудить самобытную дѣятельность ученицъ. Онѣ всматриваются въ предметъ, сличаютъ разные признаки, составляютъ понятія, сужденія, классифицируютъ предметы, придумываютъ новыя комбинаціи и изъ нихъ выводятъ слѣдствія, словомъ, дѣятельность разсудка пробуждается и находитъ для себя достаточный и соотвѣтственный матеріаль. Запомнить то, что добыто собственной разсудочною дѣятельностью, уже не трудно, потому что память находитъ здѣсь помощь во всѣхъ остальныхъ душевныхъ способностяхъ. А для того, чтобы дѣйствовать на развитіе воображенія, въ преподаваніи всѣхъ предметовъ господствуетъ конкретность, каждое положеніе науки представляется въ рядѣ примѣровъ, каждое понятіе объясняется группой отдѣльныхъ представленій, каждое заключеніе высказывается не иначе, какъ послѣ предварительнаго разбора сужденій, изъ которыхъ оно выведено. На извѣстной степени развитія отъ ученицъ требуется уже, чтобы онѣ сами выводили положенія и заключенія, и на этомъ повѣряется логическій процессъ ихъ мышленія. Въ теченіе всего курса имѣется въ виду приучить ученицъ думать самостоятельно, внушить имъ любовь къ знанію, сообщить о предметахъ ясныя и полныя понятія, дать матеріаль для дѣятельности всѣмъ способностямъ и полный просторъ для ихъ развитія. Сообразно съ этой цѣлью, нѣтъ въ Атеняхъ никакихъ школьныхъ приманокъ и страховъ: ни

кокарды, ни красныя и черныя доски, ни похвальные листы, ни списки по достоинству, ни баллы — не существуютъ. Вѣдь цѣль знанія, особенно для дѣвочекъ, — не возможность служебныхъ выгодъ и отличій, а само знаніе. Потому пусть за невнимательность и лѣность будетъ служить наказаніемъ незнаніе, а наградою за любовь къ занятіямъ — знаніе болѣе твердое и отчетливое.

Такой чистый и возвышенный взглядъ на обученіе дѣвочки требуетъ, разумѣется, и со стороны родителей, и со стороны преподавателей отреченія отъ нѣкоторыхъ предразсудковъ. Напримѣръ, нужно будетъ разстаться съ краснорѣчивыми введеніями, которыя сразу обдають ученицъ туманомъ синтеза и бывають ими поняты только уже тогда, какъ онѣ пройдутъ всю науку. Надо будетъ пожертвовать тѣми милыми мелочами, которыя нынѣ служатъ лучшимъ доказательствомъ прилежанія ученицъ, то есть заучиваніемъ наизусть цѣлой толпы географическихъ названій, грамматическихъ исключеній, историческихъ чиселъ, и т. п. Надо будетъ привыкнуть къ мысли, что дѣвочки будутъ учить не такъ много словъ, какъ прежде, но зато узнають настоящее дѣло, съ толкомъ и съ пользою для своего внутренняго развитія. Надо тутъ разстаться и съ успокоительнымъ раздѣленіемъ, что пройдено „отъ сихъ до сихъ“; надо потерять и сладостную возможность присутствовать при формальныхъ, блистательныхъ экзаменахъ въ заключеніе учебнаго курса. Здѣсь учитель, послѣ 15 — 20 уроковъ, на вопросъ: что пройдено? имѣетъ полное право отвѣтить: ничего не пройдено. Онъ, дѣйствительно, если хочетъ быть вѣренъ цѣли заведенія, не можетъ задавать своимъ ученицамъ, напримѣръ объ употребленіи буквы ъ, объ озерахъ въ Америкѣ, о Пуническихъ войнахъ и т. п. Онъ непременно долженъ ввести въ науку самыя элементарныя понятія, начать съ того, что уже знакомо дѣтямъ, представить живыя изображе-

нія предметовъ, которые должны быть потомъ разсмотрѣны научно... А какъ это сдѣлаешь? Какимъ образомъ живое изображеніе буквы ѣ представить? Разумѣется, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи въ живомъ, одушевленномъ преподаваніи. Преподаваніе русскаго языка надо будетъ начинать съ чтенія литературныхъ произведеній, которыя могутъ имѣть интересъ для ученицъ, и съ подробнаго разбора ихъ содержанія. Въ этотъ разборъ должны входить подробности историческія, литературныя, предметы изъ наукъ естественныхъ и нравственныхъ и, между прочимъ, замѣчанія о способѣ выраженія той или другой мысли. Мало-по-малу можно заставлятъ ученицъ самихъ дѣлать подобныя разборы, рассказывать содержаніе письменно, и тутъ обращать вниманіе на разницу ихъ способа выраженія отъ рѣчи взятаго писателя. При этомъ можно дѣлать замѣчанія о слогѣ, о духѣ языка, объ особенныхъ выраженіяхъ, принятыхъ для извѣстныхъ предметовъ, о синтаксисѣ, о значеніи формъ измѣненія словъ, на примѣръ, видовъ глагольныхъ, падежей, и т. п. А на второй степени обученія явятся, точно такимъ же образомъ, замѣчанія о разныхъ родахъ и видахъ словесности, объ условіяхъ, необходимыхъ для достоинства различныхъ сочиненій, и пр. Такимъ образомъ мало-по-малу въ головѣ ученицъ накопится масса свѣдѣній изъ грамматики и теоріи словесности, свѣдѣній, почерпнутыхъ при глазахъ ихъ изъ живого источника и тутъ же приложенныхъ къ дѣлу; а между тѣмъ онѣ совсѣмъ могутъ не знать, что это за пугало такое — грамматика... Такъ точно можетъ происходить преподаваніе и другихъ наукъ. Учитель географіи можетъ на примѣръ отправиться съ дѣтьми на прогулку и по дорогѣ объяснять имъ необходимые географическіе термины, наглядно показывая ихъ значеніе; или можетъ описать нѣсколько отдѣльныхъ странъ, съ живымъ изображеніемъ мѣстности и всѣхъ географическихъ особенностей

края. Учитель исторіи имѣетъ столько возможности заинтересовать своимъ предметомъ, что о немъ и говорить нечего: будь только у него собственное знаніе да добрая воля. Совокупное же дѣйствіе всѣхъ учителей въ этомъ духѣ не можетъ не имѣть весьма благодѣтельныхъ послѣдствій для умственнаго развитія ученицъ.

Намъ скажутъ, что мы представляемъ идеальныхъ учителей и идеальную школу. Правда, что совершенное исполненіе такихъ обязанностей требуетъ отъ учителя большого искусства; правда, что недостатки въ исполненіи неизбежны. Но все-таки здѣсь легче приблизиться къ идеалу, нежели въ нынѣшнемъ обыкновенномъ обученіи, которое поставило себѣ идеаломъ — что же? — то, чтобъ ученицы запомнили на всю жизнь все, написанное въ учебникахъ. Никто и никогда этого не достигалъ, и — слава Богу!

Школъ, основанныхъ на такихъ началахъ, у насъ еще нѣтъ, но стоитъ захотѣть, чтобъ онѣ были. Сначала, конечно, будутъ кое-какіе недостатки: учителя, позабывшись, по старой привычкѣ, будутъ иногда пускаться въ схоластику, ученицы, видя, что нѣтъ тутъ ни балловъ, ни кокардъ, мало будутъ заботиться о выслушанныхъ урокахъ. Но мало-по-малу и тѣ, и другія поймутъ свое настоящее положеніе, и примутся за дѣло охотно и дружно. Пріятнѣй же вѣдь учиться и знать, чему учишься, нежели зубрить урокъ, ничего не понимая.

Эти мысли о женскомъ воспитаніи были возбуждены въ насъ программю недавно открытаго здѣсь, въ С.-Петербургѣ, учебнаго заведенія г-жи Труба, названнаго Атенеумъ и основаннаго, какъ видно изъ программы, именно на тѣхъ сейчасъ изложенныхъ нами началахъ, какія господствуютъ въ системѣ обученія Атенеумъ во Франціи. Мысль основать такое заведеніе у насъ очень замѣчательна, и отъ нея можно ожидать хорошихъ послѣдствій. По-

пытка эта особенно кстати у насъ теперь, когда вопросы о воспитаніи сильно возбуждены въ нашемъ обществѣ, и когда несостоятельность старой системы съ каждымъ днемъ становится все очевиднѣе. Нельзя не пожелать, чтобы предпріятіе г-жи Труба имѣло успѣхъ. Мы поспѣшили изложить свои мысли объ этомъ предметѣ съ тою цѣлью, чтобы съ одной стороны просвѣщенные родители знали, чего ожидать отъ заведеній, подобныхъ Атенею г-жи Труба (мы надѣемся, что попытка г-жи Труба не будетъ единственною), а съ другой стороны, чтобы и преподавателямъ подобныхъ заведеній яснѣе видно было, чего отъ нихъ ожидаютъ для ихъ ученицъ, и какія въ этомъ случаѣ лежатъ на нихъ обязанности.

Ученики съ медленнымъ пониманіемъ.

Изъ замѣтокъ учителя.

Ни одному разряду учениковъ не приходится въ нашихъ школахъ такъ плохо, какъ тѣмъ вялымъ, туго-понимающимъ мальчикамъ, которыхъ учителя часто называютъ бездарными и безтолковыми. Въ отношеніи къ нимъ всего болѣе погрѣшаетъ современное воспитаніе. А между тѣмъ они-то и заслуживаютъ самага тщательнаго вниманія и попеченія со стороны воспитателя. Большею частью въ нихъ скрываются такія духовныя силы, которыя далеко превосходятъ способности такъ называемыхъ талантливыхъ, бойкихъ учениковъ; въ нихъ всегда можно найти нравственную стойкость и точность, а это столь важно, что должно внушить намъ особенную о нихъ заботливость. Неторопливый народъ нашъ понялъ цѣну этой медлительности, сложивъ поговорку: „тише ѣдешь, дальше будешь“; но въ нашемъ воспитаніи такое возрѣніе прилагается еще весьма мало, и мальчики съ медленнымъ понима-

ніемъ часто дѣлаются жертвами нетерпѣливости воспитателей.

Въ нашихъ школахъ ученіе большею частью идетъ чрезвычайно быстро; одна наука безпрестанно смѣняется другою. Виною этому конечно не столько самыя школы, сколько требованія современнаго образованія; но тѣмъ не менѣе въ этомъ заключается главное неудобство для учениковъ, которыхъ понятія развиваются медленно. Они не могутъ поспѣвать за быстрымъ ходомъ преподаванія; отъ пройденнаго у нихъ едва остается какое-то смутное впечатлѣніе, и неопытному наблюдателю они представляются бездарными глупцами, съ которыми не стоитъ тратить трудовъ и времени. Какъ лишняя тяжесть, они и отбрасываются въ сторону. Въ понятіяхъ учителя они рисуются лѣнивыми, флегматичными, тупыми, ничѣмъ не интересующимися, апатически-равнодушными, и притомъ еще съ понятіями сбивчивыми и безтолково-перепутанными. Всѣ эти заключенія нерѣдко бываютъ совершенно ложны; но при настоящемъ знаніи у насъ педагогики — этому нечего удивляться. Вообще у насъ считаютъ педагогику и дидактическіе приемы при обученіи дѣломъ лишнимъ; и потому неудивительно, что домощенные педагоги, частенько судя лишь по наружности, грѣшатъ въ отношеніи сужденій о своихъ ученикахъ.

Учениковъ съ медленною понятливостью легко узнать по нѣкоторымъ особеннымъ признакамъ. 1) Они слѣдятъ усердно за преподаваніемъ, но оно не возбуждаетъ въ нихъ самодѣятельности. Указывается ли что-нибудь ихъ зрѣнію, слуху, осязанію, ихъ собственное участіе часто ограничивается почти только глазѣніемъ, т. е. они просто видятъ предметъ, безъ всякаго пониманія. Нужно, чтобы прошло много времени, чтобы предметъ много разъ былъ показанъ имъ, и тогда только къ этому чисто-внѣшнему воззрѣнію можетъ присоединиться внутреннее,

разумное участіе. 2) Ихъ трудно заставить идти впередъ. Всякій разъ, когда имъ нужно сдѣлать заключеніе, сравненіе, новую комбинацію, или распредѣленіе, примѣненіе правила и т. п., они обыкновенно запинаются и становятся въ тупикъ. Если ихъ заставляютъ разсуждать насильно, они рѣшительно сбиваются съ толку и несутъ ужаснѣйшую дичь, возбуждающую гнѣвъ учителя и смѣхъ товарищей. Проходитъ обыкновенно довольно долгое время, прежде чѣмъ побѣдишь ихъ медлительность и заставишь ихъ идти свободно и весело, безъ робости и безъ затрудненій. 3) Зато они выказываютъ весьма сильную склонность къ порядку и аккуратности. Это замѣтно въ ихъ книгахъ и тетрадяхъ, въ ихъ письмѣ и рисовкѣ, равно какъ во всемъ ихъ поведеніи, если имъ поручается въ классѣ какая-нибудь особенная должность. Поэтому часто находятъ ихъ дѣйствія механическими. 4) Они нерѣдко удивляютъ своимъ практическимъ смысломъ въ привычной имъ сферѣ жизни, тогда какъ во всякомъ новомъ жизненномъ положеніи, напр., въ новомъ классѣ, въ новой должности, при новомъ занятіи, они часто—такъ же, какъ и въ ученіи—являются сначала какъ будто не на мѣстѣ. Поэтому почти всегда считаютъ ихъ особенно способными къ практическимъ занятіямъ въ жизни. 5) Съ нравственной стороны, которой здѣсь также нельзя оставлять безъ вниманія, они обыкновенно являются послушными, уступчивыми и добродушными, но иногда вдругъ дѣлаются несговорчивы, упорны и совершенно неприступны. Иногда они позволяютъ шутить надъ собой, а потомъ вдругъ обижаются и дѣлаются грубы, задорны. Какая изъ этихъ сторонъ разовьется въ нихъ преимущественно въ послѣдующей жизни, это зависитъ главнымъ образомъ отъ того, какъ съ ними будутъ обходиться въ школѣ. 6) Если въ школѣ и вообще при воспитаніи обращаются съ ними какъ слѣдуетъ, то они на всѣ вопросы, какіе даютъ имъ,

либо отвѣчаютъ вѣрно, либо совсѣмъ ничего не отвѣчаютъ; поэтому въ сравненіи съ другими учениками, которые часто хорошо отвѣчаютъ наугадъ, они кажутся незнающими. 7) Имъ трудно понимать и трудно удерживать понятое; но память ихъ отличается вѣрностью, а умъ—ясностью.

Сколько можно судить по опыту, такія головы съ медленнымъ развитіемъ выходятъ всего чаще изъ простыхъ семействъ, которыя живутъ тихо и скромно, и въ которыхъ ребенокъ не бываетъ предметомъ общихъ угожденій и хвастовства для всѣхъ домашнихъ. Онъ находится здѣсь въ положеніи очень простомъ: спокойно и безпрепятственно, безъ всякихъ возбужденій и подталкиваній привыкаетъ онъ къ тѣмъ простымъ отношеніямъ, въ которыхъ онъ поставленъ судьбой, и умѣетъ хорошо держаться въ нихъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ огражденъ здѣсь и поставленъ вдали отъ разнообразныхъ, болѣе или менѣе далекихъ отъ его быта вліяній, отъ многихъ впечатлѣній и возбужденій, чуждыхъ и несвойственныхъ самимъ обстоятельствамъ его жизни. Можно даже сказать, что такія дѣти принадлежатъ болѣе частью къ тѣмъ семействамъ, въ которыя не проникла еще метода воспитанія, поставляющая задачею возбужденіе духовныхъ способностей, и въ которыхъ дитя, тихо развивающееся, скромное, послушное, нравственное,—цѣнится гораздо выше бойкаго и остроумнаго. Такого рода учениковъ мы встрѣчаемъ всего чаще въ сельскихъ и приходскихъ училищахъ. Въ городахъ дѣти съ медленнымъ пониманіемъ являются обыкновенно также въ простыхъ семействахъ. Здѣсь сильно особенно вліяніе самого отца семейства. Не слишкомъ развитый относительно умственныхъ стремленій, онъ обыкновенно не заносится въ даль мечтами и чувствуетъ себя вполне удовлетвореннымъ въ своемъ невысокомъ званіи и стремленіи къ честной жизни и приобрѣтенію необходимаго пропитанія для себя и семейства. Съ

этой точки зрѣнія онъ и все духовное воспитаніе дѣтей своихъ поставляетъ въ томъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ способныхъ помощниковъ себѣ въ хозяйствѣ и въ ремеслѣ. Естественно, что развитіе дѣтей идетъ такимъ образомъ не быстро.

Что касается до внутренней причины медленнаго пониманія, то ее можно искать частью въ природной, врожденной способности души, частью въ ходѣ ея развитія. Въ первомъ отношеніи сущность этого духовнаго расположенія можно опредѣлить такимъ образомъ: въ медлительныхъ умахъ слаба внутренняя воспріимчивость; иначе сказать, въ нихъ слабо проявляется та сила духа, посредствомъ которой мы совокупаемъ одно представленіе съ другимъ и такимъ образомъ изъ многихъ отдѣльныхъ представленій составляемъ одно стройное цѣлое. Поэтому имъ нужно гораздо болѣе времени не только для совершенія акта воспріятія, но и для того, чтобы вновь вызвать въ своей душѣ нѣсколько одинаковыхъ представленій. Каждое представленіе является въ медлительномъ умѣ отдѣльнымъ отъ всѣхъ другихъ; ученикъ занятъ имъ исключительно и не заботится о другихъ сродныхъ представленіяхъ, потому что они или не кажутся ему сродными, или даже совсѣмъ не приходятъ на мысль при этомъ. Поэтому-то такіе умы привязываются обыкновенно къ единичнымъ представленіямъ и изучаютъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Можно сказать, что умственно-медленный ученикъ не довольствуется общимъ впечатлѣніемъ, но все ищетъ ясности. Эта-то ясность отдѣльныхъ представленій и приводитъ уже его къ сознанію разности одного даннаго представленія отъ всѣхъ другихъ. Тогда какъ у бойкихъ учениковъ для лучшаго объясненія разныхъ сторонъ предмета всегда готовы синонимныя слова и представленія, у умственно-медленныхъ учениковъ нѣтъ ничего подобнаго, потому что единичность, разрозненность представленій въ ихъ головѣ не допускаетъ этого.

Такимъ образомъ характеристическія черты этихъ медлительныхъ умовъ становятся намъ яснѣе. При каждомъ новомъ впечатлѣніи, представляющемся имъ, они прежде всего стараются только замѣтить его и дѣлаютъ это съ напряженною внимательностью, заботясь главнымъ образомъ о ясности. Занимаясь только этимъ отдѣльнымъ представленіемъ, они нисколько не заботятся о томъ, чтобы вызвать въ душѣ другія сродныя съ нимъ. Отсюда происходитъ это внимательное всматриваніе въ предметъ съ видомъ непониманія и безтолковости. Къ этому присоединяется и указанная нами выше любовь къ порядку, точность и заботливость во всѣхъ частныхъ случаяхъ. Наконецъ, достигнувъ однажды точности въ отдѣльномъ представленіи, медлительные умы овладѣваютъ всѣми его сторонами, признаками и отношеніями; этимъ и объясняется практическое направленіе, о которомъ упомянули мы выше, равно какъ и нравственныя ихъ отношенія. Медленною воспримчивостью своею они не скоро могутъ дойти до самостоятельности; они долго не составляютъ для своей дѣятельности собственныхъ правилъ, которыя были бы основаны уже на воспринятыхъ ими представленіяхъ. Поэтому они долго остаются въ естественной зависимости отъ своихъ воспитателей и чувствуютъ себя совершенно довольными и счастливыми въ этой зависимости отъ стоящаго выше ихъ авторитета. Не менѣе охотно и добровольно они уступаютъ преимущество и товарищамъ, болѣе ихъ развитымъ; потому что сами сознаютъ свою духовную слабость въ сравненіи съ ними. Но какъ только въ обращеніи съ собою они замѣчаютъ поступки, противорѣчащія какому-нибудь ясно сознанному ими представленію о справедливости или нравственности, а также о ихъ личномъ достоинствѣ, тогда тотчасъ это представленіе вступаетъ въ свои права, съ полной исключительностью, сообразно съ ихъ общимъ духовнымъ настроеніемъ.

И это представлѣніе бываетъ такъ сильно, что всѣ остальные представлѣнія ему уже не въ состояніи противодѣйствовать. Этимъ объясняются кажушіяся противорѣчія въ жизни людей съ медленнымъ пониманіемъ и часто внезапные переходы ихъ отъ покорности къ упрямству и т. п. Ясно также для насъ и то обстоятельство, почему такіе ученики или вовсе не отвѣчаютъ на вопросы, или отвѣчаютъ вѣрно. Отвѣты неопредѣленные и только на половину вѣрные именно происходятъ оттого, что ученикъ или совсѣмъ не умѣетъ понять каждую отдѣльную частность представлѣнія*), или при данномъ представлѣніи ему приходитъ на умъ множество другихъ сродныхъ представлѣній; въ томъ и другомъ случаѣ онъ не можетъ достигнуть опредѣленности въ отвѣтахъ и въ самыхъ выраженіяхъ своихъ. Съ медлительнымъ умомъ этого не бываетъ; зато онъ осужденъ всегда на молчаніе, если учитель прежде не позаботился о возбужденіи въ такомъ ученикѣ всѣхъ частныхъ представлѣній, о которыхъ требуется сужденіе. Наконецъ, изъ слабой способности воспріятія объясняется медленность заминанія и затѣмъ вѣрность памяти. Можно сказать, что ученикъ запомнилъ то или другое, когда онъ въ состояніи по своей волѣ возбудить въ душѣ представлѣніе объ этомъ, т. е. воспроизвести его въ памяти. Для учениковъ, въ которыхъ представлѣнія легко сочетаются, такъ что одно представлѣніе извѣстнаго рода тотчасъ возбуждаетъ другія однородныя, для такихъ учениковъ памятованіе гораздо легче. Но въ медлительныхъ головахъ сочетаніе отдѣльныхъ представлѣній между собою происходитъ гораздо медленнѣе, и потому однимъ представлѣніемъ часто совсѣмъ не возбуждается другое, а вслѣдствіе этого и заминаніе совершается ме-

*) Смотри статью: „Тупые ученики“ въ № 2 *Журнала для воспитанія* за 1857 г.

дленно. Эту же разрозненность отдѣльныхъ представленій можно замѣтить и въ томъ, что такіе ученики всегда отвѣчаютъ вѣрно на вопросы, сдѣлавшіеся уже типичными, составляемые по одной и той же формѣ, и сходящіеся къ одному и тому же представленію. Но когда этотъ же вопросъ предлагается въ другой формѣ, требующей новаго сочетанія представленій, ученикъ съ медленнымъ умомъ теряется и молчитъ. Такого ученика нужно сначала какъ бы приучить къ тому, какой опредѣленный отвѣтъ именно долженъ слѣдовать на опредѣленный вопросъ, т. е. нужно избѣгать такихъ вопросовъ, въ которыхъ заключаются незнакомыя ему представленія. Въ противномъ случаѣ ученикъ долженъ во время самаго отвѣта дѣлать новыя сочетанія представленій; но на это еще хватаетъ его соображенія. Вѣрность памяти въ медлительныхъ умахъ зависитъ отъ того, что представленія въ нихъ, какъ мы сказали, всегда полны, ясны, опредѣленны во всѣхъ частностяхъ, и потому всѣ возможныя сочетанія однихъ представленій съ другими основываются въ нихъ не на случайныхъ, но на существенныхъ признакахъ предметовъ. вмѣстѣ съ тѣмъ они имѣютъ такую ясность, что взаимное возбужденіе представленій дѣлается необходимымъ и непременно остается неизмѣнно въ душѣ до тѣхъ поръ, пока присущи духу эти самыя представленія.

Разсмотрѣвъ внутренній процессъ развитія въ медлительныхъ головахъ, мы яснѣе можемъ понять и слѣдующее обстоятельство. Живо и основательно усвоивъ себѣ какое-нибудь представленіе, они выказываютъ въ развитіи его изумительное, а часто и совершенно неожиданное богатство сдѣланныхъ ими наблюденій. Они большею частію скупы на слова, но зато выражаются весьма опредѣленно и, мало-по-малу доходя до вѣрности сужденій, удивляютъ часто въ своихъ самостоятельныхъ произведеніяхъ оригинальностью. Они болѣе всего способны къ различнымъ

остроумнымъ выходкамъ, которыя въ томъ именно и состоятъ, что представленія совокупаются по отдаленнымъ признакамъ: эти-то признаки обыкновенными головами никогда и не замѣчаются такъ опредѣленно. Понятно и то, почему эти медлительныя головы — если только они не совсѣмъ забыты въ школѣ — часто занимаются исключительно какимъ-нибудь однимъ предметомъ. Они какъ бы ищутъ себѣ убѣжища въ одной опредѣленной области духовной жизни и въ ней-то обнаруживаютъ столько же производительности, какъ и оригинальности. По этой причинѣ они и требуютъ особенно заботливаго попеченія и береженія. Въ наше время болѣе, чѣмъ когда-либо нужно внимательно слѣдить за ними; потому что только весьма немногіе изъ нихъ успѣваютъ пробиться сквозь школьный лабиринтъ, состоящій изъ 10—13 предметовъ обученія, а большая часть изъ нихъ еще въ низшихъ классахъ отдѣляется, какъ негодный балластъ, и оставляется въ сторонѣ, какъ совершенно не заслуживающій заботъ учителя.

Нынѣ весьма много толкуютъ о развитіи умственныхъ силъ, но тѣмъ не менѣе мы вообще страдаемъ недостаткомъ оригинальности и производительности; а вмѣстѣ съ тѣмъ и основательность въ знаніяхъ высказывается только въ весьма немногихъ головахъ, составляющихъ какъ бы исключеніе. Здѣсь не мѣшаетъ замѣтить еще и то, что весьма многіе изъ знаменитыхъ людей, впоследствии отличившихся въ наукахъ, часто въ школахъ играли роль такихъ непонятливыхъ головъ и нерѣдко заставляли потомъ бывшихъ учителей своихъ восклицать: кто бы могъ въ нихъ это предполагать! Нечего, кажется, говорить о томъ, что этого рода учениковъ не должно смѣшивать съ посредственностью. Посредственные ученики — находка для школы; для нихъ не нужно ни педагогики, ни особыхъ дидактическихъ пріемовъ; съ ними можно благополучно сдавать экзамены, и

они наконецъ достигаютъ до такой высоты пониманія, что могутъ говорить даже о предметахъ, которыхъ совершенно не понимаютъ.

Кромѣ природныхъ способностей, самый ходъ первоначальнаго воспитанія имѣетъ вліяніе на развитіе умственно-медленныхъ учениковъ. Этого второго обстоятельства никакъ не должно оставлять безъ вниманія. Напротивъ, нужно разсмотрѣть его какъ можно тщательнѣе, чтобы отсюда вывести правила, какимъ образомъ слѣдуетъ обращаться въ школѣ съ туго-понимающими дѣтьми. Простая обстановка быта, постоянно одни и тѣ же обстоятельства и отношенія, окружающія ребенка, недостатокъ во всѣхъ средствахъ, какія даются природой и искусствомъ для возбужденія и напряженія духовной дѣятельности въ дѣтяхъ: все это въ соединеніи съ природнымъ характеромъ производитъ медленное пониманіе. Ребенокъ привыкаетъ останавливаться на одномъ и томъ же впечатлѣніи и не торопится ускорять сочетаніе представленій своихъ; это доходитъ даже до того, что и отдѣльные предметы воспринимаются и замѣчаются ими весьма медленно. Такимъ образомъ происходитъ то духовное состояніе, которое можно назвать духовной флегмой. Простота быта и всѣхъ отношеній никогда не возбуждаетъ въ душѣ потребности скоро переходить отъ одного представленія къ другому и даже не требуетъ, чтобы въ умѣ всегда находилось значительное количество представленій. Этимъ и объясняется внезапное смущеніе такихъ учениковъ въ школахъ при необходимости быстрого перехода отъ одного предмета къ другому, или въ случаѣ новаго и разнообразнаго сочетанія мыслей. Естественное послѣдствіе этого: медлительность, неловкость и недостатокъ умѣнія образовывать изъ данныхъ представленій сужденіе и изъ данныхъ условій заключеніе. Такимъ образомъ эти ученики являются постоянными, надежными дѣтьми; но вмѣстѣ съ тѣмъ они легко пу-

таются и нерѣдко могутъ казаться непонятливыми и глупыми.

Въ томъ, что мы сказали, заключается достаточно намековъ на то, какъ нужно обращаться съ такими дѣтьми. Тѣмъ не менѣе не бесполезно разсмотрѣть поближе тѣхъ изъ нихъ, которыя сдѣлались жертвою неправильнаго воспитанія, и расшевелить этимъ нѣсколько совѣсть педагоговъ. Такія дѣти рѣдко поступаютъ въ высшія школы, не получившись еще прежде гдѣ-нибудь. Обыкновенно начальное образованіе и развитіе они получаютъ или отъ учителей и учительницъ, имѣющихъ весьма смутныя понятія какъ объ искусствѣ обученія, такъ и о воспитаніи вообще, и обучающихъ учениковъ своихъ точно такъ же, какъ сами учились въ гимназіяхъ. Въ извѣстномъ классѣ нужно пройти и знать столько-то, въ другомъ столько-то; съ этимъ положеніемъ сообразуются эти преподаватели и въ своихъ занятіяхъ. Это служитъ для нихъ единственнымъ руководствомъ при обученіи, и чтобы безошибочно достигнуть своей цѣли, они употребляютъ въ отношеніи къ ученикамъ своимъ всѣ зависящія отъ нихъ средства, и даже болѣе нежели нужно. При этомъ добродушная увѣренность, что они исполняютъ свой долгъ, дѣлаетъ ихъ слѣпыми и глухими къ совѣтамъ дидактики и педагогики. А если какъ-нибудь и проснется совѣсть и станетъ упрекать ихъ, такъ можно успокоить ее обыкновеннымъ мнѣніемъ, что вѣдь изъ педагогическихъ сочиненій ничему не научишься.

Почти то же самое встрѣчается въ нѣкоторыхъ училищахъ, гдѣ программа, утвержденная инспекторомъ или начальствомъ, составляетъ единственное педагогическое и дидактическое руководство. Если дѣти, о которыхъ мы здѣсь говоримъ, попадаютъ въ руки къ такимъ учителямъ, то часто они дѣйствительно глупѣютъ. Они тогда ни въ какомъ предметѣ не достигаютъ твердости знанія, и оттого

ими овладѣвають досада, отчаяніе и отвращеніе ко всякому ученію; это дѣйствительно дѣлаетъ ихъ весьма жалкими, тѣмъ болѣе, что очень часто эти качества уже ничѣмъ не могутъ быть въ нихъ уничтожены. И сколько духовныхъ силъ ослабляется, сколько талантовъ гибнетъ такимъ образомъ!.. Впрочемъ, къ чему эти сентиментальныя сѣтованія? Можно съ нѣкоторыми способными и талантливыми учениками перешагнуть черезъ эти трупы и утѣшиться въ мечтательномъ царствѣ воздушныхъ теорій. Перейдемъ къ тому, что собственно составляетъ нашу задачу,—къ опредѣленію того, какимъ образомъ нужно поступать, чтобы не вредить естественному развитію медлительныхъ умовъ.

Лучшее средство для отвращенія этого печальнаго обстоятельства заключается въ томъ, чтобы не посылать такихъ мальчиковъ въ заведенія, которыя, заключаая въ себѣ слишкомъ общій курсъ, гонятъ ученика по всей наукѣ скорѣе, нежели онъ можетъ и долженъ идти, и въ которыхъ интересъ и вниманіе ученика разбѣгаются по разнообразнымъ предметамъ, безпрестанно смѣняющимъ другъ друга. Конечно, не посылать дѣтей въ эти школы—значило бы спасти ихъ отъ неправильнаго развитія; но къ сожалѣнію, школы иначе устроенныхъ нѣтъ; а какъ на нѣтъ и суда нѣтъ, то предложенное средство должно пока оставаться чистымъ предположеніемъ. Поэтому гораздо важнѣе для насъ вопросъ: какъ нужно обходиться съ медлительными головами въ теперешнихъ учебныхъ заведеніяхъ, безъ всякаго для нихъ вреда.

Прежде всего необходимъ въ школѣ для такихъ дѣтей медленнѣйшій и простѣйшій ходъ ученія. Школы, и въ частности каждый учитель, должны къ этому стремиться, но не потому, что вынуждены къ этому безуспѣшностью всѣхъ употребленныхъ средствъ возбужденія или наказанія, и не такъ, какъ будто они побѣждены природой маль-

чика и дѣлаютъ ей уступку. Нѣтъ, они должны сами хотѣть этого, какъ единственнаго средства, которымъ можно еще достигнуть правильнаго развитія ученика. Едва-ли нужно здѣсь говорить о томъ, какая разница существуетъ въ этихъ двухъ случаяхъ, т. е. когда школа уступаетъ по необходимости, побѣжденная природой мальчика, и когда она разумно и сознательно хочетъ дѣйствовать сообразно съ природой ученика. Первое отношеніе совершенно безнравственно и производитъ развращающее и пагубное дѣйствіе; второе напротивъ вполне естественно и указывается самой природой мальчика; передъ этимъ отношеніемъ должны умолкнуть всѣ частныя школьныя цѣли и предписанія. Но при подобномъ образѣ дѣйствія легко впасть въ ошибку другого рода, именно: направить силы ученика на менѣе доступное ему поприще, и такимъ образомъ бесплодно утомить ихъ. Чтобы избѣгнуть этого, нужно постараться отыскать ту духовную область, въ которой бы единичныя представленія ученика нѣсколько соединились въ одну стройную массу; если же этого еще нѣтъ, нужно посмотрѣть, гдѣ всего удобнѣе можно произвести такое соединеніе. Только не надо отступать передъ трудностью этой задачи. Безъ особеннаго труда можно сперва замѣтить, какъ ученикъ понимаетъ скорѣе, слухомъ-ли или зрѣніемъ, т. е. что оставляетъ въ немъ живѣйшія картины и представленія, слышанное-ли или видѣнное. Признаки, по которымъ довольно легко судить объ этомъ, можно найти въ урокахъ чистописанія, рисованія, языковъ и пѣнія. Если такія дѣти довольно правильно пишутъ, помнятъ то, что читали, легче, чѣмъ то, что слышали; если они охотно рисуютъ, въ географіи легко запоминаютъ расположеніе странъ и ихъ размѣръ, и напротивъ, какъ нельзя болѣе смѣшиваютъ и коверкаютъ звуки, тоны и слышанныя названія, неловко и неточно повторяютъ слова, то изъ этого можно уже заключить, что чувство

зрѣнія можетъ имъ доставить гораздо живѣйшія представленія, нежели чувство слуха. Сообразно съ этимъ умный наставникъ и можетъ расположить свои дѣйствія. Другое дѣло—узнать образовавшіяся уже въ умѣ ученика группы представленій. Ихъ можно искать въ нравственномъ мірѣ, ели, напр. дитя можетъ легко и вѣрно найти мораль басни; или также на эстетическомъ поприщѣ, когда напр., ему нравится стихотвореніе и онъ интересуется поэтическими рассказами; или наконецъ, въ логическихъ соображеніяхъ, если, напр., (какъ нерѣдко случается) ученикъ умѣетъ находить синтаксическія отношенія какого-нибудь предложенія, тогда какъ распознаваніе формъ языка или даже ихъ воспроизведеніе чрезвычайно затрудняетъ его. Сюда же относится вообще и умѣнье рассказывать. Обыкновенно, если дѣти въ семейной жизни привыкли исправлять какія-нибудь порученія и должности, то у нихъ въ головѣ образуется извѣстное обзрѣніе отношеній мѣста, времени, причины и дѣйствія. Здѣсь они часто и не сознаютъ единичныхъ моментовъ явленія, но тѣмъ не менѣе для нихъ совершенно ясно обзрѣніе всей связи цѣлаго. Это оттого, что здѣсь они воспринимаютъ уже явленіе или фактъ во всей его цѣлости и общности, какъ бы одно отдѣльное представленіе. Такимъ образомъ они могутъ совмѣстить въ одномъ общемъ представленіи всѣ положенія, развитіе дѣйствія, связь причинъ и послѣдствій, и проч. Учитель всегда легко можетъ замѣтить эту способность, заставляя ученика повторить напр., прочитанный рассказъ. Ученикъ въ этомъ случаѣ обыкновенно немного передаетъ на своемъ бѣдномъ языкѣ и нерѣдко выражается неловкими или неточными фразами, въ которыхъ однако, если всмотрѣться ближе, всегда можно узнать, что имъ схвачены общій очеркъ рассказа, связь и зависимость различныхъ моментовъ въ происшествіи. При этомъ всегда замѣчается слѣдующее об-

стоятельство: если учитель останавливаетъ ученика въ его неплавномъ разсказѣ, заставляетъ его войти въ подробности, или нетерпѣливо напоминаетъ разныя мелочи, то ученикъ съ медлительнымъ умомъ обыкновенно совсѣмъ умолкаетъ и становится въ тупикъ отъ этой непрошенной помощи, навязывающей ему такія отдѣльныя представленія, которыя ему кажутся совершенно чуждыми.

Нашедши эти и другіе подобныя признаки въ ученикѣ, школа должна опредѣлить и рѣшить, въ какомъ изъ преподаваемыхъ предметовъ и по какому именно направленію нужно особенно упражнять ученика, и что можно оставлять безъ вниманія. Безъ дальнѣйшихъ распространеній укажемъ прямо, что здѣсь вообще учитель, въ большей части случаевъ, поступитъ вѣрно, если просто выберетъ тотъ или тѣ предметы, въ которыхъ ученикъ легче и больше всего оказываетъ успѣховъ, которые слѣдовательно его всѣхъ болѣе интересуютъ. Это впрочемъ еще не значитъ, чтобы этотъ предметъ было такъ легко найти. Часто ученикъ обнаруживаетъ видимое отвращеніе или любовь къ предмету; но если всмотрѣться въ дѣло ближе, то окажется, что чувство его относится совсѣмъ не къ самому дѣлу, а только къ тому образу преподаванія, который его знакомитъ съ этимъ предметомъ. Объяснимъ это хотъ однимъ примѣромъ. Многія дѣти обнаруживаютъ сильное отвращеніе къ тѣмъ разсказамъ и анекдотамъ, которые имъ приходится читать и разбирать при изученіи языковъ. Это происходитъ именно оттого, что они здѣсь или должны запомнить разсказъ сразу, просто выслушавши или прочитавши его, или же должны нѣсколько разъ его повторять, рассказывая и разлагая на составныя части, по отдѣльнымъ содержащимся въ немъ представленіямъ. И то и другое очень трудно для дѣтей; а чѣмъ болѣе они встрѣчаютъ затрудненій въ какой-либо дѣятельности, тѣмъ болѣе отвращаются отъ самага

предмета, требующаго этихъ трудовъ. Поэтому надо поступать въ этихъ случаяхъ съ большой осмотрительностью, чтобы не сдѣлать опрометчиваго заключенія съ перваго взгляда. Надобно какъ можно больше разнообразить занятія мальчика извѣстнымъ предметомъ, упражнять его устно и письменно, задавать ему подражанія и передѣлки, дѣйствовать на его память и умъ. Если при всемъ этомъ не представится ни одной стороны, съ которой-бы можно было замѣтить въ ученикѣ живой интересъ къ предмету, — тогда уже, и только тогда мы въ правѣ оставить вовсе этотъ предметъ обученія.

Когда такимъ образомъ подмѣчены предметы, интересующіе дѣтей, тогда дѣло учителя и вообще школы — опредѣлить, въ чемъ именно заключается этотъ интересъ для ученика. Это потому, что въ школѣ интересуется обыкновенно не столько самый предметъ, сколько тотъ или другой способъ занятій имъ. Для узнаванія этого одобряйте дитя, если замѣчаете, что оно успѣваетъ въ этомъ предметѣ; хвалите его, чтобы возбудить въ немъ сознаніе собственныхъ силъ и укрѣпить самыя силы. Чѣмъ онъ свободнѣе начнетъ обращаться въ кругу своихъ занятій, тѣмъ веселѣе станетъ приступать къ нимъ и совершать ихъ, тѣмъ яснѣе можетъ выказаться его духовное направленіе, и тутъ-то учителю, и вообще школѣ, представляется исполнить вторую задачу свою, т. е. совершенно точно опредѣлить, какая именно сторона предмета болѣе интересуется и привлекаетъ ученика. При правильномъ образѣ дѣйствія скоро исчезнетъ то странное предубѣжденіе учителей, что этотъ родъ дѣтей интересуется только механическими занятіями. Напротивъ, въ большей части случаевъ окажется, что такихъ дѣтей интересуютъ гораздо болѣе глубокія стороны предметовъ. Механизмъ же въ занятіяхъ и внѣшняя аккуратность, какую въ нихъ замѣтили, объясняются очень просто. Они служатъ какъ бы только мѣстомъ убѣ-

жища и защиты для ума ихъ противъ быстрого хода обученія, безпрестанно смѣшивающагося и полнаго рѣзкихъ переходовъ, которые имъ не нравятся и съ которыми внутреннія ихъ силы никакъ не могутъ совладать. Со временемъ окажется также и въ этихъ ученикахъ извѣстная степень понятливости и спокойствіе и ясность мысли, которыя должны рѣшительно освободить ихъ отъ обвиненія въ тупости или по крайней мѣрѣ въ смутности понятій.

Въ урокахъ и во всемъ ходѣ школьнаго обученія нужно какъ можно чаще обращаться именно къ той сторонѣ предмета, которая занимаетъ такихъ учениковъ, и спрашивать именно ихъ и толковать съ ними исключительно. Всѣ вопросы, относящіеся къ интересной для такихъ учениковъ сторонѣ предмета, нужно особенно приберегать для нихъ и даже еще нарочно выискивать вопросы и случаи, могущіе занять ихъ. При этомъ не должно также пренебрегать и домашними занятіями, но давать всѣ возможные средства къ этому и руководить ихъ во всемъ, чтобы всячески способствовать ихъ успѣхамъ. Такимъ образомъ ученики, заинтересовавшись предметомъ, скоро будутъ въ состояніи преодолевать такія трудности и усваивать такія вещи, которыя до тѣхъ поръ казались имъ неприступными и представляли неодолимые препятствія. Какъ скоро цѣль привлекаетъ къ себѣ, то и самое приобрѣтеніе средствъ для цѣли получаетъ особенный интересъ. Ученикъ, прежде не имѣвшій охоты къ ученью, употребляетъ теперь всѣ усилія для узнанія того, что оказывается необходимымъ ему для успѣшнаго занятія любимымъ предметомъ. Тогда зависитъ единственно только отъ учителя утвердить въ ученикѣ мысль, что для дальнѣйшихъ успѣховъ ему необходимо еще заняться вотъ тѣмъ - то и этимъ - то. Такимъ образомъ дѣйствительно удается, возбуждая интересъ къ одному предмету, возбуждать дѣятельность души и по другимъ сторонамъ и, что главное,

помогать соединенію отдѣльныхъ представленій въ группы и самыя эти группы поставлять во взаимныя отношенія между собою.

Но это еще не все. Нужно подвинуть ученика и въ отношеніи къ другимъ предметамъ. Какимъ же образомъ поступать въ этомъ случаѣ? Когда уже опредѣлено, какія стороны одного предмета обученія интересуютъ ученика, тогда нужно отыскать тѣ же стороны въ другихъ предметахъ и стараться посредствомъ ихъ заинтересовать ученика. Почти при всѣхъ предметахъ обученія проявляются одни и тѣ же духовныя отправления. Ложный вообще принципъ нѣкоторыхъ дидактиковъ, утверждающихъ, что каждому предмету нужно обучить такъ, чтобы имъ однимъ образовался цѣлый человекъ, примѣнимъ въ видѣ исключенія къ медлительнымъ головамъ, которыхъ особенно нужно щадить и беречь отъ разнородныхъ и быстрыхъ переменъ занятій. Въ нихъ, дѣйствительно, однимъ предметомъ обученія можно возбудить всѣ духовныя силы, и потому съ ними можно употреблять этотъ способъ обученія; но только съ ними это и можетъ быть полезно. Узнавъ, какая именно сторона дѣятельности интересуется ученика, мы должны упражнять его дѣятельность именно этими сторонами во всѣхъ его занятіяхъ. Чтобы указать одинъ примѣръ, представимъ себѣ ученика, у котораго по видимому развито эстетическое чувство, но который въ обыкновенномъ смыслѣ признается неспособнымъ. Это чувство проявляется у него особенно въ чистописаніи, въ устройствѣ его тетрадокъ или даже въ охотномъ выслушиваніи и легчайшемъ запоминаніи стихотвореній и поэтическихъ рассказовъ, и т. п. Мы беремъ здѣсь первый случай, который чаще всего можно встрѣтить въ школахъ и который всего легче замѣтить. Такого ученика нужно прежде всего совершенствовать въ чистописаніи, преимущественно предъ всѣми остальными его товарищами и нако-

нецъ можно довести его успѣхи въ этомъ дѣлѣ до того, чтобы письмо его было какъ будто рисовкой. Затѣмъ дайте ему писать прописи для класса. При этомъ можно его заставить приискать приличное содержаніе для прописей изъ того, что онъ слышалъ въ классѣ, предоставляя самое избраніе предмета преподавателю. Какіе изъ предметовъ обученія нужно избирать здѣсь, это конечно зависитъ отъ особенныхъ обстоятельствъ. Но такъ какъ мы представляемъ себѣ здѣсь ученика, который легче понимаетъ зрѣніемъ, нежели слухомъ, то нужно стараться скорѣе перейти къ такимъ предметамъ, въ которыхъ пониманіе совершается болѣе слухомъ, напр., къ языкамъ, къ исторіи. Для сего необходимо заставить ученика для каждой прописи, которую онъ долженъ писать, прислушаться къ уроку и запомнить отъ 3 до 5 фразъ, которыя онъ потомъ предложитъ на выборъ учителя. Благодарственное слѣдствіе такой методы будетъ то, что ученикъ станетъ внимательнѣе прислушиваться къ уроку и особенно упражнять свой слухъ, дабы быстрѣе воспринимать звуки. Изъ этихъ занятій вовсе не исключаются и грамматическія правила. Въ исторіи, если не положено руководство, какъ вѣроятно вездѣ для низшихъ классовъ, такому ученику можно задавать для слѣдующаго урока повторить историческій рассказъ и написать всѣ встрѣтившіяся въ немъ имена большими буквами; ихъ можно потомъ вывѣсить на доскѣ, чтобы помочь памяти рассказчика при повтореніи урока. Пусть онъ готовитъ образцы описаній въ формѣ таблицъ по естественной исторіи; пусть перепишетъ стихотвореніе такъ, чтобы всѣ долгіе слоги были написаны прописными, выступающими буквами; пусть онъ письменно приведетъ въ порядокъ географическія имена, расположитъ по различію звуковъ данныя слова одного изъ иностранныхъ языковъ или даже русскаго, и т. п. Такимъ образомъ мало-по-малу образуется самый слухъ, а

послѣ этого можно уже входить въ самыя подробности языка. Пусть ученикъ сперва читаетъ записанное имъ въ классѣ; потомъ, при дальнѣйшихъ успѣхахъ, заставьте уже свободно рассказывать прочитанное передъ классомъ; наконецъ попробуйте потребовать, чтобы онъ изложилъ все, что онъ еще долженъ будетъ припомнить и записать по данной ему задачѣ. Болѣе же всего полезно для такихъ мальчиковъ опытное обученіе. Небольшого труда стоитъ узнать то, что особенно занимаетъ мальчика и къ чему онъ болѣе склоненъ. Затѣмъ можно вести дѣло такъ, чтобы все, что встрѣтится или въ школѣ при обученіи, или въ кругу жизни, сочеталось въ кругу его съ тѣми представленіями, которыя онъ уже имѣлъ прежде. Тутъ можно заставить учениковъ дѣлать сравненія и проводить параллели между тѣми, что они только-что слышали или читали, и тѣми, что они уже испытали и чувствовали сами. Нужно съ неутомимымъ постоянствомъ прислушиваться къ нимъ, нужно соблюдать неизмѣнную терпимость и вѣжливость въ разсужденіяхъ съ ними, нужно терпѣливо сносить ихъ медлительность въ воспроизведеніи представленій. Безпрестанно надобно обращаться къ такому ученику, спрашивать его, касаясь разнообразнѣйшихъ сторонъ, какія только можетъ представлять предметъ, до тѣхъ поръ, пока удастся возбудить вмѣстѣ съ новыми и другія представленія, уже прежде бывшія въ его умѣ. Въ разрозненности отдѣльныхъ представленій и состоитъ главный недостатокъ медлительныхъ головъ, а потому здѣсь особенно нужно нападать на этотъ недостатокъ и стараться исправить его. Для этого же необходимо при обученіи сближеніе съ опытомъ; безъ этого опытнаго обученія и безъ умѣнья ловко пользоваться опытомъ, всѣ другія средства очень мало могутъ способствовать развитію способности примѣчать предметы и вникать въ нихъ; а недостатокъ этой способности и служитъ главною причиною

слабости медлительныхъ головъ. Въ школѣ непременно нужно вкоренить въ душѣ ученика ту мысль, что его собственный духовный міръ и школьный курсъ занятій не составляютъ двухъ отдѣльныхъ сферъ, какъ бы независимыхъ другъ отъ друга; а что, напротивъ, обѣ онѣ не могутъ обойтись одна безъ другой. Нужно непременно давать такимъ ученикамъ задачи, близкія къ опыту жизни. Напр., при разборѣ какого-нибудь стихотворенія или разсказа нужно обращать особенное вниманіе на тѣ его мѣста или стороны, которыя могутъ пригодиться при опытномъ обученіи. Хорошо также, если мальчикъ научится присоединять сюда разсказъ о томъ, что имъ самимъ испытано, о случаяхъ своей жизни и собственныхъ наблюденіяхъ. Во время классовъ слѣдуетъ обращать на него особенное вниманіе; нужно быть довольнымъ даже самымъ слабымъ проявленіемъ его опытной дѣятельности, какъ можно терпѣливѣе выслушивать его и дополнять въ его словахъ тотъ смыслъ, котораго онъ, можетъ быть, не умѣетъ опредѣлительно выразить. И при всемъ этомъ никогда не нужно терять изъ виду главную цѣль—слить представленія ученика въ группы и соединить отдѣльныя группы между собою. На это нужно употреблять даже уроки, посвященные собственно другимъ предметамъ, напр., если переводилась французская или латинская басня, нужно заставить ученика разсказать ее и прибавить еще что-нибудь изъ его собственнаго опыта. Едва ли нужно говорить здѣсь о томъ, что учитель особенно долженъ заботиться, чтобы товарищи не осмѣивали умственно-медленнаго ученика. Остановить это впрочемъ совсѣмъ не трудно, потому что дѣти, руководствуясь естественнымъ состраданіемъ, весьма высоко цѣнятъ терпѣніе учителя въ отношеніи къ такому ученику. При дальнѣйшемъ ходѣ ученикъ долженъ будетъ мало-помалу, въ разныхъ мѣстахъ и случаяхъ, воспроизводить, смотря по надобности, тѣ представленія,

которыя уже твердо запечатлѣны въ немъ предыдущимъ обученіемъ. Учитель долженъ наконецъ знать въ точности, что именно ученикъ уже твердо знаетъ и можетъ легко воспроизводить и чѣмъ онъ владѣетъ вполнѣ, будетъ ли это стихотвореніе, пѣсня, рассказъ, правило, сентенція и проч. Учитель долженъ стараться постоянно напоминать то, что уже извѣстно ученику, и своими вопросами вызывать представленія, уже усвоенныя имъ. Тогда ученикъ, припоминая ихъ въ разныхъ случаяхъ, приучится постоянно имѣть въ головѣ всѣ представленія, вмѣстѣ со вновь присоединяемыми; это самое и будетъ облегчать для него сочетаніе представленій. Въ отношеніи къ самому предмету обученія это, можетъ быть, покажется натянутымъ, излишнимъ, можетъ быть, посѣтителю и ревизору увидятъ въ этомъ неумѣстное и ненужное распространеніе курса; но для учителя личность ученика должна стоять выше самага предмета обученія.

Описанный здѣсь способъ обученія вовсе не таковъ, чтобы идти рядомъ со способомъ преподаванія, принятымъ обыкновенно для всего класса. Напротивъ, здѣсь требуется исключительное вниманіе къ ученику, и притомъ правильная дѣятельность наставника въ отношеніи къ медлительнымъ умамъ можетъ быть достигнута только съ гораздо меньшимъ количествомъ предметовъ, нежели при обыкновенномъ курсѣ. Поэтому здѣсь прямо представляется вопросъ: съ чего же нужно начинать съ умственно-медленными учениками въ другихъ урокахъ, не относящихся къ одному избранному для нихъ предмету? Нужно ли оставить ихъ совсѣмъ безъ вниманія? Но на это могутъ и не согласиться, хотя на практикѣ нерѣдко конецъ дѣла именно къ этому и приводитъ. Впрочемъ, такъ какъ одно теоретическое отрицаніе весьма мало помогаетъ въ практическихъ вопросахъ, то мы позволяемъ себѣ предложить здѣсь нѣсколько практическихъ правилъ, хотя бы только

для того, чтобы дать нѣсколько указаній менѣе опытнымъ учителямъ.

1) Каждый предметъ обученія имѣетъ извѣстный матеріаль, безъ усвоенія котораго ученикъ не можетъ дѣлать успѣховъ. Но кромѣ того, здѣсь всегда заключается еще другой матеріаль, который служитъ уже болѣе для духовнаго упражненія, развлеченія и оживленія. Медлительныя головы прежде всего должны понять и изучить какъ нельзя тверже все, что безусловно необходимо, и изучить именно въ той формѣ, въ которой имъ легче всего усвоить себѣ предметъ, т. е. слухомъ или зрѣніемъ, переписываніемъ и копіями, или повтореніемъ сказаннаго другими.

2) Нужно заставлятъ такихъ учениковъ дѣлать съ самымъ незначительнымъ матеріаломъ какъ можно болѣе упражненій и примѣненій. Даже и при занятіяхъ съ другими учениками, если матеріаль этихъ занятій не вполне еще усвоенъ медлительными головами, или въ немъ встрѣчаются неизвѣстныя имъ слова, формы, правила, — непременно всегда нужно обращаться къ такимъ ученикамъ съ вопросами и возбуждать ихъ, давая при этомъ уму ихъ упражненіе, которое основывалось бы на извѣстныхъ для нихъ словахъ, формахъ и правилахъ.

3) Никогда не нужно спрашивать такихъ учениковъ ех abrupto. Если долженъ дойти до нихъ вопросъ, то нужно предварительными вопросами о томъ же предметѣ, обращенными къ одному изъ товарищей, заранѣе возбудить въ нихъ представленія и группы представленій соотвѣтствующихъ. При этомъ нужно безпрестанно убѣждать ихъ, чтобы они были внимательнѣе, когда представляются товарищу ихъ такіе вопросы, отвѣтъ на которые долженъ имъ самимъ дать возможность правильно отвѣчать на непосредственно затѣмъ слѣдующіе вопросы.

4) Никогда спрашивать этихъ учениковъ не должно быть поспѣшнымъ; не нужно заставлятъ ихъ

торопиться отвѣтомъ. Конечно, есть и должны быть такія части обученія, гдѣ одно только быстрое спрашиванье и скорый отвѣтъ можетъ привести умъ къ напряженію и живости. Только такимъ образомъ умъ можетъ скоро воспроизводить извѣстныя представленія и слѣдовательно усвоить полное овладаніе ими (къ чему и стремится, разумѣется, все обученіе). Поэтому даже и медлительныя головы должны наконецъ дойти до того, чтобы скоро воспроизводить представленія. Но этого никакъ нельзя достигнуть, если отъ торопливости произойдетъ въ нихъ смущеніе, и представленія перепутаются. Это же въ нихъ тотчасъ замѣчается, коль скоро ходъ ученія дѣлается для нихъ слишкомъ быстрымъ. Они большею частью внимательно прислушиваются, когда учитель, объясняя или указывая, медленно идетъ впередъ и сдерживаетъ весь классъ въ быстромъ сочетаніи новыхъ представленій. Но они тотчасъ повѣсятъ носъ и станутъ невнимательны, когда при ускоренномъ спрашиваніи для способнѣйшихъ головъ начинается самое наслажденіе ученіемъ. Здѣсь-то почти всегда и происходитъ то, что учитель теряетъ терпѣніе съ умственно-медленными учениками. Онъ своимъ усердіемъ и трудомъ заставляетъ весь классъ быть въ живой дѣятельности и напряженіи; только именно того или этого нельзя расшевелить такими средствами, и учитель сердится. Но онъ скорѣе долженъ былъ бы сказать себѣ: „это противъ природы мальчика; онъ не можетъ участвовать въ такомъ скоромъ переходѣ отъ одного представленія къ другому, и если бы онъ въ самомъ дѣлѣ старался выказать здѣсь живое участіе, то это была бы ложь“. Къ сожалѣнію, нѣкоторые ученики такого рода и увлекаются въ это ложное положеніе единственно затѣмъ, чтобы не навлечь на себя негодованія учителя; но несмотря на данное имъ возбужденіе, они въ подобныхъ случаяхъ могутъ отвѣчать только дичь. Напротивъ, такихъ мальчиковъ нужно какъ можно

болѣе удерживать отъ торопливости. Если уже при такомъ скоромъ движеніи обученія необходимо давать вопросы и медленнымъ ученикамъ, то здѣсь ничего не остается больше дѣлать, какъ назвавши ихъ фамиліи, дать имъ сначала время собраться съ мыслями и затѣмъ уже предложить вопросъ. Это сосредоченіе мыслей передъ вопросомъ необходимо имъ для того, чтобы снова возбудить умъ, который, какъ мы замѣтили, былъ передъ этимъ или утомленъ, или слишкомъ развлеченъ. А когда ученикъ уже занятъ, тогда нужно остановиться на немъ нѣсколько времени и стараться мало-по-малу произвести въ немъ скорѣйшее воспроизведеніе возбужденныхъ представленій, не прерывая притомъ разговора съ нимъ обращеніемъ вопросовъ къ другимъ ученикамъ. Проходитъ иногда нѣсколько лѣтъ, прежде чѣмъ удастся довести такихъ учениковъ до того, чтобы они могли успѣвать равно съ товарищами при методѣ обученія, быстро перескакивающей отъ ученика къ ученику и отъ предмета къ предмету. Поэтому во все время пребыванія въ школѣ умственно-медленные ученики никогда не любятъ такого воспитательнаго способа. Какъ ихъ ни муштруютъ педагогическіе фельдфебели, они ничему не могутъ выучиться такимъ образомъ; но часто, непонятые учителями и терпя несправедливое съ ними обращеніе, они утомляются, тупѣютъ, приходятъ въ отчаяніе и негодованіе противъ наставниковъ. О другихъ нравственныхъ послѣдствіяхъ нечего и говорить.

5) Едва ли нужно еще упоминать о томъ, какіе вопросы особенно годятся для такихъ учениковъ. Меньше всего годятся пошлые, обыденные вопросы, хотя, будучи учителемъ, чаще всего чувствуешь желаніе задавать именно такіе вопросы этимъ ученикамъ. Но для нихъ всего лучше — вопросы, возбуждающіе дѣятельность мышленія, особенно если ходъ обученія въ классѣ далъ уже имъ значительное коли-

чество представленій и довольно твердо установилъ ихъ въ извѣстныхъ сферахъ понятій.

б) Но болѣе всего учитель долженъ быть осмотри-тельнымъ съ этими учениками, на всѣхъ степеняхъ обученія и во всѣхъ предметахъ, въ то время, когда онъ переходитъ съ ними къ новымъ представленіямъ. Вообще онъ долженъ стараться расположить свои вопросы такъ, чтобы ученикъ имѣлъ какъ можно менѣе возможности дать отвѣтъ невѣрный. Поэтому никогда не долженъ онъ обращаться къ умственно-медленному ученику съ требованіемъ поправить невѣрный отвѣтъ другого ученика. Обыкновенно эта медлительная голова какъ нельзя больше въ это время занята сама собою, такъ что даже едва-ли въ состояніи и слышать невѣрный отвѣтъ. Поправку же сдѣлать медленный ученикъ рѣшительно не въ состояніи, такъ какъ его духовная слабость именно и состоитъ въ медленности соображенія. Точно также не должно къ такимъ ученикамъ обращаться съ вопросами о только что пройденномъ, не спросивъ объ этомъ сперва другихъ. Лучше заставить ихъ повторять совершенно вѣрные отвѣты товарищей или собственныя слова учителя. Только спустя нѣсколько времени, иногда черезъ нѣсколько часовъ, а часто даже только при второмъ или третьемъ повтореніи, такіе ученики успѣваютъ овладѣть новыми представленіями. Но ежели ходъ преподаванія не дозволяетъ учителю долго останавливаться на одномъ и томъ же; если къ прежнимъ свѣдѣніямъ должны скоро присоединиться новыя, и о старыхъ должны быть представляемы новыя соображенія; если наконецъ самыя представленія, на которыхъ останавливается медлительный умъ, не такъ важны для цѣлаго класса, чтобы по цѣлымъ часамъ вертѣть ими на разные лады: въ такомъ случаѣ необходимы уже частныя занятія, при которыхъ бы можно было имѣть въ виду исключительно учениковъ съ медленнымъ пониманіемъ.

7) Въ случаѣ, когда учитель хочетъ повторить какую-нибудь часть пройденнаго предмета, которая долгое время оставалась безъ особеннаго вниманія, какъ бы забытою,—съ умственно-медленными учениками никогда не долженъ онъ дѣлать это ex abrupto; но долженъ предварительно заставить ихъ приготовиться къ вопросамъ, какъ внутреннимъ возбужденіемъ ума, такъ и внѣшнимъ образомъ, черезъ повтореніе предмета дома. И даже послѣ этого учитель все-таки долженъ начать спрашивать другихъ учениковъ, а потомъ уже обратиться и къ этимъ. Притомъ онъ долженъ заставить ихъ повторить все содержаніе урока въ его развитіи и послѣдовательности, т. е. такъ, какъ было изложено при самомъ преподаваніи. Въ медлительныхъ головахъ представленія остаются всегда какъ бы въ одномъ и томъ же неизмѣнномъ порядкѣ. Только тотъ ученикъ, который уже превозмогъ свою умственную слабость, можетъ воспроизводить прежнія представленія, даже послѣ продолжительныхъ промежутковъ времени, нѣсколько свободнѣе и независимѣе отъ того порядка, въ какомъ ихъ воспринялъ при первомъ заучиваніи. Это положеніе подтверждается опытомъ, показывающимъ, что медленные ученики при всякомъ повтореніи всегда обращаются къ самому началу дѣла, и если ихъ насильно отвлекаютъ отъ этого, то они совсѣмъ умолкаютъ. Замѣчено также, что при репетиціи въ такихъ ученикахъ повторяются всегда даже неточность, недостаточность, неясность и неопредѣлительность, оставшіяся въ нихъ послѣ перваго изученія предмета.

8) Весьма полезно для такихъ учениковъ, если при взаимномъ обученіи можно ихъ употреблять какъ мониторовъ. Это возбуждаетъ въ нихъ болѣе быстрое движеніе и болѣе свободное воспроизведе-ніе представленій. Сильно дѣйствуетъ также здѣсь и привлекательность самага процесса обученія другихъ. Большая часть учителей, сомнѣваясь въ

этихъ медлительныхъ головахъ, боятся поручить имъ такую работу и должность, и гораздо чаще хватаются въ этомъ случаѣ за быстрые умы. Но учителя могутъ быть увѣрены, что если ужъ умственно-медленному ученику удалось въ какомъ бы то ни было отдѣлѣ представленій достигнуть полного обладанія предметомъ, то невозможно найти лучшаго, болѣе сознательнаго и вѣрнаго преподавателя для товарищей. Эти преподаватели ощущаютъ сами особенную внутреннюю радость оттого, что чувствуютъ себя теперь свободными и оборотливыми въ такомъ предметѣ, который представлялъ имъ прежде столько трудностей. Они удивляютъ нерѣдко изобрѣтательностью въ средствахъ, которыми они пользуются для упражненія своихъ товарищей и которыя они, разумѣется, испытали надъ собой самими. Какіе предметы и какія части ихъ нужно выбирать въ этомъ случаѣ, — очевидно изъ вышесказаннаго. Касательно пользы этой мѣры мы увѣрены въ общемъ согласіи педагоговъ; ибо кто не замѣчалъ того, что именно эти ученики болѣе другихъ склонны наставлять и обучать своихъ товарищей въ томъ, что сами хорошо знаютъ и понимаютъ. Нѣкоторые даже имѣютъ страсть къ обученію и пользуются между товарищами репутаціей благоразумныхъ старичковъ.

Въ заключеніе слѣдовало бы намъ еще указать на средства, какимъ образомъ исправлять такихъ учениковъ, если они уже испорчены неправильнымъ обученіемъ. Но для этого наша опытность еще недостаточна. Всего чаще подобные ученики исправляются самимъ временемъ. Насколько простираются наши наблюденія, мы можемъ замѣтить еще, что исправленіе или, лучше сказать, возстановленіе такихъ учениковъ удается только тогда, когда они попадаютъ въ такой классъ, гдѣ занятія для нихъ легки и учитель весьма терпѣливъ. Во всякомъ случаѣ для успѣха въ этомъ дѣлѣ нужно прежде

всего постараться вѣрнѣе узнать духовное состояніе такого ученика и ознакомиться съ тѣмъ способомъ обученія, подѣ вліяніемъ котораго онъ находился прежде. Но первое очень трудно при большой массѣ дѣтей въ школѣ, а для второго часто нѣтъ случая. Единственная обязанность, которую тутъ можно возложить на учителя, состоитъ въ томъ, чтобы не продолжать ошибочной методы въ отношеніи къ медлительному уму и не уродовать его еще болѣе.

[Учительскіе экзамены въ Вюртембергѣ.]

Въ одномъ изъ германскихъ журналовъ помѣщена статья „Учительскіе экзамены въ Вюртембергѣ“, могущіе дать понятіе вообще о значеніи учительскихъ экзаменовъ въ Германіи. Помѣщая ее на страницахъ нашего журнала, мы полагаемъ, что при нынѣшнемъ всеобщемъ стремленіи у насъ ознакомиться съ порядками, заведенными въ другихъ странахъ, чтеніе ея не будетъ безъинтересно для большинства наставниковъ нашихъ учебныхъ заведеній.

„Въ одной изъ вюртембергскихъ газетъ объявлена была тема для латинской диссертациі, отъ которой зависѣло допущеніе къ учительскому экзамену. Тема эта была слѣдующая: *dijudicentur Sophoclis tragoediae quaedam potissimum in scholis legendae videantur*. Сочиненіе не должно было превышать четырехъ листовъ; каждый кандидатъ долженъ былъ переписать его собственноручно и представить не позже, какъ черезъ три мѣсяца. По просьбѣ, поданной мною въ совѣтъ училищъ, — чтобы мнѣ дали болѣе обширную тему для нѣмецкаго сочиненія изъ области исторіи или географіи, — я получилъ для выбора слѣдующія двѣ темы: 1) представить развитіе политическаго могущества Англіи въ его

главныхъ моментахъ, по исторіи новаго времени, и разсмотрѣть его въ связи съ физическимъ положеніемъ этой страны; или 2) представить изображеніе физическаго положенія Великобританіи и показать его вліяніе на теперешнее политическое значеніе Англии. Условія были тѣ же; объемъ сочиненія — не болѣе четырехъ листовъ, срокъ три мѣсяца. Я выбралъ вторую тему.

Представивши эти два сочиненія, я былъ допущенъ къ экзамену. Въ назначенное время я явился на испытаніе; со мною вмѣстѣ явились еще два кандидата. Въ понедѣльникъ, въ семь часовъ утра, началось испытаніе въ одной изъ комнатъ высшей гимназіи. Прежде всего г. совѣтникъ высшаго совѣта училищъ, д-ръ Ротъ, назначилъ намъ, кандидатамъ, пробныя лекціи, а ректоръ Шмидтъ продиктовалъ темы для латинскаго сочиненія и объясненія. Первая была такого содержанія:

„Совершенно напрасны жалобы на то, будто бы слабость и болѣзненность дѣтей въ школахъ происходитъ отъ сильнаго напряженія въ занятіяхъ и отъ чрезмѣрной требовательности учителей. Въ смѣшеніи между собою причинъ и слѣдствій таится начало множества ошибокъ; такъ точно и здѣсь: если допустить, что нынѣ дѣти въ школахъ отличаются особенной болѣзненностью, то и здѣсь, можетъ быть, дѣлается то же смѣшеніе. Дѣти слабы потому, что ихъ заставляютъ много работать... Но что, если обернуть вопросъ такимъ образомъ: дѣти не могутъ выносить въ школахъ сильнаго напряженія потому, что они вступаютъ въ школу уже очень слабыми. Родители искони привыкли всю отвѣтственность за неуспѣхи дѣтей слагать на учителей; еще въ Римѣ обвиняли учителя за то, что онъ не умѣлъ вызвать теплаго чувства изъ сердца и зажечь искру разумнія въ головѣ глупаго мальчика. Многіе-ли изъ родителей, положа руку на сердце, могутъ засвидѣтельствовать, что они ничего не сдѣлали для раз-

слабленія своихъ дѣтей, — что они постоянно отказывали имъ въ тѣхъ наслажденіяхъ, которыми смягчается, правда, естественная грубость нѣмецкой дѣтской натуры, но при которыхъ уже не вкусенъ становится черный хлѣбъ, называемый трудомъ... Школа, принимая въ свое лоно дѣтей, приходитъ къ нимъ на помощь уже поздно, и позднія гимнастическія упражненія не могутъ совершенно восполнить то, что было опущено дома, ни заставить дѣтей забыть то, что они дома успѣли уже узнать". (Дедерлейнъ).

Для объясненія дано было мѣсто изъ Вергилія, Георг. I, 463, *Solem quis dicere falsum*, и пр. до 497.

Объ работы вмѣстѣ должно было окончить къ двѣнадцати часамъ; при этомъ не было оставлено никакого пособія, кромѣ латинско-нѣмецкаго лексикона. При насъ, во все время работы, оставался одинъ изъ членовъ комиссіи испытаній. Въ два часа пополудни назначено было изустное испытаніе въ еврейскомъ языкѣ для тѣхъ, которые хотѣли получить отмѣтку въ этой графѣ. Каждый кандидатъ долженъ былъ явиться отдѣльно. Экзаменаторомъ былъ г. Баумлейнъ. Предъ началомъ собственно испытанія онъ спросилъ меня, считаю ли я себя сильнымъ гебраистомъ, или только хочу показать, получивши отмѣтку въ этомъ предметѣ, что я въ состояніи заниматься имъ. Когда я утвердительно отвѣчалъ на послѣднее, онъ спрашивалъ еще, учился ли я уже этому предмету, что я читалъ недавно, и проч. Потомъ началось испытаніе. Я долженъ былъ прочесть 1—7 стихи 18-го псалма, перевести и объяснить ихъ. При этомъ давали мнѣ различные вопросы касательно надписаній псалмовъ, удареній, формъ, этимологіи каждаго слова, синтаксическихъ правилъ и отношенія 18-го псалма къ 2 цар. 22 сл. Все это продолжалось около получаса. Кромѣ экзаменатора присутствовали тутъ еще нѣкоторые члены комиссіи. Эти полчаса оставили во мнѣ одно изъ

пріятнѣйшихъ воспоминаній моей жизни, хотя на нѣкоторые вопросы я и не могъ отвѣчать совершенно удовлетворительно.

Во вторникъ, въ семь часовъ утра, было задано г. Баумлейномъ греческое сочиненіе и объясненіе. Точно также нужно было написать ихъ къ двѣнадцати часамъ, въ присутствіи одного изъ членовъ комиссіи, безъ всякаго другаго пособія, кромѣ греческо-нѣмецкаго лексикона. [Греческая] тема была слѣдующая:

„Кто знакомъ хоть сколько-нибудь съ греческой литературой, тотъ не можетъ отвергать, что Гомеръ служитъ исходною точкою всякой поэзіи и прозы у грековъ. Что касается до поэзіи, то вліяніе его очевидно уже въ самомъ языкѣ. Не только всѣ эпическія стихотворенія написаны тѣмъ діалектомъ, какой употреблялъ Гомеръ,—смѣшеніе іоническаго и эолійскаго элемента,—но даже лирическія произведенія, хотя употребляютъ преимущественно эолійскій и дорическій діалектъ, не удерживаются отъ эпическихъ формъ; наконецъ, сама аттическая трагедія во многихъ пьесахъ подражаетъ гомеровскому языку. Но что всего важнѣе,—поэмы Гомера своими мѣрами, рассказанными подробно, или только кратко очерченными, служили постоянно богатымъ источникомъ для позднѣйшихъ поэтовъ. Изъ нихъ почерпались и содержаніе и развитіе послѣдующихъ поэтическихъ произведеній. Это было совершеннѣйшее созданіе искусства, въ которомъ заключались въ зародышѣ всѣ послѣдующіе роды поэзіи. Поэтому можно сказать съ полнымъ правомъ и увѣренностью, что кто хочетъ изучать греческую поэзію, тотъ не долженъ приниматься ни за что прежде Гомера“.

Для письменнаго объясненія дано было мѣсто изъ Софокла Филокт. ст. 1348—1374. Греческій текстъ долженъ былъ быть представленъ рядомъ съ переводомъ, — метрически. Объясненія не требовалось. Ни въ латинскомъ отрывкѣ, ни въ грече-

скомъ намъ не было указано, изъ какого писателя взято объясняемое мѣсто, и въ какой связи оно находится. Послѣ обѣда была пробная лекція. Я выбралъ для себя въ высшемъ классѣ (X по вюртембергскому счету, I по сѣверно-нѣмецкому) изложеніе географическаго положенія Франціи, съ объясненіемъ его историческаго значенія. При этомъ, кромѣ комиссій испытаній, были еще нѣкоторые учителя высшей гимназіи. Ученики, въ своихъ отвѣтахъ незнакомому имъ кандидату, обнаружили прекрасныя знанія и замѣчательную живость.

Наконецъ пришло послѣднее утро. Въ среду я имѣлъ вторую пробную лекцію, опять въ старшемъ классѣ гимназіи. Я объяснялъ 34-ю оду первой книги Горація.

Наконецъ $\frac{1}{2}$ 10—11 часовъ наступило для насъ, кандидатовъ, самое тяжелое испытаніе, — такъ наз. разговоръ. Въ большой залѣ гимназіи поставленъ былъ большой столъ съ зеленымъ сукномъ; за нимъ сидѣли шесть членовъ комиссіи; предъ ними стоялъ кандидатъ. Сначала отъ меня потребовали подробный отчетъ касательно одного мѣста въ моей латинской диссертациі. Потомъ дали мнѣ Тацита — описаніе смерти Тиверія. Я долженъ былъ прочесть, перевести и затѣмъ посыпался рядъ вопросовъ о содержаніи лѣтописей Тацита, объ ихъ спискахъ, изданіяхъ, объ особенностяхъ его языка и объ этимологіи отдѣльныхъ словъ. Потомъ обратились къ греческому. Сначала спрашивали о работахъ предшествовавшаго дня, потомъ я долженъ былъ метрически прочесть и перевести изъ Софоклова Филоклетта ст. 169—179 (хоръ); при этомъ было нѣсколько вопросовъ касательно метра. Затѣмъ слѣдовалъ Гомеръ. Мнѣ дали прочесть и перевести начало 5-й рапсодіи Одиссеи. При этомъ спрашивали о гомеровскихъ формахъ, образованіи предложеній, и о значеніи взятаго мѣста для гомеровской критики. Наконецъ перешли къ географіи и исторіи. Первый

вопросъ былъ: показаніе распредѣленія теплоты на земномъ шарѣ и графическое его изображеніе. Второй: исторія и описаніе новѣйшихъ географическихъ открытій. Третій: опредѣленіе періодовъ русской исторіи.

Послѣ этого я былъ отпущенъ. Черезъ нѣсколько недѣль состоялось рѣшеніе комиссіи о моемъ опредѣленіи.“

Обзоры дѣтской литературы.

Обзоръ дѣтскихъ журналовъ. 1) *Звѣздочка*, журналъ для дѣтей, изд. А. Ишимовой, 1859 г., I—VI. — 2) *Лучи*, журналъ для дѣвицъ, изд. А. Ишимовой, 1859 г., I—VI. — 3) *Журналъ для Дѣтей*, изд. П. Чистяковымъ, 1859 г., №№ 1—24.

Въ области дѣтскаго чтенія нынѣ совершается то же самое, что уже давно совершилось вообще съ нашей литературой: журналы заступаютъ мѣсто книгъ. До прошлаго года у насъ было три небольшихъ дѣтскихъ журнала: *Звѣздочка* и *Лучи* г-жи Ишимовой и *Журналъ для Дѣтей*, г. Чистякова. Въ прошломъ году къ нимъ прибавился *Подснѣжникъ*, г. В. Майкова. Въ нынѣшнемъ году появились еще: *Дѣтскій Журналъ*, г. Залѣскаго (въ Москвѣ), *Собесѣдникъ*, журналъ для дѣтей и для родителей, г. Ушакова, и *Разсвѣтъ*, журналъ для дѣвицъ, г. Кремпина. Такимъ образомъ составляетъ въ годъ до 80 книжекъ самаго разнообразнаго дѣтскаго чтенія. Такого богатства у насъ до сихъ поръ не бывало; новыя книжки для дѣтей считались доселѣ не десятками, а единицами, да и то выходили больше къ праздникамъ. Теперь же періодически — каждый мѣсяцъ — вы можете получать шесть книжекъ, да кромѣ того каждую недѣлю по листочку журнала г. Чистякова; такое развитіе получила у насъ дѣтская литература!

Обширность размѣровъ, принятыхъ нынѣ дѣтскою журналистикой, обязываетъ насъ остановиться на этомъ явленіи и дать о немъ отчетъ нашимъ читателямъ. Такой отчетъ можетъ имѣть даже

практическую пользу, облегчая для родителей и воспитателей знакомство съ каждымъ журналомъ и выборъ того или другого изъ нихъ. Едва-ли кто захочетъ выписывать для своихъ дѣтей всѣ журналы, которые стоятъ до 45 рублей. Едва-ли кто станетъ и перечитывать ихъ по доброй волѣ, потому что это очень скучно. Для облегченія работы воспитателей и родителей мы и рѣшились, не прибѣгая къ голословнымъ осужденіямъ и не предлагая догматическихъ совѣтовъ, изложить то, что нами замѣчено въ каждомъ изъ дѣтскихъ журналовъ, указать на его характеристическія особенности, его направленіе, изложеніе статей и проч. Тогда само собою будетъ видно, что есть въ журналѣ и въ какой мѣрѣ каждое изданіе удовлетворяетъ требованіямъ и убѣжденіямъ того или другого изъ нашихъ читателей. Для выполненія этой задачи мы беремъ на первый разъ первое полугодіе дѣтскихъ журналовъ за нынѣшній годъ.

Начнемъ съ тѣхъ журналовъ, которые существуютъ уже очень давно и успѣли установиться въ своемъ характерѣ и содержаніи.

Старѣйшій изъ журналовъ, издающихся нынѣ,— *Звѣздочка*. На заглавномъ листѣ cadaго изъ ея томиковъ нынѣшняго года стоитъ: „годъ девятнадцатый“. Начнемъ же съ нея.

Размѣры *Звѣздочки* довольно тощи. Шестъ книжекъ, изданныхъ въ первой половинѣ нынѣшняго года, составляютъ два томика въ 214—213 страницъ. Однакоже годовая цѣна журнала — 5 р. с. Между тѣмъ за 6 рублей *Дѣтскій Журналъ* даетъ каждый мѣсяць по 150, а *Подснѣжникъ* и *Собесѣдникъ* — по 200 и болѣе страницъ. Слѣдовательно, предполагая, что содержаніе этихъ журналовъ по достоинству равняется содержанію *Звѣздочки*, оно оказывается вдвое и втрое дешевле ея. Иначе сказать, чтобы выдержать соперничество съ другими журналами, *Звѣздочка* должна быть вдвое

лучше *Дѣтскаго Журнала* и втрое лучше *Собесѣдника* и *Подснѣжника*. То же самое нужно сказать и о *Лучахъ*, которые такъ же тощи, какъ и *Звѣздочка*, но рублемъ еще дороже ея, — кажется, за то, что при нихъ прилагаются рисунки узоровъ.

Редакція *Звѣздочки* и *Лучей* одна и та же, слѣдовательно въ отношеніи къ направленію оба эти журнала можно разсматривать вмѣстѣ. Разница между ними только та, что *Лучи* назначены для старшаго возраста, а *Звѣздочка* для младшаго и самаго младшаго. Оттого характеръ *Лучей* нѣсколько серьезнѣе. Что же касается до направленія, то оно можетъ быть названо религіозно-нравственнымъ и патріотическимъ. Таковымъ оно было всегда, таковымъ осталось и нынѣ. За это постоянство направленія нельзя не похвалить редакцію, потому что направленіе это само по себѣ совершенно здраво и какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ началамъ истинной педагогики. Но не надо забывать, что и оно можетъ сдѣлаться мертвымъ и формальнымъ, если въ своихъ примѣненіяхъ нимало не соображается съ потребностями времени и обстоятельствъ. Высшія нравственныя совершенства, какъ, напр., героизмъ, самопожертвованіе и т. п., не могутъ быть предписываемы всякому во всякое время, особенно въ той возвышенной и блестящей формѣ, въ какой они представляются въ великихъ примѣрахъ историческихъ лицъ. Въ наше время, въ нашемъ быту, рѣдкому выпадаетъ и возможность выказать подобныя доблести: нашъ гражданскій героизмъ и самоотверженіе должны выражаться совсѣмъ въ иныхъ формахъ, такъ какъ сфера дѣятельности и вся обстановка нашего быта совершенно не тѣ, каковы были у великихъ людей прежнихъ временъ. Да кромѣ того, и самыя понятія во многомъ измѣнились. Напр., въ недавнее время патріотизмъ состоялъ въ восхваленіи всего хорошаго, что есть въ отечествѣ; нынѣ этого уже недоста-

точно для того, чтобы быть патриотомъ. Нынѣ къ восхваленію хорошаго прибавилось неумолимое порицаніе и преслѣдованіе всего дурного, что еще есть у насъ. И нельзя не сознаться, что послѣднее направленіе патриотизма гораздо практичнѣе, потому что вытекаетъ прямо изъ жизни и ведетъ прямо къ дѣлу, возбуждая энергію воли и вниманія къ настоящему теченію дѣлъ. Сообразно съ этимъ видоизмѣнились и многія изъ понятій о нравственныхъ обязанностяхъ, добродѣтель, конечно, не перестала быть добродѣтелью, но оказалась надобность во многихъ изъ такихъ добродѣтелей, которыя прежде считались почти невозможными, и наоборотъ. Напр., послушаніе и скромность составляютъ попрежнему украшеніе юности; но въ прежнее время объ этихъ добродѣтеляхъ такъ много толковали намъ, такъ усиленно внушали ихъ дѣтямъ, что онѣ сдѣлались главнымъ основаніемъ нравственности. Теперь всѣ замѣтили, что это основаніе не совсѣмъ пригодно для тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ намъ приходится дѣйствовать: намъ надо выдерживать борьбу со зломъ, надо [отстаивать] свою душевную чистоту и защищать общественную правду отъ лжи, насилія и своекорыстія. Для этого надо намъ заpastись не только послушаніемъ и скромностью, но и твердостью духа, вѣрой въ право и правду, умѣнемъ оградить свою самостоятельность противъ всякихъ несправедливыхъ покушеній. Ясно, что понятіе о добродѣтели осталось то же, но примѣненіе ея получило уже нѣсколько другой видъ.

Это измѣненіе практическаго значенія многихъ понятій необходимо долженъ имѣть въ виду всякій, кто пишетъ или издаетъ что-нибудь для дѣтей. Для нихъ это гораздо нужнѣе, чѣмъ для взрослыхъ. Мы еще можемъ какъ-нибудь дожить вѣкъ, если и не совсѣмъ хорошо примѣнимся къ новымъ понятіямъ, которыя теперь только начинаютъ водворяться. Но дѣти, получающія теперь воспитаніе, войдутъ въ

жизнь и приступятъ къ практической дѣятельности тогда, когда эти новыя для насъ понятія войдутъ въ полную силу и сдѣлаются необходимымъ условіемъ гражданскаго быта. Если дѣти наши не будутъ приготовлены къ нимъ самымъ воспитаніемъ, то случится одно изъ двухъ: или они посмѣются надъ этимъ воспитаніемъ, бросятъ его, какъ ненужный и обременительный хламъ, и сами себя вновь начнутъ воспитывать, или же они останутся вѣрны нашимъ началамъ, и тогда войдутъ въ разладъ съ лучшими стремленіями дѣйствительной жизни и вѣчно будутъ отсталыми, лишними, бесполезными людьми. Ни того, ни другого нельзя назвать особенно счастливымъ результатомъ.

Къ сожалѣнію, редакція *Звѣздочки* и *Лучей* очень мало думаетъ о современномъ движеніи идей, и остается попрежнему очень преданной высшимъ отвлеченностямъ и идеальнымъ стремленіямъ, не имѣющимъ практической примѣняемости. Въ обоихъ журналахъ, издаваемыхъ г-жею Ишимовой, мы не находимъ почти никакого отголоска на современныя явленія общественной жизни и разные вопросы, поднятые въ послѣднее время у насъ и въ Европѣ. Попрежнему въ *Звѣздочкѣ* помѣщаются очень мило рассказанные уроки изъ „Всеобщей Исторіи“, занимающіе въ первомъ полугодіи *Звѣздочки* до 70 страницъ (т. е. $\frac{1}{6}$ всего изданія); попрежнему продолжаются уроки англійскаго языка по методу Робертсона; попрежнему дѣлаются пространныя выписки изъ разбираемыхъ книгъ, преимущественно духовнаго содержанія, и помѣщаются для старшихъ читателей нравственныя размышленія и рассказы (напр., о томъ, „какъ часто Провидѣніе пользуется ничтожными причинами для великихъ послѣдствій“, „о любви и уваженіи къ родителямъ у краснокожихъ индѣйцевъ“, и т. п.). а для самыхъ младшихъ анекдоты „о томъ, что сдѣлалось съ нетерпѣливымъ Ванечкой“, и т. п. Все это, конечно, очень хорошо

само по себѣ и въ своемъ мѣстѣ. Но мы не понимаемъ, что за радость маленькимъ читателямъ, напр., прочесть и выучить, пожалуй, въ январѣ одинъ англійскій урокъ, а потомъ черезъ два мѣсяца (уроки помѣщаются обыкновенно черезъ книжку) получить слѣдующій урокъ, и опять его пройти, и опять дожидаться два мѣсяца. Такимъ образомъ изученіе языка пойдетъ лѣтъ на десять. Очевидно, что дѣти не могутъ имъ пользоваться въ *Звѣздочкѣ*. Зачѣмъ же тутъ и мѣсто занимать англійскими уроками? На это есть учебники. До нѣкоторой степени то же самое можно сказать и объ урокахъ исторіи. Что касается до выписокъ изъ книгъ, то ихъ, конечно, можно бы составлять съ гораздо большимъ тактомъ. Напр., неужели стоило занимать цѣлый печатный листъ выписками вялыхъ стиховъ изъ поэмы г. Ѳедора Глинки „Іовъ“?

О нравоучительныхъ анекдотахъ наше мнѣніе извѣстно читателямъ. Нетерпѣливый Ванечка, разсѣянный Гриша въ длинной и скучной повѣсти, изображенной г-жею Вороновой и т. п. куколки, изобрѣтенныя схоластической дидактикой, никогда не заинтересуютъ умныхъ дѣтей.

Затѣмъ остаются въ обоихъ журналахъ — стихотворенія, большія повѣсти и мелкія замѣтки. Въ *Лучахъ* есть еще нѣсколько статей въ отдѣлѣ наукъ, которыя въ *Звѣздочкѣ* наполнены исключительно англійскими уроками и уроками изъ всеобщей исторіи.

Стихотворенія *Звѣздочки* и *Лучей* отличаются болѣе идилличностью и вялостью, нежели талантомъ. Большую часть ихъ составляетъ г-жа Каменская. Тенденціи ея принимаютъ иногда довольно странный видъ. Напр., восхваляя паука, она впадаетъ въ такую философію по поводу паутины:

Видишь, въ ней какъ мушекъ много;
Но онъ ѣстъ ихъ не со зла:
Пауку по волѣ Бога

Пища та дана была.
 Прежде люди надѣвали
 Только шкуру отъ звѣрей,
 Тканей разныхъ и не знали
 Въ первобытности своей;
 Но вотъ этой паутиной
 Данъ имъ былъ къ тканью толчокъ, и проч.

Много-ли тутъ поэзіи и до какой степени основательна натурфилософія г-жи Каменской, — объ этомъ распространяться не стоитъ. Но если ужъ *Звѣздочка* непременно хотѣла внушить дѣтямъ участіе къ паукамъ, то не лучше-ли было бы просто помѣстить дѣльную естественно-историческую статью о жизни и нравахъ пауковъ?

Въ другомъ стихотвореніи „Разсказъ няни моего отца“, г-жа Каменская рассказываетъ про Пугачева и между прочимъ говоритъ съ дѣвочкой такими стихами:

Зачѣмъ-же потупила глазки?
 Коль врешь, такъ убирайся прочь:
 Ну, вылитый ты дѣдъ, точь въ точь!
 Ужъ не уронишь родъ свой графскій...

Не лучше г-жи Каменской и г. Н. Ч., который пишетъ о райской птичкѣ такимъ образомъ:

Есть вдали, въ выси, святые
 Непорочные снѣга,
 Ихъ не мучатъ вихри злые,
 Ихъ не мѣрила нога.

Подумаешь, что издательница *Звѣздочки* и *Лучей* нарочно печатаетъ подобные стихи, чтобы отбить дѣтей отъ поэзіи и показать имъ, что стихи суть не что иное, какъ чистѣйшая бессмыслица!

Изъ повѣстей *Звѣздочки* надо замѣтить повѣсть г-жи Вороновой „Мой дѣдушка и моя бабушка“. Въ ней рассказывается нравоучительная исторія, какъ бабушка съ матерней стороны научала своихъ внучатъ склонять дѣдушку съ отцовской стороны къ завѣщанію имъ наслѣдства, и что изъ того впоследствии слѣдовало. „Твоей сестрѣ надо приданое, когда она

вырастетъ, говорила бабушка Мишѣ, а ты проси у дѣдушки отцову долю, — тогда ты не будешь жить въ Петербургѣ бѣднякомъ. Только ты самъ, Мишенька, проси, и будь ласковѣе съ твоимъ дѣдушкой, а у матери твоей не останется духу просить чего -нибудь для васъ, хотя она и должна была-бы это сдѣлать“. И Миша дѣйствительно былъ уменъ и ласковъ съ дѣдушкой, и получилъ наслѣдство, несмотря на интриги тетки и другихъ внучатъ. Почему *Звѣздочка* считаетъ особенно полезными и назидательными для дѣтей эти семейныя дразги, мы никакъ не можемъ постигнуть.

Въ *Лучахъ* есть также большая повѣсть г-жи Вороновой „Опасный даръ“. Даръ этотъ состоитъ въ поэтическомъ дарованіи, которое мѣшаетъ дѣвущкѣ жить въ ладу съ дѣйствительностью. Повѣсть эта имѣетъ слишкомъ исключительный характеръ и скорѣе можетъ принести вредъ, нежели пользу въ нашемъ обществѣ, гдѣ и безъ того на всякое идеальное стремленіе смотрятъ, какъ на что-то ужасное и несчастное и постоянно стараются внушать дѣтямъ пошлыя правила практической изворотливости, иногда даже не совсѣмъ честной.

Гораздо полезнѣе для дѣтей рассказы съ историческою основою или прямо взятые изъ исторіи, особенно новой. Въ *Лучахъ* можетъ занять дѣтское любопытство рассказъ „Паскаль и его сестры“, рассказы изъ средней исторіи о королѣ Генрихѣ, объ Оттонѣ, статьи объ Англійской Индіи, о Лукновѣ и Дели. За помѣщеніе этихъ рассказовъ нельзя не благодарить редакцію *Лучей*. Не менѣе полезны и интересны могли-бы быть и рассказы изъ географіи и этнографіи, всегда столь занимающіе дѣтское вниманіе. Въ этомъ родѣ въ *Лучахъ* прочтутся дѣтьми „Мальстремъ“, „Суэзскій перешеекъ или омнибусы въ пустынь“, „Нравы и обычаи японцевъ“, „Пещера въ горахъ Юры“, — рассказъ, имѣющій, кромѣ того, и драматическій интересъ въ самомъ содержаніи.

Къ сожалѣнію, всѣмъ этимъ рассказамъ вредитъ нѣсколько излишнее краснорѣчіе, которымъ по мѣстамъ они украшаются.

Вообще говоря, мы находимъ, что въ *Лучахъ* и *Звѣздочкѣ* проводится направленіе нравственное и патріотическое, что свѣдѣнія часто сообщаются не безполезныя, но что оба журнала страдаютъ излишнею отвлеченностью и оказываются очень шаткими въ примѣненіи общихъ воззрѣній къ частнымъ случаямъ. Редакція обоихъ журналовъ стремится внушить дѣтямъ, что нужно быть нравственно добрымъ, но въ чемъ именно состоитъ нравственность, какія начала добра ею принимаются и какъ они должны быть выражаемы въ данныхъ отношеніяхъ и случаяхъ,—это остается очень темнымъ и неопредѣленнымъ для юныхъ читателей *Лучей* и *Звѣздочки*. Между тѣмъ самое главное не только въ дѣтской, но и во всякой книгѣ составляетъ уясненіе частныхъ приложеній общаго принципа и указаніе на подробности практическія. Отъ недостатка этихъ послѣднихъ свойствъ чрезвычайно много теряютъ *Звѣздочка* и *Лучи*, и никакое краснорѣчіе, никакія общія мѣста о добрѣ, смиреніи, послушаніи, набожности и проч. имъ не помогутъ.

Послѣ журналовъ г-жи Ишимовой, самый старшій изъ дѣтскихъ журналовъ *Журналъ для Дѣтей*, г. Чистякова. Онъ издается уже лѣтъ десять, нѣсколько разъ мѣнялъ свой форматъ и сроки выхода, утратилъ даже одного изъ первоначальныхъ редакторовъ — г. Разина, но постоянно былъ вѣренъ своему направленію. Нынѣ онъ выходитъ еженедѣльно, по листу большого формата, въ два столбца; въ программѣ его попрежнему остается „духовное, нравственное, историческое, естествоописательное и литературное чтеніе“. Кто хотя поверхностно просматривалъ этотъ журналъ за прежніе годы, тотъ, конечно, замѣтилъ, что самая лучшая его сторона всегда была — естественно-историческая, и

самая слабая—духовная и литературная. Къ сожалѣнію, въ послѣдніе два года, послѣ отказа г. Разина отъ редакціи, статьи по естественнымъ наукамъ появляются въ *Журналъ для Дѣтей* все рѣже и рѣже, а нравственныя размышленія и беллетристическія статьи все чаще. Въ первомъ полугодіи журнала за нынѣшній годъ помѣщено только двѣ значительныя статьи по естественнымъ наукамъ: „Термиты“ и „Великанъ“. Кромѣ того, былъ небольшой анекдотъ о боа, да еще полу-естественная, полу-фантастическая статейка объ инстинктѣ. Вотъ и все. И едва ли это не любопытнѣйшія и не полезнѣйшія статьи во всѣхъ 24 номерахъ журнала. Остальное заключается въ трехъ или четырехъ статейкахъ историческаго свойства, въ нѣсколькихъ повѣстяхъ раздражительнаго и мистическаго характера, да въ удивительнѣйшей статьѣ, которую трудно причислить къ какому-либо разряду: „Что мнѣ особенно бросилось въ глаза за границей“. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ каждаго рода статей, чтобы дать понятіе о составѣ и характерѣ журнала.

Въ первыхъ двухъ номерахъ помѣщена повѣсть „Волкъ не волкъ, человѣкъ не человѣкъ“. Содержаніе ея вотъ въ чемъ. Одна знатная дама, испугавшись появленія у себя въ косѣ сѣдого волоса, призвала волшебницу, чтобы купить себѣ вѣчную красоту. Волшебница согласилась на это съ однимъ условіемъ, чтобы дама отдала ей своего сына. Дама отдала; тогда волшебница смыла съ него воду святого крещенія, и онъ сдѣлался оборотнемъ. Онъ жилъ при дворѣ, отличался всѣми возможными доблестями, но въ извѣстное время пропадалъ и въ видѣ волка рыскалъ по лѣсу. Когда періодъ бѣшенства проходилъ, онъ отыскивалъ свое платье подъ однимъ камнемъ и опять превращался въ человѣка. Одна изъ придворныхъ дѣвицъ влюбилась въ рыцаря-оборотня, котораго звали Черіадекомъ, и вывѣдала его тайну. Разсказъ Черіадека подслушала

другая дѣвушка, кузина первой, и рѣшилась имъ воспользоваться. Она узнала, что оборотень не можетъ уже сдѣлаться человѣкомъ, если унести его платье; узнала также, что оборотень избавится отъ способности превращаться въ волка, если его истинно полюбитъ и выйдетъ за него замужъ какая-нибудь дѣвушка. На этомъ она построила свой планъ. Дѣло въ томъ, что она имѣла уже связь съ однимъ рыцаремъ; но рыцарь былъ бѣденъ, не имѣлъ никакихъ доблестей и содержалъ себя только грабежемъ и игрою. Чтобы доставить состояніе своему возлюбленному, она рѣшила завлечь Черіадека, владѣвшаго огромнымъ богатствомъ, выйти за него, потомъ подкараулить его въ лѣсу, въ минуту превращенія, унести его платье и затѣмъ, оставшись такимъ образомъ вдовою, выйти за негоднаго и бѣднаго, но милаго ей рыцаря. Все это ей удалось какъ нельзя лучше. Но черезъ нѣсколько времени на королевской охотѣ поднятъ былъ какой-то чудный волкъ, котораго не рѣшились травить и который потомъ сдѣлался постояннымъ спутникомъ короля. Волкъ этотъ былъ очень смиренъ, но на одномъ королевскомъ выходѣ откусилъ носъ бывшей женѣ Черіадека. Это было какъ разъ въ томъ самомъ замкѣ, который принадлежалъ Черіадеку и гдѣ было спрятано его платье. Дѣвица, бывшая влюбленною въ Черіадека, тотчасъ смекнула, въ чемъ дѣло; коварную жену заставили признаться, принесли платье; волкъ обнюхалъ его и удалился въ другую комнату. Черезъ часъ, когда вошли туда, то нашли въ ней волчью шкуру и Черіадека, лежавшаго на кровати, въ своемъ платьѣ. Всѣ къ нему бросились и между прочимъ влюбленная дѣвица. „Вдругъ Черіадекъ съ крикомъ вздрогнулъ. Кто-то въ это мгновеніе вылилъ ему на голову холодной, какъ ледъ, воды; рыцарь сверкающими глазами обвелъ всѣхъ окружающихъ и увидѣлъ придворнаго капеллана съ чашею въ рукахъ. Преж-

де чѣмъ Черіадекъ успѣлъ выразить свое неудовольствіе, Витрика (дѣвица, влюбленная въ него) закрыла ручкой ему ротъ и сказала: „Будь спокоенъ, мой другъ, и радуйся вмѣстѣ со мною; ты снова получилъ святое крещеніе, которое тебя и сохранитъ ото всѣхъ чародѣйствъ; святой отецъ нашъ, самъ папа, освятилъ эту воду, когда я была въ Римѣ, чтобы молиться за тебя“ (стр. 21).

Таковъ рассказъ, которымъ открывается нынѣшній годъ *Журнала для Дѣтей*. Нужно ли доказывать, что чтеніе подобныхъ рассказовъ въ высшей степени вредно можетъ дѣйствовать на дѣтей? Во-первыхъ, рассказъ совершенно фантастиченъ, и слѣдовательно въ немъ дурно уже то самое, что онъ отвлекаетъ дѣтское вниманіе отъ дѣйствительной жизни. Во-вторыхъ, самая фантастичность его вовсе не основана на возведеніи въ сознательную личность какихъ-нибудь естественныхъ свойствъ предмета, какъ дѣлается напр., въ лучшихъ сказкахъ Гофмана; напротивъ здѣсь фантастическое имѣетъ тотъ уродливый и бессмысленный характеръ, какимъ оно отличается въ грубѣйшихъ сказкахъ, слышанныхъ нами въ дѣтствѣ отъ глупыхъ нянекъ. Въ третьихъ, рассказъ этотъ старается внушить дѣтямъ самое дикое, нелѣпое понятіе о религіи: онъ научаетъ цѣнить не сущность религіи, не внутреннюю ея основу, а только внѣшнюю, обрядовую сторону. Всѣ бѣдствія Черіадека происходятъ оттого, что съ него волшебница смыла воду св. крещенія. Стало-быть, крещеніе оставляетъ вещественные слѣды на тѣлѣ человека, и эти-то слѣды предохраняютъ его отъ всякихъ темныхъ вліяній? Стало быть, по христіанскому ученію сила крещенія уже не въ смыслѣ таинства, а просто въ водѣ? Должно быть такъ по мнѣнію *Журнала для Дѣтей*; это доказывается и концомъ рассказа, гдѣ вода, освященная папою, возстановляетъ силу смытой воды крещенія. И опять вода, освященная папою, по смыслу рассказа, долж-

жна имѣть бѣольшую силу, нежели вода, освященная просто аббатомъ. И молитва въ Римѣ должна быть сильнѣе и дѣйствительнѣе, нежели молитва въ какой-нибудь деревенькѣ!.. Скажите, неужели позволительно внушать дѣтямъ такія раскольническія, тупоумныя понятія?.. Мы вообще не на сторонѣ теологической казуистики въ дѣтскихъ книгахъ: намъ кажется, что о предметахъ столь возвышенныхъ и отвлеченныхъ надобно говорить человѣку уже нѣсколько позже,—когда онъ начинаетъ входить въ разумъ. Но во всякомъ случаѣ, если уже касаться этихъ предметовъ, то надо говорить по крайней мѣрѣ то, что не противно духу и чистому смыслу существующаго у насъ положительнаго ученія, а не искажать его сообразно съ самыми узкими, односторонними и отчасти даже обскурантскими воззрѣніями.

Есть и много другихъ вредныхъ сторонъ въ разсматриваемомъ разсказѣ. Онъ населяетъ природу кикиморами и оборотнями, заставляетъ дѣтей вѣрить чудесно-безсмысленнымъ превращеніямъ, зароняетъ въ ихъ сердца темныя, и потому очень вредныя подозрѣнія относительно семейныхъ отношеній. Само собою разумѣется, что преступная связь злой дѣвушки съ рыцаремъ-негодяемъ разсказана очень скромно, со всевозможными умолчаніями и прикрытіями. Но здравая педагогика говоритъ, что ничего не можетъ быть хуже этихъ умолчаній и прикрытій. Если хотите оставить дѣтей въ невѣдѣніи относительно извѣстнаго предмета, то вовсе не говорите и даже не намекайте о немъ; а если ужъ заговорили, то говорите прямо и подробно. А между тѣмъ здѣсь въ благовоспитанныхъ формахъ изображается безнравственнѣйшее отношеніе семейное, и *Журналъ для Дѣтей* полагаетъ, что дѣти не поймутъ, въ чемъ дѣло. Напротивъ, они это поймутъ все-таки, да кромѣ того, еще приучатся къ называнію вещей не собственными ихъ именами. Не думаемъ, чтобы и это послѣднее было особенно желательно.

Помѣщеніе одного такого разсказа уже достаточно свидѣтельствуешь о томъ, до какой степени извращены педагогическія понятія редакціи журнала. Но это только одинъ примѣръ изъ десятка подобныхъ. Вслѣдъ за этимъ разсказомъ, во второмъ и третьемъ номерѣ, идетъ длинная исторія „игральныхъ картъ“. Помѣщеніе этой статьи оправдывается, конечно, тѣмъ, что, по словамъ ея автора, „въ человѣческомъ обществѣ нѣтъ вещицы, исторія которой не навела бы насъ на что-нибудь занимательное“ (стр. 22). Но въ такомъ случаѣ отчего же не занять дѣтей чтеніемъ статейекъ—объ искусствѣ повязывать галстухъ, о тайнахъ шулерской науки, о глубочайшихъ тонкостяхъ геральдики, и т. д.?.. На что-нибудь занимательное вездѣ можно набрести...

За игральными картами слѣдуетъ разсказъ „Странное гостепріимство“, изображающій довольно недурно и гуманно положеніе бѣглаго негра,—и статья „Термиты“, на которую мы уже указали выше. Затѣмъ въ № 5 „Пѣсня о славномъ человѣкѣ“, статейка съ приторной сентиментальностью, заявляющая любовь автора къ русскому человѣку и повторяющая старую пѣсню о томъ, какъ у насъ проходятъ незамѣченными многіе подвиги, о которыхъ составляютъ и ходятъ въ народѣ цѣлыя пѣсни. Въ этомъ же номерѣ помѣщена маленькая замѣтка о балахъ въ Сѣверной Америкѣ.

Далѣе въ трехъ номерахъ идетъ повѣсть „Предразсудокъ“. Предразсудокъ этотъ состоитъ въ томъ, что знатной барышнѣ не слѣдуетъ выходить за человѣка простого званія, хотя бы онъ былъ и образованъ и богатъ. Мысль обличить этотъ предразсудокъ очень удачна; но, во-первыхъ, Алиса, преданная ему въ повѣсти, представляется идеаломъ всѣхъ совершенствъ; во-вторыхъ, и эта повѣсть имѣетъ характеръ романовъ г-жи Ратклифъ и сильно бьетъ на эффектъ въ родѣ „Видѣній въ Пиренейскомъ замкѣ“ или „Пещеры смерти въ дремучемъ лѣсу“. Самый

слогъ повѣсти производить то же впечатлѣніе, какое долженъ производить теперь слогъ повѣстей Марлинскаго и патетическихъ страницъ графини Ростопчиной и графа Соллогуба. Приведемъ для образчика нѣсколько строчекъ.

„Въ это мгновеніе раздается оглушительный ударъ грома, молнія разрѣзаетъ небо, все реветъ и внизу, и вверху, и не переставая молнія бьетъ за молніей, такъ что все кажется въ огнѣ; мы видимъ, какъ волны съ яростію напираютъ на скалу, будто хотятъ сорвать ее съ мѣста, но встрѣтивъ отпоръ, съ тѣмъ же ревомъ, съ тою же быстротою бросаются назадъ, унося съ собою челнокъ, который въ то же мгновеніе исчезаетъ вдали“ (стр. 124).

Къ этому бурному слогу имѣетъ большую наклонность *Журналъ для Дѣтей*, равно какъ съ другой стороны сильно одержимъ онъ и любовью къ остротамъ, напоминающимъ водевили Александринскаго театра. Этими остротами особенно изобилуетъ статья: „Что мнѣ особенно бросилось въ глаза за границей.“ За границей надо разумѣть — въ Берлинѣ: только имъ ограничиваются наблюденія автора, и заглавіе статейки дано такое обширное, вѣроятно, для пущей важности. Начинается статейка сожалѣніемъ, что „въ Берлинѣ ночью — и съ глазами ничего не увидишь“, и желаніемъ, чтобы „солнце свѣтило тутъ ночью хоть на то время, когда пріѣзжаютъ путешественники“ (стр. 161). Продолженіе соотвѣтствуетъ этому остроумному началу, и если бы оно перенесено было въ водевиль, то могло бы заставить весь раекъ „животики надорвать“. Какъ видно, авторъ преимущественно эту цѣль и имѣлъ въ виду, и для достиженія ея не боялся выставить себя даже въ очень невыгодномъ свѣтѣ относительно степени своего нравственнаго развитія и образа мыслей. Напр., онъ въ гостиницѣ не позаботился съ вечера оставить сапоги у дверей, чтобы ихъ вычистили. Служитель входитъ къ нему утромъ и спрашиваетъ: „есть у васъ сапоги?“ Авторъ отвѣчаетъ болѣе наивно, нежели остроумно: „есть,

не безъ сапогъ же я пріѣхалъ“. Но служитель вразумляетъ его, въ чемъ дѣло, и тогда нашъ путешественникъ изъявляетъ желаніе, чтобъ ему вычистили сапоги поскорѣе. Служитель объясняетъ, что этого нельзя, потому что у него уже есть для чистки 156 паръ другихъ сапогъ, отданныхъ прежде, и эти приходятся 157-мъ номеромъ. Но авторъ нашъ пускается въ остроумныя словопренія такого рода: „послушайте, — мои сапоги 1 №; они изъ петербургскаго опойка, а русская кожа — крѣпче всѣхъ кожъ на свѣтѣ; да и дѣлалъ же ихъ нѣмецъ“... Служитель, не понявшій каламбура *), повторяетъ, что дѣло не въ томъ, а нужно было ихъ выставить у дверей заранѣе, и они бы попали прежде другихъ. А остроумный авторъ нашъ выводитъ такое заключеніе: „выходитъ, что и въ Германіи надо выставляться, чтобы даже между сапогами попасть въ высшіе номера! Ахъ, Берлинъ! Напрасно же я его искалъ вчера такъ жарко!“ (стр. 163). Заключеніе это немножко неожиданно; но остроуміе автора ничѣмъ не стѣсняется... Онъ изъ кожи лѣзетъ, чтобъ только состричь что-нибудь и соорудить каламбуръ. Вотъ нѣсколько образчиковъ: „я улыбался, въ отвѣтъ на его улыбку, изъ вѣжливости и гордости, чтобы ни на одну улыбку не одолжаться“ (стр. 163). „Рейнскія вина, — разумѣется на самомъ Рейнѣ, — очень хороши, даже лучше рейнскихъ нѣмцевъ“ (стр. 164). „Въ Австріи 20 миліоновъ славянъ, и всего 5 миліоновъ нѣмцевъ. Что жъ за бѣда, что ихъ такъ мало? Пусть ихъ хоть совсѣмъ не было, — я и въ этомъ еще бѣды не вижу“ (стр. 165). „Дѣятельный народъ въ Германіи: ни одна собака безъ дѣла не остается“ (стр. 172). „Фридрихъ II-й легокъ лишь на по-

*) Да и какъ его было понять, если не предположить, что авторъ объяснялся со служителемъ по-русски, ибо сапожная кожа называется по-нѣмецки Leder, а человѣческая — Haut,

минѣ, въ исторіи да въ анекдотахъ, — а то куда былъ тяжолъ!“ (стр. 183). „Что это такое?“ — Тиръ-гартенъ (звѣриный садъ). Что жъ, тутъ звѣри прогуливаются?“ (стр. 173). Всѣхъ остротъ, впрочемъ, не перечислишь... Замѣчательно только то, что для краснаго словца авторъ нисколько не колеблется пожертвовать строгостью исторической истины. То онъ приобрѣтетъ въ Берлинѣ крейцеры, которые тамъ вовсе не въ ходу, то расскажетъ, что каждому доктору нужно здѣсь платить по два червонца за визитъ, то увѣритъ, что его кто-то изъ нѣмцевъ назвалъ Чичиковымъ, по причинѣ трудности его собственной фамиліи и т. д. А между тѣмъ это неприличное, бесплодное и ненужное шутство дурного тона пересыпается звонкими, подчасъ даже сентиментальными фразами о пользѣ образованія... Хорошо уваженіе къ образованію, которое можно внушить дѣтямъ разсказами и каламбурами въ родѣ приведенныхъ нами выше!..

Не будемъ говорить о нелѣпой сказкѣ „Живая Трава“ и о дикой повѣсти „Цыгане“, въ которой между прочимъ опять упоминаются съ фарисейской скромностью грязныя отношенія начальника табора къ одной цыганкѣ. Образецъ подобныхъ повѣстей мы уже видѣли въ разборѣ разсказа о волкѣ - оборотнѣ. Не станемъ распространяться и о „разсказахъ изъ русской исторіи“, въ которыхъ, рядомъ съ нѣсколькими полезными свѣдѣніями, толкуется вкривь и вкосъ о славянской миеологіи и о началѣ русской исторіи. Замѣтимъ только, что если по недостатку данныхъ до сихъ поръ нельзя сказать объ этомъ ничего положительнаго и окончательно разъясненнаго, то неужели нельзя найти въ русской же исторіи предметовъ болѣе интересныхъ и важныхъ?

Лучше другихъ въ *Журналѣ для Дѣтей* статьи: „Очеркъ жизнеописанія Давида Ливингстона“, дающій нѣкоторое понятіе о жизни и похожденияхъ знаменитаго путешественника, „Внутреннее состояніе

Англии въ концѣ XVII столѣтія“ и „Изъ записокъ французскаго миссіонера въ Техасѣ“. Эти статьи прочтутся дѣтьми не безъ пользы, и могутъ заинтересовать ихъ, хотя въ этомъ послѣднемъ отношеніи статья объ Англии и могла бы быть составлена удовлетворительнѣе.

Затѣмъ можно еще указать на „Греческую идиллію“, какъ на статью, тоже не совсѣмъ лишенную интереса для молодыхъ читателей. Что же касается до приторныхъ разборовъ „Птички“ и „Нивы“ и двухъ стихотвореній — Плещеева и Жадовской, и такого же отзыва объ „Іовѣ“ г. Глинки, — до высокопарнаго разсказа объ Эдистонскомъ маякѣ, до туманно-мелочныхъ размышленій объ инстинктѣ, до реторической амплификаціи подъ названіемъ: „Что хорошаго въ нашей зимѣ“ и пр. т. п., то о нихъ не стоитъ и словъ тратить...

Итакъ, мы должны, къ сожалѣнію, сознаться, что *Журналъ для Дѣтей* имѣетъ направленіе скорѣе вредное, нежели полезное для дѣтей, что занимательность его повѣстей имѣетъ мистически-легендарный характеръ, что безобразно-сентиментальная тенденція проникаетъ всѣ его теоретическія статьи, и что только въ отдѣлѣ исторіи и естественныхъ наукъ онъ имѣетъ нѣкоторое право на наше вниманіе. Но и историческія статьи его надо давать для чтенія дѣтямъ съ большою осторожностью. А то они какъ разъ напитаются такими уродливыми фантазіями, что послѣ и не сладишь...

Таковы наши старые дѣтскіе журналы, уже утвердившіеся во мнѣніи публики и создавшіе себѣ опредѣленный кругъ читателей. Мы видѣли, что они далеко не удовлетворяютъ современнымъ требованіямъ здоровой педагогики, и, можетъ быть, причиною тому служитъ самая старость ихъ. Они были основаны въ то время, когда у насъ на дѣло воспитанія еще не смотрѣли серьезно; начаты они такъ-себѣ, безъ опредѣленнаго сознанія, къ чему именно и

какъ именно нужно вести дѣтей посредствомъ систематическаго чтенія. Слѣдовательно отъ нихъ и требовать не нужно слишкомъ много. Двадцать, и даже менѣе, лѣтъ тому назадъ у насъ были убѣждены, что воспитаніе должно сдѣлать дитя послушнымъ и знающимъ урокъ, — только. Три журнала, разсмотрѣнные нами, совершенно удовлетворительны съ этой точки зрѣнія: къ послушанію и ученью уроковъ они побуждаютъ дѣтей чуть не каждою статьею. Нынѣ о воспитаніи думаютъ иначе: задачею его считаютъ возможно полное и правильное развитіе личной самостоятельности ребенка и всѣхъ духовныхъ силъ, заключающихся въ его натурѣ. При такихъ понятіяхъ о воспитаніи и дѣтское чтеніе должно получить иной характеръ. Не отвлеченно-моральныя сентенціи, не фантастическія бредни, не умиленные разглагольствованія должны теперь наполнять страницы дѣтскихъ книгъ, — въ нихъ должны сообщаться положительныя свѣдѣнія о мірѣ и чело-вѣкѣ, рассказы изъ дѣйствительной жизни, разъясненіе тѣхъ вопросовъ, которые теперь волнуютъ общество и встрѣтятъ нынѣшнихъ дѣтей тотчасъ, какъ только они вступятъ въ жизнь... Разумѣется, старые дѣтскіе журналы не могли отстать отъ своей рутины, и нечего слишкомъ винить ихъ за то. Новое время вызвало новые дѣтскіе журналы, и въ нихъ-то должны мы искать новое направленіе...

Но разборъ этихъ новыхъ журналовъ мы отложимъ до одной изъ первыхъ книжекъ будущаго года.

Французскія книги.

Часто у насъ приходится слышать патріотическія жалобы на то, что дѣтей воспитываютъ на французскихъ, а не на русскихъ книгахъ. Жалобы эти были бы вполне справедливы, если бы воспитателямъ представлялся равный выборъ хорошихъ дѣтскихъ

книгъ, какъ во французской, такъ и въ русской литературѣ. Но къ сожалѣнію этого нѣтъ до сихъ поръ, и на вопросъ: отчего у насъ дѣти читаютъ французскія книги „и не читаютъ книгъ своихъ“, мы и теперь должны повторить стихъ Пушкина о русскихъ книгахъ: Да гдѣ жъ онѣ? Давайте ихъ!

Первое требованіе всякаго учителя и воспитателя относительно дѣтскихъ книгъ состоитъ разумѣется въ томъ, чтобы книжки эти были полезны для умственнаго и нравственнаго развитія дѣтей. Чтобы удовлетворить этому требованію, дѣтскія книжки должны быть по содержанию дѣльны и въ то же время интересны для дѣтей, а по изложенію—совершенно просты. Русскихъ книгъ, которыя бы удовлетворяли этимъ условіямъ, весьма немного; поневолѣ приходится обратиться къ иностраннымъ и преимущественно французскимъ, такъ какъ знаніе французскаго языка наиболѣе распространено въ нашемъ обществѣ, даже между дѣтьми. Такимъ образомъ французскія изданія для дѣтей расходятся въ Россіи въ огромномъ количествѣ, и это явленіе оправдывается съ одной стороны недостаткомъ хорошихъ русскихъ книгъ, съ другой—относительными достоинствами французскихъ изданій.

Но и о французскихъ книжкахъ нельзя сказать, чтобъ онѣ были безусловно хороши. Еще менѣе можно сказать, чтобъ онѣ всѣ были одинаково приспособлены къ понятіямъ всякаго ребенка. Напротивъ, есть въ числѣ ихъ книги, и очень хорошія сами по себѣ, но годныя исключительно только для извѣстнаго возраста или для извѣстной степени развитія дитяти. Поэтому при выборѣ французскихъ книгъ для дѣтскаго чтенія нужна большая осторожность и основательныя соображенія относительно того, какая книга болѣе соотвѣтствуетъ возрасту, степени развитія, даже характеру и внѣшнему положенію дѣтей, которымъ мы желаемъ избрать полезное чтеніе. Имѣя въ виду всѣ эти обстоятельства, мы счи-

таемъ не бесполезнымъ представить нашимъ читателямъ нѣсколько замѣтокъ о новыхъ дѣтскихъ книжкахъ, на французскомъ языкѣ, появившихся передъ праздниками во французскихъ книжныхъ лавкахъ въ Петербургѣ. Оставляя въ сторонѣ множество вздорныхъ спекуляцій—азбукъ, сборниковъ, нравоученій и т. п., мы скажемъ здѣсь только о книжкахъ почему-нибудь заслуживающихъ вниманія. Начнемъ съ книгъ, имѣющихъ отчасти научное содержаніе.

Nouvelle géographie en estampes. Revue pittoresque de l'univers, nouvelles, contes, légendes et aperçus historiques sur les mœurs, usages, costumes des différents peuples. Par A. Vanault, Ch. Richomme et A. Castillon. Paris, in—8, 226 p.

Авторамъ этой книги пришла въ голову счастливая мысль: дать дѣтямъ общую характеристику различныхъ странъ посредствомъ небольшихъ разсказовъ, имѣющихъ мѣстный колоритъ. Чтобы разказы эти были совершенно понятны дѣтямъ, авторы сначала предлагаютъ обыкновенно общее обозрѣніе (*aperçu pittoresque*) каждой части свѣта, и потомъ уже разсказываютъ исторіи, относящіяся въ частности къ той или другой странѣ. Обозрѣнія составлены всѣ очень просто и занимательно. Нѣтъ въ нихъ излишнихъ подробностей, которыя понадобятся дѣтямъ уже при систематическомъ изученіи географіи; нѣтъ даже названій многихъ рѣкъ, городовъ, указанія пространства, числа жителей каждой страны и т. п. Но зато есть нѣсколько вѣрныхъ, характеристическихъ замѣтокъ о каждой странѣ, нѣсколько анекдотовъ, происшествій, любопытныхъ изреченій и мнѣній, кстати приведенныхъ и могущихъ подѣйствовать на воображеніе дѣтей. Главная цѣль обозрѣнія—познакомить дѣтей съ топографіею различныхъ странъ и отчасти съ характеромъ ихъ природы и жизни. Для этого авторъ приглашаетъ дѣтей

отправиться съ нимъ путешествовать и, начиная съ Англии, проходить съ ними всѣ страны Европы. Имѣя передъ глазами порядочную карту, дѣти очень удобно могутъ слѣдить за этимъ путешествіемъ. Затѣмъ начинаются рассказы маленькихъ исторій, происходившихъ въ той или другой странѣ. Въ этихъ исторіяхъ болѣе или менѣе полно и удачно изображаются нравы и образъ жизни жителей и характеръ мѣстности. Рисунки, находящіеся почти при каждомъ рассказѣ и исполненные довольно недурно, знакомятъ дѣтей съ національными костюмами и отчасти даже съ типами фізіономій. Послѣ Европы точно также изображены и остальные части свѣта.

Изъ сдѣланныхъ нами указаній можно видѣть, что авторы, имѣя въ виду весьма хорошую мысль, употребили для ея осуществленія вѣрные и основательные приемы. Но не можемъ не замѣтить, что исполненіе не совершенно удалось имъ, и потому книгу ихъ нельзя считать вполне достаточнымъ пособіемъ для сообщенія дѣтямъ первоначальныхъ географическихъ свѣдѣній. Рассказы гг. Ванно, Ришома и Кастильона имѣютъ слишкомъ мало разнообразія и нерѣдко пропускаютъ безъ вниманія весьма характеристическія особенности страны. Иногда вмѣсто современныхъ рассказовъ предлагаются историческіе, которые о странѣ вовсе не даютъ понятія. Вообще рассказы показались намъ составленными не совсѣмъ удачно, въ томъ отношеніи, что они не раскрываютъ для читателя характеръ страны и народа, а только едва-едва приподымаютъ маленькій уголокъ завѣсы, скрывающей географію и этнографію отъ любопытства маленькихъ читателей. Впрочемъ, хорошо и то, что хотя уголокъ завѣсы приподымается и любопытство дѣтей будетъ возбуждено. Для дальнѣйшаго изученія имъ уже не трудно будетъ найти хорошіе матеріалы. „Географія въ эстампахъ“ замѣчательна именно тѣмъ, что рассказы, въ ней помѣщенные, могутъ имѣть интересъ для дѣтей:

они очень несложны, большею частью занимательны и по изложенію доступны для десятилѣтнихъ дѣтей (разумѣется, очень хорошо уже владѣющихъ французскимъ языкомъ).

„Географія въ эстампахъ“ получаетъ въ нашихъ глазахъ еще болѣе цѣны отъ сравненія съ другою книгою, имѣющею тотъ же предметъ, но далеко различающеюся отъ нея въ исполненіи. Эта вторая книга называется:

Le monde en estampes. Types et costumes des principaux peuples de l'univers. Lithographié par J. Bocquin, d'après les dessins de M. M. Leloir et Fessey, texte par Elisabeth Müller. Paris, in-4, 51 p.

На эту книгу можно смотрѣть съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ на „Географію въ эстампахъ“: здѣсь рисунки гораздо лучше и ихъ больше. Но отчетливостью и изяществомъ рисунковъ (впрочемъ, тоже не совсѣмъ безукоризненныхъ въ отношеніи къ вѣрности типовъ и костюмовъ) и ограничивается все достоинство книги. Скука, вялость описаній, неопредѣленность и безцвѣтность выраженій, ошибки и узость взгляда составляютъ отличительное свойство текста книги, написаннаго г-жею Елизаветою Миллеръ. Французское хвастовство выражается очень безцеремонно, напр. въ признаніи, что Франція произвела болѣе, чѣмъ всякая другая страна, знаменитыхъ ученыхъ и великихъ артистовъ (стр. 6). Какъ огромны историческія ошибки книги, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра, взятаго нами изъ описанія Россіи (стр. 20): „Какъ и черезъ другія страны Европы, черезъ Россію проходили скандинавы, тевтоны, готы, гунны и другіе азіатскіе варвары, которые, будучи отброшены назадъ Карломъ Великимъ, возвратились сюда, чтобы утвердиться въ этихъ пустыняхъ“. Но мало этого: кромѣ незнанія, авторъ обнаруживаетъ еще крайне отсталыя и невѣжественныя тенденціи, которыя въ наше время странно

видѣть напечатанными даже и русскими буквами, не только что французскими. Кто не удивится, если мы приведемъ изъ „Monde en estampes“ слѣдующую тираду, которою начинается описаніе земли кафровъ (стр. 38): „Ты будешь рабъ рабамъ твоихъ братьевъ, сказалъ Хаму оскорбленный имъ патріархъ и всѣ націи, во всѣ времена, являются исполнителями этого рѣшенія: черное, проклятое племя подчинено бѣлому...“ Нѣсколько строкъ далѣе: „Христіанская любовь заставила подать голосъ за уничтоженіе рабства, и если оно существуетъ еще, такъ это потому, что лишеніе этихъ рабовъ было бы разореніемъ, котораго нельзя же требовать отъ тѣхъ, кто ими владѣетъ.“ Видно, что авторъ стоитъ еще на той степени развитія, на которой находились у насъ нѣкоторые господа прошлаго вѣка, называвшіе слугъ своихъ „хамовымъ отродьемъ“.

Повторяемъ: рисунки въ книжкѣ очень разнообразны и хорошо исполнены; для рисунковъ можно дать дѣтямъ „Le monde en estampes“. Но рѣшаясь на это, необходимо соблюсти одну предосторожность: предварительно вырвать изъ книжки весь текстъ. Иначе,—хотя дѣти и сами конечно не станутъ читать этой скучной книги, но все-таки, взглянувъ на ту или другую страницу, могутъ почерпнуть оттуда такія свѣдѣнія и понятія, отъ которыхъ благо-разумный воспитатель долженъ всячески оберегать дѣтскую голову и сердце.

Цѣна обѣихъ книгъ, названныхъ нами, одинаковая: каждая стоитъ 4 руб. 50 коп. сер.

Le livre des merveilles. Contes pour les enfants, tirés de la mythologie par Nathaniel Hawthorne, traduits de l'anglais par Léonce Babilion. Paris, 1858. Deux tomes, in-8, 253 et 305 p.

Въ двухъ томикахъ, которыхъ заглавіе мы выпи-сали, заключается двѣнадцать рассказовъ изъ греческой мифологіи. У насъ греческая мифологія извѣстна

очень мало, да и нѣтъ особенной надобности наполнять ею голову дѣтей. По крайней мѣрѣ намъ кажется, что вовсе не слѣдуетъ сожалѣть о томъ времени, когда въ нашу литературу, съ легкой руки французовъ вѣка Людовика XIV, вторгались было зевсы, пегасы, буцефалы, минервы, купидоны и многія сотни ихъ собратій. Поэтому мы вовсе не признаемъ необходимости и пользы изученія миеологіи въ дѣтскомъ возрастѣ и, нисколько не задумавшись, готовы осудить всякаго воспитателя, заводящаго дѣтей на Парнассъ и Олимпъ, чтобы они выдолбили всѣхъ тамошнихъ членовъ и обитателей. Французы особенно падки къ миеологіи, и для нихъ дѣйствительно изученіе ея почти необходимо, потому что ихъ литературные шедевры непременно требуютъ знакомства съ миеологическими богами и героями. Но у насъ вовсе нѣтъ такой надобности: наша литература высшимъ своимъ развитіемъ обязана не классическимъ началамъ, а реальному направленію, почерпающему свою силу въ самой дѣйствительности, живой и современной. Слѣдовательно у насъ вовсе не можетъ возникнуть потребности давать дѣтямъ курсы миеологіи съ цѣлью познакомить ихъ съ тѣмъ, какъ приходился роднею какой-нибудь греческій герой какой-нибудь богинѣ, или съ тѣмъ, какого рода табель о рангахъ существовала у древнихъ боговъ и полубоговъ. Съ этой стороны, конечно, никто у насъ не заинтересуется и рассказами Готорна.

Но есть въ этихъ рассказахъ другая сторона, которая заставляетъ рекомендовать эту книжку тѣмъ воспитателямъ, которые считаютъ полезнымъ для дѣтей чтеніе волшебныхъ сказокъ. Что касается до насъ, то мы не видимъ ни малѣйшей нужды забавлять дѣтей непременно фантастическими сказками. Мы убѣждены, что хорошо и просто рассказанное приключеніе изъ дѣйствительной жизни такъ же точно можетъ заинтересовать дѣтей, какъ и самое невѣроятное фантастическое преданіе, наполненное

всевозможными чудесами. Но нельзя не сознаться, что хороших дѣтскихъ книгъ съ реальнымъ направлениемъ почти не существуетъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Поневоля приходится давать дѣтямъ сказки и побасенки, смотря уже только за тѣмъ, чтобы выбрать менѣе нелѣпое и болѣе приближающееся къ истинной поэзіи. И въ этомъ случаѣ рассказы Готорна представляютъ одно изъ прекрасныхъ явленій. Готорнъ извѣстенъ какъ отличный рассказчикъ вообще; его романы читались съ жадностью и взрослыми. Тотъ же интересъ умѣлъ онъ своимъ талантомъ придать и дѣтскимъ рассказамъ. Онъ не слишкомъ стѣснялся желаніемъ сохранить рабскую вѣрность подлиннымъ греческимъ преданіямъ; онъ выпускалъ нѣкоторыя подробности, измѣнялъ колоритъ рассказа, смягчалъ слишкомъ рѣзкія черты и т. п. Вообще мифологія служила для Готорна только фономъ, на которомъ онъ совершенно свободно изображалъ картины и событія, представляющіяся его воображенію. Онъ самъ говоритъ въ предисловіи, что поэтическія преданія древнихъ грековъ принадлежатъ своей поэтической стороной всѣмъ вѣкамъ и народамъ, и что потому всякій народъ всегда имѣетъ право усвоивать ихъ себѣ не въ мертвой ихъ неподвижности, а въ живой обработкѣ, сообразной съ условіями времени. Смотри на дѣло съ такой точки зрѣнія, Готорнъ умѣлъ написать нѣсколько дѣйствительно живыхъ и любопытныхъ рассказовъ, которые могутъ приковать къ себѣ вниманіе впечатлительныхъ дѣтей, въ родѣ сказокъ изъ „Тысячи и одной ночи“. И если ужъ мы допустимъ пользу сказочнаго чтенія для дѣтей, то между сказками немного можно найти такихъ живыхъ и увлекательныхъ вещей, какъ рассказы Готорна.

Для любителей волшебныхъ рассказовъ можно рекомендовать еще слѣдующія двѣ книжки.

Contes choisis des frères Grimm, traduits de l'allemand par
Frédéric Baudry. Paris.

La Caravane. Contes orientaux, traduits de l'allemand de Hauff,
par A. Tallon. Paris.

Книжки эти пользуются большой популярностью въ Германіи и имѣли успѣхъ во французскомъ переводѣ. Сказки братьевъ Гриммъ извѣстны уже въ теченіе полувѣка. Они старательно собрали преданія, легенды, повѣрія, притчи, ходившія въ народѣ по Германіи, и записали ихъ очень вѣрно, стараясь не измѣнять ихъ первоначальнаго характера. Собраніе ихъ имѣло много изданій и подвергалось различнымъ перемѣнамъ. Въ выборѣ для дѣтскаго чтенія рассказы во многомъ сокращены и иначе расположены. Во французской книжкѣ, лежащей теперь передъ нами, находится такое раздѣленіе: 1) нравственные рассказы; 2) религіозныя легенды; 3) фантастическіе и забавные рассказы. Послѣдніе конечно лучше всѣхъ остальныхъ уже потому, что въ нихъ не примѣшивается резонерства и разныхъ заднихъ мыслей къ чуднымъ сказаніямъ. Отрѣшенныя отъ всякаго стремленія поучать, волшебныя преданія могутъ еще быть оправданы тѣмъ, что чтеніе ихъ развиваетъ воображеніе и пробуждаетъ поэтическое чувство въ дѣтяхъ. Но когда фантастическій рассказъ передается съ цѣлью нравственнаго назиданія, то и онъ теряетъ половину своей занимательности, и нравственное правило лишается половины своей силы, да кромѣ того дѣтямъ еще вбивается въ голову ложное и слѣдовательно вредное понятіе. Такъ напр., „Подарки гномовъ“ рассказывается для того, чтобы дѣти сдѣлали изъ нея нравственный выводъ, что не нужно жадничать, а надо довольствоваться малымъ. Выводъ очень хорошъ; но если дѣти его сдѣлаютъ, то единственно въ томъ случаѣ, когда повѣрятъ истинѣ рассказа. Если же они поймутъ, что рассказъ—вздоръ и выдумка, то и нравственный выводъ лишится для

нихъ своей опоры. Слѣдовательно для того, чтобы дѣти получали назиданіе изъ волшебныхъ разсказовъ, нужно какъ можно долѣе держать ихъ въ невѣдѣніи на счетъ истинности подобныхъ разсказовъ; нужно какъ можно долѣе ихъ обманывать. Едва ли кто-либо изъ благоразумныхъ воспитателей одобритъ такую мѣру. Если же дѣтямъ давать волшебныя сказки, какъ сказки, выдумки, небывальщину, то ужъ надобно отказаться отъ всякой претензіи на нравоученіе. Неужели въ самомъ дѣлѣ нельзя дѣтямъ внушить нравственныхъ началъ иначе, какъ опирая ихъ на небывалые и невозможные случаи? Это было бы очень жалко...

Съ удовольствіемъ и безъ вреда дѣти могутъ также прочесть и восточные разказы Гауфа. Нѣкоторые изъ нихъ переведены были у насъ когда-то въ „Библиотекѣ для Воспитанія“, и мы знаемъ, что дѣти читали ихъ съ жаднымъ любопытствомъ. Все фантастическое и невѣроятное имѣетъ здѣсь очень поэтическій колоритъ.

Цѣна каждой изъ названныхъ нами книжекъ 1 р. 25 к.

Contes d'Andersen, traduits du danois par D. Goldi. Paris. 334 p.

Разказы Андерсена также давно извѣстны въ Германіи; у насъ они распространены, кажется, довольно мало. Между тѣмъ нельзя не сказать, что разказы эти написаны съ замѣчательнымъ талантомъ. Въ нихъ есть одна прекрасная особенность, которой недостаетъ другимъ дѣтскимъ книжкамъ: реальныя представленія чрезвычайно поэтически принимаютъ въ нихъ фантастическій характеръ, не пугая однако дѣтскаго воображенія разными буками и всякими темными силами. Андерсенъ обыкновенно оживляетъ и заставляетъ дѣйствовать обыкновенныя, неодушевленные предметы. То у него свинцовый солдатикъ жалуется на свое одиночество,

то цвѣты пускаются въ веселые танцы, то лень переживаетъ различныя ощущенія при своихъ превращеніяхъ въ нитки, въ полотно, въ бѣлье, бумагу. Очень въ немногихъ разсказахъ являются сверхъестественныя, высшія силы, и эти разсказы составляютъ безспорно самую слабую часть всей книжки. Но зато есть премилые разсказы, въ которыхъ фантастическаго почти вовсе нѣтъ. Таковы напр.: „Новое платье одного герцога“, „Дѣвочка со спичками“, „Принцесса на горошинѣ“, „Товарищъ путешествія“ и проч. Разсказы эти забавны или трогательны; они могутъ хорошо подѣйствовать на умъ и сердце дѣтей, и между тѣмъ въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго резонерства... Въ этомъ видно искусство и талантъ разсказчика: его разсказы не нуждаются въ нравоучительномъ хвостикѣ; они наводятъ дѣтей на размышленія, и примѣненія разсказа дѣлаются дѣтьми уже самими, свободно и естественно, безъ всякой натяжки. Для доказательства укажемъ на разсказъ: „Новое платье одного герцога“. Содержаніе его слѣдующее: одинъ герцогъ очень любилъ безпрестанно дѣлать себѣ новое платье. Однажды явились къ нему два плута, увѣрявшіе, что они могутъ сдѣлать превосходную ткань для новаго платья, которая, кромѣ своего изящества, будетъ отличаться тѣмъ достоинствомъ, что дураки не въ состояніи будутъ ее видѣть. Герцогъ обрадовался этому, предполагая въ своемъ новомъ платьѣ найти средство отличать дураковъ и умныхъ. Плуты выпросили большія деньги, вытребовали дорогіе матеріалы, устроили мастерскую и—ничего не дѣлали. Герцогъ посылалъ къ нимъ своихъ министровъ; плуты показывали имъ пустой станокъ и спрашивали, какъ имъ нравится матерія. Опасаясь прослыть дураками, министры доносили герцогу, что матерія выткана въ самомъ дѣлѣ изумительно хорошо. Самъ герцогъ вдался въ обманъ и похвалилъ новое платье, котораго не могъ видѣть и котораго вовсе

не было. Передъ какой-то торжественной процессіей плуты одѣли герцога въ воображаемое платье, придворные взялись нести небывалый шлейфъ, окружающіе дивились красотѣ новой одежды, и только когда началась процессія, одинъ ребенокъ закричалъ вслухъ, что герцогъ совсѣмъ безъ платья. Но надъ ребенкомъ посмѣялись, хотя многіе и даже самъ герцогъ думали про себя, что, по всей вѣроятности, ребенокъ правъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что подобные рассказы гораздо болѣе могутъ занять дѣтей и принести имъ пользы, нежели всевозможныя нравственныя побасенки. Книгу Андерсена смѣло можно рекомендовать для дѣтскаго чтенія. Цѣна ей 1 р. 25 к.

Les bons exemples. Nouvelle morale en action, par Benjamin Delessert et De Gérando. Paris, 1858, in-8, 440 p.

Этой „новой морали въ дѣйстви“ никакъ нельзя порекомендовать дѣтямъ. Здѣсь представляются въ лицахъ разные виды добродѣтели. Составители книги исходятъ изъ той мысли, что если бы добродѣтель была видима, то ее всѣ полюбили бы; чтобы сдѣлать ее видимой, они и предлагаютъ дѣтямъ сотни полторы скучныхъ и вялыхъ образчиковъ добродѣтели всякаго сорта. Одинъ добродѣтельный человекъ бросился подъ пушку для спасенія друга; другой отдалъ нищему послѣднія деньги; третій любилъ своего брата больше собственной жизни; четвертый потопилъ непріятельскій корабль; пятый съ опасностью собственной жизни спасъ утопающаго и т. д. Вяло, утомительно, безцвѣтно, безхарактерно... Дѣти, разумѣется, будутъ только зѣвать, если заставить ихъ читать эту мораль въ дѣйстви. Но издатели очень довольны: въ заключеніе своей книги они увѣряютъ, что отъ примѣровъ, представленныхъ ими, душа возвышается, очищается, облагораживается,

дѣлается способною къ подражанію высокимъ образцамъ и непременно захочетъ „être admise dans leur sainte famille“. Можетъ быть, это и случилось бы въ самомъ дѣлѣ, если бы только была какая-нибудь человѣческая возможность одолѣть всю скучную книгу „добрыхъ примѣровъ“.

Стоить эта скучная книга 3 р. с.

Trésor moral du jeune âge. 190 contes pour les enfants, par le chanoine Chr. von Schmidt, traduits de l'allemand par Charles André. Bruxelles, in-12. 158 et 186 p.

О рассказахъ каноника Шмидта, несмотря на его пресловутую извѣстность въ Германіи, мы не рѣшимся сказать ничего хорошаго. Могутъ ли быть интересны и полезны для дѣтей рассказы въ одну и двѣ странички, пропитанные нравственными сентенціями и имѣющіе въ концѣ моральный хвостикъ, состоящій изъ двестишя или четверостишя? И какія прекрасныя сентенціи: не должно красть:

Le voleur est toujours découvert, quoiqu'il fasse,
Et rien ne peut l'aider, ni ruse, ni audace.
Un accident suffit pour nous le révéler.
Le mieux est de ne point voler.

Жалки тѣ дѣти, которыя нуждаются въ нраво-учительныхъ исторійкахъ для убѣжденія въ томъ, что не должно красть. Но едва ли не болѣе жалки будутъ тѣ, которые, повѣривъ канонику Шмидту, убѣдятся, что красть не слѣдуетъ потому именно, что кража всегда откроется и воръ будетъ наказанъ.

Возьмемъ другую сентенцію: нужно почитать родителей. Почему?

Qui n'aime ses parents et qui ne les honore,
Sur ses pas rarement voit le bonheur éclore.

Хороша мораль: предписывать любовь къ родителямъ, потому что это выгсдно въ житейскомъ смыслѣ!

Вся книга каноника Шмидта состоитъ изъ такихъ сентенцій. Она очень напоминаетъ нашего почтеннаго писателя для дѣтей, г. Бориса Федорова. Кажется, г. Борисъ Федоровъ немало позаимствовалъ изъ Шмидта въ своихъ дѣтскихъ стихотвореніяхъ.

Разсказы каноника Шмидта раздѣлены на четыре части: 1) нравоучительная ботаника; 2) нравоучительная зоологія; 3) нравоучительная астрономія, метеорологія и сельское хозяйство; 4) голое нравоученіе. О нихъ можно только сказать, что первыя части хуже послѣднихъ, а послѣднія хуже первыхъ.

Les petits poètes et littérateurs. Contes historiques, dédiés à la jeunesse par M-me Eugénie Foa. Paris, in-8, 199 p.

Petits princes et petites princesses. Contes historiques, dédiés à la jeunesse par M-me Eugénie Foa. Paris, in-8, 199 p.

Въ прошломъ году г-жа Фoa издала нѣсколько разсказовъ о дѣтствѣ различныхъ полководцевъ и воиновъ; теперь она рассказываетъ случаи изъ дѣтскихъ годовъ разныхъ принцевъ и принцессъ, поэтовъ и литераторовъ. Нельзя не замѣтить, что нынѣшній выборъ г-жи Фoa гораздо удачнѣе, нежели прежній. По нашему мнѣнію, рѣшительно нѣтъ никакой надобности распалать дѣтское воображеніе картинами дракъ, войнъ, воинскаго грабежа, пожаровъ и т. п. Тѣмъ менѣе представляется необходимости представлять дѣтямъ, какъ идеалы, изображенія такихъ людей, которыхъ вся жизнь протекла подъ пушками, въ пороховомъ дыму. Другое дѣло—мирныя занятія наукой и литературой, или управленіе государствомъ: въ этихъ сферахъ всякій ребенокъ можетъ найти для себя полезные образцы или по крайней мѣрѣ предметы для полезныхъ размышленій. И въ этомъ случаѣ весьма много могутъ помочь дѣтямъ прекрасные разсказы г-жи Фoa.

Выборъ личностей, сдѣланный ею, очень недурень. Въ „Petits Princes“ разсказаны случаи изъ жизни Маргариты Прованской, Изабеллы Баварской, Анны Бретанской, Луизы де-Лорренъ, Людовика XIV, Маріи Лещинской, Луизы Французской и Людовика XVII. Въ „Les petits roëtes“ заключаются статьи: Король Рече, Христина Пизанская, Клеманъ Маро, мадамъ де-Севинье, Фенелонъ, Данииль де-Фое, Бернанденъ де-Сенъ-Пьерръ, мадамъ Сталь. Всѣ разсказы отличаются занимательностью и простотою. Ихъ можно смѣло, даже у насъ, дать двѣнадцатилѣтнимъ дѣтямъ.

Цѣна каждой изъ книжекъ 1 р. 75 к.

ОТЗЫВЫ.

Руководство къ изученію словесности и къ практическому упражненію въ сочиненіяхъ. Составилъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи Профессоръ Магистръ Михайль Архангельскій. С.-Петербургъ. 1857 г. IV и 318 стр.

Руководство г. Архангельскаго подверглось уже нѣсколькимъ, весьма строгимъ, но вполнѣ справедливымъ осужденіямъ въ нашихъ журналахъ. Одни разбирали его, какъ вещь крайне потѣшную, другіе глубокомысленно разсматривали его значеніе на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ; но результатъ все выходилъ одинъ и тотъ же, что книга г. Архангельскаго—трудъ бесполезный. Требованія науки, которую излагать взялся г. Архангельскій, постигаются имъ до того смутно и неопредѣленно, что онъ самъ безпрестанно сбивается, путается и не знаетъ, что принять, что отвергнуть, на чемъ остановиться. Словесность опредѣляетъ онъ, какъ „науку, излагающую въ систематическомъ (связномъ) порядкѣ ученіе о законахъ духа человѣческаго, по которымъ состоятъ художественно-словесныя произведенія“. Всякій видитъ, что опредѣленіе это крайне односторонне и невѣрно, потому что предметное значеніе науки смѣшано здѣсь съ субъективнымъ ея началомъ. Если опредѣлять словесность, какъ „науку о законахъ духа человѣческаго, по которымъ“, и проч., то можно подобное же опредѣленіе приложить ко всѣмъ наукамъ. Исторію можно назвать наукою о законахъ духа человѣческаго, по ко-

торымъ развивалась жизнь народовъ; математику—наукою о законахъ духа человѣческаго, по которымъ составляются разнообразныя числовыя и количественныя отношенія; даже курсъ скотоводства можно будетъ назвать наукой о законахъ духа человѣческаго, которыми опредѣляются правила ухода за скотомъ. Но допустимъ даже опредѣленіе г. Архангельскаго; чего тогда должны мы ожидать отъ него, примѣнительно къ его точкѣ зрѣнія? Кажется, опредѣленіе науки, сдѣланное въ началѣ руководства, даетъ намъ право ожидать, что авторъ постарается представить, какимъ образомъ различные роды и виды словесныхъ произведеній развиваются изъ вѣчныхъ требованій духа человѣческаго сообразно законамъ психологическаго развитія человѣка. Мы и думали, что главную задачу руководства составляютъ философскія и эстетическія положенія, строго выведенныя изъ психологическихъ законовъ. Но мы жестоко ошиблись. Г. Архангельскій поставилъ свое опредѣленіе такъ только, потому что нужно же какое-нибудь опредѣленіе. Во всемъ продолженіи руководства онъ ни разу и не вспомнилъ объ основной мысли, изложенной имъ въ опредѣленіи науки. Даже, напр., раздѣленіе словесности на поэзію и прозу не выведено изъ началъ духа человѣческаго, не объяснено психологически, а просто высказано слѣдующимъ образомъ: „по содержанію своему и по степени красоты словесной или художественности, они (произведенія словесности) раздѣляются, главнымъ образомъ, на два существеннѣйшіе и главнѣйшіе рода — на сочиненія прозаическія и поэтическія“ (стр. 155). Читателю могутъ показаться странными эти оговорки: главнымъ образомъ, главнѣйшіе роды, и онъ можетъ спросить, какіе же еще есть роды словесныхъ произведеній, кромѣ прозы и поэзіи? Г. Архангельскій полагаетъ, что есть еще средніе: такъ, на стр. 56-й онъ увѣряетъ, что кромѣ прозы и стиховъ есть еще рѣчь,

занимающая средину между прозой и стихами... Жаль, что не зналъ этого Мольеровъ мѣщанинъ въ дворянствѣ!

Отсутствіе всякой основной идеи ясно обнаруживается въ каждомъ отдѣлѣ руководства г. Архангельскаго. Онъ рѣшительно не знаетъ, на чемъ ему остановиться: то ему кажется, что источники изобрѣтенія не нужно затверживать ученикамъ, то онъ признаетъ ихъ полезными; то полагаетъ, что тропамъ и фигурамъ учиться не слѣдуетъ, то заставляетъ употреблять ихъ; то онъ отрицается хриі и тому подобныхъ искусственныхъ упражненій, то излагаетъ ихъ, какъ весьма полезныя. Тотъ, кто вздумалъ-бы учиться по книжкѣ г. Архангельскаго, приобрѣлъ бы изъ нея множество понятій, необыкновенно диковинныхъ. Но этого мало: въ головѣ ученика образовался бы такой сумбуръ, что онъ не въ состояніи былъ бы произнести двухъ сужденій о предметахъ словесности, не противорѣча самому себѣ. Изложеніе г. Архангельскаго неопредѣленно, безцвѣтно и отличается непостижимой робостью во всѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно высказать какое-нибудь собственное мнѣніе. Такая робость, очевидно, происходитъ отчасти и оттого, что г. Архангельскому недостаетъ твердаго, установившагося взгляда на свой предметъ, что у него нѣтъ никакой основной идеи, которой-бы подчинялись всѣ частные выводы и сужденія. Но есть этому и другая причина: автору „Руководства“ недостаетъ знанія литературы. Правила словесности, особенно въ отношеніи къ внѣшнему выраженію, почерпаются не изъ однихъ только требованій духа человѣческаго, а также изъ произведеній лучшихъ писателей. Эти-то писатели и неизвѣстны г. Архангельскому. Руководство его поразительно своимъ совершеннымъ незнаніемъ литературы. Не говоримъ уже о томъ, что въ немъ смѣшиваются произведенія поэтическія съ прозаическими, такъ что, напр., „Дѣтство и Отрочество“

гр. Толстого приводится въ примѣръ біографіи, а „Записки Охотника“ Тургенева считаются не болѣе, какъ рядомъ описаній, изложенныхъ то въ формѣ монологической, то въ діалогической, то въ смѣшанной. Не говоримъ и о томъ, какое полное незнаніе новой литературы обнаруживаетъ руководство, утверждая, что, напр., ученая критика основана у насъ гг. Ивановъ Давыдовымъ и Шевыревымъ, или, что образцы біографіи представляютъ творенія гг. Греча и гр. Соллогуба. Все это еще прости-тельно до нѣкоторой степени. Но что сказать объ авторѣ, который пренаивно утверждаетъ, что лучшія критическія исторіи написаны Нибуромъ и Погодинымъ, — или, что чтеніе духовныхъ книгъ очень полезно для образованія слога, потому что оно вну-шило много прекрасныхъ стиховъ Байрону и Ко-строву!!! Не правда ли, что при такомъ состояніи литературныхъ свѣдѣній автора трудно ему было бы составить руководство къ изученію словесности, хоть мало-мальски сносное?

Насъ всегда занималъ вопросъ: откуда берутся дурные учебники и почему именно дурныхъ такъ много? Кажется, по здравому человѣческому смыслу, при нѣкоторой только скромности—трудно взяться за составленіе цѣлой системы ученія о такомъ пред-метѣ, котораго самъ не понимаешь. Если бы, напр., васъ, читатель, попросили составить „руководство къ изученію географіи луны“,—вы навѣрно отказа-лись бы, а между тѣмъ всякому мало-мальски обра-зованному человѣку географія луны все-таки гораздо извѣстнѣе, нежели г. Архангельскому русская сло-весность. Какъ же могла придти въ голову мысль составить „руководство къ словесности“ и къ упраж-ненію въ сочиненіяхъ тому, кто самъ не знаетъ даже русскаго языка и правильно писать по-русски не умѣетъ, какъ это ясно видно почти на каждой стра-ницѣ руководства? Объясненіе этого грустнаго факта надобно искать въ самомъ положеніи нашихъ учи-

телей и въ степени ихъ подготовленности къ своему дѣлу. У насъ готовятъ преподаватели спеціальныя только для университетскихъ чтеній. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ учителя попадаютъ обыкновенно на тотъ или на другой предметъ совершенно случайно. Въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, въ одномъ изъ которыхъ былъ профессоромъ г. Архангельскій, это особенно распространено. Но почти то же, только въ меньшей степени, бываетъ и въ гимназіяхъ. Студентъ въ высшемъ учебномъ заведеніи занимается, положимъ, древними языками и, погруженный въ Демосеена и Цицерона, не хочетъ знать ни Карамзина, ни Пушкина, ни Гоголя. Вдругъ, при окончаніи имъ курса, открывается мѣсто учителя словесности въ томъ самомъ городѣ, откуда онъ родомъ, или гдѣ онъ имѣетъ какіе-нибудь интересы. Онъ думаетъ тогда: „конечно, я мало занимался русской словесностью; но все же я слушалъ нѣсколько лекцій, читалъ кое-что; могу взять нѣсколько книжекъ и записки своего профессора. Неужели для гимназиста много нужно?“ И вотъ студентъ выхлопатываетъ себѣ мѣсто учителя русской словесности и отправляется учить. Ученики ждутъ отъ него мыслей, взглядовъ, свѣдѣній, но онъ самъ бродитъ, какъ въ темномъ лѣсу, и не знаетъ, съ чего ему начать. Но начать непременно надобно,—и вотъ учитель начинаетъ заглядывать въ разныя книжки и тетрадки. Цѣликомъ ему выписать не хочется: самолюбіе запрещаетъ. Переварить же хорошенько чужія мнѣнія и составить свой взглядъ—онъ и хотѣлъ бы, да не умѣетъ. И начинается выдираніе по клочкамъ то одного мнѣнія или мысли, то другого; тутъ фраза выдернется, тутъ опредѣленіе заимствуется, тамъ доказательство вытянется—все это безъ внутренней связи, безъ единства, безъ всякой заботы объ основной идеѣ. Подобныхъ высшихъ требованій самъ авторъ не понимаетъ—ему только бы рубрики были; здѣсь хріи и силлогизмы,

туть тропы и фигуры, тамъ качества слога, и т. д. Глядишь—къ концу года и готовъ учебникъ по всей формѣ. А если готовъ, такъ отчего его и не напечатать? И такимъ образомъ выходитъ великое множество учебниковъ, болѣе или менѣе похожихъ на руководство г. Архангельскаго.

Природа и люди. Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Книга I, выпускъ 1. С.-Петербургъ. 1858 г. VIII и 151 стр.

Оживленіе географической номенклатуры свѣдѣніями изъ естественной исторіи и этнографіи—главная задача издателя этой книги. Мысль весьма полезная и справедливая! Давно пора бы намъ понять, что наши географическіе учебники отнимаютъ всякую возможность чему-нибудь по нимъ выучиться. Десятки собственныхъ именъ попадаютъ на каждой страницѣ, и всѣ ихъ надобно запомнить, и, что особенно замѣчательно, запомнить—не связывая съ ними никакого смысла! Да послѣ этого легче выучиться иностранному языку: тамъ по крайней мѣрѣ съ словами хоть смыслъ какой-нибудь соединяется; а тутъ исчисляй себѣ австралійскіе острова, германскія княжества, русскіе уѣздные города, заучивай, что Волга принимаетъ въ себя—Вазузу, Сестру, Оку, Суру, Свіягу, Сарпу, Тверцу, Мологу, Шекснѣ, Кострому, Унжу, Ветлугу, Каму, Черемшань, Сокъ, Самару, Иргись, Еруслань... Какой смыслъ долженъ придавать этимъ словамъ ребенокъ, учащійся географіи? Намъ кажется, что обыкновенный нашъ способъ обученія географіи доселѣ совершенно равнялся тому, какъ еслибы мы вздумали учить дѣтей иностранному языку по лексикону. Задавали бы каждый день по страницѣ и не дали бы въ руки ни одной книги, пока ученикъ всего лексикона не выучитъ. Что наше сравненіе нимало не преувеличено, можно убѣдиться слѣ-

дующимъ соображеніемъ: въ географіи Ободовскаго находится (какъ видно по указателю именъ, въ концѣ книги) до 4000 собственныхъ названій; изученіе всѣхъ ихъ можетъ равняться изученію иностраннаго языка, потому что, владѣя четырьмя тысячами словъ какого угодно изъ европейскихъ языковъ, можно уже читать на немъ очень свободно. Но, разумѣется, съ тѣми же четырьмя тысячами ничего не сдѣлаешь, если выучить ихъ по лексикону,—отъ а до о, на примѣръ. Къ счастью, языкамъ такъ не учатъ. Только географіи вышла такая несчастная доля!

Уроки г. А. П. (ему принадлежатъ въ этомъ выпускѣ три урока, кромѣ того, одинъ читанъ былъ г. В. Л.) уклоняются отъ старой рутины. Они изображаютъ природу страны большею частью очень живо; о естественныхъ произведеніяхъ говорятъ подробно; говорятъ о жителяхъ, указываютъ на ихъ нравы и обычаи. Все это чрезвычайно много облегчаетъ и упрощаетъ изученіе географическихъ данныхъ.

Въ вышедшемъ нынѣ выпускѣ находится обзорѣніе Восточнаго Океана, Океаніи и Австраліи. Авторъ начинаетъ свои уроки съ этихъ странъ потому, что „здѣсь, какъ онъ говоритъ, природа еще не утратила своего первоначальнаго типа, и люди еще не вышли изъ первобытнаго естественнаго состоянія“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ эти страны сдѣлались извѣстны позднѣе, то автору представлялась возможность въ историческомъ разказѣ осмыслить самую номенклатуру географическую. Такъ, разказывая о путешествіи Магеллана, А. П. упоминаетъ и различныя обстоятельства, подавшія поводъ къ тому или другому названію разныхъ острововъ. Вообще изложеніе уроковъ г. А. П. очень живо, просто и занимательно.

Нельзя того же сказать объ „оро-гидрографическомъ очеркѣ“ Австраліи, составленномъ г. В. Л.

Онъ весьма недалеко ушелъ отъ старой рутины. Впрочемъ, самъ авторъ, въ примѣчаніи къ этому уроку, сознается, что представилъ свой очеркъ въ сжатомъ и неполномъ видѣ, потому что это есть не болѣе, какъ черченіе карты, нѣсколько оживленное. Какъ пособіе при черченіи карты учениками, дѣйствительно, и урокъ г. В. Л. можетъ похвастаться нелишнимъ въ книгѣ.

Первый шагъ. Чтеніе для молодыхъ дѣвицъ. Августы Вороновой. С.-Петербургъ. 1858 г. Въ 8 д. л. 324 стр.

Мы рѣшительно не понимаемъ назначенія этой книги. Отчего это первый шагъ, и отчего первый шагъ должны читать именно молодыя дѣвицы? Неужели потому, что тутъ есть „Журналъ молодой дѣвицы“ и „Записки гувернантки“? Но подобные журналы и записки существуютъ десятками въ нашей литературѣ, и никто не назначаетъ ихъ преимущественно для чтенія молодыхъ дѣвицъ. Можетъ быть, содержаніе книги г-жи Вороновой имѣетъ что-нибудь особенное? И того нѣтъ: обыкновенныя плохія повѣсти, которыхъ завязка основана на противорѣчіяхъ любви. Вотъ напр. содержаніе перваго разсказа. Дѣвушка шестнадцати лѣтъ ведетъ журналъ, тутъ она записываетъ много прекрасныхъ вещей: и о томъ, что Переяславльское озеро богато лягушками, и о томъ, что ея гувернантка—отличная женщина, что не нужно трудиться надъ бесполезнымъ дѣломъ, и проч. Но дѣло собственно заключается не въ этихъ прекрасныхъ замѣткахъ, а въ томъ, что дѣвушка влюбилась въ богатаго, красиваго и гордаго Леона Рѣшетинскаго, полюбивши въ то же время своего троюроднаго кузена Nicolas. Послѣ разныхъ сценъ и проволочекъ, блистательный Леонъ сватается. Дѣвушка не можетъ еще разобрать своихъ чувствъ и говорить объ этомъ матери. Мать на-

чинаетъ выхвалять Леона, говоря, что другого такого жениха не сыскать. Но дѣвушка все-таки не рѣшается и прибѣгаетъ къ гувернанткѣ. Гувернантка объясняетъ ей, что и матери ея Леонъ ужасно не по сердцу, но что она его выхваляла для того, чтобы ничѣмъ не препятствовать свободному выбору своей дочери, хотя и увѣрена была, что этотъ бракъ принесетъ ей несчастье. Дѣвушка умиляется такой высотой материнской любви, и выходитъ за кузена, Nicolas. Въ другомъ разсказѣ гувернантка рассказываетъ, какъ ее преслѣдовалъ въ одномъ домѣ Ардаліонъ Тимофеичъ, какъ онъ, нетрезвый, засталъ ее въ темной комнатѣ, упалъ передъ нею, обнималъ и цѣловалъ ея ноги, какъ она бѣжала изъ этого дома въ другой, гдѣ тридцатилѣтняя экономка, пять лѣтъ до того бывшая при дѣтяхъ, начинаетъ ревновать ее къ вдовцу-хозяину, и проч. Третій разсказъ—„Лѣтнія ночи“—состоитъ въ томъ, что сорокалѣтняя женщина рассказываетъ 18-лѣтней дѣвчкѣ, какъ она, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, провела одну бальную ночь. Тутъ опять—прогулка въ саду, дремотное забытье отъ шампанскаго, встрѣча въ темнотѣ съ молодымъ человѣкомъ и затѣмъ его наставленіе: „не подвергайте себя молвѣ слишкомъ рано“.

Мы рѣшительно не понимаемъ, какая необходимость молодымъ дѣвицамъ читать подобные разсказы?

Развѣ мало у насъ вздорныхъ повѣстей и романовъ съ чувствительными сценами и даже съ нравоучительнымъ хвостикомъ въ развязкѣ? Мы вовсе не принадлежимъ къ числу пуристовъ, которые приходятъ въ ужасъ, если при дѣвицахъ произнесутъ слово любовь, безъ прилагательнаго—дѣтская, братская, и т. п. Но мы не понимаемъ и того, зачѣмъ вздорные разсказы о вздорной любви дѣлать преимущественнымъ чтеніемъ молодыхъ дѣвицъ? Неужели нельзя найти для нихъ предмета

поинтереснѣе? Да ужъ если нужно имъ читать рассказы, такъ лучше дать имъ Пушкина, Гоголя, Тургенева, Григоровича, и проч. Тамъ есть достоинства художественныя, тамъ жизнь изображена естественно и живо, изящный вкусъ и литературное образованіе выигрываютъ отъ чтенія такихъ повѣстей. О рассказахъ г-жи Вороновой нельзя сказать этого: имъ недостаетъ даже хорошаго изложенія. А какой первый шагъ указываютъ они молодымъ дѣвицамъ, этого мы никакъ не умѣемъ объяснить.

Есть въ книгѣ г-жи Вороновой еще два рассказа, не отличающіеся тѣмъ характеромъ, въ какомъ написаны остальные три. Первый изъ нихъ: „Путешествіе въ портъ Аянъ“, представляетъ нѣсколько не лишенныхъ интереса подробностей о Сибири; второй—„Записки о Ригѣ и Прибалтійскомъ краѣ“—составляетъ сухой и скучный перечень историческихъ событій въ Прибалтійскихъ земляхъ отъ XII столѣтія. Перваго шага мы и тутъ не доискались.

Михайло Васильевичъ Ломоносовъ. Черты изъ его жизни. Сочиненіе В. Новаковскаго. Чтеніе для юношества. С.-Петербургъ. 1858 г. Въ 8-ю д. л. 81 стр.

Сочиненіе г. Новаковскаго не лишено занимательности для молодыхъ читателей, незнакомыхъ съ исторіей русской литературы. Точка зрѣнія автора на значеніе Ломоносова довольно вѣрна. Г. Новаковскій представляетъ Ломоносова, какъ даровитаго простолюдина, одушевленнаго необыкновенной, горячей любовью къ познаніямъ и наконецъ сдѣлавшагося замѣчательнымъ ученымъ. О поэтическомъ талантѣ Ломоносова, о высокопарныхъ его одахъ, широковѣщательныхъ трагедіяхъ, неконченной поэмѣ и т. п. почти ничего не говорится. Гораздо болѣе вниманія обращено авторомъ на труды Ломоносова, какъ физика и химика. Это совершенно справедливо и благоразумно. Но не столь спра-

ведливо невниманіе къ заслугамъ Ломоносова для русскаго языка и стиха. Объ этомъ можно бы сказать нѣсколько побольше, чѣмъ простое упоминаніе, что „сочинилъ, дескать, онъ также грамматику и реторику“. Тутъ представлялся автору случай высказать нѣсколько полезныхъ мыслей объ изученіи отечественнаго языка, сдѣлать нѣсколько замѣчаній объ историческихъ измѣненіяхъ, происходившихъ въ русскомъ языкѣ и слогѣ, и т. п. Такія замѣчанія, прямо относящіяся къ дѣлу, были бы конечно гораздо полезнѣе для молодыхъ читателей и лучше были бы ими приняты, нежели тѣ моральныя сентенціи, которыя г. Новаковскій вставляетъ по временамъ въ свой рассказъ. Напр., говоря о томъ, что у Ломоносова книгъ не было, онъ обращается къ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ и говоритъ: что вѣрно Ломоносовъ, если бы теперь жилъ, сталъ бы ходить въ Публичную Библіотеку, гдѣ такъ много полезныхъ книгъ, — вѣрно, онъ съ радостью сталъ бы тамъ заниматься. Говоря о томъ, что Ломоносовъ скучалъ плохимъ ученіемъ въ Заиконоспасской Академіи, авторъ прибавляетъ, что вотъ если бѣ тогда Московскій университетъ былъ, то ужъ Ломоносовъ учился бы тамъ съ упоеніемъ. Рассказывая о вызовѣ учениковъ изъ Москвы въ Академическую гимназію, г. Новаковскій считаетъ необходимымъ замѣтить, что были глупые мальчики, которые не хотѣли ѣхать учиться, но Ломоносовъ - де стоялъ выше ихъ и самъ туда просился. Всѣ подобныя заплатки на рассказъ неприятно поражаютъ живыми нитками, которыми онѣ пришиты. На мальчиковъ подобныя наставленія дѣйствуютъ очень неблагопріятно. Надобно представить самое дѣло такъ, чтобы у нихъ при чтеніи рассказа возбуждалась любовь къ хорошему. А если ужъ нѣтъ на это искусства, то лучше вовсе оставить нравственныя претензіи и ограничиться простымъ рассказомъ. Можно удовольствоваться и тою

пользою, какую приобрѣтутъ мальчики, получивши довольно подробныя свѣдѣнія объ одномъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей русскаго просвѣщенія. Жаль только, что во многихъ мѣстахъ книжки г. Новиковскаго слишкомъ ясно проглядываетъ сочиненіе. Въ біографическомъ очеркѣ странно встрѣтитъ рассказъ о томъ, что думалъ Ломоносовъ, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, и какъ онъ заливался слезами вслѣдствіе своихъ размышленій. Такія вещи позволительны только тогда, когда мы имѣемъ подробную автобіографію описываемаго лица, или когда вмѣсто біографіи хотимъ составить что-нибудь въ родѣ историческаго романа. Можетъ быть, г. Новиковскій и имѣлъ отчасти въ виду послѣднее обстоятельство, но въ художественномъ отношеніи рассказъ его ниже всякой посредственности. Ломоносовъ, какъ человѣкъ, съ своимъ характеромъ, страстями, недостатками, своими отношеніями къ обществу, вовсе не рисуется въ этомъ рассказѣ. Напротивъ, видно даже желаніе представить Ломоносова какимъ-то идеаломъ, что не мало вредитъ самой естественности и жизненности рассказа.

Объ училищахъ и учебныхъ заведеніяхъ въ Россіи вообще, а о первомъ народномъ училищѣ въ особен-ности. Н. Лебедева. С.-Петербургъ. 1858. 59 стр.

Обозрѣніе всѣхъ учебныхъ заведеній въ Россіи, съ замѣтками объ ихъ историческомъ развитіи и о нынѣшнемъ устройствѣ, можетъ имѣть чрезвычайно важное значеніе для исторіи просвѣщенія въ Россіи вообще. Какое капитальное значеніе можетъ имѣть подобная книга, достаточно показываетъ сочиненіе г. Воронова объ учебныхъ заведеніяхъ С.-Петербургскаго Учебнаго Округа, принадлежащее, какъ извѣстно, къ числу замѣчательныхъ приобрѣтеній русской ученой литературы. Поэтому мы не безъ любопытства раскрыли книжку г. Лебедева,

желая знать, что успѣлъ онъ сказать объ училищахъ въ Россіи — вообще и въ особенности — на 60-ти страничкахъ. Изъ предисловія автора мы узнали, что цѣль его состояла въ томъ, чтобы „выяснить любопытные вопросы: кто сначала изъ русскихъ князей-правителей, потомъ изъ царей и наконецъ изъ императоровъ посѣивалъ сѣмя просвѣщенія въ управляемой ими Россіи? въ которомъ году? въ какихъ городахъ?“ Для этой цѣли г. Лебедевъ разсматриваетъ учрежденіе на пользу просвѣщенія въ Россіи по двумъ довольно странно сочиненнымъ имъ періодамъ: первый — отъ основанія монархической власти, т. е. отъ 1462 г., до нашихъ временъ, и второй — отъ начала Россіи до 1462 г. На чемъ основано такое дѣленіе, мы не знаемъ.

Начинается перечень училищъ, по годамъ, съ 1462 г., на основаніи такихъ источниковъ: „Начертаніе русской исторіи“ Кайданова, Погодина и Устрялова, „Хронологическія таблицы“ Ольдекопа, „Россія“ Булгарина, и т. п. Разумѣется, пропуски и ошибки являются на каждой страницѣ. Напр., учрежденіе „Смольнаго монастыря“, вмѣсто 1764 г., отнесено къ 1770; Екатерининскій Институтъ въ Петербургѣ показанъ, вмѣсто 1798, подъ 1797 г., а о Московскомъ Екатерининскомъ Институтѣ (1803 г.) ничего не сказано. Въ 1796 г. показано „Учрежденіе въ г. Дерптѣ университета“; кому же неизвѣстно, что Дерптскій университетъ основанъ еще Густавомъ-Адольфомъ (1632 г.), и что при Императорѣ Александрѣ I происходило преобразование его, — и то было не въ 1796, а въ 1802 г... Основаніе Инженернаго Училища, вмѣсто 1804 г., отнесено къ 1811, Медико - Хирургической Академіи, вмѣсто 1799 г. — къ 1808, и т. д. Вотъ что значитъ полагаться на Кайданова и Булгарина въ исторіи.

На этихъ же авторитетахъ основываетъ г. Лебедевъ свое рѣшеніе вопроса о годѣ учрежденія перваго училища въ Россіи. Этого года, говоритъ

г. Лебедевъ, „ни одинъ изъ историковъ не указалъ“; но онъ, на основаніи таблицъ Ольдекопа и „Россіи“ Булгарина, рѣшаетъ, что это было въ 1038 г.

Интересно также, что между училищами въ книжкѣ г. Лебедева упоминаются „Библейское Общество“, „Общество любителей словесности“, и т. п. Неужели г. Лебедевъ считаетъ ихъ учебными заведеніями?

Ариѳметика для дѣвиць, составленная В. Михельсономъ. Изданіе второе. С.-Петербургъ. 1858. Въ 8-ю д. л. 148 стр.

Чѣмъ ариѳметика для дѣвиць должна отличаться отъ ариѳметики для мальчиковъ? Сущность математическихъ истинъ одна и та же для всѣхъ; разница слѣдовательно должна заключаться въ способѣ ихъ представленія. Въ этомъ отношеніи для дѣвиць нужно болѣе конкретности, чѣмъ для мальчиковъ: нужно опредѣленій и правилъ — сколько можно меньше; примѣровъ, задачъ — сколько можно больше. Затѣмъ отъ дѣвицы нужно болѣе, чѣмъ отъ мальчика, добиваться того, чтобы она сама вывела правило изъ примѣровъ и задачъ, разрѣшенныхъ ею при помощи учителя. Это потому, что на память чиселъ у дѣвочки менѣе можно полагаться, чѣмъ у мальчика. Въ то время, какъ у мальчика разсудокъ тотчасъ самъ собою является на помощь памяти, у дѣвочки постоянно въ дѣло памяти мѣшается воображеніе. При обученіи дѣвочекъ вообще, и въ особенности при обученіи ихъ положительнымъ знаніямъ, нужно имѣть въ виду преимущественно возбужденіе разсудка и правильное развитіе дѣятельности воображенія. Конкретное обученіе помогаетъ и тому и другому: воображеніе имѣетъ матеріаль въ частныхъ представленіяхъ, а разсудокъ возбуждается и укрѣпляется самостоятельнымъ отысканіемъ общаго значенія частныхъ примѣровъ. Прочитавши заглавіе „Ариѳметика для дѣвиць“, можно

подумать, что г. Михельсонъ именно имѣлъ въ виду эти простыя положенія, которыя не могутъ быть неизвѣстны человѣку, берущемуся за составленіе учебника. Посмотримъ, какъ г. Михельсонъ исполнилъ свою задачу—составить ариѣметику именно для дѣвицъ.

Начинается его ариѣметика опредѣленіями—величины, числа, единицы, ариѣметики, и т. д. Всѣ эти бесполезныя вещи видали мы и въ ариѣметикахъ для мальчиковъ. Далѣе идетъ „словесное счисленіе“, въ которомъ объясняется, что счетъ у насъ начинается съ одного, а затѣмъ идутъ: два, три, четыре, и т. д. до триллиона. Это нововведеніе въ ариѣметикѣ, заимствованное изъ старинныхъ грамматикъ, которыя начинались перечисленіемъ буквъ, составляющихъ русскую азбуку. Послѣ словеснаго счисленія идетъ письменное—цифрами арабскими, римскими и славянскими. Мы желали бы знать, отчего именно дѣвочкамъ необходимо начинать ариѣметику съ того, чтобы выучиться произносить 205079304615043, число, написанное г. Михельсономъ на стр. 9? Или онъ думаетъ, что теперь, когда мальчиковъ отъ этой бесполезной работы уже избавили, нужно передать ее дѣвочкамъ: пусть, дескать, и онѣ помучатся!..

Выучивши дѣвочекъ произносить и писать билліоны, г. Михельсонъ начинаетъ первыя четыре дѣйствія надъ простыми числами. Съ мальчиками нынѣ начинаютъ обыкновенно съ именованныхъ чиселъ, потому что на первой степени обученія и для мальчиковъ конкретность необходима почти въ такой же степени, какъ и для дѣвочекъ. Но г. Михельсонъ полагаетъ, что для дѣвочекъ этого не нужно, и потому начинаетъ съ простыхъ, т. е. отвлеченныхъ чиселъ, давая притомъ такія правила: „при дѣленіи простыхъ чиселъ должно сперва написать дѣлимое, потомъ дѣлителя, отдѣляя его отъ дѣлимаго вертикальною чертою. Подъ дѣлителемъ пи-

шутъ частное, отдѣляя частное отъ дѣлителя горизонтальною чертою. Съ лѣвой стороны дѣлимаго отдѣляютъ столько цифръ, чтобы отдѣленное число было болѣе дѣлителя (т. е. если дано раздѣлить 1234 на 2, то нужно отдѣлить 123, потому что 123 болѣе дѣлителя?), и т. д. Спрашивается, отчего же вызубрить все это лучше идетъ дѣвочкамъ, нежели мальчикамъ?

Вся ариѳметика полна старинной рутинны. Дроби начинаются съ простыхъ, а потомъ изложены десятичныя; въ началѣ всего стоитъ приведеніе дробей къ одному знаменателю, а затѣмъ уже сложеніе и вычитаніе ихъ. Далѣе слѣдуетъ, разумѣется, правило тройное, товарищества, смѣшенія. Какъ вещь, особенно необходимая для дѣвиць, прибавлены главы о процентахъ и банкахъ, объ учетѣ векселей и объ акціяхъ. Но изложеніе этихъ предметовъ весьма кратко и недостаточно. Несмотря на всѣ эти недостатки ариѳметики для дѣвиць, мы благодарны г. Михельсону и за то, что онъ, сколько намъ извѣстно, первый у насъ возымѣлъ мысль написать особое руководство для женскихъ учебныхъ заведеній. Мы знали автора, какъ отличнаго преподавателя *), и увѣрены, что онъ не напечаталъ бы второго изданія своей ариѳметики, не внесши въ него значительныхъ улучшеній.

Забавы для дѣтей перваго возраста. Переводъ съ нѣмецкаго. Карлсруэ. 1857. 12 стр.

Дѣтскія игры для дѣтей перваго возраста. Переводъ съ нѣмецкаго. Карлсруэ. 1857.

Мысль издателя этихъ книжекъ заслуживаетъ одобренія. Онъ имѣлъ кажется въ виду — передать дѣтямъ первыя понятія объ очертаніяхъ, цвѣтахъ, величинахъ и другихъ существенныхъ свойствахъ

*) Г. Михельсонъ умеръ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ,

предметовъ, часто встрѣчающихся въ домашнемъ быту. Мысль эта имѣетъ основаніе весьма разумное. Определенности и отчетливости дѣтскихъ понятій много вредитъ то, что окружающіе предметы обыкновенно не возбуждаютъ въ нихъ надлежащаго вниманія. Ребенокъ видитъ около себя различныя вещи, слышитъ различные разговоры, привыкаетъ самъ различать названія предметовъ, по привычкѣ не ошибается и въ ихъ практическомъ употребленіи, но во всемъ этомъ нѣтъ сознательности, а потому нѣтъ и надлежащей связи и отчетливости. Оттого дѣти бываютъ не въ состояніи описать предметъ, имъ хорошо извѣстный, не умѣютъ опредѣлить даже приблизительно—величины, цвѣта, фигуры вещи, и т. п. Учить всему этому, конечно, нѣтъ особенной надобности; надобно только чаще и продолжительнѣе останавливать вниманіе ребенка на предметахъ для того, чтобы они сколько возможно яснѣе и точнѣе напечатлѣлись въ его сознаніи. Пособить такому наглядному обученію желалъ, какъ видно, издатель названныхъ нами книжекъ. Въ „Забавахъ для дѣтей“ находится восемь картинокъ, и при каждой изъ нихъ по страницѣ текста. Текстъ—въ стихахъ (плохихъ, разумѣется) и заключаетъ въ себѣ описаніе или—точнѣе—перечень предметовъ, изображенныхъ на картинкѣ, напр., на картинкѣ изображенъ десятокъ разныхъ животныхъ; десять стиховъ, относящихся къ ней и названныхъ „много шума“,—говорятъ:

Гусь гогочетъ, левъ рычитъ,
Воетъ волкъ, и быкъ мычитъ, и проч.

Въ „Дѣтскихъ играхъ“—та же цѣль. Разница только въ томъ, что стихи подписаны здѣсь прямо подъ картинками, изображающими сцены изъ дѣтскихъ игръ.

Если бы все это хорошо было исполнено, то нельзя было бы не порадоваться за весьма хорошее явленіе въ дѣтской литературѣ.

Но, отдавая полную справедливость основной мысли издателя, мы должны сказать, что исполненіе ея крайне неудачно. Чтобы не портить дѣла нагляднаго обученія, чтобы съ пользою дополнить его по картинкамъ, необходимо давать дѣтямъ картинки хорошія, по крайней мѣрѣ такія, въ которыхъ бы предметы изображены были вѣрно и ясно. Въ „Дѣтскихъ играхъ“ и въ „Забавахъ для дѣтей“ этого нѣтъ. Грубый, вовсе не отчетливый рисунокъ и излишество яркихъ цвѣтовъ замѣняютъ здѣсь вѣрность изображеній. Небрежность въ этомъ отношеніи доходитъ до того, что даже въ картинкѣ, называющейся: „различные цвѣта“, нарисована какая-то синеватосизая кошка, какихъ никогда не бываетъ, — хотя въ стихѣ, сюда относящемся, и говорится: кошка пестренькая (и отчего же непременно пестренькая?). Тутъ же говорится: синенькій цвѣтокъ — фіалка, а на рисункѣ изображенъ какой-то лиловый. А между тѣмъ картинка назначена именно для того, чтобы научить ребенка различать цвѣта.

То же нужно сказать и о самихъ очертаніяхъ. Не говоря уже о томъ, что на картинкахъ и знающему человѣку трудно отличить волка отъ лисы и собаки, серну отъ козы, голубя отъ жаворонка, — многія животныя изображены такъ, что въ рисунокѣ совершенно исчезаетъ характеръ породы. Какой угодно натуралистъ не угадаетъ, напр., жука, кузнечика, мышъ, представленныхъ въ книжкѣ. Поэтому для ребенка указывать животныхъ по такимъ рисункамъ — будетъ не только бесполезно, но даже вредно.

Кромѣ того — и самый текстъ не хорошъ (не говоря уже о томъ, что онъ состоитъ изъ несноснѣйшихъ виршей). Составитель его потерялъ изъ виду цѣль книжки и вдругъ заговариваетъ съ дѣтьми (которымъ еще нужно показывать цвѣта и измѣренія самыхъ обыкновенныхъ предметовъ) — о верблюдахъ, крокодилахъ, казуарахъ, и пр. Если бъ въ

книжкѣ были описанія этихъ животныхъ и картинки были получше, то еще это куда бы ни шло. Но въ текстѣ, какъ мы уже сказали, упоминается только названіе каждаго предмета; а картинки таковы, что поневолѣ пожелаешь, чтобы ребенокъ лучше вовсе не имѣлъ представленія о казуарѣ и львѣ, нежели бы воображалъ ихъ такими, каковы они тутъ нарисованы.

Нельзя также оставить безъ вниманія неестественности и пустоты общаго содержанія книжекъ. Определенія предметовъ взяты большею частью случайныя, соединеніе ихъ безтолково. Напр., говорится: низка рѣшетка, домъ великъ, высоко дерево... Какъ будто нѣтъ низкихъ деревьевъ, высокихъ рѣшетокъ и маленькихъ домовъ! Въ числѣ предметовъ, находящихся въ комнатѣ, находятся, между прочимъ, мѣхи, крыло и щетка. Гдѣ же они помѣщены на картинкѣ? Щетка — возлѣ стола, мѣхи — подъ столомъ, а крыло — недалеко отъ стола — на воздухѣ! Въ текстѣ же упоминается:

Съ кувшиномъ и стаканомъ щетка.

На картинкѣ, къ счастью, такой щетки съ кувшиномъ и стаканомъ не оказывается.

Разказы въ „Дѣтскихъ играхъ“ также неудачны. Для примѣра можно привести первый. На одномъ листкѣ изображено пять картинокъ. На первой представлена дѣвочка, — неизвѣстно, живая ли или кукла, — подписано:

Дитя собралось гулять,
Оставя куклу дома ждать.

На второй — видна векша на сукѣ большого дерева возлѣ дома; подписано:

Сказало векшѣ: „чтобъ на дворъ,
Смотри, не забрался къ намъ воръ“.

На третьей картинкѣ два ворона сидятъ, но подпись гласитъ, что они летятъ:

Два ворона летятъ ужъ въ домъ,
Чтобъ куклу унести тайкомъ.

Четвертая картинка изображаетъ собаку; вверху, на высокомъ сукѣ дерева, векша; наконецъ, изображена собака, бросающаяся на птицъ, и подписано:

Собачка намъ, какъ другъ, вѣрна:
Прогнала вороновъ она.

Едва-ли подобные рассказы могутъ быть полезны для развитія въ дѣтяхъ правильныхъ понятій о предметахъ и простого, естественнаго взгляда на жизнь.

Праздничные досуги. Рассказы для дѣтей, украшенные 7-ю хромолитографированными картинками. Издалъ учитель А. Петерсенъ. С.-Петербургъ. 1857 г.

Книжка не даромъ названа „Праздничными досугами“: въ ней постоянно дѣйствіе происходитъ въ праздникъ. Общій мотивъ вотъ какой: бѣдный мальчикъ не хотѣлъ въ праздникъ идти къ своей должности—пасти деревенское стадо. Но мать послала его, говоря, что только его трудомъ можетъ поддерживаться бѣдное семейство. Мальчикъ пошелъ. Вдругъ на стадо напалъ волкъ, овцы побѣжали, пастухъ также; волкъ гонится за ними. Бѣжали, бѣжали они—и выбѣжали наконецъ на поляну, на котсой богатый папенька гулялъ со своими дочками. При видѣ незнакомыхъ, хорошо одѣтыхъ людей, жадный звѣрь, т. е. волкъ,—приостановился (такъ по крайней мѣрѣ увѣряетъ авторъ рассказовъ), началъ робко осматриваться и, наконецъ, мало-по-малу отступать. Кончилось, разумѣется, тѣмъ, что волкъ удралъ обратно въ лѣсъ, а богатый папенька съ милыми дочками отправились къ бѣдному мальчику въ хижину и облагодѣтельствовали все семейство. Мораль изъ этого, разумѣется, вывести довольно трудно: хотѣлъ-ли авторъ сказать, что не надобно по праздникамъ въ лѣсъ

ходить, чтобы волки не съѣли, или что надобно стадо пасти для того, чтобы богатаго папеньку съ дочками встрѣтить? Судя по общей мысли, господствующей во всей книгѣ, кажется, — скорѣе послѣднее. Во всѣхъ почти разсказахъ авторъ старается доказать нравоучительными разсказами, въ родѣ приведеннаго нами, — что и праздничные досуги надобно употреблять на полезные труды: у него постоянно къ трудящемуся бѣдному ребенку подходит богатая гуляющая дѣвочка или мальчикъ и разсыпаетъ благодѣянія. Теперь маленькое неудобство состоитъ только вотъ въ чемъ: бѣдное дитя трудится, — и все-таки оно бѣдное; богатое дитя гуляетъ — и все-таки оно богатое. Къ чему же ведетъ такая мораль? Мы боимся, чтобы одинъ изъ маленькихъ читателей разсказовъ г. Петерсена не отвѣтилъ словами изъ извѣстнаго анекдота о чадолюбивомъ отцѣ, побуждавшемъ сына вставать раньше.

Приключенія маленькаго барабанщика, или гибель французовъ въ Россіи въ 1812 г. Изданіе М. Эттингера. С.-Петербургъ. 1858 г. 228 стр.

На оберткѣ этой книжки выставлено другое заглавіе „Русскій барабанщикъ 1814 г.“, и передъ настоящимъ заглавіемъ помѣщена картинка, къ которой приложено объясненіе, рассказывающее, что въ сраженіи подъ Парижемъ „русскій барабанщикъ, находясь во главѣ колонны, не переставалъ бить, доколѣ, прострѣленный въ грудь, не упалъ, но и тогда, поднятый и несомый двумя прусскими егерями, продолжалъ бить до самой смерти“. — Судя по заглавію и по объясненію, мы подумали сначала, что это одна изъ тѣхъ воинственныхъ дѣтскихъ книгъ, которыя сколачиваются разными сочинителями для возбужденія будто бы патріотическихъ чувствъ въ дѣтяхъ. Здравая педагогика не можетъ одобрить подобныхъ поддѣлокъ подъ патріотизмъ потому, что

онѣ обыкновенно возбуждаютъ въ дѣтяхъ только чувства восхищенія блестящимъ мундиромъ и трубными звуками, искажаютъ естественныя чувства кротости и любви къ ближнему и даже мѣшаютъ расположенію дѣтей къ занятіямъ наукою. Поэтому мы съ сильнымъ предубѣжденіемъ принялись за „маленькаго барабанщика“. Къ счастью, — мы совершенно ошиблись: книжку эту можно рекомендовать для дѣтскаго чтенія, какъ одну изъ лучшихъ книжекъ для дѣтей, существующихъ на русскомъ языкѣ. Съ грамотностью и простотой изложенія (что также довольно рѣдкое достоинство въ нашихъ дѣтскихъ книжкахъ) она соединяетъ занимательность и естественность самаго разсказа. Съ картинкою, изображающею барабанщика, который „будучи прострѣленъ въ грудь, билъ до самой смерти“, — разсказъ не имѣетъ ничего общаго, и мы никакъ не можемъ понять, зачѣмъ приклеена здѣсь эта картинка? Содержаніе приключеній маленькаго барабанщика слѣдующее.

Въ тихомъ нѣмецкомъ городкѣ живетъ въ 1812 году сѣдельный мастеръ Вуншъ, небогатый семейный человѣкъ, разоряемый непрерывными постоями французскихъ войскъ, проходящихъ чрезъ Германію. Къ довершенію горя у него въ это самое время отчаянно больна маленькая дочь, предметъ нѣжныхъ заботъ всего семейства. Приходитъ постой изъ 20 человѣкъ. Вуншъ угощаетъ ихъ вкуснымъ обѣдомъ, приготовленнымъ почти на послѣднія деньги, но гости недовольны, выбрасываютъ часть кушанья за окно и бьютъ посуду. Вуншъ жалуется военному начальству; ему отвѣчаютъ, что послѣ усиленнаго марша нельзя взыскивать съ людей за подобные пустяки. Еще не успѣли убраться эти гости, какъ въ городъ вступилъ новый полкъ, и къ Вуншу помѣстили барабанщика и 15 солдатъ. Въ домѣ не оставалось комнаты, кромѣ той, гдѣ лежала маленькая больная дочь. Сюда Вуншъ не рѣшился пустить

солдатъ, потому что у больной былъ кризисъ болѣзни, и докторъ сказалъ, что испугъ можетъ убить ее. Поэтому Вуншъ попробовалъ отвести новыхъ постояльцевъ въ свою мастерскую. Гости, однакожь, не были этимъ довольны, ворвались въ комнату, гдѣ лежала больная, и шумно требовали вина и обѣда. Мать кое-какъ упросила ихъ не шумѣть и отправилась готовить обѣдъ. Но гостямъ надоѣло ждать, и барабанщикъ придумалъ, чтобы хозяйка поскорѣе прибѣжала, забить въ барабанъ возлѣ кровати спящей больной. Мать, разумѣется, тотчасъ прибѣжала и бросилась къ дочери, съ которой уже начиналась предсмертная агонія. Вскорѣ вбѣжалъ и отецъ и, внѣ себя отъ гнѣва, ударилъ саблею барабанщика, за что его схватили и, какъ преступника, отвели подъ стражу съ тѣмъ, чтобы потомъ разстрѣлять. Четырнадцатилѣтній сынъ Вунша—Августъ, вздумалъ отправиться къ полковнику и просить, чтобы разстрѣляли его вмѣсто отца. Полковникъ былъ тронутъ и, вмѣсто разстрѣливанія, согласился взять его къ себѣ въ полкъ барабанщикомъ, обѣщая за то выпустить отца его, какъ скоро выздоровѣетъ раненый имъ барабанщикъ. Августъ согласился, скоро выучился барабанить, подружился съ товарищами, привыкъ къ трудностямъ похода, заслужилъ расположеніе своего сержанта, но никакъ не могъ привыкнуть къ строгости военной дисциплины. При разореніи одной русской деревушки онъ замѣтилъ въ окнѣ горящей мельницы маленькую дѣвочку, погибавшую въ пламени. Онъ тотчасъ выскочилъ изъ своего ряда, сбиль съ ногъ одного офицера, бросился въ огонь и успѣлъ спасти дѣвочку, спустившись съ нею подъ мельничныя колеса, къ водѣ, и тамъ спрятавшись, пока не утихло пламя. Когда они вышли оттуда, оказалось, что ни жителей, ни солдатъ нѣтъ болѣе въ деревушкѣ. Августъ пошелъ наудачу со спасенной имъ Маріей, которая оказалась дочерью нѣмецкаго колониста въ

деревушкѣ. Вскорѣ однако же маленькаго барабанщика нашель на дорогѣ французскій отрядъ, съ которымъ Августъ и пришелъ къ своему полку. Здѣсь, по приговору военного суда, рѣшили его разстрѣлять. „Солдатъ долженъ повиноваться своему начальству, сказалъ ему одинъ офицеръ, — и ни о чемъ не разсуждать. Положимъ, даже, что твой отецъ и братъ стоятъ въ рядахъ непріятеля, и тогда твоя обязанность—стрѣлять по нимъ. Вотъ каковъ военный законъ“ (стр. 106). Нѣмецкій полковникъ желалъ спасти Августа, но французскіе офицеры не хотѣли этого, и полковникъ рѣшился обмануть ихъ, разстрѣлявши Августа примѣрно, съ тѣмъ, чтобы онъ потомъ могъ встать и бѣжать, куда глаза глядятъ. Такъ и случилось. Августъ бѣжить вмѣстѣ съ Маріей, попадается къ русскимъ, которые очень хорошо съ нимъ обходятся, и вдругъ неожиданно встрѣчаетъ снова свой полкъ, напавшій на то селеніе, гдѣ жилъ Августъ. „Боже мой, говоритъ онъ при видѣ убійствъ и грабительствъ своему сержанту,—прошли мы сотни верстъ только для того, чтобы убивать людей, которыхъ никогда не видѣли!“ Сержантъ отвѣчаетъ: „Дѣло солдата—слушаться, а не разсуждать. Вотъ приказъ Наполеона: „мы ведемъ войну; русскіе—враги наши, всякій солдатъ, подъ опасеніемъ неисполненія своей обязанности, долженъ истреблять все русское“. А пускай-ка завтра онъ намъ скажетъ: „стой! мы заключимъ миръ; русскіе — наши друзья“. Ура! закричалъ бы всякій: другъ мой русскій, давай-ка обнимемся, да попьемъ за здоровье общее“ (стр. 142). Далѣе сержантъ говоритъ, что за хорошую службу и ему, быть можетъ, достанется кусочекъ красной ленты съ крестикомъ внизу. Августъ замѣчаетъ: „И за кусочекъ ленты перебить десятки людей!“ А сержантъ въ отвѣтъ на это называетъ его глупою вороной... Послѣ этого Августу самому пришлось быть въ сраженіи, и не геройскіе подвиги его рисуются въ

разказъ, а горестная картина всѣхъ ужасовъ битвы и кроткія, гуманныя чувства, раздиравшія душу мальчика, при видѣ остервенѣнія людей другъ противъ друга. Много испытаній претерпѣваетъ мальчикъ, но въ концѣ разказа соединяется со своими родными, къ которымъ являются и родители спасенной имъ Маріи, какъ старинные пріятели. Счастье еще увеличивается тѣмъ, что Августъ добылъ на войнѣ боченокъ съ золотомъ. Такое окончаніе немножко водевильно; но при всемъ томъ нельзя не похвалить разказъ за его благородное направленіе, простоту, гуманныя чувства, которыми онъ исполненъ. Можно пожелать для дѣтей побольше такихъ книжекъ, какъ „Приключенія маленькаго барабанщика“.

Школа. Изданіе для юношества. Выпускъ I. С.-Петербургъ. 1858 г. 129 стр.

Это — изданіе для чтенія въ классѣ, подъ руководствомъ наставника, дѣтямъ отъ десяти до двѣнадцати лѣтъ. Цѣль изданія „Школы“ — раскрыть читателямъ, въ полномъ по возможности видѣ, ученіе религіи и пользу наукъ съ ихъ практической стороны. Такъ объясняетъ сущность и цѣль своей книжки сама издательница „Школы“. Посмотримъ, какъ она достигаетъ своей цѣли.

Послѣ коротенькаго предисловія, въ которомъ издательница объясняетъ дѣтямъ, что въ школу они поступаютъ за тѣмъ, чтобъ угадать свое призваніе, — помѣщена „Исторія Іерусалима“. Тутъ еще нѣтъ ничего удивительнаго: отчего же дѣтямъ и не узнать исторіи Іерусалима? Но вотъ что удивительно: статья написана съ учеными претензіями, съ латинскими цитатами Іосифа Флавія, Діона Кассія, Евсевія, съ архитектурными и стратегическими подробностями, съ искаженіями именъ, въ родѣ императора Виталія, вмѣсто Вителлія, и съ оби-

ліемъ фразъ въ родѣ слѣдующей: „опасаясь подобныхъ возмущеній, императоръ Адріанъ, путешествуя по востоку, приказалъ построить на мѣстѣ древняго Іерусалима городъ, который назвалъ Эліа Капитолина (Dion. Cass. lib. LXIX) и для спокойствія своего (?) повелѣлъ селиться (гдѣ?) всѣмъ, кромѣ іудеевъ (Euseb. Hist. eccl. IV)“. Какова ученость, какова логика и грамматика?

Вторая статья: „Письма изъ Іерусалима“ производитъ непріятное впечатлѣніе своимъ празднымъ, риторическимъ пустозвонствомъ. Это какъ будто выдержки изъ „Кавказскихъ очерковъ“ Марлинскаго, пересыпанныя сентиментальными восклицаніями, заимствованными изъ „Писемъ русскаго офицера“ г. Федора Глинки. Съ самымъ неумѣреннымъ пафосомъ рассказываетъ госпожа, писавшая письма, о своемъ прибытіи въ Іерусалимъ. „Благодарю моего Создателя, — говоритъ она, — я снова въ Іерусалимъ! На пароходѣ всѣ спали, и я спала. Было около 12-ти часовъ по полуночи, когда я проснулась и увидѣла въ окошко каюты мелькающіе огни. (Что же это значитъ: огни въ двѣнадцать часовъ по полуночи? Вѣдь это полдень!) Я вскочила и побѣжала на палубу... О, съ какимъ восторгомъ тогда обняла я взоромъ берегъ святой земли, близкій, родственнй душѣ моей! Я только и могла повторять: слава Тебѣ, Боже! слава Тебѣ, Боже! слава Тебѣ, Боже!.. На берегу я стала на колѣни и жадно и съ благоговѣніемъ цѣловала землю. Это было въ воскресенье, 11-го мая“ (стр. 30). Не правда-ли, что это достопамятное воскресенье необходимо запомнить дѣтямъ? Это вѣдь такое полезное для нихъ свѣдѣніе! И притомъ же поучительный примѣръ, какъ долго можно сохранять въ себѣ свѣжесть чувствъ: письмо столь восторженное писано не на другой день по прибытіи въ Іерусалимъ, не 12-го мая, а 13-го сентября, т. е. ровно черезъ четыре мѣсяца!..

Третья статья — „Сельскіе хозяева“. Здѣсь авторъ статьи заставляетъ разсуждать съ дѣтьми „дѣятельнаго и просвѣщеннаго Алексѣя Ивановича“. Дѣятельный и просвѣщенный Алексѣй Ивановичъ толкуетъ съ дѣтьми о естественной исторіи, предупреждая ихъ: „что касается до насъ, то мы будемъ изучать естественныя науки не отдѣльно каждую во всей ея полнотѣ, но во взаимномъ ихъ отношеніи одной къ другой и въ примѣненіи къ сельскому хозяйству“ (стр. 60). Мало, повидимому, заботясь о томъ, что дѣти не поймутъ его запутанныхъ, школьныхъ фразъ, дѣятельный и просвѣщенный Алексѣй Ивановичъ рѣшается наставлять дѣтей, и на первый разъ беретъ за ботанику. Пересчитавши на двухъ страницахъ, сколько именно разведено въ Россіи сортовъ различныхъ растений, онъ перечисляетъ *in specie*, какія деревья растутъ въ окрестностяхъ Москвы. Именно: клень красный (*acer rubrum*), клень лжеяворный (*acer pseudoplatanus*), неклень (*acer tataricum*), паклень (*acer campestre*), клень виргинскій (*acer Negundo*), — да и пошелъ, опять на цѣлой страницѣ. Столь полезныя свѣдѣнія заключаются афоризмомъ, что въ ботаникѣ „главное — знать названія всѣхъ растений по-латыни“ (стр. 92). Въ этомъ же родѣ свѣдѣнія изъ химіи и зоологіи.

Нѣсколько лучше „Статьи безъ заглавія“, имѣющія цѣлью передать дѣтямъ первыя понятія о политической экономіи. Но и эти статьи, во-первыхъ, ложны по основной точкѣ зрѣнія, отзывающейся какимъ-то излишкомъ телеологіи, доходящей до совершеннаго фатализма, — что ужъ въ политической-то экономіи вовсе не годится; а во-вторыхъ, и эти статьи изложены дурно, безъ всякаго умѣнья выбрать примѣры и факты, интересные для десятилѣтнихъ дѣтей.

„Письмо стараго русскаго человѣка“ нападаетъ на какую-то даму, узнавшую о „Семейной хроникѣ“

Аксакова изъ *Revue des deux mondes*, — на другую даму, тратящую на булки къ чаю тѣ деньги, которыя слѣдовало употребить на книги, на людей, отворяющихъ окна въ вагонахъ на желѣзной дорогѣ, на мужей, которые стараются наряжать своихъ женъ, и т. п. И неужели все это для дѣтскаго чтенія?—подумали мы. Видно, „старый русскій чело-вѣкъ“ до того ужъ старъ, что потерялъ всякое понятіе о различіи возрастовъ.

Вотъ и всѣ статьи первой книжки „Школы“. Какое же сдѣлать о ней заключеніе? Разумѣется, прежде всего пожалѣемъ о тѣхъ дѣтяхъ, которымъ придется учиться по ней. Пожалѣемъ о нихъ тѣмъ болѣе, что издательница „Школы“ угрожаетъ въ слѣдующихъ выпускахъ статьями, еще болѣе ужасными. „Школа“, говоритъ она, возрастетъ и созрѣетъ по мѣрѣ того, какъ будутъ возрастать и созрѣвать ея читатели“. Значитъ, черезъ нѣсколько времени мы увидимъ выпускъ, въ которомъ будутъ астрономическія выкладки и феноменологія духа Гегеля, перевернутыя на русскіе нравы, какъ обыкновенно дѣлается въ статьяхъ „Школы“. Несчастныя дѣти!.. За ними постоянно будетъ слѣдить возрастающая и созрѣвающая „Школа“ съ своей риторикой, схоластикой, безграмотностью, искаженіемъ языка и мышленія!..

* * *

Вотъ и еще изданіе съ претензіей поучать юношество. Сколько у насъ учителей-то развелось! А все жалуются на то, что не у кого учиться... Странно, право, какъ это у насъ совмѣщается одно съ другимъ: учителей множество безчисленное, а учиться все-таки не у кого... Мы долго недоумѣвали, отчего это происходитъ, и, наконецъ, пришли вотъ къ какому печальному заключенію. Учителя наши обыкновенно проповѣдуютъ то, что намъ или вовсе не нужно, или давно извѣстно; а что намъ нужно и

неизвѣстно, того они и сами хорошенько не знаютъ, и даже не считаютъ нужнымъ знать. Мудрено ли, что при такихъ порядкахъ толпы наставниковъ не находятъ учениковъ, а толпы учениковъ не знаютъ, къ кому обратиться за дѣльнымъ и истинно-полезнымъ наставленіемъ... Ну вотъ хоть бы, на примѣръ, выходитъ книжка подъ названіемъ: „Школа“. Издала эту „Школу“ какая-то Наставница дѣтей. На оберткѣ книжки напечатано, что она назначается для учениковъ отъ 10 до 12 лѣтъ, но что потомъ она возрастетъ и созрѣетъ, по мѣрѣ возрастанія и созрѣванія ея читателей, и что цѣль ея состоитъ въ томъ, чтобы „раскрыть читателямъ въ полномъ, по возможности, видѣ ученіе религіи и пользу наукъ съ ихъ практической стороны“. Для достиженія этой цѣли „статьи „Школы“ будутъ читаны вслухъ однимъ изъ учениковъ подъ руководствомъ наставника, или самимъ наставникомъ“. Прекрасно. Посмотримъ же, какого рода статьи вошли въ первый выпускъ „Школы“, назначенный для десяти и двѣнадцати-лѣтнихъ читателей.

Начинается съ „Нѣсколькихъ словъ къ ученикамъ моимъ“. Въ нѣсколькихъ словахъ этихъ объясняется, что всякій человѣкъ рождается затѣмъ, чтобъ выполнить извѣстную обязанность, возложенную на него самимъ Богомъ, что обязанность эта называется призваніемъ человѣка, что въ школу поступаютъ затѣмъ, чтобы „угадать свое призваніе“, и что помощью при этомъ могутъ служить книжки, издаваемые г-жею Наставницею подъ именемъ „Школы“. Надѣмся, что никто не упрекнетъ это предисловіе въ излишней логичности и ясности, особенно для десятилѣтнихъ читателей. Но все-таки въ немъ выражается взглядъ Наставницы, довольно оригинальный, и потому мы позволимъ себѣ нѣсколько остановиться на ея предисловіи.

По мнѣнію г-жи Наставницы, каждый человѣкъ отъ самаго рожденія назначается къ тому, чтобы

выполнить известную какую-нибудь обязанность, „и обязанность эта не одна и та же для всѣхъ людей“. Иначе сказать — одинъ человѣкъ отъ рожденія призванъ къ тому, чтобы быть лѣкаремъ, другой къ тому, чтобы управлять министерствомъ, третій къ тому, чтобы шить сапоги. Въ школу дѣтей отдають собственно затѣмъ, чтобы они угадали тамъ, министрами, солдатами или портными родились они. Чтобы угадать это, нужно долго трудиться, но, „наконецъ, вы угадаете свое призваніе, — говоритъ Наставница своимъ ученикамъ, — и тогда вамъ остается просить у Бога силъ къ выполненію этого призванія“. Не правда ли, отрадно прочесть такое предисловіе, встрѣтить такой взглядъ послѣ всѣхъ толковъ о значеніи общаго и спеціальнаго образованія, которые такъ шумно раздавались въ нашей литературѣ въ послѣдніе два года? Кажется, кто не повторялъ известнаго эпиграфа известной статьи Пирогова, гласящей, что прежде нужно образовать людей, а потомъ уже солдатъ, портныхъ, министровъ, и т. д. Кто не толковалъ о томъ, какъ вредитъ ранняя спеціальность естественному, всестороннему развитію человѣка. Но, вѣрно, всѣ эти толки у насъ, какъ говорится въ русскихъ сказкахъ, по усамъ текли, а въ ротъ не попали. Мы толковали о разумныхъ преобразованіяхъ, какъ будто и путные люди, а въ сущности оказалось, что мы и не думали отставать отъ рутины старинныхъ предразсудковъ. Видно, старая, бессмысленная привычка сильнѣе всѣхъ убѣжденій ума; индійскія и вообще азіатскія замашки сильно выказываются въ нашихъ руководителяхъ и наставникахъ, будетъ ли то г. Орестъ Миллеръ, или г-жа издательница „Школы“. Г. Орестъ Миллеръ восхваляетъ самоотверженное погруженіе своей личности въ лоно Браммы, а г-жа Наставница намѣревается возстановить ученіе о кастахъ. Частныя обязанности cadaго человѣка опредѣляются, видите ли, не обстоятельствами, а самимъ рожденіемъ,

и главная задача человека состоитъ въ томъ, чтобы угадать, къ чему онъ призванъ по своему рожденію... Другими словами: кто въ чемъ родился, въ томъ и пребывай, знай сверчокъ свой шестокъ... Недурно для индійскаго брамина, хотя для паріи и не совсѣмъ-то весело. Къ чему онъ, бѣднякъ, долженъ придти, отправляясь отъ той мысли, что само рожденіе уже опредѣлило его частныя обязанности? Прежде всего онъ долженъ тутъ признать, что уже въ его рукахъ нѣтъ свободы располагать своей участью, что это ужъ дѣло судьбы, заранѣе опредѣлившей призваніе человека, которому остается только угадать ея опредѣленіе. Но какъ же угадать? Очень естественно — по нѣкоторымъ признакамъ, указаннымъ самою судьбою въ томъ состояніи, въ которомъ человекъ родился. Слѣдовательно, если парія родился паріею, то съ какой же стати вообразить онъ, что судьба готовила ему званіе брамина? Нѣтъ никакого основанія признавать судьбу столь глупою, если ужъ признать однажды ея вліяніе на человека. И вотъ — смиренный, всѣми отверженный парія поневолѣ долженъ успокоиться на томъ, что уже по самому своему рожденію онъ обреченъ на нищету и презрѣніе... Браминъ долженъ быть этимъ очень доволенъ, потому что посредствомъ такихъ премудрыхъ убѣжденій сохраняется порядокъ въ обществѣ, т. е. права кастъ остаются незыблемы и ненарушимы. Но едва ли подобныя разсужденія могутъ быть очень благотворны для нашего общества, въ которомъ явились Ломоносовы, Меншиковы, Никоны, и т. п. Сомнительно, чтобъ крестьянскій мальчикъ поступилъ безразсудно и преступно, измѣнивши тому призванію, которое опредѣлялось его рожденіемъ, и сдѣлавшись русскимъ патріархомъ. Можетъ быть, читатели, желая взять сторону Наставницы, замѣтятъ, что именно патріаршество и было тѣмъ призваніемъ, которое слѣдовало угадать Никону, равно какъ государственное поприще было призваніемъ Менши-

кова, и т. д. Но такое замѣчаніе будетъ совершенно несообразно съ тѣмъ взглядомъ, какой высказанъ въ предисловіи Наставницы. Она именно говоритъ, что призваніе человѣка есть не что иное, какъ обязанность, на него наложенная; а вѣдь никто, конечно, не скажетъ, что Никонъ былъ обязанъ быть патріархомъ, или Ломоносовъ — академикомъ. Кромѣ того, — обязанность эта, по мнѣнію Наставницы, дается человѣку не имъ самимъ, а другими, да еще прежде его рожденія; такъ вѣдь не думаетъ же Наставница, что Меншиковъ еще до рожденія былъ уже государственнымъ человѣкомъ. При всемъ своемъ пристрастіи къ раздѣленію человѣчества на касты, она согласится, вѣроятно, что Меншиковъ родился, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ управленіи государствомъ, такъ же какъ Никонъ явился на свѣтъ, незнакомый съ церковными установленіями, и Ломоносовъ — не умѣя читать и писать. Значитъ, весь вопросъ теперь въ томъ, могъ ли Ломоносовъ, Меншиковъ и пр. стремиться къ тому, что не составляло прямой его обязанности, опредѣленной его рожденіемъ, имѣлъ ли право пользоваться обстоятельствами всякаго рода, расширявшими кругъ его дѣятельности, или нѣтъ? Если мы спросимъ объ этомъ г-жу Наставницу, то она, чтобы не измѣнить взгляду, высказанному ею въ предисловіи къ „Школѣ“, должна, конечно, отвѣтить: нѣтъ. Иначе она жестоко скомпрометируетъ принимаемая ею начала о врожденномъ призваніи человѣка къ частной дѣятельности всякаго рода и вступитъ въ безвыходный кругъ забавнѣйшихъ противорѣчій. Въ самомъ дѣлѣ, если судьба еще до моего рожденія призвала меня къ обязанности управлять государственными дѣлами, то для чего она до двадцати лѣтъ оставляетъ меня шататься по улицамъ, продавая пироги? Если самимъ моимъ рожденіемъ судьба хотѣла обязать меня быть профессоромъ и академикомъ, зачѣмъ она дала мнѣ родиться въ архангельской деревушкѣ,

въ крестьянскомъ семействѣ, гдѣ я до двадцати лѣтъ едва могъ читать выучиться? Подобные вопросы хотъ кого поставятъ въ тупикъ, и мы сомнѣваемся, чтобы г-жа Наставница сумѣла удовлетворительно на нихъ отвѣтить. Ихъ можно разрѣшить только съ индѣйской точки зрѣнія, которую едва ли согласятся принять читающіе люди русскаго православнаго царства, хотя она и не чужда, кажется, г-жѣ Наставницѣ, и имѣетъ стороны, весьма успокоительныя для людей — богатыхъ и почетныхъ. Съ этой точки зрѣнія — все, что есть на свѣтѣ, имѣетъ тайную, заранѣе опредѣленную, цѣль, — не въ себѣ, а внѣ себя. Дождь идетъ для того, чтобы трава на землѣ росла; трава растеть затѣмъ, чтобы скотъ могъ пастись; скотъ существуетъ, чтобы человекъ могъ ѣсть его; человекъ ѣсть для того, чтобы имѣть возможность отправлять ту обязанность, къ которой призванъ своимъ рожденіемъ. Въ человекѣ и во всякомъ существѣ одушевленномъ цѣль, какъ видите, составляетъ вмѣстѣ и обязанность. Такимъ образомъ собака лаетъ, чтобы воры на дворъ не вошли, и эта цѣль есть вмѣстѣ обязанность собаки — стеречь домъ отъ воровъ. Лошадь имѣетъ четыре ноги для того, чтобы облегчать человеку скорѣйшее переправленіе съ мѣста на мѣсто; другими словами, — четвероножность лошади есть не что иное, какъ обязанность ея — возить на себѣ человека и его пожитки. Такъ точно и самъ человекъ, во всякомъ положеніи и званіи, имѣетъ особя, внѣшнія обязанности, составляющія цѣль его жизни и дѣятельности. Такимъ образомъ, богачи существуютъ затѣмъ, чтобы помогать бѣднымъ, нищіе же — для того, чтобы богачи имѣли, на комъ выказывать свое великодушіе и доброту сердца; преступники необходимы въ мірѣ затѣмъ, чтобы законы могли ихъ наказывать; больные затѣмъ, чтобы лѣкарямъ было кого лѣчить, и т. д. Взглядъ чрезвычайно успокоительный, именно въ томъ отношеніи,

что, на основаніи его, все оказывается необыкновенно ловко и мило поставленнымъ на своемъ мѣстѣ, все принимаетъ такой розовый оттѣнокъ, дышитъ такимъ удобствомъ и довольствомъ... Мы серьезно пожелали бы такого спокойнаго, кроткаго, покорнаго міросозерцанія всякому изъ людей, если бы мы могли думать, что человѣкъ, не родившійся идиотомъ и не выросшій подъ гнетомъ турецкаго фатализма, можетъ добиться такого отраднаго, совершенно посторонняго возрѣнія на собственную свою участь. Но, къ крайнему прискорбію, мы должны сказать, что считаемъ рѣшительно невозможнымъ вдолбить такое возрѣніе русскому юношеству, и потому вовсе не считаемъ нужнымъ обманывать его восточными метафорами относительно призванія, судьбы, обязанностей, особыхъ для каждаго человека, и т. п. Полагаемъ, что и г-жа Наставница напрасно будетъ трудиться, если захочетъ свои понятія о врожденности частныхъ обязанностей передать своимъ ученикамъ. Собственная рубашка ближе къ тѣлу каждаго изъ насъ, и теперь ужъ и пятилѣтняго ребенка трудно надуть увѣреніями, что цѣль его существованія заключается не въ немъ самомъ, а въ чемъ-то внѣ его, опредѣленномъ ему еще до его рожденія. А г-жа Наставница хочетъ увѣрить въ этомъ десятилѣтнихъ!..

Только особенной склонностью Наставницы къ восточнымъ понятіямъ можетъ быть объяснено то обстоятельство, что почти половина первой книжки „Школы“ занята „Исторією Іерусалима“ и „Письмами изъ Іерусалима“. Неудивительно было бы, если бы г-жа Наставница подробно рассказала дѣтямъ христіанское значеніе священнаго города. Но крайне странно давать дѣтямъ краткое обозрѣніе всей исторіи Іерусалима, съ гергесеями, іевусеями, сирянами, вавилонянами и другими народами, одинъ за другимъ воевавшими этотъ городъ; странно въ исторіи Іерусалима вдабливать десятилѣтнимъ учени-

камъ имена Гессія Флора, Цестія, Аль-Гакема и т. д. Еще страннѣе видѣть, что, напр., упомянувъ о томъ, что Іерусалимъ существовалъ еще при Авраамѣ, авторъ статьи, назначенной для десятилѣтнихъ читателей, дѣлаетъ цитату: Ioseph. Flav. Archeol. I, 1012. Мы понимаемъ, что такія вещи можетъ дѣлать какой-нибудь г. Ведровъ, желающій, во что бы то ни стало, озадачить своихъ взрослыхъ читателей; но къ чему же подниматься на такія штуки, когда пишешь для дѣтей? Очевидно, что авторъ статьи проникнуть основнымъ взглядомъ издательницы „Школы“: дѣти, дескать, и существуютъ съ тою цѣлю, чтобы изучать произведенія старшихъ и изумляться ихъ глубокой учености...

Чтобы дать понятіе о письмахъ изъ Іерусалима, выпишемъ изъ нихъ первыя строки перваго письма.

„Іерусалимъ 1/13 сентября 1857 г.

Благодарю моего Спасителя! Я снова въ Іерусалимѣ!

На пароходѣ всѣ спали, и я спала. Было около двѣнадцати часовъ по полуночи, когда я проснулась и увидѣла въ окошечко каюты мелькающіе огни. Я вскочила и побѣжала на палубу: тутъ узнала я, что огни виднѣются въ Яффѣ и что пароходъ скоро подойдетъ къ берегу. Въ самомъ дѣлѣ, черезъ четверть часа мы остановились. Я стала всматриваться, чтобы различить въ глубокомъ мракѣ знакомыя мнѣ строенія Яффы, и осталась на палубѣ до утра. О, съ какимъ восторгомъ обняла я тогда берегъ святой земли, близкій, родственной душѣ моей! Я только и могла повторять: слава Тебѣ, Боже! Собравъ свои вещи, я съѣхала на берегъ съ первымъ подъѣхавшимъ каюкомъ. На берегу я стала на колѣни и жадно и съ благоговѣніемъ цѣловала землю. Это было въ воскресенье, 11-го мая“... и т. д. (Школа, вып. I, стр. 30).

Издательница „Школы“ полагаетъ, по всей вѣроятности, что подобныя свѣдѣнія могутъ способствовать дѣтямъ угадать ихъ природное призваніе. Оно такъ и выйдетъ, конечно, если призваніе (иначе—обязанность) дѣтей состоитъ въ томъ, чтобы быть покорными и внимательными слушателями всего, что вздумаютъ сказать взрослые. Но если сообразить нѣсколько призваніе дѣтей съ потребностями

ихъ собственной природы, то мы никакъ не можемъ понять, зачѣмъ было бы полезно имъ знать прекрасныя чувствованія госпожи, съ такимъ неумѣреннымъ азартомъ рассказывающей въ письмѣ отъ 1-го сентября, о томъ, что она чувствовала въ воскресенье 11-го мая. Мы рѣшительно не можемъ придумать, какую надобность имѣютъ дѣти въ томъ свѣдѣніи, что въ это достопамятное воскресенье на пароходѣ всѣ спали, и она спала, а потомъ проснулась, вышла на берегъ и жадно цѣловала землю. Но издательница „Школы“ нарочно, вѣроятно, попустила этимъ письмамъ украсить ея книжку, съ цѣлью практически приучить ими дѣтей къ терпѣнію и покорности.

За письмами слѣдуетъ статья: „Сельскіе хозяева“, въ началѣ которой объясняется, что „дѣятельные и просвѣщенные владѣльцы села Петровскаго, Алексѣй Ивановичъ и жена его Анна Андреевна, завели у себя школу для образованія дѣтей своихъ сосѣдей“. Это очень похвально. Чему же поучаютъ дѣтей своихъ сосѣдей дѣятельные и просвѣщенные Алексѣй Ивановичъ и Анна Андреевна? А вотъ чему-съ. Они сообщаютъ дѣтямъ, что „благодаря стараніямъ людей опытныхъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства, разведено въ Россіи, въ нѣкоторыхъ питомникахъ (въ пензенскомъ, воронежскомъ, орловскомъ, вольскомъ и одесскомъ) очень порядочное число разныхъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ, а именно: яблонь—до 308 разныхъ сортовъ, грушъ—до 185, вишенъ—до 44, сливъ—до 71, абрикосовъ—до 26, персиковъ—до 24, черешенъ—до 49; въ числѣ плодоносныхъ кустарниковъ: винограда—до 47 сортовъ, крыжовника—до 20; въ числѣ огородныхъ растений: гороха—до 36, бобовъ—до 34, капусты—до 44, рѣпы—до 13, свеклы—до 5, свекловицы—до 5“, и т. д.,—еще двѣнадцать растений... Читатель, само собой разумѣется, не вѣритъ, чтобъ дѣятельный и просвѣщенный Алексѣй Ивановичъ и жена

его Анна Андреевна въ самомъ дѣлѣ пичкали такими свѣдѣніями дѣтей своихъ сосѣдей. Но мы завѣряемъ васъ, читатель, честнымъ своимъ словомъ, что все это не выдуманно нами, а напечатано на 61 — 62 стран. „Школы“. Издательница полагаетъ, навѣрное, что свѣдѣнія эти необходимы десятилѣтнимъ дѣтямъ для того, чтобы они могли угадать свое призваніе.

Послѣ „Сельскихъ хозяевъ“ идутъ „Статьи безъ заглавія“. Онѣ имѣютъ въ виду объяснить дѣтямъ первыя начала политической экономіи, разумѣется съ точки зрѣнія г-жи Наставницы. Начинаются онѣ слѣдующимъ образомъ: „Ученики ходятъ взадъ и впередъ по классной комнатѣ. При малѣйшемъ шорохѣ на лѣстницѣ они останавливаются и прислушиваются“. Это значитъ — шалятъ дѣти и смертельно боятся, чтобы учитель не засталъ ихъ. Похвальныя отношенія между учителемъ и учениками! Впрочемъ, ученики очень милыя дѣти; видно, что они росли подъ вліяніемъ г-жи Наставницы. Когда учитель входитъ, они его спрашиваютъ: „зачѣмъ на нашемъ росписаніи уроковъ, вмѣсто названія науки, поставили точки? Что это значитъ?“ Учитель отвѣчаетъ: „это значитъ, что иногда хорошо молчать“. Отвѣтъ очень логическій и очень легкій для учителя, хотя и не совсѣмъ удовлетворительный для дѣтскаго любопытства. Но идеальныя дѣти, представленныя въ „Статьяхъ безъ заглавія“, дѣйствительно принимаютъ очень усердно молчать: что же имъ больше дѣлать, когда учитель отвѣчаетъ на ихъ вопросы словомъ: молчать!

Впрочемъ, учитель не только просто заставляетъ дѣтей молчать, но и приводитъ ихъ къ тому разумными примѣрами. Онъ рассказываетъ имъ исторійки, въ которыхъ, между прочимъ, два брата разговариваютъ такъ:

„Антоній, сказалъ однажды Степанъ: — мнѣ бы очень хотѣлось знать, съ какою цѣлью Богъ надѣ-

лилъ Иванова такимъ огромнымъ богатствомъ, а намъ послалъ горькую бѣдность?

„Степанъ, отвѣчалъ Антоній: — этихъ вопросовъ мы себѣ задавать не должны. Богъ знаетъ, что дѣлаетъ, — этого должно быть для насъ достаточно“ (стр. 79).

Кромѣ этихъ статей, въ первомъ выпускѣ „Школы“ помѣщено „Письмо стараго русскаго человѣка къ издательницѣ“. Въ письмѣ этомъ старый русскій человѣкъ возстаетъ, *comme de raison* (скажемъ, въ пику ему, по-французски), противъ французскаго воспитанія, противъ недостатка въ русскихъ патриотизма, противъ роскоши, нелюбви къ чтенію, и т. д., все, какъ слѣдуетъ. Затѣмъ онъ рассказываетъ, какъ онъ разсуждалъ однажды съ нѣсколькими дѣтьми, отъ 8 до 10 лѣтъ, и проповѣдывалъ имъ, между прочимъ, объ обязанностяхъ супруга и отца. Немножко, можетъ быть, рано для осьмилѣтнихъ мальчиковъ; но что до этого за дѣло старому русскому человѣку? Притомъ же, онъ говорилъ только о томъ, какимъ мужемъ и отцомъ не должно быть. Онъ говорилъ:

„У него (человѣка необразованнаго) самыя дикія понятія о священнѣйшихъ обязанностяхъ: если у него дѣти, онъ не понимаетъ, что значить ихъ воспитывать, потому что самъ невоспитанъ; а если его дѣти помѣщены гдѣ-нибудь на казенный счетъ, о! тогда онъ совершенно спокоенъ и думаетъ, что ему о нихъ больше и заботиться нечего; если онъ человѣкъ небогатый, то у жены его, можетъ быть, нѣтъ ни чулокъ, ни рубашекъ, но зато навѣрно есть нѣсколько шляпокъ и бархатныхъ мантилій; и въ этомъ хозяйствѣ, гдѣ недостаетъ денегъ на покупку хорошихъ книгъ, ихъ есть всегда вдоволь для того, чтобы роскошно праздновать всѣ именины“, и т. д. (стр. 114).

Ясно, что и „Старый русскій человѣкъ“ глубоко проникнуть взглядомъ г-жи Наставницы: цѣль существованія на свѣтѣ дѣтей — та, чтобы покорно выслушивать всякую чепуху, какую вздумаютъ гордиться имъ взрослые.

Эти-то статьи и читаются въ школѣ г-жи Наставницы „вслухъ однимъ изъ учениковъ подъ руководствомъ наставника, или самимъ наставникомъ“. Не безъ назиданія проводятъ время ученики въ школѣ г-жи Наставницы!..

Природа и люди. Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ. Выпускъ II. С.-Петербургъ. 1858. Стр. 153—415.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы говорили о первомъ выпускѣ уроковъ географіи, читанныхъ господами Аркадіемъ Павловскимъ и В. Л. Теперь является второй выпускъ предпринятаго ими изданія, отличающійся тѣмъ же характеромъ и тѣми же достоинствами, какъ и первый. Въ этомъ выпускѣ рѣчь идетъ объ Африкѣ. Въ одномъ урокѣ изложено нѣсколько самыхъ общихъ историческихъ свѣдѣній объ Африкѣ и показаны причины ея малой извѣстности въ географическомъ отношеніи. Въ другомъ урокѣ представлена картина степей африканскихъ и сдѣланы подробныя объясненія относительно двухъ характеристическихъ принадлежностей африканской пустыни,—пальмы и верблюда. Въ третьемъ урокѣ находится весьма подробный гидрографическій очеркъ Африки—сѣверной, центральной и южной. Всѣ эти уроки изложены весьма живо и въ то же время дѣльно, что, какъ извѣстно, никогда не соединялось до сихъ поръ въ нашихъ географическихъ книжкахъ. Намъ показалось только, что одинъ изъ авторовъ часто впадаетъ уже въ риторическое краснорѣчіе, стараясь придать болѣе живости своимъ изображеніямъ. Мы сомнѣваемся, напр., чтобъ природа африканской степи отразилась очень ярко хоть въ слѣдующемъ изображеніи, какое дѣлаетъ г. В. Л.

„На небѣ зажглись звѣзды, воздухъ чистъ и прозраченъ, повсюду глубокая тишина, кой-гдѣ только мелькаетъ огонекъ,

а около него семья арабовъ готовить свой скудный ужинъ, да изрѣдка слышится фырканье верблюда; межъ тѣмъ на небѣ показалась луна и освѣтила эту чудную картину. Тогда пустыня дѣлается въ полномъ смыслѣ величественною, и трудно представить человѣка, который бы не былъ пораженъ этою картиною, который бы не пожелалъ наслаждаться ея цѣлую жизнь. Напрасное желаніе! Мракъ ночи разсѣивается, наступаетъ утро, и на безоблачномъ горизонтѣ показывается солнце въ видѣ красноватаго пятна“ и проч. (стр. 203).

Въ риторическомъ отношеніи описаніе это безукоризненно. Но тѣмъ не меньше—это лирическое пустословіе, котораго не слѣдуетъ допускать въ серьезной книгѣ.

Другого рода неловкость замѣтили мы въ урокахъ г. Аркадія Павловскаго: онъ довольно легкомысленно обращается съ исторіею. Рассказывая о дѣйствіяхъ въ Африкѣ муллы Фоди, онъ выражается слѣдующимъ образомъ: „воззванія Фоди пронеслись по землѣ Феллата съ быстротою молніи, — и какъ бы по волшебству какому, мирные до того времени пастухи вдругъ стали отважными воинами“ (стр. 279). Такія волшебныя превращенія въ исторіи могутъ еще быть умѣстны въ историческихъ романахъ Александра Дюма и компаніи, но они весьма жалки въ серьезной книгѣ, и тѣмъ болѣе въ книгѣ недурно составленной. Конечно, это не вредитъ достоинству чисто-географическихъ свѣдѣній: авторъ можетъ вовсе не понимать исторіи и все-таки сдѣлать очень обстоятельный гидрографическій очеркъ. Но въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы ужъ и пускаться въ исторію, чтобы не внушить ученикамъ нелѣпой мысли, будто историческіе перевороты могутъ совершаться „вдругъ какъ бы по волшебству какому“.

Впрочемъ, говоря вообще, уроки гг. А. Павловскаго и В. Л. все-таки лучшее, что мы имѣемъ на русскомъ языкѣ относительно географіи. Чтеніе ихъ можетъ быть весьма полезно для учениковъ старшихъ классовъ гимназій и даже для многихъ

взрослыхъ людей, учившихся географіи по Арсеньеву и Ободовскому. Мы не сомнѣваемся, что даже многіе изъ преподавателей найдутъ себѣ не мало новаго въ книжкахъ гг. А. Павловскаго и В. Л. Словомъ—книжки эти имѣютъ значеніе популярнаго курса географіи, довольно искусно составленнаго по новой методѣ и по хорошимъ источникамъ. Но признавая за ними это достоинство, мы сильно сомнѣваемся, чтобы „уроки географіи“ въ томъ видѣ, какъ они напечатаны, могли въ самомъ дѣлѣ служить учебнымъ руководствомъ на первыхъ степеняхъ обученія. Сомнѣніе это прежде насъ выразилъ г. А. И. Кронебергъ, въ *Атеней*, при первомъ выпускѣ уроковъ гг. Павловскаго и В. Л. Теперь авторы (или собственно—одинъ авторъ, г. Павловскій) напечатали при второмъ выпускѣ „отвѣтъ на рецензію г. Кронеберга“ и въ отвѣтѣ этомъ оспариваютъ положенія рецензента. Мы бы не обратили вниманія на эту полемику; но издатели „уроковъ“ сами говорятъ, что въ отвѣтѣ ихъ есть замѣчанія, которыя могутъ пригодиться и гг. преподавателямъ и рецензентамъ. Постараемся же отыскать эти замѣчанія. Прежде всего г. Павловскій (подписавшій „отвѣтъ“) говоритъ, что уроки и не предназначались для элементарнаго курса, а читаны ученицамъ, уже два года проходившимъ элементарный курсъ въ подготовительномъ классѣ. Этимъ объясненіемъ, по нашему мнѣнію, весьма мало измѣняется положеніе вопроса, поставленнаго г. Кронебергомъ. Нельзя не согласиться, что изложеніе книги „Природа и люди“, при всей живости и увлекательности, во многихъ случаяхъ превышаетъ понятія не только начинающихъ изучать географію, но и тѣхъ, которые уже прошли общее обзорѣніе странъ свѣта и познакомились съ географической терминологіей. Г. Павловскій самъ соглашается съ этимъ, но не считаетъ этого недостаткомъ, приводя въ свое оправданіе причину, которая намъ показалась нѣсколько

забавною. Онъ хочетъ увѣрить читателя, что хотя въ урокахъ его многое дѣйствительно неполно, кратко и изложено въ видѣ намековъ; но это ничего не значитъ, потому что въ концѣ каждого урока перечислены источники, въ которыхъ можно найти изложеніе полное и вполнѣ удовлетворительное. По нашему крайнему разумѣнію, подобный способъ составлять хорошія руководства былъ бы ужъ слишкомъ легокъ. Стоило бы только перечислить главнѣйшіе источники и лучшія руководства по какой угодно наукѣ—и дѣло съ концомъ: вся отвѣтственность за собственное изложеніе снималась бы съ автора! Но здравая критика не можетъ уволить автора отъ этой отвѣтственности: ей нѣтъ дѣла до того, какія книжки читалъ онъ — она смотритъ только на то, что онъ написалъ. Слѣдовательно, никакъ не можетъ она измѣнить свое мнѣніе о книгѣ, когда авторъ въ оправданіе свое говоритъ, подобно г. Павловскому: „вѣдь мы помѣстили въ концѣ каждой статьи главные источники для преподавателей, а также, разумѣется, и для рецензентовъ, а въ предисловіи сказали, что многія мѣста въ нашихъ лекціяхъ неполны, или же очень кратко изложены, и что источники дадутъ преподавателямъ возможность ихъ понять“ (стр. 394). Въ этихъ словахъ заключается приговоръ, можетъ быть, лестный для учености авторовъ, изучавшихъ источники, но вовсе не лестный для самой ихъ книги. Но еще болѣе рѣзкое осужденіе своей книги, какъ руководства для употребленія учащихъ географіи, находится въ слѣдующихъ словахъ г. Павловскаго: „Развѣ можно“, говоритъ онъ, защищая свой взглядъ, сливающей „уроки“ съ источниками, по которымъ они составлены,—„развѣ можно предположить, чтобы мы ограничились въ курсѣ географіи простой замѣткой, что причиною умѣреннаго климата Океаніи служатъ слѣдующія три обстоятельства: 1) огромная масса воды и небольшое протяженіе остро-

вовъ; 2) пассаты, бризы и теченія и 3) всегдашнее равноденствіе. Да вѣдь здѣсь каждое слово вызываетъ вопросъ,—почему, а отвѣтъ на это заключается опять-таки въ источникахъ. Даже слово „бризы“, нарочно напечатанное курсивомъ на стр. 47, намекаетъ очень ясно на эту необходимость объясненій. Что за бризы, отчего они происходятъ, и почему смягчаютъ зной климата Океаніи,—все это надо объяснить, и объяснить точно, просто и занимательно“ (стр. 394). Именно—надо объяснить; но объясненія, не только точнаго, простаго и занимательнаго, но и никакого нѣтъ въ урокахъ г. Павловскаго и В. Л.; слѣд., книга ихъ недостаточна,—заключеніе прямое и, кажется, логическое. Именно это самое заключеніе и высказывалось всѣми, выражавшими недовольство этой книгой, и потому всѣ контроверсіи г. Павловскаго надобно считать не иначе, какъ слѣдствіемъ недоразумѣнія.

Но отсутствіе въ книгѣ „Природа и Люди“ точныхъ, простыхъ и занимательныхъ объясненій многихъ предметовъ произошло не случайно. Г. Павловскій объявляетъ, что это сдѣлано имъ изъ уваженія къ званію преподавателя! Вотъ его слова: „Мы до такой степени уважаемъ преподавателя и его высокое призваніе, что никакъ не осмѣлимся и подумать, что руководство должно быть такъ составлено, чтобы каждая фраза была совершенно понятна ученику (!?) и чтобы оно не требовало отъ преподавателя большой начитанности и большихъ, большихъ трудовъ“ (стр. 400). Относительно трудовъ преподавателя не будемъ спорить; но скажите пожалуйста, какъ же можно при составленіи руководства задавать себѣ задачу, чтобы не каждая фраза могла быть понятна для учениковъ? Что это за средневѣковую каббалистику вздумалъ проповѣдывать г. А. Павловскій?.. Безъ всякаго сомнѣнія, ни одно руководство въ мірѣ не достигало еще такой ясности, чтобы каждая фраза

его была вполне понятна каждому ученику. Этого даже и невозможно достигнуть, по причинѣ разнообразія способностей и степени развитія учениковъ. Но тѣмъ не менѣе руководство должно стремиться къ наибольшей ясности; быть понятнымъ во всемъ и для всѣхъ — есть идеаль всякаго учебника. Чѣмъ ближе подходит онъ къ этому идеалу, тѣмъ лучше; чѣмъ болѣе нуждается онъ въ объясненіяхъ, чѣмъ болѣе встрѣчается въ немъ фразъ, непонятныхъ для ученика съ перваго раза, тѣмъ хуже. Эта истина кажется не требуетъ доказательствъ. А г. Павловскій рѣшается увѣрять, что руководство не должно быть такъ составлено, чтобы каждая фраза была понятна для ученика!

Мы не знаемъ, чѣмъ объяснить эту странность и рѣшаемся предположить только, что г. Павловскій смѣшалъ значеніе учебника съ значеніемъ краткаго конспекта, который обыкновенно служитъ для самого учителя, ученикамъ же дается только какъ пособіе при общемъ повтореніи уроковъ.

Кромѣ обязанности толковать непонятныя фразы учебнаго руководства, г. Павловскій возлагаетъ на преподавателя еще обязанность заниматься своею наукою по источникамъ. Это требованіе вполне основательно и справедливо — въ отвлеченномъ смыслѣ. Но предъявлять его нашимъ учителямъ географіи въ гимназіяхъ — значитъ совершенно не имѣть понятія объ ихъ положеніи. Прежде всего нужно замѣтить, что географія у насъ не считается въ ряду наукъ важныхъ и потому для нея въ гимназіяхъ полагается младшій, а не старшій учитель. Это одно уже дѣлаетъ большую разницу, такъ какъ известно, что младшій учитель получаетъ менѣе жалованья и потому на эти мѣста поступаютъ люди, не имѣющіе ученыхъ правъ, которыя бы дали имъ возможность занять мѣсто старшаго учителя. Но положимъ, что и младшій учитель могъ бы захотѣть изучать свою науку по источникамъ; смѣемъ увѣ-

рить г. Павловскаго, что подобное желаніе не могло бы быть исполнено въ большей части случаевъ. Общее состояніе просвѣщенія въ нашихъ провинціяхъ извѣстно, безъ сомнѣнія, хотя отчасти, г. Павловскому; но онъ, какъ видно, не имѣетъ никакого представленія о томъ, въ какомъ положеніи находятся гимназическія провинціальныя бібліотеки и какого труда стоитъ небогатому человѣку въ губернскомъ городѣ выписать себѣ порядочную иностранную книгу. Въ отвѣтѣ г. Кронебергу г. Павловскій щеголяетъ выписками на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, изъ Бюхеле, Гейзинга, Зоммервиля, Миллера и проч. Въ указаніи источниковъ онъ называетъ Кледена, Уильсона, д'Эскерака де-Лотюръ, Дебору Кулея, и проч. Можно поручиться, что три четверти всѣхъ преподавателей географіи въ Россіи никогда не слышали этихъ именъ, и 99 изъ ста не имѣли возможности читать сочиненій, о которыхъ упоминаютъ гг. Павловскій и Лядовъ. Многія изъ названныхъ ими сочиненій написаны на англійскомъ языкѣ; а извѣстно, что знаніе этого языка не такъ еще распространено у насъ, чтобы вмѣнять его въ обязанность младшимъ учителямъ гимназіи. Да если бы они и могли читать по-англійски, то не нашли бы въ гимназіяхъ, что читать. Въ гимназическихъ бібліотекахъ нашихъ не часто можно найти даже Тенгоборскаго и Арсеньева, очень рѣдко Риттера и Гумбольдта и никогда, конечно, тѣ спеціальныя сочиненія, которыхъ изученія требуетъ отъ преподавателей г. Павловскій, какъ необходимаго дополненія при употребленіи его книжки въ классѣ. Мы смѣло рѣшаемся утверждать, что всякій изъ провинціальныхъ преподавателей (исключая развѣ университетскіе города, да и то едва ли), просмотрѣвши перечень источниковъ въ книжкѣ гг. Павловскаго и В. Л., откажется отъ нея, если ему скажутъ, что она можетъ быть полезна не иначе, какъ подъ условіемъ знанія всѣхъ, выставленныхъ авторами, ис-

точниковъ. Отыскать всѣ эти источники можно только въ Петербургѣ, да и то для пріобрѣтенія ихъ нужны средства довольно значительныя и уже во всякомъ случаѣ превышающія состояніе младшаго учителя гимназіи.

Затрудненіе еще болѣе увеличивается тѣмъ, что въ книжкѣ гг. Павловскаго и В. Л. нѣтъ картъ и пояснительныхъ чертежей и рисунковъ. А между тѣмъ, по способу изложенія, принятому авторами, обыкновенныя карты, употребляемыя при изученіи географіи, вовсе ужъ не годятся. Мы не скажемъ, что для пониманія объясненій, находящихся въ книгѣ „Природа и люди“, необходимо основательное знаніе физики, — какъ утверждалъ г. Кронебергъ; но мы замѣтимъ, что для учениковъ необходимо при этомъ по крайней мѣрѣ физическій атласъ. А гдѣ у насъ физическіе атласы? Атласъ Берггауза по своей дорогой цѣнѣ едва ли многимъ можетъ быть доступенъ. То же надобно замѣтить и объ атласахъ Бромме и Кинерта, которые могли бы помочь пониманію многихъ мѣстъ въ урокахъ гг. Павловскаго и В. Л. Можно ли составителю хорошей учебной книги географіи отстранять отъ себя всякую обязанность предупредить подобные недостатки и сваливать ее единственно на усердіе преподавателя? Правда, что очень хорошій преподаватель можетъ помочь горю, если будетъ имѣть подъ руками всѣ нужныя пособія; но вѣдь въ такомъ случаѣ ему ужъ рѣшительно не нужна будетъ книжка гг. Павловскаго и В. Л.

Высказывая эти замѣчанія, вызванныя всего болѣе замашистымъ тономъ „отвѣта“ и слишкомъ идеальнымъ взглядомъ г. Павловскаго на обязанность преподавателя, — мы, однако же, вовсе не хотимъ этимъ унижать достоинство самой книги, составленной имъ и г. В. Л. Напротивъ, потому-то мы и распространились о взглядѣ автора, что придаемъ большое значеніе его книгѣ. Повторимъ еще разъ, что по живости и увлекательности изложенія

и по дѣльности сообщаемыхъ свѣдѣній это лучшая книга, какая до сихъ поръ являлась у насъ по части географіи.

* * *

Съ иными господами ужасно мудрено имѣть дѣло, особенно литературное. Вдругъ, ни съ того, ни съ сего, подымутся на дыбы и, забывши всякую осторожность и гуманность, во всеуслышаніе наговорятъ вамъ такихъ вещей, какія иной разъ и наединѣ-то выговорить побоишься. Такой ужъ, видно, задоръ заключаетъ въ себѣ русскій литераторъ и въ особенности публицистъ (модное словечко, не совсѣмъ удачно примѣненное къ русскимъ нравамъ)!... Коли ужъ пустится въ полемику, такъ откуда что у него возьмется... Диво, да и только. Недавно, на примѣръ, одному журналу, обыкновенно очень степенному и умѣренному, не понравилось, что кто-то не похвалилъ что-то въ Англіи. Такъ вѣдь въ какой онъ азартъ вошелъ, какъ кусалъ и рвалъ недовольныхъ Англіею,—просто не повѣрите. Какія онъ имъ прозвища давалъ! Гидрофобами (т. е. укушенными бѣшеною собакою) называлъ и даже до того забылся въ своей ярости, что взводилъ на нихъ такія преступленія, за которыя слѣдуетъ непременно въ острогъ посадить: не довольствуясь бранью, онъ вдругъ началъ ихъ всенародно обвинять—въ поджигательствѣ! Вотъ до чего дошелъ въ своей ярости! Только что „караулъ!“ не закричалъ и полицію на помощь не призвалъ... Да, бѣдовыя бываютъ иногда русскіе публицисты!...

Полеміку—не столь мрачную и азартную, въ какую пустился приведенный нами поклонникъ Англіи, но тѣмъ не менѣе весьма храбрую, заводятъ теперь и издатели книги „Природа и Люди“. Первый выпускъ этой книги встрѣченъ былъ со всѣхъ сторонъ самыми благопріятными отзывами, но нѣкоторые замѣтили, что книжка, по способу своего изло-

женія, не годится въ качествѣ учебника географіи для дѣтей, а болѣе удобна для чтенія людей, уже прошедшихъ географію по обыкновенному руководству. Замѣчаніе это сдѣлано было мимоходомъ и нами, при рецензійи перваго выпуска; но съ нѣкоторой подробностью изложено оно было въ рецензійи г. Кронеберга, въ *Атеней*. Теперь, при второмъ выпускѣ, одинъ изъ авторовъ книги, г. Аркадій Павловскій, приложилъ „Отвѣтъ г. Кронебергу“, и даже обѣщается впредь къ каждому изъ слѣдующихъ выпусковъ прилагать—и замѣчанія на его книгу, и отвѣты на нихъ. Это значитъ, что г. Аркадій Павловскій самъ доволенъ своимъ успѣхомъ на полемическомъ поприщѣ...

Да и какъ же не быть довольну: въ отвѣтъ на 8 страницъ г. Кронеберга (собственно даже на 5, заключающихъ въ себѣ замѣчанія на первый выпускъ), онъ написалъ 19 страницъ, исполненныхъ глубокой учености, еще болѣе глубокаго сознанія собственнаго достоинства и еще болѣе глубокаго (если возможно) пренебреженія къ г. Кронебергу. Почти на каждой страницѣ говорится, съ учтивою, повидимому, но тѣмъ не менѣе убійственною язвительностью: „вѣроятно, г. рецензентъ этого не знаетъ“... „вѣроятно, г. рецензентъ съ этимъ незнакомъ“... „вѣроятно, г. рецензентъ съ этимъ вовсе незнакомъ“. Эти вѣжливыя предположенія пересыпаются не менѣе вѣжливыми просьбами, въ третьемъ лицѣ: „просимъ г. рецензента прочесть то-то“, „просимъ г. рецензента заглянуть туда-то“, и прямыми обращеніями: „согласитесь, г. рецензентъ“. И надо сказать правду,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ г. рецензентъ дѣйствительно долженъ согласиться, потому что г. Аркадій Павловскій выставляетъ противъ него цѣлый арсеналъ ученыхъ цитатъ. Что же касается до главнаго замѣчанія,—что книга не годится, какъ первоначальное руководство, объ этомъ г. Аркадій Павловскій и говоритъ много не хочетъ. Онъ

ограничивается объясненіемъ, что изданные имъ уроки читаны были „для ученицъ, уже достаточно подготовленныхъ по географіи въ приготовительномъ курсѣ“. Затѣмъ онъ считаетъ себя совершенно правымъ. Но по нашему мнѣнію, объясненіе его не всѣмъ идетъ къ дѣлу. Рецензенты не думали и не имѣли права оцѣнивать личную педагогическую дѣятельность гг. В. Л. и Аркадія Павловскаго. Годятся ли ихъ уроки для ихъ ученицъ, объ этомъ не могло быть вопроса въ литературномъ разборѣ. Въ рецензіяхъ дѣло шло о томъ: годится ли книжка гг. В. Л. и Аркадія Павловскаго, какъ руководство для начинающихъ учиться географіи? Оказалось, что нѣтъ, и г. Аркадій Павловскій съ этимъ вполне соглашается, прибавляя, что онъ не для начинающихъ и писалъ. Прекрасно; если вы писали для тѣхъ, кто уже учился географіи, говорятъ ему, то для нихъ ваша книга будетъ очень интересна; жаль, только, что для приготовленія себя къ ея чтенію имъ все-таки нужно сначала поучиться по тѣмъ жалкимъ учебникамъ географіи, о которыхъ вы отзываетесь съ такимъ справедливымъ негодованіемъ... Вотъ было бы хорошо, если бы вы, съ вашимъ умѣніемъ рассказывать, составили такую книжку, при которой можно бы обойтись безъ жалкихъ руководствъ Ободовскаго, Тимаева, и т. п.

Въ отвѣтъ на такое желаніе г. Аркадій Павловскій раздражается страшною репликою, увѣряя, что книжка его хороша и какъ учебникъ, потому что въ ней указаны источники, по которымъ преподаватель можетъ дополнять и объяснять все темное и недоказанное въ книгѣ! Но въ-первыхъ, указаніе источниковъ изъ вашей книжки можно вырвать и прилѣпить къ Ободовскому: будетъ ли онъ оттого лучше? Во-вторыхъ, почему вы думаете, что преподавателю, знакомому со всѣми исчисленными у васъ источниками, понадобится, сверхъ того, и ваша книжка? Не лучше ли было

бы составлять ее, имѣя въ виду помочь тѣмъ преподавателямъ, которымъ ваши источники недоступны? Самое же главное, въ-третьихъ, на какихъ основаніяхъ полагаете вы, что всѣ русскіе преподаватели должны и могутъ дополнять вашу книгу по вашимъ источникамъ, по всѣмъ этимъ Шербонно, Дебору Кулеямъ, Виммерамъ, Гумпрехтамъ, Тайлорамъ, Кроеерамъ, Шенамъ, Брэмамъ, Эскеракамъ де-Лотюръ, и проч., которыхъ большая часть преподавателей географіи у насъ не только не читала, но даже и не видывала. Да и гдѣ же видѣть ихъ? Не прикажете ли всѣхъ ихъ выписывать гдѣ-нибудь въ Пензѣ или въ Устьсысольскѣ? Хорошо бы было, если бы вы отыскали для этого какія-нибудь средства... Но вѣдь мы знаемъ, что вы этого не можете, а только и ограничитесь „желаніемъ сочувствія гг. преподавателей, состоящаго въ томъ, что они не пренебрегутъ источниками, обратятъ на нихъ серьезное вниманіе, займутся ими такъ же, какъ и мы, (т. е. не мы, а гг. В. Л. и Аркадій Павловскій), и этимъ помогутъ и намъ, и нашей книгѣ, и самой наукѣ“ (стр. 400). Все это очень мило, и нѣтъ сомнѣнія, что многіе преподаватели пожелаютъ послѣдовать призыву г. Аркадія Павловскаго — „не пренебечь“ и прочее. Мы даже знали, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ заштатномъ городѣ Починкахъ, одного преподавателя географіи, который сильно желалъ „не пренебечь“ и прочее. Къ сожалѣнію, бѣднякъ нигдѣ не могъ достать даже изданій нашего географическаго общества, не говоря даже о Дебору Кулеѣ и Эскеракѣ де-Лотюръ. Что съ этимъ прикажете дѣлать?

Требованія г. Аркадія Павловскаго напомнили намъ англomана, о которомъ говорили мы выше. Конечно, Англія—прекрасно устроенная страна: и парламентскія пренія, и судъ присяжныхъ, и мирные митинги изъ ста тысячъ человѣкъ, все это превосходно, — кто же станетъ объ этомъ спорить? И

жаль, разумѣется, что мы не только парламентскихъ преній, но даже приличной открытой полемики вести не можемъ; да что же дѣлать? Въ этихъ обстоятельствахъ восхищеніе Англіею столь же мало поможетъ, какъ исчисленіе источниковъ у г. Аркадія Павловскаго. Для чтенія людей, „прошедшихъ уже черезъ сухую степь какого-нибудь учебника“ (по выраженію г. Кронеберга), книжка его прелестна, какъ Англія. Но гораздо больше было бы пользы, если бы онъ составилъ книжку, по которой можно было бы учиться географіи, не прибѣгая ни къ Эскераку де-Лотюру, ни къ нашимъ жалкимъ учебникамъ. А то мы толкуемъ о Баярдѣ Тайлорѣ, объ Эскеракѣ де-Лотюрѣ, а сами все сидимъ на Ободовскомъ...

Краткій указатель горыгорѣцкихъ земледѣльческихъ учебныхъ заведеній. С.-Петербургъ. 1858 г., въ 8-ю д. л. 57 стр.

Заглавіе этой книжки довольно ясно опредѣляетъ ея содержаніе. Это не есть отчетъ о дѣятельности горыгорѣцкаго института и подвѣдомственныхъ ему заведеній, а именно указатель того, что въ нихъ есть. Сначала описывается помѣщеніе въ мѣстечкѣ Горкахъ института, земледѣльческаго училища и учебной фермы; затѣмъ предлагается нѣсколько историческихъ свѣдѣній о нихъ, потомъ — правила для поступленія въ институтъ и училище, предметы преподаванія, существующіе въ нихъ, и предметы занятій на учебной фермѣ. Къ этому прибавлено нѣсколько приложеній, въ которыхъ перечисляются разные предметы, принадлежащіе къ занятіямъ воспитанниковъ, какъ въ училищѣ, такъ и на фермѣ, именно: модели земледѣльческихъ орудій, коллекція предметовъ по луговодству, садоводству, скотоводству, пчеловодству и проч., а также предметовъ сельской технологіи и промышленности, архитектуры и механики; затѣмъ — списокъ сортовъ фруктовыхъ деревьевъ въ саду института, описаніе дендрологиче-

скаго питомника, учебнаго пчельника и овчарни, учебной фермы. Все это имѣетъ интересъ болѣе спеціальнй для тѣхъ, кто нуждается въ свѣдѣніяхъ относительно того, какими внѣшними средствами располагаетъ институтъ и земледѣльческое училище въ Горкахъ. Духа преподаванія и успѣховъ практическихъ занятій нельзя узнать изъ этой книжки; но кто же станетъ этого требовать отъ указателя? Приведемъ здѣсь нѣсколько историческихъ свѣдѣній, помѣщенныхъ на первыхъ страницахъ книжки.

Мысль объ учрежденіи земледѣльческихъ училищъ родилась въ 1831 г. Въ 1836 г. данъ былъ указъ объ учрежденіи школы въ Горкахъ, и въ 1840 г. послѣдовало дѣйствительное ея открытіе. Въ школѣ этой было два разряда, низшій и высшій. Въ 1842 г. этотъ высшій разрядъ значительно распространень, а въ 1848 г. переименованъ въ земледѣльческой институтъ, съ правами университетовъ, для приготовленія ученыхъ агрономовъ. Въ то же время низшій разрядъ наименованъ земледѣльческимъ училищемъ, которое имѣетъ цѣлью образованіе сельскихъ управителей, приказчиковъ и бухгалтеровъ. Въ училище принимаются люди всѣхъ свободныхъ состояній, а также помѣщичьи крестьяне, съ согласія помѣщиковъ, и евреи. По окончаніи курса они освобождаются отъ платежа податей и рекрутской повинности. Кончившіе курсъ въ институтѣ получаютъ чинъ 10-го или 12-го класса. Лучшіе изъ нихъ могутъ быть посылаемы въ чужіе края для усовершенствованія въ наукѣ сельскаго хозяйства.

О необходимости построить науку о слогѣ на грамматическихъ основаніяхъ. Сочиненіе Виктора Баева. С.-Петербургъ. 1857 г., 6 стр.

Г. Викторъ Баевъ вообразилъ, что есть какая то наука о слогѣ, а потомъ убѣдился, что вновь изобрѣтенная имъ наука не что иное, какъ та часть

грамматики, которую называютъ обыкновенно синтаксисомъ. Въ брошюркѣ своей онъ старается сообщить свое убѣжденіе читателямъ. Читатели могутъ отвѣтить, что они никогда не сомнѣвались въ томъ, что словосочиненіе есть часть грамматики. Но они убѣждены конечно и въ томъ, что умѣнье правильно согласовать слова и употреблять такъ-наз. грамматическія фигуры—еще не составляетъ слога, и равно, что языкъ и слогъ суть вещи, совершенно различныя.

Русская грамматика для полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школъ. Изданіе редакціи журнала *Чтеніе для солдатъ*. С.-Петербургъ. 1858 г., 71 стр.

Упрощенная ариѳметика для полковыхъ унтеръ-офицерскихъ школъ. Изданіе редакціи журнала *Чтеніе для солдатъ*. С.-Петербургъ. 1858 г., 51 стр.

Оба эти руководства составлены весьма удачно, примѣнительно къ своей цѣли. Въ грамматикѣ излагаются только самыя общія правила необходимыя, для того, чтобы человѣкъ могъ пріучиться писать съ толкомъ и правильно. Правила эти постоянно выводятся изъ примѣровъ. Насъ порадовало особенно то, что въ этой грамматикѣ нѣтъ ни школьныхъ опредѣленій грамматики, частей рѣчи, склоненій, спряженій и проч., ни длинныхъ таблицъ падежей со всевозможными исключеніями, ни запутанныхъ толковъ о видахъ и залогахъ и т. п. Все очень строго подчинено практической цѣли, и оттого вѣроятно руководство это принесетъ свою пользу.

То же самое нужно сказать и объ ариѳметикѣ. И въ ней нѣтъ помину о томъ, что такое ариѳметика, число, единица и проч., а просто начинается дѣло съ объясненія нашей десятичной системы, и затѣмъ излагаются очень толково первыя четыре ариѳметическія дѣйствія.

Примѣры и способъ изложенія примѣняются большею частью къ солдатскому быту и къ ихъ понятіямъ. Намъ кажется только, что напрасно составитель руководства прибѣгаетъ иногда къ прибауткамъ и выходкамъ слишкомъ дѣтскимъ. Мы не совсемъ одобряемъ прибаутки, вмѣсто простоты изложенія, и въ дѣтскихъ книгахъ; тѣмъ менѣе нужны онѣ въ книгѣ, назначенной для взрослыхъ. Правда, эти взрослые — простолюдины, находящіеся на довольно низкой ступени развитія, но все-таки ихъ понятія о вещахъ уже болѣе солидны, нежели у маленькихъ дѣтей.

Первое чтеніе и первые уроки для маленькихъ дѣтей. Съ картинками. Соч. А. Ишимовой.—Часть I. Спб., 1856 г. Часть II, стр. 467. 1858 г.

Книга эта, написанная съ чисто-педагогическою цѣлью, составляетъ продолженіе труда, изданнаго еще въ 1856 году подъ тѣмъ же заглавіемъ. Обѣ книги въ двухъ частяхъ заключаютъ въ себѣ все, что полезно знать ребенку, начиная съ 5-ти до 9-ти лѣтняго возраста, а потому представляютъ весьма хорошее руководство для матерей и наставницъ при занятіяхъ ихъ съ дѣтьми.

Первая часть начинается статьею: Первоначальное чтеніе. Затѣмъ слѣдуютъ уроки въ чистописаніи, начинающіеся съ весьма важнаго указанія правилъ, какъ держать въ рукѣ перо, отъ чего, какъ извѣстно, много зависятъ бѣглость и красота почерка. При письмѣ ребенокъ приучается прежде писать основныя черты по линейкамъ, разграфленнымъ на квадратики, а потомъ уже переходитъ къ письму буквъ, состоящихъ изъ этихъ основныхъ чертъ. Послѣ достаточнаго упражненія въ письмѣ буквъ, приступаютъ къ письму цѣлыхъ словъ и рѣчей. Образцы основныхъ чертъ, буквъ и цѣлыхъ прописей, приложенные къ руководству въ чистописаніи, заслу-

живають полного одобренія по своему изящному выполненію, а самое руководство отличается живымъ и яснымъ изложеніемъ, совершенно доступнымъ для дѣтей.

Въ слѣдующемъ отдѣлѣ: Счетъ, ребенокъ приучается къ нумераціи, которая въ первый разъ ограничивается сотней; нагляднымъ пособіемъ при этомъ служатъ орѣхи.

Далѣе слѣдуютъ опять рассказы для упражненія въ чтеніи и укрѣпленія въ дѣтяхъ моральнаго чувства, и въ заключеніе всего излагается въ формѣ разговора священная исторія, принаровленная къ дѣтскимъ понятіямъ. Исторія эта написана съ большимъ искусствомъ и, несмотря на сжатость объема, заключаетъ въ себѣ всѣ главныя событія, начиная отъ сотворенія міра до начала христіанской церкви.

Такимъ образомъ при пособіи первой части труда г-жи Ишимовой ребенокъ научается читать, писать, получаетъ понятіе о счетѣ, узнаетъ изъ священной исторіи главныя основанія религіи и наконецъ незамѣтнымъ образомъ, посредствомъ чтенія, укрѣпляетъ въ себѣ чувства справедливости, состраданія и любви къ ближнему.

Задача второй части та же; но здѣсь сочинительница идетъ далѣе. Кромѣ рассказовъ, болѣе или менѣе замѣчательныхъ по содержанію и направленію своему, въ этой книгѣ сообщаются понятія о грамматикѣ, объ ариѳметикѣ до дѣленія цѣлыхъ чиселъ включительно, нѣкоторыя свѣдѣнія изъ зоологіи и наконецъ излагается славянская азбука съ объясненіемъ знаковъ сокращенія и съ примѣрами для упражненія въ чтеніи. Грамматическія объясненія—просты и ясны: но нельзя не пожалѣть, что они ограничиваются только различеніемъ именъ существительныхъ, прилагательныхъ и мѣстоименій. Было-бы полезнѣе и разумнѣе сдѣлать объясненіе цѣлаго предложенія и вывести потомъ отсюда различіе частей рѣчи. Притомъ же мы думаемъ, что

дѣтей того возраста, для котораго назначается эта книга, едва-ли не преждевременно обучать грамматикѣ. Разказы изъ естественной исторіи весьма живы и занимательны; интересъ ихъ еще усиливается хорошими рисунками, дающими дѣтямъ наглядное понятіе о животныхъ.

Между разказами, помѣщенными во второй части, есть цѣлая повѣсть: Мери и Флора, переведенная г-жею Ишимовой съ англійскаго языка. Лучшею похвалою для этой повѣсти можетъ служить то, что она на англійскомъ языкѣ имѣла до десяти изданій. Дѣйствительно, по вѣрному изображенію дѣтскаго міра, чуждому всякой афектаціи и желанія поддѣлаться къ дѣтямъ, повѣсть эта представляетъ замѣчательное явленіе въ дѣтской литературѣ; не говоримъ уже о томъ, сколько свѣжихъ знаній вноситъ она въ воспріимчивую душу ребенка, сколько благородныхъ чувствъ возбуждаетъ и развиваетъ въ ней, и все это дѣлается безъ всякихъ возгласовъ и нравственныхъ сентенцій, одною силою таланта, смотрѣвшаго на дѣтей, не какъ на куколь, а какъ на существа чувствующія и мыслящія.

Маменькины уроки, или Всеобщая Исторія въ разговорахъ для дѣтей. Соч. А. Ишимовой. Выпускъ I. Спб. 1858, стр. 147.

Выпускъ первый заключаетъ въ себѣ исторію древнихъ азіатскихъ и африканскихъ народовъ до исторіи Греціи. Съ особенною подробностью изложена исторія Египта, которой посвящено 44 страницы изъ общаго числа страницъ 147. Въ концѣ книги приложены: хронологическая таблица по методу Язвинскаго и карта древняго міра, а самый текстъ снабженъ хорошо выполненными рисунками, какъ напр., Изиды и Озириса, статуи Сфинкса, пирамидъ, находящихся въ окрестностяхъ Каира, и многими другими. Факты историческіе изложены

вѣрно и до такой степени занимательно, что мы, читая эту книгу, невольно вспомнили слова А. С. Пушкина о первомъ историческомъ трудѣ г-жи Ишимовой, „Русской исторіи для дѣтей“. „Сегодня, писалъ Пушкинъ къ г-жѣ Ишимовой, я нечаянно открылъ вашу исторію въ разсказахъ и поневолѣ зачитался. Вотъ какъ надобно писать.“

Путешествіе съ дѣтьми по всѣмъ странамъ свѣта, не выходя изъ комнаты. Въ 2-хъ частяхъ. Москва. 1858. Въ 18-ю д. л., 306 стр.

Восемь дней ваканціи, или время идетъ скоро. Повѣсть въ 8-ми отдѣленіяхъ. Съ 10-ю картинами. Переводъ съ французскаго. Москва. 1858. Въ 18-ю д. л., 177 стр.

Разсказы дѣтямъ. Переводъ съ французскаго В. П. Москва. 1858. Въ 16-ю д. л., 131 стр.

Избранныя волшебныя сказки. Съ 4-мя картинами. Москва. 1858. Въ 18-ю д. л., 108 стр.

Первая изъ названныхъ нами дѣтскихъ книгъ есть не иное что, какъ самая жалкая спекуляція: это — сухая, безтолковая выборка именъ и чиселъ изъ какого-нибудь стараго географическаго учебника, которая въ состояніи оттолкнуть всякаго ребенка. Составитель этой выборки хотѣлъ кажется придать ей нѣкоторую живость кое-какими анекдотами, которыми онъ украсилъ описаніе нѣкоторыхъ странъ; но и анекдоты эти выбраны весьма неудачно и не могутъ никого интересовать. Такъ напр., главу о Россіи оканчиваетъ онъ, Богъ знаетъ почему, разсказомъ о ледяномъ домѣ, выстроенномъ при Аннѣ Іоанновнѣ; разсказъ этотъ помѣщенъ вслѣдъ за пошлымъ разсужденіемъ о зимней ѣздѣ въ Россіи, изъ котораго дѣти узнаютъ, что зимой у насъ бываетъ снѣгъ и что по этому случаю ѣздить не на колесахъ, а на саняхъ, которыя запрягаютъ въ одну или нѣсколько лошадей. Къ довершенію назидательности книги, она на-

писана почти безграмотнымъ языкомъ и напечатана чрезвычайно небрежно въ орфографическомъ отношеніи. Въ образецъ занимательности этого „Путешествія“ приводимъ главу объ Океаніи.

„Океанія, пятая часть свѣта, называется также Морскимъ свѣтомъ, потому что занимаетъ обширное пространство на Великомъ Океанѣ и состоитъ изъ одного материка и безчисленнаго множества архипелаговъ, открытыхъ очень въ недавнее время. Ее раздѣляютъ: на Нотазію, Австралію и Полинезію“.

Вотъ все, что нашель сказать авторъ „Путешествія“ объ одной изъ любопытнѣйшихъ странъ свѣта.

Безспорно, такое „Путешествіе“ можно написать, не выходя изъ своей комнаты и даже не справляясь ни съ какими книгами: но зато и дѣти не вынесутъ изъ него ни пользы, ни удовольствія.

Гораздо складнѣе составлена вторая изъ названныхъ нами дѣтскихъ книжекъ. Она не имѣетъ претензій на важность содержанія и можетъ быть прочтена дѣтьми съ гораздо бѣльшимъ удовольствіемъ, нежели предъидущая книга, такъ много обѣщающая въ заглавіи и такъ мало дающая на самомъ дѣлѣ. „Восемь дней ваканціи“ наполнены рассказами о разныхъ забавахъ, которыя придумываетъ для себя одну за другою маленькая дѣвочка, желая какъ можно веселѣе провести свою ваканцію. Рассказъ этотъ ведется въ видѣ разговоровъ этой дѣвочки съ другими дѣтьми и матерью и незамѣтно раскрываетъ прекрасную нравственную мысль. Жаль только, что дѣйствующія въ немъ лица ведутъ свой разговоръ по большей части тяжелымъ, книжнымъ языкомъ и довольно часто грѣшатъ галлицизмами. Не будь въ книгѣ этого недостатка — весьма не безвреднаго для маленькихъ читателей — мы смѣло рекомендовали бы ее, какъ

одинъ изъ хорошихъ подарковъ дѣтямъ. Конечно она не принадлежитъ къ числу такихъ произведеній, которыя перечитываются дѣтьми по нѣскольку разъ: но какъ подарокъ она можетъ пріятно занять ребенка на нѣсколько часовъ.

Перечитывая большую часть вновь выходящихъ у насъ книгъ для дѣтскаго чтенія, мы имѣли случай замѣтить, что составители подобныхъ книгъ ограничиваются заботой о нравственной назидательности дѣтскаго чтенія и рѣшительно забываютъ о другихъ сторонахъ человѣческаго организма, которыя и въ дѣтскомъ возрастѣ также требуютъ пищи и развитія. Фантазія и умъ дѣтей какъ бы совершенно не существуютъ для тѣхъ господъ, которые берутъ на себя трудъ изготавлять для дѣтей духовную пищу. Большая часть дѣтскихъ книгъ ничего не говоритъ дѣтскому воображенію, не сообщаетъ никакихъ познаній дѣтскому уму. Дѣтскій писатель обыкновенно старается провести въ своемъ сочиненіи какое-нибудь нравственное правило и думаетъ, что тѣмъ и ограничиваются всѣ его обязанности передъ молодымъ поколѣніемъ.

Такая пища и не вкусна и не питательна. Она вовсе не дѣйствуетъ на дѣтей; если же и подѣйствуетъ, то скорѣе можетъ сдѣлать ихъ духовными калѣками, нежели содѣйствовать правильному ихъ развитію.

Истинно полезны могутъ быть для дѣтей только такія сочиненія, которыя одновременно охватываютъ все существо человѣка. Дѣтская книга должна увлекать прежде всего воображеніе ребенка, какъ способность, сильнѣе всѣхъ другихъ дѣйствующую въ дѣтскомъ возрастѣ и потому болѣе другихъ нуждающуюся въ пищѣ и надлежащемъ направленіи; въ то же время она должна давать занятіе его мыслительной способности, будить его любознательность, знакомить его, сколько возможно, съ дѣйствительнымъ міромъ, его окружающимъ, и

наконецъ — укрѣплять въ ребенкѣ простое нравственное чувство, присущее человѣческой природѣ, не искажая его правилами искусственной морали.

Конечно исполнить всѣ эти условія чрезвычайно трудно; чтобы написать дѣтскую книгу, которая бы удовлетворяла имъ, нужно имѣть особенное дарованіе: но зачѣмъ же и браться за дѣло, если у насъ нѣтъ потребныхъ для него дарованій? Гораздо лучше перевести хорошую чужую книгу, чѣмъ писать плохое оригинальное сочиненіе.

Къ сожалѣнію, у насъ и для переводовъ выбираются дѣтскія книги чрезвычайно неудачно. При этомъ выборѣ руководствуются тою же ложною односторонностью, какая лежитъ и на всѣхъ доморощенныхъ произведеніяхъ нашей дѣтской литературы, за весьма немногими исключеніями.

Мы до такой степени привыкли къ безграмотнымъ, безтолковымъ, скучнымъ и бесполезнымъ книжонкамъ, наполняющимъ эту жалкую отрасль нашей отечественной словесности, что становимся наконецъ поневолѣ снисходительными и радуемся всякой мало-мальски грамотной и полезной дѣтской книжкѣ, какъ находкѣ. Къ числу такихъ книжекъ, которыя можно безъ опасенія дать въ руки дѣтямъ, принадлежатъ „Разказы дѣтямъ“, переводъ съ французскаго В. П.

„Избранныя волшебныя сказки“ ближе всего подходятъ къ тѣмъ требованіямъ, какія мы высказали выше. По нашему крайнему разумѣнію, такія сказки, какъ „Бѣдный крестьянинъ“, „Бѣдный странникъ и богатый содержатель постоялаго двора“, „Принцъ Альманзоръ“ — въ тысячу разъ полезнѣе для дѣтей, нежели всевозможныя нравственныя повѣсти.

О физическомъ воспитаніи дѣтей въ періодъ ихъ первоначальнаго развитія, или наставленіе матерямъ ходить за ними въ это время и вообще о наблюденіи за ними во все продолженіе ихъ младенческаго періода и послѣ отнятія ихъ отъ груди. Николая Массе, доктора медицины Парижскаго факультета, кавалера ордена 1-го класса св. Гроба Господня, и практикующаго врача въ Москвѣ. Москва. 1858.

Всякій разъ, когда мы видимъ книгу съ такимъ заглавіемъ, намъ невольно приходитъ на мысль вопросъ: зачѣмъ, къ чему оно? Книга съ содержаніемъ богатымъ, по нашему мнѣнію, не имѣетъ нужды въ такой длинной афишѣ. Впрочемъ, несмотря на наше предубѣжденіе противъ длинныхъ заглавій, мы порадовались появленію въ свѣтъ такого рода руководства. Причина нашей радости понятна: у насъ такъ мало медицинскихъ руководствъ дѣтскаго возраста. Но нашу радость смѣнило совсѣмъ иное чувство, когда мы принялись за чтеніе книги г-на Массе. Несмотря на то, что это руководство есть наставленіе матерямъ, во время чтенія его насъ занималъ вопросъ: для кого же оно написано? не для молодыхъ ли, еще неопытныхъ, медиковъ? Заключение книги окончательно рѣшило дѣло въ пользу матерей. Въ самомъ дѣлѣ, мы сдѣлали предположеніе — признаемся — смѣлое, думая, что руководство назначается для молодыхъ медиковъ. Оно не годится для нихъ; они не будутъ его читать, въ немъ не найдутъ они ни строгихъ научныхъ свѣдѣній, ни полезныхъ практическихъ наставленій, въ немъ не найдутъ они даже хорошей компиляціи. Съ этимъ согласится всякій, кто дастъ себѣ трудъ прочесть книгу г-на Массе и обратитъ вниманіе на рубрики: составъ молока въ его нормальномъ состояніи, сложеніе и общее состояніе здоровья кормилицъ и т. д. Но сознаемся, мы ошиблись: книга не для медиковъ, она назначается профанамъ — матерямъ; ихъ научить и наставить должна

она. Разсмотримъ, насколько руководство удовлетворяетъ этому требованію, этой прекрасной цѣли, положенной самимъ авторомъ въ основаніе его труда. Намъ кажется, что оно не удовлетворяетъ этому требованію, этой цѣли; вотъ почему мы и сдѣлали предположеніе довольно смѣлое о назначеніи разбираемой нами книги.

Разберемъ же подробнѣе, въ чемъ состоятъ недостатки руководства, назначаемого матерямъ. Въ введеніи г. Массе говоритъ: Большая часть изъ нихъ (матерей) очевидно не слѣдуютъ при этомъ (воспитаніи) никакимъ правиламъ и дѣйствуютъ на удачу, по влеченію болѣе или менѣе развитаго въ нихъ инстинкта. Прочитавши это, мать конечно ужасается мысли, что она обращалась съ нѣжно-любимымъ ребенкомъ только по внушенію одного инстинкта, благодарить г-на Массе за то, что онъ взялъ на себя трудъ издать это руководство, основанное на современныхъ началахъ медицины и гигиены; она ужасается своей небрежности, за которою слѣдуютъ безпорядки и анархія въ семейномъ быту молодыхъ супруговъ. Въ главѣ 1-й, посвященной условіямъ, которыя должна соблюдать беременная женщина для предохраненія будущаго ребенка (отъ чего?), мать узнаетъ, кромѣ разныхъ предостереженій, что въ этомъ состояніи ей нуженъ весьма образованный человѣкъ, который-бы предостерегъ ее отъ опасности, которая можетъ произойти отъ сжатія груди и живота слишкомъ тѣсною шнуровкою; тутъ еще нуженъ и медикъ для предписыванія ей моціона по мѣрѣ надобности. Такъ многое еще нужно кромѣ этого руководства, думаетъ мать, и начинаетъ нѣсколько разочаровываться въ немъ. На стр. 20-й она находитъ правила, какъ поступать съ ребенкомъ при головномъ ударѣ и, между прочимъ, что полезно въ это время вдвухъ въ легкія

ребенка. Позвольте васъ спросить за мать, г. Массе: кто будетъ дѣлать вдуваніе воздуха? Надѣмся, не мать? Зачѣмъ-же вы даете ей совѣты, какъ должно дѣлать эту операцію? А для акушера этихъ совѣтовъ недостаточно, ему нужно болѣе подробное описаніе производства операціи. Что же касается матери, то вѣдь она поступаетъ по инстинкту и, конечно, не рѣшится на операцію. Но вотъ наступаетъ важная эпоха: у матери родится ребенокъ. Она нѣжная мать, она хочетъ кормить его сама, но (чего не можетъ быть?) останавливается въ нерѣшимости, ее преслѣдуетъ мысль: я произведу неприятное впечатлѣніе на мужа своимъ видомъ, онъ меня разлюбитъ. Положеніе, какъ видите, трудное: выборъ между ребенкомъ и мужемъ. Г. Массе помогаетъ бѣдной женщинѣ, совѣтуетъ ей кормить, не обращать вниманія на мужа, а чтобы быть привлекательной попрежнему, то сдать на руки кормилицы всѣ матеріальныя попеченія о ребенкѣ, которыя болѣе всего и вредятъ привлекательности. Но вотъ другой вопросъ задаетъ себѣ женщина: способна-ли она сама кормить ребенка?

Точно такой же вопросъ задаетъ себѣ самъ авторъ и рѣшаетъ его очень просто: женщина не можетъ кормить, когда сложеніе женщины измѣнено какою-нибудь болѣзнію, которую можно опредѣлить (стр. 39). Болѣзни такого рода суть: чахотка, ракъ, подагра и т. д. Опять мы обращаемся къ вамъ съ вопросомъ, г. докторъ: чѣмъ мать опредѣлить въ себѣ эти болѣзненные состоянія? Не инстинктомъ-ли? Вѣдь вы не описываете признаковъ, по которымъ узнаются эти болѣзни? Бѣдная женщина, прочитавши это, пошлетъ скорѣй всего за докторомъ. Такъ зачѣмъ же руководство-то?

Мать почему-нибудь не можетъ кормить сама, нужно выбрать кормилицу. Г. Массе говоритъ довольно подробно о выборѣ кормилицы; онъ совѣту-

еть не брать кормилицы красивой наружности, а только пріятной, но не объясняетъ, почему такъ, а не иначе нужно выбирать. Послѣ анализа молока г. Массе снова возвращается къ наружному виду кормилицы. Женщина худощавая, високаго роста, которой грудь недостаточно развита, которой бѣлизна кожи совпадаетъ съ темнымъ цвѣтомъ волосъ, у которой широкія челюсти и проч. не годится въ кормилицы: всѣ эти признаки доказываютъ на лимфатическій темпераментъ (стр. 78). Мы думаемъ, что подъ такое описаніе можетъ легко подойти женщина и съ сангвиническимъ темпераментомъ. Заканчиваетъ эту рубрику г. Массе слѣдующими словами: кормилица, при всемъ прямодушіи и честности, сама можетъ не знать о состояніи своего здоровья. Какъ же г. Массе совѣтуетъ матерямъ самимъ узнать, имѣютъ-ли они расположеніе къ чахоткѣ, раку и т. д.?

Въ главѣ II-й г. Массе совершенно возстаетъ противъ искусственнаго кормленія дѣтей, даже не описываетъ, какъ оно производится. А вѣдь бываютъ случаи, когда оно необходимо? Что тогда дѣлать матери? Вы не подаете совѣта.

Но довольно о кормилицахъ. Перейдемъ къ дѣтямъ собственно. Пищу дѣтямъ г. Массе предлагаетъ прекрасную. Изобильная, питательная пища, по его мнѣнію, есть лучшее средство пріучить дѣтей впоследствии къ перенесенію всякихъ лишеній. Мы не совсѣмъ согласны съ мнѣніемъ г-на Массе, по крайней мѣрѣ относительно выбора пищи; онъ много предлагаетъ дѣтямъ веществъ сладкихъ, которыя, по нашему мнѣнію, могутъ разстроить пищевареніе. Г. Массе порицаетъ обыкновеніе пичкать дѣтей разными разностями, но позволяетъ употреблять ихъ послѣ кушанья. Мы не знаемъ, что именно нужно подразумѣвать подъ словомъ: разныя разности; но кажется ихъ можно-бы и совсѣмъ запре-

тять. Подъ рубрикою: Наставленія кормилицамъ относительно ихъ самихъ и ихъ питомцевъ во время прогулокъ, предписывается кормилицамъ не кормить чужихъ дѣтей и не позволять чужимъ кормилицамъ кормить своего питомца. Вотъ все, что должны дѣлать кормилицы во время прогулки; остальная и большая часть этой рубрики трактуеть о физическомъ укрѣпленіи здоровья дѣтей.

Г. Массе касается и моральнаго воспитанія дѣтей. Нравственное воспитаніе дѣтей, по его мнѣнію, должно исключительно основываться на подчиненіи ихъ власти родителей. Въ этой же главѣ онъ приводитъ въ примѣръ одну почтенную даму, которая прекрасно воспитала своихъ дѣтей, употребляя только двѣ фразы: это такъ быть должно, или—этого быть не можетъ. Вскорѣ впрочемъ самъ г. Массе опровергаетъ себя; онъ совѣтуетъ разубѣждать дѣтей въ ихъ фальшивыхъ представленіяхъ о предметахъ, которые въ нихъ возбуждаютъ страхъ. Но вѣдь это очень трудно выполнить, потому-что дѣти, какъ вы сами говорите, не имѣютъ разсудка, и на нихъ можно дѣйствовать единственно властью. Какъ же ихъ разубѣждать? Доказательствами? Но ихъ не поймутъ дѣти?

Намъ кажется, что мы достаточно указали на недостатки книги г-на Массе; итакъ, недостатки руководства состоятъ въ слѣдующемъ: 1) въ немъ нѣтъ строгихъ научныхъ свѣдѣній; 2) матери не могутъ имъ воспользоваться, потому что изложеніе предмета не приспособлено къ ихъ понятіямъ, не систематично, и 3) языкъ тяжелый, неправильный. Все изданіе весьма небрежно.

Совершенство челоуѣкъ, или наставленія къ воспита-
нію дѣтей и къ искорененію зараждающихся въ нихъ
дурныхъ наклонностей и пороковъ, а также легчай-
шія средства противъ волокитства, картежничества,
пьянства и мотовства. Сочиненіе Константина Костан-
жогло. Москва. 1858 г., въ 18-ю д. л., 65 стр.

Литература дѣлается рѣшительно ремесломъ въ
наше время, и ремесломъ должно быть очень вы-
годнымъ, когда самъ знаменитый Костанжогло —
этотъ практикъ, такъ высоко превознесенный Го-
големъ во 2-й части его „Мертвыхъ Душъ“, этотъ
удивительный хозяинъ который въ короткое время
умѣлъ довести доходъ съ небольшого имѣнія до
двухъ сотъ тысячъ въ годъ,—этотъ богачъ, который
клатъ деньги въ карманъ такъ же небрежно, какъ-
будто бы онѣ были простой носовой платокъ, —
этотъ кулакъ, который умѣлъ изъ негодной рыбьей
шелухи сдѣлать себѣ сорокъ тысячъ и такимъ обра-
зомъ возбудилъ сильную зависть и благоговѣніе въ
Чичиковѣ, — и этотъ челоуѣкъ пустился въ литера-
туру!? Чичикову чрезвычайно хотѣлось узнать отъ
Костанжогло прибыльную тайну: какъ это дѣлать,
чтобы всякая дрянъ давала доходъ? Точно
такъ же намъ чрезвычайно любопытно было послу-
шать, какъ Костанжогло станетъ разсуждать о вос-
питаніи дѣтей,—и мы съ особеннымъ нетерпѣніемъ
принялись за его „Наставленія“. Мы ожидали найти
въ нихъ нѣсколько здравыхъ, практическихъ пра-
вилъ, которыми такъ бѣдны наши нравоучительныя
сочиненія, большею частью наполняемые неоспори-
мыми, но столько-же и бесполезными истинами —
въ родѣ того, что добродѣтель полезна, а пороки
вредны — или выпренными разглагольствованіями.
Мы надѣялись, что въ книгѣ г. Костанжогло мы най-
демъ вещи, болѣе примѣнимыя къ дѣлу и болѣе
нужныя для дѣла.

Ожиданія наши не сбылись. Книга, подписанная
громкимъ именемъ Костанжогло, оказалась не болѣе

какъ собраніемъ самыхъ банальныхъ разсужденій о разныхъ добродѣтеляхъ и порокахъ. Она начинается разсказомъ о томъ, какъ проводятъ время богатые купеческіе сынки, щеголяющіе въ лаковыхъ сапогахъ и французскихъ перчаткахъ и проматывающіе состояніе своихъ отцовъ — русаковъ, которые сколачивали капиталы и строили себѣ не дома, а дворцы, и все-таки не оставляли простой жизни; а простая жизнь, по мнѣнію г. Костанжогло, состоитъ въ томъ, чтобы „гонять чай и пить водку-сивалдай“. И въ этомъ-то сколачиваніи капиталовъ полагаетъ г. Костанжогло главную цѣль человѣческой жизни, — тысяча первая вариация на давно избитую тему, которую пора бы уже сдать и въ архивъ. Не въ томъ состоитъ дѣло, чтобы сколотить копейку, а въ томъ, чтобы употребить ее надлежащимъ образомъ. Нельзя одобрить тѣхъ господъ, которые безпутно проматываютъ состояніе, „сколоченное“ ихъ отцами, но право ничего хорошаго нѣтъ и въ этихъ отцахъ, которые, только о томъ и думая какъ-бы сколотить деньгу, не отказываются для этого ни отъ какихъ плутней, а сколотивши деньгу, оставляютъ ее безъ всякаго употребленія въ своихъ сундукахъ и продолжаютъ вести ту скряжническую жизнь, которую г. Костанжогло величаетъ незаслуженнымъ именемъ „простой“ жизни.

Такой же узкій взглядъ проповѣдуетъ г. Костанжогло и на общественныя учебныя заведенія. Главная польза этихъ заведеній заключается, по его мнѣнію, въ томъ, что въ нихъ мальчикъ находитъ маленькихъ плутовъ и аферистовъ, происки и лесть, и что все это можетъ въ немъ развивать практичность! — Хороша рекомендація учебнымъ заведеніямъ и „практичность“, которую хочетъ г. Костанжогло развивать въ дѣтяхъ.

Показавъ пользу учебныхъ заведеній г. Костанжогло предлагаетъ совѣты родителямъ. Эти совѣты до такой степени курьезны, что мы не можемъ от-

казать нашимъ читателямъ, до которыхъ не дойдетъ книга г. Костанжогло, познакомиться съ ними. „Не мѣшаетъ ребенку, говоритъ онъ, въ награду прилежанія давать небольшія деньги, съ тѣмъ, чтобъ онъ отдавалъ отчетъ въ употребленіи ихъ. Это довольно важная статья въ воспитаніи купеческихъ дѣтей: вся будущность ихъ основана на деньгахъ“ (!)

„Если ребенокъ въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ обнаруживалъ музыкальную склонность, то эту склонность никакъ не должно было поощрять (!); ибо страсть къ музыкѣ показываетъ нѣжный темпераментъ, который она весьма легко можетъ раздражить.“

За этими умными совѣтами слѣдуетъ разборъ разныхъ дурныхъ склонностей, какія могутъ проявляться въ ребенкѣ, и средства къ исправленію ихъ.

Въ этомъ отдѣлѣ встрѣчаются также неоцѣненные вещи. Такъ, на примѣръ, „совершенный человекъ“ говоритъ, будто бы „гордость сноснѣе въ людяхъ богатыхъ; но ежели этотъ порокъ завладѣетъ бѣднымъ человекомъ, тогда послѣдствіе его для жизни весьма неудовлетворительно. Мы видимъ богача, живущаго во дворцѣ и пр.; онъ оказываетъ намъ знаки своего покровительства и мы не только принимаемъ его расположеніе, но даже радуемся ему. Вотъ какова сила богатства и проч.“

И это говоритъ Костанжогло, — тотъ Костанжогло, который такъ небрежно обращался съ ассигнаціями, что это даже пугало Чичикова! Нѣтъ, эти слова скорѣе напоминаютъ Чичикова, удивляющагося, какъ это Тентетниковъ могъ оскорбиться, что генераль Бетрищевъ сказалъ ему „ты“, и еще болѣе удивившагося, когда Тентетниковъ объяснилъ ему, что онъ именно потому-то и оскорбился, что это былъ генераль, а не какой-нибудь бѣднякъ. „Оборвышу позволить, а генералу не позволить!“ — думалъ

про себя Чичиковъ, и мысленно называлъ Тентетникова дуракомъ. Г. Костанжогло (т. е. не гоголевскій, а новый Костанжогло, авторъ „Совершеннаго человѣка“) разсуждаетъ рѣшительно такъ же, какъ Чичиковъ.

По всему этому намъ не вѣрится, чтобы авторъ „Совершеннаго человѣка“ былъ настоящій Костанжогло, котораго изобразилъ Гоголь и который, при всѣхъ своихъ странностяхъ, все же отличается благородствомъ въ образѣ мыслей. Это скорѣе переодѣтый Чичиковъ, нежели Костанжогло. Намъ приходитъ въ голову даже такое предположеніе: не вздумалъ-ли онъ на этой книжкѣ испытать, какъ „всякая дрянь можетъ дать доходъ“ — и для пущей вѣроятности сбыта, злоупотребилъ именемъ Костанжогло, имѣющаго для многихъ значеніе авторитета въ дѣлѣ практической жизни.

Исторія рыцарства. Сочиненіе Руа. Переводъ съ французскаго 7-го изданія, Г. В. Съ шестью литографированными картинками. Изъ коллекціи „Bibliothèque de la jeunesse chrétienne“. С.-П.Б. 1858. въ 8-ю д. л., 178 стр.

„Сочиненіе Руа вполне знакомитъ съ чуднымъ средневѣковымъ учрежденіемъ, которое въ свое время принесло много пользы человѣчеству и о которомъ въ нашихъ учебникахъ упоминается только вскользь при разсказѣ о крестовыхъ походахъ.“ Такъ говоритъ переводчикъ въ предисловіи къ „Исторіи рыцарства“. Не входя пока въ разсмотрѣніе справедливости его мнѣнія, мы предложимъ одинъ вопросъ: до какой степени полезно знакомитъ нашихъ дѣтей „съ чуднымъ средневѣковымъ учрежденіемъ“? Мы понимаемъ еще мѣстную надобность изученія рыцарства, напр. во Франціи, гдѣ до сихъ поръ такъ многое напоминаетъ ихъ исторію. Но какое отношеніе къ нашей жизни имѣютъ всѣ эти гербы, девизы, турниры, обѣты, вооруженія и т. д.?

У насъ даже романтизмъ принялся плохо, заслоненный реальною школою; а намъ навязываютъ исторію рыцарства для дѣтскаго чтенія! Если ужъ брать предметы изъ исторіи и быта Западной Европы, то надобно дѣтямъ давать никакъ не солдатскую исторію, а что-нибудь мирное и гражданское. И малоли предметовъ, отлично разработанныхъ въ послѣднее время западными историками и могущихъ послужить предметомъ для дѣтской книги! Исторія французскихъ крестьянъ, исторія городскихъ общинъ, исторія возрожденія искусствъ и наукъ, исторія гражданского развитія Англіи и проч., сколько могутъ представить великолѣпныхъ матеріаловъ для нѣсколькихъ десятковъ интереснѣйшихъ дѣтскихъ книжекъ! И между тѣмъ это предметы живые, нужны дѣтямъ; отъ знанія и правильнаго пониманія ихъ во многомъ зависитъ вѣрность сужденій о современномъ положеніи Европы. А рыцарство—учрежденіе отжившее, оставившее по себѣ слѣды въ исторіи лишь на столько развѣ, насколько о немъ упоминается въ учебникахъ. Нечего и тревожить его праха кто захочетъ спеціально изучить средніе вѣка, тотъ можетъ и самъ прочесть сочиненія, спеціально трактующія о рыцарствѣ.

Но извѣстно, что нѣтъ на свѣтѣ такого ничтожнаго и ненужнаго предмета, о которомъ нельзя было-бы написать хорошей книги. Можетъ быть, и книга о рыцарствѣ дѣйствительно такъ хороша, какъ увѣряетъ переводчикъ. Можетъ быть, въ ней живо и сильно передана вся поэзія ужаса, который долженъ возбуждать рыцарство въ современномъ, нормально-развитомъ человѣкѣ; можетъ быть, въ ней достойно заклеямена эта дикая сила, это кулачное право, безобразно соединенное съ сентиментальностью, составлявшія отличительные признаки рыцарскихъ временъ. Можетъ быть, книга направлена къ тому, чтобы, познакомившись съ рыцарями, маленькій читатель сказалъ: „Какіе сильные, горячіе, страшные люди!

Какъ жаль, что они такъ дурно употребляли свои силы!“ Если такъ, то мы готовы придти въ восторгъ отъ книги г. Руа; все-таки отъ нея однимъ здравымъ понятіемъ больше будетъ въ дѣтской головѣ.

Но къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи сочиненіе Руа не удовлетворяетъ требованіямъ здраво-мыслящаго человѣка. По предмету мы назвали „Исторію рыцарства“ — ненужною; по исполненію мы должны признать ее вредною. Она вся проникнута благоговѣніемъ къ рыцарству и съ величайшей любовью останавливается на подробностяхъ ихъ вооруженія, сбруи, на значеніи девизовъ, на подвигахъ охоты и турнировъ и т. д. Цѣлая глава посвящена гербамъ. О нихъ говорится съ паѳосомъ, съ особенною силою напирается на то, что гербы не „суть выдумки тщеславія, а справедливое возмездіе или чествованіе заслугъ“; затѣмъ описывается какъ „гербовый щитъ или поле герба дѣлилось горизонтальными, перпендикулярными и діагональными линиями на нѣсколько отдѣленій, въ которыхъ размѣщали краски и символы“, и что означали всѣ эти штуки. Даже со стороны занимательности, надобно замѣтить, что все это крайне сухо, скучно, утомительно до нельзя. О томъ, какое нравственное чувство возбуждается всѣми этими описаніями, мы уже и не говоримъ.

Но авторъ не удовольствовался простыми представленіями рыцарства въ розовомъ свѣтѣ; онъ вздумалъ въ заключеніи книги показывать, что рыцарство было явленіемъ истинно-христіанскимъ и что всѣ доблести, составлявшія принадлежность рыцаря, суть христіанскія доблести. Даже—говоритъ—честь, совершенно мірское чувство, сопричастна христіанству: между непомраченною честью, рыцарскимъ незапятнаннымъ щитомъ, безупречною совѣстью, бѣлымъ одѣяніемъ неофита—есть искренній, сокровенный союзъ. Приводя эту мысль, авторъ ссылается на Ампера; но Амперъ, при всемъ своемъ

уваженіи къ рыцарству, никогда не заходилъ такъ далеко въ его апоэеозѣ, какъ г. Руа. Да притомъ же Амперъ писалъ не для дѣтей и, возстановивъ поэтическій образъ рыцаря, вовсе не думалъ ставить его образцомъ для современной практической дѣятельности. Напротивъ г. Руа почти явно высказываетъ эту цѣль своего сочиненія: ему кажется даже, что все, что есть до сихъ поръ у насъ христіански-благороднаго, есть наслѣдіе отъ временъ рыцарства. Мы не удивляемся г. Руа; на него еще могло дѣйствовать обаяніе рыцарскихъ гербовъ и вооруженій; но не можемъ надивиться г-ну Г. В., что ему за охота была переводить эту скучную и бесполезную книгу.

* * *

Господинъ Г. В. перевелъ сочиненіе Руа на томъ основаніи, что его похвалилъ *Русскій Педагогическій Вѣстникъ*, журналъ, основанный г. Вышнеградскимъ, тѣмъ самымъ, который счелъ нужнымъ объявить о себѣ въ газетахъ, что онъ не беретъ взятокъ. Прочитавши книжку Руа, мы убѣдились, что можно совершать похвальные поступки въ родѣ объявленія въ газетахъ о своемъ безкорыстіи, и въ то же время можно основать журналъ, имѣющій совершенно ложныя понятія о книгахъ для юношества. „Исторія рыцарства“ назначена, видите ли, для чтенія юношества. *Русскій Педагогическій Вѣстникъ* убѣжденъ, что такое чтеніе будетъ для нашего юношества очень полезно; г. Г. В. согласенъ съ *Педагогическимъ Вѣстникомъ*, но отъ себя прибавляетъ, что чтеніе „Исторіи рыцарства“ будетъ еще полезнѣе, ежели къ ней присоединить краткія свѣдѣнія изъ „Геральдики“ г. Лакіера. На этомъ основаніи онъ „во многомъ дополнилъ“, по г. Лакіеру, пятую главу сочиненія Руа, посвященную гербамъ рыцарскимъ. За то изъ пятой главы вышло нѣчто чудовищно-занимательное, нѣчто до изнеможенія пита-

тельное для юныхъ умовъ. Прочтите, напр., хоть эти строки: что можетъ быть полезнѣе и занимательнѣе для юношей?

„Въ основаніи геральдики слѣдующее правило: если поле покрыто какою нибудь краскою или мѣхомъ, то знаки должны быть покрыты металломъ и, наоборотъ,—если поле покрыто металломъ, то знакъ покрывается краскою или мѣхомъ. Это правило излагается такъ: не должно класть металлъ на металлъ и краску на краску. Дѣлать противное—значитъ совершенно извращать науку геральдики, потому что геральдика, говоритъ одинъ изъ новѣйшихъ писателей, есть обширнѣйшій изъ всѣхъ языковъ,—языкъ сильный и величественный, съ своимъ синтаксисомъ, грамматикою и орфографіею (!!)

Искусство геральдики состоитъ въ умѣньи читать и писать на этомъ нѣмомъ нарѣчій. Нѣсколько краткихъ и поверхностныхъ замѣтокъ, относительно чтенія гербовъ, могутъ дать о геральдическомъ языкѣ нѣкоторое понятіе“ (стр. 49).

И затѣмъ слѣдуютъ поверхностныя замѣтки, страницахъ на десяти. Намъ показалось, что г. Г. В., вмѣстѣ съ Руа и самимъ *Педагогическимъ Вѣстникомъ*, могли бы съ успѣхомъ подвизаться на службѣ у того господина, который однажды, осматривая какой-то университетъ и узнавъ, что въ немъ есть гербарій, спросилъ: „что же тутъ гербы только княжескіе, или всѣхъ занесенныхъ въ шестую часть?“

Говоря о рыцаряхъ, авторъ „Исторіи рыцарства“ постоянно старается отдѣлать ихъ отъ феодальныхъ владѣльцевъ, которыхъ называетъ злыми, беспокойными и притѣснителями слабыхъ. На чемъ основываетъ авторъ такое раздѣленіе, мы не знаемъ, но оно даетъ ему легкій поводъ возводить рыцарей въ идеаль благородства, великодушія, мира и любви и проч. По его мнѣнію,—рыцарство прямо вытекаетъ изъ христіанской религіи; со всѣми своими гербами, девизами, турнирами, и т. п. Не знаемъ, на сколько для нашихъ юношей полезно такое понятіе о христіанствѣ и о рыцарствѣ...

Точно такъ же сомнительно, чтобъ особенно благотѣльное вліяніе произвели на юныхъ читателей

тѣ страницы, въ которыхъ авторъ съ благоговѣніемъ рассказываетъ напр. о доблести рыцарей, которые, „спѣша заслужить шпоры, бросались въ самую чашу свалки“; или о турнирахъ, какъ „благородныхъ собраніяхъ, въ которыхъ очищалась нравственность“... Это можетъ послужить для юношей развѣкъ тому, что они, спѣша заслужить шпоры, побѣгутъ всѣ—просить, чтобы ихъ переименовали изъ коллежскихъ регистраторовъ въ корнеты или даже приняли юнкерами въ одинъ изъ кавалерійскихъ полковъ, для очищенія ихъ нравственности... Конечно, это было бы не дурно; да только зачѣмъ же это? У насъ войска и безъ того много; слѣдовательно, наплывъ юныхъ кандидатовъ въ современные рыцари, т. е. въ юнкера и корнеты, мало принесетъ существенной пользы отечеству...

Съ сокрушеніемъ сердца говоритъ авторъ о томъ, что рыцарскіе ордена съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе приходили въ упадокъ и наконецъ—увы!—сдѣлались простыми почетными знаками, изъ которыхъ иные—о горе! горе! даются людямъ всякаго сословія и званія! Какая глубина паденія! Какой предметъ плача и стенаній для г. Руа, для его переводчика и для *Русскаго Педагогическаго Вѣстника*, основаннаго самообъявленнымъ поборникомъ безкорыстія, г. Вышнеградскимъ!..

Сборникъ избранныхъ мѣстъ изъ произведеній современныхъ русскихъ писателей. Спб. 1859. Въ 16-ю д. л., 204 стр.

„Сборникъ“ этотъ изданъ редакціею *Подснѣжника*. Нельзя не похвалить его за удачный выборъ прозаическихъ статей. Здѣсь помѣщены: нѣсколько главъ изъ „Исторіи моего дѣтства“, графа Л. Н. Толстого; „Бѣжинъ Лугъ“, И. С. Тургенева; нѣсколько отрывковъ изъ Путешествія И. А. Гончарова, и от-

рывокъ изъ повѣсти „Антонъ Горемыка“, Д. В. Григоровича. Кромѣ прекраснаго и вполне доступнаго дѣтямъ содержанія, эти произведенія могутъ быть весьма полезны для дѣтей, какъ образчики изящнаго изложенія. До сихъ поръ дѣти у насъ должны довольствоваться слогомъ князя Одоевскаго и нѣкоторыхъ другихъ новѣйшихъ писателей, удостоенныхъ чести попасть въ хрестоматію г. Галахова при всѣхъ ея многочисленныхъ изданіяхъ. Надобно-же дѣтямъ познакомиться и съ тѣмъ, какъ пишутъ гг. Тургеневъ, Гончаровъ и проч. Безъ всякаго сомнѣнія, дѣти будутъ очень благодарны редакціи *Подснѣжника* за выборъ четырехъ названныхъ нами произведеній для „Сборника“.

Нельзя того же сказать о стихахъ. Выборъ ихъ рѣшительно неудаченъ. Не говоримъ уже о томъ, что можно было выбрать лучше, напр. хотъ изъ Тютчева, Жадовской, Огарева („Изба“, „Деревенскій сторожъ“, „Дорога“ и проч.), Некрасова (изъ „Саши“, „Школьникъ“, „Несжатая полоса“, „Внимая ужасамъ войны“, и проч.); не говоримъ и о томъ, что и изъ тѣхъ поэтовъ (Майкова, Фета, Полонскаго), которыхъ взялъ составитель „Сборника“, можно было взять лучшія пьесы, но мы должны замѣтить, что выбранныя пьесы сами по себѣ не хороши. Неужели для дѣтей пріятно или полезно будетъ прочесть „Посвященіе“ и „Октаву“, гдѣ поэтъ толкуетъ о томъ, какъ „крѣпъ его даръ въ огнѣ науки“ и какъ „съ устъ его льются размѣрныя октавы“? Неужели не вредно для развитія эстетическаго вкуса чтеніе плохо сдѣланнаго, дидактическаго стихотворенія г. Майкова „Нива“? Взглядъ на работы поселянъ на нивѣ пробуждаетъ въ авторѣ мысль о томъ, чтобы созрѣла у насъ жатва просвѣщенія... И это — поэзія!.. Равнымъ образомъ и „Статуя“ г. Полонскаго, съ восклицаніями: „о Эллада, Эллада!“ — едва-ли доставитъ особенное эстетическое наслажденіе дѣтямъ. Стихотворенія г. Фета лучше выбраны,

но и они не принадлежатъ къ лучшимъ его пьескамъ. Въ „Сборникъ“ напечатано ихъ четыре: „Деревня“, „Печальная береза“, „Чудная картина“, „На Днѣпрѣ въ половодье“.

Записки Амишки. Разсказъ для дѣтей. Спб. 1858. Въ 16-ю д. л., 70 стр.

Книжка — очень опрятно изданная, грамотная (впрочемъ, не относительно знаковъ препинанія), понятная дѣтямъ, что рѣдко бываетъ, и снабженная четырьмя не очень изящными картинками, что довольно обыкновенно. Амишка — комнатная собачка, которая ведетъ свои записки и разсуждаетъ о людскихъ поступкахъ. Авторъ мало воспользовался преимуществомъ, которое давала ему избранная имъ форма, и потому Амишка его не возбуждаетъ особеннаго интереса. Впрочемъ въ книжкѣ попадаются иногда замѣтки, подобныя слѣдующей:

„Вася (маленькій баринъ Амишки) бросился на Алексѣя, началъ его бить и плакать отъ злости. Я ужасно испугался и забился подъ стулъ. Алексѣй былъ гораздо больше и сильнѣе Васи; я всякую минуту ожидалъ, что слуга побьетъ барина, но былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ, что Вася, надравшись до сыта, подбѣжалъ ко мнѣ и еще разъ ткнулъ меня ногой, Алексѣй же печально побрелъ на кухню. Вѣрно у людей не такъ, какъ у насъ. У насъ кто сильнѣе, тотъ и грызетъ слабого“ (стр. 55).

Это собачье разсужденіе не дурно. Но къ сожалѣнію, Амишка испорченъ человѣческимъ обществомъ и въ другихъ мѣстахъ своихъ записокъ смотритъ на людскія глупости совершенно почеловѣчески.

Сорокъ повѣстей для дѣтей. Книга нравоучительная и занимательная для маленькихъ читателей. Спб. 1858, въ 12-ю д. л., 150 стр.

Книга дѣйствительно нравоучительна, можетъ быть она могла-бы быть и занимательною, если-бы

была написана получше. Мораль очень незамысловата, какъ можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго образца:

„— А кто дѣлаетъ хлѣбныя зерна,—спросилъ любопытный Николенька.

„— Господь Богъ, который сотворилъ все на землѣ, сынъ мой.

„— Итакъ, надобно благодарить Бога за то, что Онъ даетъ намъ хлѣбныя зерна, изъ которыхъ мы можемъ печь хлѣбъ и пироги. Не правда ли это, маменька?

„— Да, милое дитя мое“... и проч.

Но никакая мораль не можетъ сдѣлать полезною для дѣтей такую книжку, въ которой отецъ говорить съ дѣтьми такимъ языкомъ: „есть нѣчто такое, что предпочитается знанію и что самъ Господь Богъ поставилъ выше всего: это простота сердца и скромность разума“, и т. д. Никакая мораль не заставитъ насъ одобрить книжку, въ которой даже маленькая Аня выражается такимъ образомъ: „повѣрьте, мамаша, что для меня будетъ большимъ лишеніемъ не ѣхать съ вами къ тетенькѣ. Но мнѣ кажется, что долгъ требуетъ, чтобъ я осталась и заботилась о моей маленькой птичкѣ. Я такъ уже полюбила ее! Жалобный пискъ птички раздираетъ мое сердце.“

Лучше дѣтямъ не знать никогда морали „Сорока повѣстей“, нежели съ этой моралью выучиться такому варварскому языку!

Картинки изъ естественной исторіи, съ описаніемъ ихъ стихами для маленькихъ дѣтей. Выпускъ 1-й. Соч. А. Мар—ва. Спб. 1858. Въ 12-ю д. л., 47 стр.

Если вамъ любопытно видѣть, какъ иногда медвѣдь бываетъ похожъ на кошку, осель на свинью, тигръ на лягушку и проч., то рекомендуемъ вамъ

взглянуть на „картинки изъ естественной исторіи“. Картинкамъ соотвѣтствуютъ и стихи. Не угодно-ли?

Съ краснымъ гребнемъ, бороною,
Забіяка пѣтушокъ
Ходить съ важностью такою,
Какъ какой-нибудь князекъ... и проч.

Или о павлинѣ:

Пышнымъ зонтикомъ павлинъ,
Распускаетъ хвостъ чудесный... и т. д.

Или еще—угадайте, о комъ:

Что за милая головка,
Что за ножки у нея!
Чувствуетъ она, плутовка,
Все достоинство свое...

Авторъ увѣряетъ, что это онъ представляетъ характеристику лошади...

Не дурна также характеристика быка, о которомъ говорится, что онъ:

Пашетъ землю съ мужичкомъ,
Сѣно и дрова таскаетъ,
Ходитъ ровненькимъ шажкомъ,
Вкуснымъ масломъ насъ снабжаетъ.

Что за охота, подумаешь, г. А. Мар—ву кормить дѣтей такими блюдами, да еще въ стихахъ!

Золотой цвѣтокъ. Игры и увеселенія для дѣтей, въ стихахъ и прозѣ. Съ 8-ю раскрашенными, на мѣди гравированными картинками. Спб. 1859. Въ 8-ю д. л., 87 стр.

Къ удивленію нашему, книжка эта, изданная г. книгопродавцемъ Маврикіемъ Вольфомъ, оказалась не лишенною грамматическаго смысла. Но этимъ и ограничиваются всѣ ея достоинства. Въ ней есть нѣсколько рассказовъ въ прозѣ, рассказывающихъ, что умныя дѣти пошли гулять, гуляли и имъ было очень весело, что осенью можно ѣсть плоды, а зимой кататься на конькахъ, и проч. Есть въ ней

картинки, изображающія все это такъ, что снѣгъ похожъ на воду, плоды—на плетку, и т. п. Есть и стихи, описывающіе красоты природы и дающіе совѣты такого рода:

Правдивымъ будь, лжи берегись:
Правдивыхъ ждетъ благословенье!
Въ своихъ поступкахъ повинись,
И ты получишь въ нихъ прощенье.

Что хуже—проза, стихи или картинки—рѣшить очень трудно. Но обертка „Золотаго Цвѣтка“ великолѣпна: вся въ золотѣ!..

Бесѣды съ дѣтьми. А. А. Пчельниковой. Часть I. Спб. 1858. Въ 4-ю д. л., 62 и 8 стр.

„Бесѣды“ г-жи Пчельниковой должны быть причислены къ самымъ лучшимъ дѣтскимъ книжкамъ, существующимъ на русскомъ языкѣ. Онѣ составлены по образцу французскаго *Revue de l'éducation nouvelle* и должны въ слѣдующихъ выпускахъ представить „нѣчто цѣлое, что могло-бы назваться дѣтскою энциклопедіею“. Въ книжкѣ г-жи Пчельниковой находится предисловіе, показывающее, что задача воспитанія понимается ею весьма здраво и широко. Приводя нѣсколько мыслей изъ *Revue*, послужившаго ей образцомъ, она между прочимъ, останавливается на томъ, что въ воспитаніи надобно примѣняться къ характеру и способностямъ дѣтей, извлекать пользу изъ ихъ склонностей, открывая предъ ними дѣйствительную жизнь, уничтожить въ преподаваніи всякую отвлеченность, дѣйствовать на дѣтей не страхомъ и поблажкой, а устраненіемъ праздности и случаевъ къ дурнымъ шалостямъ, убѣжденіемъ и сообщеніемъ правильныхъ знаній... Все это въ высшей степени справедливо, и изданіе, предпринятое съ такими просвѣщенными и гуманными воззрѣніями, должно уже по

этому самому рѣзко отличаться отъ безобразныхъ спекуляцій, въ родѣ „Золотого цвѣтка“ и „Сорока повѣстей“.

И дѣйствительно, похваливши основную мысль изданія, нельзя не отдать справедливости и добросовѣстному ея исполненію въ первомъ выпускѣ. Предположивъ ознакомить дѣтей съ важнѣйшими предметами, необходимыми въ жизни, г-жа Пчельникова начинаетъ съ хозяйства. Первая статья въ книжкѣ посвящена кухнѣ. Здѣсь просто и естественно, безъ жеманства и морали, мать рассказываетъ дочери названія, значеніе и употребленіе разной кухонной посуды. Къ статейкѣ приложенъ листъ, на которомъ изображено до 50-ти предметовъ, употребляемыхъ въ хозяйствѣ, очень чисто и отчетливо, такъ что не смѣшаешь котла съ ушатомъ или ковшомъ со сковородою. Затѣмъ помѣщена статейка „Ласточка“, очень недурной и полезный рассказъ о перелетныхъ птицахъ, безъ всякихъ приторностей и пошлыхъ сентенцій. За „Ласточкой“ идетъ „Алеша или гривенникъ“, совершенно ничтожный моральный рассказецъ, къ счастью коротенькій. Таковъ же точно и рассказъ: „Трусъ Митя и неосторожный Володя“. Оба они, по нашему мнѣнію, портятъ книжку, совершенно бесполезно занимая въ ней восемь страницъ. Гораздо полезнѣе ихъ „Англійскій урокъ“, представляющій прекрасную попытку въ разговорной формѣ начать съ дѣтьми обученіе англійскому языку по методѣ Робертсона. Наконецъ, въ книжкѣ находятся ноты на очень простыя и миленькія слова, которыя дѣти могутъ распѣвать хоромъ, подражая тѣлодвиженіями разнымъ работамъ (столярной, кузнечной, ткацкой и проч.), составляющимъ предметъ пѣсни. Все это очень можетъ занять дѣтское любопытство, и надо желать, чтобы поскорѣе явился второй выпускъ „Бесѣдъ“ съ тѣмъ же разнообразіемъ, но только безъ моральныхъ повѣстусшекъ.

Издание книжки г-жи Пчельниковой очень изящно и даже роскошно, и цѣна ея сравнительно не дорога: первый выпускъ стоитъ 75 коп. сер.

Practischer Leitfaden zum Erlernen der russischen Sprache, bearbeitet von J. Pihlemann, Lehrer der russischen Sprache am Gymnasium zu Reval. Reval. 1857. In — 8. X + 272 + 58.

Старая грамматическая рутина понемногу уступаетъ мѣсто новой, болѣе рациональной методѣ языкоученія, и въ послѣднее время для cadaго изъ европейскихъ языковъ явилось уже по нѣсколько грамматическихъ руководствъ, составляемыхъ по новой системѣ. Основная мысль этой системы заключается въ устраненіи прежней, мертвой схоластики и въ стараніи придать живой смыслъ всѣмъ грамматическимъ правиламъ. Съ этой цѣлью изученіе языка начинаютъ обыкновенно не съ мучительнаго перечисленія грамматическихъ формъ съ ихъ безчисленными исключеніями, а съ цѣлаго предложенія, въ которомъ учащійся можетъ понимать смыслъ и связь рѣчи. Метода эта съ успѣхомъ приложена была и къ древнимъ языкамъ Кюнеромъ (*); теперь находимъ мы попытку примѣнить ту же методу къ изученію русскаго языка иностранцами. Г. Пилеманъ въ предисловіи къ своему руководству выражаетъ мнѣніе, что русскій языкъ, по богатству формъ своихъ, подходя къ древнимъ языкамъ, именно нуждается въ такой методѣ, какая примѣнена Кюнеромъ къ греческому и латинскому. Въ основаніи своемъ это мнѣніе справедливо; дѣйствительно, ни одинъ изъ европейскихъ языковъ не сохранилъ всего богатства флексій столько, какъ русскій, и потому ни

(*) См. *Журн. для Восп.* № 2, 1859 г., статью Люгебиля: „Наши латинскіе учебники“.

одинъ изъ нихъ, при старой методѣ зазубриванья формъ, не казался столько труднымъ для иностранца, какъ русскій. Но послѣдованіе методѣ Кюнера г. Пилеманъ простеръ уже слишкомъ далеко, доведя его до той степени, что русская грамматика его кажется просто скопированною съ латинской грамматики Кюнера. Между тѣмъ въ русскомъ языкѣ есть много такихъ особенностей, которыя не допускаютъ автора грамматики слѣдовать шагъ за шагомъ Кюнеру. Въ греческомъ и латинскомъ языкахъ всѣ формы установлены и рѣшены окончательно, всѣ случаи уклоненій и исключеній вычислены, опредѣлены и подведены подъ правила; у насъ этого вовсе нѣтъ: языкъ не установился, и употребленіе формъ постоянно различается, въ зависимости отъ измѣненія смысла. Поэтому въ древнихъ языкахъ можно подбирать примѣры для извѣстныхъ грамматическихъ формъ, какъ что-то постоянное и независимое; у насъ же они часто не имѣютъ смысла, безъ отношенія къ особымъ синтаксическимъ требованіямъ. Вообще синтаксисъ у насъ важнѣе этимологіи до такой степени, что даже грамматически правильная фраза кажется дикою отъ несоблюденія какихъ-нибудь особенностей въ устройствѣ предложенія. Подобныхъ фразъ много можно найти въ примѣрахъ, представленныхъ въ руководствѣ г. Пилемана. Напр. (стр. 13): „Если не хорошо будете смотрѣть, то онѣ будутъ хулить“; (стр. 22): „Картина принадлежитъ женѣ пріятеля“; „Сестры всегда хвалятъ картины художника“; (стр. 24): „Долгъ няни есть хранить сестрицу“; „Хвали сестеръ, но говори тоже о нянѣ“; (стр. 28): „Тамъ, гдѣ богатства, не всегда и счастье“; „Цари дарятъ знаменамъ воиновъ знаки отличія“, и проч. и проч. Ни одного изъ такихъ выраженій никогда не скажетъ и не напишетъ русскій, хорошо знающій свой языкъ. А между тѣмъ они неизбѣжны были для г. Пилемана вслѣдствіе самой методы, принятой имъ.

Неловкость приведенныхъ фразъ зависитъ или отъ того, что въ нихъ недостаетъ опредѣленій и дополненій, или отъ неправильной разстановки словъ, или отъ неопредѣленности самаго значенія ихъ въ данномъ случаѣ. Послѣднее зависитъ конечно просто отъ неискusstва г. Пилемана подбирать примѣры; но первыя два обстоятельства не могутъ быть вполне устранены никакимъ искусствомъ. Чтобы вводить въ рѣчь опредѣленія, — нужно непременно говорить о прилагательныхъ вмѣстѣ съ существительными; а по методу Кюнера этого нельзя. Чтобы вводить дополненія, нужно съ самаго начала говорить съ нѣкоторой подробностью о дѣйствительномъ глаголѣ и его словосочиненіи, — а для этого опять нужно было бы нарушить послѣдовательность методы, принятой авторомъ. Вообще для того, чтобы пресловутая метода—начинать съ предложенія—не превратилась въ ту схоластику, отъ которой бѣжали мы въ прежнихъ грамматикахъ, начинавшихъ съ формъ и исключеній, для этого нужно, чтобы предложеніе являлось для учащагося чѣмъ-то живымъ, дѣйствительно употребляемымъ въ рѣчи, а не пустою, мертвою формулою, придуманною для того, чтобы въ нее втиснуть извѣстное правило. А у г. Пилемана даже ученіе о предложеніи отнесено на самый конецъ, — въ пятый курсъ; зачѣмъ оно тутъ? Чтонибудь одно: или ученики г. Пилемана, изучающіе русскій языкъ, уже знакомы съ ученіемъ о предложеніи изъ другихъ языковъ,—и тогда онъ имъ уже вовсе не нуженъ въ русской грамматикѣ; или же они не знаютъ, что такое предложеніе, — и тогда съ этого нужно начать. Въ руководствѣ г. Пилемана нѣтъ этого, а только представляются въ цѣлыхъ четырехъ курсахъ склоненія и спряженія въ примѣрахъ, такъ же, какъ прежде они представлялись въ таблицахъ. Напр. на стр. 26 мы находимъ: „слово не всегда и дѣло, даръ слова украшаетъ человѣка; довѣряйте слову царя; говорите слово о смерти

героевъ; награждайте художника не словомъ лести, а дѣломъ; мы не думаемъ болѣе о словѣ героя“. Что это такое, какъ не искусственная мѣра для заучиванія склоненій? И не относится ли она къ разряду затѣйливыхъ штучекъ, въ родѣ таблицы умноженія въ стихахъ, или лексикона съ приемами: janua—дверь, bestia—звѣрь, и т. п. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ — облегченіе учащагося, а внутренняго смысла мало.

Впрочемъ и облегченіе ученика не совсѣмъ достигается при методѣ Кюнера, приложенной къ русскому языку. Во-первыхъ—270 убористыхъ страницъ, которыя надобно изучить для того, чтобы научиться живому языку,—вещь вовсе не шуточная! Во вторыхъ—всѣ эти страницы проникнуты неимоверною скукою, благодаря монотонности и совершенной непрактичности примѣровъ, постоянно выбираемыхъ авторомъ. Начинается съ того, что топоръ работника лежалъ на столѣ; столъ принадлежитъ работнику; хвали работника, и проч., все о работникѣ и топорѣ. Затѣмъ та же исторія повторяется о злодѣяхъ и герояхъ, о художникѣ и картинѣ. Словъ ученикъ узнаетъ мало, формы надѣдаютъ ему почти такъ же сильно, какъ и въ прежнихъ грамматикахъ; да и слова, которыя онъ узнаетъ, вовсе не принадлежатъ къ числу самыхъ употребительныхъ и любопытныхъ. Это послѣднее обстоятельство опять таки происходитъ отъ того, что авторъ въ подборѣ примѣровъ долженъ руководствоваться не внутреннимъ смысломъ рѣчи, а внѣшнею грамматическою формою. Напр., слова мать и дочь имѣютъ особое склоненіе, и потому они являются у г. Пилемана только на 87-й страницѣ; сыновья, друзья, братья—тоже формы неправильныя, и потому ихъ тоже нѣтъ въ начальныхъ примѣрахъ. Отецъ тоже долженъ явиться только послѣ объясненія правила о выпадающемъ при флексіи *o* и *e* именительнаго падежа. Подобныя затрудненія представляются въ

безчисленномъ множествѣ словъ, и избѣжать ихъ можно не иначе, какъ сдѣлавши значительныя отступленія отъ Кюнеровской методы.

Переходя отъ общихъ замѣчаній о методѣ къ частнымъ особенностямъ руководства г. Пилемана, мы должны также указать на нѣкоторые недостатки въ исполненіи. Видно, что авторъ самъ мало знакомъ съ живымъ, разговорнымъ, особенно народнымъ русскимъ языкомъ, да и новѣйшую литературу нашу знаетъ не совсѣмъ хорошо. Не изъ Пушкина, Гоголя, Тургенева приводитъ онъ примѣры въ послѣднемъ своемъ курсѣ, а изъ Леванды, Эедора Глинки, Устрялова и т. п. Ему вѣроятно неизвѣстно, что языкъ Леванды, Эедора Глинки и т. п. сочинителей отстоитъ отъ русскаго языка настолько же, какъ и нѣмецкій... Можетъ быть, вслѣдствіе ихъ вліянія г. Пилеманъ находитъ въ русскомъ языкѣ такія формы, какъ пахнуть, — пахивать, дремать, — дремливать, ждать, — жидать, жечь, — жигнуть и проч.; оттого же, быть можетъ, онъ полагаетъ, что ринуть — есть однократный видъ глагола рѣять, что загонять имѣетъ еще многократный видъ заганивать, и т. п. Будучи внесено въ грамматическое руководство, все это не даетъ особенной надежды на то, чтобы ученики г. Пилемана выучились очень блистательно по-русски. Точно также нельзя ожидать большой пользы отъ помѣщенія на 155—156 стр. полного спряженія глагола шибить. Авторъ замѣтилъ, правда, что глаголь этотъ употребляется только въ сложеніи съ предлогомъ; но вслѣдъ затѣмъ идетъ у него: „настоящее время—шибу, шибешь, шибеть и проч. Если ужъ брать съ предлогомъ, напр. ушибу, пришибу, — то никакъ не выйдетъ настоящаго времени, а будущее. Вообще — теорія глаголовъ сложныхъ съ предлогами очень неудовлетворительна у г. Пилемана.

Странною также оказывается въ примѣненіи къ русскому языку нѣмецкая система распредѣленія и

обозначенія звуковъ, которой постоянно держится авторъ. Онъ называетъ мягкими (weiche) согласныя б, в, г, д и проч., а твердыми (harte) п, ф, к, т и проч. Для нѣмецкаго уха, въ которомъ дубы и тупы совершенно равносильны, такое опредѣленіе не удивительно; но для русскаго оно очень странно.

Напрасно также г. Пилеманъ, придерживаясь Греча и Ивана Давыдова, называетъ полугласными ъ, ь, й. Эта нелѣпость давно уже оставлена въ русскихъ грамматикахъ.

Вообще въ составителѣ разбираемой нами грамматики мы не находимъ глубокаго познанія русскаго языка и литературы. Нѣмцы, которые выучатся по этой грамматикѣ, будутъ дѣлать много ошибокъ противъ чистоты и правильности русской рѣчи. При всемъ томъ мы полагаемъ, что она заслуживаетъ вниманія по мысли, положенной въ основаніе при ея составленіи. Желаніе осмыслить самыя первыя грамматическія упражненія учениковъ и вести ихъ путемъ практическимъ — посредствомъ примѣровъ и переводовъ, а не зазубриваньемъ склоненій и спряженій, — это желаніе само-по-себѣ уже заслуживаетъ одобренія. Конечно, оно не совсѣмъ удачно исполнено; но это ужъ участь всѣхъ первыхъ попытокъ. По крайней мѣрѣ утѣшительно то, что старая рутина все болѣе и болѣе разрушается и новыя начала языкоученія приобрѣтаютъ все новыхъ послѣдователей.

Басни и баснописцы русскіе. Крылова. (?) М. В. Ломоносова. И. И. Хемницера. Н. М. Карамзина. И. И. Дмитриева (sic). К. Н. Батюшкова. В. А. Жуковскаго, В. Л. Пушкина. А. П. Нахимова. К... Масальскаго. И... Ваненко. Сводъ 144-хъ басенъ русскихъ писателей, начинающій съ перваго русскаго стихотворца.

Собралъ Ив. Б.ш.м.—въ. Второе изданіе. Москва. 1858. Въ 18-ю д. л., 252 стр.

Оставляя въ сторонѣ безграмотность заглавія этой сѣренькой книжицы: „Басни и баснописцы рус-

скіе, Крылова и проч.“, позволимъ себѣ предложить издателю „свода 144-хъ басенъ“ нѣсколько вопросовъ:

Почему этотъ сборникъ названъ „сводомъ“? Что такое „сводилъ“ издатель въ своей книжкѣ? Разные варианты одной и той-же басни, какъ напр. варианты различныхъ списковъ Несторовой лѣтописи сводятся въ критическомъ изданіи Шлецера? Нѣтъ, у него 144 басни разныхъ русскихъ писателей и ни одна не повторяется по два раза. Или, можетъ быть, онъ сводилъ различныя выраженія одной и той-же мысли въ формѣ басни у разныхъ писателей? Нѣтъ, напротивъ, онъ старался по возможности избѣгать повторенія одной и той-же мысли (см. Предисловіе, стр. 3). Или, можетъ быть, онъ принималъ слово „сводъ“ въ смыслѣ „куча, толпа, сбродъ“?

Съ какою цѣлью составленъ этотъ, положимъ, „Сводъ“ 144-хъ басенъ? Этою книгою автору „желалось бы показать (говорить онъ въ своемъ предисловіи) начало, постепенное возрастаніе и совершенствованіе нашего стихосложенія“. Тутъ что-нибудь да не такъ. Всякій ученикъ знаетъ, что „стихосложеніемъ“ называется размѣръ, внѣшняя фактура стиха; а такъ-какъ въ басняхъ встрѣчается очень мало разнообразія въ этомъ отношеніи, то какимъ-же образомъ показывать на нихъ возрастаніе „стихосложенія“? Не разумѣль-ли собиратель подъ словомъ „стихосложеніе“ вообще поэзію, стихотворство? Но ходъ нашей поэзіи въ такомъ только случаѣ можно-бы показать „сводомъ“ басенъ, когда бы наши стихотворцы ничего, кромѣ басенъ, не писали, или, по крайней мѣрѣ, когда-бы басня была у насъ господствующимъ родомъ литературы.

Но, кажется, и самъ собиратель понималъ, что съ ходомъ литературы можетъ познакомить только такой сборникъ, въ которомъ были-бы указаны замѣчательнѣйшія произведенія во всѣхъ родахъ словесности. Къ такимъ сборникамъ принадлежатъ

хрестоматіи, и въ особенности историческія, въ родѣ тѣхъ, какія печатаются въ настоящее время г. Буслаевымъ для древняго періода нашей литературы и г. Галаховымъ для новаго.

Зачѣмъ же наконецъ нуженъ сводъ басенъ?

„Вотъ что можно отвѣчать на это (говоритъ собиратель въ своемъ предисловіи): Сборники хороши сами по себѣ, а при нихъ имѣть и „Сводъ Басенъ“—дѣло не лишнее.“

Послѣ такого убѣдительнаго резона намъ остается только молчать и слушать. Послушаемъ же, что говоритъ о своемъ трудѣ самъ собиратель:

„Стараніе въ выборѣ басенъ (говоритъ онъ) было таково: чтобы—во-первыхъ, по возможности не повторять одной и той-же мысли, — что нерѣдко встрѣчается въ переводныхъ басняхъ; во-вторыхъ, чтобы басни имѣли смыслъ, который не зародитъ излишняго вопроса (?!), если-бы даже эта попала въ руки дѣтямъ; третіе, здѣсь выборъ басенъ — не самонадѣянно сказать хорошихъ (?), а такихъ, которыя рѣже встрѣчаются въ сборникахъ; четвертое — что басни нѣкоторыхъ русскихъ баснописцевъ избраны по возможности тѣ (!), въ коихъ изложены мысли, собственно русскимъ баснописцамъ принадлежащія, а не заимствованныя изъ иноземныхъ писателей.“

Не говоря о грамматическихъ и логическихъ красотахъ этого мѣста, которыя могли-бы представить пищу сатирическому уму, считаемъ болѣе полезнымъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ мы понимаемъ вообще сборники образцовъ по какимъ-бы то ни было отдѣламъ литературы. Во-первыхъ, при составленіи подобныхъ сборниковъ не должно быть упускаемо изъ виду педагогическое, а не другое какое-нибудь ихъ назначеніе. Во-вторыхъ, они должны составляться примѣнительно къ той цѣли, для которой назначаются. Такъ напр., сборникъ басенъ можетъ назначаться или 1) въ пособіе при изученіи

теоріи басни въ историческомъ ея развитіи, — и въ такомъ случаѣ онъ долженъ прежде всего представить первоначальный видъ басни (животный эпосъ) и потомъ указать ея послѣдовательныя измѣненія, начиная съ Эзопа и Федре до нашихъ дней; или 2) въ пособіе при изученіи исторіи русской литературы, — и въ такомъ случаѣ долженъ представить самыя замѣчательныя басни русскихъ баснописцевъ въ хронологическомъ порядкѣ, которыми бы они характеризовались; или 3) для такъ называемыхъ умственныхъ упражненій, — и въ такомъ случаѣ онъ долженъ вмѣщать въ себѣ по нѣскольку басенъ на одну и ту-же тему; или наконецъ 4) просто для чтенія, и въ такомъ случаѣ онъ долженъ принять въ себя только тѣ басни, которыя могутъ называться образцовыми.

Но пока найдется человекъ со вкусомъ и съ знаніемъ (*conditio sine qua non*), который добросовѣстно употребитъ свое время на этотъ полезный трудъ, считаемъ обязанностью предупредить тѣхъ, до кого это дѣло касается, чтобы они не слишкомъ доврчиво увлекались заглавіемъ этого пресловутаго „Свода“, больше всего заботившагося о томъ, „чтобъ басни имѣли смыслъ, который не зародитъ излишняго вопроса“ и своимъ выборомъ дѣйствительно достигшаго этой цѣли. Вотъ у него какія басни:

Зерно.

Какой-то франтикъ городской,
 Увидѣлъ въ полѣ трудъ людской,
 Какъ пашню всю каткомъ катали,
 Сказалъ: „Прощай, зерно! тебя совсѣмъ стоптали;
 Вотъ пашня здѣсь, какъ-будто бульваръ!
 Лишь стоитъ обнести рѣшеткой“.
 Но хлынулъ ливня дождь, съ земли поднялся паръ
 И черезъ день вся нива стала щеткой.
 Кого въ сердцахъ фортуна гнетъ,
 И подъ соломенной велитъ жить крышей,
 Не безъ надежды тотъ:
 Лишь взглянуть милостиво свыше,
 И нашъ бѣднякъ, какъ зернышко взойдетъ (!).

Это нравоученіе краснорѣчиво свидѣтельствуеть о тѣхъ чувствахъ, какими проникнуть составитель „свода“ и какія можетъ привить этотъ „сводъ“ и юнымъ сердцамъ своихъ читателей, если таковые окажутся. А читатели (или по крайней мѣрѣ покупатели) у него должно быть есть: черезъ три года понадобилось новое изданіе. Первое вышло въ 1855 г., и нынѣ снова является безъ малѣйшихъ измѣненій, несмотря на замѣчанія, какія были сдѣланы на его счетъ при первомъ появленіи. Надо полагать, издатель увѣренъ, что сойдетъ и такъ! Можетъ быть, предположеніе его и сбудется, какъ оно сбывается у насъ и во множествѣ другихъ всякаго рода спекуляцій. Но кого тутъ надобно больше винить: тѣхъ-ли, кто пользуется доврчивостью и неразборчивостью публики, или публику, которая позволяетъ себѣ излишнюю доврчивость и не даетъ себѣ труда разобрать хорошенько, что ей предлагаютъ за ея деньги?

Учебникъ русскаго языка для уѣздныхъ училищъ, составленный Иваномъ Соснецкимъ. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Москва. 1858. Въ 8-ю д. л., 296 стр.

Первое изданіе „Учебника русскаго языка“ было напечатано въ 1855 году, подъ заглавіемъ: „Опытъ учебника русскаго языка при первоначальномъ образованіи“. Тогда же въ сентябрьскихъ книжкахъ *Современника* и *Отечественныхъ Записокъ* были помѣщены рецензіи этого „Опыта“, показавшія всю его несостоятельность. Въ обоихъ журналахъ было указано множество ложныхъ опредѣленій, фальшивыхъ правилъ, противорѣчій и невѣрностей, которыми наполненъ этотъ учебникъ и которыя до очевидности доказывали, что автору его не знакома ни историческая, ни философическая грамматика. *Современникъ* поспѣшилъ предостеречь публику отъ употре-

бленія этого учебника, говоря, что „такой учебникъ не только не принесетъ никакой пользы, но произведетъ даже существенный вредъ, оставивъ въ головѣ учениковъ грамматическую путаницу“.

Въ 1856 году этотъ учебникъ былъ введенъ, въ видѣ опыта, въ Московскія уѣздныя училища, „а въ 1857 году (какъ говоритъ предисловіе г. Соснецкаго ко второму изданію) г. попечитель Московскаго учебнаго округа (тогда попечителемъ былъ генералъ-адъютантъ В. И. Назимовъ), на основаніи успѣховъ въ русскомъ языкѣ, оказанныхъ учениками Московскихъ уѣздныхъ училищъ, разрѣшилъ употребленіе этой книги въ уѣздныхъ училищахъ Московскаго учебнаго округа“.

Ясное доказательство, что между достоинствами употребляемаго руководства и успѣхами учениковъ нѣтъ никакого отношенія. Ученики могутъ оказать успѣхи и при плохомъ руководствѣ; но мы не имѣемъ никакой причины думать, чтобы при хорошемъ руководствѣ эти успѣхи должны были уменьшиться, и потому все-таки желаемъ, чтобы въ нашихъ училищахъ употреблялись хорошія, а не плохія руководства. Если при всѣхъ ошибкахъ и невѣрностяхъ, представляемыхъ первымъ изданіемъ учебника г. Соснецкаго, учившіеся по этому руководству ученики Московскихъ уѣздныхъ училищъ оказали успѣхи въ русскомъ языкѣ, то намъ кажется, что оказали бы еще больше успѣховъ, если бы этихъ ошибокъ и невѣрностей не было въ учебникѣ.

Но г. Соснецкій, кажется, смотритъ на это дѣло иначе; онъ, вѣроятно, полагаетъ, что успѣхи учениковъ произошли именно отъ ошибокъ его руководства. Онъ не исправилъ и половины тѣхъ погрѣшностей, которыя были ему указаны двумя журналами. Укажемъ нѣкоторыя диковинки, и нынѣ (при 2-мъ изданіи) украшающія этотъ учебникъ, введенный въ Московскія уѣздныя училища.

„Буква *ѣ* пишется въ нарѣчіяхъ гдѣ, вездѣ, здѣсь, — которыя сложены съ частицею дѣ“ (стр. 169). „Если слово простое, надобно писать з, напр., здѣсь и др.“ (стр. 197).

Итакъ, одно и то же нарѣчіе здѣсь на одной страницѣ было сложнымъ словомъ, а на другой обратилось въ простое?

„Если мы назовемъ предметъ и скажемъ объ немъ что-нибудь, то это называется рѣчью или предложениемъ“ (стр. 9).

Стало-быть рѣчь и предложеніе — одно и то же.

На стр. 136-й предложенія да и нѣтъ попрежнему оставлены въ числѣ нарѣчій.

Виды глаголовъ попрежнему перемѣшаны. Такъ, по мнѣнію г. Соснецкаго, отъ глагола хочу будущее время будетъ захочу, отъ глагола ѣду — поѣду (стр. 121 и 124).

„Есть такія слова, которыя чаще пишутся з, хотя встрѣчаются и съ буквою ѣ: близъ, межъ, ужъ, жъ (же)“ (стр. 202).

Не говоря уже о безграмотности самого выраженія: „которыя пишутся з“, ужели г. Соснецкій думаетъ, что ученикамъ очень нужно знать, часто или не часто пишется какое-нибудь слово ошибочно? Кажется, имъ интереснѣе знать, какъ его должно писать?

Говоря о существительныхъ, имѣющихъ двойное множественное число, г. Соснецкій упорно продолжаетъ утверждать, что каменья означаютъ только драгоценныя камни (стр. 63), а колѣна — бываютъ только у растеній (стр. 65). Ему ни почемъ даже авторитетъ Пушкина, на который ему указывали *Отечественныя Записки*, приводя изъ „Анжело“ стихъ: „Что если дѣвица, колѣна преклоня“...

„Частицы пере, мере, тере и т. п. всегда пишутся буквою е: запереть, умереть, вытереть и др.“ (стр. 162).

Итакъ, г. Соснецкій упорствуетъ и въ этомъ знаменитѣйшемъ изъ своихъ открытій въ области

русскаго языка! И такъ, пере, мере, тере—частицы!

Свадьбу онъ попережнему производитъ отъ глагола сводить (стр. 196). Должно быть, это производство кажется ему болѣе назидательнымъ для юныхъ учениковъ.

„Дополненіе, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ (?), не можетъ быть при подлежащемъ“ (стр. 226). „Даже и тогда, когда подлежащимъ бываетъ глаголь дѣйствительный: и въ такомъ случаѣ дополненія, по необходимости стоящія при подлежащемъ, могутъ быть обращены въ опредѣленія“ (стр. 227).

Можетъ ли оно, или не можетъ быть обращено въ опредѣленіе, это ничего не значитъ, а дополненіе все-таки остается дополненіемъ, пока не обращено во что-нибудь другое. А главное-то дѣло въ томъ, что въ учебникѣ не должно быть противорѣчій. Какъ прикажете согласить разнорѣчивыя показанія г. Соснецкаго, что дополненіе и не можетъ быть при подлежащемъ, и стоитъ при немъ иногда по необходимости?

Нѣтъ! Должно быть, г. Соснецкій твердо вѣритъ въ необходимость ошибочнаго и безтолковаго руководства для того, чтобы ученики Московскихъ уѣздныхъ училищъ оказывали успѣхи.

Краткая священная исторія ветхаго завѣта, составленная по программѣ, изданной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія, для преподаванія закона Божья въ гимназіяхъ, и по указаннымъ въ ней руководствамъ, А. О. Кіевъ. 1858.

Голословность, сухость и малопримѣнимость къ дѣтскому возрасту составляютъ главнѣйшій недостатокъ, отъ котораго страдаетъ едва-ли не болѣшая часть нашихъ дѣтскихъ учебниковъ. А все это происходитъ отъ того, что у насъ разомъ хотятъ выучить мальчика всему. Это замѣчаніе вполнѣ

можетъ быть приложено и къ рассматриваемой нами священной исторіи. вмѣсто того, чтобы познакомить дѣтей съ событіями ветхо-завѣтной исторіи въ легкомъ и связномъ разсказѣ, г. А. О. вздумалъ преподавать имъ исторію церкви ветхозавѣтной, съ указаніемъ на отношенія ея къ новозавѣтной, изложилъ исторію церковныхъ обрядовъ, распространился о священныхъ книгахъ и даже сдѣлалъ изъ нихъ выписки, которыя едва ли пойметъ самый смышленный мальчикъ. Мало того, онъ пускается иногда въ такія догматическія тонкости, которыя рѣшительно недоступны для дѣтскаго пониманія. Таково его пониманіе, въ чемъ состоятъ образъ и подобіе Божія въ человѣкѣ и какими послѣдствіями для души сопровождалось паденіе первыхъ человѣковъ. Авторъ предполагаетъ, что мальчикамъ отъ 10 до 13 лѣтъ давно уже извѣстны и опытная психологія, и правила христіанскаго нравоученія, и даже аскетика и герминевтика... Очевидно, результатомъ обученія по такому учебнику должно быть незнаніе священной исторіи ветхаго завѣта, смутность пониманія и самыхъ простѣйшихъ вещей, благодаря схоластицизму и ученой богословской терминологіи. Это не учебная книга для дѣтей, а скорѣе подробный конспектъ церковно-библейской исторіи митрополита Филарета, которая можетъ быть понятна только для взрослыхъ и притомъ же знакомыхъ съ началами наукъ богословскихъ.

Деревня. Разказы для юношества о сельской природѣ и сельскомъ бытѣ. Спб. 1859.

Книга эта назначена собственно для юношества, хотя въ ней можетъ найти любопытныя свѣдѣнія и взрослый человѣкъ, который рѣдко имѣетъ возможность выѣзжать изъ города. Въ ней находится много занимательныхъ подробностей касательно деревен-

ской жизни, деревенской природы и крестьянского быта. Всѣ времена года—такъ, какъ они проходятъ въ деревнѣ—представлены здѣсь весьма подробно, въ довольно живыхъ картинахъ. Кромѣ описаній природы, не всегда впрочемъ удачныхъ и часто, по длиннотѣ и по исчисленію мелочей, утомительныхъ,—книга содержитъ въ себѣ много картинъ изъ крестьянскаго быта, описываетъ сельское хозяйство, полевая работы, время сѣнокоса, жатвы, уходъ за скотомъ, за птицами и т. п. Въ ней есть также много сценъ, взятыхъ изъ крестьянской жизни: видно, что авторъ довольно знакомъ съ сельскимъ бытомъ. Жаль только, что его „Деревня“, претендуя на поэзію, которой она и не лишена отчасти, часто сбивается на сухое и незанимательное изображеніе мелочей; самыя описанія довольно однообразны, такъ что, будучи довольно интересны сначала, подъ конецъ надоѣдаютъ. Притомъ описанія вообще хороши только тогда, когда близко относятся къ жизни: въ „Деревнѣ“ они слишкомъ общи; а чтобы такія описанія были интересны, — для этого нуженъ талантъ, напр. Аксакова, котораго „Записки ружейнаго охотника“ въ высшей степени занимательны, хотя и состоятъ изъ однихъ описаній. Затѣмъ описаніе можетъ быть еще хорошо, когда въ немъ выражается личное чувство автора, извѣстный моментъ, въ который картина природы, сама по себѣ несколько, можетъ быть, неинтересная, получаетъ жизнь въ минуту извѣстной настроенности человѣка. Сама по себѣ картина ничего не значитъ и дѣло не въ ней, а въ томъ чувствѣ, которое она пробуждаетъ. Всякій имѣетъ возможность видѣть лѣсъ, поле, восходъ солнца, и описывать все это казалось бы нечего; но всякій ли одинаково взглянетъ на эти явленія, всякій ли въ состояніи чувствовать красоту ихъ? Поэтому поэзія не въ изображеніи предмета, но въ передачѣ чувства. Чѣмъ чувство опредѣленнѣе, яснѣе, конкретнѣе, если можно такъ

выразиться, тѣмъ оно живѣе, интереснѣе. Тоже должно сказать и объ описаніи, которое можетъ передать чувство. Описанія общія и чувства пробуждаютъ общія, неясныя, неопредѣленные. А въ „Деревнѣ“ такихъ описаній множество. Мы этимъ, впрочемъ, не уменьшаемъ достоинства книги, но хотимъ только сказать, что методъ, избранный авторомъ, не совсѣмъ удаченъ, особенно, если книга его назначена для дѣтей. Деревенскую жизнь можно было бы передать гораздо лучше и занимательнѣе въ формѣ разсказа, повѣсти: тогда описанія были бы только аксессуарами, по своей конкретности они были бы живѣе, характеристичнѣе, и слѣдовательно полнѣе передавали бы деревенскую жизнь. Вотъ напр., Робинзонъ Крузо: тутъ и романъ и естественная исторія, если хотите. Оттого все и удерживается легко въ памяти; всѣ подробности живо сохраняются въ головѣ потому именно, что переданы въ разсказѣ, въ исторіи частной жизни. Что если бы весь этотъ островъ, на которомъ жилъ Робинзонъ, описать такъ, какъ, напр., авторъ „Деревни“ описываетъ осень, лѣто и т. п.? Общность описаній составляетъ вообще большой недостатокъ „Деревни“, но этотъ недостатокъ именно зависитъ отъ неудачнаго метода, избраннаго авторомъ.

* * *

Давно уже не встрѣчали мы дѣтской книги, такъ хорошо задуманной и исполненной, какъ „Деревня“. Мысль познакомить дѣтей съ явленіями природы и съ деревенской жизнью въ высшей степени заслуживаетъ одобренія. И видно, что сочинительница книжки (разсказы эти написаны дамой) принялась за свое дѣло съ полнымъ сознаниемъ его важности и пользы. Значеніе книжки всего лучше объясняется ея собственными словами, въ предисловіи.

„Какъ ни странно это, а надобно сознаться, что не только многіе городскіе жители, которые изъ города почти никуда не выѣзжали—развѣ только въ ближайшія окрестности, называ-

емя дачами, — но даже многие изъ молодыхъ деревенскихъ жителей, которые и родились и воспитываются въ деревнѣ, — даже и они не знаютъ деревни и быта русскихъ мужичковъ, какъ имъ слѣдовало бы знать. Имъ часто случается проходить или проѣзжать въ экипажѣ мимо полей, случается видать и крестьянъ, работающихъ на полѣ, но они все-таки не знаютъ, что и какъ растеть въ этихъ поляхъ, какъ они пахутся и засѣваются, какъ производятся разныя крестьянскія работы и какъ живутъ сами крестьяне. Имъ кажется, что имъ и не для чего это знать. Они думаютъ, что только то и занимательно, что происходитъ въ большихъ городахъ да въ иностранныхъ земляхъ, о которыхъ они читаютъ въ книгахъ или слышатъ отъ старшихъ, а на то, что происходитъ каждую минуту передъ ихъ глазами, въ поляхъ, въ лѣсу, въ крестьянскихъ жилищахъ, — и смотрѣть не стоитъ. Имъ кажется, что это нужно знать только крестьянину, который съ дѣтства не учится ничему болѣе, кромѣ сельскихъ работъ, и который въ этихъ работахъ проводитъ всю свою жизнь; а человѣку образованному или готовящемуся быть образованнымъ, человѣку, который учится и разнымъ наукамъ и иностраннымъ языкамъ, зачѣмъ ему знать, какъ пахутся и засѣваются поля, какъ производятся разныя крестьянскія работы, какъ живутъ сами крестьяне? Ему вовсе ненужно и нелюбопытно это знать. Но вѣдь не только то любопытно, что далеко отъ насъ. Много занимательнаго и прекраснаго разсѣяно около насъ на каждомъ шагу, да мы часто проходимъ мимо, и не замѣчаемъ. Мы все думаемъ, что диковинки за морями, за горами; а ихъ можно встрѣтить вездѣ. Природа вездѣ природа; вездѣ она занимательна и разнообразна, на сѣверѣ какъ и на югѣ...

„Но вѣдь въ деревнѣ не одна природа; есть и люди...”

„Вотъ чернѣютъ въ концѣ поля за изгородью, которою оно обнесено, бревенчатыя стѣны и тесовыя и соломенные крыши крестьянскихъ жилищъ. Немногіе изъ этихъ бревенчатыхъ домиковъ, или избъ, какъ ихъ называютъ, — красивы на видъ: иные ветхи, малы, построены кое-какъ, покосились на бокъ. Но неужели вы думаете, что въ этихъ тѣсныхъ стѣнахъ подъ этими низкими крышами, не происходитъ ничего хорошаго и занимательнаго, ничего такого, на что стоитъ посмотрѣть всякому, что можно и полюбить отъ души, когда увидишь? Если вы такъ думаете, вы очень ошибаетесь.

„Вѣдь наше отечество не только тотъ городъ, въ которомъ мы живемъ: Петербургъ, Москва, Тверь, Новгородъ, Ярославль или Тула. Русскія села и деревни — тоже наше отечество, русскіе мужички — тоже наши земляки. И мало того, что они наши земляки: они наши кормильцы. Мы каждый день ѣдимъ тотъ хлѣбъ, который они добываютъ изъ земли,

въ потѣ лица; ихъ трудомъ мы сыты, ихъ трудомъ богато наше государство.

„Въ Россіи городовъ гораздо меньше, чѣмъ селъ и деревень; горожанъ меньше, чѣмъ сельскихъ жителей—крестьянъ и помѣщиковъ: безъ деревень не могли бы существовать и города; безъ сельскихъ жителей—нечѣмъ было бы кормиться горожанамъ.

„А что въ жизни русскихъ мужичковъ для васъ много незнакомаго, много такого, чего вы не увидите въ жизни горожанъ или людей образованнаго сословія, такъ объ этомъ и говорить нечего.

„И не только жизнь крестьянъ, даже жизнь многихъ помѣщиковъ, которые постоянно живутъ въ деревнѣ и сами хозяйничаютъ въ своихъ помѣстьяхъ, даже и ихъ жизнь и занятія во многомъ отличаются отъ жизни и занятій горожанъ. И въ ихъ жизни найдется кое-что особенное, свое, чего нѣтъ въ жизни городскихъ жителей. А въ жизни крестьянъ этого особеннаго еще больше. Жизнь русскихъ крестьянъ землепашцевъ многимъ отличается и отъ жизни горожанъ, и отъ жизни помѣщиковъ. Это совсѣмъ особенная жизнь, съ особенными занятіями, особенными обычаями. И говоритъ русскій мужичекъ, хотѣтъ же русскимъ языкомъ, какъ и мы, да не совсѣмъ такъ: иногда образованный горожанинъ не пойметъ мужика, иногда мужичекъ не пойметъ горожанина, хотѣ оба говорятъ по русски. И одѣваются крестьяне и крестьянки не такъ, какъ мы, и жилища у нихъ не такъ устроены, и привычки у нихъ инныя, чѣмъ у насъ.

„А между тѣмъ, несмотря на это, мы чувствуемъ, глядя на нихъ и на ихъ житье-бытье и слушая ихъ разговоръ, мы чувствуемъ, что ихъ жизнь и ихъ языкъ не совсѣмъ для насъ чужіе; мы чувствуемъ, что хотѣ на мужичкѣ сѣрый сермяжный кафтанъ, грубый и неуклюжій, а на насъ тонкое, щеголеватое платье, хотѣ у него и походка и приемы совсѣмъ инныя, чѣмъ у насъ, а все же, несмотря на эту видимую разницу, онъ намъ сродни и чѣмъ-то на насъ похожъ. Онъ взглянетъ, засмѣется, и намъ понятны и этотъ взглядъ, и этотъ смѣхъ, и у насъ въ отвѣтъ на нихъ что-то зашевелится въ душѣ. Да! гдѣ бы мы ни жили, хотѣ бы въ самомъ блистательномъ столичномъ городѣ Петербургѣ, и кто бы мы ни были, хотѣ бы первые богачи или первые ученые въ городѣ, мы все таки чувствуемъ, что между нами и русскимъ мужикомъ, въ какомъ бы захолустѣ онъ ни скрывался, есть много общаго, много сходныхъ, врожденныхъ свойствъ и наклонностей“.

Проникнутая такими мыслями, рассказчица сообщаетъ дѣтямъ множество описаній нашей сельской природы, луговъ, лѣсовъ, озера, рѣки и пр., гово-

ритель о сельскихъ работахъ — о сѣнокосѣ, жнитвѣ, молотбѣ, изображаетъ жизнь мужиковъ, ихъ труды и отдохновенія и пр. Описанія природы нѣсколько растянуты: видно, что рассказчица, думая примѣняться къ смыслу дѣтей, нарочно старалась часто перевертывать для нихъ одну и ту же фразу (что замѣтно отчасти и въ приведенномъ нами предисловіи). Это во многихъ мѣстахъ вредитъ полному изяществу и живости описанія. Но за то сельскія работы описаны очень просто и отчетливо. Кромѣ того, замѣтно, что описанія эти согрѣты теплымъ чувствомъ любви къ крестьянамъ, кормильцамъ нашимъ, и полны уваженіемъ къ ихъ невзрачному, но истинно-полезному труду. Одно непріятно поразило насъ въ „Деревнѣ“: нѣсколько идиллическій тонъ, придаваемыйъ рассказчицею многимъ описаніямъ. Кто жилъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, напри- мѣръ, что помочь, собираемая помѣщикомъ, во- все не вездѣ и не всегда бываетъ такъ радушна, исполнена праздничной готовности и преданности, какъ это описывается въ „Деревнѣ“. Точно такъ же, людямъ, бывавшимъ на сѣнокосѣ, извѣстно, что эта работа, если и считается легкою, то только сравнительно съ жнитвомъ, а въ самомъ дѣлѣ она также порядочно можетъ намозолить руки. А рассказчица описываетъ сѣнокосъ такъ, что по ея изображенію нужно подумать, будто сѣнокосъ есть одна забава, сельскій праздникъ, и болѣе ничего... Словомъ — мы желали бы, чтобы въ книжкѣ крестьянскій бытъ изображался не въ столь радужномъ цвѣтѣ.

Избѣгая описанія тѣхъ сторонъ сельскаго быта, которыя имѣютъ довольно мрачный характеръ, рассказчица, конечно, имѣла свои основанія: она боялась компрометировать крестьянскій бытъ, показавши своимъ юнымъ читателямъ изнанку его. Но намъ кажется, что она могла бы очень удобно изобразить не только горе, нужду и безпомощность

крестьянъ, но даже самые пороки ихъ — и при всемъ этомъ не отвратить отъ нихъ сочувствія читателя. Слѣдовало только показать, что и какъ довело и доводитъ крестьянъ до этихъ пороковъ. Тогда отвращеніе и негодованіе читателей само собою перешло бы отъ крестьянъ къ тѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ, которыя такъ неблагопріятно дѣйствуютъ на ихъ матеріальное довольство и на самую нравственность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ рассказчица и дѣлаетъ попытки подобныхъ объясненій. Такъ, на примѣръ, она довольно основательно говоритъ о томъ, отъ чего зависитъ пьянство, распространенное между мужиками, чѣмъ поддерживается ихъ безпечность, и пр. Но вообще говоря, такихъ указаній въ книжкѣ недостаточно, и это составляетъ ея слабую сторону.

Но все-таки эта книга въ тысячу разъ лучше и полезнѣе всякихъ нравоучительныхъ рассказовъ о смирномъ Ванѣ и непослушномъ Мишѣ, и т. п. Нельзя не пожелать, чтобъ на нее обращено было особенное вниманіе тѣхъ, кому приходится выбирать книги для дѣтскаго чтенія.

Бесѣды съ дѣтьми. А. А. Пчельниковой. Часть II, III, IV. Спб. 1869 г. in 4; 57, 64, 56 стр.

Прекрасное изданіе г-жи Пчельниковой, о которомъ мы упоминали въ библиографіи 5-го № нашего журнала, дѣятельно продолжается, отличаясь тѣмъ же разнообразіемъ, простотою и занимательностью, какія замѣчены были нами въ первомъ выпускѣ. Въ вышедшихъ теперь, новыхъ трехъ выпускахъ продолжаются англійскіе уроки по методѣ Робертсона и, кромѣ того, начаты, по той же методѣ, уроки французскіе. Они ведутся съ тою-же простотою и искусствомъ, какъ и первый урокъ; но намъ ка-

жется, что если г-жа Пчельникова захочетъ довести ихъ до конца, то они займутъ слишкомъ много мѣста въ „Бесѣдахъ“. Бесѣды эти, какъ теперь оказывается, не назначаются собственно для дѣтскаго чтенія, а должны только служить матеріаломъ для разговоровъ старшихъ съ дѣтьми. Въ этомъ отношеніи „Бесѣды“ превосходны: и выборъ предметовъ, и способъ ихъ изложенія могутъ постоянно служить образцомъ для воспитателей, затрудняющихся, какъ вести дѣтское обученіе. Въ рассказахъ г-жи Пчельниковой очень удачно выбраны предметы, могущіе служить для нагляднаго обученія дѣтей; такъ во второй книжкѣ описана столярная со всѣми инструментами и принадлежностями столярнаго мастерства; въ третьей объяснено явленіе радуги и гармонія цвѣтовъ; въ четвертой изображены домашнія животныя. Все это поясняется картинками, сдѣланными очень отчетливо. Въ текстѣ замѣтили мы нѣкоторую книжность выраженія; но умный воспитатель, для котораго книжка г-жи Пчельниковой будетъ служить темою, легко съумѣетъ поправить этотъ недостатокъ. Такъ же точно могутъ быть полезны и рассказы изъ естественной исторіи, и пословицы, и сказочки, и даже назидательныя повѣсти: всѣ они могутъ служить облегченіемъ родителямъ и воспитателямъ въ выборѣ предметовъ для бесѣдъ съ дѣтьми. Но нельзя того же сказать о цѣломъ курсѣ двухъ языковъ, представленномъ въ видѣ бесѣдъ. Три-четыре урока могли-бы быть помѣщены въ видѣ образчиковъ; но далѣе тянуть ихъ въ каждомъ выпускѣ кажется уже не нужно. Манера преподаванія съ достаточною ясностью показана уже и въ первыхъ урокахъ; а цѣлый курсъ языка въ „Бесѣдахъ“ обошелся бы слишкомъ дорого. Каждая книжка ихъ стоитъ 75 коп. сер.; слѣдовательно, если, напр., курсъ англійскаго языка ограничить даже только 20-ю уроками, такъ и тогда окажется, что за него придется заплатить 15 цѣлковыхъ. Имѣя это въ виду,

г-жа Пчельникова конечно не будетъ наполнять своихъ „Бесѣдъ“ уроками языковъ по Робертсоновой методѣ, а помѣститъ въ нихъ что-нибудь новое и болѣе нужное для разговоровъ воспитателей съ дѣтьми. Если же она хочетъ оказать услугу дѣтямъ и по части языкознанія, то гораздо лучше ей составить и издать отдѣльно руководство для изученія англійскаго и французскаго языковъ. Руководства эти не нужно будетъ печатать на такой превосходной бумагѣ и съ той типографской роскошью какъ печатаются „Бесѣды“; слѣдовательно они будутъ стоить несравненно дешевле, и притомъ каждый урокъ не будетъ отдѣляться отъ другого такими длинными промежутками, какъ это дѣлается теперь при изданіи „Бесѣдъ“.

Краткое изложеніе русской исторіи. Составилъ Н. Тимаевъ. Спб. 1858 г., въ 12-ю д. л., 189 стр. (*)

Въ предисловіи къ „Краткому изложенію русской исторіи“ г. Тимаевъ говоритъ, что рѣшился издать его только потому, что „русская литература не богата руководствами по части отечественной исторіи“. Мы на этотъ счетъ совершенно противнаго мнѣнія: намъ кажется что наша литература наводнена учебниками русской исторіи. Сколько у насъ издавалось сокращенныхъ Карамзиныхъ, сколько было „Краткихъ начертаній“, просто „Начертаній“, „Руководствъ“ и „Краткихъ руководствъ“, различныхъ „Обозрѣній“, „Опытовъ“ и „Курсовъ“. Кайдановъ, Константиновъ, Погодинъ, Полевой, Устряловъ, Медовиковъ, и много другихъ, не столько ученыхъ и извѣстныхъ, трудились для того, чтобы

*) Продается въ книжномъ магазинѣ Исакова, Цѣна 60 к, сер.

разсказать намъ дѣянiя нашихъ предковъ. Какъ-же г. Тимаевъ обвиняетъ нашу литературу въ бѣдности руководствъ по русской исторiи? Что-нибудь одно: или онъ не знакомъ съ литературою своего предмета, или онъ просто—недобросовѣстенъ. И то, и другое—съ перваго же раза не слишкомъ располагаетъ въ пользу его книги. Но можетъ быть онъ хотѣлъ сказать, что у насъ мало хорошихъ руководствъ? Но и въ этомъ случаѣ онъ не правъ; ему слѣдовало-бы сказать: вовсе нѣтъ, а не мало. Притомъ же, если принять послѣднiй, предполагаемый нами смыслъ, то изъ него выходитъ заключенiе, что г. Тимаевъ имѣетъ претензiю считать свое руководство лучше всѣхъ, доселѣ вышедшихъ у насъ по русской исторiи. Въ такомъ случаѣ мы должны быть къ нему строже. Посмотримъ же, что это за новый учебникъ.

Каковы бы ни были недостатки учебниковъ, имъ нужно отдать справедливость въ томъ, что они почти всѣ написаны были грамотно и не искажали крупныя черты фактовъ. Въ книгѣ г. Тимаева даже и этого нѣтъ. Въ предисловіи напр. мы находимъ такую тираду: „Разсказывая только важнѣйшее, сущность Русской Исторiи, я старался достигнуть краткости учебника; но при этомъ, желая придать занимательность учебнику, я вставилъ въ разсказъ событiй описанiя нѣкоторыхъ нравовъ (!) и обычаевъ, нѣкоторыхъ частныхъ случаевъ (описанiя случаевъ!) и частной жизни замѣчательныхъ лицъ; особенно же я заботился о ясности изложенiя, столь необходимой при первоначальномъ преподаванiи (только при первоначальномъ?) каждой науки“. И этой ясности авторъ достигаетъ тѣмъ, что одно и то же понятiе выражаетъ нѣсколькими словами и фразами, совершенно однозначными. Вотъ примѣры. „Они (славяне) были живы и дѣятельны, грубы и дики“ (стр. 8). „Въ храмахъ находились изображенiя боговъ—кумиры, исту-

каны, идолы; богамъ служили жрецы — волхвы, кудесники, гуслияры“ (стр. 9). „Одни изъ князей отличались умомъ и проницательностью, другіе отвагою и силою, третьи могуществомъ и твердостью“ (стр. 69). Такія характеристики безпрестанно встрѣчаются и поражаютъ своимъ совершеннымъ безсиліемъ; въ самомъ дѣлѣ, что за мысль можетъ скрываться въ повтореніи словъ: сила и могущество, кумиры, истуканы и идолы, жрецы, волхвы и кудесники и т. п.? И какъ ихъ отличить другъ отъ друга? Но это еще ничего: тутъ еще только слова повторяются совершенно безтолково и ненужно. А то иногда у г. Тимаева цѣлыя фразы такимъ образомъ толкутся на одномъ мѣстѣ. Напримѣръ:

„Россія была богата произведеніями природы, но по пространству своему очень мало населена. Населеніе Россіи принадлежало къ Татарскому, Финскому и преимущественно Славянскому (вотъ оно гдѣ очутилось) племенамъ. Главное населеніе Россіи составляли (опять!) Русскіе Славянскаго происхожденія; они отличались отвагою, здравымъ смысломъ, терпѣливостью; но въ то же время Русскіе были недѣятельны, мало предприимчивы (какое соединеніе чувствъ: отвага, недѣятельность, непредприимчивость!) и мало образованы. Русскіе были преданы (опять то же — отъ противнаго) суевѣріямъ, предразсудкамъ, стариннымъ отцовскимъ обычаямъ; напротивъ того (еще разъ то же — наоборотъ) все новое, иноземное считалось худымъ, вредящимъ благочестію; поэтому (и въ четвертый разъ то же) Россія медленно подвигалась впередъ въ образованіи и далеко отстала отъ Западной Европы; она представляла (пятый параграфъ!!) богатство матеріальныхъ силъ и бѣдность силъ нравственныхъ“ (стр. 138).

Изъ этого вы видите, до какой степени вяло и пухло рассказываетъ исторію г. Тимаевъ. Присоедините къ этому фразы въ родѣ того, что Владимиръ „украсилъ десятинную церковь иконами и сосудами“ (стр. 21), что при Николаѣ I „столица украсилась Благовѣщенскимъ мостомъ и Московскою желѣзною дорогою“ (стр. 187), что „Петръ сначала боялся воды, ибо въ дѣтствѣ, переѣзжая

однажды рѣку, онъ испугался и долго боялся воды“ (стр. 141) и т. п.; сообразите, что подобныя фразы попадаются въ книжкѣ на каждыхъ двухъ-трехъ страницахъ, и вы будете имѣть понятіе о слогѣ, какимъ она написана.

Но не одинъ слогъ въ ней замѣчателенъ; замѣчательна и фантазія автора, заставившая его писать исторію безъ всякихъ справокъ, вслѣдствіе чего безпрерывныя ошибки и всякіе вздоры пестрятъ чуть ли не каждую страницу. Напр., вотъ что говорится о первомъ Самозванцѣ (стр. 109):

„Это былъ сынъ бѣднаго дворянина, Юрій Отрепьевъ, отличавшійся умомъ, краснорѣчіемъ, отвагою; онъ служилъ сначала въ домѣ Романовыхъ, потомъ постригся въ иноки подъ именемъ Григорія, скитался изъ одного монастыря въ другой, наконецъ прибылъ въ Москву, въ Чудовъ монастырь. Находясь на службѣ у Патріарха, онъ часто ѣздилъ съ патріархомъ ко двору и плѣнился пышностью двора. Зная о неудовольствіи народа противъ Бориса Годунова и имѣя нѣкоторое сходство съ Царевичемъ Димитріемъ, Юрій рѣшился этимъ воспользоваться; онъ бѣжалъ изъ монастыря въ Литву, распустилъ слухъ, что Царевичъ Димитрій живъ, оставилъ иноческое званіе и учился у Запорожскихъ казаковъ (въ Литвѣ-то!) военному искусству, а въ школѣ учился польскому и латинскому языкамъ“. (Хорошо выучился по-латыни-то, подписывался — in perator!).

И такимъ образомъ все рассказываетя... А каковы недосмотры! На первой же страницѣ говорится, на примѣръ: „Къ Сѣверо-Западнымъ Славянамъ принадлежатъ—Поляки, Чехи, Моравы, находящіеся подъ властію Австріи и Пруссіи“. И такъ, поляки—находятся подъ властью Австріи и Пруссіи!.. О Никонѣ сказано, что онъ „издалъ Церковные законы или Кормчую книгу и собраніе лѣтописей“ (стр. 128). „Изъ писателей, прославившихъ вѣкъ Екатерины, особенно замѣчательны были: Богдановичъ, Хемницеръ, фонъ-Визинъ, Дмитріевъ, Державинъ и духовный писатель Митрополитъ Платонъ“ (стр. 175). Какъ точны свѣдѣнія автора въ русской литературѣ! Ужъ если онъ упоминаетъ Хем-

ницера и Дмитриева въ периодъ Екатерины, то надо бы тутъ же упомянуть и Ломоносова съ Сумароковымъ, и Карамзина съ Крыловымъ: и они вѣдь всѣ видѣли царство Екатерины.

Можно бы разсмотрѣть учебникъ русской исторіи еще со стороны историческихъ воззрѣній автора, распредѣленія предметовъ въ учебникѣ, принаровленія къ потребностямъ учащихся и пр. Но совѣстно и начинать такія возвышенныя рѣчи по поводу такой книги, какъ „Краткое Изложеніе“ г. Тимаева. Онъ не умѣетъ писать сколько-нибудь сноснымъ образомъ и безпощадно перевираетъ самые обыкновенные факты.

Учебная книга русской исторіи. Сочиненіе Сергѣя Соловьева. Выпускъ I и II. Москва. 1859 г., въ 8-ю д. л., 246 стр. *).

Имя профессора Соловьева уже ручается, что въ его учебникѣ не можетъ быть тѣхъ недостатковъ, какіе мы нашли въ „краткомъ изложеніи“ г. Тимаева. И дѣйствительно, событія русской исторіи рассказаны у г. Соловьева ясно, правильно и послѣдовательно; изложеніе отличается живостью и выразительностью. Слѣдовательно, къ книгѣ г. Соловьева мы можемъ обратиться съ другимъ вопросомъ, касающимся практическаго ея употребленія; мы спросимъ: для кого назначается „Учебная книга“ г. Соловьева? Для первоначальнаго ли изученія русской исторіи, для гимназическаго-ли курса, или для облегченія студентовъ при повтореніи лекцій профессора?

Первыя строки и даже страницы перваго выпуска заставили насъ думать, что „Учебная книга“ назначается авторомъ для первоначальнаго изученія русской исторіи. Вотъ начало перваго выпуска:

*) Продается въ книжномъ магазинѣ В. Исакова. Цѣна каждому выпуску 50 коп.

„Взглянемъ на карту Россіи: вотъ начиная отъ того мѣста, гдѣ оканчиваются Уральскія горы, до Каспійскаго моря находится большое, ровное степное пространство, какъ будто широкія ворота изъ Азіи въ Европу. На этомъ мѣстѣ и на востокъ отъ него живутъ и теперь еще народы грубые, кочевые, охотники грабить, брать въ плѣнъ сосѣдей; но теперь этимъ народамъ часъ отъ часу становится труднѣе вести такую жизнь, потому что сильное государство Русское не допускаетъ ихъ разбойничать“ и пр.

Способъ выраженія очевидно примѣняется къ дѣтскому понятію. Такъ идетъ нѣсколько страницъ съ начала. Но раскроемъ книгу нѣсколько дальше. Вотъ страница 49-я.

„До насъ дошли въ цѣлости и въ отрывкахъ лѣтописи, написанныя въ Кіевѣ, Новгородѣ, на Волыни, въ Полоцкѣ, въ области Черниговской, въ области Ростовской или Суздальской, вліяніе этихъ мѣстностей отразилось въ характерѣ лѣтописнаго разсказа: такъ лѣтописи южныя—Кіевская и Волынская отличаются живостію, полнотою разсказа, въ нихъ описываются не только дѣйствія историческихъ лицъ, но и приводятся рѣчи ихъ, отъ чего эти лица и являются людьми живыми. Новгородская лѣтопись отличается краткостію и силою. Разсказъ суздальскаго лѣтописца сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вмѣстѣ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной.“

Нѣтъ, это ужъ не для начинающихъ; это — для гимназистовъ высшихъ классовъ. О характерѣ лѣтописей говорятъ уже тому, кто хорошо знаетъ факты, въ нихъ содержащіеся. Это уже критическое изученіе исторіи, которое у насъ и въ гимназіяхъ-то чуть-чуть подъ силу ученикамъ, но къ которому приучать ихъ очень полезно. И въ этомъ смыслѣ нельзя не одобрить методы почтеннаго профессора, который, не ограничиваясь изложеніемъ фактовъ, отдѣляетъ въ своемъ учебникѣ значительное мѣсто объясненію этихъ фактовъ посредствомъ указанія на внутреннее состояніе страны въ данный періодъ времени. Безъ всякаго сомнѣнія, для всякаго неглупаго мальчика интереснѣе и полезнѣе будетъ знать, какъ жили, чему вѣрили, что умѣли наши предки, нежели заучивать безчисленныя имена кня-

зей и воеводъ, да годы войнъ, мировъ, вступленій на престолъ великокняжескій и т. п. Подробности внутренней жизни народа, введенныя въ „Учебную книгу“ г. Соловьева, даютъ ей большое значеніе и ставятъ ее рѣшительно выше всѣхъ, доселѣ бывшихъ у насъ учебниковъ русской исторіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ важенъ также и самый прагматизмъ изложенія, принятаго г. Соловьевымъ. У насъ до сихъ поръ думали большею частью, что строгая послѣдовательность въ показаніи связи событій, равно какъ и критика фактовъ,—неумѣстны въ гимназическомъ учебникѣ. „Это надо уже предоставить университетской кафедрѣ“,—говорили обыкновенно, и вслѣдствіе такого разсужденія давали гимназистамъ голый перечень именъ и таблицъ годовъ: въ этомъ и заключалась исторія. Такимъ образомъ изученіе историческихъ событій было почти исключительно дѣломъ памяти: ни соображенія разсудка, ни сердечныя сочувствія нисколько тутъ не участвовали, хотя почтенные авторы и вставляли по временамъ краснорѣчивые возгласы въ свои учебники для возбужденія патріотизма въ ученикахъ. Профессоръ Соловьевъ ведетъ дѣло совершенно иначе: онъ въ самомъ разсказѣ фактовъ исторіи проводитъ свои идеи, онъ заставляетъ ученика останавливаться надъ событіями и соображать ихъ причины и послѣдствія, уяснять себѣ ихъ отношенія къ другимъ событіямъ. Все это очень благотѣльно можетъ дѣйствовать на самое развитіе учащихся, не говоря уже о томъ, что историческіе факты при такомъ способѣ изложенія запомнятся ими несравненно легче и лучше, нежели какъ было при старыхъ учебникахъ.

Но смотря на „Учебную книгу“ г. Соловьева, какъ на гимназическое руководство, нельзя не пожалѣть о ея излишней и даже мѣстами вовсе ненужной подробности. Въ двухъ изданныхъ теперь выпускахъ событія доведены до избранія на царство

Михаила Федоровича, а между тѣмъ объемъ ихъ далеко уже превзошелъ полный объемъ „Начертанія“ г. Устрялова, употребляющагося въ гимназіяхъ. И все-таки въ книгѣ г. Соловьева много осталось фактовъ необъясненныхъ, много лицъ не характеризованныхъ, а только упомянутыхъ. Особенно нужно это сказать о первомъ выпускѣ. Къ чему, напр., въ гимназическомъ учебникѣ перечисленіе всѣхъ лицъ, не имѣвшихъ значительнаго вліянія на общій ходъ событій? Ни къ чему иному, какъ только къ затрудненію памяти учащихся. Возьмемъ, напр., хоть такую тираду, еще не изъ самыхъ страшныхъ; „Сильные владѣніями Мономаховичи, при Мстиславѣ, были сильны братскимъ единодушіемъ, тогда какъ между Святославичами Черниговскими происходили усобицы: по смерти Олега и Давида Святославичей оставался третій братъ, Ярославъ Святославичъ, который по обычаю, какъ старшій въ племени, и долженъ былъ княжить въ Черниговѣ; но племянникъ его Всеволодъ Олеговичъ, выгналъ его изъ Чернигова и Ярославъ долженъ былъ удовольствоваться сѣверо-восточными владѣніями своего племени — Рязанью и Муромомъ; отъ него пошли князья Рязанскіе и Муромскіе“ (стр. 22). Спрашивается, много-ли потеряетъ ученикъ гимназіи въ знаніи русской исторіи, если и не будетъ помнить всей этой путаницы удѣльныхъ междоусобій? И не лучше ли было бы избѣгать подробностей, не дающихъ никакой характеристической черты для общихъ историческихъ выводовъ? А мы еще взяли очень сносную тираду: на этой-же страницѣ у г. Соловьева есть простое перечисленіе князей: Мстиславъ въ Кіевѣ, Всеволодъ въ Новгородѣ, Ростиславъ въ Смоленскѣ, Ярополкъ въ Переяславѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, и проч. Или напр. во второмъ выпускѣ: „Александра Никитича Романова сослали къ Бѣлому морю, Михайла Никитича—въ Пермскую область, Ивана Никитича—въ Пелымъ, Василья Никитича—въ Яренскъ, мужа сестры ихъ,

князя Бориса Черкаскаго, съ женою и племянникомъ ея, сыномъ Федора Никитича, маленькимъ Михаиломъ — на Бѣлоозеро“ (стр. 199). Что за дѣло—подумаешь—гимназисту до всѣхъ этихъ Александровъ Никитичей и Ивановъ Никитичей? Неужто нельзя было обойтись безъ нихъ?

Можетъ быть, г. Соловьевъ хотѣлъ сдѣлать не болѣе какъ сокращеніе своей полной исторіи, и въ такомъ случаѣ назначеніе „Учебной книги“ можетъ быть иное: оно можетъ служить для студентовъ конспектомъ при повтореніи лекцій профессора. Въ этомъ смыслѣ конечно книга г. Соловьева тоже не бесполезна; но тогда, зачѣмъ опять эта подробность и плавность изложенія, зачѣмъ этотъ упрощенный тонъ, наконецъ зачѣмъ бѣдность въ хронологическихъ цифрахъ? Всѣ указанная качества, служа достоинствомъ въ гимназическомъ курсѣ, совершенно ненужны въ конспектѣ, назначенномъ для студентовъ.

Такимъ образомъ, главный недостатокъ „Учебной книги“ г. Соловьева состоитъ въ смѣшеніи учебника съ конспектомъ, вслѣдствіе чего книга эта не вполнѣ удовлетворяетъ ни гимназиста, ни студента. Впрочемъ, все-таки хорошій преподаватель можетъ воспользоваться ею, какъ учебникомъ гимназическимъ, несравненно лучше, чѣмъ всѣми нашими прежними учебниками.

Учебная книга русской исторіи. Сочиненіе Сергѣя Соловьева. Выпускъ I. Москва. 1859 года.

Краткое изложеніе русской исторіи. Составилъ Н. Тимомаевъ. Спб. 1858 года.

Спѣшимъ обратить вниманіе нашихъ читателей на книжку г. Соловьева замѣчательную уже тѣмъ, что составителемъ является профессоръ, извѣстный своими учеными трудами и служащій нынѣ представителемъ русской исторической науки. Дѣло составленія учебниковъ признано наконецъ дѣломъ серьез-

нымъ; за него принимаются люди, подобные гг. Соловьеву, Буслаеву, В. Шульгину и безъ всякаго сомнѣнія ихъ труды скоро вытѣснятъ тѣ жалкія издѣлія, какими до сихъ поръ снабжались наши учебныя заведенія отъ гг. Зуева, Н. Греча, Ив. Давыдова, Ив. Шульгина, и т. п. Если еще и долго не дождемся мы учебниковъ, которые бы вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ учащихъ, то по крайней мѣрѣ можемъ порадоваться хоть тому, что въ нѣкоторыхъ изъ учебниковъ, изданныхъ въ послѣднее время, здравый смыслъ уже не искажается съ тою безпощадностью, какъ прежде. Можно надѣяться, что со временемъ явятся у насъ и такія руководства, по которымъ учиться дѣйствительно будетъ легко и просто...

„Учебникъ“ г. Соловьева, разумѣется, вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ, какія можно ему сдѣлать съ чисто-научной точки зрѣнія. Факты рассказаны въ немъ вѣрно и точно, связь ихъ показана очень ясно, сдѣлана оцѣнка внутренняго смысла явленій, обращено большое вниманіе на внутреннее состояніе общества въ данную эпоху. Первый выпускъ содержитъ въ себѣ изложеніе русской исторіи до Іоанна III, и въ этомъ изложеніи представляются не устарѣлыя мнѣнія, не отсталые выводы, а дѣйствительно, результаты самыхъ послѣднихъ ученыхъ изысканій о нашей древней исторіи. Но въ педагогическомъ отношеніи еще многого можно желать отъ „Учебника“ г. Соловьева. По мнѣнію лучшихъ педагоговъ, учебникъ исторіи долженъ быть составленъ такъ, чтобы ни одинъ фактъ, ни одна личность не оставались въ головѣ учащагося однимъ празднымъ словомъ, а непременно возбуждали бы его мысль, воображеніе, даже привлекали его сердечное участіе. Поэтому всѣ историческія лица, упоминаемыя въ учебникѣ, должны являться въ немъ съ своею особою фізіономіею, — всѣ отдѣльныя событія должны имѣть свой ярко-опредѣленный ха-

рактёръ, свое, рѣзко обрисованное, значеніе. Если нечѣмъ характеризовать лицо или событіе, лучше вовсе пропустить его. Пусть ученикъ не знаетъ, кто былъ великимъ княземъ, — на примѣръ, хотъ послѣ Мстислава Владимировича; что за бѣда? „Что имя? Звукъ пустой!..“ Довольно для ученика, если онъ узнаетъ общій характеръ борьбы Мономаховичей съ Ольговичами; а этихъ Ярополковъ, Вячеславовъ, Всеволодовъ вѣдь онъ, все равно, перепутаетъ же невозвратно черезъ два дня по окончаніи послѣдняго экзамена. Можно держать пари, на что угодно, — что никто, даже изъ людей, прошедшихъ университетскій курсъ, но не занимавшихся спеціально древней русской исторіей, не расскажетъ вѣрно всѣхъ подробностей удѣльной кутерьмы или даже какой-нибудь части ея, на примѣръ, хотъ происшествій при сыновьяхъ и внукахъ Ярослава. И отъ этого не происходитъ рѣшительно никакого пробѣла въ историческихъ знаніяхъ человѣка. Равнымъ образомъ человѣкъ не сдѣлается сильнѣе въ знаніи исторіи, если выучить изъ „Учебника“ г. Соловьева, на примѣръ, слѣдующія свѣдѣнія: „Мстиславъ владѣлъ Кіевомъ, Новгородомъ и Смоленскомъ, въ Новгородѣ княжилъ сынъ его Всеволодъ, въ Смоленскѣ другой, Ростиславъ; братья Мстиславовы княжили: Ярополкъ въ Переяславлѣ, Вячеславъ въ Туровѣ, Андрей на Волыни, Юрій въ Ростовской и Суздальской землѣ“ (стр. 22). Или: „изъ пятерыхъ сыновей Ярославовыхъ старшій, Изяславъ былъ великимъ княземъ, владѣлъ Кіевомъ и Новгородомъ; второй, Святославъ, владѣлъ Черниговомъ, Тмутароканью и землями по Окѣ, страню Вятчей, Рязанью, Муромомъ; третій, Всеволодъ, владѣлъ Переяславлемъ Южнымъ или Русскимъ; кромѣ того, Всеволодъ владѣлъ землями по Волгѣ, также Ростовомъ, Суздалемъ, Бѣлоозеромъ; четвертый, Вячеславъ, получилъ Смоленскъ; пятый, Игорь, владѣлъ Владимиромъ Волынскимъ. Полоцкъ оставался въ отдѣльномъ владѣніи у потомковъ Изяслава,

сына св. Владимира. Но послѣ Ярослава остался еще внукъ Ростиславъ," и т. д... (стр. 15)... Мы не говоримъ, чтобъ все это было вредно знать, или чтобъ эти подробности дѣлали „Учебникъ“ негоднымъ; но, какъ намъ кажется, подобные приемы обнаруживаютъ, что г. Соловьевъ не слишкомъ заботился о переработкѣ массы историческихъ данныхъ сообразно съ формой, объемомъ и требованіями учебника, а просто составилъ краткое извлеченіе, — родъ подробнаго конспекта, — изъ своей полной исторіи. Потому онъ и не обратилъ особеннаго вниманія на выборъ и соразмѣреніе фактовъ. Самый объемъ „Учебника“ очень значителенъ: 1-й выпускъ, до Іоанна III, содержитъ 116 страницъ убористой печати, что составитъ, вѣроятно, гораздо болѣе половины цѣлой книжки гимназическаго курса исторіи, г. Устрялова. Правда, что у г. Соловьева несравненно болѣе фактовъ, и они лучше рассказаны; правда и то, что г. Соловьевъ не теряетъ словъ понапрасну и никогда не пускается въ затхлое краснорѣчіе; правда, что четвертая доля книги занята обзорѣніемъ внутренняго состоянія общества, о чемъ г. Устряловъ слишкомъ мало думалъ. Но всѣ эти достоинства не исключаютъ возможности сократить рассказъ выпускомъ нѣсколькихъ мелкихъ подробностей и болѣе общей характеристикой событій.

Впрочемъ, все-таки книжка г. Соловьева представляетъ значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ составленія нашихъ учебниковъ. При слѣдующихъ выпускахъ мы надѣемся еще возвратиться къ ней и поговорить о ней подробнѣе.

Что касается книжки г. Тимаева, то она, доводя до крайности недостатокъ, замѣченный нами въ „Учебникѣ“ г. Соловьева, вовсе не имѣетъ его достоинствъ. У г. Тимаева имена князей, городовъ и пр. разсыпаны по всѣмъ страницамъ съ необыкновенною щедростью. Въ „Учебникѣ“ г. Соловьева если имена приводятся во множествѣ, то они по

крайней мѣрѣ оказываются большею частію нужными для разъясненія подробностей послѣдующихъ фактовъ, особенно удѣльныхъ междоусобій. Но г. Тимаевъ приводитъ имена просто для того, чтобы привести ихъ. „Изъ Волынскихъ князей, говоритъ, замѣчательны — храбрый Романъ Мстиславичъ и его сынъ Даніиль Романовичъ, овладѣвшій Галицкимъ княжествомъ; изъ Смоленскихъ князей замѣчательны Мстиславъ Храбрый и Мстиславъ Удалый, прославившійся отвагой и побѣдами“ (стр. 36). И болѣе о нихъ—ни слова. Подобнымъ образомъ онъ занимается даже татарами: „первые ханы Сарайскіе,—говоритъ, были Батый, Беркай, Менгу-Темиръ, Ногай, Туда-Мангу, Тохта и Узбекъ“ (стр. 45). А въ предисловіи г. Тимаевъ говоритъ, что старался „разсказывать только важнѣйшее“ и „придать своему учебнику занимательность.“ Вѣрьте послѣ этого предисловіямъ!

Кромѣ страннаго возрѣнія на занимательность, г. Тимаевъ отличается еще тѣмъ, что очень смѣло говоритъ ложь о предметахъ, которыхъ не понимаетъ и о которыхъ даже, безъ ущерба сущности дѣла, могъ бы не говорить вовсе. Напр., по его мнѣнію „изгой—были князья, недовольные своими удѣлами и желавшіе пріобрѣсти новыя земли“! (стр. 28). Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что только „при дворѣ Владимирскомъ появились разные придворные чины—бояре, гридни или мечники“ и пр. (стр. 37). Еще примѣръ: Владимиръ Мономахъ началъ войну съ Византіей, но эта война скоро прекратилась, потому что Византійскій императоръ Алексѣй Комнинъ прислалъ Владимиру подарки: золотую Мономахову шапку, золотую цѣпь, бармы, скипетръ и державу (стр. 33). Любопытно, какъ онъ начинаетъ разсказъ о Петрѣ Великомъ. „О Петрѣ были различныя предсказанія. Одинъ юродивый говорилъ царю Алексѣю Михайловичу, что его сынъ Петръ будетъ Пахомъ съ большимъ ко-

стылемъ, и всѣ его будутъ бояться; ученый іеромонахъ Симеонъ Полоцкій, св. Димитрій Ростовскій и многіе иностранные ученые предсказывали по звѣздамъ, что явится великій герой. И дѣйствительно (!!!) Петръ уже въ юности выказывалъ умъ и способности.“ (стр. 139). Скажите, чему тутъ болѣе удивляться, невѣжеству, дерзости или безтолковости разсказа?

Вообще, сверхъ всѣхъ означенныхъ достоинствъ, „Изложеніе русской исторіи“ отличается постоянно безтолковостью, чуть не безграмотностью, фразъ. Можно ли такъ писать: „священники ходили по городу и проповѣдывали истины христіанской вѣры, по греческому обряду“ (стр. 19). „Король Сигизмундъ III хотѣлъ покорить восточную Русь, гдѣ въ это время происходили смуты самозванцевъ, но не имѣлъ успѣха: онъ былъ отбитъ нижегородскою ратью подъ предводительствомъ Минина и Пожарскаго“ (стр. 59). (Каково? Мининъ и Пожарскій сражались съ Сигизмундомъ!) „Михаиль Ѳеодоровичъ, съ пятилѣтняго возраста, жилъ вмѣстѣ съ матерью въ монастыряхъ и въ помѣстьѣ Домнинѣ. Здѣсь (?) однажды поляки хотѣли убить юнаго Михаила Ѳеодоровича, но крестьянинъ Иванъ Сусанинъ спасъ его; съ этого времени (?) Михаилъ Ѳеодоровичъ поселился въ Ипатьевскомъ монастырѣ и отличался (съ этого времени?) добродушіемъ и смиреніемъ“ (стр. 123). И такими-то фразами вся книга написана! А между тѣмъ по ней ужъ кто-то учится! Она недаромъ составлена: это чувствуется по заключительнымъ словамъ предисловія, что „учебникъ этотъ назначенъ преимущественно для женскихъ учебныхъ З(з)аведеній, и если онъ принесетъ малѣйшую пользу учащимся, то исполнить (учебникъ исполнить?) искреннее желаніе сочинителя.“

А если онъ принесетъ пользу не малѣйшую, тогда не исполнить искренняго желанія сочинителя?

Александръ Васильевичъ Суворовъ. Сочиненіе В. Но-
ваковскаго. Чтеніе для юношества. Спб. 1858 г., въ 8-ю д.
л., 223 стр.

Чтеніе для юношества. Алексѣй Васильевичъ Коль-
цовъ, его жизнь и сочиненія. Съ портретомъ А. В. Коль-
цова и картинами. Изданіе книгопродавца А. И. Глазунова.
Москва. 1859 г., въ 8-ю д. л., 153 стр.

Вотъ два чтенія для юношества, совершенно
разнообразныя по своему содержанію. Одна тол-
куетъ о знаменитомъ фельдмаршалѣ и восхваляетъ
его за то, что молодецки билъ мятежныхъ поляковъ
и французовъ; другая знакомитъ молодыхъ читате-
лей съ поэтомъ-прасоломъ, исполненнымъ гуман-
ныхъ и скромныхъ стремленій. Которая книга по-
лезнѣе, которую скорѣе можно посовѣтовать дать
въ руки, напр., двѣнадцатилѣтнему мальчику? Изло-
женіе въ нихъ обѣихъ грамотно и большею частью
просто, хотя въ книгѣ о Кольцовѣ есть цѣлая гла-
ва, излагающая теорію лирической поэзіи, а въ кни-
гѣ о Суворовѣ встрѣчаются довольно подробныя и
не совсѣмъ простыя изложенія военныхъ дѣйствій.
Но содержаніе обѣихъ книжекъ полагаетъ между
ними неизмѣнную разницу. Въ одной крестьянинъ
съ своими пѣснями, въ другой—фельдмаршалъ съ
своими подвигами, чинами и орденами; въ одной—
мирная, хотя и грустная, русская пѣсня, въ дру-
гой—напыщенныя, громкія воинственныя оды; въ
одной—непроизвольная нужда, бѣдность, житейское
горе мужика, въ другой—тріумфы, великолѣпіе и
рядомъ съ ними добровольно спартанская суровость
жизни знаменитаго героя; въ одной мирная, скром-
ная дѣятельность, соединенная съ внутренней, са-
мостоятельной жизнью духа, въ другой—громы вой-
ны, соединенныя съ отсутствіемъ внутренней, чело-
вѣчески-нравственной дѣятельности и сопровождае-
мые только пожарами, убійствами, формальною дис-
циплиною... Пусть выбираютъ родители и воспита-
тели, какую книгу дать въ руки своимъ дѣтямъ!

Но не одно содержаніе различаетъ двѣ названныя нами книжки: самый духъ и направленіе каждой изъ нихъ совершенно соотвѣтствуютъ своему содержанію. Книга о Кольцовѣ, говоря о мужичкѣ, проникнута сочувствіемъ къ крестьянскому сословію, къ его положенію, нуждамъ и горестямъ... Она признаетъ человѣческія права простолюдина, и съ негодованіемъ отзывается о тѣхъ образованныхъ людяхъ, которые презираютъ мужика. Книга о Суворовѣ, напротивъ, не лишена сословныхъ предразсудковъ. Въ ней есть, напр., такая фраза о дѣтствѣ Суворова: „Никогда не искалъ, даже не желалъ онъ себѣ товарищей: смотрѣть не хотѣлъ на дѣтскія игры мужичковъ своей деревни. Конечно мужички не могли быть товарищами сына генерала, хотъ и въ играхъ“ (стр. 7).

То же противорѣчіе и въ нравственныхъ понятіяхъ двухъ книжекъ. Г. Новаковскій въ своей книжкѣ не разъ принимается восхвалять великія достоинства дисциплины и безусловнаго послушанія, и очень хвалитъ Суворовское правило: „Слѣпо повинуйся начальникамъ; не разсуждай о томъ, что велѣно, а исполняй“ (стр. 56). Книжка о Кольцовѣ проникнута совершенно другимъ расположеніемъ. Въ ней мы находимъ, напр., слѣдующія строки: „Кольцовъ принадлежалъ къ числу такихъ людей, которымъ необходима собственная, самостоятельная дѣятельность, и въ этомъ заключается, между прочимъ, высокое превосходство его натуры. Есть люди, которые умѣютъ повторять за другими то, что имъ сказано, умѣютъ исполнить то, что велѣно, помнятъ и знаютъ все, что слышали; но сами собою ничего не могутъ сдѣлать. Такіе люди навсегда останутся только исполнителями чужой воли, второстепенными обыкновенными орудіями для общаго дѣла, и никогда не выйдутъ изъ ряда другихъ, не будутъ руководителями ни въ какомъ дѣлѣ, не скажутъ никакого новаго слова. Напротивъ, есть дру-

гого рода люди, которые никогда не хотятъ безсознательно и слѣпо слѣдовать за другими, никогда не лѣнятся сами думать и дѣйствовать, а стараются всегда пробовать собственныя силы на томъ поприщѣ, какое имъ представляется. Отъ этакихъ людей всегда можно ожидать дѣлъ замѣчательныхъ“ (стр. 43). Ясно, что книжка о Кольцовѣ хлопочетъ о развитіи самостоятельности въ дѣтяхъ и только такое развитіе считаетъ истинно-полезнымъ; книжка же г. Новаковскаго рассчитываетъ на дѣтей послушныхъ и благонравныхъ,—вслѣдствіе чего и представляетъ имъ въ образецъ жизнь страшнаго для враговъ, безпощаднаго русскаго героя.

Вообще мы не можемъ выразить особеннаго сочувствія нравственнымъ началамъ книги г. Новаковскаго, выразившимся отчасти въ самомъ выборѣ предмета. Къ чему внушать дѣтямъ съ раннихъ лѣтъ благоговѣніе къ физической силѣ? къ чему обольщать ихъ прелестями убійствъ и пожаровъ, совершаемыхъ на войнѣ? къ чему вбивать имъ въ голову барабанный патріотизмъ, заставляя ихъ восхищаться тѣмъ, какъ мы били крамольныхъ французовъ и мятежныхъ, неблагодарныхъ поляковъ? Нѣтъ, гораздо лучше говорить имъ о людяхъ, менѣе блистательныхъ, но болѣе спокойныхъ, болѣе способныхъ навести дѣтскую мысль на благородныя гражданскія стремленія.

Книжка о Суворовѣ издана довольно грязно; книжка о Кольцовѣ, напротивъ, издана очень опрятно и украшена нѣсколькими, очень изящно сдѣланными, картинками. Въ видѣ приложенія къ біографіи поэта, въ концѣ ея помѣщено 17 пьесъ, выбранныхъ изъ полнаго собранія стихотвореній Кольцова.

Основные законы воспитанія. Вкратцѣ изложилъ для семейства и школы Н. А. Миллеръ-Красовскій, кандидатъ Спб. университета по факультету историко-филологическихъ наукъ, классный надзиратель при Гатчинскомъ Николаевскомъ Институтѣ. Спб. 1859 г., въ 8 д. л.

[Обращаемъ на эту книжку вниманіе тѣхъ благородныхъ оптимистовъ, которые слишкомъ много мечтаютъ о благотворности нашего университетскаго образованія. Они полагаютъ, что университетскій курсъ самъ по себѣ уже способенъ сдѣлать чело-вѣка гуманнымъ и благороднымъ, придать его мысли ясность, твердость и послѣдовательность, освободить его отъ нелѣпыхъ заблужденій, невѣжественно передаваемыхъ дѣтямъ глупыми няньками и пр., и пр. Пусть же они, эти благородные мечтатели, познакомятся] съ воззрѣніями и логикой г. Миллеръ-Красовскаго и увидятъ, до какихъ позорныхъ нелѣпостей могутъ у насъ доходить люди, съ успѣхомъ кончившіе курсъ въ университетѣ.

[Да, книжка г. Миллеръ-Красовскаго дѣлаетъ такой позоръ высшему нашему образованію, болѣе котораго трудно сдѣлать]. Авторъ самъ себя въ заглавномъ листѣ своей книгѣ титуловалъ кандидатомъ университета; значитъ, онъ былъ въ своемъ курсѣ однимъ изъ лучшихъ студентовъ. Онъ поступилъ въ классные надзиратели Гатчинскаго института и 12 лѣтъ, какъ видно изъ книги, занимался дѣломъ воспитанія; слѣдовательно, онъ не отвратился отъ науки и просвѣщенія для житейскихъ цѣлей, какъ дѣлаютъ многіе другіе, учащіеся въ университетѣ только для правъ, т.-е. для чина. Мало того, онъ и свою воспитательную обязанность исполнялъ не машинально, не изъ-за того только, чтобы имѣть средства жить какъ-нибудь; нѣтъ—онъ размышлялъ о своемъ дѣлѣ, хотѣлъ осмыслить свое назначеніе, доходилъ до общихъ опредѣленій, наконецъ, даже написалъ и издалъ сочиненіе объ основныхъ законахъ воспитанія. Можно бы, кажется,

ожидать чего-нибудь хорошаго. [Рѣшительно, онъ могъ и долженъ былъ принадлежать къ числу лучшихъ студентовъ университета во время своего курса.]

А между тѣмъ, посмотрите, что говоритъ онъ о предметѣ, которому посвятилъ себя спеціально,—о воспитаніи. Въ прошломъ году мы представляли читателямъ образецъ обскурантскихъ, молчалинскихъ понятій изъ диссертациі другого г. Миллера, Ореста. Но диссертациа г. Ореста Миллера, несмотря на свою пошлую бездарность, была, по крайней мѣрѣ, написана довольно грамотно и не рѣшалась пускаться въ практическую сферу, довольствуясь восхваленіемъ молчалинскихъ добродѣтелей только въ теоріи. Г. Миллеръ-Красовскій, основываясь на собственной двѣнадцатилѣтней практикѣ, прямо преподаетъ воспитателямъ и юношамъ правила практической дѣятельности, увѣряя, что онъ основывается „на св. вѣрѣ и на самой жизни“ (стр. 69). Даже въ газетной публикаціи о своей книгѣ, онъ прибавляетъ, что педагогія краткая эта весьма важна и полезна, потому что изложена по опытности изъ русской жизни (см. *Спб. Вѣд.* № 118). Но, несмотря на такую авторскую рекомендацію, какое дикое смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ понятій представляется въ его книгѣ! Жизни въ ней нѣтъ вовсе, и видно, что авторъ о жизни вовсе не заботился, сочиняя свои правила: такъ все въ нихъ мертво и формально. О св. вѣрѣ часто упоминаетъ г. Миллеръ-Красовскій; но и ея внушеніями онъ не пользуется такъ, какъ бы слѣдовало. У него встрѣчаются правила, имъ самимъ придуманныя и отличающіяся чрезвычайно мрачнымъ характеромъ. Мы, конечно, если бы и хотѣли, то никакъ не могли бы упрекнуть автора за нѣкоторыя мѣста, напр., за его общее понятіе о нѣмецкой и русской исторіи, выраженное имъ на стр. 5—6.

„Воспитаніе по цѣли и по содержанію можетъ служить зеркаломъ исторіи каждаго народа. Нѣмцы, напр., воспитыва-

ли человѣка, развивая его индивидуальныя силы не для государства, а для всего человѣчества. Такое слишкомъ отвлеченное стремленіе теперь оказывается непрактическимъ, какъ въ единичномъ человѣкѣ, такъ и въ цѣлой Германіи, гдѣ, при всѣхъ ея достоинствахъ, недостаетъ единства и сосредоточенности силъ. Совсѣмъ другое мы видимъ въ Россіи. Богатая исторія русскаго народа постоянно развивалась изъ двухъ началъ, краснорѣчиво и сильно выражавшихся въ минуты отечественной невзгоды. Это именно нашъ народный девизъ: „за Вѣру и Царя“.

Такія разсужденія должно признавать вполнѣ благонамѣренными, и мы нарочно ихъ выписали, чтобы съ самаго начала дать читателямъ понять, что г. Миллеръ-Красовскій, по своимъ основнымъ убѣжденіямъ, не принадлежитъ къ числу людей неблагонамѣренныхъ. То же самое мы должны сказать и о слѣдующемъ мѣстѣ, разсуждающемъ, хотя довольно безграмотно, о храненіи старинныхъ обычаевъ.

„Школьное знаніе отечественной исторіи всегда останется въ молодомъ человѣкѣ мертвымъ, оно не перейдетъ въ его кровь, если семейная дисциплина не заставила его благоговѣть предъ обычаями, нравами и дѣлами,—какъ семейныхъ, такъ и народныхъ предковъ. Тутъ мы понимаемъ, не однихъ гербовъ, не громкихъ торговыхъ фирмъ; нѣтъ,—и въ крестьянской избѣ отцы и дѣды должны служить путеводительными точками для молодого поколѣнія. Отъ стариковъ оно должно учиться вѣрно служить Богу и Царю. Эта мысль—основа воспитанія“ (стр. 21).

Благочестіе и кроткая благонамѣренность автора выражается и въ слѣдующемъ мѣстѣ, возставать противъ котораго мы также не смѣемъ:

„И мы говоримъ: воспитывайте естественно, да только въ той мѣрѣ, какъ оно согласно съ законами Св. Церкви и отечества. Дисциплина налагается на насъ свыше, и потому уже вѣрующій человѣкъ не разсуждаетъ, почему оно такъ и не иначе. А если онъ съумѣетъ заглянуть въ человѣческое сердце, такъ онъ рѣшительно тамъ найдетъ много такого вреднаго и лишняго, что искоренимо одною строгою дисциплиною“ (стр. 26).

Чувство патріотизма, котораго нельзя порицать, и смиренія, которому нельзя не удивляться, видно

и въ слѣдующей замѣткѣ автора о наградахъ ученикамъ.

„Во Франціи педагогія громкими, щедрыми наградами развиваетъ самолюбіе до тщеславія; у насъ награда дѣйствительная, потому что освѣщена смиренностію, какъ Св. Церковь и требуетъ этого: большею частію раздается благословляющею рукою духовной особы“ (стр. 41).

Нельзя также не отдать справедливости чувству благочестія, которое согрѣваетъ г. Миллера-Красовскаго, приводя его къ слѣдующимъ положеніямъ, напечатаннымъ въ его книгѣ нарочито-крупнымъ шрифтомъ.

„1) Каждое крещенное дитя принадлежитъ Св. Церкви и потому занимаетъ Законное мѣсто между міромъ.

„2) Каждое крещенное дитя растетъ подъ священнымъ дѣйствіемъ Святыхъ Таинствъ Крещенія, слѣдовательно, оно имѣетъ полное право и на уваженіе міра“ (стр. 43).

Если строки эти показались вамъ слишкомъ крупны,—вина не наша: такимъ шрифтомъ почтены онѣ у самого автора.

Объясняя свои крупныя положенія шрифтомъ болѣе мелкимъ, г. Миллеръ - Красовскій прибавляетъ:

„Дитя есть Божіе достояніе: отказывать ему въ уваженіи христіанское благочестіе запрещаетъ. Родители разумнѣйшимъ образомъ возбуждаютъ и развиваютъ это чувство,—если, напр., день ангела, день рожденія дитяти всегда празднуются благодарственнымъ молебствіемъ, если дитя получаетъ подарокъ и другія маленькія преимущества. Подъ такимъ направленіемъ дитя пойметъ, что оно также имѣетъ значеніе, также принадлежитъ Церкви и любимо Богомъ“ (стр. 43).

Дѣлая честь благочестію автора, эти мысли совершенно согласны и съ общими его воззрѣніями, выражаемыми, напр., въ слѣдующихъ строкахъ:

„Законъ природы ужъ таковъ, что свѣту противорѣчитъ мракъ, теплотѣ — стужа, оазамъ — песчанья, знойныя степи.

Но Творецъ мудро устроилъ все. Поставивъ человѣческой разумъ для уравновѣшиванія и поборенія враждебныхъ физическихъ силъ, Онъ и человѣку также далъ возможность развить разумъ. Человѣкъ отъ Бога получилъ законъ, Его откровеніе и съ тѣмъ вѣрнѣйшее средство побороть собственные зародыши нравственнаго мрака, зноя и холода. Всемирная исторія ясно доказываетъ намъ, что тамъ, гдѣ человѣкъ отступалъ отъ закона, Господь и каралъ его въ той мѣрѣ, въ какой истина нарушалась“ (стр. 44).

Но, проводя въ своей книгѣ общія идеи, заимствованныя, по выраженію автора, „изъ русской жизни и вѣры“, г. Миллеръ-Красовскій доходитъ до крайностей, столь нелѣпыхъ, что трудно повѣрить, чтобы дошелъ до нихъ человѣкъ, съ успѣхомъ кончившій курсъ наукъ въ университетѣ. Онъ постоянно вооружается на нѣмцевъ (г. Миллеръ-Красовскій!) говоря, что они омрачены Русскими плевелами (стр. 44) и филантропическими тенденціями и вслѣдствіе того, толкуютъ учащимся про ихъ права. Это вмѣняется имъ въ большое преступленіе г. Миллеромъ-Красовскимъ, который свои собственныя воззрѣнія развиваетъ вотъ въ какой послѣдовательности.

„Но если же воспитатель долженъ довести питомца,—будущаго гражданина, — до сознанія, что права человѣка преимущественно измѣряются исполненіемъ гражданскихъ обязанностей; и если всякая гражданская обязанность есть ни что иное какъ безусловное подчиненіе нашей индивидуальной воли правительству и отечественнымъ законамъ, то само собою разумѣется, послушаніе, требуемое воспитателемъ отъ питомца, будетъ основою и гражданского послушанія. Самоограниченіе и самоотверженіе — главнѣйшіе дѣйствователи въ воспитаніи: они вырабатываютъ въ молодой душѣ способность подчиняться общенароднымъ цѣлямъ. Этимъ же подчиненіемъ подъ общее мы и въ свою очередь пользуемся общими нравственными, умственными силами и общимъ покровительствомъ, т. е. благостію церкви и государства“ (стр. 8).

Сколько можно понять изъ неграмотнаго изложенія, авторъ хочетъ сказать, что человѣка нужно воспитывать единственно для государства. Иначе сказать — нужно подавлять въ немъ личную волю,

съ малолѣтства заглушать всякое сознаніе своихъ правъ (кромѣ только приведенныхъ выше празднованія дня ангела, рожденія, и пр.) и цѣлью всего воспитанія поставитъ дисциплину и субординацію. Такъ именно и полагаетъ г. Миллеръ-Красовскій. Въ концѣ книги, сводя къ одному результату всѣ свои положенія, онъ ставитъ четвертымъ основнымъ положеніемъ слѣдующее:

„Воспитаніе и образованіе, по формѣ и содержанію, ни что другое, какъ одно повиновеніе“ (стр. 69).

Даже родительской и дѣтской любви онъ не оставляетъ мѣста въ воспитаніи, безъ дисциплины. Съ цинической грубостью, съ самымъ варварскимъ неуваженіемъ къ лучшимъ чувствамъ человѣческой природы, г. Миллеръ-Красовскій говоритъ (стр. 27):

„Мы не станемъ болѣе доказывать, что одна дисциплина прочитъ родителямъ дѣтскую любовь; смыслъ ея лучше всего выраженъ непреложною педагогическою истиною:

„Повинуясь, дѣти учатся любить“ (но не наоборотъ).

Мало этого, г. Миллеръ - Красовскій считаетъ вреднымъ даже то, когда дѣтямъ объясняютъ, почему они должны сдѣлать то или другое. **„Не разсуждай, а исполняй“**! огромными буквами напечатано на 33 стр. его книги. И этому страшному изреченію предшествуетъ слѣдующее разсужденіе:

„Мы часто замѣчаемъ, что родители облегчаютъ дѣтямъ повиновеніе, убѣждая ихъ въ воспитательской какой-либо необходимости причинами и доводами. Это, въ сущности, то же самое, что освобожденіе отъ всякаго повиновенія, потому что убѣжденное дитя ужъ болѣе не слушается родителей, а причинъ, резоновъ, и такимъ образомъ только привыкаетъ резонировать... Слабая мать, слабый воспитатель, поясняющіе дѣтямъ свои требованія резонами и причинами, только снисходятъ на степень покорныхъ слугъ предъ дѣтьми; за то послѣднія нерѣдко и дѣлаются маленькими деспотами. Нельзя вообще допускать, ни подъ какимъ видомъ, идею равенства между воспитывающимъ и воспитанникомъ; оно несогласно съ заповѣдью. Мы, однако, сами часто доводимъ

ребенка до грѣха именно тѣмъ, что возбуждаемъ нашими вѣчными резонами въ немъ охоту возражать. Дитя, привыкшее къ возраженіямъ, мало-по-малу усвоиваетъ себѣ право переговоровъ. А что же возраженія, переговоры, какъ не идея равенства!

„Положимъ, убѣжденное дитя дѣйствительно и покорилось необходимости, такъ оно сдѣлало это ужъ не повинуюсь высшей волѣ, оно покорилось собственной, самоугодной силѣ сознанія (какъ это печально!). При такомъ направленіи дѣти не только легко лишаются необходимаго, благоговѣйнаго чувства къ воспитателю; они и всю жизнь страдаютъ... Если мы признаемъ истину, что привычка много значитъ, и что человѣкъ всегда постепенно доходитъ отъ малаго до великаго, то здоровое воспитаніе и не допуститъ резонновъ у дѣтей. Оно непременно установитъ для всѣхъ воспитываемыхъ безъ разбора возраста и сословія,— разумное правило:

„Не разсуждай, а исполняй“!

Какъ видите, г. Миллеръ - Красовскій вовсе не хочетъ, чтобы дѣти слушались резонновъ. Нѣтъ, пусть ихъ слушаются чужихъ приказовъ, не смѣя и подумать о томъ, разумны или нѣтъ эти приказы. Повиновеніе, дисциплина—вотъ основа и цѣль воспитанія. А добиться повиновенія можно не приученіемъ дѣтей къ разумному согласію съ волею воспитателя, къ внутреннему одобренію его требованій, а просто наградами и наказаніями. Награды (т.-е. внѣшнее одобреніе, знаки отличія, и т. п.) г. Миллеръ-Красовскій признаетъ необходимымъ и единственнымъ стимуломъ всякой дѣятельности человѣческой. Онъ говоритъ:

„Карамзины, Пушкины, всѣ, кто только не (т. е. ни) записанъ въ (т. е. на) золотыхъ скрижаляхъ исторіи, навѣрно не возвеличили бы своими дарами человѣческаго достоинства, если бы имъ съ молодости твердили: ты работай, трудись,— но награды не жди! (Какой же награды? Понятіе автора объ этомъ отчасти объясняется слѣдующимъ, тутъ же приводимымъ у него примѣромъ). И геніальный Суворовъ, послѣ безсмертныхъ подвиговъ русскаго оружія въ Италіи, писалъ еще изъ Италіи нашему посланнику при лондонскомъ дворѣ: „пришлите мнѣ подвязокъ“ (стр. 38).

Страсть получать знаки отличія и всякія награды очень похвальна съ точки зрѣнія г. Миллеръ-

Красовскаго, который высочайшую степень достоинства человека поставяетъ въ смиренности. Къ приобрѣтенію смиренности долженъ, по его мнѣнію, каждый человекъ стремиться, какъ къ идеалу человеческого совершенства. Съ одушевленіемъ говоритъ онъ на этотъ счетъ: „легко можетъ быть, что иной яркій лучъ, иной прекрасный цвѣтокъ въ нашей литературѣ рано померкъ, рано увялъ отъ горделивой воли, отъ недостатка въ благочестивой смиренности. Такъ на примѣръ, въ произведеніяхъ Лермонтова, любимомъ поэтѣ молодежи, мы находимъ естественную силу и красоту, отголоски величественной кавказской природы; но зато весьма рѣдко встрѣчаемъ въ нихъ нравственную силу — смиренность“ (стр. 16). Безъ смиренности же человекъ погибъ, по мнѣнію г. Миллеръ-Красовскаго: отъ недостатка смиренности и вслѣдствіе „плевель филантропизма“, германскій народъ много бѣдствовалъ, и „мудрено ли послѣ этого, если Наполеонъ двумя ударами, при Іенѣ и Ауерштедтѣ, покорилъ Пруссію?“ (стр. 23). Опасаясь, какъ видно, чтобы и Россію не постигла столь же печальная участь, г. Миллеръ - Красовскій очень подробно толкуетъ о разныхъ наказаніяхъ, посредствомъ которыхъ можно произвести въ дѣтяхъ смиренность и отучить ихъ отъ всякой претензіи на какія-нибудь права. Какъ и слѣдовало ожидать, г. Миллеръ-Красовскій очень одобряетъ розгу; но въ ней онъ видитъ нѣкоторыя неудобства, состоящія въ томъ, что процессъ сѣченія беретъ много времени. Противъ карцера г. Миллеръ-Красовскій возстаетъ рѣшительно, находя, что онъ не убьетъ, а скорѣе „укрѣпитъ молодую грѣшную волю“.

„Въ школѣ еще карцеръ играетъ важную роль: онъ, по мнѣнію многихъ педагоговъ, потому полезенъ, что молодой грѣшникъ можетъ на досугъ удобно обдумывать свою вину. Мы же держимся совсѣмъ другого мнѣнія: наша двѣнадцатилѣтняя практика говоритъ намъ, что продолжительное наказаніе большею частію не только бесполезно, но даже способствуетъ зачерствѣнію и озлобленію молодой природы.“

Быстрое, моментное дѣйствіе же воспитателя всегда болѣе потрясетъ, чѣмъ систематически задуманные приемы и способы. Наша главная задача единственно состоитъ въ томъ, чтобы предавать смерти молодую грѣшную волю, а не давать ей на досугъ, во время дѣлающагося наказанія, укрѣпляться. Это, какъ уже сказано, достигается одною быстротою, основательнымъ, сильнымъ моментнымъ потрясеніемъ“ (стр. 50).

Что же разумѣетъ авторъ подъ сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ, пользу котораго доказала ему двѣнадцатилѣтняя практика? Не розгу, читатель, не розгу; она кажется все еще не довольно сильнымъ и быстрымъ средствомъ. Двѣнадцатилѣтняя практика убѣдила г. Миллеръ - Красовскаго въ пользѣ другого болѣе дѣйствительнаго способа наказанія, именно—пощечины! Въ доказательство благотворности пощечины, или, точнѣе, трехъ пощечинъ, г. Миллеръ-Красовскій рассказываетъ даже бѣль, которую мы представляемъ читателямъ во всей ея первобытной красѣ, не омрачая ее ни однимъ замѣчаніемъ... По нашему мнѣнію, всякая прибавка, всякій знакъ вопроса много бы отнял у этого неподражаемаго разсказа, способнаго возмутить самага невзыскательнаго человѣка, даже выросшаго въ строгихъ правилахъ старинной бурсы или бывшаго кантонистскаго положенія. Вотъ разсказъ г. Миллеръ-Красовскаго, въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ въ его книжкѣ, на стр. 53—55.

Б Ы Л Ь.

Въ семьѣ отецъ и мать часто давали дѣтямъ своею неладицею соблазнительные примѣры. Не то, чтобы старики вѣчно ссорились; этого не было. Но отецъ, бывало, придетъ домой изъ должности и начинаетъ ворчать на дѣтей и на жену; то не хорошо, третье, десятое. Дѣти, разумѣется, привыкли бояться вѣчно недовольнаго отца и мало-по-малу потеряли любовь къ нему, ласкали одну свою нѣжную, добрую мать. Рѣдкій день не проходитъ безъ отцовскаго наказанія; а дѣти, какъ были лѣнивыя, задорныя, такъ и оставались. Когда отецъ умеръ, для матери ужъ трудно было мудро и твердо править своимъ царствомъ. Одинъ изъ мальчиковъ въ особенности много озабочивалъ ее; два года въ классѣ сидѣлъ и все

не зналъ таблицы умноженія. Тутъ надобно было препоручить его опытному человѣку, что и сдѣлали. Учитель слегка началъ свое дѣло, приходилъ въ домъ только на два часа, былъ добръ, мягокъ, ласковъ, какъ слѣдуетъ; потому мальчикъ привыкъ скоро къ порядку, хорошо занимался. Но увы! черезъ мѣсяць старинное упрямство опять появилось: сынокъ по-прежнему не слушался матери, спитъ сколько угодно, на каждое замѣчаніе возражаетъ матери, просто не боится. Эта комедія продолжалась недѣлю; мать не хотѣла жаловаться учителю, надѣясь, что ея наставленія вразумятъ упрянца. Однажды учитель приходитъ на урокъ въ 10 часовъ утра и застаётъ все семейство еще за кофеемъ, кромѣ Пети. Мать посылаетъ за Петей,—Петя не идетъ, не хочетъ кофея. Учитель самъ наконецъ требуетъ чрезъ меньшаго брата Петю къ столу, ему приносятъ отвѣтъ, что Петя не идетъ, и баста. Все замолкло,—мать и дѣти покраснѣли,—учителю также неловко стало. Какъ тутъ быть?—Случай несбычайный, а между тѣмъ и для другихъ дурной примѣръ. Учитель, хотя и нехотя, отправляется въ комнату Пети, все надѣясь еще, что грѣшникъ сконфузится, покорится ему. Не тутъ-то было. „Зачѣмъ ты къ кофею неявился?“—„Я не хочу!“—„Какъ ты не хочешь??—Вотъ тебѣ!“—Петя съ такою быстротою получилъ три пощечины, что совсѣмъ растерялся, заплакалъ, и давай просить у матери прощенія. Нужно замѣтить, что онъ прежде не умѣлъ каяться. Покоренный витязь весь день плакалъ, хныкалъ, но дѣло было кончено. Петя позналъ, что вдаваться въ новую борьбу съ ласковымъ наставникомъ ему не по силамъ и пошелъ себѣ хорошо, сталъ любезнымъ, прилежнымъ воспитанникомъ, нѣжно любящимъ сынкомъ. Если же употребляли розгу, что беретъ больше времени, чѣмъ скорая осторожная пощечина, то мальчикъ 12 лѣтъ имѣлъ бы время собраться съ духомъ, вынесъ бы казнь и остался бы упрямымъ. Прежніе частые отцовскіе побои вбили въ Петю упрямство; благоразумный безпристрастный наставникъ же основательно выучилъ Петю тремя пощечинами. Кто усомнится или упрекнетъ насъ, что этотъ рассказъ не былъ, а выдумка, тотъ навѣрно не заглядывалъ въ жизнь, тотъ силенъ однѣми кабинетскими теоріями. Мы повторяемъ: личность воспитателя много значитъ; она-то и рѣшаетъ самыя трудныя проблемы педагогическія.

Прочитавъ эту быль, припомните, что авторъ самъ—классный надзиратель въ одномъ изъ нашихъ

учебныхъ заведеній, припомните его слова, что убѣжденіе относительно моментнаго дѣйствія „сложилось въ немъ такъ твердо и непоколебимо вслѣдствіе двѣнадцатилѣтней практики“, припомните, что онъ принимаетъ правило: „не разсуждай, а исполняй“, и требуетъ безусловнаго повиновенія своей волѣ, признавая, что успѣхъ воспитанія зависитъ отъ личности воспитателя, употребляющаго сильныя моментныя дѣйствія,—припомните все это и пожалѣйте, вмѣстѣ съ нами, объ участи несчастныхъ дѣтей, которыхъ злая судьба бросаетъ въ руки такого воспитателя. Что можетъ быть жалче и безотраднѣе ихъ положенія? Отъ нихъ требуютъ повиновенія; но повиноваться воспитателю по любви къ нему—г. Миллеръ-Красовскій считаетъ вреднымъ, повиноваться по убѣжденію въ разумности приказанія—тоже считается опаснымъ; представлять возраженія, обнаруживать самостоятельность воли,—это ужъ такое преступленіе, за которое г. Миллеръ-Красовскій караетъ дѣтей „сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ“. Бѣдныя, жалкія дѣти! Что то выйдетъ изъ васъ, когда къ вамъ прилагается постоянно такая система воспитанія!

А между тѣмъ г. Миллеръ-Красовскій—кандидатъ университета по факультету историко-филологическихъ наукъ; свой образъ дѣйствій употребляетъ онъ сознательно и обдуманно; въ „двѣнадцатилѣтней практикѣ по моментнымъ, потрясающимъ дѣйствіямъ“ онъ не боится признаться печатно и даже попрекаетъ кабинетскими теоріями людей, которые не захотятъ согласиться съ нимъ въ благотворности пощечины или трехъ пощечинъ! Что же послѣ этого дѣлается въ тѣхъ темныхъ уголкахъ тѣми темными личностями, которыя о себѣ не печатаютъ?!

* * *

Надъ книгою Миллера-Красовскаго очень много смѣялись во всѣхъ журналахъ, чѣмъ онъ, какъ и слѣдовало ожидать, остался очень недоволенъ. Про-

тивъ одной рецензіи онъ напечаталъ даже реплику въ *Съверной Пчелѣ*. Репутація газеты, принявшей подъ свое покровительство антикритику г. Миллера-Красовскаго, слишкомъ хорошо извѣстна, для того чтобы нужно было прибавлять еще какія-нибудь поясненія къ этому факту. Но справедливость требуетъ сказать, что отвѣтъ г. Миллера-Красовскаго, напечатанный въ *Съверной Пчелѣ* (№ 142), въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ все-таки не такъ нелѣпъ, какъ вся его книга. Въ отвѣтъ своемъ онъ даже прямо противорѣчитъ нѣкоторымъ изъ основныхъ положеній, провозглашенныхъ имъ въ „Основныхъ законахъ воспитанія“. Надобно сказать, что вся книга г. Миллера-Красовскаго есть не что иное, какъ апоѳеозъ повиновенія воспитанника, повиновенія слѣпого, безусловнаго, повиновенія во чтобы-то ни стало, хотя бы дѣло дошло до розогъ и пощечинъ. Заставить воспитанника повиноваться безъ разсужденій, вотъ цѣль воспитанія, по мнѣнію автора. Онъ разсуждаетъ такъ: „Дитя еще не имѣетъ воли, не въ состояніи мыслить; за него воспитатель волить, мыслить и отвѣчаетъ предъ Богомъ за младую душу, требуя одного повиновенія“ (стр. 18); поэтому очевидно, что воспитанникъ долженъ безусловно и слѣпо повиноваться воспитателю, какъ существо, лишенное своей воли и мысли. „Здравое воспитаніе непременно установить для всѣхъ воспитываемыхъ, безъ разбора возраста и сословія, разумное правило: „Не разсуждай, а исполняй“ (стр. 33). Но когда же оканчивается это воспитаніе, требующее повиновенія безъ разсужденій? По словамъ г. Миллера-Красовскаго, вмѣстѣ съ совершеннолѣтіемъ (стр. 10); но по сущности его ученія — никогда. Онъ самъ говоритъ, что „послушаніе, требуемое воспитателемъ отъ питомца, будетъ основою гражданскаго послушанія“; „всякая же гражданская обязанность есть не что иное, какъ безусловное подчиненіе нашей воли правительству и оте-

чественнымъ законамъ“ (стр. 8). Значить, въ теченіе всей своей жизни человѣкъ, воспитанный по началамъ г. Миллера-Красовскаго, никогда не дойдетъ до того, чтобы самостоятельно разсудить о чемъ-нибудь. Въ жизни онъ такъ же, какъ и при воспитаніи своемъ будетъ только исполнителемъ, вовсе не понимающимъ, да и не заботящимся понимать, что и зачѣмъ онъ дѣлаетъ. По требованію г. Миллера-Красовскаго, „не должно облегчать дѣтямъ повиновеніе, убѣждая ихъ въ воспитательской какой-либо необходимости причинами и доводами: это въ сущности то же самое, что освобожденіе отъ всякаго повиновенія, потому что убѣжденное дитя ужъ болѣе не слушается родителей, а причинъ, резоновъ, и такимъ образомъ привыкаетъ резонировать“ (стр. 32). Значить, по ученію г. Миллера-Красовскаго, великое зло воспитанія заключается въ томъ, когда дѣти привыкаютъ разсуждать (или резонировать); нужно, чтобъ они не привыкали къ этому, и такимъ образомъ на всю жизнь остались покорными исполнителями чужихъ велѣній. Очевидно, что при такой системѣ воспитанія общество обрекается на вѣчный застой, на вѣчное повтореніе однихъ и тѣхъ же разъ навсегда установившихся обычаевъ и предразсудковъ; этой системой уничтожается всякая возможность нововведеній и усовершенствованій, осуждается всякая борьба противъ укоренившагося зла, всякая реформа въ какомъ бы то ни было дѣлѣ. Люди, открывшіе новые пути для мысли, указавшіе новыя начала общественнаго устройства, составлявшіе новыя системы, новые законы для человѣческой дѣятельности, — всѣ эти люди, по ученію г. Миллера-Красовскаго, не болѣе, какъ своевольники, дурно-воспитанные, ложно-направленные мальчишки!..

Въ отвѣтѣ своемъ г. Миллеръ-Красовскій нѣсколько смягчаетъ свое ученіе, и этимъ даетъ доказательство, что насмѣшливыя рецензіи его книги

не остались безъ дѣйствія. Напр., онъ говоритъ: „кажется, мы вполне правы были, сказавъ: любя, дѣти научатся повиновенію“. Дѣйствительно, авторъ былъ бы правъ, если бы сказалъ это; но дѣло въ томъ, что онъ въ своей книгѣ сказалъ совершенно противное. Въ „Основныхъ законахъ воспитанія“ огромными буквами напечатано: „повинуясь, дѣти учатся любить (но не наоборотъ)“ (стр. 27). Это значитъ: „но любя, дѣти не научатся повиноваться“. Очевидно, что въ отвѣтъ г. Миллера-Красовскаго принято положеніе, совершенно и буквально противоположное тому, что имъ же самимъ сказано въ „Основныхъ законахъ воспитанія“.

Въ другомъ мѣстѣ своего отвѣта г. Миллеръ-Красовскій удивляется, какъ могли рецензенты смѣяться надъ неоспоримымъ положеніемъ, что „идея равенства между родителями и дѣтьми невозможна, потому что она и не согласна съ заповѣдью: чти отца и мать“. Но равенства родителей и малолѣтнихъ дѣтей никто и не провозглашалъ. Смѣялись только надъ этимъ „потому что и“, и возставали противъ примѣненія идеи о неравенствѣ въ „Основныхъ законахъ воспитанія“. Развивая эту идею, г. Миллеръ-Красовскій посягаетъ на самую человѣческую личность дитяти, отнимаетъ у него право имѣть собственную мысль, выразить собственное ощущеніе. По его требованію, не нужно позволять дѣтямъ ни малѣйшаго возраженія, ибо „что такое возраженія, переговоры, какъ не идея равенства!“ (стр. 33). Ясно, что г. Миллеръ-Красовскій считаетъ всякое проявленіе личности въ ребенкѣ какимъ-то преступнымъ замысломъ захватить себѣ равенство съ родителями и воспитателями.

Далѣе — г. Миллеръ-Красовскій отрекается въ *Сѣверной Пчелѣ* отъ розогъ и пощечинъ, и даже приходитъ въ негодованіе, что ему приписываютъ подобныя нелѣпости. „Пускай читатель самъ

рѣшить, — говоритъ онъ, — стоитъ-ли труда далѣе обличать дѣйствительныя фантазіи (?) нашего замаскированнаго филантропа (т. е. рецензента *Спб. Вѣдомостей*), который въ добавокъ позволилъ себѣ еще разныя неправды, позволилъ себѣ рассказать, что мы рекомендуемъ розгу, вводимъ пощечины и подобныя нелѣпости“. — Подумаешь, что г. Миллеръ-Красовскій въ самомъ дѣлѣ врагъ розги и пощечины. Но раскроемъ его книгу. Вотъ глава о формахъ наказаній.

„Какъ ни трудно опредѣлить универсальныя формы, онѣ съ нѣкоторыми измѣненіями преимущественно бываютъ слѣдующія: выговоръ, иронія, лишеніе удовольствія и свободы, разжалованіе мѣстомъ и наконецъ—розга. Мы вполне согласны, что понятіе—розга—весьма неизящное. Нѣмецкая педагогія (къ которой авторъ постоянно выражаетъ свое презрѣніе и отвращеніе) со временъ Руссо (послѣдняго негодяя и шарлатана, по мнѣнію автора) всѣми мѣрами вооружилась, постоянно тревожилась и еще нынѣ не согласна на счетъ этого унижительнаго двигателя повиновенія. Наше мнѣніе о такомъ важномъ вопросѣ будетъ лишено авторитета. Почему и, полагаемъ, благоразумно сдѣлаемъ, заставивъ г. Визе тутъ говорить объ Англичанахъ. „Даже въ Этонѣ (высшей школѣ) воспитанники старшаго класса не исключены отъ наказанія розгами“ и проч.

Сдѣлавъ выписку изъ Визе, въ которой говорится, что у англичанъ тѣлесное наказаніе держится по старому обычаю, хотя и не имѣетъ разумнаго основанія, и что они придаютъ этому значеніе не исправительное, а „смысль примиренія съ прошедшимъ“, т.-е. карательное значеніе,—г. Миллеръ-Красовскій прибавляетъ отъ себя: „сказанное хотя и не относится къ домашнему воспитанію, но объясненный имъ смыслъ и символъ наказанія имѣютъ также важное значеніе для семейства“ (стр. 50). Это значитъ, что г. Миллеръ-Красовскій принялъ Визе за поборника розги, и вслѣдствіе того говоритъ читателямъ: „нынѣ всѣ противъ розги,—такъ что я даже не смѣю отъ себя высказать защиты ея; но вотъ г. Визе хвалитъ англійскій обычай под-

вергать тѣлесному наказанію старшихъ воспитанниковъ Этонской школы; хотя это къ семейному воспитанію не относится, но я думаю, что и въ семействѣ нужно съ дѣтьми поступать также точно“... Скажите-же, послѣ этого, защищаетъ ли розгу г. Миллеръ-Красовскій, или напротивъ, считаетъ ее нелѣпостью?

А вотъ и о пощечинахъ. Отвергая пользу карцера, г. Миллеръ-Красовскій говоритъ: „наша двѣнадцатилѣтняя практика говоритъ намъ, что продолжительное наказаніе большею частію бесполезно, оно даже способствуетъ зачерствѣнію и озлобленію молодой натуры. Быстрое, моментное же дѣйствіе воспитателя всегда болѣе потрясетъ, чѣмъ систематически-задуманые приемы и способы“ (стр. 50). Что такое разумѣетъ авторъ подъ сильнымъ моментнымъ дѣйствіемъ, онъ объясняетъ былью, которая вѣроятно уже извѣстна нашимъ читателямъ, потому-что она была перепечатана и въ *Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, и въ *Современникъ*, и даже переложена въ стихи въ *Искрѣ*. Дѣло все въ томъ, что „благоразумный, безпристрастный наставникъ основательно вылѣчилъ Петю отъ упрямства тремя пощечинами“ (стр. 55). Разсказавъ эту быль, г. Миллеръ-Красовскій заключаетъ: „кто усомнится или упрекнетъ насъ, что этотъ разсказъ—не быль, а выдумка, тотъ навѣрно не заглядывалъ въ жизнь, тотъ силенъ однѣми кабинетскими теоріями“. Послѣ этого нельзя не согласиться, что вполне справедливо усвоено г. Миллеру-Красовскому живописное названіе „Рыцаря трехъ пощечинъ“.

Въ заключеніе нашей рецензіи считаемъ не лишнимъ сообщить слѣдующій фактъ. Въ № 8 *Современника* помѣщено письмо въ редакцію г. Цейдлера, одного изъ служащихъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, въ которомъ Миллеръ-Красовскій занимаетъ должность класснаго надзирателя, какъ ска-

зано на заглавномъ листѣ его книги. Письмо это вызвано предположеніемъ, которое сдѣлалъ рецензентъ *Современника*, что г. Миллеръ-Красовскій провѣряетъ свои педагогическія теоріи на воспитанникахъ гатчинскаго института. Г. Цейдлеръ признаетъ это предположеніе „весьма естественнымъ“, но удостовѣряетъ, что оно „къ счастью, невѣрно“, потому-что г. Миллеръ-Красовскій, если бы и желалъ, то по своему положенію въ заведеніи не былъ бы допущенъ здѣсь проводить въ практикѣ свои идеи. Слѣдовательно, заключаетъ г. Цейдлеръ, г. Миллеръ-Красовскій проводилъ свои идеи на практикѣ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, внѣ института. Утѣшительно и это!

Природа и люди. Уроки географіи, читанные въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Книга вторая. Выпускъ 1. Спб. 1859 г., въ 8-ю л., IV+325 стр.

Мы говорили въ *Журналь для Воспитанія* (1858 г. № IV и XI) о первыхъ двухъ выпускахъ, составляющихъ первую книгу этого изданія. Признавая за нимъ большія литературныя достоинства, мы замѣтили, что оно не можетъ „вытѣснить жалкіе учебники географіи“, какъ предполагали авторы-издатели. Въ урокахъ гг. Павловскаго и В. Л. слишкомъ много было вещей недосказанныхъ, слишкомъ много мѣстъ, которыхъ хорошее объясненіе было не подъ силу не только ученикамъ, но и многимъ изъ преподавателей. Ссылки на источники мало могли помочь, потому-что большая часть этихъ источниковъ недоступна младшему учителю гимназій, гдѣ-нибудь въ провинціальномъ городѣ. Всѣ эти замѣчанія приняты во вниманіе авторами при составленіи второй книги ихъ уроковъ. Въ нынѣшнемъ выпускѣ содержатся рассказы объ Египтѣ, Алжиріи и Сенегамбіи. Говоря объ Египтѣ, г. Павловскій весьма подробно, живо и просто рассказы-

ваетъ объ общихъ свойствахъ страны, о качествахъ народа, о мусульманской религіи, объ администраціи Египта,—нерѣдко обращаясь къ прошедшему и дополняя свои описанія историческими замѣтками. Въ очеркѣ Алжиріи г. Павловскій также даетъ описаніе страны и вмѣстѣ въ тѣмъ изображеніе народа, живущаго въ этой мѣстности, и нѣсколько свѣдѣній о его политическомъ положеніи. То же самое дѣлаетъ г. В. Л. въ отношеніи къ Сенегамбіи и Сіерра-Леонскому берегу Африки. Нельзя не поблагодарить ихъ за то, что они признали справедливость сдѣланныхъ имъ замѣчаній и постарались въ новыхъ выпускахъ исправить, хотя отчасти, указанные имъ недостатки. Въ изданной теперь книжкѣ уже гораздо меньше намековъ и ссылокъ на источники, рѣдко кому доступные; авторы потрудились изложить все, что сами нашли нужнымъ передать ученикамъ, а не только конспектъ того, что долженъ будетъ развивать предъ учениками искусный преподаватель. Вслѣдствіе того третій выпускъ „Природы и людей“ можетъ служить очень полезнымъ пособіемъ для всякаго учителя, въ изложеніи географіи Сѣверной и Западной Африки. Но само собою разумѣется, что и этотъ выпускъ все-таки не можетъ служить учебникомъ въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно понимается это слово. Книжку „Природа и люди“ нельзя дать въ руки ученикамъ, чтобъ они учили ее. Дѣлаемъ это замѣчаніе для тѣхъ, которые, не издавши третьяго выпуска, могли бы подумать, что г. А. Павловскій и В. Л. продолжаютъ стремиться къ тому, чтобъ свои лекціи поставить на мѣсто учебниковъ, употребляющихся въ школахъ. Нѣтъ, они совершенно отказались отъ этого и считаютъ свою книгу не болѣе какъ „пособіемъ для учащихся и для читателей, мало знакомыхъ съ современною наукою“ (пред. III). Въ этомъ смыслѣ нельзя не отдать полной справедливости книгѣ гг. А. Павловскаго и В. Л.;

ихъ уроки съ любопытствомъ прочтуть многіе даже изъ прошедшихъ гимназическій курсъ географіи.

Въ предисловіи къ третьему выпуску находится, между прочимъ, возраженіе на нашу рецензію, помѣщенную въ № XI *Журнала для Воспитанія* 1858 г. Упреки касаются двухъ пунктовъ: 1) Зачѣмъ мы сказали, что критикъ нѣтъ дѣла до того, какими источниками пользовался авторъ. Но авторъ не вполне точно передалъ нашу мысль въ своемъ возраженіи. Мы сказали, что „здоровой критикъ нѣтъ дѣла до того, какія книжки читалъ авторъ; она судитъ о томъ, что онъ написалъ“. Мысль наша ясна: можно пользоваться многими источниками и все-таки не написать ничего хорошаго; слѣдовательно, указаніе на источники ни мало не оправдываетъ недостатковъ собственнаго изложенія автора. И въ этомъ отношеніи можетъ быть неумѣстно, не нужно и дурно даже то, что взято прямо и буквально изъ источниковъ: не все то нужно и хорошо въ учебникѣ исторіи, что находится въ актахъ и лѣтописяхъ; не все то умѣстно и въ учебникѣ географіи, что говорится въ описаніяхъ путешествій и въ статистическихъ сборникахъ. Поэтому-то мы считаемъ несправедливымъ и второй упрекъ издателей, сдѣланный намъ,—именно 2) въ томъ, что мы осудили въ ихъ книгѣ два мѣста, прямо взятые изъ Брэма и изъ миссіонера Шёна. Ихъ свидѣтельства могутъ быть вполне достовѣрны, ихъ авторитеты—незыблемы, ихъ рассказы—превосходны; но все это не мѣшаетъ намъ замѣтить и остаться при своемъ мнѣніи, что описанія, взятые изъ нихъ въ книгу г. А. Павловскаго и В. Л.,—риторичны, что фраза, нелѣпость которой мы замѣтили въ нашей прежней рецензіи, — дѣйствительно нелѣпа. „Почему же не заглянуть было хоть въ эти два источника, если другіе не извѣстны г. рецензенту?“—спрашиваетъ предисловіе. Но почему же,—спросимъ мы въ свою очередь,—предисловіе думаетъ, что мы осуди-

ли указанные нами мѣста во второмъ выпускѣ потому только, что не знали, откуда они взяты? Неужели мы не смѣли бы выразить свое мнѣніе, еслибы намъ было извѣстно, что недостатки, порицаемые нами, принадлежать не г. В. Л., а Шѣну и Брѣму? Такое ниспроверженіе въ прахъ предъ авторитетами мы считаемъ совершенно излишнимъ.

Этимологическій курсъ русскаго языка. Учебное пособіе для 1-го общаго класса въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Составилъ В. Новаковскій. Спб. 1858 г., въ 8-ю д. л., II+ 268 стр.

Опытъ грамматики русскаго языка. Составленный домашнимъ учителемъ С. Алейскимъ. (Выпускъ первый). Спб. 1859 г., въ 8-ю д. л., 82 стр.

Курсъ г. Новаковскаго можно назвать стенографическимъ воспроизведеніемъ уроковъ, читанныхъ въ низшемъ классѣ русскаго языка какимъ-нибудь учителемъ. Кто изъ учителей убѣдится въ пользѣ методы г. Новаковскаго, тотъ смѣло можетъ взять съ собою его книжку и начать грамматическій разборъ „Перелетной птички“ Пушкина, — ни на шагъ не отступая отъ того, что находится въ „Этимологическомъ курсѣ“: тутъ уже все не только въ ротъ положено, но и разжевано. Вотъ, напр., какъ начинаетъ г. Новаковскій свой разборъ, который долженъ слѣдовать за прочтеніемъ „Перелетной птички“.

„Во всемъ стихотвореніи Пушкина говорится о птичкѣ; стало-быть, птичка — предметъ этого стихотворенія. Передъ вами теперь перо, карандашъ, тетрадь: это предметы. Вы вышли на улицу, вамъ бросаются въ глаза слѣдующіе предметы: дома, люди, лошади, экипажи. Въ мірѣ много животныхъ, растений, камней: все это — предметы. Мы употребляемъ слово предметъ для выраженія всего, о чемъ только можно сказать: я думаю о томъ-то, я говорю о томъ-то, я пишу о томъ-то. Можно сказать: я думаю о Богѣ, Богъ — предметъ; можно сказать: я говорю о трудѣ, трудъ — предметъ; можно сказать: я пишу о веснѣ, весна — предметъ,“ и проч.

Далѣе столь же пространно толкуется о разныхъ родахъ предметовъ, объ ихъ признакахъ, о дѣйствіяхъ и состояніяхъ, и пр. Словомъ, вся книжка г. Новаковскаго составляетъ не что иное, какъ тетрадь внимательнаго ученика, обстоятельно записавшаго всѣ объясненія, какія дѣлались въ классѣ учителемъ относительно грамматическаго разбора. Есть-ли въ нашихъ школахъ потребность въ изданіи такой тетради? Для кого она можетъ принести пользу? Ученикамъ перваго класса гимназіи или кадетскаго корпуса рѣшительно невозможно дать въ руки книжку г. Новаковскаго. Что они станутъ съ ней дѣлать? Учить ее наизусть? Но на это едва-ли бы согласился самъ авторъ „Этимологическаго курса“... Читать еѣ для пріученія себя къ грамматическому анализу? Но и этого, очевидно, не имѣлъ въ виду самъ г. Новаковскій, потому что въ курсѣ его находимъ и задачи въ родѣ: „произведите прилагательныя отъ такихъ-то существительныхъ“, „разберите такія-то фразы“ и проч.; находимъ цѣлыя таблицы всевозможныхъ склоненій и спряженій, находимъ и неизбѣжныхъ двѣ страницы, на которыхъ живописно изображено:

1	одинъ	первый
2	два	второй
3	три	третій

и т. д. до милліона. Зачѣмъ этотъ кунштикъ повторяется въ каждой русской грамматикѣ, мы добиваемся уже кажется лѣтъ пятнадцать, и все не можемъ добиться.

Словомъ, книга г. Новаковскаго составлена скорѣе какъ учебникъ, нежели какъ книга для чтенія. Въ ней есть что-то похожее на методу Робертсона: сначала даются отдѣльные примѣры; разбираются, затѣмъ выводятся общія правила, формы и проч.

Но здѣсь нѣтъ Робертсоновской послѣдовательности и цѣльности. По курсу г. Новаковскаго фор-

мально нѣтъ возможности выучиться по-русски никакому ученику. Иностранецъ очевидно затруднится съ самаго начала изложеніемъ г. Новаковскаго; да впрочемъ книга и назначена не для иностранцевъ. Она составлена для маленькихъ дѣтей. Но дѣтямъ она голову разломить — именно своею претензіею на простоту изложенія, подробности объясненій, обиліе примѣровъ. Ничто такъ не можетъ затруднить ребенка и сбить его съ толку, какъ обиліе посредствующихъ соображеній, ведущихъ къ какой-то, невидной для него цѣли. Пока еще дитя не набралось отвлеченныхъ понятій (а оно набирается ихъ сознательно только въ 13—14 лѣтъ), до тѣхъ поръ каждый предметъ, представляющійся ему, занимаетъ его самъ по себѣ, а не какъ средство къ опредѣленію чего-то другого, неизвѣстнаго. Реальный смыслъ всегда прежде и лучше сознается дѣтьми, нежели формальный. Птичка интересуется ихъ, какъ птичка, а не какъ подлежащее или дополненіе, не какъ имя существительное или именительный падежъ. Ученикъ вашъ можетъ отлично понять ваши объясненія о составѣ предложенія; можетъ вамъ двадцать разъ отвѣтить, что „подлежащее есть предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи“. Но скажите ему: „птичку убили изъ ружья“ — и спросите: „о комъ здѣсь говорится?“ Ученикъ безъ запинки отвѣтитъ: „о птичкѣ“, — и не безъ основанія выведетъ, что „птичку“ есть подлежащее. Вообще въ длинныхъ предложеніяхъ, гдѣ подлежащее мѣняется, а рѣчь идетъ все объ одномъ предметѣ, дѣти безпрестанно путаются въ грамматическомъ анализѣ, останавливаясь на реальномъ смыслѣ и выпуская изъ виду формальный. Учитель обыкновенно въ такихъ случаяхъ сердится на непонятливость дѣтей; но въ сущности-то виноваты тутъ вовсе не дѣти, а путаница грамматическихъ опредѣленій, которою непременно хотятъ оплести дѣтскій умъ... Да еще—не довольствуясь тѣмъ, что просто на-

вязываютъ дѣтямъ свои опредѣленія, — хотятъ, чтобъ маленькіе ученики сами доходили до всѣхъ этихъ формальностей, на основаніи частныхъ примѣровъ и указаній. На этомъ пути подвизается во всей своей книгѣ и г. Новаковскій. Каково бѣднымъ дѣтямъ возиться хоть бы съ „Перелетною птичкой“ Пушкина, затѣмъ, чтобы узнать, во-первыхъ, что птичка есть предметъ, во-вторыхъ, что это есть имя существительное, въ-третьихъ, что это предметъ вещественный, въ четвертыхъ — одушевленный, и т. д. И для чего все это маленькимъ дѣтямъ? Намъ всегда казалось, что обученіе русскому языку въ низшихъ классахъ должно главнымъ образомъ содѣйствовать развитію способностей учащихся и расширенію круга ихъ свѣдѣній. Читая съ дѣтьми произведенія лучшихъ отечественныхъ писателей, заставляя дѣтей пересказывать содержаніе прочитаннаго, объясняя имъ подробности, содержащіяся въ рассказѣ, — учитель имѣетъ въ виду познакомить ихъ съ предметами, дотолѣ имъ неизвѣстными, приучить ихъ къ связности сужденій и къ стройности изложенія. При этомъ мимоходомъ, какъ дѣло самой послѣдней важности, могутъ быть сообщаемы и различныя грамматическія опредѣленія. Да и то надо дѣлать только съ цѣлью — укрѣпить въ памяти учениковъ самую сущность дѣла посредствомъ сообщенія его названія. Дѣтямъ необходимо растолковать, какъ составляется сужденіе и какія условія необходимы для его составленія; объяснивъ это, можно кстати замѣтить, что сужденіе называется грамматически предложеніемъ, что части его — подлежащее и сказуемое, и проч. Но толковать о предложеніи именно затѣмъ, чтобы дѣти хорошо усвоили себѣ этотъ грамматическій терминъ, приводитъ примѣры, читать стихи — для того только, чтобы изъ нихъ вырвать слова, которыя могутъ быть названы предметами, т. е. подлежащимъ, — и потомъ другія, означающія дѣй-

ствія или состоянія, и потому могущія быть сказуемыми — вести все начальное обученіе языку къ подобнымъ результатамъ, это значитъ ни на шагъ не отступать отъ старой схоластики. Прежде забывали голову дитяти формами склоненій и спряженій и вмѣсто живой рѣчи и здраваго смысла давали ему кучу грамматическихъ формулъ и исключеній да мертвыхъ схоластическихъ терминовъ; а теперь преподаватели, подобные г. Новаковскому, изо всѣхъ силъ хлопочуть, чтобы вбить въ голову ребенка названія частей предложенія и условныя, часто ни на чемъ не основанныя, правила грамматическаго анализа. Та же формальность, та же схоластика. Выходитъ, что вся разница новаго ученія отъ стараго ограничивается лишь перемѣною заучиваемыхъ словъ. Какой-то составитель латинской грамматики ставилъ же себѣ въ заслугу, что, вмѣсто обыкновеннаго образца перваго склоненія — *mensa*, онъ поставилъ въ своемъ руководствѣ — *syiva*; въ этомъ родѣ и заслуга учебниковъ русскаго языка, подобныхъ курсу г. Новаковскаго. Составители этихъ курсовъ никакъ не хотятъ понять, что главное достоинство новой системы обученія языку состоитъ именно въ изгнаніи схоластическихъ формальностей и въ заботѣ о развитіи разсудка дѣтей посредствомъ упражненій въ языкѣ. Этого развитія не достигнешь повтореніемъ на десяти страницахъ, что птица — предметъ, и перо — предметъ, и бумага — предметъ, и домъ, и лошадь, и царь, и книга, и ножикъ, и проч. все предметы, а летать, ходить, кричать, носить, дѣлать, и проч. означаетъ дѣйствіе. Напирая на изъясненіе подобныхъ названій (здѣсь дѣло идетъ чисто о названіи, потому что сущность дѣла въ этомъ случаѣ понятна сразу дѣтямъ даже шести и семилѣтняго возраста), учитель только путаетъ дѣтей и приводитъ къ отупѣнію ихъ здравый смыслъ. Вещи, въ сущности чрезвычайно простыя и доступныя самому

обыкновенному дѣтскому пониманію, здѣсь только омрачаются разными тонкостями, подраздѣленіями и терминами, изобрѣтенными на мученіе даже самаго понятливаго ребенка. Не угодно ли напр. полюбоваться, съ какихъ понятій долженъ начинать изученіе родного языка кадетъ 1-го общаго класса, куда поступаютъ мальчики около 10 лѣтъ. Вотъ оглавленіе первыхъ двухъ параграфовъ курса г. Новаковскаго.

§ 1. Предметъ: употребленіе, образованіе и значеніе этого слова. Предметы находятся въ нашемъ умѣ, какъ представленія или понятія. Понятія о предметахъ выражаются словами, которыя въ языкѣ составляютъ разрядъ именъ существительныхъ.

§ 2. Дѣленіе предметовъ, по способу ихъ познаванія, на умственные и чувственные (міръ вещественный). Подраздѣленіе первыхъ по ихъ существу, на духовные (міръ духовный) и отвлеченные (міръ отвлеченный), а вторыхъ, по отношенію къ произвольному движенію, на одушевленные и неодушевленные. Понятіе о каждомъ изъ нихъ. Происхожденіе отвлеченныхъ предметовъ и отличіе ихъ отъ духовныхъ.

Спрашивается: какое впечатлѣніе произведетъ на дѣтей изученіе всѣхъ подраздѣленій, образованій, происхожденій и отличій, изложенныхъ въ этихъ двухъ параграфахъ? И много ли подвинется знаніе дѣтьми русскаго языка, если они все это выучатъ?

Нѣтъ, по нашему мнѣнію, — дѣти очень много выиграютъ, если имъ не попадется въ руки курсъ г. Новаковскаго: для нихъ онъ не только бесполезенъ, но даже можетъ быть вреденъ не менѣе грамматики г. Греча.

Но, можетъ быть, г. Новаковскій имѣлъ въ виду составить учебное пособіе для неопытныхъ учителей? Можетъ быть; но книга его и въ этомъ смыслѣ оказывается негодною. Во-первыхъ, ея метода, какъ мы уже сказали, совершенно формальная, и вовсе не желательно, чтобъ учителя слѣдовали ей въ преподаваніи русскаго языка. Во-вторыхъ, обиліе повтореній и переливаній изъ пустого въ порожнее, которое должно показаться скучнымъ даже для по-

ствія или состоянія, и потому могущія быть сказуемыми — вести все начальное обученіе языку къ подобнымъ результатамъ, это значитъ ни на шагъ не отступать отъ старой схоластики. Прежде забивали голову дитяти формами склоненій и спряженій и вмѣсто живой рѣчи и здраваго смысла давали ему кучу грамматическихъ формулъ и исключеній да мертвыхъ схоластическихъ терминовъ; а теперь преподаватели, подобные г. Новаковскому, изо всѣхъ силъ хлопчуть, чтобы вбить въ голову ребенка названія частей предложенія и условныя, часто ни на чемъ не основанныя, правила грамматическаго анализа. Та же формальность, та же схоластика. Выходитъ, что вся разница новаго ученія отъ стараго ограничивается лишь переменною заучиваемыхъ словъ. Какой-то составитель латинской грамматики ставилъ же себѣ въ заслугу, что, вмѣсто обыкновеннаго образца перваго склоненія — *mensa*, онъ поставилъ въ своемъ руководствѣ — *syuva*; въ этомъ родѣ и заслуга учебниковъ русскаго языка, подобныхъ курсу г. Новаковскаго. Составители этихъ курсовъ никакъ не хотятъ понять, что главное достоинство новой системы обученія языку состоитъ именно въ изгнаніи схоластическихъ формальностей и въ заботѣ о развитіи разсудка дѣтей посредствомъ упражненій въ языкѣ. Этого развитія не достигнешь повтореніемъ на десяти страницахъ, что птица — предметъ, и перо — предметъ, и бумага — предметъ, и домъ, и лошадь, и царь, и книга, и ножикъ, и проч. все предметы, а летать, ходить, кричать, носить, дѣлать, и проч. означаетъ дѣйствіе. Напирая на изъясненіе подобныхъ названій (здѣсь дѣло идетъ чисто о названіи, потому что сущность дѣла въ этомъ случаѣ понятна сразу дѣтямъ даже шести и семилѣтняго возраста), учитель только путаетъ дѣтей и приводитъ къ отупѣнію ихъ здравый смыслъ. Вещи, въ сущности чрезвычайно простыя и доступныя самому

обыкновенному дѣтскому пониманію, здѣсь только омрачаются разными тонкостями, подраздѣленіями и терминами, изобрѣтенными на мученіе даже самаго понятливаго ребенка. Не угодно ли напр. полюбоваться, съ какихъ понятій долженъ начинать изученіе родного языка кадетъ 1-го общаго класса, куда поступаютъ мальчики около 10 лѣтъ. Вотъ оглавленіе первыхъ двухъ параграфовъ курса г. Новаковскаго.

§ 1. Предметъ: употребленіе, образованіе и значеніе этого слова. Предметы находятся въ нашемъ умѣ, какъ представленія или понятія. Понятія о предметахъ выражаются словами, которыя въ языкѣ составляютъ разрядъ именъ существительныхъ.

§ 2. Дѣленіе предметовъ, по способу ихъ познаванія, на умственные и чувственные (міръ вещественный). Подраздѣленіе первыхъ по ихъ существу, на духовные (міръ духовный) и отвлеченные (міръ отвлеченный), а вторыхъ, по отношенію къ произвольному движенію, на одушевленные и неодушевленные. Понятіе о каждомъ изъ нихъ. Происхожденіе отвлеченныхъ предметовъ и отличіе ихъ отъ духовныхъ.

Спрашивается: какое впечатлѣніе произведетъ на дѣтей изученіе всѣхъ подраздѣленій, образованій, происхожденій и отличій, изложенныхъ въ этихъ двухъ параграфахъ? И много ли подвинется знаніе дѣтьми русскаго языка, если они все это выучатъ?

Нѣтъ, по нашему мнѣнію, — дѣти очень много выиграютъ, если имъ не попадется въ руки курсъ г. Новаковскаго: для нихъ онъ не только бесполезенъ, но даже можетъ быть вреденъ не менѣе грамматики г. Греча.

Но, можетъ быть, г. Новаковскій имѣлъ въ виду составить учебное пособіе для неопытныхъ учителей? Можетъ быть; но книга его и въ этомъ смыслѣ оказывается негодною. Во-первыхъ, ея метода, какъ мы уже сказали, совершенно формальная, и вовсе не желательно, чтобъ учителя слѣдовали ей въ преподаваніи русскаго языка. Во-вторыхъ, обиліе повтореній и переливаній изъ пустого въ порожнее, которое должно показаться скучнымъ даже для по-

рядочнаго ученика, тѣмъ болѣе излишнее и обременительное для учителя. На двухъ стахъ страницахъ толковать учителю, какъ онъ долженъ объяснять дѣтямъ составъ предложенія, — это ужъ слишкомъ многоглаголиво!

Отъ формальности, жертвою которой сдѣлался г. Новаковскій, старался повидимому отречься г. Алейскій въ своемъ „Опытѣ“. „Опытѣ“ этотъ назначается, должно-быть, для учениковъ, уже прошедшихъ первую степень обученія, и потому г. Алейскій начинаетъ съ такъ называемыхъ философскихъ объясненій — что слово есть выраженіе понятія, что рѣчь вообще есть слѣдствіе мышленія, что познанія пріобрѣтаются внѣшними чувствами, кои суть и проч. Философомъ г. Алейскій оказывается не мудрымъ и въ добавокъ еще очень высокопарнымъ, какъ видно, напр., изъ самаго начала предисловія.

— „Богъ, создавъ челоуѣка для общежитія, даровалъ ему, по Своей благодати, двѣ главнѣйшія способности, отличающія его отъ прочихъ существъ одушевленныхъ: умъ—познавать Творца и все, Имъ созданное, или мыслить, и слово—сообщать людямъ свои мысли членораздѣльными звуками голоса, или говорить“.

Какъ видите, здѣсь г. Алейскій раздѣляетъ мысль и слово, какъ двѣ способности, совершенно независимыя одна отъ другой, извнѣ и отдѣльно приданныя челоуѣку. Но нѣсколько строкъ ниже онъ самъ же говоритъ: „даръ слова есть послѣдствіе мышленія; какъ органическое произведеніе духа, проявляющагося въ веществѣ, языкъ развивается вмѣстѣ съ мыслящею способностью объясняющагося на немъ народа“ и проч. Здѣсь уже, стало-быть, даръ слова признается просто необходимымъ проявленіемъ мыслящей способности челоуѣка, непосредственно съ нею связаннымъ, а не отдѣльною способностью, дарованною... и проч.

При столь шаткомъ пониманіи самой сущности своего предмета, г. Алейскій не могъ представить

слишкомъ свѣтлыхъ и новыхъ соображеній относительно философскихъ началъ языковѣдѣнія. Но тѣмъ не менѣе мысль его заслуживаетъ одобренія. Онъ хотѣлъ сообщить ученикамъ предварительныя понятія о различныхъ способностяхъ, требованіяхъ и явленіяхъ духа человѣческаго, о различныхъ способахъ познанія и о разныхъ родахъ самихъ предметовъ познаваемыхъ,—для того чтобы потомъ уже перейти къ изложенію законовъ, по которымъ въ языкѣ происходитъ выраженіе нашихъ сужденій о предметахъ. Все это представлено г. Алейскимъ во „Введеніи“, которое нельзя было-бы назвать лишнимъ, если-бы опредѣленія и указанія его были составлены съ большей послѣдовательностью и правильностью. Но, къ сожалѣнію, во „Введеніи“ г. Алейскаго мы встрѣчаемъ множество ненужныхъ тонкостей (въ родѣ различенія ума и разума, міра небеснаго, духовнаго, умственнаго и нравственнаго, разрядовъ, порядковъ, классовъ и категорій, и т. п.), небрежности, недомолвки и даже просто невѣрности въ опредѣленіяхъ. Напр., у г. Алейскаго насчитано четыре царства природы, и къ четвертому отнесены стихіи; сказано, что „понятія, пріобрѣтенныя о предметахъ посредствомъ чувствъ, называются чувствованіями внѣшними“; сдѣлано такое замѣчаніе: „хотя нѣкоторые предметы и могутъ существовать безъ какихъ-либо частей, напр., домъ безъ крыши, дверей, но для другихъ предметовъ части совершенно необходимы“... и проч. По этимъ образчикамъ можно судить, каково вообще философское введеніе г. Алейскаго!

Ту же самую неопредѣленность, небрежность и часто ошибочность находимъ мы и въ собственно-грамматическихъ правилахъ „Опыта“ г. Алейскаго. Притязаній въ „Опытѣ“ очень много: научая практическому употребленію языка, онъ хочетъ въ то же время исчерпать и всѣ филологическія тайнства.

Потому въ „Опытъ“ находимъ: замѣчанія о переходѣ звуковъ, объ условіяхъ ихъ сочетанія, о сочетаемости, выпускѣ и прибавкѣ ихъ,—словомъ цѣлую фонетику русскаго языка въ сокращеніи. Далѣе — здѣсь показаны правила производства словъ и значеніе всѣхъ суффиксовъ въ существительныхъ и прилагательныхъ; объяснено значеніе падежей, правила сложенія словъ, образованіе степеней сравненія и проч. И все это — надо отдать справедливость г. Алейскому — безъ излишняго многословія, съ рѣдкимъ только увлеченіемъ разсужденіями, вовсе къ дѣлу не относящимися. Все было бы хорошо, если бы г. Алейскій, чуть не на каждой страницѣ, не говорилъ того, чего нѣтъ, не бывало и быть не можетъ. Писать-ли не умѣлъ г. Алейскій, не знаетъ-ли теоріи своего предмета, или просто написалъ свой „Опытъ“ съ плеча, нисколько не вникая въ смыслъ своихъ фразъ,—этого мы не могли рѣшить навѣрное. Но въ „Опытъ“ безпрестанно попадаются промахи очень крупные. Представимъ нѣсколько примѣровъ.

„Прилагательное имя есть слово, означающее какой-либо признакъ предмета, зависящій отъ наружнаго (!) вида послѣдняго и другихъ условій (вещества, свойства обстоятельствъ)“ (Стр. 58).

Попробуйте подъ это опредѣленіе подвести напр. хоть слова добрый, вѣчный, нѣжный, честный и т. п... Зависятъ ли эти признаки отъ наружнаго вида, вещества, свойства обстоятельствъ? Или это не прилагательныя?

„Творительный падежъ означаетъ предметъ, служащій орудіемъ или средствомъ совершаемаго дѣйствія, мѣстомъ, гдѣ оно происходитъ, или гдѣ предметъ находится“ (Стр. 50).

Ну, а напр. слѣдующія фразы: онъ сдѣланъ моимъ начальникомъ; я сидѣлъ съ книгою; онъ показался мнѣ плутомъ, и проч. Что такое здѣсь творительный падежъ, — орудіе или мѣсто?

„Общею формою окончаній, положительно опредѣляющихъ грамматическій родъ всѣхъ предметовъ, служатъ буквы: для мужскаго ъ, ѣ, женскаго а, я, неопредѣленнаго (т. е. средняго) о, е“ (стр. 47).

Поэтому слуга, Тома, Илья, дядя, и проч., и проч. будутъ женскаго рода?

Вообще къ положительнымъ опредѣленіямъ всѣхъ случаевъ г. Алейскій доказываетъ особенную склонность. Особенно забавно видѣть его усилія подвести подъ особыя правила значеніе всѣхъ суффиксовъ у прилагательныхъ. На нѣсколькихъ страницахъ занимается онъ этимъ. Но что-же выходитъ? Окончанія ный, авый, овый—означаютъ вещество; окончаніе ный значитъ также признаки обстоятельствъ, авый — качество, овый — родовыя прилагательныя; ачій, ячій — свойственны родовымъ и качественнымъ: инъ, ынъ — родовымъ и притяжательнымъ, и т. д. То же самое и съ суффиксами существительныхъ... Неблагодарная работа опредѣленія ихъ значенія можетъ доставить матеріалъ на длинное спеціальное изслѣдованіе; а г. Алейскій, безъ всякой надобности, мимоходомъ вздумалъ опредѣлять ихъ, и, разумѣется, не опредѣлилъ.

Вообще „Опытъ“ г. Алейскаго отличается нѣсколькими здравыми предположеніями и обнаруживаетъ въ авторѣ нѣкоторое знакомство съ спеціальными филологическими изслѣдованіями; но составленъ онъ весьма небрежно. Изложеніе доказываетъ непривычку автора къ строгому и точному выраженію своихъ мыслей; претензіи его (и между прочимъ попытки новой грамматической терминологіи) гораздо больше, нежели сколько онъ дѣйствительно можетъ исполнить; а выпренность, которой образчикъ приведенъ выше, постоянно смущаетъ ясность его мыслей и самаго языка.

Краткое изложеніе элементарныхъ наукъ въ разсказахъ для простолюдиновъ. Составленное В. Лапинымъ. Изданіе второе, исправленное. С.-Петербургъ. 1858 — 1859 г. Шесть частей. Въ 12-ю долю листа. Стр. 72+123+165+96+116+235.

Книжки, заключающія въ себѣ изложеніе для простолюдиновъ первыхъ началъ наукъ и продающіяся по довольно высокой цѣнѣ — выдерживаютъ въ короткое время два изданія! Это — любопытное явленіе, которое можетъ быть объяснено только двумя предположеніями: или изложеніе это такъ хорошо, что оно успѣло совершенно удовлетворить потребностямъ простолюдиновъ, желающихъ учиться, или, независимо отъ достоинства самихъ учебниковъ, желаніе учиться въ простолюдинахъ такъ сильно, что они рады всякому пособію, попадающемуся имъ въ руки. Не знаемъ, до какой степени справедливо второе предположеніе, но первое оказывается рѣшительно невѣрнымъ по разсмотрѣніи книжекъ г. Лапина. Мы не говорили о нихъ при первомъ ихъ появленіи въ свѣтъ; но теперь рѣшаемся обратить на нихъ вниманіе, именно на томъ основаніи, что успѣхъ ихъ можетъ ввести въ заблужденіе многихъ занимающихся первоначальнымъ воспитаніемъ дѣтей. Въ нашей литературѣ есть замѣчательныя ученныя изслѣдованія; есть нѣсколько хорошихъ университетскихъ курсовъ, есть два-три недурныхъ руководства и для среднихъ учебныхъ заведеній; но хорошихъ элементарныхъ курсовъ положительно нѣтъ. Нужно удивляться, какимъ образомъ дѣти успѣваютъ еще чему-нибудь выучиться по тѣмъ книжонкамъ, которыя даютъ имъ въ руки въ первомъ возрастѣ. Стоитъ только вспомнить, что десяти, девяти, даже восьмилѣтніе мальчики учатся у насъ по географіи Ободовскаго, по исторіи Устрялова, по „начаткамъ“, и проч. Поэтому, изданіе первоначальныхъ руководствъ составляетъ у насъ предметъ самой первой необходимости въ дѣлѣ народнаго образо-

ванія. Удовлетворить этой необходимости взялся г. Лапинъ. Онъ издалъ шесть книжекъ: азбуку, Священную исторію ветхаго и новаго завѣта, ариѳметику, грамматику и исторію всеобщую и русскую вмѣстѣ съ географіею. Всѣ эти науки изложены г. Лапинымъ въ разсказахъ и назначены для простолудиновъ—какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ, желающихъ учиться. Посмотримъ же, какимъ образомъ выполнилъ г. Лапинъ свою задачу.

Всѣми педагогами принято и всякому должно быть извѣстно, что на первой степени обученія должна господствовать совершенная конкретность и должно быть изгоняемо все отвлеченное. Другое основное положеніе, относительно первоначальнаго обученія, требуетъ, чтобы въ этомъ возрастѣ упражняли преимущественно воображеніе и разсудокъ учениковъ и избѣгали того, что можетъ занять исключительно одну память. Поэтому-то со всѣми научными знаніями они знакомятся, на этой степени обученія, въ живыхъ образахъ, въ подробныхъ и яркихъ повѣствованіяхъ, а не въ краткихъ и сухихъ формулахъ. Заставить дитя, находящееся на первой степени развитія, заучивать собственныя имена, числа, таблицы, общія опредѣленія, сущность которыхъ ему непонятна,—значитъ, навсегда испортить нормальное развитіе способностей дитяти, притупить въ немъ и чувство, и воображеніе, и силу разсудка.

Всякое общее, абстрактное понятіе составляется изъ частныхъ представленій, посредствомъ соединенія существенныхъ признаковъ предмета и отбрасыванія всѣхъ случайныхъ его примѣтъ. Слѣдовательно, прежде чѣмъ ребенокъ перейдетъ къ общимъ опредѣленіямъ, онъ долженъ владѣть значительнымъ запасомъ частныхъ представленій и наблюденій. А этихъ-то частныхъ представленій и не даютъ ему учебники, составляемые обыкновенно по синтетическому методу. Курсы г-на Лапина въ этомъ отношеніи ничуть не лучше другихъ руководствъ, доселѣ

у насъ изданныхъ. Конечно, онъ можетъ указывать на то, что его курсы назначены для простолюдиновъ, т. е. не собственно для дѣтей, а также и для взрослыхъ. Но это обстоятельство не имѣетъ большого значенія: здѣсь не года собственно важны, а степень подготовленности учащихся. И въ отношеніи къ наукѣ, напр., грамматикѣ или географіи, простолюдинъ, даже и взрослый, имѣетъ столь же мало подготовленности, какъ и ребенокъ. Онъ можетъ быть богатъ опытами жизни, практическими соображеніями и проч. Но изъ этого слѣдуетъ только то, что онъ и съ научными данными можетъ скорѣе освоиться, нежели ребенокъ. А все-таки эти данныя науки будутъ ему чужды сначала, все-таки общія опредѣленія, напр., грамматическія, онъ можетъ сдѣлать и усвоить не иначе, какъ ознакомившись съ частными примѣрами, изъ которыхъ выводятся тѣ или другія правила. Слѣдовательно, метода элементарнаго изложенія науки для простолюдиновъ, во всякомъ случаѣ, не должна далеко отходить отъ методы элементарнаго преподаванія, признаннаго необходимымъ для дѣтей.

Другое обстоятельство, необходимое для успѣха элементарнаго преподаванія, именно: увлеченіе воображенія и стараніе возбудить самодѣятельность ребенка, также прилагается и къ элементарному курсу для простолюдиновъ. Если дитя не выучиваетъ десятки географическихъ названій или историческихъ именъ, такъ это не потому, чтобы оно не въ состояніи было заучить ихъ, а потому, что всѣ имена эти ничѣмъ для него не осмыслены, нисколько его не интересуютъ и могутъ быть удержаны въ памяти только совершенно механически. Нужно расшевелить дѣтское воображеніе разговоромъ о дѣяніяхъ историческаго лица, живою картиною изучаемой мѣстности, или возбудить въ немъ интересъ къ разрѣшенію какого-нибудь разсудочнаго вопроса, — и тогда вполне можно надѣяться, что ученіе пойдетъ

успѣшно. То же самое правило слѣдуетъ наблюдать и въ отношеніи къ простолюдину. Для него такъ же точно будутъ скучны и чужды всѣ собственныя имена, числа, формальныя опредѣленія и т. п., пока онъ не „ознакомится“ съ ними въ живыхъ очеркахъ. Хотя, вообще, взрослый мужичокъ имѣетъ уже болѣе склонности, напр., къ знанію исторіи, нежели дитя; но и у него отобьется всякая охота къ занятіямъ, если ему просто пойдутъ перечислять имена царей, да годы знаменитыхъ сраженій. Разница будетъ только въ одномъ; онъ скорѣе дитяти смекнетъ, что такое ученье совершенно призрачно и, набивая его память чуждыми для него звуками, не даетъ ему ничего существеннаго.

Потребность въ соблюденіи обоихъ этихъ правилъ была сознаваема, какъ видно, и г. Лапинымъ; но на дѣлѣ онъ не умѣлъ выполнить свою задачу, какъ слѣдуетъ. Онъ старался, повидимому, приблизиться къ понятіямъ тѣхъ, для кого назначены его курсы; но приближеніе это осталось бѣльшею частью чисто-формальнымъ и выразилось преимущественно въ прибауткахъ и въ нѣкоторыхъ оборотахъ, имѣющихъ претензію на простоту и народность. Изъ всѣхъ шести книжекъ лучше всѣхъ—азбука; но и та не хороша. Составлена она, разумѣется, по обыкновенной рутинѣ: буквы съ раздѣленіемъ на гласныя, согласныя и полугласныя, склады—бю, вю, гю, дю, жю, бя, вя, и проч., молитвы, басни, загадки и проч. Но въ ней есть такія новыя правила: „буква е часто выговаривается какъ ё“. Въ этой сказкѣ (о рыбахъ и рыбкѣ) слова: синее, море, даетъ, синему, свѣтелкой, хочетъ, бьетъ, пойдешь, поперегъ, воетъ, впередъ, бѣленной, — надо читать: синее (!), морё (!), даётъ синёму (!), свѣтёлкой, хочётъ (!), бьётъ, пойдёшь, поперёгъ, воётъ (!), вперёдъ, бѣлёной. Въ другомъ мѣстѣ г. Лапинъ велитъ читать: Плещётъ, будётъ, вдѣнёшь! Вмѣсто нашему, наше,

мужемъ, слѣдуетъ, по его мнѣнію, произносить; нашему, нашо, мужемъ!.. Любопытно бы знать, въ какой губерніи г. Лапинъ выучился подобному произношенію словъ.

За азбукою слѣдуетъ въ двухъ книжкахъ священная исторія ветхаго и новаго завѣта. Она замѣчательна тѣмъ, что начинается съ опредѣленія общихъ свойствъ Божіихъ и потомъ уже переходитъ къ сотворенію міра, что прямо противорѣчитъ изложеннымъ выше требованіямъ элементарнаго курса. Кромѣ того, неизвѣстно почему и для чего г. Лапинъ принялъ очень странную манеру — вставлять въ свой рассказъ подлинныя фразы изъ библіи на старославянскомъ языкѣ. Многія изъ этихъ фразъ совершенно непонятны для человѣка, незнакомаго съ церковно-славянскимъ языкомъ, и г. Лапинъ подъ строкою постоянно помѣщаетъ краткій объяснительный словарь къ приводимымъ имъ фразамъ.

Въ ариѳметикѣ г. Лапина много примѣровъ, и всѣ правила выводятся послѣ рѣшенія задачъ: это ужъ нынѣ во всѣхъ ариѳметикахъ догадались принять. Но и въ ариѳметикѣ г. Лапина недостаетъ той внутренней основательности и глубины, которая, проникая въ самую сущность предмета, служитъ основаніемъ истинной простоты и общепонятности излагаемыхъ правилъ. Начинаетъ г. Лапинъ съ того, какъ пишутся цифры, и съ перваго же раза выводитъ милліоны. Затѣмъ на стр. 3-й (предварительныя объясненія, какъ видите, очень коротки), идетъ „рассказъ второй“. И вотъ какъ рассказываетъ г. Лапинъ.

„Теперь, положимъ, нужно узнать вотъ что: было у мужика 83 р. денегъ, да получилъ онъ 76 рублей: сколько у него стало? Вотъ какъ это узнается на бумагѣ. Пишутъ 83, а подъ нимъ 76 такъ, чтобы десятки были подъ десятками, а 6 подъ 3. Вотъ такъ:

83

76

159

Потомъ подчеркиваютъ и начинаютъ считать“, пр...

Какъ видите, г. Лапинъ вовсе не заботится о томъ, чтобы объяснить самую сущность арифметическаго дѣйствія, равно какъ и смыслъ системы арабскихъ цифръ, принятой для счисленія. Ему всего важнѣе—разсказать, „какъ это дѣлается на бумагѣ“—какъ пишутъ, подчеркиваютъ и проч. А зачѣмъ и на какихъ основаніяхъ это дѣлается—о томъ ни слова. По окончаніи разсчета объясняется, что вотъ это и называется сложеніемъ, такія-то числа—слагаемыми, такое-то суммою, и дѣлу конецъ.

Та же манера и въ грамматикѣ; только здѣсь она еще вреднѣе, потому-что при отсутствіи основательныхъ объясненій, всѣ грамматическія правила принимаютъ видъ чистѣйшаго произвола. Популярность изложенія г. Лапина ограничивается здѣсь уже исключительно повтореніемъ такихъ, этакихъ и вотъ какихъ... Приведеть, на примѣръ, таблицу склоненій, да и скажетъ: „этакая переменна словъ по числамъ и падежамъ называется склоненіемъ“. Или скажетъ: „на этотъ счетъ есть вотъ какія правила“,—а затѣмъ ужъ правила излагаетъ обыкновеннымъ догматическимъ порядкомъ,—какъ у Греча или въ „общесравнительной“ .Ивана Давыдова. Замѣчательно еще то, что у г. Лапина грамматика начинается не съ ученія о предложеніи, какъ у всѣхъ нынѣ, а съ разсужденія о частяхъ рѣчи, а затѣмъ—о падежахъ, склоненіяхъ и проч.

Объ исторіи и географіи г. Лапина нечего и говорить. Онъ составилъ краткій конспектъ русской исторіи, въ которомъ заботился, какъ видно, всего болѣе о томъ, чтобы не пропустить какого-нибудь

имени. Характеристики лицъ, разумѣется, у него нѣтъ; подробной картины быта народнаго нечего и спрашивать. Нѣтъ даже ни одного обстоятельнаго разсказа хоть бы о какомъ-нибудь изъ важнѣйшихъ историческихъ событій. Все сухо, формально, педантично... Тоже самое должно сказать и о всеобщей исторіи. Она вся изложена въ такомъ родѣ: „Императоръ Траянъ былъ великій полководецъ, императоръ Антонинъ очень кротокъ, императоръ Маркъ Аврелій очень ученъ и добродѣтеленъ, а императоръ Константинъ великій, святой и равноапостольный принялъ христіанскую вѣру. Послѣ него императоръ Θεодосій раздѣлилъ римскую имперію на Восточную и Западную и дѣла Западной имперіи стали очень худы“ (стр. 159). И это называется элементарнымъ курсомъ!.. Не доказываетъ-ли это полнѣйшее отсутствіе всякаго понятія о педагогическихъ требованіяхъ составителя учебника для элементарнаго преподаванія?

Хороша также и географія г. Лапина!.. Вѣдь это нужно имѣть замѣчательно-оригинальный складъ ума, чтобы въ элементарный курсъ, да еще въ разсказахъ, вставить, напр., такую страницу:

„Кромѣ того въ Россіи замѣчательны торговлею... Елецъ въ Орловской губерніи, Моршанскъ и Лебедянь въ Тамбовской, Саранскъ и Краснослободскъ въ Пензенской, Ржевъ въ Тверской, Гжатскъ, Сычовка, Порѣчье и Бѣлый въ Смоленской“ и проч., и проч.

Далѣе перечисляется еще до 25 городовъ и мѣстечекъ, безъ всякихъ характеристикъ и замѣчаній. Не хотите-ли упражнять дитя, начинающее учиться географіи, въ изученіи всѣхъ этихъ пріятностей? Можно ожидать хорошихъ результатовъ отъ подобнаго „элементарнаго изложенія всѣхъ наукъ“!

И однако-же—книжки г. Лапина вышли вторымъ изданіемъ! Видно, въ самомъ дѣлѣ потребность въ элементарныхъ руководствахъ очень велика.. Отчего

же никто изъ людей, истинно дѣльныхъ и знакомыхъ съ педагогическими требованіями, не возьмется до сихъ поръ за составленіе подобнаго учебника? За гимназическія руководства принялись уже профессора; не мѣшало бы кому-нибудь подумать и о книжкахъ для первоначальнаго преподаванія.

Искусство пріобрѣтать и сохранять до глубокой старости превосходную память. Соч. д-ра философіи Эвальда Гартенбаха. Перев. съ нѣмецкаго шестого изданія. Москва. 1859 г. Въ 12 д. л., 54 стр.

Заглавіе даетъ, разумѣется, больше, нежели даетъ сама книжка. Предохранительныя мѣры, способствующія убересть память отъ притупленія, изложены въ ней довольно хорошо, хотя и не заключаютъ въ себѣ ничего новаго по этой части. Но „средства пріобрѣсти превосходнѣйшую память“ чрезвычайно подозрительны. Тутъ авторъ или отдѣляется общими фразами о постоянномъ упражненіи, о постепенности перехода отъ легчайшаго къ труднѣйшему, о пособіи силы разсудка, и т. д., или же указываетъ на такія эксцентрическія мѣры, о которыхъ безъ смѣха даже читать невозможно. Вообще искусственная мнемоника имѣетъ нѣсколько забавный характеръ; а г. докторъ Гартенбахъ доводитъ ее до крайне смѣшныхъ выходокъ. По его мнѣнію, наприм., очень полезно, для запоминанія группы собственныхъ именъ въ извѣстномъ порядкѣ, составить какое-нибудь слово изъ начальныхъ буквъ или слоговъ этихъ именъ и запомнить его. Напр., чтобы помнить, что въ апрѣлѣ, іюнѣ, сентябрѣ и ноябрѣ бываетъ по 30 дней, нужно составить и помнить слово: „апіюнсено“. Изъ начальныхъ буквъ названій холмовъ, на которыхъ стоялъ Римъ, выйдетъ „пкаквж“. Чтобы не забыть именъ семи мудрецовъ греческихъ—Періандра, Солона, Фалеса, Питтака, Віаса, Хилона и Клеовула,—нужно изъ на-

чальныхъ слоговъ составить слово „песоапиви-хикле“, которое легче удержать въ памяти, нежели первая семь именъ“ (!?)! Такимъ образомъ поступая во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ, можно въ непродолжительное время сочинить для себя особый іероглифическій языкъ, и вся сила памяти должна уже будетъ устремляться на то, чтобы какъ-нибудь не забыть этотъ языкъ... Хорошее же пособіе и облегченіе доставитъ такая мнемоника!

Да и къ чему, скажите пожалуйста, это бессмысленное запоминаніе цѣлыхъ группъ именъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ въ мысли ученика? Вѣдь это нужно только затѣмъ, чтобы одолѣть, напр., учебники г. Лапина и ему подобныхъ; а какъ только ихъ изгонятъ изъ преподаванія, такъ и водворится запоминаніе разумное, а не искусственно-мнемоническое.

Объ училищахъ для дѣвицъ въ уѣздныхъ городахъ.
Москва. 1859 г., въ 8 д. л., 54 стр.

Въ *Журналѣ для Воспитанія* много разъ уже было говорено о женскихъ училищахъ и вообще о потребностяхъ женскаго образованія. Поэтому мы не станемъ подробно разбирать книжку, заглавіе которой выписали, а только укажемъ на нее читателямъ, какъ на явленіе, свидѣтельствующее до нѣкоторой степени о возбужденіи въ публикѣ сочувствія къ этому вопросу. Авторъ названной нами книги представляетъ очень яркій и большею частью справедливый очеркъ несчастнаго и мрачнаго быта нашихъ городскихъ сословій, — ремесленниковъ, фабричныхъ, мелкихъ торговцевъ и проч., и находитъ, что главная причина зла заключается въ необразованности, грубости и безнравственности матерей семейства. Поэтому единственнымъ исходомъ изъ ихъ бѣдственнаго положенія онъ поставляетъ обра-

зованіе дѣвочекъ, какъ будущихъ матерей семейства. Нельзя не согласиться съ отрицательной стороною его разсужденій: безъ образованія матерей семейства дѣйствительно нельзя водворить совершенно правильныхъ и добрыхъ отношеній въ семействахъ. Но не надо думать, чтобы только этимъ все и ограничивалось. Чтобы самое образованіе могло успѣшно производить свое вліяніе, для этого нужно, чтобы улучшился самый матеріальный бытъ ремесленныхъ классовъ, и во многомъ измѣнились ихъ гражданскія права и общественныя отношенія. Иначе — и заведеніе училищъ для дѣвицъ низшихъ городскихъ сословій поведетъ, пожалуй, къ тѣмъ же результатамъ, до какихъ достигаютъ многія купеческія дочки, учившіяся въ пансіонѣ, по ихъ выраженію. Образованіе на первый разъ прививается у насъ обыкновенно только своею внѣшностью — не потому, чтобы внутренняя сторона его была по себѣ недоступна, а потому, что требованія общественныя у насъ до сихъ поръ ограничиваются все только внѣшностью... Этого-то увлеченія внѣшними формами и нужно всего болѣе опасаться при открытіи доступа къ образованію для тѣхъ, которые прежде не имѣли его. И чтобы низшіе классы не бросались на ту же внѣшность, для этого одно средство: одновременно съ образованіемъ улучшить и ихъ внѣшнее положеніе...

Стихотворенія для дѣтей, отъ младшаго до старшаго возраста, расположенныя въ двадцати двухъ отдѣлахъ. Соч. Б. Ф(Ф)едорова. Изданіе второе. Двѣ части. С.-Петербургъ. Въ 16-ю д. л., 328—316 стр.

Въ библиографіи нашего журнала было уже упомянуто въ прошломъ году о „поздравительныхъ стихотвореніяхъ“ г. Федорова. Поздравленія эти составляютъ одинъ изъ двадцати двухъ отдѣловъ, т. е. $\frac{1}{22}$ долю „Дѣтскихъ стихотвореній“. Всѣ от-

дѣлы таковы, какихъ и слѣдуетъ ожидать отъ автора „Поздравленій“. Несмотря на разнообразіе отдѣловъ, авторъ во всемъ умѣлъ выдержать себя: вездѣ идеаломъ его является милый, благодѣтельный мальчикъ, въ которомъ виденъ будущій Молчалинъ. Вотъ, напр., нѣкоторыя изъ дѣтскихъ повѣстей г-на Ѳедорова. Пастухъ разговариваетъ съ эхомъ; онъ бранится,—эхо тоже, онъ говоритъ ласково,—и эхо тоже. Нравоученіе:

Но эхо есть и средь людей:
Какой другимъ пошлешь привѣтъ,
Такъ и откликнется въ отвѣтъ.
Да только ласка прибыльнѣй (!!)

Какое милое начало нравственности, основанное на прибыли!..

Другой рассказъ: мальчикъ удивился, увидавши сваренныхъ раковъ; какъ-же, говоритъ, они были давеча черные и очень злые, одинъ даже ущипнулъ меня клешней... какъ-же ихъ перемѣнили? Ему отвѣчали: сварили... Нравоученіе:

Есть много удалцовъ такихъ,
Въ которыхъ нѣтъ нисколько прока,
Пока ихъ злость и дерзость ихъ
Не усмирятся въ школѣ рока.

Соображая рассказъ съ моралью, дѣти должны понять, что людей бойкихъ, дерзающихъ защищать себя клешнею, подобно раку (ракъ — представитель дерзости! О баснословце г. Ѳедоровъ!) слѣдуетъ сварить если не физически, то нравственно, и тогда изъ нихъ толкъ будетъ...

Вообще, чтобы внушить дѣтямъ смиренномудріе и трусость, г. Ѳедоровъ не пренебрегаетъ никакими средствами. Въ одномъ рассказѣ онъ даже страшитъ ихъ примѣромъ мальчика, который безъ позволенія пошелъ къ рѣкѣ и котораго вдругъ съѣлъ крокодилъ!!...

Кромѣ нравственныхъ правилъ, у г. Ѳедорова излагается цѣлая энциклопедія дѣтскихъ знаній.

У него есть отдѣлъ стихотвореній ботаническихъ, зоологическихъ, метеорологическихъ и т. п. Въ нихъ разсказывается, что

Въ алой розѣ видимъ пышность,
Въ бѣлой — прелесть и невинность,

что зимою бываетъ

Студено холодно —
Только любо оно,

что

Солнышко всюду льетъ свѣтъ,

и тому подобныя диковинки съ нравственными приложеніями. Все это крайне полезно для дѣтей и ужъ вѣрно стоитъ двухъ рублей серебромъ, которые назначилъ г. Ѳедоровъ за свои назидательныя стихотворенія.

До сихъ поръ нѣтъ у насъ нравоучительной ариѳметики; вотъ еслибъ г. Ѳедоровъ принялъ на себя трудъ еѣ составить. Послѣ нравоучительной ботаники это для него не такъ трудно!...

* * *

Дѣти, разумѣется, должны идти за взрослыми: у взрослыхъ книжки стихотвореній десятками проявляются; надобно и дѣтямъ дать стихотворенія. Г. Борисъ Ѳедоровъ позаботился о томъ, чтобъ надѣлать дѣтей всякими стихотвореніями, и произвелъ ихъ — пятьсотъ (ихъ, т.-е. стихотвореній, а не дѣтей). Такая плодовитость поистинѣ изумительна. Не менѣе изумительно и разнообразіе дѣтскаго таланта г. Ѳедорова. Онъ пишетъ:—басни для дѣтей, Эзоповы басни, картины природы, молитвы дѣтей, семейные разговоры, дѣтскіе привѣты, дѣтскія игры и забавы, шарады, омонимы, повѣсти и рассказы для дѣтей, историческіе анекдоты, отечественныя воспоминанія, наконецъ стихи на разные случаи. У г. Ѳедорова на все есть стихи: ни одинъ цвѣточекъ не ушелъ изъ-подъ его стихотворнаго пера, всякую птичку описалъ онъ въ стихахъ, полковод-

цевъ русскихъ поднялъ на ноги, философовъ древнихъ потревожилъ — ничто не ускользнуло отъ него:

На все онъ отвѣтилъ стихами своими,
Что даже не просить отвѣта.

Но мы не удивились бы до такой степени разнообразію таланта г. Федорова, если бы въ немъ не проявлялась, вмѣстѣ съ тѣмъ, непостижимая предупредительность. Не говоря уже о дѣтскихъ играхъ, урокахъ, и пр., г. Федоровъ предвидѣлъ почти всѣ возможные случаи семейной жизни и на каждый написалъ стихотвореніе. Напр., можетъ случиться, что дѣдушка вашихъ дѣтей ослѣпнетъ; какой тогда „привѣтъ“ сказать ему? г. Борисъ Федоровъ сочинилъ два привѣта дѣтей дѣдушкѣ, потерявшему зрѣніе. Можетъ случиться, что вы возвращаетесь изъ похода, и дѣти должны васъ встрѣтить: что они вамъ скажутъ? г. Федоровъ и на этотъ случай сочинилъ два дѣтскихъ привѣта родителю, возвращающемуся изъ похода. Кромѣ того, онъ сочинилъ отдѣльныя стихотворенія для поздравленій съ праздникомъ, съ новымъ годомъ, съ ангеломъ, при поднесеніи вѣнка, прописи, васильковъ, дѣтскихъ трудовъ, и пр. Неоцѣненная услуга для дѣтей! Какъ бы хорошо было, если бы наши „поэты для взрослыхъ“ тоже послѣдовали примѣру г. Федорова и сочинили бы для родителей-то поздравительные стишки къ нужнымъ лицамъ! Право, лучше бы было, чѣмъ пересмѣивать-то все. А то, что хорошаго: только разладъ въ общественной жизни выходитъ. Пока мы малы, такъ держать насъ нравственно, — стишки г. Федорова даютъ учить, поздравленія заученныя говорить родителямъ и пр. А какъ выростемъ, такъ тутъ и пойдетъ фанаберія всякая: тутъ ужъ не то, что поздравительные стишки знатной особѣ поднести, а просто расписаться въ пріемной на листочкѣ, такъ и то иной разъ не каждый праздникъ исполняемъ... Къ чему же тогда и въ

дѣтствѣ учили насъ? Зачѣмъ и маленькимъ давали поздравительные стишки заучивать? Не затѣмъ-ли дѣлали все это, чтобъ приготовить изъ насъ скромныхъ и почтительныхъ гражданъ? А вотъ вамъ и успѣхи!.. Да и какихъ же успѣховъ ждать, когда ужъ нынче во всѣхъ школахъ хрестоматія Галахова употребляется, въ которой нѣтъ ни одного поздравительнаго стихотворенія,—хоть бы для образца,—и даже никакого стихотворенія г. Ѳедорова нѣтъ, а помѣщены, — стыдно сказать, а грѣхъ утаить, — отрывки изъ Гоголя, который, какъ извѣстно, смѣялся надъ всѣмъ этимъ. Да и вся литература-то за нимъ пошла. Поди теперь, замани нашихъ поэтовъ, чтобъ они благодѣтельные стишки написали! Хоть прибей,—не напишутъ! Въ надзвѣздный эфиръ всѣ ударились,—оттого и вѣтеръ въ головѣ ходитъ. Впрочемъ, желающіе изъ родителей могутъ утѣшиться: стихи г. Ѳедорова и для нихъ годятся. Переставивши одно, много два слова, легко можно ихъ обратить, вмѣсто родителей, къ какому угодно лицу. Вотъ, напр., поздравленіе маменькѣ съ новымъ годомъ. Съ измѣненіемъ двухъ словъ, оно можетъ имѣть слѣдующій, весьма, кажется, приличный видъ:

Я съ новымъ годомъ поздравленье
Вамъ, генералъ, принесть спѣшу,
И чувствъ сердечныхъ выраженье,
Какъ даръ любви, принять прошу;
Въ сей день, всегда одно и тоже
Намъ говорятъ, лаская насъ;
Но поздравленій всѣхъ дороже —
Поцаловать въ плечо мнѣ васъ.

„Поздравленіе дѣдушкѣ со днемъ ангела или рожденія“ можетъ быть обращено къ какой угодно особѣ, при измѣненіи одного только слова. Вотъ оно:

Къ вамъ, начальникъ,¹⁾ мы стремимся
Подъ хранительную сѣнь,

¹⁾ Г. Ѳедоровъ замѣчаетъ, при нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ, что нарицательныя слова могутъ, въ случаѣ надобно-

И душевно веселимся,
 Что послалъ намъ Богъ сей день!
 Боже вѣчный, милосердый!
 Богъ отрады и любви!
 Вѣкъ его — продли, Всещедрый!
 Дни его благослови!
 Добродѣтельную старость
 Подкрѣпи для счастья намъ;
 Пусть онъ — видя нашу радость,
 Съ нами радуется самъ!

Когда войдутъ въ повсемѣстное употребленіе стихотворенія г. Ѳедорова, посмотрите, какъ подвигнется общественная нравственность!

Кромѣ поздравленій, г. Ѳедоровъ сообщаетъ дѣтямъ и полезныя свѣдѣнія въ стихахъ. Напримѣръ, у него есть цѣлая ботаника съ риѣмами. „Васильки“, „Иванъ да Марья“, „Лимонъ“, „Гортензія“, „Ясминъ“, „Клубника“, „Душистый горошекъ“, — да и пошелъ; каждое стихотвореніе носить названіе цвѣтка, и всѣхъ-то до пятидесяти. Положимъ, что они всѣ другъ на друга похожи, во всѣхъ говорится все больше о цвѣтѣ, да объ ароматѣ, но все-таки пятьдесятъ штукъ стихотвореній изъ ботаники — это не шутка!.. Попотѣешь за ними порядочно, хоть какой будь плодовитый поэтъ... А все вѣдь для того, чтобы научить дѣтей, что есть на свѣтѣ лимонъ, да клубника.

Мало того: патриотическія чувствованія вдыхаетъ въ дѣтей г. Ѳедоровъ, и для того заставляетъ ихъ пѣть „Пѣсню Уральцевъ“, „Казацкую славу“, и т. п. За то миленькій Сережа, идеаль блоннаго мальчика, и восклицаетъ у него (ч. I, стр. 122):

Хочу гвардейцемъ быть, иль молодцомъ гусаромъ,
 Иль съ пикой казакомъ лихимъ!..

сти, быть замѣнены собственными, напримѣръ: вмѣсто дочери можетъ быть Сашенька, Катенька, и пр. Такъ и мы замѣтимъ, что здѣсь, вмѣсто: начальникъ, можно поставить, напримѣръ, Петръ Юрьевичъ, Нилъ Карпычъ, или измѣнить такъ: къ вамъ, Степанъ Ильичъ, стремимся; или: Сидоръ Карпычъ! къ вамъ стремимся, и т. п.

Что касается нравственности, то, полагаемъ, нечего и говорить о совершенствахъ ея въ стихотвореніяхъ г. Ѳедорова. Для показанія ея достаточно выписать... что бы выписать?.. Ну, хоть оглавленіе второго отдѣла второй части.

„Галерея дѣтскихъ портретовъ: прилежный Николенька, лѣнивая Катенька, попечительный Юрій, безпечный Левушка, бережливая Наденька, неряха Юленька, воздержный Яшенька, лакомка Параша, умная Лизанька, плакса Митюша, шалунья Таня, благоразумная Дуняша, благонравный Алеша, негодяй Павлуша, благочестивая Оленька, легкомысленная Машенька, баловень Ванюша, маленькій живописецъ Васенька, милосердая Эмилія, жестокій Андрюша.“

Не правда-ли, какія плутарховскія пары! И какая превосходная система: изображать порокъ рядомъ съ противоположною ему добродѣтелью! Считаемъ ненужнымъ замѣчать, что добродѣтель, конечно, вездѣ награждается, а порокъ достойно наказывается г. Ѳедоровымъ.

Цѣна за пятьсотъ стихотвореній г. Ѳедорова—два рубля! Необыкновенно дешево! Покупайте, имѣя въ виду особенно то, что поздравленія дѣтскія могутъ пригодиться и взрослымъ, — для нужныхъ особъ.

Курсъ всеобщей исторіи для воспитанницъ благородныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій, составл.

В. Шульгинымъ. Исторія среднихъ вѣковъ. Кіевъ. 1858.

Руководство всеобщей исторіи. Первая половина исторіи грехъ послѣднихъ вѣковъ. Составл. И. Шульгинымъ и В. Макинымъ. Спб. 1858.

Первое дѣло—отнюдь не смѣшивайте двухъ господъ Шульгиныхъ: это двѣ личности, совершенно различныя и даже противоположныя. Одинъ изъ нихъ — Виталій, другой—Иванъ; одинъ — кіевскій, другой — санктпетербургскій; одинъ извѣстенъ въ нашей ученой литературѣ очень основательнымъ изслѣдованіемъ „О положеніи женщины въ Россіи

до Петра“; другой—„Изложеніемъ характера и содержанія исторіи трехъ послѣднихъ вѣковъ“,— весьма неловкою компиляціею изъ разныхъ французскихъ писателей. Столь же мало имѣютъ между собою общаго и курсы исторіи, ими изданные. В. Шульгинъ составилъ свой курсъ самъ-одинъ; а г. И. Шульгинъ,—вмѣстѣ съ г. Макинымъ. Мы не знаемъ, что такое г. Макинъ и каково участіе его въ составленіи руководства; но такъ какъ труды обоихъ составителей не отдѣлены, то конечно каждый изъ нихъ одинаково долженъ отвѣчать за недостатки и достоинства всей книги. Имѣя это въ виду, мы думаемъ, что г. И. Шульгинъ не обидится, если мы, говоря объ его руководствѣ, будемъ для краткости говорить только о немъ одномъ, не упоминая безпрестанно и г. Макина. Итакъ, будемъ продолжать нашъ параллель между историческими курсами двухъ гг. Шульгиныхъ; онъ весьма поучителенъ.

„Курсъ исторіи среднихъ вѣковъ“ г. В. Шульгина соотвѣтствуетъ современнымъ требованіямъ науки; руководство г. И. Шульгина составляетъ шагъ назадъ отъ покойной исторіи Кайданова. — У г. В. Шульгина не слишкомъ много мелочныхъ фактовъ, но всѣ факты рассказаны вѣрно; у г. И. Шульгина всѣ событія загромождены кучею подробностей, которыя всегда искажены и перепутаны. Въ курсѣ г. В. Шульгина факты освѣщаются общей идеей, выводимой изъ ихъ разсмотрѣнія; въ руководствѣ г. И. Шульгина идея навязывается фактамъ совершенно произвольно и нисколько не служитъ къ ихъ объясненію. Г. В. Шульгинъ пишетъ ясно и просто; г. И. Шульгинъ пишетъ краснорѣчиво, темно и нескладно... Различія,—какъ видите, немаловажныя, и чтобъ они еще яснѣе обрисовались предъ читателемъ, мы подтвердимъ ихъ фактами, извлеченными изъ той и другой книги.

Въ книгѣ г. В. Шульгина находимъ мы коротенькое предисловіе, объясняющее взглядъ автора на

изложеніе исторіи; въ книгѣ г. И. Шульгина никакого предисловія нѣтъ, но самая книга достаточно обличаетъ взглядъ автора. Сравнимъ же двухъ преподавателей.

Г. В. Шульгинъ говоритъ, что онъ старался развить съ особенною полнотою главные историческіе моменты въ жизни первостепенныхъ народовъ и изобразить личность главнѣйшихъ историческихъ дѣятелей; исторію же второстепенныхъ народовъ и событій изображалъ слегка, въ общихъ характеристическихъ очеркахъ. Затѣмъ онъ выражаетъ убѣжденіе, что „какъ можно менѣе голыхъ чиселъ и безличныхъ именъ и какъ можно болѣе живыхъ людей—вотъ главное правило историческаго преподаванія и изученія“. И г. В. Шульгинъ остается вѣренъ этому правилу въ своей книгѣ. У него нѣтъ подробной исторіи Пиринейскаго полуострова, маленькихъ итальянскихъ городовъ, маленькихъ калифатовъ, нѣтъ этихъ безконечныхъ Альфонсовъ, Григорьевъ, Іоанновъ и Константиновъ, которыми наполняется въ учебникахъ исторія Испаніи, Рима и Византіи... Но за то у г. В. Шульгина весьма живо и характерно очерчены многія изъ замѣчательныхъ историческихъ личностей среднихъ вѣковъ. Предъ учениками поставлены, какъ живыя лица, не только такіе дѣятели, какъ Магометъ, Карлъ Великій, Генрихъ IV и Григорій VII, Людовикъ XI и т. п., но и такіе люди, какъ, напр., Вильгельмъ Тель, Жанна д'Аркъ и пр.

Совсѣмъ не такъ поступаетъ руководство г. И. Шульгина. Для него нѣтъ разницы между важнымъ и неважнымъ, между полезнымъ и ненужнымъ. У него одно стремленіе: насажать какъ можно побольше именъ и фактовъ, не заботясь ни о смыслѣ, ни о связи ихъ. Вотъ выдержка для образца.

„Отъ Іакова II, сына Дона Петро III, пошелъ родъ арагоно-сицилійскихъ королей до пресѣченія его въ мужескомъ колѣнѣ смертью (1410) Мартина, правнука Іакову II. По су-

пруджеству своему съ Элеонорою, сестрою короля Мартина и единственною наслѣдницею престоловъ Арагона и Сициліи, получилъ сіи владѣнія Фердинандъ, меньшей сынъ короля Іоанна Кастильскаго, тогда какъ старшій братъ Фердинанда, Генрихъ III, наслѣдовалъ послѣ отца кастильскую корону. Ал(ь)фонсъ V (въ Неаполѣ I), сынъ короля Фердинанда, вопреки завѣщанію королевы Іоанны III, овладѣлъ по ея смерти (1435 г.) Неаполемъ и отстаивалъ королевство Обѣихъ Сицилій отъ всѣхъ притязаній Анжуйскаго дома. Король Ал(ь)фонсъ не имѣлъ законныхъ дѣтей, и послѣ его смерти (1458 г.) престолы Арагона и Сициліи достались меньшому брату его Іоанну (— 1479), а отъ него достопамятному сыну его Фердинанду-Католику; однакоже Ал(ь)фонсъ успѣлъ утвердить престолъ Неаполя за своимъ побочнымъ сыномъ Фердинандомъ I, по смерти котораго (1494 г.) вступилъ на престолъ Неаполя сынъ его (Фердинанда) Ал(ь)фонсъ II“ (стр. 34—35).

Изъ одной этой выписки, кажется, уже совершенно ясно, что г. И. Шульгинъ думаетъ о значеніи голыхъ именъ и чиселъ въ исторіи вовсе не такъ, какъ г. В. Шульгинъ. И дѣйствительно, во всемъ руководствѣ г. И. Шульгина замѣтно чрезвычайное пристрастіе къ именамъ и непобѣдимое отвращеніе отъ живыхъ характеристикъ. Говоря, напр., о Генрихѣ IV, руководство и не думаетъ о томъ, чтобы изобразить въ вѣрномъ очеркѣ эту замѣчательную личность, а прежде всего бросается на то, что „Генрихъ Бурбонъ, король Наварры (Нижней), былъ потомокъ по прямой линіи Роберта Бурбона, который по супружеству своему съ Іоанною д'Албретъ, наслѣдницею Наварры, получилъ королевство Наваррское“ (стр. 119). Приступая къ изображенію реформаціи, руководство такъ говоритъ о предшественникахъ Лютера: „въ теченіе всего этого времени возникали и распространялись расколы; сильнѣйшій былъ произведенъ въ Богеміи Іоанномъ Гуссомъ (1373—1415), профессоромъ Прагскаго университета, и другомъ его Іеронимомъ (+1416); предшественникомъ ихъ обоихъ былъ Виклефъ (1324—1387), профессоръ богословія въ Оксфордскомъ университетѣ“ (стр. 59). И хотя бы одно слово о мнѣніяхъ этихъ людей, хоть бы строчка объ

ихъ требованіяхъ, ихъ характеръ, о началъ и развитіи ихъ борьбы съ папствомъ!.. Были такія-то тогда-то,—и дѣло съ концомъ. По неволѣ къ руководству приложишь слова г. В. Шульгина изъ предисловія къ его курсу; „эти имена и числа, или, лучше сказать, эти клѣтки, обозначенныя извѣстными ярлыками, не давая понятія ни о характерѣ народа, ни о характерѣ историческихъ дѣятелей, бесполезно выучиваются, легко вылетаютъ изъ памяти и только отнимаютъ у преподавателя время, необходимое для полной, живой характеристики событій и лицъ, подвигавшихъ впередъ вѣкъ или служившихъ типическими представителями вѣка“. Нельзя не согласиться, что слова г. В. Шульгина имѣютъ весьма грустное примѣненіе къ руководству г. И. Шульгина.

Другая и самая существенная разница курса г. В. Шульгина отъ руководства г. И. Шульгина состоитъ въ томъ, что у г. В. Шульгина „изложеніе такъ называемыхъ внѣшнихъ политическихъ событій отодвинуто на второй планъ, и особенное вниманіе обращено на внутреннюю жизнь народовъ“, а у г. И. Шульгина о внутренней жизни народовъ нѣтъ и помину, напротивъ все вниманіе обращено исключительно на внѣшнія политическія событія. Руководство г. И. Шульгина даже вовсе не хочетъ понять, что есть на свѣтѣ народъ, съ своими нуждами и интересами; для руководства существуютъ только государства и династическіе интересы ихъ правителей. Вся новая исторія подчинена внѣшне-политической точкѣ зрѣнія. Забавно читать, какъ г. И. Шульгинъ характеризуетъ новую исторію, наивно увѣряя, что ея отличительныя качества состоятъ: 1) въ единствѣ внутренняго состава государствъ (ибо всѣ граждане суть члены одного и того же государственнаго организма, повинуются одной и той же верховной власти и живутъ подъ одними и тѣми же законами); 2) въ политиче-

скомъ равновѣсіи государства. Вѣрный своей точкѣ зрѣнія, г. И. Шульгинъ считаетъ, напр., крестовые походы не болѣе, какъ средствомъ „уничтоженія разнородности въ составѣ государствъ“, а всѣ открытія и изобрѣтенія XIV и XV вѣка цѣнить по ихъ вліянію на установленіе политическаго равновѣсія. Самъ г. И. Шульгинъ простодушно признается, что его новая исторія есть не что иное, какъ „исторія политическаго равновѣсія въ системѣ европейскихъ государствъ“, и что вся задача ея состоитъ только „въ томъ, чтобы показать, какимъ образомъ политическое равновѣсіе было нарушаемо и опять возстановляемо“ (стр. 26). Столь жалкое и мертвое понятіе объ исторіи, исключющее изъ нея всѣ существенные интересы народной жизни, приводитъ автора къ весьма забавнымъ нелѣпостямъ. Напримѣръ, на основаніи своей главной идеи онъ признаетъ слѣдующіе предѣлы, далѣе которыхъ изученіе новой исторіи не смѣетъ идти. „Учебное начало новой исторіи есть то событіе, въ которомъ въ первый разъ выразилось стремленіе одного государства къ преобладанію (нарушеніе политическаго равновѣсія) и противодѣйствіе этому стремленію со стороны прочихъ (возстановленіе равновѣсія); учебное окончаніе исторіи — то событіе, въ которомъ въ послѣдній разъ повторились всѣ эти обстоятельства“. Такимъ образомъ за начало новой исторіи г. И. Шульгинъ принимаетъ походъ Карла VIII въ Италію въ 1494 г. Это, конечно, странно, но все еще не столько, какъ то, что окончаніемъ исторіи признаетъ онъ Ахенскій конгрессъ (стр. 26). Тамъ, говоритъ, окончательно возстановлено политическое равновѣсіе, и затѣмъ—нѣтъ болѣе исторіи! На Ахенскомъ конгрессѣ г. И. Шульгинъ поставилъ для человѣчества геркулесовы столбы и не пускаетъ его дальше, „при молвя: здѣсь остановись!“ Пусть народы живутъ, трудятся, волнуются, хлопчутъ о своемъ образова-

ніи и объ улучшеніи своего быта,—г. И. Шульгину никакого дѣла нѣтъ до этого: для него вся исторія заключается въ метеорологическихъ наблюденіяхъ надъ политическимъ равновѣсіемъ. Ученики хотятъ отыскать въ исторіи разумное объясненіе и оправданіе настоящаго порядка вещей, хотятъ прослѣдить постепенное развитіе тѣхъ общественныхъ формъ и условій жизни, отъ которыхъ должна зависѣть ихъ собственная дѣятельность; оглядываясь на жизнь своихъ отцовъ и дѣдовъ, они хотятъ знать,—что же сдѣлали старшія поколѣнія и что послѣ нихъ осталось недовершеннымъ. Но что за дѣло г. И. Шульгину до всѣхъ этихъ юношескихъ стремленій? Онъ—человѣкъ почтенныхъ лѣтъ (ибо уже 30 лѣтъ тому назадъ помѣщалъ въ *Сынъ Отечества* отрывки изъ своей книги „Изображеніе характера и содержанія новой исторіи“), и имѣетъ свои, твердо установившіяся понятія, которымъ ни за что не измѣнить. Онъ успокоился на Ахенскомъ конгрессѣ, какъ будто ему, И. Шульгину, самому лично принадлежали всѣ лавры этого конгресса; и что же ему за охота послѣ этого слѣдить за современной исторіей? Конечно, характеръ исторіи остался тотъ же, что и прежде, государства не перестали развиваться, не прервали взаимныхъ сношеній; но политическое равновѣсіе, по мнѣнію г. И. Шульгина, уже не играетъ роли... Оттого и исторія послѣднихъ сорока лѣтъ превратилась въ нѣчто, вниманія не стоящее. Вотъ хоть бы, на примѣръ, и восточная война. Конечно,—война замѣчательная, и народу въ ней много побито, и послѣдствія важныя; но вѣдь въ ней не выразилось „стремленіе одного государства къ преобладанію и противодѣйствіе оному со стороны прочихъ“; это была война просто изъ-за ключей Гроба Господня, изъ-за покровительства христіанамъ въ Турціи. Такъ вонъ ее изъ исторіи, эту нелѣпую войну, въ которой не выразилось политическое равновѣсіе! Не стоитъ она вниманія

г. И. Шульгина, какъ и все, совершившееся на свѣтѣ послѣ Ахенскаго конгресса!

Доходя до такой виртуозности въ послѣдовательномъ проведеніи своей нелѣпой идеи, руководство нисколько уже не удивляетъ насъ тѣмъ, что оно все наполнено только войнами и войнами, которыя объясняются тѣмъ только, что такой-то государь возымѣлъ стремленіе къ преобладанію, а такіе-то умѣли или не умѣли ему противодѣйствовать. Принявъ произвольную, мертвую идею за основаніе всей исторіи, г. И. Шульгинъ все объясняетъ произволомъ и случайностью. Тридцатилѣтняя война началась у него потому, что Фердинандъ II возчувствовалъ стремленіе къ преобладанію; ужасы Варшавской ночи произошли оттого, что Екатерина Медичи опасалась вліянія Колиньи на Карла IX; разстройство Швеціи въ XVII вѣкѣ объясняется страстью Христины къ ученымъ занятіямъ, и пр., и пр. Но этого мало: г. И. Шульгинъ не только объясняетъ все произволомъ, но и старается, гдѣ только возможно, оправдать этотъ произволь. По его мнѣнію, напр., въ борьбѣ парламента съ Карломъ I, виноватымъ былъ одинъ парламентъ (стр. 198); даже Нидерланды выходятъ у г. И. Шульгина почти виноватыми за свое возстаніе противъ Испаніи. О Филиппѣ II, этомъ типѣ кровожаднаго тирана и дикаго изуверъ, г. И. Шульгинъ выражается слѣдующимъ образомъ: „Филиппъ II воспитанъ былъ въ строгихъ правилахъ католицизма, и по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ былъ врагъ и гонитель всякой ереси; онъ видѣлъ въ протестантскомъ ученіи направленіе, которое считалъ мятежнымъ и опаснымъ. Въ 1559 г. отправляясь изъ Нидерландовъ въ Испанію, Филиппъ II унесъ съ собою убѣжденіе въ необходимости сильныхъ мѣръ (такъ говорится объ инквизиціи, шпіонствѣ, кострахъ и казняхъ всякаго рода! Самъ князь Шаликовъ выразился бы въ этомъ случаѣ сильнѣе,

чѣмъ г. И. Шульгинъ!) — и къ совершенному искорененію религіозныхъ нововведеній, и къ измѣненію многоразличныхъ уставовъ, чтобы привести эту страну къ единству религіозному и политическому, и утвердить въ ней свое неограниченное полномостіе“ (стр. 108)...

Увлеченный своей общей идеей г. И. Шульгинъ безпощадно искажаетъ самые факты, даже въ такихъ крупныхъ чертахъ, которыя извѣстны изъ самаго краткаго учебника. Напримѣръ, онъ говоритъ, что „вслѣдствіе крестовыхъ походовъ вассалы, духовенство, горожане утратили свое прежнее могущество“ (стр. 7). Загляните, г. И. Шульгинъ, хоть въ курсъ вашего однофамильца, — вы найдете тамъ, на стр. 119, слѣдующее: „вслѣдствіе крестовыхъ походовъ развились въ Европѣ промышленность и торговля, которыя обогатили и возвысили сословіе горожанъ или среднее сословіе, бывшее дотолѣ въ совершенномъ упадкѣ“. Далѣе, на 7-й же стр., у г. И. Шульгина говорится, что послѣ крестовыхъ походовъ „власть монархическая перестала встрѣчать для себя препятствія въ вассалахъ, духовенствѣ и привиллегіяхъ городскихъ общинъ“. Посмотрите же опять у г. В. Шульгина хоть то, что говорится о Франціи, на стр. 129: „въ началѣ XIV вѣка депутаты горожанъ или средняго сословія получаютъ значеніе политическое, именно право участвовать въ собраніи государственныхъ сословій; а въ концѣ XIV вѣка они дѣлаются уже опасными для самой монархіи, которая имъ между прочимъ обязана своимъ возвышеніемъ“. Изъ одного сравненія этихъ отзывовъ можно видѣть, какъ г. И. Шульгинъ далекъ отъ разумнаго пониманія историческихъ явленій; что онъ можетъ понять, если не понимаетъ даже роли городскихъ общинъ въ исторіи среднихъ вѣковъ?...

Спеціалисты находятъ множество мелкихъ погрѣшностей чуть не на каждой страницѣ руко-

водства г. И. Шульгина; но что значать мелкія погрѣшности предъ такою громадностью историческаго непониманія (мы не хотимъ сказать — недобросовѣстности)? Какъ жалки тѣ бѣдняжки, которые принуждены будутъ учиться по книгѣ г. И. Шульгина! Какое извращеніе здраваго смысла, какая куча ложныхъ понятій, какая узость и пошлость возрѣній будутъ неизбѣжнымъ удѣломъ ихъ, когда они проникнутся идеями руководства!.. Вмѣсто живой исторіи народа имъ дается какая-то геральдика въ лицахъ, вмѣсто характеристики лицъ и событій — бессмысленная риторическая амплификація!.. „Герцогъ Альба — воевода знаменитый, но человекъ жестокой по характеру“ (стр. 109). „Тилли, знаменитый воевода, но неумолимо-суровый человекъ“ (стр. 147). „Мансфельдъ и Христіанъ Брауншвейгскій — два героя, извѣстные своими дарованіями и жестокостями“ (стр. 151). „Густавъ Адольфъ — равно знаменитый и какъ царь, и какъ воевода“ (стр. 171)... Такими характеристиками преисполнено руководство, и хорошо еще, если онѣ ограничиваются нѣсколькими словами. А то есть характеристики строкъ въ двадцать, не представляющія ничего, кромѣ набора ненужныхъ словъ, въ родѣ того, что такой-то — Ришелье, Кольберъ, Лувуа или кто-нибудь другой, — все равно — отличался своими дарованіями, просвѣщеніемъ, любовью къ отечеству, познаніемъ дѣлъ государственныхъ, имѣлъ волю твердую и осмотрительную, въ образѣ дѣйствій наблюдалъ справедливость и благогоразуміе, и т. д.

А кромѣ характеристикъ, ученики должны вы зубрить въ руководствѣ еще множество краснорѣчивыхъ тирадъ, весьма невразумительно рассуждающихъ объ общихъ философскихъ и политическихъ идеяхъ. Видно, что г. И. Шульгинъ работалъ сильно и добросовѣстно надъ принятою имъ основною идеею исторіи; но такъ какъ изъ всѣхъ возможныхъ

средствъ убѣжденія онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи только риторикѣ, то разсужденія его и вышли чрезвычайно слабы. Посмотрите, напр., какъ онъ доказываетъ весьма простую мысль о томъ, что не всѣ государства могутъ быть равны по своему могуществу.

„Подъ именемъ политическаго равновѣсія отнюдь не должно разумѣть равенства въ силахъ государства, потому что такого равенства не можетъ и не должно быть. Не можетъ быть такого равенства потому, что силы каждаго государства двойки: вещественныя и духовныя; первыя состоятъ въ пространствѣ и свойствахъ земли, занимаемой государствомъ, и въ его народонаселеніи; вторыя (слушайте! слушайте!) — въ любви и преданности народа къ своему отечеству, и въ его готовности принести всякую жертву для защиты своего правительства, своихъ законовъ, своей вѣры. Если вещественныя силы, какъ подлежащія числу и мѣрѣ, и могли бы поровну распредѣлены быть между государствами, то силы духовныя не могутъ быть уравниены: для нихъ нѣтъ мѣрила! Относительное могущество государствъ зависитъ главнѣйше отъ ихъ духовныхъ, а не отъ ихъ вещественныхъ силъ. Но если бы даже и возможно было уравнивать государства и въ вещественныхъ и въ духовныхъ силахъ, то не должно быть такого равенства: оно противно человѣческой природѣ и природѣ общества: уравнивъ государства въ обоихъ этихъ отношеніяхъ (слушайте!) надлежало бы особой силою и удерживать ихъ навсегда въ такомъ состояніи равенства, т. е. (слушайте, что есть!) поставить вѣчную преграду ихъ развитію и усовершенствованію, которому нѣтъ предѣла и которое составляетъ цѣль существованія человѣка и человѣческаго общества на землѣ“ (стр. 25).

Какой, право, политикъ и философъ этотъ г. И. Шульгинъ! „Духовныя силы народа состоятъ, говоритъ, въ преданности и въ готовности... Уравнивать государства — значитъ, говоритъ, поставить вѣчную преграду ихъ развитію...“ Богъ васъ знаетъ, что это вы такое говорите, г. И. Шульгинъ!... Неужели вы не знаете, что преданность и готовность вовсе не составляютъ дѣйствительной силы, а представляютъ собою, одна — совершенно пассивное качество, другая — только возможность, простую возможность, которая ничего не значитъ?... Неужто

вы не знаете, что невещественныя силы государства заключаются въ образованіи народа, въ развитіи его характера, въ его учрежденіяхъ, въ признаніи правъ труда, въ общественныхъ гарантіяхъ?... И съ чего это вамъ, г. И. Шульгинъ, все такое придумывается, будто два равныя государства не могутъ ужъ и развиваться и совершенствоваться, именно вслѣдствіе того, что они равны? Господь съ вами, одумайтесь и обратите здравое разсужденіе хоть на вашу же систему политическаго равновѣсія. Вѣдь и она къ тому направлена, чтобы оградить слабыхъ отъ сильнаго; значить — неравенство-то государствъ мѣшаетъ свободному развитію cadaго изъ нихъ, а равенство силъ — какая же помѣха? Хоть сами на себя примѣряйте: если бы, напримѣръ, ваше руководство и курсъ г. В. Шульгина были совершенно равны по своимъ достоинствамъ, неужели вы думаете, что это помѣшало бы обѣимъ книжкамъ еще уллучшиться при новомъ изданіи? Мы этого не думаемъ... Напротивъ — теперь вамъ, г. И. Шульгинъ, трудно дожидаться не только исправленнаго, но и вообще какого-нибудь новаго изданія вашей книги; узнавъ, что г. В. Шульгинъ издалъ исторію среднихъ вѣковъ, публика будетъ теперь съ нетерпѣніемъ ждть отъ него же и новой исторіи, которая могла бы избавить несчастныхъ учениковъ отъ вашего унылаго руководства...

Курсъ, всеобщей исторіи, доктора Георга Вебера, профессора въ Гейдельбергѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Е. и В. Корша. Томъ I. Выпускъ первый. Москва. 1859.

Курсъ всеобщей исторіи, составленный В. Шульгинымъ (для воспитанницъ благородныхъ институтовъ и воспитанниковъ гимназій). Исторія среднихъ вѣковъ. Изданіе 2-е, дополненное. Кіевъ 1859 г.

Переводъ курса Вебера, весьма добросовѣстно сдѣланный гг. Коршами, составляетъ очень полезное пріобрѣтеніе въ русской исторической литературѣ,

и мы спѣшимъ обратить на него вниманіе читателей. Громадная ученость Вебера, его добросовѣстность и строгая послѣдовательность изложенія извѣстны всѣмъ, хотъ по наслышкѣ знающимъ историческую литературу Германіи. Теперь Веберъ издаетъ „Всеобщую Исторію“ въ большихъ размѣрахъ, и этотъ трудъ будетъ съ его стороны новою важною услугою исторической наукѣ. Но и давно извѣстный „Учебникъ“ его пользуется до сихъ поръ большою популярностью и выдержалъ уже много изданій въ подлинникѣ. У насъ, разумѣется, нѣтъ ничего подобнаго руководству Вебера, и потому гг. Корши заслуживаютъ искренней благодарности всѣхъ занимающихся исторіею, за свой истинно-полезный трудъ.

Можно надѣяться, что книга эта будетъ имѣть успѣхъ: у насъ такъ многіе нуждаются въ порядочномъ учебникѣ, что съ радостью готовы схватиться за все, мало-мальски порядочное. Тѣмъ успѣшнѣе должно разойтись хорошее руководство. Примѣромъ и доказательствомъ нашихъ словъ можетъ служить второе изданіе „Курса средней исторіи“, г. Виталія Шульгина. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы, — если помнятъ читатели, — разбирали курсъ г. В. Шульгина вмѣстѣ съ руководствомъ г. И. Шульгина, и отдали первому преимущество. Тогда еще мы предсказали успѣхъ г. В. Шульгину сравнительно съ г. И. Шульгинымъ, и вѣдь вотъ дѣйствительно сбылись наши предсказанія: курсъ г. Виталія Шульгина, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, вышелъ вторымъ изданіемъ, вновь пересмотрѣнный и значительно дополненный. А вотъ г. Ив. Шульгинъ ужъ не дождется новаго изданія своего руководства, — „хотъ ужъ онъ тутъ себѣ что!...“

Уроки Естественной Исторіи для учащихя дѣвиць и юношества, составленные Ходецкимъ, профессоромъ университета св. Владиміра. Кіевъ. 1859.

Естественная исторія для женскихъ учебныхъ заведеній А. Горизонтова. Спб. 1859 г. Изд. Торговаго дома Струговщикова, Пахитонова, Водова и К⁰.

Не въ одной поэзіи, есть и въ наукѣ свои господа Мыльниковы, только за нихъ страшнѣе принятыся: авторитетъ имѣютъ большой, или по крайней мѣрѣ — очень ученый видъ. Вотъ, на примѣръ, г. Ходецкій: на оберткѣ его „Уроковъ“ значитъ, что онъ профессоръ, а въ предисловіи онъ самъ говоритъ, что издаетъ свою книгу вслѣдствіе крайняго недостатка русскихъ руководствъ по естественнымъ наукамъ. Значитъ, его трудъ есть нѣчто самостоятельное, слѣдствіе его многолѣтнихъ занятій, результатъ спеціальныхъ знаній, пріобрѣтенныхъ имъ въ теченіе долгой ученой карьеры (ибо г. Ходецкій ужъ лѣтъ 20 по крайней мѣрѣ значитъ профессоромъ). Мы были увѣрены, что руководство г. Ходецкого представитъ что нибудь въ родѣ учебника г. Шульгина (конечно, вы не подумаете, что г. Ив. Шульгина!), особенно когда увидѣли изъ предисловія, что г. Ходецкій съ тѣмъ и издалъ свою книгу, чтобы восполнить недостатокъ руководствъ по естественнымъ наукамъ. Въ такихъ предположеніяхъ принялись мы читать вышедшую теперь первую часть уроковъ г. Ходецкого — уроки о животныхъ, т. е. говоря по-просту — зоологію. И вдругъ — представьте себѣ наше изумленіе! — насъ поражаютъ въ книгѣ г. Ходецкого знакомыя опредѣленія, знакомыя обороты, знакомыя фразы, — точь - въ - точь, какъ при чтеніи стиховъ г. Мыльникова! Мы не занимались спеціально естественными науками, и потому намъ нетрудно было припомнить, въ какой именно книжкѣ встрѣчали уже мы всѣ эти фразы, — это въ зоологіи, 12 лѣтъ тому назадъ изданной г. Далемъ. Для полнѣйшаго удостовѣренія мы спра-

вились: оказалось, что г. Ходецкій перефразировалъ зоологію Даля,—можетъ быть, съ меньшимъ искусствомъ, но ужь никакъ не съ меньшимъ усердіемъ, чѣмъ г. Мыльниковъ Кольцова. Представимъ для сравненія нѣсколько выписокъ. Откроемъ что-нибудь изъ г. Даля. Вотъ стр. 155. На ней описаніе льва.

Сначала у г. Даля описывается наружность льва, опредѣляется его величина, и пр. Всего этого нѣтъ у г. Ходецкаго. Затѣмъ у г. Даля говорится:

„Ростъ его, ловкость и гибкость, чрезвычайная сила, особенно въ переднихъ лапахъ, смѣлый взглядъ, величественная и гордая осанка и страхъ, который онъ наводитъ на всѣхъ животныхъ глухимъ и дикимъ рыканіемъ своимъ, все это присвоило ему названіе царя звѣрей. Хотя вообще рассказы о великодушныхъ поступкахъ этого звѣря преувеличены, но справедливо, что если онъ не голоденъ, то не нападетъ на животныхъ, нерѣдко щадитъ безсильныхъ, а чело-вѣка безъ нужды не трогаетъ; за то, выходя на добычу, левъ не знаетъ страха, и нѣтъ животнаго, съ которымъ бы онъ отказался помѣриться силами; онъ не только одолѣваетъ кабановъ и буйволовъ, но смѣло нападаетъ даже на слоновъ и носороговъ и нерѣдко ихъ побѣждаетъ. Днемъ онъ обыкновенно отдыхаетъ въ дремучихъ лѣсахъ, или другого рода пристанищахъ, а по ночамъ бродитъ и подстерегаетъ изъ засады свою добычу, на которую бросается прыжкомъ, хватаетъ ее за загривокъ или шею, валитъ на земь и задираетъ зубами и когтями... Настоящее отечество этого звѣря—Африка; гораздо рѣже попадаетъ онъ въ южной Азіи... Шкура льва употребляется только, какъ рѣдкость, на полсти и подстилку, а у дикихъ народовъ и на другія подѣлки. Охотники убиваютъ льва изъ ружей, подстерегая его на какомъ нибудь опасномъ ему пути или на привадѣ: туземцы же иногда преслѣдуютъ его на лошадяхъ, окружаютъ и убиваютъ; но эта охота очень опасна.“

У г. Даля есть еще нѣкоторыя подробности о левѣ; но мы ихъ не приводимъ, такъ какъ г. Ходецкій не удостоилъ ихъ заимствовать. Да и въ томъ, что мы выписали, подчеркнутыя мѣста опущены г. Ходецкимъ, какъ ненужныя, хотя они большею частію очень характерны. Вотъ въ какомъ видѣ является левъ у г. Ходецкаго, на стр. 87.

„Левъ — самое величественное животное между млекопитающими. Его крупный ростъ, чрезвычайная сила, ловкость, наружный видъ, безстрашіе, съ которымъ онъ нападаетъ на свою добычу, самый ревъ его, наводящій страхъ и заставляющій трепетать и умолкать всѣхъ другихъ весьма сильныхъ животныхъ, — все это издавно пріобрѣло ему названіе царя звѣрей. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему приписываютъ великодушіе, что хотя преувеличено, но, по крайней мѣрѣ, онъ не нападаетъ на другихъ животныхъ, не будучи голоденъ. Левъ живетъ преимущественно въ пустыняхъ Африки, изрѣдка въ южной Азіи. Днемъ онъ отдыхаетъ въ какихъ нибудь неприступныхъ мѣстахъ, а ночью выходитъ на добычу и бросается на нее, подобно всѣмъ животнымъ кошачьяго рода, ловкимъ прыжкомъ. Пищею ему служатъ самыя крупныя животныя, но встрѣчи съ человѣкомъ онъ избѣгаетъ. Охота за львомъ считается необыкновенно смѣлою и отчаянною, хотя находятся смѣльчаки, на нее рѣшающіеся. Кожа льва употребляется, какъ рѣдкость, на полсти.“

Какъ видите, г. Ходецкій не только заимствовалъ, но и плохо заимствовалъ описаніе г. Даля. Онъ выпустилъ необходимое опредѣленіе наружности животнаго и оставилъ только грозную осанку, большой ростъ, и пр., что безъ предварительныхъ свѣдѣній и обратилось въ общее мѣсто. Затѣмъ онъ выпустилъ нѣсколько характерныхъ подробностей и полезныхъ указаній, представленныхъ въ книгѣ г. Даля, на примѣръ, о времени жизни льва, о львахъ въ римскомъ циркѣ, о силѣ, находящейся въ переднихъ лапахъ и въ хвостѣ льва, и пр. Все это, должно быть, потому, что г. Ходецкій, по словамъ его предисловія, хотѣлъ въ своей зоологіи „показать тѣсную связь между наружною формою и внутреннимъ устройствомъ органическихъ существъ“.

Раскроемъ еще какое нибудь мѣсто—у г. Ходецкого. Вотъ стр. 112: описаніе дикой свиньи.

„Дикая свинья, дикій кабанъ или вепрь считается прародителемъ домашней свиньи. Живетъ въ глухихъ лѣсахъ и камышахъ многихъ странъ, между прочимъ въ западной Россіи. Питается плодами, кореньями и травами. Отъ домашней свиньи отличается болѣе крупнымъ ростомъ, большими клыками и постояннымъ чернымъ цвѣтомъ шерсти. Очень дикъ и свирѣпъ. Составляетъ предметъ довольно опасной охоты

для мяса, изъ котораго могутъ быть приготовляемы вкусныя блюда.“

Теперь посмотримъ, какъ она изображается въ зоологiи Даля (см. стр. 178).

„Дикая свинья (вепрь, кабанъ, дикiй боровъ), признаваемая за родоначальника нашей дворовой свиньи, извѣстна свирѣпымъ нравомъ, своимъ страшнымъ оружіемъ — клыкомъ, или вѣрнѣе копаломъ. Кабанъ бываетъ длиною до 5 футовъ, а вѣсомъ 12 пудовъ; масть щетинистой шерсти его черно-бурая. Онъ водится, мѣстами, въ лѣсахъ и камышахъ, въ средней Европѣ, у насъ же въ западныхъ губерніяхъ, на Кавказѣ и изрѣдка около Каспійскаго моря, а затѣмъ также кой-гдѣ въ Азiи, Африкѣ и Америкѣ. Онъ живетъ до 30 лѣтъ, мясо его вкусно, но охота за нимъ опасна, если стрѣлки, на коихъ его выгоняютъ, не стоятъ на подмосткахъ или толстыхъ пняхъ.“

Въ передѣлкѣ этого описанія г. Ходецкiй старался, кажется, удовлетворить шестой изъ цѣлей, указанныхъ имъ для своей книги въ предисловіи: „обратить вниманіе учащихъ на прекрасное въ природѣ“; ибо здѣсь онъ изъ „родоначальника свиньи“ сдѣлалъ „прародителя“, и прибавилъ „охоту, опасную для мяса“.

Пойдемъ ужъ кстати далѣе за Ходецкимъ и приведемъ описаніе и домашней свиньи, тѣмъ болѣе, что почтенный профессоръ въ предисловіи увѣряетъ, что онъ „въ 4-хъ старался выставить преимущественно то, что наиболѣе полезно въ хозяйственномъ быту человѣка“.

Прочтите же на 113 страницѣ:

„Домашняя свинья происходитъ отъ дикой, отличаясь отъ нея только меньшимъ ростомъ, меньшими клыками, не столь свирѣпымъ нравомъ и разнообразіемъ цвѣта шерсти. Составляетъ очень полезное животное въ хозяйствѣ, особенно въ томъ отношеніи, что можетъ быть продовольствуема самымъ дешевымъ, для другихъ животныхъ мало годнымъ кормомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ скоро растетъ, даетъ много мяса и жира, также щетину, употребляемую для щетокъ, кистей и т. п. Будучи прожорлива, она ѣстъ почти все, не отказываясь даже отъ мяса, и потому скоро откармливается. При такихъ выгодахъ, она разводится почти у всѣхъ народовъ, за исключеніемъ евреевъ и магометанъ, чуждающихся мяса ея по

религіозному закону. Къ сожалѣнію только, свинья очень нечистоплотна и любитъ, подобно многимъ другимъ толстокожимъ животнымъ, прохлаждаться въ грязи; любитъ также рыть землю для отыскиванія корней; но чѣмъ чище она содержится и чѣмъ лучшій получаетъ кормъ, тѣмъ и продукты ея бываютъ лучше.“

„Такъ какъ домашняя свинья распространена человекомъ почти по всѣмъ странамъ свѣта, то въ видѣ ея образовалось много породъ, которыя въ хозяйственномъ отношеніи отличаются другъ отъ друга преимущественно по крупности роста. Изъ крупнорослыхъ породъ наиболѣе цѣнятся англійская и ютландская, а изъ малорослыхъ китайская.“

Теперь сравните описаніе изъ книги г. Даля (стр. 179):

„Свинья домашняя или дворовая (Рис. 18, ф. 103) рѣдко достигаетъ той величины, какъ дикая; копала у нея гораздо меньше, масть шерсти черная, желтобурая, пѣгая и пр. Какъ изъ всякой домашней скотины, такъ и изъ свиньи, по различію пищи, климата и другихъ обстоятельствъ, образовалось нѣсколько породъ; есть, напр., большая англійская и ютландская породы, коихъ свиньи въ откормкѣ достигаютъ такой огромности, что въ свиньѣ бываетъ до 15 пудовъ вѣсу; китайская порода, не крупная, на низенькихъ ножкахъ; порода съ сережками, порода турецкая, съ нѣсколько курчавою шерстью и пр. Свинья питается зерномъ, плодами, овощами, травами, кореньями, насѣкомыми, но ѣстъ все, даже всѣ нечистоты и самую падаль. Свинья прожорлива, почему и удобно откармливать ее на сало; она не опрятна, любитъ грязь и лужи, но мясо ея бываетъ гораздо вкуснѣе, когда ее содержать чисто въ опрятной свинарнѣ и кормятъ одною хлѣбною пищею. Чутье свиньи довольно тонко, такъ что она издали отыскиваетъ по чутью пищу, даже подъ землей, которую проворно взрываетъ носомъ или рыломъ. Поэтому свинью употребляютъ для отысканія трюфелей (родъ подземныхъ грибовъ), до которыхъ и люди не менѣе ея лакомы. Свинина и свиное сало, окорока, свиная колбасы и пр. составляютъ общеупотребительную пищу многихъ народовъ, кромѣ мусульманъ и евреевъ, которые свинины не ѣдятъ; свиная щетина идетъ на щетки и кисти, а также у сапожниковъ для присучиванія къ дратвѣ, и потому составляетъ не совсѣмъ маловажный предметъ торговли.“

Въ такомъ видѣ вся книжка г. Ходецкого перефразирована изъ зоологіи Даля. Спрашивается: зачѣмъ же онъ убивался надъ этимъ и на какомъ

основаніи жалуется онъ въ предисловіи на то, что у насъ нѣтъ учебниковъ по естественной исторіи? Правда, онъ прибавляетъ, что существующіе учебники годятся собственно для мужскихъ училищъ, а для женскихъ неудобны „отчасти по своему объему, излишней сложности системы, употребленію латинскихъ терминовъ, отчасти по другимъ причинамъ, легко понятнымъ для каждаго догадливаго читателя“. Но книга г. Даля не очень многимъ превосходитъ объемъ „Уроковъ“ г. Ходецкого, особенно если исключить изъ нея всѣ примѣчанія, напечатанныя мелкимъ шрифтомъ; система вся цѣликомъ взята г. Ходецкимъ изъ Даля; латинскіе термины... но ихъ-то, какъ на грѣхъ, и нѣтъ вовсе въ зоологіи Даля... Остаются, стало быть, другія причины... Ихъ угадать дѣйствительно не трудно: это опасеніе, чтобы не встрѣтить лишняго слова въ анатомическомъ обзорѣ частей человѣческаго тѣла, въ показаніи способовъ размноженія разныхъ животныхъ и пр. Но, во-первыхъ, — и въ книгѣ г. Даля нѣтъ ничего лишняго по этой части; во-вторыхъ, неизвѣстно еще, точно ли слѣдуетъ одобрять ту скрытность, которую считаетъ столь необходимою почтенный профессоръ. По нашему мнѣнію, одна изъ главныхъ цѣлей преподаванія естественной исторіи въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ и должна состоять въ томъ, чтобы дѣвицы познакомились со всѣми естественными отправлениями животнаго организма изъ серьезнаго, научнаго изложенія, а не изъ сальныхъ рассказовъ дворовыхъ дѣвокъ и не изъ сладострастныхъ намековъ разныхъ распутныхъ кузеновъ... Пора бы ужъ убѣдиться, что въ этомъ случаѣ формальная скромность въ училищѣ можетъ привести дѣвушку только къ лицемерству, да еще дать ей поводъ получить совершенно превратное, преувеличенное и до нельзя украшенное понятіе о томъ, что именно хотятъ скрыть отъ нея.

Вообще, въ книгѣ г. Ходецкаго мы не нашли ничего, что бы могло оправдать ея появленіе, и особенно съ такимъ предисловіемъ. О примѣненіи къ понятіямъ ученицъ, объ особенныхъ требованіяхъ женскаго образованія онъ и не думалъ. Если ужъ надо сочинять руководство особое непременно для дѣвушекъ, то слѣдовало бы изложить явленія живой природы въ болѣе стройномъ порядкѣ, рассказать фізіологическія условія жизни подробно и живо, представить бытъ и нравы животныхъ, обстоятельно описать тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ особый интересъ по чему нибудь, и никакъ не хлопотать о какихъ нибудь перечисленіяхъ. Зачѣмъ, напри- мѣръ,—не только въ женскомъ, но въ какомъ бы то ни было учебникѣ—такой перечень: „курганчики, кубарчики, ребрушки, башенки, ушки, нырчатки, богрянки, шишаки, труборогои, ужовки, оливы, конусы, овулы, и пр.“ Что же, ученицы должны все это вы зубрить?... А по нашему, если ужъ эти всѣ курганчики, кубарчики и пр. такъ замѣчательны, что ихъ не знать нельзя, такъ можно ихъ описать подробнѣе; а если не стоитъ описы- вать, то ужъ и имена перечислять не стоитъ... Развѣ, можетъ быть, это необходимо было г. Хо- децкому для того, чтобы, по его словамъ, „подѣй- ствовать благотворно на нравственное чувство уча- щихся, высшее развитіе котораго составляетъ глав- нѣйшую цѣль всякаго образованія?..“

Руководство г. Горизонтова выступаетъ съ тѣми же претензіями, какъ и курсъ г. Ходецкаго. Въ предисловіи его авторъ говоритъ—не вполнѣ гра- мотно, но съ скромнымъ сознаниемъ своего достоин- ства: „сознавая вполнѣ, что изданіемъ своей Есте- ственной исторіи я не устранилъ вышепомянутаго недостатка (хорошихъ руководствъ) въ нашей учеб- ной литературѣ, но тѣмъ не менѣе льщу себя надеждою, что за неимѣніемъ другаго руководства, обнимающаго всѣ части естественной исторіи, мой

трудъ принесетъ хотя небольшую пользу для учащихъ дѣвицъ и въ домашнемъ воспитаніи“. Безграмотность этой тирады впрочемъ — случайная; и произошла она, вѣроятно, отъ смущенія, въ которомъ находился авторъ, приступая къ восхваленію самого себя. Вообще же руководство г. Горизонтова написано грамотно, и въ сравненіи съ „Уроками“ г. Ходецкаго, — его можно превознести. Уже одно то много значитъ, что оно гораздо короче. У г. Ходецкаго 300 страницъ заняты одной зоологіей, а у г. Горизонтова на 392 стр. помѣщена зоологія, ботаника и минералогія, да еще, вдобавокъ, свѣдѣнія изъ физики и изъ физической и математической географіи. Кромѣ того, въ текстѣ 278 рисунковъ, сдѣланныхъ большею частію недурно, исключая рисунковъ птицъ и млекопитающихъ, изъ которыхъ многіе изъ рукъ вонъ плохи.

Напримѣръ, на стр. 34 изображена обезьяна, изъ семейства игрунковыхъ, большого роста, судя по дереву, на которомъ она сидитъ (хотя въ текстѣ и говорится, что она величиной всего съ бѣлку), съ пышной куафюрой и съ огромнѣйшимъ пушистымъ хвостомъ; хвостъ даже чуть ли не больше и не толще ея самой. На стр. 137 нарисованъ воробей, который, можетъ-быть, недурень бы оказался въ какой нибудь карикатурѣ Степанова, но въ учебникѣ вовсе неумѣстенъ, равно какъ и голубь на стр. 147: такіе голуби могутъ существовать развѣ только въ голубятняхъ г. Сорокина!

Текстъ руководства г. Горизонтова составляетъ тоже сшивки изъ разныхъ прежнихъ книжекъ. Зоологіей и ботаникой Даля г. Горизонтовъ тоже сильно попользовался, а между тѣмъ, зоологію его даже не упомянулъ въ числѣ своихъ пособій, перечисленныхъ имъ въ предисловіи. Это ужъ не совсѣмъ хорошо, потому что г. Горизонтовъ — лицо не извѣстное, не профессоръ, слѣдовательно, ничѣмъ не обезпеченъ отъ нападеній критики. Нехорошо

еще то, что онъ, не справившись, беретъ изъ Даля такія свѣдѣнія, которыя теперь ужъ никуда не годятся. Напримѣръ, отдѣлъ о человѣкѣ почти весь списанъ изъ Даля слово въ слово (съ пропусками, разумѣется), и между прочимъ взято оттуда свѣдѣніе о количествѣ людей на земномъ шарѣ. По этому свѣдѣнію выходитъ, что на земномъ шарѣ 757 милліоновъ жителей (140 въ Европѣ, 450 въ Азіи, 120 въ Африкѣ, 45 въ Америкѣ, 2 въ Австраліи): между тѣмъ, не далѣе какъ въ нынѣшнемъ году печатаны были даже въ русскихъ газетахъ результаты новѣйшихъ изслѣдованій Дитерици, по которымъ оказывается всѣхъ земныхъ жителей 1,288 милліоновъ (272 въ Европѣ, 755 въ Азіи, 200 въ Африкѣ, 59 въ Америкѣ, 2 въ Австраліи). Допущеніе въ учебникъ подобной ошибки доказываетъ, что г. Горизонтовъ не извлекалъ, а просто бралъ, т. е. переписывалъ свое руководство то изъ той, то изъ другой книжки. Но вѣдь на подобную работу достаточно грамотнаго писаря или такого профессора, какимъ явился въ своихъ урокахъ г. Ходецкій!

Замѣтимъ еще курьезный промахъ г. Горизонтова, въ которомъ впрочемъ ужъ не Даль, кажется, виновать. На стр. 259, говоря о вербѣ, г. Горизонтовъ прибавляетъ: „это та самая верба, о которой царь-псалмопѣвецъ упоминаетъ въ своей пѣснѣ: „на рѣкахъ вавилонскихъ тамо сѣдохомъ и плакахомъ, на вербіяхъ обѣсихомъ органы наша“. Надо быть слишкомъ увлечену собственнымъ краснорѣчіемъ, чтобы забыть, что царь-псалмопѣвецъ, т. е. царь Давидъ не былъ въ плѣну вавилонскомъ (потому собственно, что жилъ за 400 лѣтъ до него) и что пѣснь: „на рѣкахъ вавилонскихъ“ — приписывается пророку Іереміи.

Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, надо имѣть въ виду то, въ какомъ положеніи находятся у насъ наука и ученость. Нашимъ учебнымъ заведеніямъ еще могутъ угрожать такія книги, какъ „Уроки“ г.

Ходецкаго; намъ еще могутъ выдавать плохую, без-
таланную перифразировку всѣмъ извѣстнаго руко-
водства за самостоятельный профессорскій трудъ...
При такомъ положеніи дѣлъ можно и книгъ г. Го-
ризонтова обрадоваться, хотя она по своей сущности
и не стоитъ того.

Варианты *).

„О значеніи авторитета въ воспитаніи“.

93,35. Въ *Современникъ* 1857, № 5, стр. 50:

...подъ — словомъ: безусловный.

100,25. *Совр.* стр. 54:

произволомъ... — При такой системѣ воспитанія — побѣда...

100,36. *Совр.* стр. 54:

Тутъ уже — разумной дѣятельности — никакой...

101,34. *Совр.* стр. 55:

съ — безусловною — волею...

102,6. *Совр.* стр. 55:

которыми — такое воспитаніе — надѣляетъ...

102,20. *Совр.* стр. 55:

...право на это? — Изъ этого можно — заключить...

102,34. *Совр.* стр. 55:

...совершенный — успѣхъ приведенной системы. — Но...

111,25. *Совр.* стр. 61:

...въ филологическія — или метафизическія — тонкости...

„Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“.

159,38. Въ *Современникъ* 1860, № 1, стр. 164:

...не возмущаетъ — явленіе, — регулярно...

*) Большинство педагогическихъ статей Д-ва не было переиздано. Ихъ тексты не имѣютъ вариантовъ. Изъ статей печатавшихся въ *Совр.* и вошедшихъ въ 1-е изд. пострадали отъ цензуры статьи Пироговскаго цикла, отсюда — варианты. При печатаніи вариантовъ слова общія обоимъ текстамъ набраны разрядкою и отдѣлены отъ варианта чертою.

Цифры обозначаютъ стр. и строки наст. изд.

172,24. *Совр.* стр. 173:

...въ сторонѣ — всю неблаговидность — послѣдняго...

173,20. *Совр.* стр. 173:

...принудили! — И это постановляется въ правилахъ, имѣющихъ цѣлю развитіе въ учащихся чувства законности—
...стоитъ только...

178,27. *Совр.* стр. 177:

...стало какъ-то — тяжело и неловко, когда мы погрузились въ „Правила — о проступкахъ...

181,23. *Совр.* стр. 179:

И сами эти — противники розогъ — при всей...

Примѣчанія *).

Первые опыты.

1. „Очеркъ направленія іезуитскаго ордена, особенно въ приложеніи къ воспитанію и обученію юношества.“ Печатается въ 1-й разъ съ рукоп. АЛФПБ. Студенческое сочиненіе. Сп. Ш. Въ рукописи 142 стр., форматъ тетрадный. Подписано: Н. Добролюбовъ. На поляхъ примѣч. карандашомъ, очевидно, проф. Гл. П. Инст., читавшаго рукопись. Д—въ началъ эту работу еще въ концѣ 1855. Направленіе его мыслей очевидно измѣнилось, пока онъ работалъ надъ нею. Вотъ что онъ пишетъ 5 Янв. 1856 М. А. Кострову: „Вы, помнится, писали въ академіи сочиненіе о трудахъ отцовъ іезуитовъ и сказывали мнѣ, что имѣли подъ руками при этомъ какія-то французскія книги. Теперь я тоже занимаюсь исторіей іезуитскихъ школъ. У меня есть Crétineau-Joly, Michelet и Constitutions des Jesuites. Но Constitutions—слишкомъ обширны, Michelet очень отзывается республиканствомъ, а Crétineau самъ совершенный іезуитъ. Не можете ли вы сообщить, мнѣ заглавія тѣхъ сочиненій, которыми вы пользовались?“ Подано сочиненіе было, очевидно, уже въ 1857 г.

6,23. Робертсонъ—англ. историкъ; Д-въ имѣетъ въ виду History of Charles XV. L. 1769.

10,9. Упомянутая здѣсь книга Паоло Сарни въ особомъ смыслѣ симпатизируетъ реформаціонному движенію. Она вышла въ Лондонѣ въ 1619, въ 1736 она переведена по франц. Собр. сочиненій Паоло Сарки въ 24 т. Неаполь 1790.

20,5. Книга Раумера вышла 1846 г. Она значится въ каталогѣ Педаг. Института.

*) Цифры обозначаютъ стр. и строки наст. изд.

39,18. „Критическое Обзорѣніе Педаг. Лит.“—отрывокъ печатается въ первый разъ по рук. АЛФ. Свои педагогическія свѣдѣнія Д-въ черпалъ, повидимому, изъ бібліотеки Института. Для этого отрывка онъ пользовался слѣд. книгой: Pädagogische Real-Encyclopädie bearb. v. K. G. Hergang. 2 Bde. 1847.

42. Упоминаемыя здѣсь книги названы въ Энцикл. Hergang'a. Heusinger, Versuch eines Lehrbuchs der Erziehung. (Lpz. 1795) значится и въ каталогѣ Пед. Инст.. Книгъ Kajetan von Weiler'a, Ueber den Zweck der Erziehung nach Kant'schen Grundsätzen (Regensburg 1826) и Versuch eines Lehrgebäudes der Erziehungskunde (München 1802) Д-въ, очевидно, не видѣлъ, т. к. называетъ автора неточно. Полное заглавіе книги Нимайера, которой пользовался Д-въ таково: Niemaуer, Ueberblick der allgemeinen Geschichte der Erziehung nebst einer speziellen pädagogischen Characteristic des XVIII Jahrh. 9-te Ausg. 1835. Книга переиздается съ дополненіями до сихъ поръ.

[О Педагогическихъ журналахъ]

44. Печатается въ 1-й разъ съ рукоп. АЛФ. Начальная фраза этого отрывка показываетъ, что онъ предназначался для какого-нибудь опредѣленнаго органа. Была ли однако гдѣ нибудь она напечатана, выяснить не удалось. Судя по тому, что нѣтъ заглавія и нѣтъ упоминанія объ этой статьѣ въ спискахъ произв. Д-ва, надо думать, что тутъ такъ же, какъ и въ предш. статьѣ мы имѣемъ дѣло съ наброскомъ. Статья написана въ самомъ началѣ 1857, когда начали выходить въ свѣтъ оба конкурирующіе *Журналъ для Воспитанія Чумикова* и *Русск. Педагогическій Вѣстникъ* Вышнеградскаго. Послѣдній былъ профессоромъ Д-ва по Институту, съ первымъ онъ познакомился въ Январѣ 1857 г., причемъ Чумиковъ прямо сказалъ Д-ву, что поведетъ журналъ „въ либеральномъ духѣ.“ Чумиковъ служилъ при либеральномъ поп. учебн. округа кн. Щербатовъ. См. „Дневникъ“ Д-ва подъ 12 Янв. 13 и 29 Янв., въ Дневн. записаны недоброжелательныя замѣчанія о журналѣ Чумикова пр. Вышнеградскаго, причемъ 8 Февр. онъ названъ подлой „душонкой“.

Отчеты Главнаго Педагогическаго Института.

51. „Письмо къ директору Пензенской гимназіи“. АЛФ. Печатается въ 1-й разъ съ рукоп.

Свѣдѣнія, сообщенныя въ предисловіи отъ *ред.*, почерпнуты изъ „Воспоминаній“ Шемановскаго. О тѣхъ отношеніяхъ, которыя завязались между дир. Института И. И. Давыдовымъ и студентами, подробно рассказано въ біогр. очеркѣ. И. И. Давыдовъ былъ академикомъ, хотя научныхъ трудовъ и не оставилъ. См. замѣчанія о его личности въ „Дневникѣ“ Никитенка. Когда умеръ Давыдовъ 15 Ноября 1863 г., Никитенко записываетъ: „Вотъ И. И. Давыдовъ, скончавшись, какую нехорошую память о себѣ оставилъ: вчера члены Академіи нашего отдѣленія просили меня вовсе не говорить о немъ въ отчетѣ, такъ какъ дурно, т. е. правдиво, о немъ что-нибудь сказать, особенно съ кафедры, не приходится, а хорошее все было бы сочтено за ложь, и никто бы ему не повѣрилъ. Въ самомъ дѣлѣ, такъ-ли виноватъ Ив. Ив.? Разумѣется, онъ былъ не лучше, да и не хуже другихъ. Хуже другихъ онъ былъ только тѣмъ, что былъ невоздержнѣе въ господствующихъ или главныхъ своихъ порокахъ, корыстолюбіи и мелкомъ честолюбіи. А невоздержность эта не то, чтобы заставляла его дѣлать зло другимъ—онъ вовсе не былъ золъ по природѣ своей—а побуждала унижать себя пресмыкательствомъ и исканіями передъ сильными“. (Изд. 1905 г. II стр. 151).

53. „Описаніе Главнаго Педагогическаго Института въ нынѣшнемъ его состояніи. Спб. 1856“. Изъ *Совр.* 1856, VIII (Августъ), „Новыя книги“, стр. 21—26. Подписи нѣтъ. Нап. въ 1-мъ изданіи. Д—въ самъ характеризуетъ свою первую статью о Педагог. Инст. въ письмѣ 1-го Авг. 1856 къ Турчанинову: „Въ *Совр.* пропущена уже статейка о нашемъ послѣднемъ актѣ, наполненная самыми злокачественными выписками изъ него. Написана она въ такомъ духѣ, какъ, напримѣръ, статья о стихотвореніяхъ Ростопчиной, и, разумѣется, Бекетовъ [цензоръ] ея не понялъ. Но Некрасовъ, боясь все-таки, что Давыдовъ будетъ жаловаться, спросилъ разрѣшенія у Щербатова [попечителя Учебн. Окр.]; тотъ сказалъ очень просто: „Да помилуйте, въ чемъ же вы затрудняетесь? Печатайте смѣло; вѣдь это же извѣстный негодяй...“ Печатая это письмо, Чернышевскій замѣчаетъ, что именно онъ передалъ статью Д-ва Некрасову. Чернышевскій былъ тутъ вдохновителемъ Д-ва. Они видѣлись очень много какъ разъ лѣ-

томъ 1856 и сблизились. Упомянутая статья о Ростопчиной принадлежитъ ему (См. Собр. Соч., т. II, стр. 296). Въ николаевское время приходилось нерѣдко наиболѣе зловредныя книги и взгляды какъ бы расхваливать, чтобы, прикрывшись благонамѣреннымъ одобреніемъ, ярче выставить ихъ негодность или раболѣпство. Вотъ къ этому приему прибѣгъ Д-въ въ статьѣ объ Институтѣ. Такой же приемъ, вѣроятно по совѣту Чернышевскаго, былъ пущенъ Д-вымъ въ ходъ позднѣе въ отзывѣ на книгу бар. Корфа „Восшествіе на престолъ имп. Николая I“ (Совр., 1857, IX). Но эту статью Чернышевскій уже не включилъ въ собр. соч. своего друга. Времена перемѣнились. Можно было писать честнѣе. Рабскій приемъ притворной похвалы и благонамѣренной лести, даже когда дѣло шло о томъ, чтобы высказаться о такихъ опасныхъ предметахъ, какъ декабристы, надо было оставить. Статья о бар. Корфѣ и вызвала неудовольствіе друзей Д-ва. Они не были справедливы, но поводъ Д-въ для нихъ давалъ (см. отд. публицистики т. VII и прим.). Въ некрологѣ по Д-вѣ Чернышевскій однако писалъ, что статья о Педаг. Инст. была приписана ему и „доставила безчисленныя оваціи“ (Собр. Соч., т. VIII стр. 361). Что статья эта приписывалась Чернышевскому видно и изъ Дневника Д-ва за 1857 годъ. Подъ 13 Янв. разсказывается, что онъ познакомился съ ценз. Бекетовымъ. Оказалось, что онъ вполне сознательно пропустилъ статью. „Отличный человѣкъ!“ — восклицаетъ о немъ Д-въ. Они стали на дружескую ногу. Сохранилась записка, въ которой Бекетовъ восхищается статьей Д-ва о „Наканунѣ“ Тургенева и называетъ его вторымъ Бѣлинскимъ. Вотъ со словъ Бекетова Д-въ и записалъ, что начальство Института наводило справки, кто авторъ статьи. Спросили Панаева, онъ и указалъ на Чернышевскаго, „а его успѣли даже очернить передъ министерствомъ“. Чернышевскій какъ-будто прикрылъ Д-ва. Но опасность не могла миновать такъ легко. Въ письмѣ 3 Авг. Д-въ пишетъ Д. Д. Лаврскому: „Говорятъ, что мой путь смѣлой правды приведетъ меня когда нибудь къ гибели“. Путь его еще нельзя назвать смѣлымъ, но съ этого времени, подозрѣваемый или нѣтъ, какъ знать, Д-въ въ открытой борьбѣ съ Давыдовымъ.

60. „Краткое историческое обозрѣніе дѣйствій Главнаго Педагогическаго Института. 1828—1850 г. Спб. 1859 г.“ Изд. *Совр.* 1859, VIII (Августъ), „Новыя книги“, стр. 299 — 308. Подписи нѣтъ. Нап. въ 1-омъ изд.

Въ этой статьѣ впервые сказалаь одна изъ благороднѣйшихъ чертъ Д-ва-публициста. Можно было какими угодно средствами бороться съ цензурой, но пользоваться послабленіями ея, чтобы задешево либеральничать—этого нельзя. Педаг. Инст. былъ закрытъ и И. И. Давыдовъ доживалъ послѣдніе годы, утративъ всякое вліяніе. (О закрытіи Инст. см. *Библ. для Чит.* 1857, Іюль, „Совр. Русск. Лит.“ стр. 8—17). Его главный врагъ Д-въ и пишетъ противъ его новыхъ враговъ, прежде не смѣвшихъ выступать ни открыто, ни замаскировано, а не противъ него. Какое впечатлѣніе произвела статья мы узнаемъ изъ письма Д-ва 20 Сент. 1859 къ его товарищу И. И. Бордюгову: „А кстати, — что же ты не благодарилъ меня за прощальное слово Давыдову, сказанное въ прошлой книжкѣ *Современника*? Я думаю, онъ былъ доволенъ моимъ привѣтомъ его падшему величію... По крайней мѣрѣ Никита остался доволенъ, на свой счетъ, и говорилъ кому-то изъ студентовъ: „читали вы какъ въ *Современникѣ* Давыдова и Смирнова. ругаютъ? Это все Добролюбовъ пакостить“... Сердечный, слона то и не замѣтилъ въ моей рецензіи...“ Изъ письма къ тому-же Бордюгову 5-го Сент. видно, какое произвела впечатлѣніе статья на правительственные круги: „Рецензія моя о Педагогическомъ Институтѣ... надѣлала непріятность *Современнику*: перемѣнили цензора, хотѣли задержать книжку, и теперь почти каждую статью рассматриваютъ въ цѣломъ цензурномъ комитетѣ“.

74. „Партизанъ И. И. Давыдовъ во время Крымской войны“. Изъ *Колокола* 1858, № 23—24, 15 IX. На авторство этой замѣтки Д-ва указываетъ его товарищъ Шемановскій. Статья была послана въ *Колоколъ* еще въ студенческіе годы, но ее не сразу напечатали.

По поводу педагогической дѣятельности Пирогова.

Сочиненія Н. И. Пирогова изданы „Пироговскимъ Товариществомъ“ въ 2-хъ томахъ, Спб. 1910. О немъ см. П. Е.

Каптеревъ „Исторія русск. педагогій“, Спб. 1910 г. И отдѣльно: Ю. Т. Малисъ „Н. И. Пироговъ“ (въ „Біогр. Библ.“ Павленкова) и В. М. Грейцъ „Н. И. Пироговъ“, Кіевъ 1899 г. Этапы педагогической дѣятельности Пирогова таковы: послѣ отсылки его съ театра военныхъ дѣйствій изъ Севастополя въ 1856, онъ печатаетъ въ *Морскомъ Сборникѣ* свои „Вопросы жизни“; *Морск. Вѣстн.* руководилъ тогда вел. кн. Константинъ Николаевичъ; тогда же Пироговъ получаетъ назначеніе попечителемъ учебнаго округа въ Одессу; тутъ онъ остается два года, но скоро, вслѣдствіе неудовольствій администраціи, переводится въ Кіевскій учебный округъ (1858—1861). Слѣдующія пять лѣтъ уже вернуть Пирогова къ его специальности, какъ профессора медицины, а съ 1866 г., вновь уволенный со вступленіемъ на постъ министра нар. просв. Д. А. Толстого, Пироговъ жилъ уже частнымъ человѣкомъ, преимущественно въ своемъ имѣніи въ Подольской губ..

84. „О значеніи авторитета въ воспитаніи“. Изъ *Совр.* 1857, V (Май), отд. II, стр. 43—64. Въ *Совр.* озаглавлено было „Нѣсколько словъ о воспитаніи“. Подписано: Н. Л. Нап. въ 1-омъ изд.

115. „Собраніе литературныхъ статей Н. И. Пирогова“ и „Рѣчи“ на торж. Собр. Моск. Практ. Ак. Изъ *Совр.* 1859, II (Февраль), „Русская литература. Новыя книги“ стр. 272—283.

Не подписана. Нап. въ 1-омъ изд.. М. Я. Киттары занималъ кафедру технологій. Такая кафедра была учреждена въ Московскомъ Универс. въ 1857. Ее и занялъ Киттары, переведенный изъ Казани. Киттары — не педагогъ. Ему принадлежитъ цѣлый рядъ изобрѣтеній и техническихъ усовершенствованій по винокурению, по издѣлію свинцовыхъ бѣлилъ, по изготовленію консервовъ. Въ серединѣ 50-ыхъ годовъ, еще въ бытность его въ Казани, Киттары напечаталъ нѣсколько специальныхъ статей въ *Русск. Вѣстн.* Каткова.

130. „Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ Собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ 17-го декабря 1858 г.“ Изъ *Журнала для Воспитанія*, 1859, т. V. отд. II, стр. 226, Подп. Д-въ. Сп. Чум.

141. „Рѣчи и отчетъ, читанные въ торжественномъ Собраніи Московской Практической Академіи Коммерческихъ наукъ, 17-го декабря 1859 г.“ Изъ *Совр.* 1860, I, „Новыя книги“, стр. 97. Не подписано. Нап. въ 1-омъ изд.

150. „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами.“ Изъ *Совр.* 1860. I (Январь), отд. III, стр. 157 — 182. Подписано: Н.—бовъ. Нап. въ 1-омъ изд.

153—4. Гр. В. П. Орловъ - Давыдовъ — съ 1862 г. петербургскій предводитель дворянства, подавшій Александру II адресъ о дарованіи Земскаго Собора олигархическаго типа. Его и кн. Черкаскаго статьи въ 50-ыхъ годахъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ возмутили весь журнальный міръ и особенно *Русск. Вѣстн.* Каткова, но цѣль этихъ статей, дѣйствительно, имѣла то сходство со статьями Пирогова, что авторы ихъ отнюдь не были презирающими крестьянъ защитниками порки. Ихъ признаніе розогъ было лишь тактическимъ приемомъ.

185. „Отъ дождя да въ воду.“ Изъ *Совр.* 1861, VIII, стр. 363 — 392. Подписано: Н. — бовъ. Нап. въ 1-омъ изд. Упоминаемый въ этой статьѣ извѣстный украинскій общественный дѣятель М. Драгомановъ въ своей „Автобіографіи“ (*Былое* 1906, VI) о своей полемикѣ съ Д-вымъ не говоритъ вовсе. За то онъ ярко очерчиваетъ смѣлыя начинанія Пирогова въ послѣдній годъ его попечительства въ Кіевскомъ Учебномъ округѣ. Драгомановъ былъ въ числѣ тѣхъ студентовъ, которымъ Пироговъ разрѣшилъ устройство первыхъ въ Россіи Воскресныхъ Школъ. На жизни Университета тоже отразилась дѣятельность попечителя. Университетъ пользовался полной автономіей. Поэтому, когда въ 1861 г. Пироговъ былъ отозванъ, кіевское общество не могло не отозваться. На обѣдѣ Пирогову говорилъ рѣчь тотъ же Драгомановъ, и это было первымъ его выступленіемъ, какъ общественнаго дѣятеля. Рѣчь его была издана историкомъ Шульгинымъ отдѣльной брошюрой и перепечатана въ *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника* Каткова. За всѣ эти событія ректоръ Универс. проф. Бунге, будущій министръ финансовъ, получилъ выговоръ.

339. „Приключенія маленькаго барабанщика“. М. Эттингера. *Журн. для Восп.*, 1858, IV, отд. V. Кр. и библ., стр. 99. Ст. не подп. Сп. Чум.

343. „Школа“. *Журн. для Восп.*, 1858, IV, отд. V. Кр. и библ., стр. 300. Ст. не подп. Сп. Чум.

346,28. То же. *Совр.*, 1858, IX. Кр. и библ., стр. 63. Ст. не подп. Сп. Ч.

357. „Природа и люди“. Вып. II. *Журн. для Восп.*, 1858, IV, отд. V. Кр. и библ., стр. 303. Ст. не подп. Сп. Чум. Ср. выше стр. 324 и прим.

365,5. То же. *Совр.*, X. Кр. и библ., 200. Близость со статьей въ *Журн. для Восп.* даетъ достаточное право приписать ее Д-ву. Этого нельзя сказать объ отзывѣ на вып. I въ *Совр.*, 1858, IV, гдѣ эта книжка оговорена вмѣстѣ съ другой. Д-въ не одинъ писалъ рецензіи въ 1858 г. Если онъ и отвѣчаетъ на полемику, это не значитъ, что полемика касалась его. Напротивъ. Именно возникновеніе полемики могло заставить его поднять перчатку, брошенную собственно вообще *Современнику*, а вовсе не рецензенту.

369. „Указатель горигорѣцкихъ земл. учебн. зав“. *Журн. для Восп.*, 1858, IV, отд. V. Кр. и библ., стр. 309. Ст. не подп. Сп. Чум.

370. „О необходимости построить науку о слогѣ“ В. Баева. *Журн. для Восп.*, 1858, IV, V. Кр. и библ., стр. 310. Ст. не подп. Сп. Чум.

371. „Русская грамматика“ и „Упрощенная арифметика“. *Журн. для Восп.*, 1858, IV, отд. V. Кр. и библ., стр. 311. Ст. не подп. Сп. Чум.

372. „Первое чтеніе“. А. Ишимовой. *Журн. для Восп.*, 1859, V, отд. IV. Кр. и библ., стр. 54. Ст. не подп. Сп. П.

374. „Маменькины уроки“. А. Ишимовой. *Журн. для Восп.*, 1859, V, отд. IV. Кр. и библ., стр. 56. Ст. не подп. Сп. П.

375. „Четыре дѣтскихъ книжки“. *Журн. для Восп.*, 1859, V, отд. IV. Кр. и библ., стр. 56. Ст. не подп. Сп. П.

379. „О физическомъ воспитаніи“. Николая Массе. *Журн. для Восп.*, 1859, V, отд. IV. Кр. и библ., стр. 59. Ст. не подп. Сп. П.

384. „Совершенный человекъ“. К. Костанжогло. *Журн. для Восп.*, 1859, V, отд. IV. Кр. и библи., стр. 63. Ст. не подп. Сп. П. Эта книга оговорена вмѣстѣ съ другими и въ *Совр.* 1859, XII. Но принадлежность ея Д-ву ничѣмъ обоснована быть не можетъ, хотя по манерѣ и похожа на его отзывы.

387. „Исторія рыцарства“. Руа. *Журн. для Восп.*, 1859, V, отд. IV. Кр. и библи., стр. 278. Ст. подп.: Д-въ. Сп. П.

390,16. То же. *Совр.* 1859, III. Кр. и библи., ст. 74.

392. „Сборникъ изъ произв. совр. русск. писателей“. *Журн. для Восп.*, 1859, V, отд. IV. Кр. и библи., стр. 280. Ст. подп.: Д-въ. Сп. П.

394—399. „Дѣтскія книжки“. *Журн. для Восп.* 1859, V, отд. IV, стр. 281—285. Каждая ст. подп.: Д-въ. Сп. П.

399. „Practischer Leitfaden“, bearb. von I. Pehleman. *Журн. для Восп.* 1859, V, отд. IV. Кр. и библи., 353. Ст. не подп. Сп. П.

404. „Басни и баснописцы“. *Журн. для Восп.* 1859, V, отд. IV. Кр. и библи., стр. 357. Ст. не подп. Сп. П.

408. „Учебникъ русск. яз.“ И. Соснецкаго. *Журн. для Восп.* 1859, VI, стр. VI. Кр. и библи., стр. 53. Ст. не подп. Сп. П.

411. „Краткая свящ. исторія“ *Журн. для Восп.* 1859, VI, отд. VI, стр. Кр. и библи., 55. Ст. не подп. Сп. П.

412. „Деревня“ *Журн. для Восп.* 1859, VI, отд. VI. Кр. и библи., стр. 56. Ст. не подп. Сп. П. Книжка эта написана извѣстной дѣтской писательницей А. А. Дестунисъ, урожденной Крыловой.

414,25. То же. *Совр.* 1859, VII. Кр. и библи., стр. 101. Сп. Ч.

418. „Бесѣды съ дѣтьми“. А. Пчельниковой. *Журн. для Восп.* 1859, VI, отд. VI. Кр. и библи., стр. 58. Ст. не подп. Сп. П.

420—433. „Учебники русской исторіи“ Н. Тимаева и С. Соловьева. Тимаевъ, старый педагогъ отживающаго типа, не могъ выдержать сравненія съ знаменитымъ уже тогда историкомъ и профессоромъ Московскаго Университета Соловьевымъ. Ужъ восемь лѣтъ какъ выходила его „Исторія

Росси“. Соловьевъ самъ былъ сотрудникомъ *Современника*, и въ *Современникѣ* же Кавелинъ привѣтствовалъ его докторскую диссертацию (1847 г. См. Полн. Собр. Соч. СПб. 1897, т. I). Учебникъ Соловьева съ 1859 до 1902 г. выдержалъ одиннадцать изданій. Замѣна его въ гимназіяхъ „Учебникомъ“ Иловайскаго составляетъ одинъ изъ наиболее непростительныхъ грѣховъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Ср. о Тимаевѣ отзывъ Чернышевскаго въ 1861 г. Собр. Соч., т. VIII, стр. 180 и сл.

420,15. „Краткое изложеніе“. Тимаевъ. *Журн. для Восп.* 1859, VI, отд. VI. Кр. и библ., стр. 102. Подп.: Д-въ. Сп. П.

424,15. „Учебная книга“. С. Соловьева. *Журн. для Восп.* 1859, VI, отд. VI. Кр. и библ., стр. 105. Подп.: Д-въ. Сп. П.

428,29. „Учебная книга“ и „Краткое Изложеніе“. *Совр.* 1859, V. Кр. и библ., стр. 116.

434. „Суворовъ“ и „Кольцовъ“. *Журн. для Восп.* 1859, VI, отд. VI. Кр. и библ., стр. 109. Подп.; Д-въ. Сп. П. Книжка о Кольцовѣ написана самимъ Д — вымъ, см. т. III наст. изд.

437. „Основные законы воспитанія“. Миллера-Красовскаго. *Совр.* 1859, VI, новыя книги, стр. 331, Нап. въ I-омъ изд. Имя Миллера-Красовскаго благодаря Д-ву стало нарицательнымъ, и самъ—наиболѣе яркимъ показателемъ обскурантизма. И журнальный походъ противъ него увѣнчался успѣхомъ. Его непосредственное начальство нашло нужнымъ заявить печатно, что оно вовсе не солидарно съ высказанными имъ взглядами на приемы воспитанія. См. объ этомъ въ *Библ. для Чтенія*, т. CLVI (1857). Литер. Лѣтопись, стр. 19.

447,33. То же. *Журн. для Восп.* 1859, VI, отд. VI. Кр. и библ., стр. 154. Сп. Ч.

453. „Природа и люди“. *Журн. для Восп.* 1859, VI, отд. VI. Кр. и библ., стр. 159. Сп. П.

456. „Грамматики“ Новаковскаго и Алейскаго. *Журн. для Восп.* 1859, VI, отд. VI. Кр. и библ., стр. 161. Сп. П.

466. „Краткое излож.“ Лапина. *Журн. для Восп.* 1859, VI, отд. VI. Кр. и библ., стр. 224. Сп. П.

473. „Искусство сохранять память“ Гартенбаха. *Журн. для Восп.* 1859, VI, отд. VI. Кр. и библи., стр. 229. Сп. П.

474. „Объ училищахъ для дѣвицъ“. *Журн. для Восп.* 1859, IV, отд. IV. Кр. и библи., стр. 230. Сп. П.

475. „Стихотворенія для дѣтей“ Федорова. *Журн., для Восп.* 1859, VI, отд. VI. Кр. и библи., стр. 233.

477,21. Тоже. *Совр.* 1858, VI.

481. „Учебники всеобщ. исторіи“. В. Шульгина и И. Шульгина. *Совр.* 1859, II, Новыя книги, стр. 257. Сп. Ч. И. Шульгинъ былъ педагогомъ стараго типа. Онъ служилъ въ военномъ вѣдомствѣ. Виталій Яков. Шульгинъ—извѣстный историкъ и редакторъ *Кіевлянина*, проф. Кіевскаго Университета. Онъ принадлежалъ къ близкимъ Пирогову людямъ въ Кіевѣ. Учебники Шульгина долго считались лучшими, но, такъ же, какъ и учебникъ Соловьева, были замѣнены Иловайскимъ. Еще въ 80-ыхъ годахъ болѣе независимые учителя исторіи рекомендовали читать Шульгина. Объ его учебникахъ см. *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1868, Мартъ.

492. „Учебникъ“ В. Шульгина и Вебера. *Совр.* 1859 IX. Новыя книги, стр. 143. Ссылка на предш. статью.

495. „Уроки естественной исторіи“. Ходецкого и Горизонтова. *Совр.* 1859, X. Новыя книги, стр. 377. Оригиналъ находится въ АЛФПБ.